

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические записи.

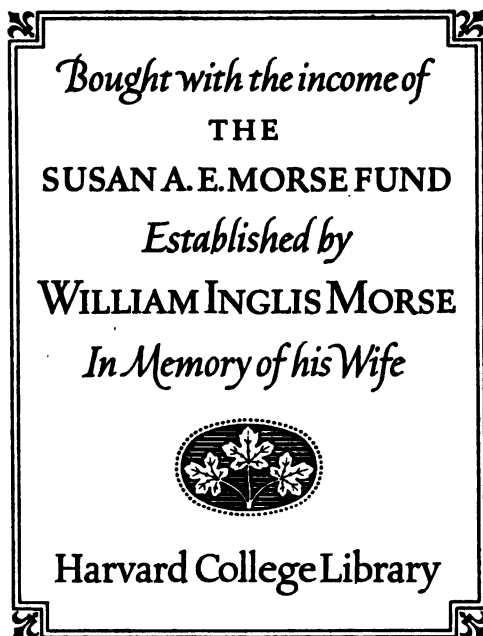
Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические записи.
Не отправляйте в систему Google автоматические записи любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 620.5 ($\frac{1905}{14}$)

1905. 14.
4

АПРѢЛЬ.

1905.

РУССКОЕ БОГЯТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Р. Б.

1905. IV

4

изд. 2004

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клубукова, Лиговская ул., д. 34.

1905.

2
Pslav 620. 5 (1905)
4

Pl. 4

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 30 апрѣля 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

	СТРАН.
1. Людоѣды. Разсказъ. <i>В. І. Дмитріевой</i> . Окончаніе.	3— 26
2. Рабочій вопросъ въ сельской Англіи. Историческій очеркъ. <i>Н. С. Щетинина</i>	27— 60
3. Въ тюрьмѣ. Стихотвореніе <i>Сергѣя Е—ва</i>	60
4. Контры. Разсказъ. <i>С. Елеонскаго</i>	61— 91
5. Что такое воля? <i>М. Колоколова</i> . Окончаніе.	92—128
6. * * Стихотвореніе <i>Г. Галиной</i>	128
7. Деревенскія картины. Наброски съ натуры. <i>М. Волконской</i>	129—147
8. Островъ Сахалинъ. <i>П. Ю. Шмидтъ</i>	148—185
9. Сотскій. Разсказъ. <i>С. Семенова</i>	186—195
10. Аббатъ Жюль. Романъ. <i>Октава Мирбо</i> . Переводъ съ французскаго <i>С. Б.</i> Продолженіе.	196—279
11. Изъ тюремныхъ мелодій. Стихотворенія <i>Ал. Ленцевича</i>	279—280
12. Труженики. Романъ. <i>А. Килланда</i> . Переводъ <i>Е. И. Саблиной</i> . Окончаніе (Въ приложеніи).	129—153
13. Ничше и Брандесъ. <i>А. Горнфельда</i>	1— 25
14. De profundis (Письмо изъ Англіи). <i>Діонео</i>	26— 45
15. Новыя книги: С. Елпатьевскій. Разказы.—А. Крандіевская. Разказы.— Арнольдъ Аріэль. Долой женщинъ.—Л. Сулержицкій. Въ Америку съ духоворами.—Танъ. Русскіе въ Америкѣ.—Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь.—Стихотворенія <i>Е. К. Кристи</i> .—Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ.—А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи.— <i>Н. Бѣлозерскій</i> . Записки учителя.—Ольга Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы.—Ив. Наживинъ. Среди могилъ.—Ч. Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія	

(См. на оборотѣ)

- литературы.—Вл. Розенбергъ и В. Якушкинъ. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ.—М. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ.—В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества.—Т. Богдановичъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи.—О бесплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 45— 72
16. Популярная литература о Японіи. *А. Николаева*. 73— 81
17. Политика: Около мира и войны. — Англійская политика. — Мароккскія осложненія. — Конфликтъ въ Венгріи.—Его возможные отголоски. — Къ еврейскому вопросу въ Россіи. *С. Н. Южакова* 81— 97
18. Хроника внутренней жизни: V. Народъ и интеллигенція.—VI. О томъ, какъ ѣдетъ Улита.—VII. Растерявшіеся націоналисты.—VIII. Дворянская декларация и г. Шиповъ въ качествѣ ея обоснователя. — IX. Почему намъ нужно «последнее слово». *А. В. Пысехонова*. 97—127
19. Случайныя замѣтки: Новый вариантъ славянофильской политической доктрины. *П. Милукова*.—Образцы погромной литературы. *А. Петрищева*.—Націонализмъ, гуманность, нагайка, война. *В. К.*—О вѣротерпимости, объ урядникѣ Заичкѣ и о крестьянинѣ Ольховикѣ. *Вл. Короленко*.—Образчикъ губернаторскаго краснорѣчія. *А. З.*—Письмо отъ Генриха Гейне съ того свѣта къ Гейне изъ Тамбова (Доставлено адресатомъ въ редакцію «Русскаго Богатства»). *Генриха Гейне*. 152—154
20. Отчетъ конторы редакціи 154—156
21. Объявленія.

Л Ю Д О Ъ Д Ы.

Разсказь.

Была лунная майская ночь. Церковный колоколъ прозвонилъ часъ, и густой звукъ его долго сверлилъ тишину, падая все глубже и глубже въ бездну ночи. Потомъ гдѣ то далеко прогремѣли дрожки; ночной сторожъ спросонья громко заколотилъ въ колотушку и опять заснулъ... Соловей прислушался и робко свистнулъ, потомъ еще, еще, все смѣлѣе, все звонче,—и серебряный дождь звуковъ разсыпался надъ садомъ.

Степѣ не спалось, и, ворочаясь на своей жесткой постели, она никакъ не могла найти себѣ удобнаго положенія. Отекшія ноги казались длинными и тяжелыми, какъ деревянные колоды; что-то давило на сердце и трудно было дышать. Это повторялось теперь каждую ночь, и, прислушиваясь къ движеніямъ ребенка, Стеша думала со злостью: „ахъ, скорѣе бы ужъ!“

Вдругъ въ пустотѣ спящаго дома глухо прозвенѣлъ звонокъ, потомъ другой и третій, все громче и нетерпѣливѣе. Стеша испуганно вскочила. Кто бы это могъ быть? Вадичка, уходя, всегда бралъ съ собою ключъ, чтобы никого не будить ночью. Но звонокъ продолжалъ дребезжать. Стеша, переваливаясь на одеревенѣвшихъ ногахъ, въ одной рубашкѣ побѣжала въ переднюю.

— Кто тамъ?—спросила она черезъ дверь.

— Отвори... это я!—отозвался Вадичкинъ голосъ.—Ключъ... потерялъ, чортъ бы его...

Стеша поспѣшно отодвинула задвижку. Тяжело сопя, Вадичка вдвинулся въ переднюю и, пошатнувшись, сбросилъ на полъ надѣтую въ накидку шинель. Отъ него сильно пахло виномъ...

— Пр-ровалился!—пробормоталъ онъ и засмѣялся.—Понимаешь... съ тр-рескомъ... очень грандіозно! Ну, наплевать... Въ юнкер-ра поступлю...

— Спать идите!—сказала Стеша.—Зачѣмъ напились? Какъ

не стыдно, Господи...— Но Вадичка не шелъ и, покачиваясь, смотрѣлъ на Стешу.

— А ты дура! За что ты на меня злишься?—спросилъ онъ.

— Да вовсе я не злюсь. Чего мнѣ злиться: вы—баринъ, а я—горничная.

— Ты—горничная...—безсмысленно повторилъ Вадичка.— А я—баринъ! Ну, стало быть... и разговаривать нечего!

И, обнявъ Стешу за голыя плечи, онъ увлекъ ее въ свою комнату.

Стеша раздѣла его, уложила и, когда онъ уснулъ тяжелымъ, пьянымъ сномъ, вышла въ переднюю. Вышла—и обомлѣла: передъ нею, въ яркой полосѣ луннаго свѣта, вся бѣлая, въ бѣломъ чепцѣ, стояла Зинаида и злобѣще смотрѣла на нее своими впалыми глазами, которые въ полумракѣ казались неестественно-большими и страшными.

— Батюшки!—въ ужасѣ прошептала Стеша и закрыла лицо руками.

— Иди...—прошипѣла Зинаида, толкнувъ ее въ плечо.

Стеша покорно пошла впередъ, Зинаида на нее смотрѣла. И то, чего она не замѣчала раньше, что было скрыто подъ корсетомъ и крахмальными юбками, рѣзко бросилось ей въ глаза.

Пришли въ гардеробную. Стеша, вся мертвѣя отъ страха и стыда, сѣла на кровать. Зинаида остановилаcь передъ нею, и въ ея длинной бѣлой фигурѣ было что-то жестокое, неумолимое, какъ несчастье, какъ злая судьба.

— Мерзавка... Ахъ ты, мерзавка!—сказала, наконецъ, Зинаида.—Да какъ же это ты смѣла, гадина? Вѣдь ты брехатая?

Стеша молчала и тяжело, съ судорожными всхлипываніями, дышала. Тогда Зинаида, въ припадкѣ неистовой злобы и отчаянія, схватила ее за волосы и начала бить по спинѣ, по плечамъ, по лицу своими жесткими, сухими кулаками. Удары сыпались, какъ горохъ, въ полномъ молчаніи, и было что-то странное и страшное въ этой безмолвной вознѣ, среди таинственного сумрака лунной ночи. А за окномъ соловей безмятежно и радостно сыпалъ свои серебряныя трели.

Наконецъ, Зинаида устала бить и, оттолкнувъ отъ себя Стешу, вышла изъ гардеробной. Ноги и руки у нея тряслись, сердце билось прерывисто и по временамъ куда-то падало, во рту было сухо, и языкъ казался громаднымъ и жесткимъ, какъ суконка. Шатаясь, она подошла къ окну и отворила его; сверкающая ночь вошла въ ея душную, старушечью комнату и наполнила ее запахомъ молодости и весны. Соловей чокалъ и свисталъ, пьяный отъ любви; пахучіе кусты сирени, обсыпанные росой, какъ слезами, слушали соловьи-

ную пѣсню и, казалось, плакали отъ счастья. Ночная прохлада освѣжила Зинаиду; ей стало легче дышать, сердце забилось ровнѣе, и она заплакала.

— Что надѣлали! Ахъ, что надѣлали!..—шептала она, вытирая холодныя, старческія слезы рукавомъ кофточки.

И ей вспомнилась другая такая же ночь почти полвѣка тому назадъ.. Такъ же пѣли соловьи, такъ же плакала пахучая сирень, когда она, черноглазая Зинка, крадучись, выходила изъ барскаго кабинета. А черезъ нѣсколько мѣсяцевъ эта же самая Зинка въ лютый морозъ родила на чердакѣ мертваго ребенка, заболѣла родильной горячкой, сходила съ ума и, хотя выздоровѣла, но на всю жизнь осталась калѣкой безъ надежды на любовь, на счастье, на свободу. Рабой родилась, рабой и умереть,—вѣчной рабой, невидимыми цѣпями прикованной къ Тулупьевскому дому...

— Ахъ, что надѣлали!..

Потомъ ей вспомнилась недавно умершая Настенька, потомъ опять Стеша, несчастная, беременная, избитая Стеша, и въ первый разъ въ жизни Зинаида почувствовала что-то въ родѣ ненависти къ Тулупьевскому дому.

На другой день Зинаида вышла, угрюмая, поить Вадичку кофеемъ и съ новымъ, страннымъ чувствомъ всматривалась въ лицо своего питомца. Вадичка былъ не въ духѣ, капризничалъ, брюзжалъ, что кофе пахнетъ керосиномъ, что булки похожи на извозничьи рукавицы, и его прыщавое, опухшее послѣ попойки лицо показалось Зинаидѣ непріятнымъ и чужимъ. „Песья порода!“ подумала она и ничуть не удивилась, что такая деракая мысль пришла ей въ голову. „Папенька-то все добро на борзыхъ да на дѣвокъ прожилъ, такой же и сынокъ будетъ“. И опять что-то въ родѣ ненависти ко всему Тулупьевскому шевельнулось въ ея старомъ рабѣемъ сердцѣ.

Когда Вадичка ушелъ, Зинаида убрала посуду и заглянула въ гардеробную. Стеша, совсѣмъ одѣтая, лежала на постели, уткнувшись лицомъ въ подушку.

— Степанида!—строго окликнула ее старуха.

Стеша не отвѣчала и еще глубже зарылась въ подушку. Тогда Зинаида приблизилась къ ней и присѣла рядомъ на кровать.

— Ахъ ты, дура, дура... — сказала она, и въ голосѣ ея прозвучали мягкія, ласковыя ноты.

Стеша вся съежилась, точно отъ удара, и заревѣла.

— Дура!—повторила Зинаида.—Говорила я тебѣ, не слушалась: теперь нечего реветъ. Давно это?

— Не знаю...—послышалось изъ подушки.

— А кто же знаетъ, — безхвостый кобель, что ли? Когда?

— Въ барынины именины...—прошептала Стеша.

Зинаида подумала, озабоченно поглядѣла на Стешину затылокъ съ спутанными, нечесанными послѣ вчерашней трепки волосами и встала.

— Ну, вотъ что, дѣвка! — сурово сказала она. — Дѣло сдѣлано, назадъ не воротишь. Ты молчи только, молчи да и все тутъ, а когда время придетъ, оно само скажется. Больше ничего!

Стеша вскочила и, ринувшись передъ Зинаидой на колѣни, съ плачемъ стала цѣловать ея жесткія, морщинистыя руки. „Дитя малое!“ съ жалостью думала Зинаида. „Съ малыхъ и Богъ не взыскиваетъ. Куда толкнули, туда попала, а кто толкнулъ, тотъ и въ отвѣтъ. Господь Батюшка на страшномъ судѣ разберетъ...“

А Стеша, какъ бы отвѣчая на эти думы, бормотала, захлебываясь слезами:

— Зинаида Петровна, миленькая, и сама не знаю, какъ бѣда случилась... Охъ, ничего я не знаю, хоть убейте!.. Вадимъ Григорьевичъ позвали, я и пошла..

XV.

Между Стешей и Зинаидой завязались странныя отношенія. Прежде Стеша боялась Зинаиды и всячески старалась ей угодить, чтобы не навлечь на себя ея гнѣва; теперь, наоборотъ, Зинаида, какъ будто, боялась Стеши и ухаживала за ней, какъ за барыней. Она отстранила ее отъ всѣхъ тяжелыхъ работъ и строго слѣдила за тѣмъ, чтобы Стеша не лазила на чердакъ за бѣльемъ, не подымала тяжелого, не бѣгала бѣгомъ по лѣстницѣ. Все трудное она дѣлала сама, и хотя по временамъ ноги у нея слабѣли, сердце падало отъ усталости и голова кружилась, но Зинаида бодрилась и не допускала Стешу помочь ей.

— Пошла!—прикрикивала она на Стешу. —Куда ужъ тебѣ? Сиди, коли Богъ убилъ...

Корсетъ она у нея отобрала и спрятала къ себѣ въ сундукъ, и Стеша ходила теперь въ широкихъ безобразныхъ кофтахъ, отъ которыхъ животъ ея казался еще больше. Съ тѣхъ поръ, какъ ей не нужно было скрываться, она вся распустилась и стала лѣнивая, апатичная, неповоротливая.

Въ началѣ юня Вадичка тоже уѣхалъ въ деревню, и онѣ остались однѣ. Время шло тихо и безмятежно; покупали ягоды, варили варенье, ложились рано и много спали. Иногда Зинаида подсаживалась къ Стешѣ, и между ними

начиналась отрывистая, но полная глубокаго для нихъ смысла бесѣда.

— Ну, что? — таинственно спрашивала Зинаида, съ жаднымъ вниманіемъ оглядывая располнѣвшую фигуру Стеши. — Ворошится?

— Ворошится, Зинаида Петровна. Страсть толкается...

— Ну, ничего! — успокаивала ее Зинаида. — Дай Богъ, чтобы благополучно.

Но по временамъ на Стешу нападала какая-то тоска. Она потихоньку плакала и жаловалась Зинаидѣ, что ей страшно.

— Зинаида Петровна, миленькая, ой, помру я!..

— Не дури! — сердито говорила Зинаида. — Всѣ родятъ, да не помирають.

— Боюсь я.. больно тяжело!

— И всѣмъ тяжело. Ты думаешь, ты одна такъ? Ты только молчи, знай.

— Куда я съ нимъ дѣвусь? — тосковала Стеша.

— Ну, ужъ это не твое дѣло. Развѣ мало добрыхъ людей? На воспитаніе отдашь. За деньги всякій возьметъ.

— Какія у меня деньги, Зинаида Петровна? Только всего и зажила, что 40 цѣлковыхъ.

— Объ деньгахъ не тужи, дѣвка. Я тебѣ дамъ. Заживешь — отдашь, а не отдашь — Богъ съ тобой. Мнѣ все равно помирать скоро; въ могилу съ собой не возьму.

Стеша плакала и цѣловала костлявыя руки Зинаиды.

— Миленькая, Зинаида Петровнушка, вы мнѣ чисто мать родная! — шептала она. — Что бы я безъ васъ? Какъ казавка, пропала бы... И не чаяла — не гадала, что вы такая добрая...

— Проживи-ка 60 съ лишнимъ лѣтъ, будешь добрая! — возражала Зинаида, и объ погружались въ тихое молчаніе, каждая думая о своемъ, — Стеша о невѣдомомъ будущемъ, Зинаида — о прошломъ, и какъ у той, такъ и у другой эти думы были одинаково печальны и роднили ихъ общимъ сознаніемъ тяготы подневольной жизни. А мимо тихо плыли грустныя сумерки и нашептывали грустныя сказки о томъ, какъ на свѣтѣ гибнетъ молодость, какъ тяжела одинокая старость...

Вдругъ Стеша вагравивала и съ испуганнымъ крикомъ схватывалась за грудь.

— Что ты? — спрашивала Зинаида.

— Охъ, забился... Даже въ голову ударило.

Это трепетаніе новой жизни разсѣивало мракъ вокругъ нихъ и давало мыслямъ другой ходъ.

— Мальчикъ, должно быть... — шепотомъ говорила Зинаида. — Если мальчикъ, какъ назовешь?

— Не знаю.

— Гришенькой назови...—совѣтовала Зинаида, улыбаясь въ потемкахъ и вспоминая о свѣтлой майской ночи полвѣка тому назадъ.

— Хорошо. А если дѣвочка будетъ, я ее по васъ назову, Зинаида Петровна,—Зиночкой...

— Ну ужъ, нашла тоже!.. — возражала Зинаида, но въ душѣ была довольна. Ей было пріятно думать, что вотъ она умереть, а на свѣтѣ всетаки останется какая-то другая Зиночка, и будетъ жить, и, можетъ быть, когда-нибудь вспоминать о своей старой теткѣ и помолится за ея грѣшную душу.

Въ концѣ августа вернулась изъ Петербурга м-ме Тулупьева, а потомъ пріѣхалъ изъ деревни и Вадичка. Онъ растолстѣлъ, загорѣлъ, говорилъ настоящимъ мужскимъ басомъ, и на подбородкѣ у него показалась густая, твердая щетина. М-ме Тулупьева кисло на него посматривала: у нея были разстроены нервы разлукой съ Тотопшей, а Вадичка не обращалъ на это никакого вниманія, говорилъ какъ-то особенно громко, ходилъ, точно гвозди вбивалъ въ полъ, и съ утра до вечера насвистывалъ дурацкую деревенскую пѣсню „Ой, папаша, ой, мамаша, пожалѣйте дочку вашу!“ Но этого было мало, онъ приготовилъ ей еще одинъ сюрпризъ и въ первый же день своего пріѣзда объявилъ, что ни за что не будетъ больше ходить въ эту идиотскую гимназію, а поступить въ юнкерское училище. М-ме Тулупьева страшно разстроилась, полетѣла къ директору гимназіи, и общими усиліями имъ едва-едва удалось уговорить Вадичку просидѣть еще годикъ въ VI классѣ.

— Вѣдь онъ очень способный мальчикъ! — улещалъ директоръ м-ме Тулупьеву.—Вотъ перейдетъ въ VII классъ и образумится. Это у него временное... такъ сказать, броженіе крови.

— Ужасно, ужасно! — жаловалась м-ме Тулупьева тетѣ Лидѣ. — Просто не знаю, что съ нимъ дѣлать, совсѣмъ не хочетъ учиться!

— Patience, ma chère!—успокаивала ее тетя Лида.—Всѣ мальчики такіе. C'est quelque chose de suggestion diabolique. Надо имъ перебѣситься. Помнишь Жоржа Медынского? Il était près de sa perte, а теперь? Женился, прекрасный семьянинъ и земскій начальникъ! Que voulez-vous?

Успокоившись немного насчетъ Вадички, м-ме Тулупьева вспомнила и о другихъ домашнихъ дѣлахъ.

— Ну, что, Зинаида, все у насъ благополучно?—спросила она.

— Слава Богу, сударыня. Варенья наварили десять пудовъ, огурцовъ, яблоковъ насолили, теперь капусту надо

рубить. Кучеръ Андрей съ лошадьми изъ деревни пришелъ. Поваръ старый наниматься приходилъ, не знаю, какъ прикажите.

— А гдѣ это... Даша или Сапа... не помню. Что это я ея не вижу?

— Нездорова лежить...—поджавъ губы, отвѣчала Зинаида.

— Ахъ, Боже мой, не заразительное?

— Нѣтъ, отъ головы лежить...

Она хотѣла еще что-то сказать, но посмотрѣла на м-ше Тулупьеву и, еще крѣпче сжавъ губы, вышла.

— Ну, что? — тревожно спросила ее Стеша, когда она зашла къ ней въ гардеробную.

— Спрашивала...—угрюмо отвѣчала Зинаида.—Я сказала, нездорова.

— Охъ, боюсь я, Зинаида Петровна! Вѣдь ужъ скоро, пожалуй...

— А ты молчи, молчи!—прошептала Зинаида.—Ужъ это мое дѣло...

Но въ этотъ же день къ вечеру Стеша почувствовала первыя боли. Зинаида только что велѣла ставить самоваръ и пришла изъ кухни, какъ изъ гардеробной до нея долетѣлъ сдавленный стонъ.

— Ты что?—спросила она, заглядывая за шкафъ.

— Ой, смерть моя!... Началось, должно быть... — прохрипѣла не своимъ голосомъ Стеша, корчась на постели.

У Зинаиды полъ поплылъ изъ-подъ ногъ и сердце обрвалось, какъ это часто бывало съ нею въ послѣднее время. Прерывисто дыша, она присѣла около Стеши.

— Охъ... напугала ты меня... — шептала она, ощупывая въ темнотѣ Стешу.—Не вижу ничего... свѣтъ изъ глазъ выкатился... Можетъ, это такъ?

Но Стеша съ силой рванулась отъ нея и, даваясь стопами, кусая себѣ руки, безобразнымъ комомъ упала на полъ. Зинаида сразу стала спокойной.

— Ну, коли такъ, надо въ родильный ѣхать. Ты собирайся тутъ, я сейчасъ приду, да не кричи, дурочка, хуже это! Терпѣть надо.

Она вышла и прямо отправилась въ гостиную, гдѣ сидѣла м-ше Тулупьева съ французскимъ журналомъ въ рукахъ.

— Сударыня, дозволейте отлучиться, — сказала Зинаида страннымъ, жесткимъ голосомъ.

— Что такое? Куда?—спросила м-ше Тулупьева, не отрываясь отъ журнала.

— Степаниду надо отвезти.

— Степаниду? Что съ ней?

— Да что... Известно, родить!—такъ же жестко и твердо вымолвила Зинаида.

М-ше Тулупьева ахнула и уронила журналъ.

— Что?.. Род... Какая гадость... У меня въ домѣ? Что же ты смотрѣла? Отослать ее, ради Бога, сейчасъ же отослать!.. И чтобы ея не было... чтобы я ничего не слышала...

— А какъ же младенецъ-то, сударыня?—неумолимо продолжала Зинаида. — Что-жъ, такъ его и бросить на улицу? Небось, родней приходится... Вадичкина кровь...

М-ше Тулупьева вся поблѣднѣла, вскочила съ кушетки и затопала ногами.

— Какъ ты смѣешь? Какъ ты смѣешь? Пошла вонъ!.. И эту вонъ... Гадкія, мерзкія эдакія... Въ моемъ домѣ!..

Она залилась слезами и упала на подушки. Зинаида, ни слова не говоря, съ окаменѣлымъ лицомъ, пошла къ дверямъ.

— Постой!..—крикнула ей м-ше Тулупьева.—Поди сюда... (Она порылась въ плюшевомъ мѣшечкѣ). На, вотъ... отдай ей... И, пожалуйста, чтобы я ея больше никогда не видала... О, Боже мой, Боже мой, несчастная я!..

Зинаида, зажавъ деньги въ рукѣ, спустилась въ кухню, послала Андрея за извозчикомъ и вернулась въ гардеробную. Огарокъ свѣчки тускло освѣщалъ шкафы, корзины и платья, висѣвшія на стѣнахъ; Степа, уже совсѣмъ одѣтая, сидѣла, согнувшись, на сундукѣ; лицо ея казалось зеленоватымъ, носъ обострился, на лбу выступилъ потъ. Она тяжело дышала и страшно большими глазами смотрѣла на Зинаиду.

— Готова?—спросила Зинаида.—Ну, хорошо, я сейчасъ... (Она подошла къ свѣчкѣ и разжала кулакъ, гдѣ у нея были деньги). Вотъ что, Степанида, деньги съ собой возьми. Тамъ понадобятся. Кошелекъ-то есть у тебя?

— Натѣ... — прошептала Степа, доставая изъ кармана старый вязанный кошелекъ, когда то подаренный ей Тотопей.

— Ну, это не годится. Долго ли потерять? Я тебѣ свой дамъ. Сколько тутъ у тебя? Пять... три... десять... 43 цѣлковыхъ! Ну, вотъ еще 15, да еще... я тебѣ дамъ... вотъ смотри 70 цѣлковыхъ теперь у тебя. На вотъ, да хорошенько спрячь, не потеряй...

— Спрячьте у себя, Зинаида Петровна...

— Нѣтъ ужъ, матушка, возьми. Мало ли что можетъ случиться?.. А съ деньгами въ карманѣ покойнѣе. Вещишки твои гдѣ?

— Вотъ... въ сундучкѣ... Да шубка вонъ тамъ виситъ.

— Ну, ладно, это послѣ. Не навѣкъ расстаемся, я къ тебѣ завтра прибѣгу. Пойдемъ. На извозчика-то я взяла? Взяла... Ну, туши свѣчку!

На улицѣ было темно, накрапывалъ небольшой дождь,

теплыя, мягкія тучи обложили небо. Стешѣ все это казалось какимъ то страшнымъ сномъ.

— Куда?—спросилъ извозчикъ, когда онѣ сѣли.

— Въ родильный...

— Страшно мнѣ, Зинаида Петровна! — стонала Стеша. — Будто живую въ могилу кладутъ, такъ страшно... Охъ, Господи!

И въ стонахъ этихъ было что-то до того жалкое, безпомощное и ребячье, что привычное ко всему Зинаидино сердце содрогалось отъ тоски.

Пріѣхали въ родильный, и на ихъ робкій звонокъ дверь подъѣзда широко распахнулась. Сонный швейцаръ равнодушнымъ взглядомъ окинулъ Стешу и далъ звонокъ наверхъ. Съ лѣстницы спустилась дежурная акушерка въ бѣломъ балахонѣ, съ круглымъ розовымъ лицомъ, курносомъ носикомъ и измятою прической. Такъ же равнодушно она посмотрѣла на Стешинъ животъ, повела ее за ширмы и освидѣтельствовала.

— Поторопились!—сказала она.—Еще не скоро.

— Кабы мы знали! — возразила Зинаида. — А то вѣдь дѣло-то новое.—въ первый разъ.

— Развѣ вы никогда не рожали? — спросила акушерка и засмѣялась.

Ея слова и смѣхъ, такой неумѣстный въ этомъ домѣ страданій, не понравились Зинаидѣ.

— Мнѣ седьмой десятокъ, сударыня!—сухо сказала она.— Можетъ, и рожала, да забыла!

Акушерка задернула носикъ и обратилась къ Стешѣ.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Семнадцатый...—простонала Стеша.

— Больно рано вздумала... Ну, пойдемъ.

— Прощайте, Зинаида Петровна!—всхлипывая, прошептала Стеша.—Прощайте... чуетъ мое сердце, не увижу я васъ больше...

— Что городишь?—пробормотала Зинаида, дрожащей рукою крестя Стешу.—Завтра приду провѣдать. Ну, Христось съ тобой...

Она, сгорбившись, побрела къ выходу, и, когда тяжелая дверь гулко захлопнулась за нею, Стешѣ показалось, что вся ея жизнь ушла вмѣстѣ съ Зинаидой.

Ее повели по высокимъ, холоднымъ корридорамъ съ бѣлыми, холодными стѣнами, заставили принять ванну, переодѣли въ чистое, холодное бѣлье и положили въ высокой, бѣлой комнатѣ, пропитанной запахомъ карболки и йодоформа. Стеша тупо исполняла все, что ей приказывали, и совершенно утратила сознаніе своей личности. Ей казалось, что это уже

не она, Стеша, а какая-то другая женщина ходитъ, отвѣчаетъ на вопросы, принимаетъ ванну, стонетъ, кричитъ... Все прошлое отодвинулось куда-то далеко... Не было больше ни солнечнаго свѣта, ни шумныхъ улицъ, ни Вадички, ни Тулупьевскаго дома,—была только одна боль и эта боль кричала, металась, дико выла и проклинала Бога...

Потомъ начался ужасъ, кошмаръ, безуміе... Какіе-то бѣлые привидѣнія приходили и уходили; гдѣ-то близко шипѣла вода, и глухой голосъ ронялъ твердыя и тяжелыя, какъ камень, непонятныя и страшныя слова: „Дѣтскій тазъ“... „Щипцы“... „Поворотъ“... А боль выла, ревѣла, хрипѣла и проклинала...

Когда Стеша опять почувствовала себя Стешей, былъ уже бѣлый день, и гдѣ-то звонко трезвонили колокола. Стеша лежала въ большой, свѣтлой комнатѣ, уставленной бѣлыми кроватями, и на кроватяхъ лежали и сидѣли женщины въ сѣрыхъ халатахъ, съ бѣлыми платками на головахъ. Одна изъ нихъ подошла къ Стешѣ.

— Ну, что, отмучилась? — спросила она.

Стеша глядѣла на нее потускнѣвшими глазами и молчала. Ей не хотѣлось говорить; она страшно устала, и все въ ней устало — и языкъ, и тѣло, и мозгъ. Такъ бы всю жизнь... лежать и молчать, лежать и молчать... больше ничего не надо!

Тоненькій, острый, какъ иголка, крикъ вдругъ вонзился въ степенную тишину свѣтлой комнаты, и гулкія, бѣлыя стѣны повторили его.

— Твой пицить, — сказала женщина, наклоняясь надъ маленькой корзинкой, стоявшей у Стешиной постели.—Ишь ты, голосистый какой!

Стеша съ трудомъ повернула голову.

— Мальчикъ?—спросила она одними губами, потому что голоса у нея не было.

— Мальчикъ. Такой сытенькій, Богъ съ нимъ, настоящій окомелокъ! Щипцами вымали...

Стеша черезъ силу улыбнулась и, отвернувшись къ стѣнѣ, заснула. Проснулась она въ сумерки и сейчасъ же вспомнила про Зинаиду. „Батюшки, проспала!“ подумала она и поманила къ себѣ пальцемъ ближайшую сосѣдку, толстую некрасивую бабу съ краснымъ, грубымъ лицомъ.

— Старушка ко мнѣ... не приходила?

— Старушка? Не знаю.. Надо сидѣлку спросить.

Подошла сидѣлка, съ чулкомъ въ рукахъ. Стеша повторила свой вопросъ.

— Нѣтъ, никто не приходилъ,—отвѣчала сидѣлка, быстро перебирая спицы.

— Какъ же это... Обѣщалась. Должно быть, не пустили...

Опять запищалъ ребенокъ. Сидѣлка сунула чулокъ подъ мышку, ловко вынула изъ корзинки крошечный свертокъ, ощупала его и подложила къ Стешѣ подъ грудь.

— Сухенькій, а кричить. Кушать захотѣлъ! Дай ему грудки!

Стеша неловко сунула ребенку грудь, но онъ вертѣлъ головой, неумѣло чмокалъ губами и все кричалъ, — назойливо, нетерпѣливо, нудно. Всѣ женщины собрались около Стешиной кровати, подавали совѣты, показывали, что надо дѣлать, — ничего не помогало. Стешѣ было стыдно и неприятно; она сердилась на себя, сердилась на ребенка и, наконецъ, заплакала.

— Дай сюда! — грубо сказала сидѣлка, отнимая у нея ребенка. — То-то ужъ, прости Господи, самой вѣпру соску сосать, а туда же родить!

Она дала младенцу гуттаперчевый сосокъ, и онъ замолчалъ.

Зинаида не приходила ни на другой день, ни на третій; какъ въ воду канула. Съ утра Стеша начинала ее ждать, съ тревогой прислушивалась къ хлопанью дверей внизу, къ шагамъ по лѣстницѣ, къ голосамъ въ корридорѣ и, не дождавшись, тихонько плакала.

— Да она тебѣ что, — родня, что ли? — спрашивала ее краснотца сосѣдка

— Не родня... такъ... Служили вмѣстѣ.

— Стало быть, чужая? Ну, матушка, отъ чужихъ добра ждать нечего! Имъ бы только съ шеи спихнуть, а ужъ помоги не жди.

— Зинаида не такая... — возражала Стеша.

— И, матушка, всѣ они, черти, такіе! Вотъ я тебѣ про себя расскажу.

И въ тяжелыхъ потемкахъ умирающаго дня она начинала рассказывать какой-нибудь жестокий случай изъ своей долгой и, должно быть, бурной жизни. Она была солдатка и безъ мужа родила. За это ее били смертнымъ боемъ и мужъ, и матушка-свекровь, и батюшка-свекоръ. Убѣжала она отъ нихъ въ городъ и скиталась безъ паспорта. Жила по кухаркамъ у купцовъ, опять родила, попала въ полицію, и ее съ ребенкомъ отправили по этапу на родину. Ребенокъ на дорогѣ умеръ, а въ деревнѣ ее опять били, запрягали въ соху, какъ лошадь, и срамили. Мужъ силкомъ заставилъ ее жить съ нимъ; опять забеременѣла, но „отъ бою“ скинула. Хотѣла удушиться, изъ петли вынули. Потомъ „несчастной смертью“ померъ мужъ, ей выдали паспортъ, и она ушла изъ деревни, на этотъ разъ навсегда. Но и здѣсь

тоже было не сладко: и били, и насильничали, и обманывали. Теперь, слава Богу, устроилась, — на базаръ старьемъ торгуетъ и нищимъ углы сдаетъ, — ничего, жить можно, да вотъ опять бѣда страшась, рожать приходится... Стеша смотрѣла на ея толстое, красное лицо, и ей не вѣрилось, что человѣкъ можетъ вынести столько бѣдствій — и остаться жить.

— И какъ это вы все перенесли! — удивлялась она.

— Да, матушка, жизнь моя была жестокая! — говорила старьевщица. — Ты, вотъ, не гляди, что я такая толстая, а вѣдь во мнѣ ни одной кости цѣлой нѣту. Какъ къ непогодѣ, такъ всѣ хряпки и застонуть, мѣста себѣ не найду. А что я толстая, такъ это отъ водки, — водку я пью. Только водкой и жива. Если мнѣ ея не пить, я сейчасъ разсыплюсь вся!

— А отчего вашъ мужъ умеръ?

— Мужъ-то? Да нехорошей смертью померъ, — въ одночасье... Въ жнитво было: попилъ кваску, скрючился и померъ... Богъ съ нимъ! Насъ на томъ свѣтѣ Господь-Батюшка разсудить...

Она крестилась, и толстое лицо ея принимало серьезное и загадочное выраженіе. Стешѣ почему-то становилось страшно, и она прекращала разговоръ.

Иногда на ихъ шепотъ подходили женщины съ другихъ кроватей, и завязывалась общая бесѣда. Въ сумеркахъ говорилось какъ-то свободнѣе, — и то, что изъ самолюбія или стыдливости пряталось днемъ въ самыхъ укромныхъ тайникахъ души, теперь спѣшило вырваться наружу. Женщины съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, рассказывали обо всѣхъ своихъ обидахъ, паденіяхъ и униженіяхъ, о любовникахъ, которые ихъ били и обманывали, о хозяевахъ, которые ихъ обсчитывали, о мужьяхъ, которые пропивали кровавымъ потомъ нажитое добро. Смердный туманъ сгущался въ бѣлыхъ, холодныхъ стѣнахъ палаты; вся грязь нищеты и разврата поднималась и съ безстыдствомъ выплескивалась со дна подваловъ и угловъ; горькій ядъ злобы, невѣрія и отчаянія лился потокомъ изъ устъ рассказчицъ и отравлялъ наивную Стешину душу. Ей вспомнилась тихая пасхальная ночь съ недремлющими божьими очами и, слушая ужасный хоръ человѣческихъ страданій, Стеша думала: „гдѣ же Богъ“?..

А рассказы все лились неудержимымъ, зловоннымъ потокомъ, и, какъ мрачный припѣвъ, гудѣлъ среди нихъ хриплый голосъ старьевщицы:

— Да, милые вы мои, жизнь наша же-естокая!

Прошла недѣля, а Зинаиды все не было. Стеша перестала ее ждать и съ смутнымъ страхомъ отдалась на волю

судьбы. Она свыклась съ своимъ настоящимъ положеніемъ и старалась не думать о будущемъ. Пока ей было хорошо: за ней ухаживали, кормили хоть не очень сытно, но вкусно; каждый день приходилъ докторъ, который дѣлалъ ей операцію, и относился къ ней съ ласковой внимательностью, какъ къ трудно-больной. Она поправлялась плохо и въ душѣ желала, чтобы это продлилось подольше. Другія товарки ея по палатѣ не задерживались долго: на четвертый, на пятый день онѣ уходили, на смѣну имъ являлись новыя, и составъ палаты постоянно мѣнялся. Ушла и старьевщица; Стеша была этому рада, потому что она начала ее пугать своими жестокими разсказами и какимъ-то голымъ цинизмомъ по отношенію къ людямъ и жизни. Ея койку скоро заняла другая. Эта была молодая дѣвушка, по профессіи модистка, очень миловидная, тихонькая, но, должно быть, прожженная до мозга костей. Она вела себя очень тактично, была со всѣми ласкова и услужлива, говорила сладенькимъ голосомъ, но въ хорошенькихъ глазкахъ ея иногда прыгали такіе ехидные бѣсенята, что на Стешу нападала непонятная жуть. Онѣ разговорились въ первый же вечеръ.

— Ты въ первый разъ?—спросила модистка.

— Въ первый.

— Замужняя?

— Нѣтъ...—отвѣчала Стеша и покраснѣла.

Модистка засмѣялась. О себѣ она разсказывала неохотно, но видно было, что въ родильномъ домѣ уже не въ первый разъ. По крайней мѣрѣ, всѣ порядки дома были ей хорошо знакомы, и она даже посвятила Стешу въ нѣкоторыя сокровенныя тайны его обитателей. Оказалось, что курносая акушерка живетъ со старшимъ докторомъ, хотя онъ женатъ и имѣетъ пятерыхъ дѣтей; что у другого доктора жена спуталась съ офицеромъ и т. д., и т. д. Стеша слушала, разинувъ ротъ, и удивлялась.

— Какъ же это, Господи? Господа, а что дѣлаютъ!

— Э, они-то еще хуже нашего!—съ злорадствомъ говорила модистка.—Я-то ихъ хорошо знаю. У всѣхъ барынь любовники есть, а ужъ мужчинки и говорить нечего,—ни одной дѣвчонки не пропускаютъ. Черезъ это наша сестра и пропадаетъ.

Стеша вспомнила Вадичку и ничего больше не возражала. А модистка, озираясь по сторонамъ, ехидно нашептывала:

— Ты имъ на лицо-то не гляди! Наружность ничего не обозначаетъ. Перевѣдала я ихъ, слава Богу... И студенты, и офицеры, и доктора, и судьи—всѣ одинаковые! Человѣчину жрутъ... Потому, товаръ дешевый! Дешевле и не бываетъ...

Говядины фунтъ и то гривенникъ стоитъ, а нашу сестру со всѣми потрохами за полтинникъ можно купить.

Потомъ она объяснила Стешѣ, что есть средство никогда не имѣть дѣтей, что всѣ господа это знаютъ, потому и не боятся распутничать, но что средства эти стоятъ очень дорого, и бѣдняки не могутъ ими пользоваться. И много еще кое-чего другого рассказала она, такъ что Стеша преисполнилась къ ней благоговѣйнымъ уваженіемъ и почувствовала большое довѣріе къ ея опытности.

— И откуда ты это все знаешь?—спрашивала она.—Такая молоденькая, а будто сто лѣтъ на свѣтѣ живешь!

Модистка самодовольно улыбнулась, и хитрые бѣсенята начали прыгать въ ея глазахъ. Но отвѣта на Стешинъ вопросъ она такъ и не дала.

XVI.

Наканунѣ выписки модистка спросила Стешу:

— Ну, а ты долго еще здѣсь пролежишь?

— Не знаю. Докторъ говорить, швы еще не заросли.

— Ну, я бы на твоемъ мѣстѣ сбѣсилась! Ненавижу эту родилку пуще горькой рѣдьки.

— Хорошо, тебѣ есть куда идти! — со вздохомъ сказала Стеша.—А мнѣ некуда.

— Что-жъ, стало быть, побаловали, да и за щеку?—усмѣхнулась модистка.—Ну, ничего, свѣтъ не клиномъ сошелся, было бы болото, а черти будутъ. Приходи ко мнѣ... только чтобы безъ ребенка. Я этой цыплатины не люблю.

— А куда же я его дѣну?—вымолвила Стеша и крѣпко прижала къ себѣ ребенка. Она уже начинала его любить; ей нравилось его теплое, мягкое тѣльце, пухлые пальчики, нѣжные волосики на головѣ, и когда онъ кричалъ, у нея самой выступали на глазахъ слезы.

Модистка пересѣла къ ней на кровать, оглянулась и быстро прошептала:

— Какъ куда? Очень просто: подкинь, да и все тутъ...

Стеша съ испугомъ посмотрѣла на модистку.

— Жалко... — сказала она, еще крѣпче прижимая ребенка.

— Фу, барыня какая! — презрительно воскликнула модистка.—Ну, а куда же ты съ нимъ пойдешь? Съ цыплатиной нашу сестру никуда не принимаютъ, даже въ кормилицы. Или у тебя капиталовъ много?

— 60 рублей...—все болѣе и болѣе пугаясь, прошептала Стеша.

— Фю-ю!.. На 60 рублей похорониться можно, а жить нельзя. Говорю, подкидывай! И тебѣ, и ему лучше будетъ. Ты себѣ руки развяжешь, а его сюда же въ пріютъ отправятъ.

— Я не знаю...

— Чего тутъ не знать-то, это всякій дуракъ знаетъ. Купи одѣяльце хорошенькое, заверни его хорошенько и положи гдѣ нибудь на крылечкѣ. Къ любовнику не подкидывай. — догадаются, въ полицію возьмутъ, а выбери мѣсто поглуше, гдѣ тебя никогда не видали, и подбрось. Теперь еще тепло, не замерзнетъ. А въ пеленочки копѣйку положи: говорятъ, это къ счастью!—прибавила модистка и засмѣялась.

Стеша молчала, чувствуя полную растерянность и спутанность мыслей, какъ всегда, когда ей нужно было что-нибудь обдумать и рѣшить. Модистка посмотрѣла на нее съ презрѣніемъ и встала.

— Ну, ладно, береги свое золото вонючее! Жирна больно!— сказала она, уходя.

На другой день она выписалась и, въ сердцахъ, даже адреса своего Стешѣ не оставила. А спустя немного выписали и Стешу, и она съ ребенкомъ на рукахъ очутилась на улицѣ.

Было около трехъ часовъ дня. Погода стояла теплая, и низкое осеннее солнце пригрѣвало совсѣмъ по лѣтнему. Пирамидальные тополи на троттуарахъ сильно порѣдѣли, но были все еще зелены, и длинныя коричневыя тѣни отъ нихъ ложились поперекъ улицы. Издали доносился глухой гулъ города, и Стешѣ чудилось въ немъ что-то чуждое и угрожающее. Стеша постояла у подъѣзда, потомъ безпомощно оглянулась по сторонамъ и пошла.

Вотъ и Тулупевскій домъ. Зеркальныя окна чисто протерты и блестятъ на солнцѣ; сквозь нихъ видны кружевные гардины, и смутно вырисовываются узорчатые листья пальмъ. А вонъ и окно передней; форточка отворена, и на подоконникѣ все еще стоитъ голубенькая вазочка, въ которую Зинаида лѣтомъ ставила букеты цвѣтовъ. Все знакомое, близкое... и въ то же время страшно далекое...

Стеша перешла черезъ улицу и остановилась у воротъ. Куда пойти? Въ кухню... Тамъ насмѣшникъ-поваръ подыметъ на смѣхъ. Нѣтъ, лучше ужъ позвониться прямо у подъѣзда; можетъ быть, сама Зинаида отворить... Стеша робко пожала пуговку звонка и стала ждать. Скоро наверху хлопнула дверь; на лѣстницѣ послышались мелкіе, быстрые шаги. Нѣтъ, это не Зинаида!.. Стеша испугалась и хотѣла было убѣжать, но было уже поздно. На подъѣздъ вышла незнакомая дѣвушка, некрасивая брюнетка, но стройная.

ловкая, щеголевато одѣтая, съ насмѣшливымъ выраженіемъ въ узенькихъ калмыцкихъ глазкахъ.

— Вамъ кого?—спросила она, оглядывая Стешу съ ногъ до головы.

— Мнѣ... Зинаиду Петровну бы повидать...

Смѣхъ задрожалъ въ лицѣ дѣвушки, но она сейчасъ же спрятала его и отвѣтила сдержанно и серьезно:

— Зинаиды Петровны здѣсь нѣтъ! Если желаете ихъ провѣдать, можете отправиться на Введенское кладбище. Онѣ тамъ.

Ледяной холодъ сковалъ Стешины руки и ноги. Дѣвушка хотѣла было уйти, но что-то вспомнила и вернулась.

— А какъ васъ зовутъ?

— Стешей.

— Да? Ну, такъ вотъ что, мадамъ Стеша, вамъ сюда не велѣно ходить. А вещи ваши можете получить у дворника.

И она захлопнула дверь. Стеша отошла къ воротамъ и присѣла на лавочку. Все спуталось у нея въ головѣ; она ничего не понимала. Зинаида померла... какъ же это, когда и зачѣмъ? Слезы выступили на глазахъ Стеши. Она вытерла ихъ и пошла въ дворницкую.

Дворникъ сидѣлъ за столомъ въ одной рубахѣ и пилъ чай. Онъ встрѣтилъ гостью привѣтливо и пригласилъ ее чай пить.

— Родануть изволили? — спросилъ онъ, косясь на ребенка.—Вотъ скажите, вѣдь я и не думалъ этого! Какая вы скрытная. Стою это у воротъ и въ мысляхъ ничего не держу: какъ глядь,—Зинаида Петровна съ вами выходитъ и прямо извозчику въ родильный... Такъ меня эти слова по лбу...

— Померла Зинаида-то Петровна?—перебила его Стеша.

— Померла!—трагически воскликнулъ дворникъ и перекрестился.—Царство ей небесное... Эдакое, можно сказать, происшествіе! И все вѣдь въ одинъ вечеръ: и вы въ родильный уѣхали, и она померла...

— Какъ такъ?..—спросила Стеша.

— Да вы нешто не знаете? Господи, да какъ же! Это я вамъ скажу, такая страховень была... Сижую я у себя въ дворницкой, вдругъ барчукъ бѣжитъ, а лицо на немъ, какъ простыня бѣлая. „Взжай,—говорить, скорѣй за докторомъ, Зинаиду Кондрашка хватилъ“. Ну, привезъ я доктора и самъ за нимъ; пришли мы въ горницы, а она у барыни въ спальнѣ на полу лежитъ,—сама бѣлая, а изо рта кровь... Вспомнить страшно! Барыня плачетъ, кричитъ; барчукъ бѣгаетъ... Потрогалъ ее докторъ и говоритъ: кончилась... Перетащили мы ее изъ спальни въ угольную, — тяжелая стала, какъ жерновъ. Я всю ночь послѣ не спалъ, все трясса...

— Господи! Господи!.. — прошептала Степа, заливаясь слезами.

— Да, такъ вотъ безъ причастія, не болѣмши, и померла, — продолжалъ дворникъ. — А барыня доктору сказывала, что это она отъ сердцовъ. Вышло что-й-то у нихъ. Сурьезный разговоръ былъ. Приѣхала она изъ родильнаго, да барыня что-й-то нехорошее и сказала. А барыня ей своимъ манеромъ на возворотъ. Она, какъ стояла, такъ и хлопнула... Строгая была старушка, несутерпчивая!

Степа все плакала. Дворникъ помолчалъ и сказалъ другимъ тономъ:

— А у меня тутъ вашъ сундучокъ стоитъ и одежда... Можетъ, возьмете?

— Я возьму... — всхлипывая и утирая слезы, промолвила Степа. — Вы подождите немножко, а я возьму.

— Что-жъ, пушай стоять, это безъ вниманія! — великодушно согласился дворникъ. — Это вы передъ нами завсегда гордились, а мы со всякимъ удовольствіемъ. Какъ же жить теперь думаете?

— Не знаю. Мѣсто буду искать.

— Мѣстовъ, конечно, сколько угодно. А только, извините, съ ребенкомъ нигдѣ не возьмутъ. Потому, связа! Вамъ бы его на провоскормленіе отдать.

— Не знаю... Что-жъ, куда квартиру найду. Вотъ не знаю, гдѣ искать... никогда по квартирамъ-то не жила.

— А вы къ монастырю ступайте. Тамъ всякія сдаются, — и углы, и ежели комнатку кому нужно.

— Ну, я пойду. Прощайте, поберегите сундучокъ-то.

— Очень даже съ удовольствіемъ! А насчетъ мѣста заживайте, только ребеночка куда-нибудь успокойте. Такой молоденькой барышнѣ неприлично съ кувякой ходить. Кавалеры обѣгать будутъ.

И дворникъ игриво пощекоталъ Степу подъ мышками.

Солнце уже садилось, и кровавая заря зловѣще расплалась по небу. Дома, деревья, троттуары, лица людей были красныя, и въ воздухѣ носилось что-то тревожное, какъ во время пожара. Но когда Степа пришла къ монастырю, пожаръ на небѣ потухъ, и нѣжныя, розовыя сумерки разливались по улицамъ. Степа остановилась передъ безмолвной громадой монастыря, и на нее напалъ страхъ безпріютности и одиночества. Проживъ почти всю жизнь въ пріютѣ, она совсѣмъ не знала города и не знала, куда ей теперь идти. Спросить встрѣчавшихся людей она боялась; всѣ они говорили черезчуръ громко, толкались на ходу, дерзко заглядывали въ глаза и казались ей сердитыми и страшными.

Слѣва отъ монастыря спускалась подъ гору узенькая

улица, застроенная маленькими, приземистыми домишками. Стеша пошла по ней. Было еще свѣтло, огней нигдѣ не зажигали, и за воротами стояли и сидѣли группы людей, мужчинъ и женщинъ. Они разговаривали, грызли сѣмечки и смѣялись. Стеша нерѣшительно на нихъ поглядывала и, замѣтивъ у одного дома двухъ женщинъ, пожилыхъ и скромныхъ на видъ, робко подошла къ нимъ.

— Не знаете ли гдѣ-нибудь комнатку нанять? — спросила она.

Женщины уставились на нее, не переставая лущить сѣмечки.

— Комнатку? — сказала, наконецъ, одна изъ нихъ. — Да ты чья?

— Я у господъ Тулупьевыхъ служила... изъ пріюта. А теперь безъ мѣста.

— Такъ, такъ... Что-жъ ты, на ночь глядя, комнату ищешь? Эдакъ никто не пуститъ. Пачпортъ есть?

— Какъ же... у меня и пачпортъ, и свидѣтельство.

— Это дѣло другое. А комнаты есть, какъ не быть. Ступай вонъ наискосокъ, вонъ, гдѣ домъ съ присадникомъ, тамъ сдаютъ.

— Это у слесарихи? — спросила другая женщина.

— У слесарихи. У ней комната хорошая, писецъ жилъ, да наскандалилъ по пьяному дѣлу, она его и выставила.

Стеша поблагодарила и пошла къ дому съ „присадникомъ“. Изъ отворенной калитки на нее пахнуло теплымъ запахомъ парного молока; посреди крошечного дворика стояла рыжая корова, и какая-то женщина, должно быть, сама слесариха, сидя на корточкахъ, доила ее.

— Говорятъ, у васъ комнатка сдается... — обратилась къ ней Стеша.

Слесариха, не переставая доить, повернула къ ней лицо съ совиными глазами и пробурчала:

— Сдается комната... Только у меня дорогая, 7 рублей въ мѣсяцъ.

— Дорого... Можетъ, за шесть уступите? Я бы взяла.

Въ эту минуту пискнулъ ребенокъ, и слесариха насторожилась.

— Съ дитемъ? И за десять не сдамъ! Съ ребятами не пускаемъ. Ну, ты, домовая! — закричала она на корову, мотнувшую головой, и, отвернувшись отъ Стеши, заработала пальцами.

Стеша снова побрела внизъ по улицѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ становилось глуше и грязнѣе; дома, какъ будто, въ землю вросли; со дворовъ несло смрадомъ; гдѣ то отчаянно ревелъ ребенокъ; откуда-то неслась скверная ругань. На поко-

сившихся воротахъ одного пузатаго, кривобокаго домишки Стеша увидѣла наклеенную бумажку и подошла прочесть. „Здаца комвыта со всемъ удопѣствомъ“—кривыми буквами было написано на ней. На дворѣ никого не было, но дверь въ сѣни была растворена настежь, и Стеша, стукнувшись лбомъ объ притолоку, вошла. Не успѣла она оглядѣться, какъ передъ нею разверзлась какая-то дыра. Стешу обдало запахомъ прѣли, и грубый голосъ закричалъ:

— Кто тутъ шарить?

— Комнату посмoтpѣть...—испуганно проговорила Стеша.

— А шутъ васъ знаетъ... Погоди, свѣтъ зажгу.

Вспыхнулъ свѣтъ; на порогѣ низенькой двери появился съ лампочкой въ рукахъ худой, растрепанный человѣкъ, съ щетинистыми усами, въ рваной ситцевой рубашкѣ и въ брюкахъ съ помочами. Онъ поднесъ лампу къ самому носу Стеши и пыливо ее осмoтpѣлъ.

— Чѣмъ занимаетесь?—спросилъ онъ отрывисто.

— Прислуга... Теперь безъ мѣста.

— А деньги есть?

— Какъ же?... Я заплачу, не беспокойтесь.

— Покажите. Безъ этого и на квартиру не пушу.

Стеша испугалась и попятилась отъ него. Деньги у нея по совѣту сидѣлки, были зашиты въ кофточкѣ, а въ карманѣ была только мелочь.

— Да зачѣмъ же?—прошептала она.—Безъ денегъ я бы не стала...

— Ладно, ладно, слышали мы эту пѣсню!—напирая на нее говорилъ хозяинъ.—Покуда денегъ не увижу, и разговаривать не хочу. Трудно, что ли, въ карманѣ-то слазить? Аль тамъ нѣту ничего? За дурничку желаете?

И, притиснувъ Стешу въ уголъ, онъ безцеремонно схватилъ ее за юбку и уже лѣзъ къ ней въ карманъ... Стеша вскрикнула, рванулась отъ него и опрометью побѣжала вонъ. Вслѣдъ ей грянула непечатная ругань.

Стеша долго бѣжала куда-то, задыхаясь и крѣпко прижимая къ себѣ ребенка, который громко плакалъ. Встрѣчные прохожіе оглядывались на нее; какіе-то мальчишки засмѣялись и закричали ей въ догонку, передразнивая ребенка: „кувя! кувя!“ Наконецъ, дорогу ей преградила цѣлая толпа веселыхъ молодцовъ.

— Барышня, куда стремитесь?

— Пойдемте съ нами гулять!

— Барышня, куда поросеночка несете?

И всѣ обнимали ее, хватали за плечи, дергали за платье. Стеша насилу вырвалась и опять куда-то побѣжала. Когда она выбралась изъ шумной слободки на тихую, пустынь

ную улицу, у нея ноги подкашивались отъ усталости, и сердце трепетало, какъ подстрѣленный голубь. „Господи что же теперь дѣлать?“ прошептала она, оглядываясь. Но высокіе дома съ наглухо запертыми дверями смотрѣли замкнуто и равнодушно. Вездѣ уже зажглись огни; въ окнахъ мелькали смутныя силуэты людей; гдѣ-то слышались грустные звуки рояля. Вездѣ шла своя жизнь, и никому не было дѣла до Стеши и ея ребенка. Стеша присѣла у воротъ на лавочкѣ: ноги у нея ныли отъ ходьбы; ребенокъ оттягивалъ руки; въ душѣ былъ холодъ и пустота. Становилось прохладно; небо темнѣло, и крупныя звѣзды, какъ слезы, выступили на немъ. Стеша дала ребенку грудь и застыла въ тупомъ оцѣпенѣніи. Вдругъ во мракѣ блеснуло что-то въ родѣ молніи, и съ легкимъ шипѣніемъ зажегся электрическій фонарь, ярко освѣтивъ ближайшіе дома и улицу. Вдали слышались звонкіе шаги. Стеша въ испугѣ вскочила и пошла впередъ. „Опять пристанутъ!“ подумала она. Ребенокъ громко заплакалъ. „Ну, молчи, молчи!“ шептала Стеша, укачивая его. Онъ запищалъ еще громче и нетерпѣливѣе. Страхъ, отчаяніе и злость одурманили Стешу. „У, проклятый!“ со слезами вымолвила она. „Покричи еще, возьми вотъ и брошу“... Она оглянулась; никого не было вокругъ, дома такъ же замкнуто и равнодушно молчали, только электрическій фонарь, раскачиваясь на проволокѣ, глядѣлъ на нее своимъ холоднымъ, сверкающимъ глазомъ. „Выбери мѣсто поглуше и подкинь“...—вспомнилось Стешѣ, и казалось, фонарь шипѣлъ то же самое. „Что-жъ, и подкину, и подкину!“ отвѣтила Стеша сама себѣ. Ребенокъ, какъ будто, почуялъ эти мысли и замолчалъ. „Миленькій мой, хорошенькій, что же мнѣ дѣлать-то?“ бормотала Стеша, ощупывая его тепленькое мягкое тѣльце и потуже стягивая на немъ пеленки. „Тебѣ лучше будетъ, ей-Богу, лучше, а меня, дуру, Богъ простить“... Бормоча эти безсвязныя рѣчи, она озиралась по сторонамъ, выбирая мѣсто, гдѣ бы положить ребенка. Но ворота и двери всѣ были на запорѣ; окна закрыты наглухо, и слабый крикъ ребенка не могъ проникнуть сквозь толстыя стѣны домовъ. И Стеша все шла и шла, и фонарь провожалъ ее зоркимъ, выжидающимъ взглядомъ.

На углу она остановилась. Передъ ней тянулось длинное, низкое зданіе въ родѣ казармы: наверху смутно чернѣли неосвѣщенные окна, завѣшенныя чѣмъ-то изнутри; внизу, въ двухъ окнахъ подвального этажа, ниже уровня тротуара, ярко горѣлъ огонь, бросая волнующіеся отблески на мостовую. Одно изъ оконъ было открыто, и оттуда вмѣстѣ съ запахомъ горячаго хлѣба несся гулъ голосовъ. „Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь“... Какъ въ бреду, шептала Стеша, опускаясь на

корточка передъ впадиной отвореннаго окна. „Здѣсь не затопчуть... и кричать будетъ, услышать... Миленькій мой голубочекъ, прощай!“ Она осторожно спустила ребенка съ рукъ и положила его подъ окномъ, на дно впадины. Ребенокъ молчалъ. Степа поднялась, оглядѣлась и прислушалась; все было тихо и пусто; только за окномъ что-то трещало, и люди продолжали мирно разговаривать. Степа, крестясь и захлебываясь слезами, отошла отъ окна, но сейчасъ же вернулась снова. Сердце ея разрывалось отъ тоски.

„Нѣтъ, возьму! Пускай что будетъ, то и будетъ“... Она наклонилась надъ впадиной и протянула руки, но въ эту минуту изъ окна раскатился громкій варывъ хохота, и Степа безъ памяти бросилась бѣжать, сворачивая изъ переулка въ переулокъ. А за ней, гремя сапожищами по тротуару, мчалась цѣлая толпа, грубые и хохочущіе голоса кричали: „Лови! Держи! Не пушай!“

Наконецъ, она уткнулась въ какой-то заборъ и остановилась. Никакой толпы не было; никто не кричалъ; высокія деревья за заборомъ тихо перешептывались; проплелся мимо полусонный извозчикъ, и больше никого. Степа поняла, что все это ей почудилось, и въ отчаяніи всплеснула руками. „Батюшки, да что же это я надѣлала? Назадъ скорѣй, назадъ... Можетъ, онъ еще тамъ“... Она пошла обратно, опять сворачивала изъ переулка въ переулокъ, жадно всматривалась въ каждый домъ, ища подвального этажа съ освѣщенными окнами, и не находила его. Все было кончено: она заблудилась и навсегда потеряла своего ребенка. Раскаяніе, жалость, ужасъ нестерпимымъ огнемъ жгли ея сердце; ломая руки, она шла впередъ и бормотала бессмысленныя слова. Дома, фонари, люди мелькали мимо нея, точно во снѣ; на одномъ перекресткѣ встрѣтился ей полицейскій и подозрительно посмотрѣлъ на нее. Потомъ глухіе переулки кончились, стало люднѣе, шумнѣе, свѣтлѣе. Опять какіе-то молодые люди близко заглядывали ей въ лицо и нашепывали на ухо нехорошія слова; здоровенный малый подъ хмѣлькомъ звалъ ее въ трактиръ „на пару пива“, а на другой сторонѣ тротуара кто то оглушительно свисталъ и кричалъ:

— Эй, мадамъ, пойдемъ со мной, полтинникъ дамъ!

„Всѣ человѣчину жрутъ!“ пронеслось въ головѣ у Стеши.

Внезапно темная громада монастыря снова выросла передъ нею,—должно быть, она все время кружила около него. Здѣсь было тихо и безлюдно; золоченныя главы собора тускло поблескивали въ голубоватомъ заревѣ электрическихъ огней; у воротъ, въ глубокой нишѣ передъ образомъ Спасителя, точно капля крови, мерцалъ сквозь красное стекло огонекъ неугасимой лампадки. Было что-то безмятежное въ этомъ

привѣтливомъ мерцаніи, и смрадный туманъ, въ которомъ все это время задыхалась Стеша, разсѣялся, какъ сонъ. Она подошла къ образу, опустила на колѣни и стала молиться: „Господи, Господи, прости меня, пожалѣй меня“...

Громадная, темная фигура выступила изъ-подъ воротъ и надвинулась на Стешу.

— Эй, ты? Чего ты тутъ? Вставай!

Стеша торопливо поднялась и просительно сложила руки.

— Я ничего, дяденька... Я только помолиться...

— Ночью-то? Нашла время!.. Проходи, проходи, нечего тутъ! Знаю я васъ, молеельщиковъ, — одной рукой крестное знаменіе, а другой—ризки со Спасителя... Ищи тебя потомъ! Ну, что стала? Иди, иди, покуда въ затылокъ не накласть...

Стеша отошла... потомъ еще разъ оглянулась на кровавую слезу, пламенѣвшую передъ образомъ Спасителя, прекрестилась и побѣжала внизъ.

М-ме Мальская устраивала для „своихъ бѣдныхъ“ рождественскій базаръ и елку въ дворянскомъ собраніи. Весь городъ принималъ участіе въ этомъ базарѣ; была приглашена и М-ме Тулупьева съ Тотошей, которая превратилась теперь въ стройную, блѣдненькую институтку съ нѣжнымъ, хорошенькимъ личикомъ, напоминавшимъ Мурильевскихъ ангеловъ. Она должна была продавать на базарѣ цвѣты и фрукты, и онѣ съ матерью цѣлые дни ѣздили по магазинамъ, выбирая матеріи для костюма, покупая бонбоньерки, игрушки и картонажи для елки. Вечеромъ, наканунѣ Рождества, сдѣлавъ послѣднія покупки въ кондитерской, Тулупьевы вышли на улицу, чтобы ѣхать домой, но были задержаны громадной толпой народа, запрудившей весь тротуаръ. Что-то произошло здѣсь; толпа глухо волновалась и шумѣла; кто-то негодуя кричалъ: „что за безобразіе? Держите его!“—и надъ всѣмъ этимъ нестройнымъ, смѣшаннымъ гуломъ висѣлъ раздирающій душу, хриплый бабій визгъ.

М-ме Тулупьева не любила и боялась толпы. Перепуганная, поблѣднѣвшая, она вцѣпилась Тотошѣ въ руку и оттянула ее назадъ.

— Ахъ, Боже мой, что такое? — прошептала она.—Тутъ, кажется, дерутся... Тотоша, уйдемъ скорѣе!

Онѣ хотѣли вернуться въ кондитерскую, но въ это время толпа заколыхалась, разступилась и отгѣснила ихъ въ сторону. Расталкивая народъ локтями и колѣнками, показались два городскихъ. Они тащили подъ руки пьяную, растерзанную женщину, которая упиралась изо всѣхъ силъ, выла, ку-

салась и изрыгала неистовыя проклятія. Большой сѣрый платокъ свалился у нея съ головы, и бѣлокурые волосы ключьями висѣли по плечамъ. Все лицо ея было залито кровью; подъ глазомъ чернѣлъ огромный синякъ; она была ужасна, какъ олицетвореніе самаго крайняго человѣческаго униженія. Вслѣдъ за нею еще два городскихъ влекли дюжого парня съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ. Они въ чемъ-то увѣщевали его, но онъ, сжимая кулаки, рвался къ растерзанной бабѣ и рычалъ:

— Ну, погоди, подлая!.. Гдѣ мои тридцать копѣекъ? Пропила? Убью... изгрызу... на кусочки разорву!..

Женщина остановилась и повернула къ нему свое окровавленное, обезображенное лицо. Яркій свѣтъ электрическаго фонаря упалъ на нее.

— Мапочка!—вскрикнула Тотоша, стискивая руку матери.—Вѣдь это Стеша!.. Она, она... наша Стеша!

Женщина оглянулась на Тотошинъ крикъ и увидѣла Тулупьевыхъ, испуганно прижавшихся къ стѣнкѣ.

— Ах-ха-ха!—хрипло, давясь кровавой слюной, захохотала она:—Вотъ... он-ни!.. Сволочь проклятая... Стервы!.. Людоуды...

Городовой ударилъ ее въ спину, и она подавилась послѣднимъ страшнымъ ругательствомъ, которое висѣло на ея языкѣ.

— Вотъ чортъ эдакій!.. Скандалистка... Волоки ее, суку!.. Въ участкѣ тамъ ее произведутъ... Разойдитесь, разойдитесь, господа, дайте дорогу! Совсѣмъ это даже неприлично...

Ругаясь и пыхтя, городовые поволокли женщину дальше, а дюжій молодецъ бѣсновался и вопилъ имъ велѣдъ:

— Тридцать копѣекъ подай! Пропила, анафема? Изничтожу!..

Его увели. Публика стала расходиться. Кто смѣялся, кто негодовалъ; какой-то почтенный господинъ громко возмущался бездѣйствіемъ полиціи и говорилъ, что порядочному человѣку теперь по улицѣ нельзя пройти отъ разныхъ хулигановъ и проститутокъ.

— Развратъ! Разнузданность!.. Поголовное пьянство!.. А отчего? Оттого, что свобода!..—ворчалъ онъ и, запахнувшись потеплѣ въ шубу, величественно прослѣдовалъ мимо.

Дрожащія, испуганныя Тулупьевы сѣли въ свои сани, дожидавшіяся ихъ у тротуара.

— Куда теперь прикажете? — застегивая полость, спросилъ кучеръ Сергѣй (Андрея уже не было; его взяли въ солдаты, и онъ проливалъ свою кровь за отечество на Дальнемъ Востокѣ).

— Ахъ, домой! Скорѣе домой, пожалуйста! — простонала м-ше Тулупьева.

Тотоша, вся поблѣднѣвшая, сосредоточенно наморщивъ лобикъ, молчала и о чемъ-то думала. Страшная сцена, которую она увидѣла въ первый разъ въ своей жизни, не выходила у нея изъ головы и будила въ ней какія-то новыя, странныя мысли.

— Мамочка! — сказала она, наконецъ: — Это была Стеша. Я ее узнала... и она узнала насъ. Что съ ней сдѣлали? Что сдѣлали?

— Ахъ, ма chère, не думай ты объ этомъ! — томно вымолвила м-ше Тулупьева: — Это ужасно... я вся дрожу! И совсѣмъ это не Стеша... Мало ли ихъ такихъ!

— Нѣтъ, мамочка, это Стеша, Стеша! — упрямо повторила Тотоша, и ея ангельское личико было скорбно и сурово. — Мамочка что съ ней сдѣлали? Отчего она стала такая страшная? Отчего?

— Ну, милочка, почему же я знаю? И съ чего ты взяла, что это Стеша? Странная фантазія... Пожалуйста, не говори больше объ этомъ... Я такъ разстроена, теперь всю ночь не усну.

Она замолчала, но вдругъ что-то вспомнила и воскликнула съ тревогой:

— Ахъ, Боже мой, вѣдь намъ еще нужно купить серебрянаго газа для твоего бальнаго платья! У меня изъ головы вонъ... Какая непростительная разсѣянность... Сергѣй, Сергѣй, назадъ!..

В. І. Дмитриева

Рабочій вопросъ въ сельской Англіи.

(Историческій очеркъ).

I.

Современная Англія уже болѣе ста лѣтъ является „классической страной крупнаго землевладѣнія“. Аграрная революція, ведущая свое начало еще съ XVI ст., но достигшая полнаго своего развитія въ концѣ XVIII и началѣ XIX вв., имѣла главѣйшими своими послѣдствіями „прекращеніе старой системы открытыхъ полей“, насильственное огражденіе, путемъ болѣе или менѣе замаскированнаго поправленія законовъ о частной собственности, общинныхъ пашенъ и пустошей, введеніе раціональной системы земледѣлія, широкое примѣненіе сельскохозяйственныхъ машинъ, полное отдѣленіе рабочаго отъ земли и переходъ отъ мелкихъ фермъ къ крупнымъ.

Итоги этого переворота могутъ быть наглядно охарактеризованы нѣсколькими цифрами. Въ настоящее время $\frac{2}{3}$ Англіи и Уэльса принадлежатъ 10,204 собственникамъ, $\frac{2}{3}$ Шотландіи 330 и $\frac{2}{3}$ Ирландіи 1,942. По расчетамъ, сдѣланнымъ въ 1874 г., 500 лордовъ владѣютъ 20 мил. акровъ, т. е. почти половиною эксплуатируемой земли трехъ королевствъ, съ общимъ ежегоднымъ доходомъ въ $12\frac{1}{2}$ мил. ф. ст. При этомъ величина владѣній соотвѣтствуетъ рангу: каждый изъ герцоговъ въ среднемъ имѣетъ 142,200 акр., маркизъ—47.500, графъ—отъ 15,000—30,000, простой лордъ—болѣе 14,000 акр. *).

Эта горсть крупныхъ земельныхъ магнатовъ, владѣющихъ недѣлимыми, разбитыми на крупныя фермы, латифункціями, экономически господствуетъ надъ всей сельской Англіей. Ихъ громадныя владѣнія, нерѣдко занимающія площадь въ сотни тысячъ акровъ, придаютъ англійскимъ сельско-хозяйственнымъ графствамъ тотъ своеобразно пустынный видъ, который составляетъ характерную особенность южной и юго-восточной Англіи и рѣзко

*) Brodrick „English Land and Landlords“, ч. II, гл. III.

запечатлѣвается въ памяти наблюдателей *). Это господство крупнаго землевладѣнія, „опустошившее страну“, поглотившее мелкое крестьянство и мелкое фермерство, создавшее систему фермерства крупнаго и отдѣлившее земледѣльческаго рабочаго отъ земли, придаетъ аграрному движенію въ Англіи тотъ специфическій характеръ, котораго оно не имѣетъ ни въ одной другой европейской странѣ, такъ какъ здѣсь движеніе это, въ противоположность аграрному движенію Галиціи, Венгріи, Италіи и Испаніи, странъ съ преобладающей мелко-крестьянской собственностью, является движеніемъ чисто пролетарскимъ, если не по своей идеологіи, то по социальному составу охваченныхъ имъ слоевъ населенія.

Въ настоящее время въ Англіи разнь интересовъ ховяина и рабочаго въ земледѣліи полная и опредѣленная, вполне аналогичная съ положеніемъ дѣлъ на фабрикахъ, гдѣ оторванность рабочаго отъ орудій производства, зависимость отъ нанимателя и невозможность защищаться единоличными усиліями вызвали къ жизни рабочее движеніе. Въ современной Англіи земледѣльческій трудъ вполне дифференцированъ и окончательно утратилъ семейный отпечатокъ. Между прежнимъ мелкимъ фермеромъ, почти повсюду вытѣсненнымъ въ настоящее время, и его рабочими разница была мало замѣтна. Эти мелкіе фермеры, по словамъ Артура Юнга, въ смыслѣ жизненнаго комфорта стояли во всѣхъ отношеніяхъ на столь же низкомъ уровнѣ, какъ и ихъ поденщики. „Эти фермеры“, говоритъ Сисмонди, „были простыми пахарями... Они никогда не переставали быть крестьянами“. Рабочій жилъ на харчахъ у своего ховяина, и послѣдній, выжимая изъ своихъ батраковъ все, что только можно было выжать, во всемъ остальномъ не дѣлалъ между ними и собой почти никакой разницы. „Фермеръ“, говоритъ норфольскій рабочій, цитируемый Арнольдомъ Тойнби, „работалъ тогда наравнѣ съ своими батраками. У него было не больше книжной учености, чѣмъ у насъ, пастуховъ, не умѣвшихъ ни читать, ни писать“ **). Съ развитіемъ экономическихъ отношеній все это рѣзко измѣняется. Интенсификація земледѣлія, вызванная высокими хлѣбными цѣнами начала XIX ст., введеніе рациональнаго сѣвооборота и примѣненіе сложныхъ земледѣльческихъ машинъ было невозможно при сохраненіи прежняго типа мелкихъ фермеровъ, лишенныхъ капитала и, по складу своихъ привычекъ, ума и характера, враждебныхъ всякимъ пе-

*) „Югъ Англіи“, пишетъ Хагардъ, „напоминаетъ по безлюдности южно-африканскую „сепъ“... „Югъ Англіи“, по словамъ Артура Арнольда, „погруженъ въ такое безмолвіе, какого нельзя найти ни въ одной странѣ Европы со столь же плодородными землями“ (Рѣчь о земельной реформѣ 7 авг. 1887 г.). По словамъ Андерсона Грехема, въ Норфолькѣ можно проѣхать 25 квадратныхъ миль, не наткнувшись ни на одну жилую усадьбу и т. д.

**) Тойнби „Промышленный переворотъ въ Англіи“, гл. XV, стр. 289.

ремѣнамъ. Съ теченіемъ времени фермы стали консолидироваться и сдаваться лишь крупнымъ предпринимателямъ-капиталистамъ, мелкіе же сѣмщики были вынуждены оставлять свои участки, поступать простыми рабочими на новыя крупныя фермы, въ составъ которыхъ вошли десятки прежнихъ участковъ, или же искать внѣ-земледѣльческихъ заработковъ на сторонѣ. Смѣнившіе ихъ крупные арендаторы были людьми другого міра, и ихъ рабочіе почувствовали это очень скоро. „Фермеры“, говоритъ одинъ изъ нихъ, „обращаютъ на насъ не болѣе вниманія, чѣмъ на безсловесныхъ животныхъ; они равнодушно оставляютъ насъ сѣдять свою краюху хлѣба у края канавы“. Эта новая система капиталистическаго арендованія служила показателемъ уже ясно выраженной дифференціаціи капитала и труда, и возникновеніе ея было возможно только при широко развитомъ денежномъ хозяйствѣ, при значительномъ накопленіи капиталовъ и при наличности особаго класса безземельныхъ сельскихъ рабочихъ. Этотъ типъ арендаторовъ, быстро поглотившій прежнихъ „патріархальныхъ“ сѣмщиковъ, представлялъ собою настоящую деревенскую буржуазію, вооруженную капиталами и техническими знаніями, позволившими ей вводить высшія системы сельско-хозяйственной культуры. Де-Рузье слѣдующимъ образомъ описываетъ типичное помѣщеніе современнаго англійскаго фермера средней руки: „это небольшое, заботливо обставленное жилище съ паркетомъ, покрытымъ ковромъ или линолеумомъ, роялемъ, кресломъ-качалкою и другими мелочами банальной роскоши, которая служитъ какъ бы обычнымъ выраженіемъ матеріальнаго достатка“ *).

По вычисленіямъ французскаго экономиста, для того, чтобы снять ферму въ 206 акровъ, необходима наличная сумма въ 50,000 франковъ. Между тѣмъ фермы въ 206 акровъ считаются въ Англіи мелкими и для оборудованія болѣе крупнымъ фермъ необходимъ наличный капиталъ въ 150—200 тыс. франковъ **).

Въ настоящее время господствующимъ типомъ можно считать фермерскія хозяйства, занимающія отъ 300—500 акровъ, хотя не мало фермъ и значительно большихъ размѣровъ. Такъ, напримеръ, въ Норфолькѣ гольгемское имѣніе гр. Лейстера, заключающее въ себѣ до 40,000 акровъ, раздѣлено всего лишь между 51 фермеромъ. Во многихъ восточныхъ и южныхъ графствахъ докладчики „королевской агрикультурной комиссіи“ считают преобладающимъ типъ фермерскаго хозяйства въ 1,000 акр. и болѣе, а въ Салисберійской равнинѣ (Уилтъширъ) фермы занимаютъ по большей части площадь въ 600—700 акр.***). Шотландскія

*) Де-Рузье. „Профессиональные рабочіе союзы въ Англіи“, стр. 28.

**) По мнѣнію Гольдштейна, расходъ на акръ пахотной земли составляетъ отъ 8—10 ф. с., на пастбищахъ же отъ 10—12 ф. ст. См. Goldstein „Berufsgliederung“.

***) Альберъ Метенъ „Соціализмъ въ Англіи“, гл. IV.

имѣнія герц. Сутерлендъ, содержащія до 1½ милл. акровъ, раздѣлены на 29 фермъ, по 1000 акровъ каждая и т. д. Такого рода фермы являются, слѣдовательно, чисто капиталистическими предприятиями, располагающими всѣми выгодами крупной формы хозяйствованія.

Исключительно этому новому типу крупныхъ и долгосрочныхъ арендъ англійское хозяйство обязано своей меліорацией, сдѣлавшей англійскія фермы, въ періодъ „расцвѣта“ англійскаго земледѣлія (съ 40-хъ по 70-ые гг. XIX ст.), образцовыми школами агрономіи.

Матеріальная и духовная жизнь такого крупнаго фермера рѣзко разнится отъ жизни его рабочихъ. Онъ—хозяинъ, „наниматель“, „джентльмэнъ-фермеръ“, типичный капиталистъ-предприниматель, тогда какъ его наемникъ является типичнымъ пролетаріемъ.

Въ Англіи классъ наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ давно уже, въ силу историческихъ условій этой страны, оторванъ отъ земли, и у современнаго сельскаго батрака нѣтъ ничего, кромѣ его рабочихъ рукъ и жалкаго домашняго скарба. До обрабатываемой имъ земли ему нѣтъ и не можетъ быть никакого дѣла. Это не мелкій собственникъ, не крестьянинъ, не французскій „половникъ“, даже не нѣмецкій „Zwergwirth“, но типичный пролетарій, озабоченный только высотой заработной платы. Это полное разобщеніе англійскаго рабочаго съ англійскою землею, пріобрѣсти которую у него нѣтъ никакой надежды, образуетъ неизгладимую пропасть между нимъ и нанимателемъ, являясь въ то же время основной причиной зависимаго положенія англійскаго сельско-хозяйственнаго пролетаріата. Что условія найма современныхъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ поставлены въ крайне неблагоприятныя условія—въ этомъ согласны всѣ наиболѣе выдающіеся наблюдатели англійской жизни. По компетентному мнѣнію Торольда Роджерса, положеніе англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ XIX ст. ухудшилось по сравненію со всѣми предыдущими вѣками: „Земледѣльческій рабочій опять сталъ крѣпостнымъ, при томъ плохо питающимся и живущимъ въ скверномъ помѣщеніи“ *).

„Условія найма и заработной платы“, пишетъ Альберъ Метень, „вполнѣ зависятъ отъ фермера и землевладѣльца; и тотъ, и другой пользуются по отношенію къ рабочимъ двойнымъ правомъ хозяина и собственника“ **).

„Земледѣльческіе рабочіе въ Англіи“, говоритъ проф. Бутми, „такъ же неустойчивы и беззащитны, какъ пыль, которую можетъ поднять любой вѣтеръ“ ***). „Сельскій рабочій“, пишетъ авторъ

*) Thorold Rogers „A History of Agriculture and Prices in England“.

**) Метень. „Соціализмъ въ Англіи“, гл. IV.

***) Boutmy „Essai d'une psychologie politique du peuple anglais“.

новѣйшаго изслѣдованія быта англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, Райдеръ Хаггардъ, „всецѣло зависитъ отъ сквайра и отъ священника. Помѣщикъ вмѣшивается рѣшительно во все и пытается нормировать даже личную жизнь рабочаго“ *)... Парламентскія пренія по поводу избирательныхъ приходскихъ совѣтовъ (1894), отчеты официальныхъ комиссій и данныя, собранныя частными обществами, вполне подтверждаютъ эти отзывы и даютъ наглядную картину тисковъ, въ которые попалъ англійскій земледѣльческій рабочий, благодаря полному отсутствію какой бы то ни было возможности къ существованію помимо заработной платы, съ одной стороны, и монополіи земли въ рукахъ лэндлордовъ—съ другой. Сквайръ и пасторъ являются и до сихъ поръ, не смотря на всѣ реформы 80-тыхъ и 90-тыхъ гг., почти полновластными распорядителями англійской деревни, и интересы и стремленія фермеровъ по рабочему вопросу всегда встрѣчаютъ поддержку со стороны землевладѣльцевъ, которые дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее для обезпеченія своимъ кліентамъ дешевой рабочей силы и для охраны ихъ рабочихъ отъ современной „заразы“ тредъ-юніонизма.

Рабочій договоръ въ большинствѣ земледѣльческихъ мѣстностей Англіи представляетъ собою настоящую кабальную запись. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, рабочіе обязуются въ случаѣ болѣзни выставить вмѣсто себя кого-либо изъ членовъ своего семейства. Многіе фермеры принуждаютъ своихъ рабочихъ работать *только у нихъ* и немедленно выселяютъ изъ коттеджа рабочаго, взявшаго сторонній заработокъ, или даже допустившаго взять такой заработокъ кому-либо изъ членовъ своего семейства. Проволь англійскихъ фермеровъ нерѣдко доходитъ до виртуозности. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ фермеры, желая утилизировать даже калъ своихъ рабочихъ, монополизировали отхожія мѣста, и въ предѣлахъ ихъ фермъ такія постройки строго контролируются. Райдеръ Хаггардъ въ своемъ цитированномъ уже нами изслѣдованіи приводитъ массу характерныхъ фактовъ этого рода. Въ одномъ случаѣ, напримѣръ, землевладѣлецъ, въ припадкѣ нравственнаго негодованія, потребовалъ, чтобы отецъ прогналъ свою забеременѣвшую дочь, грозя въ случаѣ неповиновенія лишить его работы и помѣщенія; въ другомъ—сельскаго рабочаго прогоняютъ, если священникъ донесетъ, что онъ дважды не былъ въ церкви...

„Рабочій, пишетъ Хаггардъ, не знаетъ, что будетъ завтра, не можетъ сказать съ увѣренностью, гдѣ будетъ ночевать черезъ недѣлю, такъ какъ сквайръ можетъ разсердиться и выгнать его на улицу“. Вообще давленіе, оказываемое нанимателями при помощи

*) „Rural. Engalnd. Being an account of agricultural and social researches carried out in the years 1901—1902“.

деревенского „квартирного вопроса“ составляет предметъ постоянныхъ жалобъ со стороны рабочихъ. По словамъ одного изъ ихъ представителей, „система сдачи коттеджей съ фермами даетъ возможность держать рабочихъ въ рабствѣ и понижать цѣны на рабочія руки“ (показаніе секретаря „Норфольскаго и Норвичскаго рабочаго союза“ представителю „Королевской агр. культурной комиссіи“).

По словамъ Джозефа Арча, земледѣльческіе рабочіе „теряютъ часть своей независимости и бываютъ поставлены въ необходимость соглашаться иногда на низшую заработную плату, чтобы не быть вынужденными перемѣнить жилище“. Дѣло въ томъ, что независимо отъ того, гдѣ будетъ построенъ „коттедж“, снятый рабочимъ, на землѣ ли фермера или ландлорда, и тотъ и другой всегда могутъ, безъ всякихъ объясненій, потребовать, чтобы онъ очистилъ его и отправился со своей семьей искать другое помѣщеніе—или же покорился ихъ требованіямъ. Особенно часто подвергаются изгнанію рабочіе, принимающіе дѣятельное участіе въ дѣлахъ какого-либо союза или даже просто состоящіе его членами. Такого рода возмутительныя изгнанія юніонистовъ представляютъ собою въ англійской деревнѣ весьма обычное явленіе, ни въ комъ не вызывающее особаго удивленія и негодованія, какъ явленіе самое обыденное и нормальное.

Что касается до уровня заработной платы земледѣльческимъ рабочимъ, то въ настоящее время онъ номинально колеблется между 12 и 16 шиллингами въ недѣлю, фактически-же, для чисто земледѣльческихъ мѣстностей, нерѣдко опускается до 10 и даже до 9 ш. въ недѣлю, при чемъ не менѣе $\frac{1}{6}$ заработка уходитъ на наемъ помѣщенія и значительный % удерживается нанимателями въ формѣ т. н. „штрафовъ“, за пропускъ рабочаго времени во время болѣзни и т. д.

Для того, чтобы получить наглядное представленіе о высотѣ такого заработка, необходимо сравнить его съ заработкомъ англійскихъ рабочихъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время прядильщикъ въ Лидсѣ зарабатываетъ, при 8—9-часовомъ трудѣ, около 31 шил. въ недѣлю, слесари въ Глазго получаютъ 30 шил., плотники вырабатываютъ не менѣе 35 шил., наборщики въ Эдинбургѣ—32 шил., машинисты отъ 25 до 40 шил., каменщики въ Глазго—отъ 34 до 40 и т. д. При такой значительной разницѣ въ оплатѣ труда рабочій день сельскаго рабочаго несравненно продолжительнѣе рабочаго дня его индустріальныхъ и городскихъ товарищей. Рабочее время на англійскихъ фабрикахъ никогда не превышаетъ 54—56 ч. въ недѣлю, тогда какъ земледѣльческіе рабочіе нерѣдко принуждены трудиться отъ 70 до 80 ч. *).

*) Веббъ и Коксъ. „8-часовой рабочій день“.

непостоянство и неравномѣрность ихъ заработка, что крайне тяжело отражается на матеріальномъ положеніи рабочихъ. Почти всѣ англійскіе земледѣльческіе рабочіе могутъ имѣть заработокъ не круглый годъ—многіе лишь въ теченіе $\frac{3}{4}$ года, а женщины и дѣти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лишь въ теченіе полугода. Если мѣстами заработная плата поднимается выше указанной нормы, то это почти всегда объясняется нѣкоторыми чисто мѣстными условіями, особенно близостью фабричныхъ центровъ, заводовъ, угольныхъ копей и другихъ промышленныхъ предпріятій, обычно поднимающихъ цѣну на рабочія руки.

Въ такихъ смѣшанныхъ промышленно-земледѣльческихъ графствахъ высокій умственный уровень и самостоятельность организованныхъ промышленныхъ рабочихъ оказываетъ значительное вліяніе и на ихъ земледѣльческихъ сосѣдей, которые въ такихъ мѣстностяхъ всегда держатъ себя болѣе независимо по отношенію къ нанимателямъ и болѣе энергично отстаиваютъ свои интересы. Поэтому заработная плата земледѣльческимъ рабочимъ въ Нортуберлэндѣ и Дургемѣ всегда выше, чѣмъ въ Йоркширѣ, Йорстерѣ и другихъ чисто земледѣльческихъ районахъ.

Еще сравнительно недавно взрослый рабочий могъ, въ горячее время хлѣбной уборки, заработать около фунта ст. (20 ш.) въ недѣлю. Въ настоящее время такія цѣны все болѣе и болѣе отходятъ въ область преданій.

Несомнѣнное пониженіе заработной платы за два послѣднихъ десятилѣтія вызвано прежде всего непрерывно возрастающимъ со времени кризиса 70-хъ г.г. примѣненіемъ машинъ, введеніе которыхъ, въ виду капиталистическаго и централизованнаго характера англійскаго земледѣлія, произошло необыкновенно быстро почти во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и сопровождалось роковымъ для рабочихъ результатомъ. Вслѣдствіе техническихъ изобрѣтеній и усовершенствованія машиностроенія земледѣліе требуетъ все менѣе и менѣе живого труда. Жатвенная машина (уже въ половинѣ 80-хъ г.г. такихъ машинъ въ Англіи было до 60,000), такъ же какъ и паровой плугъ*), исполняетъ работу 10 человѣкъ; на косьбу травы съ машиною требуется два человѣка, безъ машины—9; на жатву съ машиною 3 чел., безъ машины—12; на вязку сноповъ съ машиною 2 чел., безъ машины—12 и т. д.**) Сельскіе рабочіе становятся излишними. Значительное число ихъ осталось безъ заработковъ и должно было выселиться въ города, а другая часть, въ силу созданнаго такимъ образомъ увеличенія конкуренціи, вынуждена довольствоваться все меньшимъ и мень-

*) По официальнымъ даннымъ въ 1871 г., въ Англіи работало уже болѣе 2,000 паровыхъ плуговъ. См. Каутскій „Аграрный Вопросъ“, гл. IV, стр. 43.

**) По даннымъ Samuelson'a. Цитировано С. Булгаковымъ „Капитализмъ и земледѣліе“.

шимъ вознагражденіемъ. Введеніе машинъ повело за собою замѣну взрослыхъ рабочихъ вездѣ, гдѣ это возможно, женщинами, подростками и дѣтьми, довольствующимися меньшей заработной платой и менѣе способныхъ къ сопротивленію и протестамъ.

Конкуренція женщинъ и дѣтей усугубляется конкуренціей пришлыхъ, не сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, массами стекающихся въ сельскую Англію во время нѣкоторыхъ особенно горячихъ работъ. Эти странствующие рабочіе состоятъ изъ „нерегулярной арміи доковъ“, изъ безработныхъ, готовыхъ работать за любую плату, и отребья лондонскихъ трущобъ и ближайшихъ городскихъ центровъ, не дисциплинированныя массы которыхъ оказываютъ своей конкуренціей не только самое гибельное вліяніе на уровень заработной платы, но и на всѣ попытки къ прочной организаціи профессиональных земледѣльческихъ рабочихъ. „Запасная армія безработныхъ“ и промышленныя кризисы имѣютъ на профессиональное движеніе земледѣльческихъ рабочихъ глубоко-реакціонное вліяніе, нерѣдко въ корни подрывая всѣ начинанія въ этомъ направленіи.

Что же касается до попытокъ сельскихъ рабочихъ найти себѣ подсобный заработокъ, то всѣ онѣ роковымъ образомъ ведутъ къ неудачѣ или же къ пониженію заработной платы. Именно такое значеніе имѣетъ сочувственно встрѣченный лэндлордами законъ объ Allotments, добровольно практиковавшійся ими и ранѣе. Какъ извѣстно, на основаніи этой системы, при которой, по словамъ Милля, „неимущій людъ самъ вырабатываетъ для себя свой нищенскій паекъ“, сельскихъ рабочихъ снабжаютъ клочками земли, завѣдомо недостаточными для ихъ существованія, имѣя въ виду создать особый классъ прикрѣпленныхъ къ землѣ и находящихся всегда подъ рукою профессиональных земледѣльческихъ рабочихъ, которымъ, благодаря ихъ Allotments всегда можно урѣзывать заработокъ и удерживать ихъ на мѣстѣ призракомъ „собственного хозяйства“.

Не болѣе значенія имѣютъ попытки рабочихъ помочь себѣ т. н. „домашними промыслами“. Тамъ, гдѣ эти промыслы служатъ лишь дополненіемъ основного сельско-хозяйственного заработка они лишь поддерживаютъ низкій уровень заработной платы, давая взаменъ этого нищенскіе гроши и отнимая массу труда и времени. Въ Бадфордширѣ и Гертфордширѣ, напримѣръ, плетутъ соломенные шляпы и циновки, своими инструментами и из своего матеріала, вырабатывая при самомъ упорномъ трудѣ въ болѣе 3 п. (9 к.) въ часъ. Въ деревняхъ между Кольчестеромъ и Ипсвичемъ женщины шьютъ бѣлье для лондонскихъ модныхъ магазиновъ, получая не болѣе 1 пенни (3 к. въ часъ *).

*) См. Меренъ „Соціализмъ въ Англіи“ и Де Рузье „La question de travail en Angleterre“.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такіе рабочіе могутъ разсчитывать на болѣе высокій заработокъ, они обыкновенно оставляютъ земледѣліе, переходя въ разрядъ децентрализованныхъ промышленныхъ рабочихъ, уже вполне чуждыхъ земледѣлію. Оставшимся же вѣрными своему прежнему занятію слишкомъ часто приходится разсчитывать въ тяжелыя времена на „благотворительность“ сквайра, фермера или пастора, снабжающихъ „трезвыхъ и благочестивыхъ“ рабочихъ углемъ, платьемъ и традиціонными „порціями супа“. Нечего, конечно, и говорить, насколько необходимость прибѣгать къ такого рода благотворителямъ увеличиваетъ въ рабочихъ гнетущее сознаніе безвыходности своего положенія и какія чувства возбуждаетъ эта „благотворительность“ въ наиболѣе сознательныхъ слояхъ рабочей массы, у которой нѣтъ впереди ничего, кромѣ вѣчной нужды и рабочаго дома подъ старость.

II.

Такое положеніе дѣлъ не могло не встрѣтить оппозиціи со стороны самихъ рабочихъ, давно уже образовавшихъ вполне опредѣленный и обособленный классъ пролетаріевъ. Среди этого класса не могло не возникнуть недовольства и стремленія улучшить условія своего найма. Духъ протеста давно уже зародился и жилъ среди наименѣ забытыхъ слоевъ земледѣльческаго населенія и ожидалъ лишь благопріятныхъ условій для своего развитія.

Стремленіе такъ или иначе улучшить свое положеніе путемъ профессиональных организацій, какъ необходимыхъ предпосылокъ борьбы за условія найма, въ продолженіе всего XIX ст. было свойственно земледѣльцамъ Дорсетшира или Лоркшира не менѣе, чѣмъ ланкаширскимъ ткачамъ или нортумберлендскимъ рудокопамъ, обладающимъ въ настоящее время наиболѣе сильными и умѣло управляемыми тредъ-юніонами. Вообще, примѣръ промышленныхъ тредъ-юніоновъ былъ слишкомъ ярокъ, чтобы не оказать своего вліянія на сельскую Англію и не вызвать тамъ подражаній—сперва искусственныхъ и лишенныхъ почвы, а затѣмъ, съ эволюціей аграрныхъ отношеній, создавшей къ концу 60 гг. XIX ст. всѣ элементы, необходимые для профессиональнаго движенія, уже вполне сознательныхъ и плановѣрныхъ. Характерная историческая черта англичанъ—стремленіе упорно отстаивать свои права и интересы—издавна была свойственна сельскому населенію Англіи, и съ первыми союзами земледѣльческихъ рабочихъ, нѣкоторыми своими чертами сильно напоминающими знаменитое профессиональное движеніе 70-хъ гг. прошлаго вѣка (союзъ Арча), мы встрѣчаемся еще во второй по-

ловинѣ XIV ст., одновременно съ зарожденіемъ въ Англіи самаго класса наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ.

Въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вв. результатомъ замѣны натуральныхъ повинностей денежными былъ переходъ какъ прежнихъ крѣпостныхъ, такъ и малоземельныхъ, т. е. „свободныхъ держателей“, въ разрядъ наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Уже въ царствованіе первыхъ двухъ Эдуардовъ число крѣпостныхъ въ Англіи было недостаточно для обработки помѣщичьихъ земель, и землевладѣльцы уже тогда были поставлены въ необходимость прибѣгать къ вольно-наемному труду, на что ясно указываютъ счета помѣстныхъ управителей того времени, въ которыхъ все чаще и чаще встрѣчаются указанія на издержки по найму сельско-хозяйственныхъ рабочихъ *).

Рядъ неурожаевъ, постигшихъ Англію въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIV ст., сильно способствовалъ увеличенію числа такихъ рабочихъ, такъ какъ помѣщики въ то время массами отпускали своихъ крѣпостныхъ на волю, желая избавиться отъ издержекъ на ихъ пропитаніе. Согласно мнѣнію Фридмана, принимаемому и М. М. Ковалевскимъ, къ концу XIV ст. классъ наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ уже вполне образовался. Этотъ вновь возникшій классъ скоро вызвалъ къ себѣ вниманіе правительства Эдуарда III, которое издало по отношенію къ нему рядъ полицейскихъ правилъ и регламентацій, носившихъ, какъ и все вообще социальное законодательство того времени, характеръ явнаго покровительства имущимъ классамъ. Законодательство это приняло систематическій и уже вполне опредѣленный классовый характеръ послѣ посѣщенія Англіи знаменитой чумой 1348 г., свирѣпствовавшей главнымъ образомъ среди низшихъ слоевъ населенія и имѣвшей послѣдствіемъ выгодное для рабочихъ измѣненіе отношеній спроса на трудъ къ предложенію **). Послѣ чумы заработная плата сельскимъ рабочимъ поднялась въ обычное время на 50%, а во время уборки хлѣба на 60%. Королевское правительство и парламентъ поспѣшили придти на помощь землевладѣльцамъ. Прежде всего стѣснена была эмиграція. Затѣмъ отъ имени короля было формально воспрещено требовать болѣе высокой заработной платы и предписано рабочимъ довольствоваться заработкомъ, установленнымъ до чумы. Всякій же, отказавшійся отъ предложенной на такихъ условіяхъ работы, подлежалъ тюремному заключенію впредь до представленія имъ поручительства въ поступленіи на службу на указанныхъ условіяхъ ***). По постанов-

*) Th. Pogers „A History of Agriculture and Prices in England“.

**) По словамъ хроникеровъ, чума истребила болѣе половины англійскаго населенія.

***) М. М. Ковалевскій. „Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV ст. и мировые судьи, какъ разбиратели споровъ между предпринимателями и рабочими“. Лондонъ 1874 г., стр. 22.

ленію статута 1360 г. (Statute of Labourers), рабочихъ, требовавшихъ болѣе высокой платы, предписывалось заключать въ тюрьмы, а бѣглецовъ клеймить раскаленнымъ желѣзомъ.

Такимъ путемъ всѣ тягостныя послѣдствія экономическаго кризиса искусственно перекладывались на рабочий классъ.

Въ это переходное время, когда найти нужныя рабочія руки за прежнюю дешевую цѣну стало фактически невозможно, фео-
дальнымъ владѣльцамъ пришлось пожалѣть о преждевременно
данныхъ отпускныхъ, и съ ихъ стороны сталъ предприниматься
рядъ попытокъ къ реставраціи отживавшаго крѣпостного со-
стоянія и къ возвращенію свободныхъ уже рабочихъ снова въ
разрядъ вилленовъ.

„Лендлорды, по словамъ Грина, требовали новыхъ платъ и барщины и принуждали людей, привыкшихъ считать себя свободными, доказывать судебнымъ порядкомъ, что они не виллены. Свободные рабочіе боролись противъ попытокъ требовать отъ нихъ работы за низкую плату. Рабочихъ хватали и клеймили, какъ бродягъ“ *).

Эти мѣры привели къ результатамъ діаметрально противоположнымъ желаемымъ, возбудивъ во вновь возникшемъ классѣ наемныхъ рабочихъ сознаніе своей классовой солидарности и приведя къ образованію въ его средѣ многочисленныхъ братствъ и союзовъ. Насильственнымъ мѣрамъ законодателей рабочий классъ противопоставилъ силу свободного соединенія, основаннаго на сознаніи единства интересовъ и цѣлей.

Возникновеніе такихъ организацій въ средѣ сельскаго населенія начинается съ самаго появленія указанныхъ постановленій. Статутъ 1350 г. уже находитъ нужнымъ принять мѣры противъ лицъ, подстрекающихъ рабочихъ къ сопротивленію, и судьямъ предоставляется дискреціонная власть при опредѣленіи наказаній для всѣхъ подобнаго рода подстрекателей. Самое примѣненіе статута встрѣчаетъ упорное сопротивленіе и ведетъ къ кровавымъ столкновеніямъ между рабочими и лицами, пытающимися привести въ исполненіе тѣ или другія постановленія „Статута о рабочихъ“.

„Къ концу царствованія Эдуарда III,—говоритъ М. М. Ковалевскій,—сельскіе рабочіе почти въ каждомъ помѣстьи соединены между собою въ союзы, къ немалому ужасу помѣщиковъ, въ глазахъ которыхъ рабочія братства мало чѣмъ отличаются отъ разбойническихъ шаекъ“ **). Возникшій конфликтъ между трудомъ и капиталомъ постепенно принимаетъ ясно выраженный и острый характеръ. Въ сельскихъ округахъ происходятъ тайныя собранія рабочихъ и вилленовъ, стачки и забастовки дѣлаются явленіемъ весьма обычнымъ среди трудящагося люда ***), и движеніе начинается

*) Гринъ, „Исторія англійскаго народа“, т. I; стр. 370—372.

**) Ковалевскій, стр. 30.

***) Cunningham „English Industry and Commerce“, p. 357.

принимать определенный пролетарский отбѣнокъ. Въ то время, по словамъ одного современника, „люди, не имѣвшіе земли или какого-либо дохода и живущіе трудами рукъ своихъ, не хотѣли питаться дешевымъ элемъ и свининой и требовали свѣжаго мяса и рыбы, вареной или жареной, и чтобы это было горячо и какъ можно вкуснѣе для улады своего чрева“ *).

Въ то же время поэтъ Ланглендъ, авторъ знаменитой поэмы о „Петрѣ Пахарѣ“, многія страницы которой сдѣлались, по словамъ проф. Гиббинса, лозунгомъ возстанія для крестьянъ и вилленовъ, нашелъ нужнымъ обратиться съ увѣщательнымъ словомъ къ наемнымъ рабочимъ, къ тѣмъ, „у кого нѣтъ земли, чтобы добывать отъ нея трудами рукъ своихъ средства къ жизни, нѣтъ ничего, кромѣ своихъ рабочихъ рукъ, и которые тѣмъ не менѣе не хотятъ удовлетвориться скромнымъ положеніемъ“ **). Дѣйствительно, въ то время „люди, не имѣвшіе ничего, кромѣ своихъ рабочихъ рукъ“, не были довольны своимъ положеніемъ, но движеніе ихъ не преслѣдовало никакихъ широкихъ цѣлей, и утопическіе планы социальнаго переустройства въ пролетарскихъ элементахъ того времени были слабо развиты ***), хотя движеніе ихъ и не было стихійной борьбой озвѣрѣвшей голодной массы, какъ, напримѣръ, возстаніе французскихъ „жаковъ“ того-же вѣка. Въ то время союзы являлись для рабочихъ не болѣе какъ средствомъ къ успѣшной борьбѣ противъ притѣснительныхъ постановленій. „Ихъ цѣль стать въ такое положеніе, при которомъ практическое примѣненіе „Статута о рабочихъ“ сдѣлалось бы невыполнимымъ“ (Ковалевскій). Наемные земледѣльческіе рабочіе того времени принимаютъ своеобразную тактику, до сихъ поръ практикуемую въ тѣхъ же цѣляхъ рабочими Помераніи, Западной Пруссіи и о. Рюгена ****): при всякой попыткѣ уменьшить заработную плату или выплачивать ее натурою, все рабочее населеніе помѣстья поднимается и уходитъ искать заработковъ въ другомъ мѣстѣ, нерѣдко въ другомъ графствѣ и даже на континентѣ. Ихъ рабочіе союзы систематически организуютъ такіа переселенія, обнаруживая этимъ поразительное сходство съ политикой земледѣльческихъ трэдъ-юніоновъ 70-хъ гг. XIX ст.

Но помимо борьбы со „Статутомъ“ и изъ-за заработной платы, рабочіе обнаруживаютъ неудержимое стремленіе перейти изъ класса наемниковъ въ классъ мелкихъ собственниковъ или арендаторовъ, избавленныхъ законодательствомъ отъ тѣхъ стѣснительныхъ постановленій, которыми была обставлена жизнь наемнаго рабочаго. Всѣ помыслы и усилія сельскихъ рабочихъ направляются къ тому,

*) Гринъ, „Исторія англійскаго народа“, т. I, стр. 370.

**) Гиббинсъ „Англійскіе реформаторы“, ч. I, стр. 22.

***) За исключеніемъ „проповѣдей“ Джона Болля.

****) См. Wintenberg, „Die Lage der ländlichen Arbeiter“, S. 52.

- чтобы скопить, пользуясь высокой заработной платой, небольшую сумму и купить или снять клочекъ земли, ставъ такимъ образомъ предпринимателемъ - собственникомъ. Дѣятельность ихъ союзовъ также проникнута этими стремленіями. Эти союзы, разбросанные по всему королевству, соединились въ 80-хъ гг. XIV ст. въ одинъ общій союзъ рабочаго населенія всего королевства, возставшій въ 1381 г. подъ предводительствомъ Уота Тайлора. Программа же кентскихъ и эссекскихъ инсургентовъ, насколько она извѣстна намъ теперь *), была программой мелкихъ собственниковъ.

„Возставшіе провозгласили, что ни одинъ арендаторъ не долженъ отбывать барщину и платить сборы въ пользу лордовъ, какъ это дѣлалось въ старые годы“ („Annals of England“, р. 203), и потребовали возвращенія захваченной и огороженной лордами крестьянской собственности, уничтоженія барщины, и личныхъ повинностей, и всеобщаго перехода къ денежнымъ взносамъ за пользованіе землею, и свободы торговли на ряду съ свободой земельной мобилизаціи.

Крестьянское возстаніе 1381 г. не достигло и не могло достигнуть всѣхъ намѣченныхъ имъ цѣлей, но побѣжденные мятежники 1381 г. явились фактическими побѣдителями.

Крѣпостное право быстро исчезаетъ, натуральныя повинности замѣняются денежными оброками, а общее положеніе рабочаго класса настолько улучшается, что столѣтіе, слѣдовавшее за знаменитой чумой и крестьянскимъ возстаніемъ, не безъ основанія извѣстно у англійскихъ историковъ подъ именемъ „золотого вѣка“ рабочаго класса.

Стоимость содержанія въ тѣ времена была въ десять разъ дешевле противъ настоящаго. Три фунта мяса можно было купить за пенни (3 к.); свинья стоила около четырехъ пенсовъ (около 12 к.) и т. д. Рабочій день того времени рѣдко превышалъ 8 час. въ сутки; спросъ на трудъ былъ постоянный и всегда превышалъ предложеніе, что и привело къ столь сильному подъему заработной платы. Установившійся въ то время размѣръ поземельной платы былъ очень низокъ и доступенъ для каждаго; кромѣ того, земледѣльческіе рабочіе при высокомъ заработкѣ пользовались еще правомъ пасти свой скотъ на общинномъ выгонѣ.

Такое положеніе не могло не отразиться на дальнѣйшей судьбѣ рабочаго движенія того времени.

Такъ какъ движеніе это не ставило себѣ никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ уничтоженія ненавистнаго „Statute of Labourers“, и открытія каждому свободнаго доступа къ землѣ, то съ дости-

*) См. М. Ковалевскій „Общ. строй въ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ“, и изслѣдованіе Петрушевскаго „Возстаніе Уота Тайлора“.

женіемъ этихъ двухъ основныхъ задачъ и съ прочнымъ, повидимому, улучшеніемъ положенія рабочаго класса оно потеряло въ глазахъ трудящихся массъ всякое значеніе, и многочисленные боевые союзы и трудовыя братства быстро распались, а бывшіе члены ихъ или осыли на землѣ въ формѣ мелкихъ и среднихъ сѣмщиковъ, или же оставили свои организаціи, вполне довольные своимъ новымъ положеніемъ и не видя смысла въ дальнѣйшей борьбѣ.

Но эти перемены въ аграрныхъ отношеніяхъ, выгодныя для рабочихъ и мелкихъ фермеровъ, были прямо таки раззорительны для крупныхъ арендаторовъ и землевладѣльцевъ, ведшихъ самостоятельное хозяйство. Доходы, получаемые лэндлордами съ крупныхъ и среднихъ арендаторовъ, также сильно уменьшились: при высокой заработной платѣ и дороговизнѣ земледѣльческихъ орудій послѣдніе уже не могли выплачивать арендной платы въ прежнемъ размѣрѣ *).

Недостатокъ въ тѣ времена наличныхъ капиталовъ и техническихъ знаній не позволялъ лэндлордамъ приступить къ правильной организаціи самостоятельнаго хозяйства на капиталистическихъ основахъ и принудилъ ихъ раздать всю землю мелкимъ арендаторамъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ и сельскихъ рабочихъ. Это былъ единственный возможный выходъ, но при такихъ условіяхъ землевладѣльцамъ—этому наиболѣе вліятельному въ то время социальному классу—пришлось отказаться отъ большей части своихъ прежнихъ доходовъ, и первая же возможность измѣнить такой порядокъ вещей должна была въ корнѣ революціонировать весь вѣками сложившійся аграрный строй средневѣковой Англіи. Эта возможность измѣнить хозяйственный строй къ выгудѣ для лэндлордовъ наступила уже къ концу „золотого“, т. е. XV вѣка.

✓ Къ этому времени въ Англіи начинаетъ быстро развиваться текстильная промышленность, и спросъ на тонкую англійскую шерсть усиливается во Фландріи, Франціи и Италіи. Съ 70-хъ гг. XV ст. цѣны на шерсть постоянно поднимаются **), и англійскимъ овцеводамъ обезпеченъ не только обширный внутренній рынокъ, но открытъ для сбыта почти весь континентъ, гдѣ постоянныя войны не давали развиваться правильному овцеводству. Скоро для англійскихъ землевладѣльцевъ оказалось выгоднѣе превратить большую часть своихъ пахотныхъ полей въ пастбища, а остальную—въ крупныя фермы, и они не остановились передъ этимъ.

Сильный притокъ въ деревню городскихъ капиталовъ, искав-

*) По Роджерсу жатва въ среднемъ имѣніи до 1348 г. обходилась около 3 ф. 14 п.; послѣ же этого года она стоила уже 13 ф. ст.

**) См. таблицу цѣнъ на шерсть въ книгѣ Ченей: „Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI ст. по свидѣтельству современниковъ“, гл. II, стр. 18

шихъ приложенія, далъ возможность приступить къ аграрному перевороту, сулившему предпринимателямъ крупныя выгоды и просто разрѣшавшій наболѣвшій для нихъ рабочий вопросъ, такъ какъ для разведенія овецъ на „овчарныхъ фермахъ“ требовалось ничтожное число рабочихъ рукъ, а плата пастухамъ въ то время была ниже, чѣмъ всѣмъ другимъ рабочимъ. Но этотъ крупный переворотъ, бывшій результатомъ назрѣвшей экономической необходимости, не могъ совершиться безъ коренной реорганизаціи всего социальнаго строя англійской деревни того времени, покоившагося на общинномъ землевладѣніи и связанной съ нимъ системѣ такъ называемыхъ „открытыхъ полей“.

Пользуясь путаницей феодальныхъ отношеній, отсутствіемъ у крестьянъ письменныхъ доказательствъ на право владѣнія ихъ землею и опираясь на монополію управленія, крупные землевладѣльцы стали сперва захватывать пустыши и общественныя выгоны, а затѣмъ и самыя пашни, которыя безцеремонно включались въ число земель лорда и обносились оградою.

Парламенты стали издавать знаменитые „Inclosure acts“, по которымъ общинныя угодья отмежевывались въ пользу лордовъ. Этому дѣлу былъ приданъ видъ законности, но въ дѣйствительности эта наглая экспропріація фактическихъ владѣльцевъ была открытымъ попраніемъ обычнаго права. Крупные землевладѣльцы безцеремонно грабили крестьянъ и грабежи ихъ санкціонировались законодателями-землевладѣльцами. Для правящаго класса эти захваты составляли экономическую необходимость, такъ какъ при сохраненіи стараго режима было невозможно правильное овцеводство и земледѣліе, но для крестьянъ они были страшнымъ ударомъ. Англійская литература того времени, начиная съ знаменитой „Утопіи“ Томаса Мора, переполнена яркими картинами ихъ бѣдственнаго положенія. Такъ, напримѣръ, Гаррисонъ (въ царствованіе Елизаветы) пишетъ, что вслѣдствіе огражденій „жители во многихъ мѣстностяхъ погибаютъ, а дома ихъ срываются и постепенно приходятъ въ разрушеніе“. „Эти огороженные мѣста, говоритъ Стеббсъ, являются причиною того, что богатые поѣдаютъ бѣдныхъ такъ же, какъ скотина траву“. „Во всемъ христіанскомъ мірѣ, пишетъ другой современникъ, Англія прослыла за веселую Англію, но хищные захваты земли прогнали счастье и веселость, такъ что теперь Англію можно назвать вздыхающей или печальной Англіей“.

На ряду съ вытѣсненіемъ крестьянъ овцами, уже тогда начинается изгнаніе мелкихъ съемщиковъ и округленіе ихъ участковъ въ большія фермы. Дороги переполняются изгнанными и обобранными крестьянами, тѣсно старающимися найти себѣ работу и именуемыми на оффиціальномъ языкѣ того времени бродягами и „здоровыми нищими“ (valiant beggars). Ихъ били плетью, „привязавъ къ тачкѣ, пока не потечетъ кровь“, имъ

рѣзали уши, вырывали ноздри, ихъ вѣшали, продавали въ рабство и насильственно ставили на работу къ землевладѣльцамъ. Потомкамъ этихъ людей предстояло сдѣлаться рабами ланкаширскихъ фабрикантовъ, но имъ самимъ было мѣсто лишь на висѣлицѣ *).

Для выселяемыхъ и выселенныхъ уже поселянъ, для „бродягъ“ и „здоровыхъ нищихъ“ былъ возможенъ одинъ только стихійный протестъ, который безъ труда былъ подавленъ организованными силами государства, всецѣло находившагося въ рукахъ поземельной аристократіи.

Въ 1553 г. правительство вынуждено было издать строгій законъ противъ тѣхъ, кто „въ числѣ не менѣе 12 ч. вздумаютъ ломать изгороди, портить каналы или другія ограды парковъ или вообще огороженныхъ мѣстъ“.

Въ 1555 г. издается цѣлый рядъ законоположеній объ охранѣ огороженныхъ мѣстъ, и не проходитъ почти года безъ упоминанія о новыхъ мѣропріятіяхъ въ этомъ направленіи, вызванныхъ необходимостью. Съ своей стороны крестьяне ломаютъ изгороди и уничтожаютъ межевые знаки. Мѣстами происходятъ насилія надъ служащими лорда и вспыхиваютъ открытыя возмущенія противъ огражденій. Еще въ 1536 г. мятежники въ Донкастерѣ требуютъ, чтобы „всѣ возведенныя съ четвертаго года царствованія Генриха VII ограды, кромѣ лѣсовъ, горъ и парковъ, были снесены“.

Въ 1549 г. ненависть, возбужденная земельными захватами, привела къ открытому мятежу воѣ южныя и значительную часть восточныхъ и сѣверныхъ графствъ. Наибольшей силы сопротивленіе крестьянъ достигло въ Корнваллисѣ, Девонширѣ и Норфолькѣ. „Народъ срывалъ изгороди и заборы парковъ, наполнялъ рвы и устраивалъ опять открытыя пастбища и пашни тамъ, гдѣ они были до огражденій“. По словамъ хроникера Голлиншедта, „толпы, собираясь противозаконно, выбирали себѣ начальниковъ и вождей, разрушали ограды и рвы, убивали оленей въ паркахъ, грабили и буйствовали, какъ при открытомъ мятежѣ“. При этомъ основныя требованія норфольскихъ мятежниковъ выразились въ слѣдующихъ характерныхъ параграфахъ петиціи, поданной королю: „Молимъ ваше величество, чтобы ни одинъ владѣтель усадьбы не пасъ своихъ овецъ на общихъ выгонахъ“.

„Молимъ, чтобы фригольдеры и копигольдеры могли пользоваться выгодами отъ общественныхъ земель и чтобы землевладѣльцы не отнимали этихъ выгодъ“.

По словамъ одного современнаго хроникера, народъ кричалъ

*) По словамъ хроникера Голлиншедта, въ одно только царствованіе Генриха VIII было повѣшено до 72,000 „бродягъ“. Почти все это были изгнанные крестьяне.

„уничтожайте изгороди и парки“, требовалъ возвращенія своихъ пастбищъ, отнятыхъ у него силою, и добивался урегулированія постановленій, касающихся обращенія пахотныхъ земель въ пастбища. Петиціи, предъявленныя королю и парламенту, остались безъ результата, а противъ крестьянъ, ломавшихъ ограды и засыпавшихъ межевые рвы, были посланы войска, подъ начальствомъ графа Уорика. Возстаніе было усмирено съ крайней жестокостью. Скопища крестьянъ разсѣяны и силою приведены въ покорность. Послѣ этого удара оппозиція крестьянъ и фермеровъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ.

Возстаніе въ Букингемпширѣ (1552 г.) имѣло лишь мѣстное значеніе и послужило только новымъ предлогомъ для терроризированія изгоняемой массы. Въ царствованіе Маріи и Елизаветы происходятъ лишь мелкія волненія и отдѣльные случаи аграрныхъ безпорядковъ, нигдѣ не принимающіе серьезнаго характера.

Въ царствованіе Іакова I „огражденія“ вызвали (въ 1607 г.) довольно крупныя безпорядки въ Нортгемпширѣ и Йоркширѣ, но они были подавлены даже безъ помощи войскъ.

Во все продолженіе XVII ст. стремленіе къ земельнымъ захватамъ замѣтно ослабѣваетъ. Жалобы на насильственные изгнанія и огораживанія, наполнявшія собою всю литературу XVI в., встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія. Въ XVII ст. воѣ силы поземельной аристократіи были поглощены гражданскими войнами. Эти же войны втянули въ себя значительную часть экспроприированнаго крестьянства, другая же часть была поглощена быстро развивавшеюся въ царствованіе Елизаветы индустріей. Шаткое положеніе поземельной аристократіи въ эту эпоху социальныхъ и религиозныхъ смутъ не позволило ей продолжать своихъ территоріальныхъ захватовъ, и уцѣлѣвшіе на своей землѣ крестьяне и фермеры пользовались вплоть до половины XVIII ст. сравнительной безопасностью отъ посягательствъ джентри. На этомъ закончился прологъ аграрнаго переворота, создавшаго въ Англіи основы для капиталистическаго способа производства въ земледѣліи.

Этимъ спокойствіемъ фригольдеры пользовались до „славной“ революціи виговъ 1688 г., бывшей крупнымъ торжествомъ не столько политической свободы, сколько завоевавшей „билль о правахъ“ крупной поземельной аристократіи. По расчету Грегори Кинга, къ концу XVII вѣка, не смотря на воѣ перемѣны предыдущаго вѣка, въ Англіи было еще 180.000 фригольдеровъ, т. е. около $\frac{1}{6}$ населенія страны. Съ начала же XVIII ст. мелкіе собственники и мелкіе арендаторы быстро исчезаютъ. Съ этого времени прежняя аграрная система становится все болѣе и болѣе стѣснительной, и переходъ къ высшей системѣ хозяйства сталъ, въ силу увеличенія населенія, непреодолимой по-

требностью. Съ разрушеніемъ основъ феодальнаго производства былъ открытъ путь для введенія интенсивнаго капиталистическаго хозяйства. „Огораживанія“ пустошей и общинныхъ выгоновъ въ пользу лэндлордовъ возобновились съ новою силою при помощи олигархическаго парламента крупныхъ землевладѣльцевъ.

Положеніе крестьянъ, лишенныхъ возможности пасти свой скотъ, становится безвыходнымъ. Геніальныя изобрѣтенія Уатта, Аркрайта, Кромптона и Гергресса одно за другимъ вырывали изъ ихъ рукъ старинные кустарные промыслы, служившіе имъ существеннымъ подспорьемъ. Земля уходила изъ подъ ногъ крестьянъ, и они массами бѣжали въ города и на фабрики, мѣстами соблазняемые обѣщаніями управителя лорда, а мѣстами изгоняемые открытой силой. Фабрики и вновь возникающіе торгово-промышленные центры поглотили ихъ безъ возврата. Связь съ землею для англійскихъ іоменовъ и фригольдеровъ была навсегда потеряна, и оставшіеся въ деревнѣ мелкіе фермеры и собственники остались на ней уже въ качествѣ безземельныхъ батраковъ. Таковъ историческій генезисъ современныхъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ.

Съ 1710 по 1760 г. было огорожено 300,000 акр. Въ промежутокъ времени съ 1760 по 1774 г. черезъ парламентъ прошло не менѣе 700 актовъ объ огражденіяхъ. Вмѣстѣ съ этимъ захватомъ земель мелкихъ собственниковъ шло изгнаніе мелкихъ фермеровъ и соединеніе ихъ участковъ въ крупныя рационально поставленныя, т. н. „купческія“ или „капиталистическія“ фермы. Эти массовыя изгнанія фермеровъ носили названіе „очищенія помѣстій“ (clearing of estates) и продолжались до второй половины XIX ст. „Очищенія“ выполнялись съ варварскою жестокостію. Въ этомъ отношеніи наибольшей извѣстностью пользуется „очищеніе“ помѣстій герцоговъ Сутерлендъ, которые въ 1814—1820 гг. изгнали изъ своихъ помѣстій 15,000 коренныхъ жителей, захвативъ такимъ путемъ 794,000 акр. земли и раздѣливъ ихъ на 29 крупныхъ фермъ.

III.

Эпоха торжества крупнаго фермерства, въ періодъ времени съ 20 по 70 гг. XIX ст., была ознаменована головокружительнымъ сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ. Повсюду была введена плодосмѣнная система, породы скота были усовершенствованы, изобрѣтенъ и примѣненъ къ дѣлу цѣлый рядъ сельско-хозяйственныхъ машинъ, введено, наконецъ, искусственное удобреніе.

Болота, занимавшія прежде огромную площадь, были осушены, и масса земель, считавшихся прежде непригодными для земледѣлія, были обработаны и приносили прекрасный урожай. Мрач-

нымъ пятномъ на фонѣ этого агрономическаго благополучія вырисовывается положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, современниковъ „расцвѣта“ англійскаго земледѣлія. Число безработныхъ, благодаря „изгнаніямъ“, отрывавшимъ отъ земли цѣлыя семьи, было огромно. Техническій прогрессъ въ промышленности отнялъ у земледѣльческихъ рабочихъ одно изъ главныхъ ихъ подспорій—кустарные промыслы въ зимніе мѣсяцы. Съ торжествомъ новѣйшей агрономической системы у нихъ отнято было ихъ старинное право держать мелкій скотъ на общинныхъ выгонахъ и пользоваться клочкомъ земли около дома. Огромные барыши, которые получали фермеры и землевладѣльцы со временъ противо-французскихъ войнъ, не отразились на заработной платѣ, но еще ухудшили положеніе рабочихъ, такъ какъ барыши эти получались путемъ высокихъ хлѣбныхъ пошлинъ, обогащавшихъ лэндлордовъ и фермеровъ, но нерѣдко доводившихъ ихъ рабочихъ до жестокихъ голодовокъ. По словамъ Эдена, земледѣльческіе рабочіе жили „въ рабской зависимости отъ крупныхъ фермеровъ и не имѣли впереди никакой надежды на улучшеніе своего положенія“.

Первыя появленія классовой борьбы на новой почвѣ и при новыхъ условіяхъ, какъ и слѣдовало ожидать, были нестройны и грубы. Печальное положеніе сельскаго населенія, доведеннаго до крайности режимомъ лэндлордизма и „хлѣбными законами“, привело въ 20 гг. XIX ст. къ цѣлому ряду открытыхъ вспышекъ, которыя были подавлены войсками. Въ волновавшіеся сельскіе округа были посланы особыя коммисіи для суда надъ арестованными, число которыхъ доходило до 1000.

Въ этотъ періодъ неорганизованнаго бунтарства, сельско-хозяйственные рабочіе обращались къ поджогамъ, чтобы отомстить своимъ притѣснителямъ. „У фермеровъ поджигали стога хлѣба и сѣна подъ самыми окнами. Почти каждую ночь вспыхивало по нѣсколько такихъ пожаровъ; они распространяли страхъ и ужасъ среди фермеровъ и землевладѣльцевъ. Виновниковъ никогда не находили или находили очень рѣдко, и народъ приписывалъ эти поджоги мистической личности, которую называли Свингомъ. Тщетно ломали голову, чтобы разгадать, кто такой этотъ Свингъ, источникъ ярости, охватившей бѣдняковъ въ сельскихъ округахъ; только немногимъ приходила на умъ великая сила, порождавшая движеніе: „угнетеніе и бѣдность“.

Въ это время Садлеръ называлъ въ палатѣ общинъ англійскаго сельскаго рабочаго „бѣлымъ рабомъ“, а одинъ епископъ повторилъ это названіе въ палатѣ лордовъ. „Сельскій рабочій южной Англій, писалъ въ это же время Уэкфилдъ, не рабъ и не свободный человѣкъ, онъ *пауперъ*“.

Эти люди, внезапно выброшенные изъ прежняго патріархальнаго быта подъ желѣзные тиски дисциплинированнаго капитали-

стического хозяйства, доводимые до голода „хлѣбными законами“, неслыханно обогащавшими фермеров и лэндлордовъ, протестовали противъ новыхъ условій со всей стихійностью мало-культурной и неорганизованной массы. „Бунты 1830 г. („бунты Свинга“), пишетъ Марксъ, показали господствующимъ классамъ при свѣтѣ горящихъ скирдъ, что подъ поверхностью земледѣльской Англіи таится такая же нищета и такое же мятежное недовольство, какъ и подъ поверхностью Англіи промышленной“.

Сельскіе рабочіе того времени дѣйствовали тайными покушеніями изъ за угла, поджогами, порубками и порчею фермерскаго скота. „Эти аграрныя преступленія, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, исчезли не раньше, чѣмъ сельскіе рабочіе пробудились отъ своего тупоумія и сумѣли создать организацію, которая позволяла бы имъ при помощи другихъ пріемовъ добиться дѣйствительныхъ успѣховъ“ (Шиппель). Уже съ начала 30 гг. въ различныхъ концахъ Англіи дѣлаются судорожныя попытки къ образованію рабочихъ союзовъ, но въ первое время стихійно возникшія и жаждавшія мести коалиціи начинали борьбу безъ подготовки, безъ прочной организаціи и яснаго сознанія цѣли, по прежнему нерѣдко сопровождаясь эксцессами, направленными противъ личности фермера или его имущества. Всѣ многочисленныя союзы этого времени (1825—1834) носятъ характеръ случайный и непрочный. Обычно это были лишь временныя коалиціи, организовавшіяся во время стачки и вновь распадавшіяся послѣ ея окончанія. Среди промышленныхъ рабочихъ такіе временныя боевыя синдикаты обычно приводили къ образованію постоянныхъ организацій (трэдъ-юніоновъ), но коалиціи ихъ сельскихъ товарищей рѣдко могли продержаться болѣе двухъ, трехъ недѣль. При каждой такой попыткѣ всѣ окрестныя землевладѣльцы, фермеры, посторы и justice of peace соединялись вмѣстѣ, чтобы разбить вновь возникшую организацію, для чего допускались въ ходъ всѣ средства и, въ большинствѣ случаевъ, не безъ успѣха. Это было и не трудно при отсутствіи у рабочихъ избирательнаго права, при заполненіи всѣхъ должностей сельской магистратуры лицами, зависимыми отъ помѣстнаго джентри или явно къ нему пристрастными. Борьбѣ съ движеніемъ благопріятствовали и всѣ условія деревенской жизни, дающія возможность постоянно слѣдить за взглядами и настроеніемъ рабочихъ, своевременно уничтожая зарождающуюся среди нихъ оппозицію при помощи террористическихъ изгнаній и организованной травли вожаковъ. Разбросанность рабочихъ по отдѣльнымъ фермамъ ставила ихъ въ непосредственную и тѣсную зависимость отъ фермеровъ, до крайности затрудняя организацію этихъ разрозненныхъ элементовъ. Съ другой стороны, „всякій комитетъ рабочихъ, всякое дѣятельное лицо въ ихъ средѣ рассматривались, какъ безпокойные сѣятели смуты, за которыми необходимо слѣдить и которыхъ слѣдовало

по возможности раздавить“ *). Для борьбы съ этими непрочными, но растущими, какъ грибы, организаціями былъ примѣненъ рядъ строгихъ мѣръ. Право коалицій (хотя и ограниченное), приобретенное рабочими въ 1825 г., было уничтожено фактически путемъ ловкихъ юридическихъ толкованій и ограниченій, а многочисленные судебные процессы того времени поразили всѣхъ своей явной пристрастностью, принявшей въ земледѣльческихъ графствахъ южной Англіи характеръ открытаго террора. „О справедливости для рабочихъ не могло быть и рѣчи, рѣдко удавалось имъ добиться, чтобы судья выслушалъ ихъ, и никогда, чтобы выслушалъ безъ нетерпѣнія и оскорбленій“ (Уэббъ „Ист. раб. движ. въ Англіи“, стр. 51).

Тѣмъ не менѣ сельскіе рабочіе, ободряемые оживленіемъ промышленныхъ союзовъ, продолжаютъ организоваться. Въ 1832 г. лордъ Веллингтонъ (въ то время намістникъ графства Гемпширъ) сообщаетъ министерству Мельбурна о цѣлой, охватившей Гемпширъ, сѣти земледѣльческихъ рабочихъ союзовъ, которые, по мнѣнію самаго Мельбурна, дѣятельно участвовали въ *агитаціи изъ за парламентской реформы*. Такимъ образомъ сельскіе рабочіе со времени „бунтовъ Свинга“ быстро прошли длинный путь развитія и съ „поджоговъ отъ неизвѣстной причины“ переходятъ къ борьбѣ за политическія реформы. Это броженіе, охватившее въ началѣ 30 г. почти всѣ сельскіе округа, подготовило быстрый успѣхъ въ деревняхъ—сперва пропагандѣ Роберта Оуэна, а затѣмъ шумной агитаціи чартистовъ.

Уже къ концу 20 г. въ Англіи существовало до 500 оуэнистскихъ рабочихъ обществъ, имѣвшихъ своей цѣлью „преобразование социальнаго строя путемъ проповѣди и примѣра“. Въ 1831 г. образовывается „національный союзъ рабочихъ и другихъ классовъ“, распространявшій идеи Оуэна путемъ брошюръ и воззваній. Основывается такъ же „союзъ лондонскихъ рабочихъ“, агитировавшій въ пользу улучшенія положенія городскихъ и сельскихъ рабочихъ.

Но насколько сильна была въ то время потребность организованнаго движенія и насколько еще сознаніе реальныхъ цѣлей социальнаго движенія было мало усвоено сельскимъ населеніемъ, показываетъ быстрый, хотя и кратковременный успѣхъ „великаго національнаго рабочаго союза“, быстро распространившагося по всей Англіи и насчитывавшаго въ эпоху своего расцвѣта до 500.000 членовъ. **) „Великій союзъ“ былъ основанъ Оуэномъ въ 1834 г. Этотъ годъ, по словамъ Торольда Роджерса, былъ годомъ неслыханныхъ угнетеній. Правда, законодательнымъ путемъ было отмѣнено запрещеніе коалицій, но политическая экономія

*) Уэббъ. „Ист. раб. движ. въ Англіи“, стр. 56, 57.

**) Каръевъ. „Исторія Западной Европы“, т. V, гл. IX, стр. 198.

и юстиція возродили его въ самой отвратительной формѣ и принимали съ жестокою строгостью *). Тѣмъ не менѣе уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ основанія „союза“ къ нему успѣли примкнуть десятки тысячъ земледѣльческихъ рабочихъ. Оуэнъ разослалъ по всей странѣ своихъ эмиссаровъ, которые дѣятельно вербовали „союз“ новыхъ адептовъ. Въ Пэртиширѣ образовался „союзъ земледѣльческихъ батраковъ“, въ Дэнди „союзъ косцовъ“. Въ Лондонскихъ предмѣстьяхъ, Кесингтонѣ, Вальгамъ-Гринѣ, Фельгами, Гамтерсмиасѣ, носившихъ въ то время сельскій характеръ, былъ образованъ „союзъ земледѣльческихъ и другихъ рабочихъ“. Цѣлью этихъ союзовъ было выставлено улучшение положенія трудящихся массъ, и рабочія общества должны были, по мнѣнію Оуэна, взять въ свои руки владѣніе землею и обрабатывать ее на началахъ ассоціаціи. Объединенные этими союзами рабочіе создали цѣлый рядъ митинговъ, подавали грандіозныя петиціи королю и парламенту, мѣстами прибѣгая и къ болѣе рѣзкимъ протестамъ, хотя и противъ воли своихъ руководителей. Лэндлорды и фабриканты, испуганные непривычнымъ для нихъ видомъ манифестирующихъ рабочихъ, рѣшились всѣми средствами бороться противъ „союза“. Начался рядъ преслѣдованій и процессовъ, направленныхъ противъ членовъ ассоціаціи. На манифестаціи „союза“ фабриканты и фермеры отвѣчали массовыми изгнаніями его членовъ. „Союзъ“, располагавшій лишь самыми ограниченными средствами, не могъ оказать никакой помощи безработнымъ, и число членовъ его стало быстро сокращаться. Постоянно подвергаемый преслѣдованіямъ со стороны правительства и работодателей, истощаемый пѣлымъ рядомъ судебныхъ процессовъ и внутренними раздорами, „союзъ“ въ августѣ 1834 года фактически прекратилъ свое существованіе. Правда, онъ былъ преобразованъ въ „британскую ассоціацію труда, человечности и знаній“, но эта философски-филантропическое общество не имѣло уже никакого вліянія на дальнѣйшій ходъ рабочаго движенія. Агитація Оуэна послужила сильнымъ толчкомъ къ пробужденію самостоятельности рабочей массы и внесла въ англійское движеніе духъ идеалистическаго энтузіазма къ общественнымъ реформамъ: съ этой стороны она имѣла огромное воспитательное значеніе и для промышленныхъ, и для земледѣльческихъ рабочихъ. Но движеніе это не имѣло ничего общаго съ настоящей классовой организаціей, не смотря на ея внѣшнія формы. „Великій союзъ“ съ самаго начала своей дѣятельности былъ уже насквозь проникнутъ типичной для утопическаго социализма идеологіей своего великаго основателя. Робертъ Оуэнъ, а за нимъ и всѣ послѣдовательные его ученики въ принципѣ и на практикѣ относились отрицательно не только къ активной классовой борьбѣ,

*) Роджерсъ. „Шесть вѣковъ труда и заработной платы“, стр. XIII.

но даже къ требованіямъ политическихъ реформъ для рабочаго класса. *).

Оуэнъ хотѣлъ дѣйствовать не боевыми организаціями, не стачками и забастовками, но исключительно „проповѣдью, книгою и примѣромъ“. Съ этой проповѣдью онъ обращался ко всѣмъ, безъ исключенія, классамъ населенія, въ твердой увѣренности, что, *появъ* несправедливость существующаго строя, господствующіе классы сами откажутся отъ своихъ „неразумныхъ привилегій“. Въ то время, какъ промышленные и сельскіе рабочіе, проникшіеся уже практическимъ духомъ, требовали активной борьбы за свои реальные интересы,—ихъ руководители убѣждали ихъ не прибѣгать къ „грубымъ и мелочнымъ“ средствамъ экономическаго движенія и дожидаться, пока Оуэну и его ученикамъ удастся путемъ брошюръ и воззваній склонить лэндъ-и коттонъ-лордовъ къ повсемѣстному осуществленію нью-лэнаркскаго идеала... Такая программа не могла, конечно, имѣть продолжительнаго успѣха среди англійскихъ рабочихъ и вызвала быстрое разочарованіе въ дѣятельности „союза“. Англійскіе рабочіе были слишкомъ близко поставлены къ матеріальнымъ и практическимъ задачамъ и обладали слишкомъ большимъ запасомъ горькаго житейскаго опыта, чтобы предаваться такимъ фантастическимъ иллюзіямъ. Внѣшнія преслѣдованія и отсутствіе денежныхъ средствъ безъ труда покончили съ остатками оуэновскихъ организацій, потерявшихъ уже кредитъ въ глазахъ рабочаго люда.

Но пробужденная масса сельскихъ и городскихъ пролетаріевъ упорно продолжала искать выхода своему все болѣе и болѣе возраставшему недовольству, и на взрыхленную утопистами почву вскорѣ явились другіе сѣятели. На смѣну расплывчатому и неопредѣленному въ своей соціально-политической программѣ „великому союзу“ явилось „первое организованное—чисто пролетарское движеніе“ (по выраженію Зомбарта), т. е. движеніе чартистовъ. Это движеніе было вызвано бѣдствіемъ и нищетою промышленнаго пролетаріата, положеніе котораго безъ фактическаго права коалицій и доводимаго до голода „хлѣбными законами“ было ужасно. Промышленный пролетаріатъ, съ такимъ мужествомъ и самоотверженіемъ добивавшійся избирательной реформы 1832 г., послѣ ея проведенія увидѣлъ себя обманутымъ, такъ какъ реформа эта принесла пользу однимъ лишь имущимъ классамъ. Отсюда понятенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ англійскіе рабочіе добивались осуществленія знаменитыхъ пунктовъ „хартіи“, требовавшихъ политическихъ правъ и для обманутой манчестерскими фабрикантами рабочей массы. Не ограничиваясь агитаціей среди городской рабочей массы, руководители „чар-

*) „По отношенію къ кооперативной системѣ не имѣть никакого значенія, деспотично ли правительство или нѣтъ“ (Оуэнъ).

тизма“ перенесли ее въ деревню, стараясь соорганизовать упавшихъ духомъ сельскихъ рабочихъ и направить ихъ на борьбу съ общимъ врагомъ — лэндлордизмомъ. На сельскихъ рабочихъ „хлѣбныя пошлыны“ ложились не менѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ на промышленныхъ, а отсутствіе избирательнаго права было для нихъ еще болѣе чувствительно, и чартистская пропаганда находила постоянный откликъ въ сельской Англіи, гдѣ въ 1834—1848 гг. вновь начинаютъ образовываться союзы сельскихъ рабочихъ. Къ сожалѣнію, организаціи эти были чрезвычайъ слабы, чтобы вести систематическое существованіе, безъ поддержки изъ кассъ промышленныхъ союзовъ и безъ ободряющаго примѣра со стороны своихъ городскихъ товарищей. Крушеніе чартизма, послѣдовавшее въ 1848 г., повело къ немедленному распаденію всѣхъ сельскихъ организацій и къ полному подавленію самостоятельности земледѣльческихъ рабочихъ, впавшихъ въ какое-то летаргическое опѣшеніе, съ удивленіемъ отмѣченное извѣстнымъ чартистскимъ агитаторомъ Пирронетомъ Томпсономъ: „Эти люди,—писалъ онъ,—переносятъ свою судьбу съ такимъ фатальнымъ равнодушіемъ, какъ будто Господь Богъ, а не лэндлордъ, наложилъ на нихъ свою руку“.

Это состояніе полного маразма продолжалось около двухъ десятилѣтій (1850—1860). Даже широкій расцвѣтъ за это время промышленнаго трэдъ-юніонизма не оказалъ на сельскихъ рабочихъ никакого вліянія. Сельскіе рабочіе до 1872 г. находились въ полномъ бездѣйствіи и за это время среди нихъ не существовало никакой тѣни организаціи. Рабочіе были совершенно изолированы другъ отъ друга и лишены всякой надежды на улучшеніе своей судьбы. За эти два десятилѣтія лэндлордизмъ окончательно сводилъ счеты со старой аграрной системой. Съ 50-хъ гг. XIX ст. роль капитала въ земледѣліи непрерывно возрастаетъ, становясь необходимою даже въ мелкихъ фермерскихъ хозяйствахъ. Тенденція къ концентраціи, которая въ промышленности замѣнила разрозненныхъ производителей фабрикою, захватила и земледѣліе. Технические изобрѣтенія дали крупнымъ фермерамъ убійственное оружіе противъ мелкихъ. Крупныя фермы выигрывали не только въ производствѣ, но и въ перевозкѣ, сбытѣ и закупкѣ товаровъ. Самые тихіе сельскіе округа огласились стукомъ усовершенствованныхъ машинъ и ревомъ безчисленныхъ автомобилей. Помѣстья окончательно „очищаются“ отъ прежняго консервативнаго элемента мелкихъ арендаторовъ, и крупное капиталистическое фермерство повсюду получаетъ преобладаніе, становясь лицомъ къ лицу съ сельскими рабочими. Къ концу 60-хъ гг. положеніе этихъ рабочихъ было самое печальное.

Во всѣхъ почти сельскихъ округахъ процвѣтали знаменитыя „перехожія партіи“, состоявшія изъ дѣтей и подростковъ, находившіяся въ полномъ рабствѣ у артельщиковъ и страшно пони-

жавшія заработокъ взрослыхъ рабочихъ. Рабочіе по прежнему были въ зависимости отъ фермеровъ, по прежнему терпѣли жестокую нужду и были лишены избирательнаго права.

„Рабочіе по всей странѣ шептались о своихъ горестяхъ, но имъ не хватало человѣка, который рѣшился бы громко провозгласить это“. Такимъ человѣкомъ оказался уорикширскій рабочий Джозефъ Арчъ, „апостолъ и первосвященникъ деревенскаго трэдъ-юніонизма“.

IV.

Арчъ родился въ 1828 г. въ Уорикширскомъ графствѣ и былъ сыномъ земледѣльческаго рабочаго. Съ раннихъ лѣтъ онъ страствовалъ по заработкамъ въ различныхъ земледѣльческихъ графствахъ и хорошо научилъ быть сельскихъ рабочихъ. Пораженный ихъ бѣдственнымъ положеніемъ, онъ рѣшилъ употребить все свои усилія на улучшеніе быта своихъ товарищей. Понявъ, что положеніе ихъ не можетъ измѣниться, пока они останутся по прежнему разрозненными, онъ сдѣлался убѣжденнымъ проповѣдникомъ единенія между трудящимися и вскорѣ приобрѣлъ огромную популярность среди сельскаго населенія своего графства. Начало его практической дѣятельности, какъ организатора рабочихъ союзовъ, относится лишь къ 1872 г. Этотъ годъ былъ годомъ страшной нищеты для сельскихъ рабочихъ—и эта нищета, по словамъ самого Арча, была „матерью перваго (?) союза земледѣльческихъ рабочихъ“.

7 февраля 1872 г. рабочіе нѣсколькихъ уорикширскихъ приходовъ собрались на митингъ въ Уэльсберѣ, въ которомъ приняло участіе до 2.000 человѣкъ и на которомъ было рѣшено приступить къ образованію союза мѣстныхъ земледѣльческихъ рабочихъ. Черезъ двѣ недѣли Арчъ выступилъ ораторомъ уже на другомъ большемъ митингѣ, гдѣ онъ подчеркнул характеръ новаго движенія. „Я съ самаго начала заявилъ рабочимъ, пишетъ онъ въ своей автобіографіи, что если они будутъ прибѣгать къ насилиямъ, поджогамъ или возмущеніямъ, то пусть ищутъ какого либо другаго вожака, а не рассчитываютъ на Джозефа Арча“.

Вновь образовавшійся союзъ потребовалъ отъ уорикширскихъ фермеровъ повышенія заработной платы съ 12 шиллинговъ до 16, а послѣ отказа послѣднихъ удовлетворить это требованіе, объединенные рабочіе начали стачку. Не смотря на ограниченность денежныхъ средствъ стачечниковъ, они имѣли успѣхъ, и движеніе быстро распространилось на 8 сосѣднихъ графствъ, возбуждая вниманіе общества и печати.

Вслѣдъ за тѣмъ былъ окончательно организованъ на собраніи въ Лимингтонѣ „уорикширскій союзъ земледѣльческихъ рабочихъ“, предсѣдательство въ которомъ принялъ на себя членъ

парламента Оберонъ Гэрбертъ. Арчъ былъ избранъ секретаремъ союза, а самый союзъ раздѣленъ на два отдѣленія — сѣверное и южное. Въ каждомъ отдѣлѣ былъ свой секретарь и свои лекторы для выступленія на митингахъ. Черезъ два мѣсяца послѣ собранія въ Лимингтонѣ делегаты-рабочіе отъ 26 графствъ собрались на общій конгрессъ для преобразованія мѣстной организаціи въ „національный союзъ земледѣльческихъ рабочихъ“. Рабочій конгрессъ открылся 29 мая и на немъ присутствовало до 60 делегатовъ отъ мѣстныхъ рабочихъ организацій. На собраніи были прочитаны доклады объ общемъ положеніи движенія и выработанъ уставъ новаго національнаго союза, долженствовавшего объединить всѣ мѣстныя организаціи. На основаніи этого устава совѣтъ союза долженъ былъ состоять изъ представителей мѣстныхъ организацій. Кромѣ того, было сформировано привлеченіе (исполнительный комитетъ) союза и совѣщательная коммиссія изъ интеллигентовъ, сочувствующихъ движенію. Къ концу года „національный союзъ“ насчитывалъ уже до 100,000 членовъ. Кромѣ того, въ это же время былъ организованъ рядъ отдѣльныхъ рабочихъ обществъ, соединенныхъ въ 1873 г. въ „федеративный союзъ сельскихъ рабочихъ“, насчитывавшій до 50,000 членовъ. Пустыя кассы новыхъ союзовъ были скоро пополнены частными пожертвованіями, главнымъ образомъ со стороны промышленныхъ рабочихъ, которые, кромѣ денежныхъ субсидій, дѣятельно агитировали въ защиту деревенскихъ товарищей отъ безчисленныхъ „притѣсненій“ со стороны лэндлордовъ и фермеровъ, которые не замедлили выступить въ походъ противъ новаго движенія. Съ 1872 г. фермеры массами стали увольнять рабочихъ тредъ-юніонистовъ и выселять ихъ изъ занимаемыхъ ими „коттеджей“. За „подозрительными“ устанавливался тщательный надзоръ. Думая съ самаго начала задуть дѣятельность „союза“ терроромъ, суффолькскіе фермеры разомъ отказали отъ службъ 4.000 рабочимъ, но союзъ собралъ въ пользу изгнанныхъ крупную денежную сумму и приобрѣлъ еще большую популярность. Не ограничиваясь простыми изгнаніями, фермеры старались посягнуть раздоръ среди рабочихъ и возбудить въ юніонистахъ глухое недовѣріе къ своимъ руководителямъ, обвиняя послѣднихъ въ растратѣ и присвоеніи общественныхъ суммъ. Пасторъ, мировой судья, кабатчикъ и другіе агенты лэндлордизма дѣятельно содѣйствовали такой антипропагандѣ, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ случаемъ, особенно же замедленіями въ выдачѣ пособій, неизбѣжными при ограниченности средствъ деревенскихъ кассъ. Противъ юніонистовъ не замедлили выступить и мировые судьи, до реформы 1894 года всегда державшіе руку крупныхъ землевладѣльцевъ. Такъ, напримѣръ, близъ Галпингъ-Нортонъ двое мировыхъ судей приговорили къ тюремному заключенію съ „тяжелой работою“ 16 женщинъ за „запугиваніе не юніони-

стовъ“. Въ Форингдонѣ противъ рабочихъ-юніонистовъ былъ возбужденъ вѣлзунный процессъ по обвиненію ихъ „въ помѣхѣ движенію на большой дорогѣ“ и т. д.

Противъ „мятежныхъ“ рабочихъ выступило и все англиканское духовенство. Епископъ глостерскій (д-ръ Элликотъ) въ 1872 г. высказалъ въ одной рѣчи убѣжденіе, что „канавы для водопоя—самое подходящее мѣсто для организаторовъ сельскохозяйственныхъ трэдъ-юніоновъ“... Деревенскіе пасторы вездѣ говорили не менѣе грозныя рѣчи и усердно служили агентами фермерскаго сыска *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на многочисленныя протесты въ парламентѣ, сельскіе рабочіе неоднократно замѣнялись во время стачекъ солдатами ближайшихъ гарнизоновъ. Такъ, напримѣръ, въ 1872 г., во время крупныхъ стачекъ въ Беркширѣ и Оксфордширѣ, офицеры полковъ, расположенныхъ въ этихъ графствахъ, предоставили въ пользованіе фермеровъ своихъ солдатъ, что имѣло значительное вліяніе на исходъ стачекъ.

Но вопреки всѣмъ этимъ помѣхамъ, во все продолженіе 70-хъ годовъ движеніе продолжало крѣпнуть и развиваться. Въ 1875 г. въ Англіи считалось уже 1,368 мѣстныхъ отдѣленій „національнаго союза“. Общая сумма прихода въ кассу равнялась 23,130 ф. ст. На помощь безработнымъ было истрчено 21,000 ф. ст. и 6,000 на помощь эмигрантамъ. Въ теченіе 70-хъ гг., благодаря дѣятельности „союза“, заработная плата повысилась съ 6—9 шиллинговъ до 12—16 ш. въ недѣлю. Въ 1872 г. союзъ основалъ двѣ газеты „Хроника рабочаго союза“ и „Англійскій рабочій“, ставшія руководящими органами партійной организаціи сельскаго пролетаріата. Кромѣ того, отдѣльныя развѣтвленія союза издавали многочисленные періодическіе листки, посвященные мѣстнымъ интересамъ. Въ этихъ гаветахъ обсуждались не только вопросы о заработной платѣ и числѣ рабочихъ часовъ, но иногда и вопросы политическаго характера, имѣвшіе непосредственное значеніе для сельскаго пролетаріата: объ избирательномъ правѣ, о кандидатахъ въ члены парламента, о реформѣ мѣстнаго самоуправления и т. д. Въ 80-хъ гг. союзы сельскихъ рабочихъ весьма энергично агитировали въ пользу предоставленія сельскимъ рабочимъ избирательнаго права и въ 1885 г. достигли полной побѣды. Въ этомъ же году вдохновитель союзнаго движенія 70-хъ г.г., Джозефъ Арчъ, вступилъ въ парламентъ, избранный депутатомъ отъ Норфолька. Но уже вскорѣ послѣ этого въ основанныхъ Арчемъ союзахъ началась внутренняя дезорганизація, приведшая черезъ десять лѣтъ къ полному распаденію и исчезновенію земледѣльческихъ трэдъ-юніоновъ.

*) Не лишне замѣтить, что изъ 14,000 духовныхъ бенефіцій Англіи — 8,500 находятся всецѣло въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, такъ называемыхъ „патроновъ“.

Этот печальный результат былъ, однако же, вызванъ не внѣшними преслѣдованіями и не одними экономическими событіями новѣйшаго времени (правда, первостепенной важности), о которыхъ мы скажемъ ниже, но и внутренними недостатками организаціи движенія англійскаго земледѣльческаго пролетаріата, связаннаго съ именемъ Джозефа Арча.

Слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на горячую агитацію союзовъ Арча въ пользу избирательнаго права для сельскихъ рабочихъ, все движеніе въ его дѣломъ было проникнуто узкимъ и довольно близорукимъ экономизмомъ. Ни самъ Арчъ, ни его товарищи не задавались критической оцѣнкой сущности того строя, противъ проявленій котораго они боролись иногда дѣтски наивными и даже, по конечнымъ своимъ результатамъ, вредными средствами. Такъ, „національный союзъ“, по инициативѣ Арча, горячо боролся за облегченіе рабочимъ пріобрѣтенія небольшихъ земельныхъ участковъ—пресловутыхъ „Allotments“, которые въ дѣйствительности явились лишнимъ средствомъ пониженія уровня заработной платы и давно уже горячо рекламировались самими же лэндлордами.

„Идеаломъ“ Арча и его товарищей было: „три акра земли и одна корова“... Но когда законъ объ Allotments былъ, наконецъ, проведенъ, онъ вызвалъ всеобщее разочарованіе въ самихъ же рабочихъ и содѣйствовалъ паденію авторитета его инициаторовъ, что съ горечью констатируетъ самъ Арчъ въ своей автобіографіи. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы энергично и послѣдовательно добиваться улучшенія и упроченія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ самой Англіи, союзы при малѣйшей неудачѣ стали организовать массовыя переселенія своихъ товарищей въ колоніи, чѣмъ, конечно, быстро истощили свои же силы. Въ вопросѣ о переселеніяхъ, союзы 70-хъ гг. почти буквально слѣдовали тактикѣ рабочихъ союзовъ XIV ст., съ той только разницею, что послѣдніе содѣйствовали главнымъ образомъ правильному расселенію рабочей силы въ сельско-хозяйственныхъ графствахъ Англіи, тогда какъ рабочіе, эмигрировавшіе въ 70-хъ гг. XIX ст. въ колоніи, были навсегда потеряны для рабочаго движенія Великобританіи.

Въ какомъ грандіозномъ размѣрѣ производилась эта эмиграція, можно судить уже потому, что предсѣдатель „національнаго союза земледѣльческихъ рабочихъ“ заявилъ передъ одной официальной комиссіей, что союзомъ въ продолженіе 8—9 лѣтъ организовано переселеніе 700,000 земледѣльческихъ рабочихъ *).

Сельскіе союзы дѣйствовали исключительно на почвѣ профессионально-экономическихъ интересовъ, поэтому вся ихъ практическая работа носила чрезвычайно узкій и мелко-реформистскій

*) Nasse. „Agrarische und Landwirtschaftliche Zustände in England“, S. 146.

характеръ, лишенный всякаго освѣщенія теоретической мысли, политическая же программа отличалась полнѣйшей неопредѣленностью и оппортунизмомъ *). Финансовыя средства союза были съ самаго начала крайне скудны, а между тѣмъ при нихъ были учреждены кассы взаимопомощи и пенсіонная касса, ложившіяся на союзы тяжкимъ бременемъ. Союзы опрометчиво приняли на себя обязанности, посильныя только государству, и вѣчный страхъ не исполнить своихъ обязательствъ связалъ ихъ по рукамъ и ногамъ, лишая союзы характера не только наступательныхъ, но и оборонительныхъ организацій. Другими словами, „они перестали быть союзами для защиты правъ труда и выродились въ учрежденія, служившія лишь къ облегченію и освобожденію среднихъ и высшихъ классовъ отъ тяжести налоговъ“ (Джонъ Бернсъ). Съ ослабленіемъ энергіи союзовъ въ борьбѣ съ фермерами популярность ихъ стала быстро падать, финансовыя же затрудненія довершили паденіе ихъ авторитета. Въ 1894 г. „національный союзъ земледѣльческихъ рабочихъ“, послѣ 22-лѣтняго существованія, фактически распался.

Попытка Арча обложить членовъ союза правильными денежными взносами окончилась полной неудачею, и старикъ Арчъ потерялъ свое вліяніе на рабочую массу... Приливъ новыхъ членовъ сначала замедлился, а затѣмъ остановился совершенно. Кромѣ Норфолька, Суффолька, Беркшира, Уилтъшира и Йорикшира, гдѣ земледѣльческіе союзы имѣютъ еще нѣкоторые зачатки организаціи, во всей остальной Англіи они почти исчезли, да и въ перенаселенныхъ графствахъ представляютъ собою скорѣе похоронныя кассы и мирныя общества потребителей (влачація жалкое существованіе), чѣмъ прежнія боевыя организаціи сельскаго пролетаріата. На конгрессѣ въ Кардиффѣ (1895) участвовали представители только отъ двухъ союзовъ сельскихъ рабочихъ, имѣвшихъ всего 1,120 членовъ. Также плачевно было представительство и на другихъ конгрессахъ. Въ 1896 году на общее число 700,000 земледѣльческихъ рабочихъ приходилось уже не болѣе 40,000 членовъ разнаго рода мелкихъ и изолированныхъ сообществъ.

V.

Историками англійскаго трэдъ-юніонизма эта катастрофа объяснялась весьма различно. Самъ Арчъ не могъ придумать никакой другой причины гибели дѣлу всей своей жизни, кромѣ происковъ своихъ враговъ... Де-Рузье видитъ корень зла въ кассахъ взаимопомощи и малокультурности сельскаго населенія (которое не

*) Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить требованія англійскихъ рабочихъ съ программой, выставленною венгерскими крестьянами и земледѣльческими рабочими на будапештскомъ конгрессѣ 1896 г.

помѣшало, однако, блестящему развитію земледѣльческихъ союзовъ въ 70-хъ гг.). Авторы „Исторіи трэдъ-юніонизма“, кромѣ перечисленныхъ частныхъ причинъ, видятъ главное препятствіе дальнѣйшему процвѣтанію союзовъ въ противодѣйствіи лэндлордовъ и фермеровъ и въ ихъ коварной политикѣ, сдѣлавшей раздоръ среди рабочихъ и стремившейся создать въ своихъ помѣстьяхъ и фермахъ почти военную дисциплину. Не трудно, однако-же, замѣтить всю неудовлетворительность подобныхъ объясненій. Тяжкій гнетъ лэндлордизма былъ одной изъ причинъ, *вызвавшихъ рабочее движеніе* въ сельско-хозяйственныхъ графствахъ, и коалиція лэндлордовъ не въ силахъ была помѣшать въ 1872 г. появленію „національнаго союза“. Тѣмъ болѣе трудно было бы имъ воспрепятствовать дальнѣйшему развитію союза послѣ реформы мѣстнаго самоуправленія и „дарованія“ сельско-хозяйственнымъ рабочимъ избирательнаго права, *если бы это развитіе продолжало совершаться при нормальныхъ экономическихъ условіяхъ.*

Умственная отсталость земледѣльческихъ рабочихъ по сравненію съ городскими, несомнѣнно служившая сильнымъ тормазомъ движенію, не помѣшала, однако-же, возникновенію и развитію „союза“ въ продолженіе ряда лѣтъ. Болѣе основанія имѣютъ тѣ, которые указываютъ на трудность организаціонной работы среди сельскаго населенія, въ противоположность городскому пролетаріату, по самому характеру своего труда и образа жизни мало способнаго къ коллективной борьбѣ за условія найма. Но извѣстныя всѣмъ проявленія рабочаго движенія среди чисто земледѣльческаго населенія Галиціи, Венгріи и южной Италіи, а также разсказанные нами эпизоды изъ исторіи англійскаго сельско-хозяйственнаго пролетаріата опровергаютъ это соображеніе.

Неудачный исходъ движенія 70-хъ гг. никоимъ образомъ не можетъ служить доказательствомъ неспособности вообще сельскаго населенія отстаивать свои интересы въ продолженіе долгаго времени, такъ какъ союзы Арча существовали болѣе 20 лѣтъ. Причины, вызвавшія ихъ крушеніе, болѣе глубокаго характера. Кромѣ указанныхъ выше недочетовъ въ самой организаціи, не малую роль сыгралъ въ данномъ случаѣ и кризисъ мірового сельско-хозяйственнаго рынка, совершенно измѣнившій съ 1875 года характеръ англійскаго земледѣлія. Съ половины 70-хъ годовъ океанскіе пароходы, американскія, индійскія и русскія желѣзныя дороги вызвали появленіе на европейскомъ рынкѣ новыхъ конкурентовъ и завалили его дешевымъ хлѣбомъ. „Противъ этой конкуренціи дѣвственной степной почвы и русскихъ и индійскихъ крестьянъ, подавленныхъ непосильными налогами, — европейскій крестьянинъ и арендаторъ не могъ уже удержаться при прежнихъ рентахъ“ (Энгельсъ). Производство зернового хлѣба сдѣлалось въ Англіи невыгоднымъ и быстро стало замѣняться интенсивнымъ скотоводствомъ и са-

доводствомъ. Земля, которая оказалась лишнею при этой новѣйшей формѣ хозяйствованія, забрасывалась совершенно и обращалась въ пустоши. По отчетамъ Ловеса (въ „Times'а“), въ теченіе 8 лѣтъ (1853—1860) почти $\frac{3}{4}$ всей пшеницы, потребленной въ Великобританіи, было внутренняго производства и только немного, $\frac{1}{4}$, получалось извнѣ. Черезъ 25 лѣтъ (1879—1886 г.) немного болѣе $\frac{1}{3}$ получено было со своихъ полей, а ввезено около $\frac{2}{3}$. Но условія мірового рынка не только лишаютъ почвы современное англійское земледѣліе, они отнимаютъ у англійской деревни лучшія ея силы и массами гонятъ сельскихъ рабочихъ въ города, колоніи и промышленные центры.

Вотъ краснорѣчивая таблица уменьшенія числа сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Наемныхъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи было:

Въ 1861 г.	1.163,227
„ 1871 „	996,642
„ 1881 „	890,174
„ 1891 „	798,912 *).

Число ихъ за 30 лѣтъ уменьшилось на 364.315, т. е. на 31,3% или почти на треть.

Сельское населеніе выбрасывается изъ деревень въ города и фабрики не потому, что тамъ плата высока, а условія жизни болѣе „привлекательны“, какъ думаютъ многіе, но потому, что въ земледѣліи плата слишкомъ низка, потому что со времени кризиса громадный контингентъ рабочихъ оказался *излишнимъ*, а условія жизни въ деревнѣ невыносимы для людей съ мало мальски независимымъ характеромъ. Не города „притягиваютъ къ себѣ сельскихъ рабочихъ“, а *деревня гонитъ ихъ отъ себя, сбывая свое излишнее населеніе въ города и промышленные центры*“. Кромѣ замѣны пашенъ пастбищами, этому содѣйствуетъ и громадный прогрессъ машинной техники, чрезвычайно удешевившей производство сельско-хозяйственныхъ машинъ, благодаря чему онѣ, какъ мы уже говорили, получили со времени кризиса громадное распространеніе, вытѣсняя собою живую силу рабочихъ. Волѣдствие раздѣленія труда и самый трудъ при машинахъ крайне упростился и сталъ доступнымъ для всѣхъ необученныхъ рабочихъ. Отсюда громадный ростъ въ деревнѣ конкуренціи женщинъ, дѣтей и подростковъ, бороться съ которой взрослые рабочіе не въ силахъ ничѣмъ, кромѣ выселенія изъ сельскихъ округовъ. А выселенія эти въ настоящее время приняли уже стихійный характеръ паническаго бѣгства, возбуждая опасенія и

*) Каутскій „Аграрный вопросъ“, гл. IX, стр. 253. Детально разработанныя таблицы по отдѣльнымъ графствамъ, см. у Гольдштейна „Gewerbsgliederung“.

въ самихъ фермерахъ, рискующихъ остаться совсѣмъ безъ рабочихъ... Въ этомъ смыслѣ съ ихъ стороны слышаты уже жалобы и льются крокодиловы слезы... Но „противъ недостатка въ рабочихъ рукахъ въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ еще не выросло цѣлебной травы“... Остановить „бѣгство“ сельскихъ рабочихъ можно только сильнымъ поднятіемъ заработной платы и общимъ улучшеніемъ условій ихъ жизни, а при современныхъ условіяхъ англійскаго земледѣлія, угнетаемаго кризисомъ,—этого ждать не возможно ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ. При томъ изъ деревни бѣгутъ наиболѣе молодые, самостоятельные люди, остаются дѣти и старики. Въ одномъ официальном отчетѣ за 1897 годъ совершенно справедливо говорится, что чѣмъ выше умственное развитіе рабочаго, тѣмъ сильнѣе въ немъ стремленіе къ выселенію. „Деревня,—пишетъ де-Рузье,—лишается лучшихъ своихъ элементовъ, и тѣ, кто въ ней остаются, кажутся какими-то вырождающимися типами“. Французскій экономистъ, лично объѣхавшій въ 1896 г. сельскую Англію, былъ пораженъ результатомъ такого подбора: „Земледѣльческіе рабочіе,—пишетъ онъ,—туповаты и мало интересуются чтеніемъ, рѣзко отличаясь этимъ отъ фабричныхъ рабочихъ“, и въ подтвержденіе своего мнѣнія приводитъ отзывъ объ умственномъ уровнѣ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ, данный ему однимъ изъ руководителей земледѣльческихъ трэдъ-юніоновъ *). Ясно, что съ такимъ составомъ нечего и мечтать здѣсь, въ скоромъ по крайней мѣрѣ времени, о возсозданіи сильныхъ и дѣеспособныхъ союзовъ. По словамъ де-Рузье, руководители сельскаго пролетаріата въ настоящее время заняты не столько попытками къ возстановленію въ деревнѣ распавшихся съ 1894 г. трэдъ-юніоновъ, сколько энергичными, но мало успѣшными усиліями ободрить и умственно поднять инертную массу рабочихъ. Ту же цѣль теперь преслѣдуютъ въ деревняхъ послѣдователи Генри Джорджа—члены „лиги націонализаціи земли“ и послѣдователи Уоллеса—члены „лиги возвращенія земли англійскому народу“ **). Насколько успѣшна усиленная агитація этихъ обществъ—трудно сказать, но видимо, что съ крушеніемъ „союзовъ Арча“ всякое объединительное движеніе надолго потеряло кредитъ среди сельскаго населенія. Число же земледѣльческихъ рабочихъ продолжаетъ уменьшаться съ каждымъ годомъ, а личный составъ несомнѣнно ухудшаться. Такимъ образомъ, подъ роковымъ вліяніемъ мирового сельскохозяйственнаго кризиса, рабочій вопросъ въ сельской Англіи получаетъ въ наши дни своеобразное разрѣшеніе—путемъ исчезновенія и вырожденія самихъ сельскихъ рабочихъ и низведенія

*) „Наши рабочіе медленно все понимаютъ, они неподвижны и противятся всякой новой идеѣ“.

**) О дѣятельности этихъ обществъ въ деревнѣ см. книгу Альбера Метена „Соціализмъ въ Англіи“, гл. IV.

блестящаго въ 60-хъ гг. XIX ст. англійскаго земледѣлія на степень промысла, не могущаго обезпечить себѣ даже внутренняго рынка.

Рабочій вопросъ въ сельской Англіи превращается въ вопросъ о томъ, гдѣ взять умѣлыхъ рабочихъ за дешевую плату — для фермеровъ, и о томъ, куда убраться изъ деревни, гдѣ жизнь становится невыносимою — для рабочихъ.

Изъ этого тяжелаго положенія, созданнаго глубоко лежащими экономическими причинами современности, для рабочихъ нѣтъ возможности выйти собственными силами, оставаясь на почвѣ данной соціальной организаціи. Нѣкотораго оживленія рабочаго вопроса въ деревнѣ можно ждать въ *ближайшемъ будущемъ* лишь отъ той повсемѣстной тенденціи къ переселенію въ деревню промышленныхъ и полу-промышленныхъ заведеній, отъ того „возвращенія въ деревню“, изображеніе котораго даетъ намъ Вандервельде въ своей талантливой статьѣ подъ этимъ заглавіемъ *). Но пытаться предугадать характеръ взаимодѣйствія между бѣгущей въ городъ деревней и стремящимся въ деревню городомъ пока еще слишкомъ трудно и рискованно.

Не смотря на перечисленные нами дефекты въ программѣ и практической дѣятельности трудовыхъ организацій англійскаго земледѣльческаго пролетаріата, — эти организаціи все же несомнѣнно принесли свою пользу, какъ полезна всякая организація общественныхъ силъ, пробуждающая мысль о возможности и необходимости борьбы за улучшеніе своего положенія только общественнымъ путемъ.

Исторія рабочаго движенія въ различныхъ странахъ показываетъ намъ, что организація всякаго массоваго движенія, хотя бы и преслѣдовавшаго недостаточныя или утопичныя цѣли, имѣетъ громадное значеніе для развитія и пробужденія классового сознанія этой массы.

Если экономическія и соціальныя условія земледѣльческаго населенія Англіи измѣнятся къ лучшему, если „бѣгству въ города“ будетъ положенъ предѣлъ и въ „опустошенной“ теперь деревнѣ вновь возникнетъ сильное рабочее движеніе, то возникнетъ оно уже совсѣмъ на другихъ началахъ и во имя иныхъ идеаловъ. Земледѣльческіе союзы будущаго радикально измѣнятъ прежнюю тактику, программу и организацію.

Они навсегда порвутъ съ близорукимъ старовѣрствомъ прежняго рутиннаго тредъ-юніонизма и не будутъ уже чувствовать паническаго страха передъ „политикой“ и широкими научными обобщеніями. Они навсегда откажутся отъ „самопомощи“, отъ

*) Vanderwelde „Die Rückkehr nach dem Lande“. Braun's Archiv, 1903, I, 2.

„маленькихъ средствъ“ и отъ всѣхъ другихъ путь, сломившихъ боевую дѣятельность союзовъ Арча.

Скорѣе всего, это будутъ чисто боевыя организаціи, не отягченныя никакими „кассами взаимопомощи“—союзы, которые, помимо прежней борьбы изъ за условій найма, энергично выступятъ на путь борьбы за чисто политическія реформы и направятъ такимъ путемъ свою дѣятельность къ коренному измѣненію экономическихъ отношеній.

Н. С. Щетининъ.

В ъ т ю р ь м ѣ.

(Съ итальянскаго).

Къ желѣзной рѣшоткѣ привикнувъ челомъ,
Стою у окошка во мракѣ ночномъ,
Измученъ тоскою неволи.
Холодныя стѣны молчатъ позади...
И плачетъ, и бьется въ усталой груди
Усталое сердце отъ боли...

„Нѣтъ, видно, друзья позабыли про насъ!
Еще одинъ день безвозвратно погасъ
Вдали, за рѣшеткой желѣзной,
А мы все въ плѣну за холодной стѣной,—
И будемъ, должно быть, до гроба съ тобой
Томиться въ тоскѣ бесполезной...“

— Молчи, мое сердце! Надѣйся и вѣрь!..
Отворится скоро тюремная дверь—
Какъ птицы, порхнемъ мы на волю.
Нѣтъ, наши друзья въ эти скорбные дни
Про насъ не забыли: готовятъ они
Намъ новую, лучшую долю!..

Сергѣй Е вѣ.

КОНТРЫ.

Разсказъ.

I.

Долго и жарко, до хрипоты, спорили о. Стефанъ съ о. Иваномъ въ холодной церковной сторожкѣ, при чемъ каждый ударялъ себя въ выпяченную грудь, однако не могли придти къ соглашенію. Наконецъ, о. Стефанъ, низкорослый, плотный брюнетъ съ курчавой шевелюрой, предложилъ тонкому и высокому, какъ жердь, бѣлобрысому о. Ивану:

— Поѣдемъ къ благочинному?

— Поѣдемъ!—отвѣтилъ о. Иванъ.

— Сейчасъ?

— Сейчасъ!

И черезъ полчаса оба, на разныхъ санкахъ, безъ кучеровъ и безъ женъ, мчались къ о. Софрону Обрѣтенскому, въ Кельдіярово.

Матушка-благочинника взглянула въ окно и забеспокоилась:

— Должно быть, въ Морошкинѣ бѣда стряслась... Посмотри-ка, отецъ, лошади у нихъ всѣ въ мылѣ, дышутъ брюхомъ чуть не до земли... И скакали же!

— Ужъ не святотатство ли опять?—предположилъ благочинный и тоже волновался, впуская неожиданныхъ гостей.

— Что? Что у васъ?—торопилъ онъ ихъ отвѣтомъ. Но тѣ словно растеряли весь пылъ въ дорогѣ! и, при другихъ, стѣснялись начинать о томъ, о чемъ вполне свободно часа за два передъ тѣмъ спорили съ глазу на глазъ.

У о. Софрона отлегло отъ сердца. Значить, не очень серьезно.

— Да вотъ, о. Иванъ... возжа, что ли, между ногъ у него попала... лягается... домогается...—смутно объяснялъ о. Стефанъ.

А о. Иванъ на это, въ свою очередь, заговорилъ вяло:

— Я что же? Это о. Стефанъ взялъ себѣ въ голову безо всякаго основанія... А теперь словами обноситъ...

Дѣло состояло въ слѣдующемъ. О. Иванъ занялъ мѣсто въ большомъ двухъ-причтномъ селѣ Морошкинѣ послѣ умершаго своего тестя и не признавалъ за о. Стефаномъ, своимъ сослуживцемъ, ровесникомъ и однокурсникомъ, правъ на настоятельство въ морошкинской церкви, потому что въ указѣ консисторіи не было прямыхъ основаній. Указъ гласилъ только, что за смертію о. Менодія переводится изъ села Дракина о. Опрѣсноковъ, но кому настоятельствовать—о. Стефану Чеснокову, или о. Ивану Опрѣснокову—объ этомъ въ бумагахъ не было ни слова. Такая недомолвка открывала новому священнику поводъ оспаривать у о. Стефана первенство:

— Разъ я замѣщаю покойнаго своего тестя, то ео ipso наслѣдую всѣ его права по службѣ,—говорилъ о. Иванъ.

Но о. Стефанъ, какъ старожилъ въ селѣ, возражалъ:

— Ну, нѣтъ! Такого наслѣдства у тебя нѣтъ и быть не можетъ. Замѣститель ты, правда,—но не по этой части. Спросика вонъ причтъ, что они скажутъ на счетъ твоей „ипсы“.

Дьяковъ Отсвѣтовъ и дьячекъ Кормилицынъ уклонялись отъ роли третейскихъ судей и говорили, ни на кого не глядя и вздыхая:

— Наше дѣло маленькое... Вы—начальники, вы и рѣшайте, и какъ рѣшите, такъ и—аминь!

Легко сказать: „Рѣшайте“... А какъ? Тутъ спорщикамъ предстояло оказать другъ передъ другомъ подвигъ смиренія. Но это добродѣтель рѣдкостная, какъ алмазъ, а о. Иванъ и о. Стефанъ созданы были изъ той же глины, какъ и всѣ люди. Первенство—вещь не пустая. Во-первыхъ, званіе настоятеля даетъ право первому священнику сноситься по дѣламъ съ благочиннымъ, съ урядникомъ, со становымъ, волостнымъ правленіемъ, земскимъ начальникомъ, слѣдователемъ, земской управой, консисторіей и находить въ этомъ удовлетвореніе служебному честолюбію. Потомъ есть другія выгоды, болѣе постоянныя и понятныя... Напримѣръ, баня... Настоятель со своей семьей всегда имѣетъ право мыться въ субботу; а если второй священникъ захочетъ помыться въ тотъ же день, то долженъ идти послѣ перваго,—въ чемъ мало удовольствія, по многимъ соображеніямъ. Если же проскользнуть облыжнымъ путемъ раньше, то можетъ выйти большая неприємность въ родѣ той, какую пришло однажды претерпѣть дьячку отъ дьякона, когда дьяконъ, возмущенный самоуправствомъ дьячка, съ бранью повыбросалъ изъ предбанника всѣ принадлежности его костюма, и тотъ по неволѣ долженъ былъ одѣваться въ крапивѣ подъ ветлой...

Но и въ самомъ домѣ настоятель имѣетъ право на все

лучшее—на болѣе просторный и свѣтлый курятникъ. на хорошую, безъ дыръ, конюшню, на болѣе теплый хлѣвъ, и тутъ никакіе протесты не помогутъ... Настоятель можетъ завести злую собаку не столько для охраны имущества, сколько для личнаго удовольствія, если имѣетъ къ тому вкусъ, а второе лицо должно еще сначала сообразовать свои желанія съ волей другихъ. Да мало ли что можетъ сдѣлать настоятель?! Захочетъ не ѣхать въ темную осеннюю ночь въ дальнюю деревню съ требой и не поѣдетъ,—поѣзжай второй. А то, напримѣръ, составить такое росписаніе чреды службъ, что себѣ выгородитъ нетрудную вторую недѣлю поста, а младшему сослуживцу всю страстную—и служи; только вздохнешь, да скажешь: „Своя рука владыка“. Или, опять, школьное дѣло: школь двѣ въ Морошкинѣ, церковно-приходская и земская. Въ земской законоучителю полагается жалованье шестьдесятъ рублей въ годъ, а въ церковной—ни копѣйки. Не мудрено понять, какую школу возьметъ себѣ настоятель... И такъ вездѣ: луга станутъ дѣлать—настоятель выгородитъ себѣ жирную травку у ручья. Доходы же хоть и дѣлятся поровну, но все же настоятелю перепадаютъ лишніе полтинники во дни говѣнья: солидные, степенные прихожане идутъ съ своими грѣхами къ главному, а не къ второстепенному. Опять и награды: кто первый получить скуфью? Конечно, не второй... Придегъ, далѣе, Пасха, Рождество, Престоль, — второй долженъ оказывать почтеніе и уваженіе первому. Онъ хотя и не начальникъ, но почитать его должно, какъ начальника, что вдвойнѣ тяжело...

Когда случается быть въ гостяхъ вмѣстѣ,—кого просятъ благословить трапезу? Кому первую рюмку подносятъ? Кому первую чашку чаю наливаютъ?—Настоятелю, ему честь и его попадѣ!

Да, наконецъ, и причтъ церковный не оказываетъ надлежащаго почтенія второму батюшкѣ, — особенно дьяконъ, которой воображаетъ, что онъ больше младшаго священника, потому что дьяконъ-де одинъ полагается, а поповъ два. Дьяконъ всегда норовитъ оказать противодѣйствіе самому правильному распоряженію младшаго батюшки: „что еще скажетъ, молъ, настоятель“... Вообще, обидныхъ статей множество, и даютъ онѣ себя чувствовать не только по воскресеньямъ, когда подается на золотомъ блюдечкѣ просфора одной старшей матушкѣ, но въ каждый день и часъ, и конца имъ не видно до тѣхъ поръ, пока второе лицо не превратится въ первое...

Вотъ эти-то соображенія и заставляли отцовъ усиленно вникать въ консисторскій указъ. Начавъ споръ робко, осторожно, они потомъ поднимали тонъ. Одинъ повторилъ разъ

двѣсти: „Ваканція! ваканція!“ Другой не меньше налегаль на слова: „За смертію! за смертію!“ И всякій свой смыслъ вкладываль въ эти слова, отстаивая свой взглядъ. Наконецъ, о. Стефанъ запальчиво выкрикнулъ:

— Я первый, а ты—мое „помогало“!

А о. Иванъ такъ же энергично отвѣтствовалъ:

— Нѣтъ, я первый!

Въ такомъ видѣ споръ возобновился и въ домѣ благочиннаго. О. Софронъ наклонялъ лысую голову поочередно то въ сторону о. Ивана, то въ сторону о. Стефана, перебиралъ дебелие персты то той, то другой руки, раскидывая умомъ по нимъ, какъ по видимымъ знакамъ „за“ и „противъ“, говорилъ о. Ивану: „Вѣрно!“ и о. Стефану: „Тоже вѣрно!“ поилъ обоихъ чаемъ и водкой, и самъ выпилъ изрядно, но ни до чего опредѣленнаго не додумался и отъ необычнаго напряженія разума, отъ необъятности противорѣчій, изнемогъ духовно и физически. Грузно опустившись въ кресло, онъ свѣсилъ руки, головой поникъ на грудь, рѣсницы закрылъ и изрекъ безпомощно:

— Нѣтъ! и я этого вопроса не рѣшу. Тутъ консисторія Ивановна напутала, она и должна распутать.

— Спросить, спросить ее!—въ одинъ голосъ воскликнули о. Стефанъ и о. Иванъ, а благочинный, поднявъ вверхъ не безъ торжественности указательный палецъ со слѣдами нюхательнаго табаку, добавилъ еще:

— И ни на чью сторону не выскажу перевѣса... Ей-Богу... Такую бумагу напишу, листа въ два, что вы оба можете быть настоятелями.

И о. Софронъ при этомъ такъ вдохновенно взглянулъ на морошкинцевъ, какъ будто приглашалъ заранѣе изумляться его начальственному безпристрастію.

— Да, да, такъ, такъ,—согласились спорившіе и уѣхали, уже не перегоняясь на обратномъ пути, въ чувствахъ глубокаго уваженія къ начальнику, повторяя потомъ каждый своей попадѣ:

— Какой у насъ о. Софронъ,—до чего справедливъ! До чего объективенъ! Д-а-а...

II.

И съ того часа, какъ о. Софронъ послалъ недоумѣнный вопросъ въ консисторію, изложенный въ одномъ предложении, безъ всякихъ доводовъ въ пользу того или другого, о. Иванъ и о. Стефанъ, объятые равными надеждами, каждый въ свою пользу, жарко молились небу... каждый за од-

ного себя. А въ то же время въ сердцахъ соперниковъ гнѣздилося тайное помышленіе: нельзя ли прибѣгнуть, между прочимъ, къ средству, именуемому въ такихъ случаяхъ „благодарностью“?

Но епархіальный городъ былъ не близко, да и брало опасеніе: еще какъ примутъ тамъ авансовую благодарность? И сколько дадутъ въ такихъ случаяхъ?

— Какъ бы не нарваться...

Тайныя, грѣшныя мысли высказывались въ каждой семьѣ вслухъ лишь передъ отходомъ ко сну въ спальню, и то шепотомъ. Только о. Иванъ, на третій день, спозаранку проводилъ свою жену къ мудрымъ родственникамъ за совѣтомъ по дѣлу. Но и о. Стефанъ не дремалъ и, какъ только понялъ смыслъ поѣздки чужой попадѣ, тотчасъ же заторопилъ и свою:

— Поѣзжай и ты къ своимъ, все разузнай, какъ и что въ такихъ случаяхъ полагается.

Но попусту прокатились матушки. Консисторія сразу рѣшила вопросъ въ пользу о. Стефана, „поелику, какъ говорилось въ указѣ, о. Чесноковъ постановленъ въ санъ іерея на полгода раньше, чѣмъ о. Опрѣсноковъ“.

— Что, братъ, съ носомъ?—ликовалъ о. Стефанъ, и въ непобѣдимой своей гордынѣ устроилъ передъ о. Иваномъ довольно игривую комбинацію: зацѣпилъ лѣвымъ пальцемъ правый большой перстъ, а прочими пальцами перебиралъ по воздуху, какъ по ладамъ воображаемой дудки, и приговаривалъ: „Моя правда-то. А твое „ipso“ не записило“!

И указъ, и способъ его объясненія не по душѣ пришлись о. Ивану, тѣмъ болѣе, что о. Стефанъ ухитрился къ символическому носу приставить еще и правое колѣно... Рѣдкій бы удержался отъ искушенія схватить за плясавшую въ воздухѣ ногу въ полосатой штанинѣ за рыжей голенищей. Но у о. Ивана только блѣднѣе обыкновеннаго стало лицо, когда онъ, сдерживая гнѣвъ, отвѣтилъ:

— Правда-то... она бываетъ о двухъ концахъ... какъ палка!

Сказалъ онъ эти слова такъ загадочно, что у о. Стефана сразу и руки, и ноги приняли обыкновенное положеніе. И какъ счастливые игроки великодушно утѣшаютъ несчастныхъ возможностью отыгратъ въ слѣдующій разъ, о. Стефанъ сталъ обнадеживать злополучнаго соперника:

— Не ропщи, о. Иванъ... Все придетъ въ свое время... И ты будешь настоятелемъ... Вотъ подожди, умру я...—И хотя эдоровый видъ краснощекаго о. Стефана, начинавшаго входить въ тѣло, заставилъ бы всякаго усомниться въ возможности его недалекой смерти, однако тщедушный, съ лицомъ

пепельнаго цвѣта, отецъ Иванъ не безъ тайнаго удовольствія подумалъ про себя о „кондрашкѣ“, который нерѣдко, дѣйствительно, подкрадывается къ такимъ-вотъ короткошеимъ здоровякамъ и сбитнямъ, какъ о. Стефанъ... Посрамленный скрылъ, впрочемъ, свои мысли подъ смиренной фразой:

— Я въ будущее не углубляюсь... Былъ бы хлѣбъ насущный днесъ, больше мнѣ ничего не надо.

— Ладно! — мотнулъ насмѣшливо головой о. Стефанъ, сверкнулъ черными навикатъ веселыми глазами по всей сжавшейся фигурѣ о. Ивана, какъ-то перевернулся на лѣвомъ каблукѣ, щелкнулъ пальцемъ вверхъ по воздуху, усмѣхнулся, махнулъ рукой и быстро направился домой изъ церковной сторожки.

III.

Консисторское распоряженіе повергло жену второго священника Конкордію Мееодіевну въ думы:

— Что такое о. Стефанъ, и что онъ изъ себя изображаетъ? Второразрядный по образованію... А мой Иванъ студентомъ окончилъ семинарію, — большая разница. Вотъ, если бы мы, обѣ морошкинскія попадья (не дай Богъ, конечно, такому грѣху случиться!) взяли вдругъ, да и померли... Въдѣ мой Ваня имѣлъ бы полное право сейчасъ же послѣ моихъ похоронъ поступить въ духовную академію, учиться тамъ высшему образованію, принять монашество, выслужиться и быть архіереемъ... А попробуй эго же самое Стефанова попадья сдѣлать, — шалишь, братъ! Ему надо бы еще держать экзамень на студента семинаріи, потомъ проситься къ экзамену въ духовную академію, — ну, а въ семинаріи-то его бы осмѣяли и провалили, и не быть бы тебѣ, о. Стефанъ, архіереемъ во вѣки!

Мысли Конкордіи Мееодіевны перенеслись, далѣе, къ сличенію своихъ женскихъ достоинствъ съ достоинствами соперницы.

— Противъ Калеріи я куда много значу... Я училась въ епархіальномъ училищѣ, всякіе тамъ предметы и хорошія манеры проходила, а за танцы и музыку папаша особо приплачивалъ двадцать два рубля съ полтиной въ годъ, больше сотни всего на это вышло... И все въ прокъ пошло — я могу всякаго гостя принять, даже свѣтскаго, напримѣръ, товарища прокурора... Могу одѣться къ лицу, улыбаться и разговоръ поддержать. А Чеснокова — что она можетъ? Забавно вспомнить, какъ она въ разговорѣ со станovýmъ садила слова, точно лукъ въ грячку: „колидоръ“, „лессора“, „поликмахтеръ“... Мужичка какъ была, такъ и осталась, въ полномъ видѣ де-

ревенщина... Я могу быть учительницей и жалованье получать, а ей куда дѣваться? Въ просвирни. Только. Даже въ монополію не возьмутъ. А если она тѣломъ бѣла, да шея у нея привлекательная, та жъ это еще не все: главное дѣло въ женщинѣ—фигура...

И матушка Опрѣснокова подходила къ зеркалу, вдыхала въ себя всей грудью воздухъ и туго обхватывала обѣими руками свой станъ, убѣждаясь, что ея талія не больше полъ аршинчика въ окружности.

Однако, всѣ преимущества Опрѣсноковыхъ меркли въ жизни. Вотъ о. Иванъ „самъ“ сочинялъ проповѣди, напечаталъ въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ некрологъ благочестиваго своего тестя о. Мееодія, и никто за это никакого почтенія къ нему не питаетъ; а о. Стефанъ никакого касательства къ витійству и печатному слову не имѣетъ, а однако... Горько, обидно, больно!.. Поневоля заберется въ душу печаль: зачѣмъ было изучать науки, зачѣмъ умнѣть и облагораживаться, когда въ жизни важно только одно—родиться на годъ-на два раньше другихъ?

А Калерія Тимофеевна, первая попадья, понимая многія преимущества соперницы, тѣмъ крѣпче держалась за главный свой козырь—первенство по мужу, и когда нужно было, выдвигала его на сцену. Вадумалъ разъ Акимъ Васильевичъ, волостной писарь, звать „поповъ“ на именины своей писарихи, да не съ того конца началъ, позвалъ первую Конкордію Мееодиѣвну. Калерія Тимофеевна тогда такъ разобидѣлась, что отказалась было совсѣмъ идти въ гости, насилу мужъ „усовѣстилъ“. Но когда и писариха, при томъ, допустила нетактичность, усадивъ въ единственное кресло Конкордію Мееодиѣвну, въ виду ея превосходнаго шелковаго платья, Калерію же Тимофеевну—на жесткій продавленный стулъ, у Калеріи Тимофеевны пропалъ не медленно всякій аппетитъ. Долго ломали хозяева головы надъ загадкой: отчего главная попадья не притрогивается ни къ чаю, ни къ сдобнымъ лепешкамъ, ни къ мармеладу, ни къ грецкимъ и кедровымъ орѣшкамъ, ни даже къ сотовому меду? Ужъ какъ бы всего этого не отвѣдать, если ничего на сердцѣ не имѣешь противъ хозяевъ? Позже дѣло разъяснилось, и писарь съ писарихой принесли извиненія, при чемъ писарь приставлялъ къ галстуху руку, словно желалъ удушить себя въ порывѣ раскаянія. И только тогда Калерія Тимофеевна произнесла милостивое: „То-то!“

IV.

О. Иванъ, только спустя значительное время, додумался, какой глубокой смысл содержался въ его собственныхъ, сказанныхъ въ раздраженіи, словахъ о правдѣ-палкѣ съ двумя концами и сталъ выжидать случая, который могъ бы явственно подчеркнуть все внутреннее несоотвѣтствіе о. Стефана внѣшнему положенію настоятеля. Уже больно всегда онъ былъ веселъ и безпеченъ, вѣчно острилъ и шутилъ, ни надъ чѣмъ никогда не задумывался и все вопросы рѣшалъ легко, смаху.

— Погоди,—думалъ о. Иванъ:—съ птичьимъ умомъ да на важной должности—напрыгаешься, какъ жуланъ въ клѣткѣ. А я тебѣ не помогу... Посвящешь!

Дѣйствительно, о. Стефанъ однажды почувствовалъ недостатокъ въ собственномъ разумѣ и обратился за совѣтомъ къ товарищу:

— Что это, о. Иванъ, земская управа придирается, спрашиваетъ какія-то свѣдѣнія о числѣ умирающихъ и живущихъ до семилѣтняго возраста младенцевъ? На кой имъ ладъ это?

О. Иванъ прочелъ бумагу и сказалъ:

— Тутъ прямо говорится, зачѣмъ такія свѣдѣнія: хотять строить по уѣзду ясли.

— Ясли? Какія ясли? Люди развѣ овцы?

— Дѣтскія ясли... Мода такая... Для облегченія бабъ.

— Не понимаю... Тутъ закорючка. Ты какъ думаешь, о. Иванъ?

— Хм... Можетъ быть! — глубокомысленно отвѣтилъ о. Иванъ и, чтобы еще укрѣпить о. Стефана въ его мысляхъ, прибавилъ:—Должно быть.

— То-то... —радовался своему соображенію о. Стефанъ и щелкнулъ пальцемъ по воздуху.—Непремѣнно подвохъ!.. Ну, самъ посуди, младенцы всякіе родятся. Вынешь иного изъ купели, посмотришь: ну, рабъ Божій, до вечера не продышешь, чего тебя записывать въ метрику... Я и не пишу такихъ въ книгу.

— Неужели?—съ дѣланнымъ испугомъ спросилъ о. Иванъ.

— А что? Твой тестъ, бывало, говорилъ: того записывать на приходъ и въ расходъ не слѣдуетъ, кто въ одинъ день приходитъ и уходитъ. Не люди это, а комары... Появятся и пропадутъ. Появыши, Господь съ ними!

— Всетаки, разъ родился — пиши его! Умеръ — тоже пиши!—возразилъ о. Иванъ.

— Это бумагу марать? Благодарю покорно... Къ чему? Вѣдь такимъ не надо ни жениться, ни въ призывъ являться. Къ чему имъ метрика?

— А вотъ теперь какъ отвѣчать на запросъ?

— Какъ? Извѣстно... По метрикамъ.

— Но вѣдь метрики не совпадаютъ съ дѣйствительностью. На самомъ дѣлѣ, у васъ было больше и родившихся, и умершихъ.

— Ну, такъ что же? Припомню... Черновыя записи велись.

— Но тогда свѣдѣнія не совпадутъ съ метриками.

— Не совпадутъ.

— Тогда гдѣ же правда?

— Какая правда?

— Правда фактовъ—одна, а правда документовъ—другая.

О. Стефанъ подумалъ и сказалъ:

— Ну, такъ ты составь.

— Съ какой стати я? Вы настоятель, это ваша обязанность.

Ограждая себя отъ фамиллярнаго ты офиціальнымъ вы, о. Иванъ заставилъ призадуматься о. Стефана: какой передъ нимъ человекъ—очень ли умный, или очень ужъ безтолковый, что говорить о какой-то цифирной правдѣ?..

Но отецъ Иванъ упрямо глядѣлъ въ полъ и сопѣлъ, и лицо его принимало выраженіе затаеннаго смѣха.

— Ну, такъ какъ же отвѣчать управѣ,—по какимъ документамъ?—спрашивалъ о. Стефанъ среди наступившаго молчанія.

— Ваше дѣло, отецъ настоятель...—отвѣтилъ о. Иванъ, и не безъ ироніи прозвучало въ его устахъ слово „настоятель“, дотолѣ тѣшившее душу старшаго священника.

— Наше, такъ наше!—вспыхнулъ о. Стефанъ и тоже за-сопѣлъ, поднялся и ушелъ.

О. Иванъ отказался затѣмъ отъ подписи, говоря, что свѣдѣнія не совпадаютъ съ метриками. О. Стефанъ передѣлалъ вѣдомость по метрикамъ, но о. Иванъ и подъ этой не подписался.

— Такъ какого чорта ему надо? — вспыхнулъ о. Стефанъ въ присутствіи дьякона Отсвѣтова и дьячка Кормилицына, подписавшихъ съ одинаковой готовностью обѣ вѣдомости.

— Намъ все равно, — отвѣтили тѣ, — и такъ хорошо, и этакъ ладно.

— А я что говорю? Конечно, все равно... Поди, дьяконъ, спроси, какую ему вѣдомость надо, съ появышами или безъ появышей?..

Дьяконъ вернулся съ какимъ-то недобрымъ огонькомъ въ глазахъ.

— Они совѣщанія желаютъ...

— Кто они?—спросилъ о. Стефанъ.

— О. Иванъ...

— А! они... желаютъ... Ну, что же, пусть идутъ они... Сходи, дьячекъ, позови ихъ...

Дьячекъ сходилъ, вернулся и сказалъ:

— Они желаютъ въ сторожку... Для такого, говорятъ, дѣла надо найти мѣсто ней... ней... крайнее, что-ль...

— А, чортъ... Нейтральное! Ишь, персона... Ну, да мнѣ наплевать!.. Въ сторожку, такъ въ сторожку...

У дьякона и у дьячка сердце забилось, когда о. Стефанъ въ сторожкѣ громко началъ допросъ входившему о. Опрѣснокову:

— Скажи, о. Иванъ, чего тебѣ надо? Какую вѣдомость желаешь?

О. Иванъ спокойно отвѣтилъ:

— Я?.. Любую...

— Такъ чего же канителишь?

— Только съ оговоркой...

— Съ какой?

— Если ту, которая по метрикамъ, то такое замѣчаніе, что въ вѣдомость не включены двадцать младенцевъ, не числящихся по метрикамъ. А если ту, которая составлена по доходной тетради, то — что она не соотвѣтствуетъ метрикамъ...

О. Стефанъ даже привскочилъ.

— Эге?! Такъ вотъ ты чего хочешь?

— Правды.

— Нѣтъ, не правды, а подлости!

— Позвольте о. Стефанъ...

— Не позволяю, не допускаю... Подвести меня хочешь? Такъ не бывать этому! Не бывать! Не бывать! Никакихъ твоихъ дурацкихъ оговорокъ не будетъ. Это, братъ, аттанде...

— Ну, и я—аттанде... Не подпишусь...

— А мы и безъ твоего подписа ушлемъ...

— Дѣло ваше... Но если запросъ будетъ, то смотрите, — всѣ эти появыши появятся...—При этомъ удалившійся о. Иванъ метнулъ строго по глазамъ дьякона и дьячка, которые оба опасливо крикнули и какъ-то сжались.

— Не грози... Громъ-то не изъ тучи...—замѣтилъ о. Стефанъ и пошелъ слѣдомъ за о. Иваномъ. За попами шли дьяконъ и дьячекъ вмѣстѣ. Дьяконъ щипалъ свою рыжую бороду и спросилъ дьячка вполголоса:

— А что, вѣдь самоуправствуетъ? А? Ты какъ думаешь, Полѣвктычъ?

— Кто знаетъ. Можетъ, и нѣтъ...
 — Нѣтъ, ты по совѣсти скажи,—какъ думаешь?
 — Да мнѣ все равно, Ѳедотычъ, ей-Богу, все равно!
 — А если окажется, что вѣдомость ложная?
 — Откуда она ложная?
 — Да какъ же? Одна—такъ, другая—этакъ.
 — Ну?
 — Которая же вѣрнѣе?
 — Да-а...
 — То-то! Вѣдь о. Иванъ того и достигаетъ, чтобы правительность... Онъ вѣдь только примѣчаніе хотеть вставить. Въ томъ и споръ.

— Ну, и пусть примѣчаетъ.
 — А о. Стефанъ не допускаетъ...
 — Его дѣло.

— Опять же ты безтолочь, Полиевктычъ... Да какъ можно?..
 А консисторія?
 — Мнѣ—что консисторія? Я въ попы, какъ ты, не мѣчу.
 — Я просто дорожу репутаціей... Нѣтъ, я пойду къ о. Стефану, объяснюсь...

Дьяконъ пришелъ къ о. Стефану и началъ:

— Такъ какую же пошлете, о. настоятель, вѣдомость?
 — Мое дѣло.
 — Мм... О. Иванъ насчетъ появышей имѣетъ мнѣніе...
 — Ну, такъ что?..
 — Ммм... И я тоже...
 — И ты?! Ага! Ну, а кто метрики ведетъ? Отвѣчай по пунктамъ: кто ведетъ метрики?
 — Мм... мм... То есть, я... Потому, какъ я въ школы не занимаюсь, то это на меня возложено...
 — Правильно. Такъ чего же ты появышей не записывалъ? Почему не записывалъ? А?
 О. Стефанъ наступалъ.
 — Распоряженія не было...
 — Какого еще тебѣ распоряженія? Развѣ тебѣ запрещалъ кто? Я, что ли?

— Отъ о. Мееодія велось.
 — На покойника валишь? Ага... А онъ крестилъ послѣ своей смерти? Ты какъ думаешь? Нѣтъ, ты, дьяконъ, ты одинъ виноватъ, больше никто! Ты своихъ обязанностей не исполнялъ, лѣнился, ты и въ отвѣтъ.

Лицо дьякона стало вдругъ жалкимъ; онъ хлопнулъ себя ладонью по лбу: „Дѣйствительно, спросить бы надо, потому новый настоятель и прочее“...

— То-то! Тебя, дурака, спасаютъ, чтобы не выдать голо-

вой передъ начальствомъ, а ты противъ своего же благодѣтеля... Гдѣ у тебя голова-то?

— Истинно, батюшка, правда ваша..

— А ты: „О. Иванъ... О. Иванъ...“—допекалъ, передразнивая, о. Стефанъ.—Не понимаешь развѣ, что такое о. Иванъ? Кляузникъ, ехидна.

— Пожалуй...

— Ты только сейчасъ раскусилъ? А я еще съ семинаріи его знаю!

— Какъ же съ вѣдомостью быть?—все-таки допытывался дьяконъ.—По моему, смѣшанную бы изобразить...

— А по моему, никакую! Не пошлю—и все тутъ... Выпейка со мной, Ѳедотычъ. Поддержи компанію... Ужъ очень я огорченъ... Бросимъ объ этомъ думать. Ну?

У дьякона отлегло отъ сердца, и, выпивши, онъ разговорился:

— А вѣдь хорошо! Ей-Богу, хорошо! Никакую! Чего же лучше? Это я понимаю... И спокоенъ я душою... Ха-ха...

Уходилъ дьяконъ отъ о. Стефана съ нетвердостью въ ногахъ и большимъ веселіемъ въ душѣ, сильно осуждая о. Ивана. Онъ не дошелъ до своей квартиры, бывшей въ верхнемъ этажѣ противоположнаго дома, а очутился у дьячка, жившаго внизу.

— Чего я тебѣ скажу, Поліевктычъ?

— Ну-ка, ну!—И Поліевктычъ отложилъ въ сторону шило и хомутъ, который чинилъ.

— Вѣдь того... вѣдомость-то... появиши... и прочее.

— Ну?

— Одно слово, лучше о. Стефана намъ и не нажить настоятеля, ей-Богу! О. Иванъ развѣ такъ бы? Онъ бы цапъ-царапъ въ консисторію—и готово дѣло, испеклись бы мы съ тобой, какъ раки... Но о. Стефанъ совершенно ничего, и даже угостилъ... Видишь?—И дьяконъ старался показаться передъ дьячкомъ болѣе пьянымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

— Не за это, чай...—объяснялъ Поліевктычъ.

— Ну, т-ты...

— Къ случаю больше угодилъ...

— Толкуй! Нѣтъ, Поліевктычъ, не достигнешь ты... Да. Никогда. Ни во вѣки вѣковъ! Аминь!

— А мнѣ и не надо.

— Жаль мнѣ тебя,—и дьяконъ, вздохнувъ, прибавилъ:—Ты развѣ забылъ, что въ апостолѣ сказано: кто священнаго сана желаетъ, добраго дѣла желаетъ... Эхъ! Ну, прощай. Безнадежный ты человѣкъ, окончательно во всѣхъ отношеніяхъ...—И дьяконъ пошелъ дальше.

Однако черезъ двѣ недѣли пришло изъ управы повторительное требованіе о безотлагательномъ доставленіи вѣдомости. Дня три думалъ о. Стефанъ, какъ поступить, искалъ отвѣта въ графинѣ съ синимъ пѣтухомъ, наконецъ, позвалъ дьякона на совѣтъ; еще осушили графинчикъ и рѣшили остановиться на „появышной“ вѣдомости, только скрыть это отъ о. Ивана. О. Иванъ, правда, пронюхалъ чрезъ дьячка, однако тщетно ждалъ запроса отъ управы на счетъ отсутствія своей подписи подъ вѣдомостью. Онъ очень жалѣлъ объ этомъ, жалѣла и Конкордія Мееодіевна.

— Не устоять бы о. Стефану, если бы обнаружить.

— Да, было бы...—подтверждалъ мужъ.

— Такъ ты подними дѣло. Право...

— Нѣтъ, не ладно будетъ, Корочка... Сочтутъ за кляузника. На первыхъ годахъ службы это не рекомендація. Осу-
дятъ.

— Эка, случай какой пропалъ! Теперь жди новаго.

— Что подѣлаешь!

Между тѣмъ, къ удивленію и даже къ испугу о. дьякона, о. Стефанъ не скрывалъ своихъ дѣйствій отъ о. Ивана, въ его присутствіи говоря о томъ, какую послалъ вѣдомость, какъ бы поддразнивая соперника. И даже, когда дьяконъ попытался однажды напомнить о. Стефану объ осторожности и объ уговорѣ молчать, громко захохоталъ:

— И какъ бы я хотѣлъ, чтобы о. Иванъ донесъ на меня! Право...

Дьяконъ изумлялся... А женѣ своей о. Стефанъ тоже говорилъ:

— Жаль, жаль, что о. Иванъ не доносить! Нарвался бы! Онъ, поди, думаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ вѣдомость послалъ съ появышами? Какъ бы не такъ, — нашелъ дурака. Положу ему палецъ въ ротъ: на, молъ! Эге... Нѣтъ, вѣдомость-то я послалъ ту, которая по метрикамъ... Я и дьякона надулъ. Ха-ха...—Тутъ даже и Калерія Тимофеевна руками всплеснула:

— Не думала я, Степанъ, что ты такой хитрый!

— Ну, еще бы!—самодовольно разглаживалъ бороду о. Стефанъ и похлопывалъ себя по животу. — За себя постоймы!.. И о. Стефанъ энергично протягивалъ въ пространство кулакъ.

V.

На погребницѣ между кухарками тоже разыгрывалась исторія. Тамъ было два погребѣ разныхъ величинъ. Покойному о. Мееодию было за глаза и небольшой ямы, при его маленькомъ хозяйствѣ, но кухарка Опрѣсноковыхъ, бойкая Анисья, теперь доказывала, что къ верхнему этажу относится большая яма, и требовала отъ Чесноковской кухарки, Пелагеи, чтобы та убирала всѣ свои горшки и кадушки:

— А то, ишь, всѣмъ завладѣли, словно цари какіе...

Пелагея отмалчивалась и все передавала своей матушкѣ, а та строго наказала не подчиняться Анисѣ. Открытый споръ вели, впрочемъ, только однѣ кухарки на дворѣ, а сами матушки не вступали въ бой, хотя каждая издала руководила своей прислугой, какъ полководецъ войскомъ, и дѣятельно наблюдала за ходомъ кухонной войны. По временамъ Конкордіи Мееодиѣвнѣ казалось, что ея Анисья въ пылу гнѣва зарпортовывалась и не такъ доказывала свои права на большую яму, какъ надо, и матушка готова была сама повести атаку противъ Пелагеи, но, чувствуя подъ собой пыхтѣнье старшей попадьи въ нижнемъ окнѣ,—не рѣшалась. Однако, случай заставилъ обѣихъ матушекъ выбѣжать на дворъ. Ихъ дѣти, сверстники лѣтъ восьми, Степа Чесноковъ и Ваня Опрѣсноковъ или, какъ ихъ величали, Степанъ Степановичъ и Иванъ Ивановичъ вцѣпились другъ другу въ волосы и съ крикомъ, воемъ, плачемъ, катались кубарями по навозной кучѣ. Первая увидела это главная матушка; она ринулась на дворъ и надавала горячихъ шлепковъ чужому сыну. А когда выбѣжала и младшая матушка на защиту своей крови, то Степанъ Степановичъ уже скрылся въ юбку своей матери; Иванъ же Ивановичъ остался неотмщеннымъ. Вдвойнѣ обиженный, онъ сѣлъ на землю, приставилъ кулаки къ глазамъ и рыдалъ, надрывая сердце родной матери. Злоба образованной попадьи была настолько велика, что она, забывъ деликатныя манеры, пустила въ догонку удаляющейся старшей попадьѣ: „Разбойница... Мамайка!“... А та отвѣтила на это:

— А вы яйца изъ-подъ чужихъ куръ вытаскиваете.

— Нѣтъ, это наша кухарка приучаетъ нашу индюшку садиться въ чужое гнѣздо!—возразила младшая попадья.

— Это я воровка?—кричала выбѣжавшая Опрѣсноковская Анисья.

— Это я индюшекъ приучаю?—волновалась и Пелагея Чесноковская.

Пошелъ дымъ коромысломъ. Попадья противъ попады, кухарка противъ кухарки.. Вышли и работники, но молчали, не уяснивъ еще своей роли въ происходящей сцѣлкѣ. Попадьямъ показалось мало взаимной ругани,—онѣ перешли къ чести мужей. Наконецъ, выбѣжали попы и потащили своихъ супруговъ во-свояси, а работники—стряпокъ въ соотвѣтствующія кухни...

Послѣ того настало необычное затишье. Стыдъ смѣшался со злобой, злоба пересиливала, и началась подготовка къ открытой борьбѣ между семьями. Обѣ избѣгали встрѣчъ, разговоровъ. На поповомъ дворѣ было напряжение, какъ передъ грозой... Кухарки молча швыряли съ пути предметы собственности враждебной стороны, а работники — Чесноковский Никашка и Опрѣсноковский Порфишка—уже не подходили другъ къ другу и не дѣлились „козьими ножками“, т. е. окурками цыгарокъ, какъ бывало прежде, когда передавали ихъ изо рта въ ротъ; косо поглядывалъ каждый и на животныхъ чужого хозяйства...

VI

Разбирая послѣ покойнаго тестя бумаги, о. Иванъ нашелъ нѣсколько толстыхъ тетрадей, при чемъ первые листы одной были синіе, упругіе, а изнутри явно просвѣчивалъ водяной знакъ „1821“. Съ этого года вплоть до послѣдней болѣзни тестя велся дневникъ. О. Иванъ невольно задумался, вѣрно ли онъ обозначилъ число лѣтъ покойнаго въ некрологѣ: вѣдь, судя по дневнику, тестю въ годъ смерти должно было быть не менѣе ста десяти лѣтъ. Но, по тщательномъ разсмотрѣніи, оказалось, что о. Меѳодій былъ продолжателемъ дѣла своего отца, который довелъ лѣтопись до 1851 года, а съ того времени работалъ о. Меѳодій на менѣе упругихъ и болѣе свѣтлыхъ листахъ, до 1900 года, когда захворалъ и больше не вставалъ. Добрый старикъ оставилъ послѣ себя благоустроенный приходъ и не менѣе великолѣпный дневникъ. Душевный трепетъ прошелъ по жиламъ о. Ивана, когда онъ перелистовалъ тетради, которыя, въ совокупности, могли превзойти самую толстую церковную книгу типиконъ, и нашелъ, что предки имѣли изумительное терпѣніе въ записываніи погоды изо дня въ день въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ: „холодно, жарко, дождь, морозъ, туманъ“ и т. п. Не содержалось въ лѣтописи ничего личнаго, даже записей рожденія и смерти дѣтей; только изрѣдка встрѣчались замѣтки о заѣздѣ преосвященнаго въ Морощкино, о солнечномъ затменіи и о землетрясеніяхъ, въ

родъ слѣдующей: „На японскихъ островахъ было по газетамъ трясеніе земли, а у насъ спокойно“. О. Иванъ проникся глубокимъ уваженіемъ къ предкамъ и захотѣлъ быть достойнымъ ихъ продолжателемъ. Въ далекомъ будущемъ онъ видѣлъ, что и его сынъ, и внукъ продолжать лѣтописное дѣло, и тогда въ его воображеніи выросталъ великій историческій трудъ нѣсколькихъ поколѣній, который пригодится наукѣ и потомству...

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу... —

произнесъ онъ съ чувствомъ, и въ тотъ же вечеръ спилъ новую тетрадь и, пожалѣвъ, что она не такая крѣпкая, какъ старинная, изобразилъ:

„2-го апрѣля 1901 года. Сегодня съ утра было пасмурно, потомъ къ обѣду разведрило, а къ вечеру подстыло и дулъ сѣверный вѣтеръ, отчего приближеніе весны затягивается.“

Лѣтописецъ сравнивалъ текущую погоду съ погодою прежнихъ лѣтъ, радовался, когда 1821 годъ совпадалъ съ настоящимъ, недоумѣвалъ, почему годъ на годъ не приходится, и строилъ разныя гипотезы стносительно повторяемости дождей и ведра, но ни къ чему опредѣленному не приходилъ и за-видовалъ знаменитому Демчинскому.

— Хорошо ему предсказывать: у него все подъ рукой— и термометръ, и барометръ, этакъ всякій можетъ... А вотъ ты съ пустыми руками попробуй, какъ я! Небось, далеко-то не уѣдешь!—высказывалъ о. Иванъ женѣ.

— Все равно—дыра въ горсти... —холодно высказала жена.—Ужъ, пожалуйста, не раззоряйся на инструменты.

— Нѣтъ, отчего же? Если старенькій попадется по случаю за полтинникъ... У помѣщиковъ тоже въ экономіяхъ бывають этакіе завалященькіе, можно выпросить на поддержаніе, а то и на-вовсе,—въ какой часъ случится...

— Этакъ-то развѣ...—И матушка звѣнула. А батюшка продолжалъ:

— Но я все-таки не вѣрю въ эту, какъ, бишь, ее, барометрію; по-моему, тутъ главное—исторія. Исторія—все можетъ. Ну, не я, такъ дѣти, внуки, правнуки достигнуть.

— Такъ ты будешь все записывать?—Въ голосѣ матушки сказался даже испугъ.

— А что?

— Тошнехонько... Я думала, ты такъ, отъ нечего дѣлать, для баловства... А если вправду каждый день, даже смотрѣть на тебя осточертѣетъ. Папаша покойный, не будь тѣмъ помянуть, ужъ донялъ насъ, особенно подъ старость... Забудетъ къ вечеру, какая погода съ утра была, да и допрашиваетъ...

Просто бѣда была... Ну, какъ и ты то же самое? Да всю жизнь?.. Нѣтъ, попь, какъ хочешь, а это—мученье! Да и какой толкъ? только бумагѣ переводъ! А ты бы лучше вотъ что,—матушка воодушевилась даже,—записывалъ бы, сколько разъ въ недѣлю напивается о. Стефанъ, да потомъ подвелъ бы итогъ его пьянства за годъ.

— А къ чему?

— Пригодиться можетъ...

Подумалъ-подумалъ о. Иванъ надъ жениными словами и, послѣ записи подъ 8-мъ числомъ апрѣля: „Была первая молнія въ нынѣшнемъ году“, провелъ черту.

— Господи благослови!—думалъ онъ.—Такъ какъ у насъ съ о. Стефаномъ идутъ контры, и надо полагать, рано или поздно придется намъ другъ на друга свидѣтельствовать, то полагаю, надо записывать про него все, что увижу и услышу. Хочешь мира, готовься къ войнѣ. Да и, въ самомъ дѣлѣ, это интересно подсчитать, сколько у о. Стефана трезвыхъ и пьяныхъ дней въ году... Умница у меня попадья, ей-Богу... На сей день запишу для памяти только главное—то, что о. Стефанъ совершилъ подлогъ въ посланной имъ въ управу вѣдомости о числѣ рожденій и смертей. Это было, кажется, въ концѣ февраля... Плохая память на числа... Но надо припомнить по обстоятельствамъ. Въ тотъ день дьяконъ лыка не вязалъ и кричалъ по селу: „Не надо намъ никакого другого настоятеля, кромѣ о. Стефана“.

Затѣмъ послѣдовали и записи:

„11-го апрѣля.—Сегодня случилось обстоятельство, довольно примѣчательное по своему значенію. Моя попадья обнаружила великую болтливость въ разговорѣ съ дьячихой насчетъ моего дневника о грѣхахъ о. Стефана. Дьячиха сказала просвирнѣ, а та попадѣ Чесноковской. И о. Стефанъ съ того самого очень напился и, встрѣтивъ меня на гумнѣ съ вилами въ рукахъ, издѣвался надо мной, говоря:

— „А что, о. Иванъ, какую запись сдѣлаешь на счетъ моей персоны сегодня? Говорятъ, ты ведешь обо мнѣ кондуитъ, какъ инспекторъ семинаріи за семинаристами.

„Я, конечно, довольно резонно отвѣтствовалъ:

— „Никому дѣла нѣтъ до того, что я пишу.

„На это о. Стефанъ замѣтилъ:

— „Ага, не отрицаешь, значитъ, правда... Ну, тогда и я буду писать на счетъ тебя.

„На это я тоже резонно отвѣтилъ:

— „Опять же мнѣ до этого никакого дѣла нѣтъ.

— „Ну, такъ, значитъ, будемъ огненные углие собирать, — ты на моей главѣ, а я—на твоей. Увидимъ, чьи горячѣе будутъ,—сказалъ о. Стефанъ и отошелъ, взявъ на

плечо вилы, коими, очевидно, собирается писать на водѣ,—скажу это для смѣху. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что онъ никакого покушенія на мою личность вилами не проявлялъ, и хотя жена моя требовала, чтобы я въ дневникъ своемъ записалъ, что онъ замахивался и стремился пропороть мнѣ животъ, но этого не было. Правда все-таки выше всего“.

„12-го Апрѣля.—Скверно! Непокойно теперь стало, мучать меня разныя предположенія,—кто знаетъ, что плететь о. Стефанъ въ своемъ дневникѣ. Положимъ, человекъ я исправный, водки особенно не употребляю, въ словахъ умеренъ, въ дѣйствіяхъ остороженъ и во всемъ поведеніи благоприличенъ, но—кто знаетъ—на всякій часъ не спасешься. А тутъ о. Стефанъ караулитъ изъ-за угла... Отъ него пощадь не жди, все запишетъ и поизукраситъ... О, Господи, грѣхи наши тяжкіе!.. А все попадья виновата,—болтала съ дьячихой. Нѣтъ, какъ человекъ ни будь уменъ, а все въ немъ есть трещина,—ума такого, круглаго во всѣхъ отношеніяхъ, не найти. Да и гдѣ найти существо, особливо женскаго пола, со всѣми совершенствами? Я пробиралъ ее, она каялась и плакала. Обѣщалась затемнить дѣло, убѣдить и дьячиху, и просвирию, что никакого дневника я не веду, а пишу только проповѣди. Хорошо бы, кабы удалось. Надо чаще говорить проповѣди, и именно по тетради, а не по книгѣ, тогда, можетъ быть, и разсѣется подозрѣніе“...

„13-го апрѣля.—Не помогаетъ. Никто не вѣритъ. Теперь всѣ въ Морощкинѣ говорятъ, что я веду черную книгу противъ всего причта“.

„14-го апрѣля. Ужъ не примирится ли мнѣ съ о. Стефаномъ? Въ самомъ дѣлѣ, онъ обо мнѣ, а я объ немъ, и каждый втайнѣ,—что хорошаго? Такъ душевно я настроенъ былъ, что чуть было не заговорилъ съ нимъ по этому поводу: давай, молъ, братъ, бросимъ; но совѣсть не допустила... Да и попадья подзадориваетъ... У тебя, говорить, нѣтъ такихъ недостатковъ, какъ у него... У тебя маленькіе, а у него большіе. Убыточна такая мировая. Да у него и терпѣнья не хватаетъ. А за нимъ всего и не упишешь: что ни день, то какую-нибудь пулю отольетъ, ужъ такая голова несуразная... Но, помимо того, дневникъ теперь бросать нельзя, если бы даже мы и уговорились съ о. Стефаномъ помириться. На словахъ пообѣщаетъ, а на дѣлѣ можетъ надуть“.

„15-го апрѣля, — Сегодня о. Стефанъ наклюкался на поминкахъ у Спиридона Савкина. Вѣхали они вмѣстѣ съ дьякономъ и дьячкомъ въ одной телѣгѣ... Галдѣли, а лошадь насилу везла и останавливалась. Дьяконъ стащилъ съ дьячка сапогъ для потѣхи и бросилъ на дорогу. Такъ безъ

сапога и доѣхали до дому, а дьячекъ замѣтилъ, какъ ужъ вылѣзаетъ изъ телѣги. И тутъ только догадался, что это дьяконова штука, ибо дьяконъ очень ужъ потѣшался надъ шестымъ пальцемъ голой ноги дьячка. Дьячекъ ругался и лѣзъ въ драку съ обидчикомъ, но тотъ толкнулъ его, и онъ полетѣлъ. Положимъ, о. Стефанъ во всемъ этомъ прямо не виноватъ, но зачѣмъ онъ такъ хохоталъ, поджавши животъ, съ мужикомъ Савкинымъ и располагалъ прихожанина къ насмѣшкѣ надъ духовнымъ сословіемъ? Это важный фактъ“.

„22-го апрѣля.—О. Стефанъ за всю недѣлю не допустилъ ничего нехорошаго. Послѣ случая съ сапогомъ присмирѣлъ, насторожился, серьезничаетъ, говоритъ мало, почти не смѣется, аккуратно ходитъ въ школу и вообще исправенъ. На долго ли только, о. Стефанъ? Прорвешься, голубчикъ... Эхъ, кабы узнать, что онъ пишетъ тамъ!.. Навѣрное, мало хорошаго“.

„23-го апрѣля.—Мое желаніе исполнилось: я читалъ чешоковскія записки. Случилось такъ. О. Стефанъ уѣхалъ съ женой къ тестю на именины, а я, подъ предлогомъ справки въ метрикахъ, проникъ въ его кабинетъ. Кухарка Пелагея не хотѣла меня пускать, но я настойчиво потребовалъ метрики, грозя консисторіей. Она все-таки была при этомъ, какъ я бралъ книги, и слѣдила. Я вложилъ и дневникъ, какъ должное, а потомъ все благополучно возвратилъ... Господи, какъ смѣшно пишетъ о. Стефанъ (къ сожалѣнію, дневникъ еще только начать, написано мало). Начинаетъ онъ нѣсколько иначе, чѣмъ я: „Господи, прости! Такъ какъ о. Иванъ пишетъ противъ меня, то я буду писать противъ него. Онъ свинья и больше ничего“. Ха-ха... „Такихъ еще не бывало,—все подмѣчать за товарищемъ. Такъ только дѣлаютъ негодяи... Ишь, чѣмъ напелъ превозноситься—что у него ряса чистенькая, за воротомъ манжеты“... Вотъ невѣжда-то! За воротомъ манжеты! Ничего, продолжай, о. Стефанъ, въ томъ же духѣ,—твой дневникъ мнѣ на пользу. Въ томъ, что священникъ одѣвается прилично и чисто, нѣтъ никакого преступленія. Или, по твоему, надо, чтобы отъ попа навозомъ пахло, а руки были въ грязи“?

„26-го апрѣля.—О. Стефанъ вернулся отъ тестя съ большой мухой на третій день. Вернулся поздно ночью; я еще не спалъ и читалъ дневникъ о. Іоанна Кронштадтскаго. Слышно было, какъ онъ кричалъ на кухарку: „Какъ ты смѣла впускать въ домъ всякую сволочь?“ Кухарка оправдывалась. Очевидно, шла рѣчь о мнѣ... Въ заключеніе, о. Стефанъ открылъ окно, перевѣсилъ черезъ подоконникъ, харкнулъ и громко сказалъ на всю улицу: „Подлецъ“. О комъ это? Понимаемъ, о. Стефанъ... Но отъ кого я слышу?“

„27 го апрѣля. — Никогда не предполагалъ, что у моей попадѣ такія блестящія способности къ борьбѣ. Прежде, бывало, ходила въ туфляхъ и ступала по полу мягко, неслышно, какъ кошка. А сегодня, смотрю, надѣла какіе-то башкилы съ каблуками, „коты“ называемые, и такъ затопала, что, кажется, готова была пролавить полъ. Разъ десять, по крайней мѣрѣ, и безъ особой при томъ надобности, лазила на сундукъ и оттуда прыгала, производя сильное сотрясеніе въ зданіи; даже стекла звенѣли. Но этого ей было мало: стала ронять табуретки, а потомъ со всего размаху бухъ—берема дровъ!.. Наконецъ, велѣла Ванѣ внести въ комнаты топоръ, молотокъ, долото и позволила ему рубить и долбить, и Ваня цѣлый день стучалъ во всю мочь“.

„28-го апрѣля. — Сегодня то же продолжается. Слышно, внизу шагаютъ и говорятъ громко. Моя попадѣ серьезна, а я посмѣиваюсь“.

„29-го апрѣля. — Сегодня отъ о. Стефана присылали кухарку и просили быть поосторожнѣе, потому что, будто, ребенокъ пугается. Моя попадѣ резонно отвѣтила: „У васъ у самихъ шумъ каждый день отъ пьянства. Сами полегче живите“. Послѣ такого отвѣта о. Стефанъ напился въ дребезги и завелъ буянство, рвался къ намъ на верхній этажъ для скандалу, но его собственная жена съ работникомъ не допустили и сволокли съ лѣстницы, при чемъ повреждена была одна изъ балясинъ, за которую онъ цѣплялся“.

„30-го апрѣля. — Исторія продолжается. Моя жена начала во всякое время—въ ночь, въ полночь—громыхать скамьями и прочими не бьющимися предметами. А станеть снимать на ночь башмаки, то такъ ударить каблуками по полу, что, кажется, даже и въ чесноковскомъ подвалѣ яйца лопаются“.

„1-го мая. — Доняла. Начались у о. Стефана переговоры съ дьякономъ насчетъ обмѣна квартирами“.

„2-го мая. — Слава Богу, о. Стефанъ сталъ перетаскиваться въ дьяконскую квартиру, а дьяконъ на его мѣсто, хотя дьяконская квартира хуже. Но, видно, спокойствіе предпочтительнѣе“.

„Съ сего же числа, какъ сталъ подъ нами жить дьяконъ, водворилась у насъ тишина. Дьяконица угождаетъ моей женѣ, а дьяконъ мнѣ. И Ваня съ столярными инструментами перебрался подъ навѣсъ, гдѣ его стукъ никому не мѣшаетъ. И мнѣ спокойнѣе“.

„А о. Стефанъ въ противоположномъ — окно въ окно — домъ смотритъ на свою прежнюю квартиру, жалѣетъ. Онъ теперь тоже въ верхнемъ этажѣ. Тамъ расположеніе комнатъ такое же. Мой кабинетъ противъ его кабинета, и я вижу, какъ онъ посмотритъ въ окно, а потомъ къ письменному

столу подойдетъ и начинаеть писать... Пиши, пиши... И я пишу“...

„3-го мая.—Чесноковская кухарка хвалилась дьяконицѣ, что ихъ батюшка далъ зарокъ водки не пить и все писать проповѣди. Знаемъ, какія это проповѣди... А забавно это выходитъ: если я ѣду куда, о. Стефанъ отъ окна не отходитъ и наблюдаетъ. Если онъ куда ѣдетъ, я наблюдаю. А иной разъ мы невзначай подойдемъ къ окну оба сразу, и тогда оба отходимъ отъ оконъ“.

„4-го мая.—Мы не кланяемся другъ другу, исключая какъ на службѣ, гдѣ кланяемся по уставу; христіанское же лобзаніе происходило о Пасхѣ тоже по уставу, и, во избѣжаніе соблазна прихожанамъ, иначе нельзя. По служебнымъ дѣламъ сносимся письменно, и въ бумагахъ отмѣнно деликатны, именуемъ другъ друга по сану, а на конвертахъ пишемъ такъ: „Его Высокоблагословенію, священнику села Моршкина Стефану Іоанновичу Его Чести Чеснокову“, и онъ взаимно тоже мнѣ отвѣтствуетъ: „Его Чести Опрѣснокову“. Гладко. Все такъ прекрасно, ни къ чему не придерешься, формальнаго невѣжества—ни малѣйшаго. Но по мѣрѣ возраста officialнаго уваженія и приличія, мы такъ далеки другъ отъ друга, какъ сѣверный полюсъ отъ южнаго. Душевный холодъ объялъ наши сердца и такъ увеличился, что ни я ему, ни онъ мнѣ—слова другъ другу сказать уже не можемъ, уста наши запечатаны. По сему случаю не мало выходитъ бумаги и конвертовъ, но что же дѣлать, если человѣкъ не можетъ превазмочь себя? Подумаешь, какъ устроено сердце человеческое: когда оно ожесточится, то дѣлается совершенно приличнымъ по внѣшности. Кажется, я начинаю философствовать. А все оттого, что веду дневникъ. Безъ дневника трудно додуматься до глубокихъ мыслей“...

„5 го мая. — А сегодня о. Стефанъ опять былъ, какъ стелька, пьянъ—вѣнчалъ свадьбу. Но, встрѣтивъ меня, ни слова не сказалъ. Значить, очень глубоко укрѣпился въ своей враждѣ, ибо совсѣмъ немислимо быть пьянымъ и не обнести словами. Боится онъ меня страшно, дрожитъ при видѣ меня. Это хорошо... Кто боится, тотъ, значить, подчиняется, значить, я могу его побѣдить... Опять философія“.

„6-го мая.—О. Стефанъ весь мѣсяцъ неопустительно ходилъ въ свою земскую школу. Каково! А прежде подсмѣивался надъ моею ревностію къ церковно-приходской школѣ. Дурная черта въ о. Стефанѣ—дѣла не дѣлалъ, а жалованье получалъ. Теперь старается нагнать, часа по три сидитъ въ школѣ и торопится къ экзамену. Узналъ, что экзаменаторомъ буду я... Но, какъ говорится, собакъ не кормятъ въ ту

пору, какъ ѣхать на охоту... Много будутъ знать твои ученики! Опрашивалъ я его учительницу, часто ли давалъ уроки о. Стефанъ, — уклоняется отъ прямого отвѣта. Но я просмотрѣлъ записъ уроковъ въ классномъ журналѣ, и вотъ открытіе: ни одного урока не записано“!

„7-го мая. — Удивленіе, да и только! Третьяго дня ни одного урока записано не было у о. Стефана, а сегодня смотрю, — все въ исправности: съ 1-го октября каждый день. Надо сличить по календарю, не попали ли въ журналъ дни воскресные и праздничные“.

„8-го мая. — Сличалъ и не нашелъ промаховъ насчетъ праздниковъ. Очевидно, когда о. Стефанъ записывалъ, то держалъ передъ собой календарь прошлаго и нынѣшняго годовъ. Но за то усмотрѣлъ я другое, столько же важное. Записаны у него уроки 17-го и 18-го ноября, 10-го и 11 декабря, 5-го февраля, 7-го марта. Это тѣ дни, когда онъ уѣзжалъ на именины къ отцу, къ тестю, матери и тещѣ, и проводилъ у родныхъ по двое, по трое сутокъ. Какой духъ переселялъ его съ мѣста на мѣсто во мгновеніе ока?.. Какъ онъ объяснить эти факты? Попался, голубчикъ! Табельные дни собобразилъ, а о семейныхъ праздникахъ — изъ ума вонъ... Ха-ха! Память отшибло“...

„9-го мая. — Вчера подѣлился съ дьякономъ своимъ открытіемъ, а нынѣ — смотрю — въ журналѣ перемѣна: всѣ тѣ дни, которые неправильно записаны, оказывается, рукою самого же о. Стефана зачеркнуты. Теперь, если и спросятъ, почему захѣрено, скажетъ, что ошибка. За ошибку не судятъ. И ускользнулъ случай, какъ голецъ въ омутъ“...

„10-го мая. Сегодня вышло нѣчто курьезное. Оказывается, о. Стефанъ залилъ весь классный журналъ свой чернилами, да не только записъ по Закону Божію, но и по предметамъ учительницы. Конечно, все это сдѣлано не по нечаянности, какъ онъ объяснилъ, а намѣренно, чтобы скрыть семейные праздники. Учительница очень горевала, — боится накладки отъ своего инспектора за такую небрежность. Рѣшено — заказать новый журналъ въ типографіи и все возстановить, а испачканный журналъ уничтожить, при чемъ весь типографскій расходъ о. Стефанъ беретъ на себя. Смотри-ка, денегъ не жалѣетъ, чтобы замести слѣды!“

„16-го мая. Сегодня былъ экзаменъ въ земской школѣ. Предсѣдательствовалъ членъ управы, а я былъ въ составѣ комиссіи. Шепнулъ я кое-что члену насчетъ журнала, и мы стали экзаменовать по совѣсти... Но изумительно, ученики у о. Стефана бойко, увѣренно отвѣчали. Почти весь годъ не ходилъ о. Стефанъ, только послѣдній мѣсяцъ приналегъ — и вотъ тебѣ результатъ... Конечно, все это произошло

не отъ великихъ способностей о. Стефана, а отъ великаго усердія учительницы. Она задавала уроки, спрашивала и все это дѣлала потому, что имѣла столъ у о. Стефана за небольшую плату—за три рубля въ мѣсяцъ. На три рубля развѣ прокормишь? О. Стефанъ, въ нѣкоторомъ родѣ, откупался. А въ послѣдній мѣсяцъ о. Стефанъ отшлифовалъ ребятъ передъ экзаменомъ. Не хотѣлось, а пришлось всѣмъ имъ наставить пятерокъ. Чего добраго, у меня бы такъ не отвѣтили... Притомъ, о. Стефанъ спохватился и сдѣлалъ записъ уроковъ умѣренную. Положимъ, у него записей вдвое меньше, чѣмъ у меня, но это не ставится въ большой грѣхъ. Все покрывается экзаменами. Вотъ, если бы ученики столба дали, и мы бы съ членомъ наставили двоекъ, тогда бы другое дѣло, а теперь концы въ воду.

„Послѣ экзаменовъ о. Стефанъ сталъ звать къ себѣ члена на чай. Членъ согласился и сказалъ: „Что же, пойдемте всѣ поздравлять съ блестящими успѣхами... И вы тоже?“—обратился онъ ко мнѣ. Я отвѣтилъ, что мнѣ некогда. Но о. Стефанъ, въ великой радости отъ похвалы, сказалъ: „Полно, о. Иванъ, бросимъ все, пойдемъ“. И такъ это меня тронуло, что я вмѣстѣ съ ними и съ учительницей отправился... Но моя попадья тотчасъ же гонца за мной и дома дала мнѣ нагонку за безхарактерность, и я далъ ей клятву, что моя нога никогда не будетъ въ домѣ о. Стефана. Дѣйствительно, если хорошенько подумать,—зачѣмъ я буду дѣлать шагъ къ примиренію? При томъ, онъ можетъ напиться, устроить скандалъ, даже броситься съ кулаками,—отъ него всего жди...“

„18-го мая. Всѣ морошкинскія бабы подѣлились на два лагеря: однѣ за мою попадью, другія—за Чесночиху. И обѣ почти дома не живутъ, готовятъ почву. Моя попадья вербуетъ въ нашу пользу не массу, а болѣе вліятельныхъ, какъ-то: писариху, старостиху, женъ богатыхъ мужиковъ“...

„19-го мая.—Пріѣзжалъ мой отецъ, старикъ. Онъ прогѣдалъ о нашихъ контрахъ, осуждалъ, вразумлялъ и вызвалъ къ миролюбивому жительство. Я бы и не прочь, да жена. Характерная она. Чѣмъ больше увѣщевалъ свекоръ, тѣмъ пуще она алилась, въ концѣ концовъ разсердилась до того, что сказала, что не его дѣло вмѣшиваться, и больше не вышла; заперлась въ темномъ чуланѣ—и баста. Старикъ изобидѣлся, прослезился и уѣхалъ, сказавъ мнѣ: „Несчастный ты“... Въ самомъ дѣлѣ, хорошо ли все это,—весь вѣкъ жить во враждѣ“?..

„20-го мая. — Только душа моя настроится на примирительный ладъ, какъ о. Стефанъ выкинетъ какую-нибудь такую штуку, что потомъ жалѣешь, зачѣмъ вторгались въ душу мирныя чувства. Вотъ онъ сегодня встрѣтился съ моей

женой на улицѣ, отвернулся и плюнулъ въ сторону, сказавъ: „Фи!“ Это совершенно ожесточило меня, и я, идя напутствовать старуху и встрѣтись со Стефановой женой, тоже сплюнулъ и сказалъ: „Фи!“—Какъ аукнется, такъ и откликнется“.

„21-го мая.—Открытие: оказывается, жена о. Стефана — воровка. Да... Мы долго не могли найти самоварной трубы и мучились ужасно отъ того, что приходилось наставлять на самоваръ дырявый водосточный рукавъ, и въ кухнѣ дымило, какъ въ овинѣ. Но сегодня наша кухарка, бывъ у дьячихи, увидала тамъ нашу пропажу. Наша труба очень замѣтная: съ обѣихъ краевъ обтянута мѣдными полосами для прочности. Дьячиха объяснила, что взяла эту трубу въ сѣняхъ около кухни о. Стефана. Значить, труба очутилась въ ихъ домѣ, когда Чесноковы переѣзжали въ дьяковское помѣщеніе. По справкѣ оказывается, что именно въ тотъ день и исчезла наша труба. Нѣтъ-ли еще какихъ пропажъ?“

„22-го мая.—И другія улики на лицо. Наша кухарка лавила въ ихъ погребѣ и на ихъ капустѣ видѣла наши кружки. Все водворено на свое мѣсто. Примѣчательно: супруга о. Стефана не могла дать надлежащихъ объясненій по сему случаю... Оказался еще резиновый мячикъ у ихъ Степки, принадлежащій нашему Ваничкѣ. Но это мелочь, характерная развѣ въ томъ отношеніи, что ихъ сынъ пошелъ по родителямъ“.

„23-го мая.—Цѣлая баталія произошла на нашемъ дворѣ. Работникъ о. Стефана Никашка, прозвищемъ Наковальный, пришелъ на нашъ дворъ и началъ орать во всю глотку на нашего работника Порфишку, что мы, будто, утащили у нихъ кнутъ. Я вышелъ и спрашиваю: „Чего тебѣ?“ Онъ даже и шапки не ломаетъ, подлецъ, а засунулъ руки въ карманъ и говоритъ такъ дерзко: „Кнутъ“... Стали искать и, дѣйствительно, ихъ кнутъ оказался въ нашемъ тарантасѣ. Наковальный взялъ кнутъ и, хлопнувъ имъ объ калитку, громко сказалъ: „Воры!“ Конечно, это сдѣлано по наущенію о. Стефана. Нашъ Порфишка отрицаетъ виновность,—говоритъ, что кнуты сходственные, недолго и перепутать. А что на ихъ кнутѣ Наковальный сдѣлалъ двѣ зарубки, то это не даетъ ему права ругать насъ ворами. Не притянуть ли его къ суду? Но какъ? Онъ сказалъ: „Воры“. Относилось это слово, слѣдовательно, не только къ Порфишкѣ, но и ко мнѣ, а свидѣтелей на дворѣ не было. Если бы онъ сказалъ только „воръ“, тогда я или Порфишка могъ бы быть свидѣтелемъ, а теперь мы оба пострадавшіе и оба являемся свидѣтелями. При такихъ условіяхъ трудно вести съ успѣхомъ юридическое дѣло“...

„24-го мая.—Какими путями—одному Господу известно, наше свиное корыто очутилось на дворѣ о. Стефана у его свиней. Тогда нашъ Порфишка, не долго думая, отправился туда и торжественно понесъ наше корыто, при чемъ вылилъ имъ помой на землю и тоже сказалъ: „Сами воры“. Никашка далъ ему въ шею... Жаль, что все совершилось безъ свидѣтелей... Какъ наше корыто очутилось на чужомъ дворѣ, уму непостижимо. Стефанова кухарка орала на всю улицу, что это самъ Порфишка подкинулъ на ихъ дворъ корыто для скандала, хотя Порфишка отрицаетъ. Истины не доберешься... Возможно теперь, что и Никашка-подлецъ такую же штуку продѣлаетъ и что-нибудь подброситъ. По сему случаю мною сдѣлано наистрожайшее распоряженіе, чтобы ворота и калитка обязательно запирались, какъ стемнѣетъ. Дьяконъ и дьяконица этимъ тяготятся, но необходимо оградить честь двора отъ всякихъ покушеній“.

„25-го мая.—Твари безсловесныя лишены отъ природы разума. Но тяжело и противно бываетъ, когда куры о. Стефана ходятъ на нашъ дворъ, а нашъ пѣтухъ отдаетъ имъ визитъ. Ужъ били его тамъ, крыло подшибли, а ему все неймется, и съ опущеннымъ крыломъ, какъ испанецъ, накинувъ плащъ, съ гитарой подъ полою, онъ—смотришь—шагаетъ черезъ дорогу. Жена моя просто измаялась съ нимъ и рѣшила зарѣзать, какъ только Петровъ день иридетъ... Индюшки и гуси, наши и непріятельскіе, тоже всѣ вмѣстѣ гуляютъ, вмѣстѣ на рѣку ходятъ и возвращаются... Птицы — такъ онѣ птицы и есть, и умъ у нихъ птичій... Говорятъ про собакъ, будто онѣ умнѣе всѣхъ животныхъ, ибо давно находятся подъ вліяніемъ человѣка. Но я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Ибо, если бы эта теорія Дарвинова была справедлива, тогда бы нашъ Облай прекратилъ дружбу съ Чесноковской Жучкой, а этого не замѣчается, хотя всякому видно, что мы съ о. Стефаномъ уже три мѣсяца явно враждуемъ. Когда забѣжитъ Жучка на нашъ дворъ (а это часто бываетъ), Порфишка травитъ: „Взы, взы ее, Облай!“ А Облай только хвостомъ по землѣ стучитъ, да ластится къ вражеской собакѣ. А если Порфишка лукнетъ въ Жучку камнемъ, и та скроется въ подворотню, то безмозглый Облай за ней черезъ прысло. И живутъ по прежнему, не различая ни дворовъ, ни хозяевъ... И потому нельзя сказать, что собаки хорошо понимаютъ мысли хозяина. Говорятъ, сеттеры очень сообразительны, и есть такой у сидѣльца винной лавки. А Облай мнѣ опротивѣлъ. Насколько я прежде его любилъ, настолько теперь не переносу его ласканья“.

„26-го мая.—Боровъ о. Стефана забрелъ на нашъ дворъ, Порфишка заперъ калитку, заложилъ подворотню, да и давай

честить его волокушей... Такъ что, когда тотъ вышелъ со двора, заднія ноги волочились, какъ у тюленя. И за дѣло—не ходи на чужой дворъ! О. Стефанъ распорядился привѣсить своему борову колодку на шею.—Каждому хозяину, конечно, жалъ свою животину. Но я бы не такъ поступилъ на мѣстѣ о. Стефана. Ни за что бы борову колодки не привѣсили: пусть его убьютъ,—я бы тогда въ судъ, и взыскалъ бы за него полностью и съ честью. Очевидно, у о. Стефана не хватаетъ юридической смекалки“.

„27-го мая.—Сегодня опять про животныхъ... Коровы о. Стефана по утрамъ совсѣмъ не даютъ спать. Лишь заиграетъ рожокъ пастуха въ концѣ села, онѣ примутся реветъ. И стоитъ нашей кухаркѣ немного опоздать съ доеньемъ, какъ коровы о. Стефана подходятъ къ нашимъ воротамъ и ревуть-ревуть до тѣхъ поръ, пока наши не выйдутъ къ нимъ,—не хотятъ одиѣ идти въ стадо. Долго ли продолжится такая мука? Велѣлъ нашей кухаркѣ раньше доить коровъ и выгонять на улицу, чтобы онѣ поорали у оконъ о. Стефана“.

„28-го мая.—Ага, не понравилась музыка. Калерія Тимофеевна г-жа Чеснокова облила чѣмъ-то изъ спального своего окна нашу буренку. Какъ это нехорошо! Очевидно, мщеніе за борова“...

„29-го мая.—Ни за что бы не пошелъ сегодня къ старшинѣ на именины, но нельзя расходиться съ вліятельнымъ человѣкомъ. Не почти-ка его, онъ потомъ отквитаетъ. Вредный человѣкъ и потому требуетъ къ себѣ уваженія. Но какъ тяжело было намъ съ попадѣй сидѣть за однимъ столомъ съ Чесноковыми. Цѣлая пытка, мученіе коей умѣрялось нѣсколько тѣмъ соображеніемъ, что и врагамъ нашимъ не лучше было по той же самой причинѣ. Въ присутствіи врага приходится держать себя въ ежовыхъ рукавицахъ, слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, чтобы не допустить лишняго и не дать ему оружія въ руки. Конечно, я даже не прикоснулся къ вину. Замѣчательно, что и о. Стефанъ обнаружилъ тоже полное воздержаніе отъ спиртныхъ напитковъ. Чай только пили, но за то сколько выпили, — три полведерныхъ самовара! Попадѣи наши тоже были напряжены чрезъ мѣру. Губы ихъ какъ-то сдвинулись, брови тоже, и молчатъ, молчатъ безъ конца. Мы еще кое-гдѣ вставляли въ разговоръ поучительныя слова: о. Стефанъ изъ книги Іисуса сына Сирахова, я изъ Премудрости Соломона. А попадѣи словно набрали въ ротъ воды и не могутъ проглотить. Замѣчаю, что даже постарѣли онѣ лѣтъ на десять отъ питаемыхъ взаимно чувствъ. И именины у старшины вышли похожи на поминки. Это обижало его, и онъ даже сталъ косвенно

смѣяться надъ нами, рассказывая разные анекдоты насчетъ того, какъ-де люди ссорятся, — краснобай, что и говорить! Для виду мы улыбались, но въ душѣ скребло, даже прямо паскудно было, ибо не могли же мы не понять, кого разумѣть въ своихъ басняхъ старшина. И это еще болѣе ожесточило наши сердца. Мы ушли въ одно время. Я боялся уйти раньше, какъ бы чего о. Стефанъ не набухвостилъ насчетъ насъ въ наше отсутствіе. Конечно, и о. Стефанъ таковымъ же соображеніемъ руководствовался... И ужъ чья попадья первая поднялась,—сказать трудно. Но мы искренно возблагодарили Господа, когда это совмѣстное нахождение со врагами въ одномъ домѣ окончилось. Ушли за одинъ хлопокъ дверей и потомъ шли, держась, мы праваго порядка улицы, Чесноковы—лѣваго“.

„30-го мая:—О. Стефанъ, оказывается, смотреть въ наши окна въ бинокль... Я, въ свою очередь, взявъ тестеву подзорную трубу, которой старикъ при жизни пользовался въ часы досуга, наводя на звѣздное небо. Ну, что же, о. Стефанъ, потягаемся, — мой приборъ ловчѣе твоего: я разъ разобралъ заглавіе книги, которую ты читалъ. Нехорошую книгу ты читалъ, еретика Толстого „Воскресенъ“. Гдѣ ты добылъ ее? Навѣрное, у своей учительницы, — она беретъ книги въ земской библіотекѣ изъ города. Какъ бы наставить трубу на то, что ты пишешь въ своемъ дневникѣ“?

„1-го іюня.—Догадался о. Стефанъ насчетъ моего телескопа. Теперь онъ прячетъ запретныя книги, а когда пишетъ, то спускаетъ занавѣску. Когда уѣзжаетъ куда, то крѣпко-накрѣпко запираетъ свой письменный столъ и даетъ строжайшее распоряженіе по дому не пускать ни меня, ни моей попадьи въ свою квартиру. При этомъ кухарка ихъ такъ зла на насъ, что даже не прельстится, пожалуй, и шерстяной шалью, если бы предложить за услугу“...

VII.

О. Анемподистъ Зороастровъ, священствовавшій въ соѣднѣмъ селѣ Свищевкѣ, былъ человѣкъ веселый, добродушный, искренно готовый всякому посочувствовать. Будучи у о. Стефана и слушая его взволнованную рѣчь, онъ поддакивалъ ему, становясь на его сторону и соглашаясь, что о. Иванъ—нехорошій товарищъ. Но, бывавъ въ обществѣ тихаго, благообразнаго и гостепріимнаго о. Ивана, о. Анемподистъ заражался мыслями послѣдняго и поддакивалъ о. Ивану, соглашаясь, что о. Стефанъ, дѣйствительно... того... и винопійца, и дебоширъ... Какъ бы повелѣть себя о. Анемпо-

дистъ въ присутствіи обонхъ, это сказать трудно, но одно несомнѣнно, что едва ли бы о. Анемподистъ сталъ тяготиться противорѣчіями. Отличительною чертою его мышленія было то, что онъ никогда не додумывался до конца и прямо былъ лишенъ способности дѣлать какія-либо заключенія. Вся его мысль, а равно и жизнь, представляли какой-то безсознательный процессъ, гдѣ было все, кромѣ смысла... Онъ и говорилъ, и дѣлалъ, какъ будто имѣя собственныя мнѣнія и сужденія, но, въ сущности, это былъ обманъ и передъ другими, и передъ собой. Онъ не имѣлъ привычки возражать и спорить, а всегда слушалъ и говорилъ: „да, да“... И тотъ, кто имѣлъ желаніе убѣдить его въ чемъ-либо, при видѣ его восторженно, почти по-собачьи, устремленныхъ глазъ, выносилъ увѣренность въ искреннемъ сочувствіи слушателя, потому что о. Анемподистъ, разъ проникшись чужими мыслями, имѣлъ способность еще развивать ихъ. Кромѣ того, о. Анемподистъ исполнялъ охотно чужія порученія, а молчать умѣлъ, какъ духовникъ. Не удивительно, что только проникательные люди могли настоящимъ образомъ оцѣнить духовную сокровищницу о. Анемподиста, а для очень многихъ онъ казался и дѣльнымъ, и разсудительнымъ, и симпатичнымъ. У него не было враговъ, всѣ были друзья. Другомъ былъ и о. Стефанъ, съ которымъ онъ жилъ вмѣстѣ на семинарской квартирѣ, и о. Иванъ, которому онъ былъ товарищъ по той же семинаріи.

Однажды о. Анемподистъ пріѣхалъ въ Морошкино и заѣхалъ было сначала къ о. Ивану, но о. Ивана не было дома; онъ остановился тогда у о. Стефана и отъ него узналъ всю подноготную относительно распри, которая происходила между морошкинскими іереями.

Экспансивный о. Стефанъ подвыпилъ и, почувявъ въ лицѣ о. Анемподиста истиннаго друга, на прощанье далъ ему свой дневникъ, говоря:

— На вотъ, прочти дома на свободѣ, и ты увидишь, какая скнипа этотъ о. Иванъ...

— Ладно,—сказалъ гость, положилъ тетрадь въ карманъ и уѣхалъ.

Дома онъ забылъ о дневникѣ о. Стефана, тѣмъ болѣе, что пріѣхалъ, изрядно клюкнувши, а попадья, раздѣвъ благовѣрнаго, не придавала особеннаго значенія тетрадкѣ и положила ее на письменный столъ. Рано по утру случилась треба, и о. Анемподистъ уѣхалъ въ дальнюю деревню до обѣда, а въ это время пріѣхалъ къ нему братъ Евгений, тоже священникъ, моложе лѣтъ на шесть. Ковыряясь отъ скуки на письменномъ столѣ, о. Евгений набрелъ на рукописаніе о. Стефана, заинтересовался и прочелъ. Такъ

какъ изъ горячихъ записей о. Стефана явствовало, что подобный же дневникъ имѣется и у о. Ивана, то о. Евгеній внушилъ брату желаніе сличить дневники.

— Дастъ ли о. Иванъ?—сомнѣвался о. Анемподистъ.

— Дастъ... Вѣдь вы съ нимъ пріатели. Сѣзди. Я подожду, мнѣ некуда торопиться...

О. Анемподистъ попалъ къ о. Ивану удачно: соперникъ его вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ этотъ день въ гости, и о. Иванъ, въ увѣренности, что изъ противоположнаго окна не наставится бинокль, разрѣшилъ не только на елей, но и на вино,—хотя не въ той степени, какъ наканунѣ его врагъ, но всетаки вполне достаточно для того, чтобы проговориться о дневникѣ. И когда гость выразилъ охоту познакомиться съ перечнемъ грѣховъ о. Стефана, завѣтный дневникъ очутился безъ особаго труда у о. Анемподиста въ карманѣ, подъ условіемъ, разумѣется, строжайшаго секрета отъ всѣхъ, даже и отъ жены.

Ознакомившись съ твореніями морошкинскихъ отцовъ, братья Зороастровы рѣшили возвратить авторамъ ихъ произведенія. О. Евгеній вложилъ ихъ въ конверты и надписалъ адреса.

— Прибухаемъ и печать церковную!—сказалъ о. Анемподистъ и передалъ затѣмъ пакеты сторожу Семену.

Послѣдній вернулся изъ Морошкина съ двумя записками: каждый изъ священниковъ, благодаря за присланное, въ то же время просилъ вернуть свой дневникъ.

О. Анемподистъ, прочитавъ эти записки вслухъ, разинулъ ротъ отъ изумленія и даже нѣкотораго испуга.

— Что за притча? Ты что-нибудь понимаешь?

— Нѣтъ,—посмѣивался о. Евгеній.

— Да ты, братъ, не напроказилъ ли? Не перемѣшалъ ли дневники?..

— А хоть бы и такъ... Теперь, можетъ, образумятся, когда про себя почитаютъ.

— А мнѣ-то какъ же выпутаться изъ этой исторіи?

— Труднаго ничего нѣтъ. Напиши каждому, что по дружбѣ раздобылъ и прислалъ на короткій срокъ... Пусть, молъ, немедленно вернуть рукопись, и тогда ты вернешь ихъ собственную.

О. Анемподистъ такъ и сдѣлалъ. Дневники вернулись къ ничему не подозревающимъ авторамъ...

Впрочемъ, о. Иванъ, пока шелъ размѣнъ, успѣлъ кое-что выписать изъ дневника о. Стефана въ особую тетрадку, на всякій случай...

VIII.

Онъ списалъ изъ вражескаго дневника нижеслѣдующее:

„1-го мая. Сегодня о. Иванъ купилъ четверть водки и пронесъ ее въ свою церковно-приходскую школу, а потомъ прошли туда бабы и дѣвки. Было пьянство велие, а можетъ, присоединяли и еще какой-нибудь грѣхъ“.

— Клевета, ей, клевета! — съ негодованіемъ восклицалъ о. Иванъ. — Это я нанималъ полольщицъ, которымъ всегда ставятъ могоарычи. Только въ головѣ пьяницы и можетъ зародиться такая извращенная выдумка!

„5-го мая. Сегодня о. Иванъ отказался хоронить годовалаго сына Егора Горлопанова, потому что Горлопановъ не могъ заплатить денегъ за отпѣваніе. Тогда Горлопановъ взялъ да поставилъ гробикъ у калитки о. Ивана, а самъ уѣхалъ въ поле“.

Эту выписку о. Иванъ сопровождалъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: „А кто виноватъ?.. Если я похороню даромъ, съ меня самъ же о. Стефанъ при дѣлежѣ братской кружки вычтетъ 30 коп. На свой счетъ чужихъ дѣтей ни крестить, ни хоронить я не обязанъ“.

„10-го мая. О. Иванъ старается поссорить учительницъ, — церковно-приходскую вооружаетъ противъ нашей земской и запрещаетъ своей учительницѣ ходить къ подругѣ въ гости“.

— А какъ же иначе? У васъ въ земскихъ школахъ преподаваніе безбожное. Я долженъ оградить свою школу отъ вреднаго вліянія. Не даромъ земскія учительницы читаютъ Толстовское „Воскресеніе“. Это все изъ того же источника, который побуждаетъ религіозное въ хрестоматіяхъ чуть-чуть въ уголочкѣ рисовать, а козла—во всю страницу!

„25-го мая. Сегодня о. Иванъ вскрылъ пакетъ отъ становаго, за что я ему сдѣлалъ формальное замѣчаніе въ особомъ отношеніи за номеромъ, въ такомъ видѣ: „Младшій священникъ не имѣетъ права восхищать правъ настоятеля“. На это отношеніе онъ не прислалъ никакого отвѣта“.

— И не пришло! Ишь ты, настоятель — велика фря... Самъ не умѣешь, какъ слѣдуетъ, бумаги составить, потѣешь, у дьякона спрашиваешь, какъ писать „потому что“—вмѣстѣ, или отдѣльно. А туда же съ выговорами... Молчалъ бы!..

IX.

Вскорѣ все благочиніе облетѣла вѣсть, какъ помѣнялись и размѣнялись своими грѣхами враги-лѣтописцы, хотя каждый изъ нихъ считалъ, что познакомился съ секретами противника, сохраняя свои въ тайнѣ. Такъ прошло недѣли двѣ, вплоть до именинъ благочиннаго. Тутъ о. Стефанъ и о. Иванъ встрѣтились, въ числѣ другихъ гостей, и съ Зоороастровыми. Всѣ невольно улыбались при видѣ надутыхъ физиономій морошкинскихъ отцовъ и спрашивали ихъ:

— Ну, что, какъ дѣла?

— Ничего, слава Богу, — былъ короткій отвѣтъ.

— Чего же лучше?! — загадочно произносили иные, отходя и посмѣиваясь въ бороду. А подвыпившій о. Евгеній переспросилъ о. Ивана:

— Такъ-таки ничего? Ровнымъ счетомъ?

— А что?.. Ничего, конечно...

— А знаешь ли, вѣдь твой дневникъ читалъ о. Стефанъ.

— Какъ такъ?

— Этакъ... — И о. Евгеній отвернулся къ о. Стефану.

— Такъ-таки ничего, о. Стефанъ?

— А чего?

— И твой дневникъ читалъ о. Иванъ.

— Ну?!

— Повѣрь, отче...

О. Иванъ и о. Стефанъ до того смутились, съ такимъ испугомъ выпучили глаза, что все общество разразилось неудержимымъ хохотомъ.

Жестокій расчетъ о. Евгенія оказался вѣрнымъ: у враговъ, послѣ поднятія завѣсы надъ ихъ тайной, опустились руки.

О. Стефанъ немедленно выхлопоталъ себѣ переводъ въ другое село отдаленнаго уѣзда. „Богъ съ нимъ, и съ настоятельствомъ!“ — А передъ отъѣздомъ сжегъ свой дневникъ...

И второе лицо стало первымъ. О. Иванъ понялъ корень своей несокрушимой силы въ борьбѣ съ врагами и отмѣтилъ событіе въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ:

„О. Стефану — скатертью дорога... Но и будущаго сослуживца, кто бы онъ ни былъ, можно будетъ держать въ должномъ респектѣ при посредствѣ сей многополезной памятки“.

Что такое воля?

IV. Комплексы волевых стимуловъ и круговыхъ реакцій *).

Обыкновенно наша дѣятельность выполняется не отдѣльными, разрозненными круговыми реакціями, а комплексами ихъ. Принципомъ соединенія круговыхъ реакцій въ комплексы является законъ ассоціаціи по смежности: между волевыми стимулами круговыхъ реакцій, протекающихъ одновременно или въ близкой послѣдовательности, образуются крѣпкія ассоціаціонныя связи. Такъ какъ ассоціація по смежности раздѣляется на ассоціацію процессовъ одновременныхъ и ассоціацію процессовъ послѣдовательныхъ, то соотвѣтственно этому и комплексы волевыхъ стимуловъ мы можемъ раздѣлить на комплексы волевыхъ стимуловъ одновременныхъ и комплексы волевыхъ стимуловъ послѣдовательныхъ; эти послѣдніе комплексы удобно назвать цѣпами волевыхъ стимуловъ или цѣпами круговыхъ реакцій. Но въ нашей дѣятельности довольно рѣдко встрѣчаются чистые комплексы одновременныхъ волевыхъ стимуловъ или чистые комплексы волевыхъ стимуловъ послѣдовательныхъ; гораздо чаще мы видимъ болѣе сложные соединенія: комплексы послѣдовательныхъ комплексовъ одновременныхъ волевыхъ стимуловъ или лучше—цѣпы комплексовъ одновременныхъ волевыхъ стимуловъ. Такъ какъ въ этихъ соединеніяхъ звенья цѣпы связаны между собою ассоціаціею послѣдовательности, а части каждаго звена между собою—ассоціаціею одновременности, то, разобравъ какой-либо примѣръ подобнаго соединенія, мы выяснимъ разныя стороны устройства комплексовъ волевыхъ стимуловъ.

Возьмемъ самый простой примѣръ: я желаю вставить стальное перо во вставочку для пера. Чтобы примѣръ былъ какъ можно проще—пусть я сижу передъ письменнымъ столомъ, передо мной лежатъ вставочка, а перья находятся въ особомъ углубленіи чернильницы. Какъ ни простъ кажется этотъ актъ, при подробномъ анализѣ онъ является весьма сложнымъ соединеніемъ множества волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій на нихъ. Весь этотъ актъ — цѣпа комплексовъ одновременныхъ волевыхъ стимуловъ. Эту цѣпу мы раздѣлимъ на составляющія ее звенья и рассмотримъ

*) Начало этой главы—въ предыдущей книжкѣ „Русскаго Богатства“.

какъ связь звеньевъ между собою, такъ и составъ каждого звена по отдѣльности. Звеномъ или моментомъ цѣпи круговыхъ реакцій или комплексовъ ихъ я называю или отдѣльную круговую реакцію, или комплексъ ихъ одновременныхъ; въ нашемъ примѣрѣ нѣтъ звеньевъ—отдѣльныхъ круговыхъ реакцій: все—комплексы. Продолжительность звена или момента—тотъ періодъ времени, въ теченіе котораго выполняется одна круговая реакція или комплексъ ихъ, одновременныхъ, безъ какихъ-либо перемѣнъ; наступили перемѣны—значить, явились новые волевые стимулы, и, слѣдовательно, начался новый моментъ или новое звено. Итакъ, возвращаемся къ нашему примѣру.

1-е звено или 1-ый моментъ. Какъ только въ умѣ моемъ промелькнуло сужденіе „нужно вставить перо“, я сейчасъ же протянулъ руку, положилъ, лѣвую, до соприкосновенія пальцевъ со вставочкой. Но одно ли только это я сдѣлалъ? Нѣтъ, я моментально въ то же время обратилъ взглядъ на вставочку и приближающуюся къ ней руку. Мой взглядъ помогъ моей рукѣ соприкоснуться со вставочкой; иначе пальцы направились бы мимо нея. Здѣсь два одновременныхъ дѣйствія: вытяженіе руки и устремленіе взгляда. Оба дѣйствія выполняются двумя одновременными круговыми реакціями самоусиленія волевыхъ стимуловъ. Но какіе же это волевые стимулы? Круговая реакція вытяженія руки при своемъ совершеніи даетъ эффекты: мѣстный—воспріятіе ощущеній отъ сокращенныхъ мускуловъ, растянутыхъ сухожилій, кожи и проч. и отдаленные—воспріятіе осязательныхъ ощущеній отъ соприкосновенія пальцевъ со вставочкой и зрительное воспріятіе приближающейся ко вставочкѣ и прикасающейся къ ней руки. Но эти эффекты—самоусиленный волевой стимулъ. Слѣдовательно, волевымъ стимуломъ этой круговой реакціи должна быть группа соответствующихъ воспріятіямъ-эффектамъ представленій. Круговая же реакція устремленія взгляда при своемъ выполненіи даетъ эффекты: мѣстный—воспріятіе ощущеній отъ сокращенныхъ мышцъ глазныхъ и поворачивающихъ и наклоняющихъ голову, отъ растянутыхъ сухожилій и проч. и отдаленный—зрительное воспріятіе приближающейся ко вставочкѣ и прикасающейся къ ней руки. Эти эффекты—тоже самоусиленный волевой стимулъ. Слѣдовательно, волевымъ стимуломъ этой круговой реакціи должна быть группа соответствующихъ воспріятіямъ-эффектамъ представленій. Читатель видитъ, что у этихъ обѣихъ круговыхъ реакцій есть одинъ общій отдаленный эффектъ—зрительное воспріятіе приближающейся ко вставочкѣ и прикасающейся къ ней руки. Но обѣ круговыя реакціи различно участвуютъ въ образованіи этого общаго отдаленнаго эффекта. Вытяженіе руки доставляетъ содержаніе: благодаря этому дѣйствію есть что видѣть—не будь этой круговой реакціи, глаза не могли бы видѣть приближеніе руки ко вставочкѣ и соприкосновеніе съ ней. Устремле-

ніе-же взгляда даетъ возможность видѣть то, что дано другой круговой реакціей, и видѣть ясно и на извѣстномъ разстояніи.

Имѣлъ ли я въ сознаніи передъ выполненіемъ этихъ круговыхъ реакцій волевые стимулы, соотвѣтствующія воспріятіямъ-эффектамъ представленія? Нѣтъ, не имѣлъ: вслѣдъ за желаніемъ-сужденіемъ „нужно вставить перо“ я моментально вытянулъ руку и направилъ свои глаза на надлежащій пунктъ. Произошло такъ, какъ будто сужденіе-желаніе прямо вызвало дѣйствія—круговыя реакціи. Въ дѣйствительности же психо-физиологическій процессъ сужденія „нужно вставить перо“ направилъ свои возбужденія въ центры соотвѣтственныхъ представленій — волевыхъ стимуловъ; но дезинтеграція этихъ центровъ протекла при такихъ условіяхъ, что не сопровождалась психическимъ коррелятомъ: процессы волевыхъ стимуловъ совершились безсознательно. И понятно, почему такъ произошло. Когда мы учимся какимъ-нибудь достаточно сложнымъ актамъ, то отдѣльныя дѣйствія, входящія въ составъ этихъ актовъ, выполняемъ медленно, раздѣльно, вдумчиво: волевые стимулы — представленія эффектовъ этихъ отдѣльных дѣйствій являются въ сознаніи передъ совершеніемъ круговыхъ реакцій; они являются даже въ видѣ ясно выраженныхъ желаній. По мѣрѣ того, какъ наша выучка идетъ впередъ, процессы протекаютъ все быстрѣе и быстрѣе, дезинтеграція совершается подъ „меньшимъ треніемъ“, пути становятся „проходимѣе“, ассоціаціонныя связи крѣпнютъ отъ частаго повторенія, и волевые стимулы отдѣльных дѣйствій, соотвѣтственные представленія эффектовъ, не только не являются въ видѣ желаній, но сознаются все менѣе и менѣе ясно. При полной выучкѣ акту мы совершенно не сознаемъ этихъ волевыхъ стимуловъ отдѣльных круговыхъ реакцій и имѣемъ такое впечатлѣніе, какъ будто выполненіе одного дѣйствія прямо вызываетъ выполненіе слѣдующаго. Психическіе корреляты самоусиленныхъ волевыхъ стимуловъ, то есть воспріятія эффектовъ круговыхъ реакцій, тоже сознаются все менѣе и менѣе ясно и, наконецъ, мы получаемъ возможность весь сложный актъ выполнять вполне машинально, совсѣмъ не сознавая, занимаясь мысленно другими предметами. Что дѣло происходитъ именно такъ, легко убѣдиться на опытѣ: стоитъ только начать учиться какимъ-либо сложнымъ движеніямъ; тогда путемъ самонаблюденія можно прослѣдить процессъ постепеннаго исчезновенія изъ сознанія волевыхъ стимуловъ отдѣльных дѣйствій, представленій эффектовъ ихъ. Въ нашемъ примѣрѣ — вставленіе пера—рѣчь идетъ объ актѣ, который я выполнялъ множество разъ, и поэтому мы встрѣчаемъ то, чего и слѣдовало ожидать: волевые стимулы отдѣльных дѣйствій, отдѣльных круговыхъ реакцій не сознаются мною.

Вытяженіе руки до соприкосновенія съ предметомъ (въ нашемъ случаѣ — со вставочкой) и устремленіе взгляда на пред-

метъ — сами комплексъ одновременно протекающихъ круговыхъ реакцій, одновременно самоусиливающихся волевыхъ стимуловъ. Безчисленное множество разъ я прикасался къ предметамъ руководимый зрѣніемъ. Между одновременными психофизиологическими процессами обоихъ волевыхъ стимуловъ образовалась крѣпкая ассоціационная связь. Я уже упоминалъ во второй главѣ, что волевые стимулы передаютъ къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ не все свое возбужденіе, что нѣкоторая часть его направляется въ сторону, въ другіе центры, чувствительные; дальше, въ этой же главѣ, я буду говорить о значеніи круговыхъ реакцій вниманія въ процессахъ мышленія и укажу, чѣмъ доказывается справедливость того, что я принимаю эти побочныя возбужденія отъ волевыхъ стимуловъ, идущія не къ двигательнымъ центрамъ. Одновременно протекающіе волевые стимулы посылаютъ побочныя части своихъ возбужденій другъ къ другу; такимъ образомъ, между стимулами по ассоціаціи одновременности образуется крѣпкая связь. Вслѣдствіе этой связи, когда возникаетъ въ сознаніи одинъ волевой стимулъ, физиологическій коррелятъ его моментально передаетъ свои возбужденія какъ къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ, такъ и къ центрамъ другого волевого стимула; физиологическій коррелятъ послѣдняго не сопровождается вслѣдствіе быстроты и легкости дезинтеграціи психическимъ и вызываетъ соотвѣтствующую круговую реакцію. Такимъ образомъ, одинъ волевой стимулъ влечетъ за собой другой. Въ комплексахъ одновременныхъ волевыхъ стимуловъ эти послѣдніе имѣютъ не одинаковое значеніе; волевой стимулъ той круговой реакціи, эффектъ которой намъ нуженъ самъ по себѣ, имѣетъ самостоятельное значеніе, является первенствующимъ; другой волевой стимулъ, влекомый первымъ, является вспомогательнымъ — эффектъ его круговой реакціи самъ по себѣ намъ не нуженъ, онъ только способствуетъ осуществленію первой круговой реакціи. Въ нашемъ примѣрѣ первенствующимъ волевымъ стимуломъ является представленіе вытяженія руки до соприкосновенія съ предметомъ — это движеніе намъ нужно; устремленіе же глазъ намъ само по себѣ не нужно; мы выполняемъ это дѣйствіе только для того, чтобы вытянуть руку въ надлежащемъ направленіи; если бы мы могли это удачно сдѣлать не глядя, мы бы такъ и поступили, слѣдовательно, устремленіе глазъ въ нашемъ комплексѣ — стимулъ вспомогательный. Въ каждомъ комплексѣ одновременныхъ волевыхъ стимуловъ первенствующимъ является только одинъ, вспомогательныхъ же можетъ быть нѣсколько. Устремленіе взгляда — вниманіе въ узкомъ смыслѣ; вытяженіе же руки до соприкосновенія съ предметомъ — поступокъ въ узкомъ смыслѣ. Въ этомъ комплексѣ вниманіе связано съ поступкомъ, и поступокъ имѣетъ главное значеніе, а вниманіе — второстепенное. Такъ не всегда бываетъ въ комплексахъ

гдѣ вниманіе связано съ поступкомъ: иногда бываетъ обратно. Напримѣръ, когда мы глядимъ въ бинокль, мы выполняемъ три круговыя реакціи: смотрѣніе черезъ стекла — круговая реакція вниманія въ узкомъ смыслѣ; сжиманіе пальцами бинокля и держаніе руки на опредѣленной высотѣ, передъ глазами — двѣ круговыя реакціи поступка въ узкомъ смыслѣ. Эти двѣ круговыя реакціи поступка въ узкомъ смыслѣ имѣютъ второстепенное, вспомогательное значеніе; сами по себѣ эти дѣйствія не нужны, они выполняются только для осуществленія круговой реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ — смотрѣнія черезъ стекла бинокля: если бы можно было глядѣть въ бинокль, не держа его передъ глазами, мы бы не совершали этихъ вспомогательныхъ дѣйствій. Въ этомъ комплексѣ волевой стимулъ круговой реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ, смотрѣнія черезъ стекла — первенствующій, а волевые стимулы круговыхъ реакцій поступка въ узкомъ смыслѣ, сжиманія бинокля и пальцами держанія руки передъ глазами — второстепенные, вспомогательные.

Итакъ, въ первомъ звенѣ или моментѣ разбираемой нами цѣпи круговыхъ реакцій мы имѣемъ комплексъ двухъ одновременныхъ круговыхъ реакцій самоусиленія: вытяженіе руки до соприкосновенія со вставочкой и устремленіе глазъ на мѣсто дѣйствія. Волевые стимулы обѣихъ круговыхъ реакцій, представленія эффектовъ, не сознаются вслѣдствіе быстроты и легкости теченія процессовъ дезинтеграціи *). Самоусиленные же волевые стимулы, то есть воспріятія эффектовъ, вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, сознаются не ясно.

2-е звено или 2-й моментъ. Какъ только пальцы моей лѣвой руки соприкоснулись со вставочкой, они моментально схватываютъ ее. Это дѣйствіе выполняется такъ быстро, непосредственно вслѣдъ за соприкосновеніемъ, что можетъ показаться не отдѣльной круговой реакціей, а концомъ предыдущей, вытяженія руки. Однако, это совсѣмъ новая круговая реакція, требующая своего отдѣльнаго волевого стимула, представленія эффектовъ. Это представленіе не сознается мною по тѣмъ же причинамъ, по которымъ не сознавались мною представленія - волевые стимулы

*) И сами по себѣ эти процессы дезинтеграціи протекаютъ чреввычайно легко и быстро; но, кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду ихъ отношеніе къ другимъ одновременнымъ процессамъ дезинтеграціи. Читатель, конечно, помнить, что сопровождаемость процессовъ дезинтеграціи сознаниемъ зависитъ не только отъ условій теченія самихъ этихъ процессовъ, но и отъ отношенія ихъ къ другимъ, одновременнымъ. Когда мы совершаемъ какой либо сложный актъ, который еще не выучились легко и быстро выполнять, тогда процессы дезинтеграціи этого акта являются процессами наибольшаго тренія среди одновременныхъ. Но такъ какъ я для изученія взялъ актъ (вставленіе пера во вставочку) въ высшей степени легко и быстро совершаемый, то не имѣю основанія предполагать, чтобы во время его выполненія не было одновременныхъ процессовъ дезинтеграціи большого тренія.

круговыхъ реакцій предшествующаго звена. Физиологическій коррелятъ этого представленія, не сопровождааясь, благодаря быстротѣ и легкости теченія дезинтеграціи, психическимъ, вызвалъ соответственную круговую реакцію: пальцы моей лѣвой руки схватили вставочку. Такъ происходитъ дѣло теперь. Но было время въ раннемъ моемъ дѣтствѣ, когда я прикасался къ предмету, а схватывать его пальцами еще не умѣлъ; тогда вслѣдъ за вытяженіемъ руки до соприкосновенія съ чѣмъ либо въ сознаніи, дѣйствительно, долженъ былъ возникать волевой стимулъ круговой реакціи схватыванія, болѣе или менѣе ясное представленіе эффектовъ ея.

Итакъ, мы здѣсь имѣемъ появленіе физиологическаго коррелята новаго волевого стимула. Этотъ физиологическій коррелятъ, хотя и не сопровождаемый психическимъ, выполняетъ свою круговую реакцію. Чѣмъ обусловлено появленіе новаго волевого стимула? Какъ вообще обусловлено появленіе въ цѣпи новыхъ волевыхъ стимуловъ вслѣдъ за предшествующими? — на этотъ вопросъ я отвѣчу послѣ разсмотрѣнія состава цѣпи круговыхъ реакцій. Сначала же разберемъ всѣ звенья ея и убѣдимся, что вся она можетъ быть разложена на волевые стимулы и ихъ круговыя реакціи.

Само собой понятно, что во время схватыванія вставочки пальцами, лѣвая моя рука остается вытянутой, то есть въ томъ положеніи, которое было достигнуто предшествующей круговой реакціей—вытяженія руки. Эта круговая реакція была реакціей самоусиленія волевого стимула. Выполненная, она непосредственно перешла въ круговую реакцію самосохраненія волевого стимула; но теперь волевой стимулъ — воспріятіе достигнутаго положенія руки. Оборотами круговой реакціи самосохраненія онъ будетъ сохраняться, пока этому не положить предѣлъ или нервно-мышечное истощеніе или какой-либо противоборствующій волевой стимулъ. Ни того, ни другого препятствія во второмъ звенѣ не является, и поэтому круговая реакція самосохраненія вытянутаго положенія руки продолжается.

А самосохраняется ли положеніе устремленныхъ на мѣсто дѣйствія глазъ? Когда мои пальцы уже прикоснулись ко вставочкѣ, я могу схватить ее, не глядя; слѣдовательно нѣтъ надобности въ круговой реакціи самосохраненія положенія глазъ, достигнутаго предшествующей круговой реакціей самоусиленія — устремленія ихъ на надлежащій пунктъ. Если явится что-нибудь, отвлекающее взглядъ въ сторону, это легко можетъ совершиться безъ ущерба для выполненія главной круговой реакціи 2-го звена, схватыванія вставочки пальцами. Но такъ какъ эта послѣдняя круговая реакція съ чрезвычайной быстротой слѣдуетъ за предшествующей, то обыкновенно въ это время не является никакого

отвлекающего обстоятельства и самосохранение положенія глазъ выполняется.

Итакъ, во 2-мъ звенѣ или во 2-мъ моментѣ нашей цѣли круговыхъ реакцій мы имѣемъ слѣдующія одновременныя круговыя реакціи. 1) Круговая реакція самоусиленія волевого стимула: схватываніе вставочки пальцами лѣвой руки; волевой стимулъ—представленіе не сознается; самоусиленный же, то есть соответствующее воспріятіе, сознается весьма неясно. 2) Круговая реакція самосохраненія волевого стимула—сохраненіе положенія вытянутой лѣвой руки; самосохраненный волевой стимулъ сознается неясно. 3) Круговая реакція самосохраненія волевого стимула—сохраненіе положенія устремленныхъ на мѣсто дѣйствія глазъ. Эта круговая реакція можетъ отсутствовать. Самосохраненный волевой стимулъ ея сознается неясно.

3-е звено или 3-й моментъ. Моя вытянутая лѣвая рука, захвативъ вставочку, остается въ этомъ положеніи. Конечно, она могла бы одвинуться въ сторону, но я беру простѣйшій примѣръ. Правую же руку я вытягиваю къ углубленію чернильницы, въ которомъ помѣщается стальное перо; вытягиваю до соприкосновенія съ этимъ перомъ. Въ то же время мой взглядъ моментально направился на стальное перо и приближающуюся къ нему правую руку. Руководимый зрѣніемъ, я удачно достигъ цѣли: прикоснулся пальцами правой руки къ стальному перу. Вытяженіе правой руки до соприкосновенія съ перомъ и устремленіе глазъ на мѣсто дѣйствія—двѣ круговыя реакціи самоусиленія волевыхъ стимуловъ, сходныя съ реакціями 1-го звена. Какъ тѣ были вызваны сужденіемъ „нужно вставить перо“, такъ эти—круговыми реакціями предшествовавшаго звена: лѣвая рука сдѣлала все, что нужно для выполненія главнаго желанія, и работа передается правой рукѣ. Все происходитъ быстро; волевые стимулы—представленія не сознаются; самоусиленные волевые стимулы сознаются неясно.

Лѣвая же рука продолжаетъ быть вытянутой, пальцы держатъ вставочку, слѣдовательно, протекаютъ двѣ круговыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ: сохраненіе положенія вытянутой лѣвой руки и сохраненіе положенія пальцевъ, сжимающихъ вставочку. Самосохраненные волевые стимулы сознаются неясно.

Итакъ, въ 3-мъ звенѣ мы имѣемъ 4 круговыя реакціи, протекающія одновременно: двѣ—самоусиленія волевыхъ стимуловъ—вытяженіе правой руки до соприкосновенія со стальнымъ перомъ и устремленіе глазъ на надлежащій пунктъ; двѣ же круговыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ—сохраненіе вытянутого положенія лѣвой руки и сохраненіе положенія ея пальцевъ, сжимающихъ вставочку.

Въ 3-мъ звенѣ глаза устремлены на правую руку и стальное перо, а во 2-мъ они были направлены на лѣвую руку и вста-

вочку. Слѣдовательно, круговая реакція самоусиленія волевого стимула 3-го звена перервала прекратила круговую реакцію само-сохраненія волевого стимула 2-го звена. Произошло столкнове- ніе двухъ противодѣйствующихъ волевыхъ стимуловъ, и одинъ изъ нихъ моментально уступилъ мѣсто другому. О столкновеніи волевыхъ стимуловъ я буду говорить въ слѣдующей главѣ.

4-ое звено или 4-ый моментъ. Лѣвая рука въ прежнемъ поло- женіи. Пальцы же правой, прикоснувшись къ стальному перу, моментально схватываютъ его. Глаза устремлены на мѣсто дѣй- ствія, но въ этомъ нѣтъ необходимости: прикоснувшись къ перу, я могу схватить его и не глядя. Схватываніе пера пальцами правой руки—круговая реакція самоусиленія, сходная съ таковой же схватыванія вставочки во 2-мъ звенѣ. Что сказано о той, справедливо и относительно этой. Кромѣ этой реакціи самоуси- ленія волевого стимула въ 4-мъ звенѣ протекають еще 4 кру- говыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ: сохраненіе положенія вытянутой правой руки, сохраненіе положенія вытя- нутой лѣвой руки, сохраненія положенія пальцевъ лѣвой руки, сжимающихъ вставочку, сохраненіе положенія глазъ, устремлен- ныхъ на мѣсто дѣйствія. Эта послѣдняя круговая реакція можетъ отсутствовать.

5-ое звено или 5-ый моментъ. Я перемѣняю вытянутое поло- женіе обѣихъ рукъ, сгибая локтевые суставы и приближая кисти другъ къ другу и на разстояніе отъ моихъ глазъ, удобное для манипуляцій. Это приближеніе кистей другъ къ другу и на удобное отъ меня разстояніе — круговая реакція самоусиленія волевого стимула, прервавшая двѣ круговыя реакціи самосохраненія воле- выхъ стимуловъ: сохраненіе положенія вытянутой лѣвой руки и сохраненіе положенія вытянутой правой. Волевой стимулъ кру- говой реакціи приближенія рукъ не сознается, самоусиленный же сознается неясно. Приближеніе рукъ происходитъ подъ руковод- ствомъ зрѣнія, слѣдовательно устремленіе глазъ въ новомъ на- правленіи — круговая реакція самоусиленія волевого стимула, прервавшая предшествовавшую круговую реакцію 4-го звена— самосохраненія положенія глазъ. Кромѣ этихъ двухъ реакцій самоусиленія волевыхъ стимуловъ, въ 5-мъ звенѣ протекають 2 круговыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ: сжиманіе пальцами лѣвой руки вставочки, сжиманіе пальцами правой пера. Самосохраненные волевые стимулы этихъ двухъ круговыхъ реакцій сознаются неясно.

6-ое звено или 6-й моментъ. Пальцы моей правой руки вты- кають перо во вставочку, которую держитъ лѣвая рука. Обѣ руки согнуты и находятся на удобномъ отъ меня разстояніи. Глаза устремлены на мѣсто дѣйствія. Втыканіе пера во вставочку паль- цами правой руки—круговая реакція самоусиленія волевого сти- мула; волевой стимулъ ея не сознается, самоусиленный сознается

неясно. Кроме этой круговой реакции, самоусиление волевого стимула въ 6-мъ звенѣ протекають 4 круговыя реакціи самосохраненія волевыхъ стимуловъ: сжиманіе пальцами лѣвой руки вставочки, сжиманіе пальцами правой пера, сохраненіе положенія рукъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга и отъ моихъ глазъ, сохраненіе положенія устремленныхъ на мѣсто дѣйствія глазъ.

Вотъ изъ какихъ звеньевъ или моментовъ состоитъ цѣпь волевыхъ стимуловъ или круговыхъ реакцій, называемая вставленіемъ пера во вставочку. Конечно, этотъ примѣръ немного искусственный: я для упрощенія дѣла предположилъ, что вставочка и перо лежать такъ, что захватъ ихъ пальцами удобенъ для дальнѣйшихъ манипуляцій, что лѣвая рука не сдвинулась съ мѣста, когда я тянулся правой къ чернильницѣ. Если бы я не принялъ этихъ упрощеній, примѣръ былъ бы длиннѣе и нѣсколько сложнѣе, но эта большая длина и большая сложность не дали бы намъ большихъ свѣдѣній о строеніи цѣпей круговыхъ реакцій. Черты этого строенія вполне выясняются и изъ простѣйшаго примѣра.

Цѣпь круговыхъ реакцій—крѣпко слитый ассоціаціей въ одно цѣлое рядъ послѣдовательныхъ дѣйствій. Каждое изъ этихъ дѣйствій выполняется или одною круговою реакціей, или нѣсколькими одновременными. Каждая круговая реакція имѣетъ свой волевой стимулъ; но вслѣдствіе быстроты и легкости дезинтеграціи центровъ, волевые стимулы—представленія не сознаются, самоусиленные же и самосохраненные сознаются неясно. Отъ того, что волевые стимулы—представленія не сознаются, получается впечатлѣніе, будто слѣдующее дѣйствіе вызывается прямо осуществленіемъ предыдущаго. Ассоціація такъ крѣпко сплавляетъ отдѣльныя круговыя реакціи между собою, что цѣпь ихъ при быстромъ выполненіи похожа на одинъ сплошной актъ или на рядъ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ непроизвольныхъ дѣйствій.

Каждая изъ круговыхъ реакцій цѣпи своей мышечной дѣятельностью производитъ эффектъ; каждая слѣдующая круговая реакція своимъ эффектомъ прибавляетъ нѣкій plus къ результатамъ предыдущихъ; эффектъ послѣдней круговой реакціи обусловленъ эффектами всѣхъ предшествовавшихъ. Воткнувъ перо во вставочку можно тогда, когда уже держишь въ рукахъ и то, и другое; чтобы держать ихъ, нужно захватить; чтобы захватить, нужно протянуть въ опредѣленныхъ направленіяхъ руки; чтобы не уклониться отъ направленія, нужно надлежащимъ образомъ устремлять взглядъ.

Цѣпь круговыхъ реакцій, вслѣдствіе крѣпкаго ассоціатіоннаго соединенія составляющихъ ее частей между собою, функционируетъ какъ одно цѣлое, какъ одинъ сплошной актъ. Этотъ актъ

имѣетъ свой волевой стимулъ, который помощью его осуществляется. Какой же это волевой стимулъ? Изъ предыдущихъ главъ мы знаемъ, что въ волевомъ стимулѣ круговой реакціи сознается эффектъ ея мышечной дѣятельности. Подобно этому въ волевомъ стимулѣ цѣпи круговыхъ реакцій сознается то, что является результатомъ всей мускульной дѣятельности ея, то есть комбинированный эффектъ комбинированной мышечной работы всѣхъ ея круговыхъ реакцій. Подъ этимъ комбинированнымъ эффектомъ слѣдуетъ понимать не одинъ только окончательный пунктъ мышечной дѣятельности цѣпи, а весь рядъ слѣдующихъ другъ за другомъ эффектовъ, рядъ, являющійся какъ одно цѣлое. Не трудно понять, что такой рядъ—результатъ ассоціаціоннаго соединенія волевыхъ стимуловъ отдѣльныхъ круговыхъ реакцій. Но волевой стимулъ цѣпи круговыхъ реакцій обыкновенно не является въ сознаниі въ видѣ полного ряда ассоціированныхъ между собою волевыхъ стимуловъ отдѣльныхъ круговыхъ реакцій. Всегда онъ болѣе или менѣе отрывоченъ. Чаще всего вмѣсто полного ряда сознается одинъ только окончательный пунктъ дѣятельности цѣпи круговыхъ реакцій. Весь этотъ рядъ волевыхъ стимуловъ отдѣльныхъ круговыхъ реакцій есть чистый волевой стимулъ цѣпи этихъ реакцій. Съ нимъ тѣсно ассоціировано особое названіе, названіе всего этого акта, какъ одного цѣлага. Я уже говорилъ во 2-й главѣ, что комплексъ названіе plus чистый волевой стимулъ отдѣльной круговой реакціи или даже цѣлое сужденіе мы можемъ понимать какъ волевой стимулъ въ широкомъ смыслѣ. Такъ было сказано о волевомъ стимулѣ отдѣльной круговой реакціи, но это вѣрно и относительно волевого стимула цѣпи ихъ. Часто въ сознаниі возникаетъ одно только названіе такого сложнаго акта или сужденіе, въ которомъ заключено это названіе. Такъ въ нашемъ примѣрѣ въ сознаниі возникло сужденіе „нужно вставить перо“. Слѣдуетъ только помнить, что подобныя сужденія вызываютъ выполненіе акта, благодаря фізіологическому корреляту чистаго волевого стимула цѣпи, то есть фізіологическому корреляту цѣлаго комплекса волевыхъ стимуловъ отдѣльныхъ круговыхъ реакцій, будетъ сопровождаться этотъ фізіологическій коррелятъ психическимъ или нѣтъ—безразлично.

Можно спросить, почему за возникновеніемъ волевого стимула цѣпи круговыхъ реакцій, эти послѣднія совершаются въ извѣстномъ порядкѣ? Почему онѣ не перемѣшиваются? Почему за 1-мъ звеномъ слѣдуетъ 2-ое, а не 3-ье или 4-ое? Это—общій принципъ ассоціаціонныхъ соединеній: послѣдовательно протекающіе психофізіологическіе процессы имѣютъ тенденцію повторяться въ томъ порядкѣ, въ какомъ они раньше протекали. Во многихъ случаяхъ другой порядокъ и невозможенъ; на примѣръ, нельзя вставить перо во вставочку, пока не удержишь въ рукахъ того и другого; нельзя ихъ держать, пока не захватилъ; нельзя захватить,

пока не протянулъ къ нимъ рукъ. Но даже и тогда, когда звенья могли бы слѣдовать въ иномъ порядкѣ, мы замѣчаемъ тенденцію процессовъ совершаться въ той послѣдовательности, въ какой они протекали раньше. Всякій, хорошо помнящій какое-либо стихотвореніе, повторить его чрезвычайно скоро и легко отъ начала къ концу; если же начнетъ повторять съ конца къ началу, то дѣло пойдетъ гораздо труднѣе и медленнѣе. Фактъ этотъ общеизвѣстенъ; очевидно, проходимость путей въ направленіи, по которому обыкновенно текутъ импульсы, больше, чѣмъ въ обратномъ.

Предшествующіе волевые стимулы цѣпи круговыхъ реакцій не всѣ свои импульсы посылаютъ къ соотвѣтствующимъ двигательнымъ центрамъ; нѣкоторую часть ихъ они направляютъ въ центры послѣдующихъ волевыхъ стимуловъ. Мы должны принимать возбужденіе послѣдующихъ волевыхъ стимуловъ предшествующими именно черезъ побочные импульсы послѣднихъ. Предположеніе, что круговыя реакціи предшествующихъ волевыхъ стимуловъ вдругъ прекращаются, и всѣ ихъ возбужденія направляются въ сторону, къ центрамъ послѣдующихъ волевыхъ стимуловъ,—такое предположеніе было бы необъяснимо. Между тѣмъ изъ дальнѣйшаго изложенія этой же главы читателю выяснится, что мы имѣемъ основаніе допустить существованіе у волевыхъ стимуловъ импульсовъ побочных, идущихъ не въ соотвѣтственные двигательные центры, а въ другіе чувствительные. Хотя волевой стимулъ одновременно посылаетъ импульсы въ двигательные центры и въ центры послѣдующаго волевого стимула, этотъ послѣдній возникаетъ не одновременно съ началомъ круговой реакціи перваго волевого стимула, а позже. Это обусловлено тѣмъ, что пути къ двигательнымъ центрамъ гораздо проходимѣе, чѣмъ пути къ центрамъ послѣдующаго волевого стимула. Но это и понятно: всякая цѣпь круговыхъ реакцій создается помощью ассоціаціоннаго соединенія развитыхъ волевыхъ стимуловъ, слѣдовательно такихъ психофизиологическихъ процессовъ, которые уже многократно совершали свои круговыя реакціи; проходимость путей между центрами слѣдующихъ другъ за другомъ волевыхъ стимуловъ должна отставать въ своемъ развитіи отъ проходимости путей между центрами этихъ волевыхъ стимуловъ и соотвѣтственными двигательными: послѣдняя—результатъ болѣе частыхъ движеній импульсовъ. Но вѣдь существуютъ комплексы одновременныхъ волевыхъ стимуловъ; почему же здѣсь круговыя реакціи выполняются одновременно? Здѣсь мы имѣемъ ассоціацію волевыхъ стимуловъ одновременныхъ, и у насъ нѣтъ основанія предполагать, что проходимость путей между центрами волевыхъ стимуловъ отстаетъ въ своемъ развитіи отъ проходимости путей между центрами волевыхъ стимуловъ и соотвѣтственными двигательными: одновременные психофизиологическіе процессы одновременно посылаютъ по ассоціаціоннымъ волокнамъ возбужденія на-

встрѣчу другъ другу; поэтому проходимость такихъ путей должна быть больше проходи мости тѣхъ, по которымъ импульсы идутъ только въ одномъ направленіи, какъ это бываетъ при слѣдующихъ другъ за другомъ волевыхъ стимулахъ.

Когда волевой стимулъ цѣпи круговыхъ реакцій является какъ желаніе, тогда вмѣстѣ съ представленіемъ комбинированнаго эффекта ея сознается такъ же и то, что тѣснѣ всего съ нимъ ассоціировано. Когда желаніе, волевой стимулъ цѣпи круговыхъ реакцій, путемъ ихъ работы приводится въ исполненіе, мы это исполненіе сознаемъ результатомъ нашей произвольной дѣятельности. Вся цѣпь круговыхъ реакцій въ цѣломъ мы считаемъ нашимъ произвольнымъ актомъ.

Всѣ дѣйствія, выполненію которыхъ не предшествуетъ желаніе, мы считаемъ непроизвольными. Но я выше упомянулъ, что волевые стимулы отдѣльныхъ круговыхъ реакцій цѣпи не только не являются какъ желанія, а и не сознаются, отчего получается впечатлѣніе, будто слѣдующее дѣйствіе вызывается прямо осуществленіемъ предыдущаго. Поэтому отдѣльныя круговыя реакціи цѣпи очень похожи на непроизвольныя дѣйствія. Однако мы ихъ таковыми не считаемъ: мы помнимъ, что нѣкогда этимъ дѣйствіямъ предшествовали желанія. Мы хорошо знаемъ, что эти дѣйствія получили сходство съ непроизвольными потому, что мы научились выполнять ихъ чрезвычайно легко и быстро. Такія дѣйствія мы называемъ привычными. Итакъ, когда волевой стимулъ круговой реакціи сознается какъ желаніе, то есть вмѣстѣ съ сознаниемъ всего тѣснѣ съ нимъ ассоціированнаго, такая круговая реакція—актъ произвольный. Когда же волевой стимулъ ея вслѣдствіе быстроты и легкости дезинтеграціи центровъ не сознается, круговая реакція становится похожей на непроизвольное дѣйствіе и называется актомъ привычнымъ.

Когда волевой стимулъ цѣпи круговыхъ реакцій сознается какъ желаніе, а волевые стимулы отдѣльныхъ ея реакцій не сознаются,—вся цѣпь круговыхъ реакцій въ цѣломъ является актомъ произвольнымъ, отдѣльныя же ея круговыя реакціи—дѣйствіями привычными. Однако не обязательно, чтобы волевой стимулъ цѣпи круговыхъ реакцій являлся всегда какъ желаніе; онъ можетъ, какъ мы увидимъ дальше, тоже не сознаваться, и тогда вся цѣпь круговыхъ реакцій въ цѣломъ явится актомъ привычнымъ.

Цѣпь круговыхъ реакцій—крѣпко слитый ассоціаціей въ одно цѣлое комплексъ дѣйствій. Но каждое дѣйствіе таково, что, будучи выполнено въ надлежащій моментъ, подвигаетъ на шагъ впередъ весь процессъ цѣпи круговыхъ реакцій. Откуда взялось такое устройство, такое полезное взаимоотношеніе отдѣльныхъ дѣйствій? Очевидно, это — результатъ работы мысли. У каждой цѣпи круговыхъ реакцій есть прошлое, когда она создавалась; и когда она создавалась, тогда работала мысль. Каждая цѣпь кру-

говыхъ реакцій представляетъ одно цѣлое, слитое не только изъ процессовъ воли, но такъ же и изъ процессовъ мысли. Въ каждой цѣпи круговыхъ реакцій есть сторона воли и сторона мысли, и сторона воли сильно преобладаетъ и скрываетъ за собою сторону мысли. Но психологическій анализъ можетъ и долженъ разъяснить эти отношенія. Дальше, въ этой же главѣ я скажу объ этомъ подробнѣе.

Въ нашемъ примѣрѣ—вставленіе пера во вставку—круговыя реакціи цѣпи были или реакціями поступка въ узкомъ смыслѣ или реакціями вниманія въ узкомъ смыслѣ. Мы видѣли, что реакціи вниманія присоединились къ реакціямъ поступка только въ извѣстные моменты. Не всегда такъ бываетъ: реакціи вниманія могутъ все время сопровождать реакціи поступка.

Цѣпь круговыхъ реакцій обыкновенно состоитъ изъ реакцій поступка въ узкомъ смыслѣ и реакцій вниманія въ узкомъ смыслѣ. Но однѣ изъ этихъ реакцій имѣютъ первенствующее значеніе, а другія—вспомогательное. Если въ отдѣльных звеньяхъ цѣпи круговыхъ реакцій первенствующее значеніе принадлежитъ реакціямъ поступка, то вся цѣпь круговыхъ реакцій явится поступкомъ въ узкомъ смыслѣ. Если же въ отдѣльных звеньяхъ первенствующее значеніе за реакціями вниманія, то вся цѣпь круговыхъ реакцій будетъ вниманіемъ въ узкомъ смыслѣ. Въ нашемъ примѣрѣ—вставленіе пера во вставку—первенствующее значеніе было на сторонѣ реакцій поступка. Но можно привести много примѣровъ, гдѣ первенствующее значеніе будетъ принадлежать реакціямъ вниманія въ узкомъ смыслѣ. Я разсматриваю какой-нибудь предметъ, который держу въ рукѣ; поворачиваю его къ себѣ то одной стороною, то другой, поднимаю, опускаю, приближаю, удаляю, наклоняю. Всѣ эти дѣйствія—круговыя реакціи поступка въ узкомъ смыслѣ и имѣютъ только вспомогательное значеніе. Первенствующее же значеніе принадлежитъ круговымъ реакціямъ устремленія взгляда въ надлежащемъ направленіи, то есть круговымъ реакціямъ вниманія въ узкомъ смыслѣ. Я поднимаю, приближаю, наклоняю предметъ только для того, чтобы его видѣть со всѣхъ сторонъ. Видѣть—вотъ главный эффектъ, котораго я добиваюсь. Вся цѣпь круговыхъ реакцій этого примѣра—актъ вниманія въ узкомъ смыслѣ.

Цѣпи часто состоятъ изъ круговыхъ реакцій съ одними и тѣми же движеніями. Но при этомъ надо замѣтить то, что хотя движенія одни и тѣ же, отдаленные эффекты—разные. Напримеръ, шарманщикъ вертитъ ручку шарманки. Его движенія одни и тѣ же, а отдаленные эффекты—звуки пьесы—все идутъ впередъ. Послѣ опредѣленнаго количества этихъ одинаковыхъ движеній—эффектъ полный: пьеса сыграна.

Въ актѣ ходьбы двѣ различныя круговыя реакціи—шагъ правой ногой и шагъ лѣвой—чередуются между собою до тѣхъ поръ,

пока отдаленные эффекты не нарастут до надлежащей степени. Какіе же это эффекты? Перемѣна мѣстонахожденія идущаго. Человѣкъ повторяетъ два чередующихся движенія и видитъ, какъ одни предметы удаляются отъ него, а другіе приближаются. Наконецъ онъ видитъ передъ собой тотъ пунктъ, къ которому двигался—эффектъ полный: человекъ пришелъ, куда нужно.

Обыкновенно цѣпи состоятъ изъ комплексовъ одновременныхъ круговыхъ реакцій. Въ примѣръ цѣпи, гдѣ звенья — отдѣльныя круговыя реакціи можно привести произнесеніе вслухъ азбуки. Сказавъ А, я говорю Б, потомъ В — все отдѣльныя круговыя реакціи. Очень рѣдко встрѣчаются акты — не цѣпи, а комплексы одновременныхъ круговыхъ реакцій. K

Цѣпи круговыхъ реакцій соединяются между собою крѣпкими ассоціаціонными связями и отъ частоты повторенія сливаются въ одно цѣлое, въ сплошной актъ—цѣпь цѣпей круговыхъ реакцій. Человѣкъ въ прихожей хочетъ одѣться, чтобы выйти на улицу. Онъ беретъ со стола кашнѣ и надѣваетъ—цѣпь круговыхъ реакцій. Послѣ этого снимаетъ съ вѣшалки пальто и надѣваетъ — другая цѣпь круговыхъ реакцій. По окончаніи этого онъ надѣваетъ калоши — третья цѣпь. Потомъ беретъ шляпу и надѣваетъ — четвертая. Здѣсь цѣпи круговыхъ реакцій слились въ цѣпь цѣпей совершенно такъ же, какъ отдѣльныя круговыя реакціи сливаются въ цѣпь. Въ цѣпи волевые стимулы отдѣльныхъ круговыхъ реакцій вслѣдствіе быстроты и легкости дезинтеграціи центровъ не сознаются, и получается впечатлѣніе, что слѣдующее дѣйствіе вызывается осуществленіемъ предыдущаго. Въ цѣпи цѣпей круговыхъ реакцій волевые стимулы цѣпей не сознаются по тѣмъ же причинамъ, и получается впечатлѣніе, что выполненіе слѣдующей цѣпи вызывается выполненіемъ предыдущей. Такъ какъ волевые стимулы цѣпей не сознаются болѣе, какъ желанія, даже не сознаются совсѣмъ, то цѣпи круговыхъ реакцій становятся похожи на рядъ произвольныхъ дѣйствій. Онѣ теперь—дѣйствія привычныя, выполняются машинально. Человѣкъ желаетъ одѣться, чтобы выйти на улицу, но развѣ онъ желаетъ по отдѣльности: надѣть кашнѣ, надѣть пальто, надѣть калоши, надѣть шляпу? Каждая предыдущая цѣпь, закончившись, сама собою вызываетъ слѣдующую. Психофизиологическій процессъ воспріятія эффекта предыдущей цѣпи вызываетъ черезъ ассоціаціонныя волокна физиологическій коррелятъ волевого стимула слѣдующей, не сопровождающійся вслѣдствіе легкости и быстроты дезинтеграціи центровъ психическимъ.

Эффектъ мышечной работы цѣпи цѣпей круговыхъ реакцій есть комбинированный эффектъ мускульной дѣятельности всѣхъ цѣпей, ее составляющихъ. Психофизиологическій процессъ, въ которомъ болѣе или менѣе полно сознается этотъ комбинированный

эффектъ,—волевой стимулъ цѣпи цѣпей круговыхъ реакцій; помощью ея онъ осуществляется.

Когда волевой стимулъ цѣпи цѣпей круговыхъ реакцій является какъ желаніе, тогда вся цѣпь цѣпей въ цѣломъ—актъ произвольный, составляющій же ее отдѣльныя цѣпи—дѣйствія привычныя, машинальныя, подобныя непроизвольнымъ. Не обязательно, чтобы волевые стимулы цѣпей цѣпей круговыхъ реакцій всегда сознавались какъ желанія. Цѣпи цѣпей могутъ сливаться другъ съ другомъ, образуя цѣпи цѣпей цѣпей круговыхъ реакцій, въ которыхъ волевые стимулы отдѣльныхъ цѣпей цѣпей не будутъ сознаваться, и цѣли цѣпей явятся дѣйствіями привычными, машинальными.

Читатель видитъ, что существуетъ полная аналогія между построеніемъ цѣпи изъ отдѣльныхъ круговыхъ реакцій и построеніемъ цѣпи цѣпей изъ цѣпей круговыхъ реакцій. И въ томъ и въ другомъ построеніи дѣйствуетъ законъ ассоціаціи; ассоціаціонныя связи крѣпнутъ отъ повторенія актовъ; отъ быстроты и легкости дезинтеграціи центровъ волевые стимулы отдѣльныхъ круговыхъ реакцій въ одномъ случаѣ и цѣпей въ другомъ не сознаются; вслѣдствіе этого отдѣльныя круговыя реакціи въ одномъ случаѣ и цѣлыя цѣпи въ другомъ утрачиваютъ характеръ произвольныхъ актовъ, становятся машинальными, подобными непроизвольнымъ, привычными дѣйствіями; вся же цѣпь въ одномъ случаѣ и цѣпь цѣпей въ другомъ пріобрѣтаютъ характеръ сплошныхъ актовъ; функционируютъ какъ одно цѣлое; производятъ свои эффекты—комбинированные эффекты составляющихъ ихъ дѣйствій; имѣютъ свои волевые стимулы—психофизиологическіе процессы, въ которыхъ болѣе или менѣе ясно сознаются эти комбинированные эффекты; своей мышечной дѣятельностью осуществляютъ эти волевые стимулы.

Цѣпи цѣпей часто состоятъ изъ сходныхъ цѣпей круговыхъ реакцій. Но хотя цѣпи и одинаковы, комбинированный эффектъ все нарастаетъ. Напримѣръ, человѣкъ желаетъ нарубить охапку дровъ. Рубить одно полѣно—цѣпь круговыхъ реакцій, весьма сходная съ цѣлью—рубить другое. Нарубить нѣсколько полѣнъ значитъ выполнить цѣлый рядъ схожихъ цѣпей круговыхъ реакцій. Но съ каждой цѣпью комбинированный эффектъ нарастаетъ. Изрубленное одно полѣно совоѣмъ не охапка дровъ; изрубленные два—тоже далеко не охапка; изрубленные три—тоже не составляютъ желаемого количества. Наконецъ въ результатъ своихъ дѣйствій человѣкъ видитъ такую грудъ полѣнъ, которую считаетъ за настоящую охапку. Цѣль достигнута; волевой стимулъ цѣпи цѣпей круговыхъ реакцій самоусилился.

Цѣпи цѣпей сливаются ассоціаціонными связями въ одно цѣлое, сплошной актъ—цѣпь цѣпей цѣпей круговыхъ реакцій. Весь процессъ построенія аналогиченъ вышеразобранному.

Такъ мы дѣйствуемъ во внѣшнемъ мірѣ. Посмотримъ теперь, какъ мы размышляемъ.

Возьмемъ примѣръ: человѣку нужно получить подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ какого-либо физическаго аппарата для техническихъ цѣлей. Соображая, гдѣ ему прочитать то, что нужно, онъ можетъ размышлять такъ:

I. 1) Гдѣ бы мнѣ объ этомъ прочитать?—2) У А. (авторъ книги, имѣющейся у размышляющаго) этотъ отдѣлъ плохо разработанъ.—3) У В. (авторъ другой книги, имѣющейся у размышляющаго) часто ошибки.—4) Просмотрю лучше литературу, указанную у В.

Здѣсь мы имѣемъ послѣдовательный рядъ психофизиологическихъ процессовъ, изъ которыхъ каждый является волевымъ стимуломъ и самосохраняется круговой реакціей вниманія въ узкомъ смыслѣ.

II. Или ходъ мысли соображающаго будетъ таковъ:

1) Гдѣ бы мнѣ объ этомъ прочитать?—2) У А. этотъ отдѣлъ плохо разработанъ.—3) Какъ Петровъ ненавидать эту книгу!—4) Забавная вышла съ нимъ исторія изъ-за нея!..—5) У В. часто ошибки.—6) Просмотрю лучше литературу, указанную у В.

Въ этомъ случаѣ психофизиологическіе процессы 1, 2, 5, 6 являются волевыми стимулами и самосохраняются круговыми реакціями вниманія въ узкомъ смыслѣ, а другіе (3, 4)—не волевые стимулы и не фиксируются въ сознаніи круговыми реакціями вниманія.

III. Или субъектъ можетъ размышлять такъ:

1) Гдѣ бы мнѣ объ этомъ прочитать?—2) У А. этотъ отдѣлъ плохо разработанъ.—3) У В. часто ошибки.—4) Гдѣ бы прочитать?—5) Просмотрю лучше литературу, указанную у В.

Здѣсь мы видимъ повтореніе волевого стимула (1—4).

Итакъ, въ сознаніи субъекта вслѣдъ за первичнымъ психическимъ процессомъ, сужденіемъ „Гдѣ бы мнѣ объ этомъ прочитать?“ возникъ рядъ психическихъ процессовъ. Чѣмъ обусловлено ихъ появленіе? Находится ли оно въ зависимости отъ пребыванія въ сознаніи первичнаго сужденія или совершенно не зависитъ отъ него?

Если мы будемъ анализировать, что сознается въ психическихъ процессахъ, непосредственно слѣдующихъ за тѣми, которые самосохраняются круговыми реакціями вниманія въ узкомъ смыслѣ, то найдемъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно находится въ весьма тѣсной связи по жизненному опыту субъекта съ тѣмъ, что сознается въ предшествующихъ психическихъ процессахъ, самосохраненныхъ круговыми реакціями вниманія въ узкомъ смыслѣ. Такъ и въ нашемъ примѣрѣ: книги А. и В. имѣются у субъекта, у него составлена оцѣнка ихъ значенія, Петровъ его знакомый... Такой фактъ, конечно, не можетъ

быть случайнымъ. Несомнѣнно, пребываніе въ сознаніи предшествующаго психическаго процесса обуславливаетъ возникновеніе психическаго процесса послѣдующаго. Но какъ объяснить это взаимоотношеніе обоихъ процессовъ? Связь между сознаваемымъ въ обоихъ психическихъ процессахъ выработана жизненнымъ опытомъ субъекта—связь ассоціаціонная. Слѣдовательно, предшествующій психическій процессъ вызываетъ послѣдующій по законамъ ассоціаціи. Но если предшествующій психическій процессъ вызываетъ послѣдующій по законамъ ассоціаціи, то мы должны принять, что физиологическій коррелятъ предшествующаго психофизиологическаго процесса не всѣ свои возбужденія посылаетъ въ соотвѣтственные двигательные центры, а даетъ также и побочные импульсы къ другимъ чувствительнымъ центрамъ. Если бы физиологическій коррелятъ этого процесса посылалъ всѣ свои импульсы къ двигательнымъ центрамъ, то получился бы замкнутый кругъ самосохраненія, и какъ бы онъ могъ вызвать дезинтеграцію въ другихъ чувствительныхъ центрахъ? Если же принять, что этотъ замкнутый круговой процессъ вдругъ прекращается, и волевой стимулъ посылаетъ всѣ свои импульсы къ другимъ чувствительнымъ центрамъ, то такое предположеніе было бы совершенно необъяснимо. Принять же существованіе побочныхъ импульсовъ нисколько не затруднительно. Что такое волевой стимулъ? — Психофизиологическій процессъ, который, возникнувъ, стремится самоусилиться или самосохраниться путемъ соотвѣтственной мышечной дѣятельности; но для этого не требуется, чтобы психофизиологическій процессъ послалъ всѣ свои возбужденія въ соотвѣтственные двигательные центры. Итакъ, мы имѣемъ основаніе принимать побочныя возбужденія отъ физиологическаго коррелята волевого стимула.

Самосохраняющійся круговой реакціей вниманія въ узкомъ смыслѣ психофизиологическій процессъ помощью своихъ побочныхъ импульсовъ вызываетъ слѣдующій психофизиологическій процессъ. Содержаніе этого послѣдняго будетъ находиться въ крѣпкой связи съ сознаваемымъ въ предыдущемъ психофизиологическомъ процессѣ — таковъ результатъ вниманія въ узкомъ смыслѣ. Когда психическій процессъ не фиксируется въ сознаніи, а пролетаетъ быстро, онъ не является обязательно превалирующимъ изъ факторовъ, вызывающихъ слѣдующій психофизиологическій процессъ; онъ можетъ быть даже слабѣйшимъ изъ нихъ. Когда же психофизиологическій процессъ сравнительно долго пребываетъ въ ясномъ сознаніи, самосохраняясь круговой реакціей вниманія въ узкомъ смыслѣ, тогда онъ является превалирующимъ факторомъ при вызовѣ слѣдующаго психофизиологическаго процесса. Въ томъ и состоитъ значеніе круговой реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ, что она, удерживая въ ясномъ сознаніи психофизиологическій процессъ, способствуетъ появленію такого слѣ

дующаго, содержаніе котораго тѣсно связано съ сознаваемымъ этого процесса.

Слѣдующій психофизиологическій процессъ, вызванный побочными возбужденіями перваго, вытѣсняетъ своего предшественника изъ яснаго сознанія, и самъ начинается круговую реакцію самосохраненія: Я уже говорилъ въ 3-ей главѣ, какъ легко прерываются круговыя реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ. Или же этотъ слѣдующій процессъ можетъ пролетѣть не фиксируясь вниманіемъ (какъ въ нашемъ примѣрѣ II, 3, 4); онъ вызываетъ слѣдующій процессъ; этотъ послѣдній вызываетъ дальнѣйшій. Всѣ психофизиологическіе процессы, слѣдующіе за первымъ, удержаннымъ вниманіемъ, вызываютъ другъ друга по законамъ ассоціаціи, то фиксируясь сами круговыми реакціями вниманія въ узкомъ смыслѣ, то пролетая, не фиксированными.

Но если всѣ психофизиологическіе процессы волевого мышленія вызываютъ другъ друга, и всѣ или многіе изъ нихъ—волевые стимулы, выполняющіе свои круговыя реакціи, то, слѣдовательно, весь рядъ ихъ не что иное, какъ цѣпь круговыхъ реакцій, цѣпь иногда не очень правильная по строенію—напримѣръ, за волевыми стимулами слѣдуютъ промежуточные процессы—не волевые стимулы (такъ: II, 3, 4), звенья возвращаются (такъ: III, 1—4); всѣ круговыя реакціи этой цѣпи—самосохраненія, всѣ волевые стимулы сознаются ясно.

Волевой стимулъ и круговая реакція — воля. Слѣдовательно, въ волевомъ мышленіи соединены мысль и воля. Выше, въ этой же главѣ я упоминалъ о томъ, что въ каждой цѣпи круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности вмѣстѣ съ волей соединена мысль. Мы должны стараться точно различать, что въ этихъ комплексахъ — воля, а что — мысль. Хотя психологи и дѣляютъ всѣ психическія явленія на процессы мысли, чувства и воли, они не различаютъ ясно и опредѣленно, въ чемъ заключаются характерныя черты этихъ трехъ группъ. Часто мысль принимаютъ за волю, волю за чувство и т. под. Мой взглядъ на волевые процессы, какъ на круговыя реакціи или комплексы ихъ, даетъ мнѣ возможность не только привести къ единству хаотическое разнообразіе фактовъ въ сферѣ воли, но и установить точно характерныя черты волевыхъ явленій, отличить ихъ отъ процессовъ мысли и чувства. Подъ волей я понимаю особую сторону психическихъ явленій, выражающуюся въ томъ, что соотвѣтственной мышечной дѣятельностью можетъ осуществляться самосохраненіе и самоусиленіе нѣкоторыхъ психофизиологическихъ процессовъ. Фактъ самохраненія или самоусиленія психофизиологическаго процесса соотвѣтственной мышечной дѣятельностью — сторона воли. Самъ же психофизиологическій процессъ можетъ быть или процессомъ мысли, или процессомъ чувства. Напримѣръ, я нюхаю ароматы цвѣтка. Самыя обонятельныя ощущенія — психофизиологи-

ческий процессъ чувства. Тотъ же фактъ, что они круговой реакціей самосохраняются, — воля. Я держу въ умѣ представленіе лица моего знакомаго. Самое представленіе—психофизическій процессъ мысли, а тотъ фактъ, что оно самосохраняется путемъ вызванной имъ мышечной дѣятельности, — этотъ фактъ—воля. Когда я произвожу цѣпь круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности, психофизиологическіе процессы волевыхъ стимуловъ, входящихъ въ составъ цѣпи, сами по себѣ процессы мысли или чувства, воли же только въ томъ, что каждый изъ этихъ процессовъ вызываетъ соотвѣтственную мышечную дѣятельность, ведущую къ его самоусилению или самохраненію. Когда я размышляю, то отдѣльные психическіе процессы, входящіе въ составъ ряда соображеній,—процессы мысли, та же сторона дѣла, что они путемъ соотвѣтственной мышечной дѣятельности самосохраняются,—воля. Понятно, что не можетъ быть такого психофизиологическаго процесса, который, будучи явленіемъ воли, не былъ бы въ то же время явленіемъ мысли или чувства.

Понимая это, мы теперь ясно видимъ, что въ волевомъ мышленіи—воля, что—мысль. Воля здѣсь только въ томъ, что психическіе процессы удерживаются въ сознаніи вызванною ими мышечною дѣятельностью. Остальное же, какъ то: сами психическіе процессы, взятые отдѣльно отъ этой стороны воли, и то, что они вызываютъ другъ друга черезъ ассоціацію,—мысль. Фактъ фиксированія въ сознаніи психическаго процесса путемъ мышечной дѣятельности вниманія—воля; фактъ же, что этотъ психическій процессъ вызываетъ по ассоціаціи другой—мысль.

Теперь я могу разъяснить ошибку Münsterberg'a, о которой я говорилъ въ 1-ой главѣ. Онъ считаетъ характерной чертой волевыхъ процессовъ тотъ фактъ, что психическій процессъ момента предшествующаго предвосхищаетъ содержаніе психическаго процесса момента послѣдующаго, но не беретъ въ расчетъ, какимъ путемъ достигается такое соотношеніе. А такое соотношеніе можетъ быть достигнуто двумя путями. Когда представленіе, посылая импульсы въ двигательные центры, совершаетъ свою круговую реакцію и замѣняется соотвѣтственнымъ воспріятіемъ, мы наблюдаемъ, что психическій процессъ предшествовавшаго момента предвосхищалъ содержаніе психическаго процесса момента послѣдующаго. Это соотношеніе здѣсь — результатъ воли. Когда же это представленіе, посылая побочные импульсы въ другіе чувствительные центры, вызываетъ черезъ ассоціацію другое представленіе такого сорта, что его содержаніе предвосхищалось первымъ, здѣсь это соотношеніе—результатъ мысли. Мой взглядъ на волевые процессы какъ на круговыя реакціи или комплексы ихъ и даетъ возможность различать случаи, гдѣ такое соотношеніе между психофизиологическими процессами—результатъ собственной мышечной дѣятельности перваго процесса и гдѣ

оно—результат ассоціаціоннаго соединенія мысли. Когда фізіологическій коррелятъ психофізіологическаго процесса передает свои импульсы въ другіе чувствительные центры, — это ассоціаціонное соединеніе мысли; когда же онъ посылаетъ свои возбужденія въ соотвѣтственные двигательные центры,—это ассоціаціонное соединеніе воли. Münsterberg хочетъ вспомнить забытое слово; для этого онъ фиксируетъ въ сознаніи вниманіемъ другіе психическіе процессы, которые находятся въ крѣпкой ассоціаціонной связи съ этимъ словомъ. Фиксированные процессы вызываютъ по ассоціаціи это слово. Процессъ этого вызванія по ассоціаціи—процессъ мысли, а не волевой актъ. Если бы фізіологическіе корреляты тѣхъ психическихъ процессовъ, которые преобладали въ сознаніи Münsterberg'a, вызвали забытыя слова путемъ возбужденной ими мышечной дѣятельности—это былъ бы волевой актъ. Но мы знаемъ, что эти процессы своею мышечною дѣятельностью достигаютъ только одного, — фиксированія въ сознаніи, или, какъ я называю, самосохраненія. Никакимъ образомъ мышечныя сокращенія не могли бы вызвать въ моей памяти слова, если бы я его окончательно забылъ. Волевой же результатъ всегда будетъ на лицо, если мышцы исполнили свою работу.

Итакъ, мы видимъ, какъ тѣсно слиты мысль и воля. И въ каждой цѣпи, въ каждой цѣпи цѣпей, вообще въ каждомъ комплексѣ круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности скрыта мысль. Одна круговая реакція связана съ другой ассоціаціоннымъ соединеніемъ мысли. Переходъ отъ волевого стимула одной круговой реакціи къ волевому стимулу другой—мысль. Когда комплексъ круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности отъ частоты повторенія является какъ бы сплошнымъ непрерывнымъ актомъ, переходъ этотъ чрезвычайно быстръ и неуклоненъ. Но когда комплексъ еще только создавался, одинъ волевой стимулъ вызывалъ другой медленно и далеко не столь неуклонно: возможны были колебанія, ошибки, замѣна волевыхъ стимуловъ однихъ дѣйствій другими—человѣкъ не твердо совершалъ актъ, долженъ былъ думать объ его частяхъ, долженъ былъ внимательно относиться къ его выполненію.

Цѣпи круговыхъ реакцій волевого мышленія имѣютъ свои особенности. Всѣ ихъ круговыя реакціи—самосохраненія; всѣ волевые стимулы сознаются ясно. Эти цѣпи не сливаются въ одинъ сплошной актъ. Волевымъ стимуломъ такой цѣпи мы должны считать ассоціаціонное соединеніе всѣхъ психофізіологическихъ процессовъ ея, вызывающихъ круговыя реакціи вниманія въ узкомъ смыслѣ. Но этотъ волевой стимулъ мы можемъ сознать только тогда, когда онъ осуществляется: круговыя реакціи самосохраненія психофізіологическихъ процессовъ должны быть выполнены для того, чтобы эти процессы прослѣдовали

другъ за другомъ въ своемъ порядкѣ. Съ каждой цѣлью круговыхъ реакцій волевого мышленія ассоціировано особое названіе. Названіе образуется по первому психофизиологическому процессу, самосохраняемому круговой реакціей вниманія въ узкомъ смыслѣ. „Обсудить то-то“ значитъ фиксировать круговой реакціей вниманія „то-то“, вопросъ перваго психофизиологическаго процесса; этотъ первый психофизиологическій процессъ, самосохраненный круговой реакціей вниманія, своими побочными возбужденіями вызываетъ слѣдующій, этотъ послѣдній — дальнѣйшій, и такъ далѣе до конца цѣпи. Вся цѣпь и будетъ „обсужденіемъ такого-то вопроса“.

Мы знаемъ, что внѣшняя дѣятельность различается, какъ произвольная и непроизвольная. Произвольному дѣйствію предшествуетъ желаніе, въ которомъ сознается Я, настоящее положеніе, стремленіе. Въ непроизвольной дѣятельности человѣкъ находитъ себя совершившимъ или совершающимъ актъ, которому не предшествовало желаніе. Такъ же и волевое мышленіе можно раздѣлить на произвольное и непроизвольное. Въ мышленіи непроизвольномъ ряду психофизиологическихъ процессовъ, самосохраняемыхъ круговыми реакціями вниманія, не предшествуетъ желаніе. Въ мышленіи же произвольномъ возникаетъ въ сознаніи сначала желаніе: „я долженъ обсудить, обдумать то-то“.

Въ волевомъ мышленіи мы находимъ не только цѣпи, но цѣпи цѣпей круговыхъ реакцій вниманія: обсужденіе какого-либо вопроса состоитъ изъ обсужденій нѣсколькихъ частныхъ вопросовъ.

Въ нашей дѣятельности часто встрѣчаются волевые стимулы, для осуществленія которыхъ комплексы круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности чередуются съ комплексами круговыхъ реакцій волевого мышленія. Человѣкъ среди работы становится въ тупикъ; подымается вопросъ: „что дальше дѣлать?“. Рядъ соображеній приводитъ дѣло въ ясность; появляется волевой стимулъ „нужно дѣлать то-то“. По окончаніи всѣхъ круговыхъ реакцій этого волевого стимула возникаетъ вопросъ: „а теперь какъ поступать?“ Этотъ вопросъ — волевой стимулъ; начинается комплексъ круговыхъ реакцій волевого мышленія. Сколько, напримѣръ, комплексовъ круговыхъ реакцій волевого мышленія и волевой внѣшней дѣятельности потребуется для осуществленія волевого стимула „написать книгу по такому-то вопросу!“.

Мы различаемъ желанія, какъ цѣли и средства. Всякое желаніе, сознаваемое безотносительно къ другому, — цѣль. Когда же оно сознается въ такомъ отношеніи къ другому желанію, что его эффектъ является условіемъ выполненія этого втораго желанія, тогда оно — средство; одно и то же желаніе иногда сознается какъ цѣль, иногда какъ средство.

Волевой стимулъ сознается то какъ желаніе, то какъ чистый

волевой стимулъ. Мы знаемъ, что желаніе—чистый волевой стимулъ plus нѣчто лишнее, то есть сознаніе того, что крѣпко ассоціровано съ волевымъ стимуломъ, напримѣръ, Я. Лишнимъ я называю это потому, что чистый волевой стимулъ—сознаніе эффектовъ его мышечной дѣятельности—можетъ вызвать эту мышечную дѣятельность и безъ подобной прибавки. Мы видѣли во 2-ой главѣ что психофизиологическій процессъ, въ которомъ сознаются эффекты какого-либо дѣйствія, вызываетъ это дѣйствіе безъ всякихъ вспомогательныхъ психофизиологическихъ процессовъ. Итакъ, чѣмъ обусловлено присоединеніе этого лишняго къ волевому стимулу?

Мы легко заимѣчаемъ слѣдующее взаимоотношеніе явленій. Волевой стимулъ рѣдко выполняемаго акта сознается въ видѣ полнаго желанія. Чѣмъ чаще выполняется актъ, тѣмъ волевой стимулъ его сознается въ видѣ желанія болѣе и болѣе отрывочнаго; это значитъ—все меньше и меньше лишняго присоединяется къ сознанію эффектовъ дѣйствія. Когда же актъ совершается очень часто, волевой стимулъ его сознается какъ чистый волевой стимулъ.

Это взаимоотношеніе явленій можетъ быть объяснено такъ. Чѣмъ чаще выполняется какой либо актъ, тѣмъ „проходимѣе“ становятся пути отъ чистаго волевого стимула этого дѣйствія къ соотвѣстственнымъ двигательнымъ центрамъ; а также и сами центры этого чистаго волевого стимула, то есть психофизиологическаго процесса, въ которомъ сознаются эффекты дѣйствія,—и сами эти центры дѣлаются „проходимѣе“ въ томъ же именно направленіи, то есть въ направленіи къ ассоціационнымъ волокнамъ, связывающимъ ихъ съ соотвѣстственными двигательными центрами. Но чѣмъ проходимѣе будетъ этотъ прямой путь, тѣмъ больше притекающихъ въ эти центры возбужденій направится именно по немъ, и тѣмъ меньше импульсовъ разольется по направленію къ другимъ чувствительнымъ центрамъ, тѣсно ассоцірованнымъ съ центрами чистаго волевого стимула. Психическій же коррелятъ дезинтеграціи этихъ другихъ чувствительныхъ центровъ и есть сознаніе того лишняго, которое присоединяется къ сознанію эффектовъ акта. Чѣмъ меньше возбужденій отъ центровъ чистаго волевого стимула пойдетъ къ этимъ чувствительнымъ центрамъ, тѣмъ въ меньшемъ числѣ послѣднихъ возникнетъ дезинтеграція, и тѣмъ меньше лишняго будетъ сознаваться вмѣстѣ съ эффектами дѣйствія. Когда же прямой путь въ центрахъ чистаго волевого стимула отъ частоты повтореній акта станетъ очень проходимъ, тогда всѣ возбужденія, попадающія въ эти центры, пойдутъ этимъ путемъ, и никакая часть ихъ не направится къ другимъ чувствительнымъ центрамъ. Волевой стимулъ будетъ сознаваться не въ видѣ желанія, а въ видѣ чистаго волевого стимула.

Я уже указывалъ во 2-ой главѣ, что всякій волевой стимулъ—вторичный фактъ. Движенія должны совершаться прежде, чѣмъ психофизиологическіе процессы, въ которыхъ сознаются ихъ эффекты, станутъ волевыми стимулами. Такъ какъ желаніе—волевой стимулъ plus сознаніе того, что тѣснѣе всего съ нимъ ассоциировано, то слѣдовательно желанія—вторичные факты. Но какъ это понимать? Мы часто желаемъ того, чего еще не испытали. Человѣкъ, никогда не ѣздившій раньше за границу, желаетъ теперь туда ѣхать. Неужели и здѣсь волевой стимулъ вторичный фактъ? И здѣсь желаніе—вторичный фактъ, только это нужно понимать слѣдующимъ образомъ. Желать ѣхать за границу, значитъ желать совершить цѣлые ряды комплексовъ круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности и волевого мышленія для достиженія опредѣленныхъ эффектовъ. Эффектовъ этихъ человѣкъ не испыталъ въ ихъ полномъ объемѣ, но отдѣльныя части ихъ или даже части частей ихъ онъ испыталъ въ своемъ прошломъ. Человѣкъ, не бывшій, на примѣръ, въ Италіи, не видалъ ея картинныхъ галлерей, ея замѣчательныхъ зданій, не наслаждался ея чудной природой; но картины вообще, хотя бы и небольшихъ мастеровъ, онъ видѣлъ и получалъ отъ нихъ удовольствіе; хотя какое-нибудь историческое зданіе онъ посѣщалъ и помнитъ, какъ себя чувствовалъ при этомъ; солнечный свѣтъ, теплые дни онъ любитъ. За границу человѣкъ не ѣздивъ, но отдѣльныя дѣйствія, изъ которыхъ состоитъ это путешествіе, онъ совершалъ неоднократно. Онъ ѣздивъ по желѣзной дорогѣ, на пароходѣ, ночевалъ въ гостиницахъ и проч. Если бы даже этого онъ не дѣлалъ, такъ навѣрное онъ совершалъ движенія, изъ которыхъ состоятъ эти акты. На примѣръ, ѣхать по желѣзной дорогѣ значитъ пойти въ вокзалъ, спросить билетъ, заплатить за него деньги, войти въ вагонъ, сѣсть. Если человѣкъ не входилъ никогда въ вокзалъ, то входилъ въ какое-нибудь зданіе; если не покупалъ железнодорожнаго билета, то покупалъ что нибудь. Однимъ словомъ, какъ бы ново для человѣка ни было цѣлое весьма сложное дѣйствіе, оно всегда можетъ быть разложено на отдѣльные акты, имъ не разъ совершенные. Путешествіе за границу потребуетъ и волевого мышленія. И здѣсь—то же: человѣкъ не обдумывалъ этого частнаго вопроса, но какіе либо вопросы онъ обдумывалъ; фиксированный круговой реакціей вниманія вопросъ вызоветъ черезъ ассоціацію слѣдующій психическій процессъ, а этотъ такимъ же образомъ—дальнѣйшій; въ концѣ концовъ получится соображеніе, болѣе или менѣе идущее къ дѣлу. Но для полученія сложныхъ эффектовъ путешествія за границу всѣ эти отдѣльныя дѣйствія, всѣ акты волевого мышленія должны быть совершены въ извѣстномъ порядкѣ. Откуда возьмется этотъ порядокъ? Онъ—результатъ того, что цѣлыя массы сужденій, представленій, имѣющихся въ сознаніи субъекта, будутъ соединены между

собою ассоціаціонными связями мысли. Процессы мысли — не тема настоящей статьи; скажу только, что и они совершаются по общим законамъ ассоціаціи. Мы видѣли, что мысль участвуетъ въ созиданіи самыхъ простыхъ цѣпей круговыхъ реакцій; еще болѣе она участвуетъ въ созиданіи громадныхъ комплексовъ круговыхъ реакцій волевого мышленія и волевой внѣшней дѣятельности. Получается какъ бы нѣчто новое, желаніе не испытаннаго. Но мы должны помнить, что абсолютно новыхъ желаній мы не имѣемъ: всегда найдутся части, уже испытанныя раньше, — онѣ-то и дѣлаютъ все новое цѣлое волевымъ стимуломъ.

Я уже указалъ во 2-ой главѣ, что и удаленіе чего либо изъ сознанія совершается также помощью волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій. Разсмотримъ теперь дѣло подробнѣе. Человѣкъ голоденъ; въ его сознаніи имѣются особые ощущенія — голода. Въ тоже время у него возникаетъ волевой стимулъ — ѣсть. Совершается комплексъ круговыхъ реакцій — человѣкъ ѣсть; въ числѣ результатовъ этого комплекса — косвенный: удаленіе изъ сознанія ощущеній голода. Всякій знаетъ по опыту, что какъ только возникаютъ ощущенія голода, всплываетъ и желаніе ѣсть. Неужели это постоянное при ощущеніяхъ голода возникновеніе волевого стимула — ѣсть случайно? Человѣкъ сознаетъ особые ощущенія — жажды. Въ тоже время у него возникаетъ волевой стимулъ — пить. Субъектъ пьетъ; выполняется комплексъ круговыхъ реакцій; косвенный результатъ ихъ — устраненіе изъ сознанія ощущеній жажды. Неужели случайно при этихъ ощущеніяхъ всегда возникаетъ волевой стимулъ — пить. Точно также, озябнувъ, человѣкъ сознаетъ волевой стимулъ — согрѣться; уставъ, — отдохнуть и проч. Можно ли утверждать, что при всѣхъ подобныхъ ощущеніяхъ каждый разъ случайно возникаетъ волевой стимулъ совершить актъ, устраняющій ихъ изъ сознанія. Такое предположеніе было бы нелѣпо. Мы должны допустить, что именно эти процессы, удаляемые опредѣленнымъ актомъ, сами и вызываютъ волевой стимулъ его.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы прямо замѣчаемъ психофизиологическій процессъ, который вызываетъ волевой стимулъ совершить удаляющій актъ. Отъ этихъ случаевъ мы должны отличать такіе, когда мы подобнаго процесса указать не можемъ. Человѣкъ сидитъ за работой; вдругъ онъ вспоминаетъ, что сегодня идетъ въ театрѣ опера, которую онъ очень любитъ. Онъ бросаетъ работу и отправляется въ театръ. Здѣсь мы не можемъ прямо сказать, что занятіе даннымъ дѣломъ вызвало желаніе ѣхать въ театръ. Оно, это состояніе человѣка, сидящаго за опредѣленнымъ дѣломъ, отправленіемъ въ театръ устранено; но не оно вызвало это отправленіе. Поѣздка въ театръ вызвана тѣмъ, что во время работы человѣкъ вспомнилъ, какая идетъ сегодня опера, представленіе же звуковъ этой оперы оказалось волевымъ стимуломъ,

стремящимся самоусилиться помощью комплекса круговых реакций. Каждая круговая реакция, каждый комплекс их удаляет что либо из сознания, но мы не всякий раз можем сказать, что именно это удаленное и вызвало само волевой стимул совершить акт.

Когда же какой либо психофизиологический процесс, возникнув в сознании, сейчас же через ассоциацию вызывает волевой стимул такого акта, который удаляет этот процесс из сознания,—подобное явление мы можем назвать самоудалением психофизиологического процесса. Итак, путь, которым удаляется из сознания какой либо психофизиологический процесс, весьма прост; слѣдует только выяснить, откуда берется такая ассоциативная связь между удаляемым процессом и волевым стимулом удаляющего акта. Мы легко замѣчаем, что громадное большинство самоуудаляющихся ощущений сопутствует таким состояниям организма, которые вредны для его существования. Дѣйствительно, вредно голодать, вредно терпѣть жажду, холодъ, вредно утомляться и проч. Акты, устраняющіе изъ сознания эти ощущения, устраняютъ и вредныя состоянія организма, поэтому они полезны для него. Это даетъ намъ намекъ, указывающій, что развитіе такой ассоциативной связи между удаляемым психофизиологическим процессомъ и волевым стимуломъ удаляющего акта совершается биологически. Дѣло идетъ такъ. Определенный психическій процесс возникъ въ сознании; въ это время по какимъ либо причинамъ выполняется такой актъ, который устраняетъ изъ сознания этотъ процессъ. Такой результатъ не имѣлся въ виду при исполненіи удаляющего дѣйствія—это результатъ побочный, косвенный. Но онъ оказывается благоприятнымъ: въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ тѣ организмы, которые, когда въ ихъ сознании имѣется этотъ определенный психическій процессъ, совершаютъ по какимъ либо причинамъ актъ, его устраняющій. При частомъ совпаденіи возникновенія въ сознании этого определенного психического процесса и выполненія удаляющего его дѣйствія, между центрами этого процесса и центрами волевого стимула устраняющего акта образуется крѣпкая ассоциативная связь. Чѣмъ чаще повторяется такое совпаденіе, тѣмъ болѣе крѣпнеть эта связь. Пути между центрами волевого стимула удаляющего акта и центрами психического процесса, устраняемого этимъ актомъ, становятся все проходимѣе. Когда же ассоциативная связь между центрами обоихъ процессовъ установилась, этотъ определенный психическій процессъ, многократно раньше удаляемый извѣстнымъ дѣйствіемъ, возникнувъ въ сознании, будетъ самъ вызывать волевой стимулъ этого дѣйствія: теперь уже не требуются тѣ условія, которыя прежде были факторами появленія этого волевого стимула въ сознании.

На основаніи выше сказаннаго насчетъ мысли и воли читатель легко пойметъ, что ассоціонная связь между удаляемымъ психофизиологическимъ процессомъ и волевымъ стимуломъ удаляющаго акта—ассоціонная связь мысли. Слѣдовательно, самоудаленіе какого либо психофизиологическаго процесса состоитъ изъ факта мысли и факта воли: когда психофизиологическій процессъ вызываетъ черезъ ассоціацію волевой стимулъ удаляющаго акта, это явленіе—мысль; когда же данный волевой стимулъ вызываетъ надлежащую мышечную дѣятельность, это явленіе—воля.

Надѣюсь, читатель согласится, что вся наша внѣшняя волевая дѣятельность и все наше волевое мышленіе безо всякихъ натяжекъ могутъ быть поняты какъ ассоціаціонныя соединенія волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій.

V. Столкновеніе и борьба волевыхъ стимуловъ.

Теперь мы должны заняться изученіемъ интересныхъ явленій столкновенія волевыхъ стимуловъ. Столкновеніе является тогда, когда два противодѣйствующихъ волевыхъ стимула имѣются одновременно въ сознаніи. Противодѣйствующими же я называю такіе волевые стимулы, круговыя реакціи которыхъ не могутъ быть одновременно выполнены вслѣдствіе антагонизма мускуловъ. Напримеръ, я не могу въ одинъ и тотъ же моментъ времени шагнуть направо и шагнуть налево; не могу въ одно и то же время закинуть голову назадъ и опустить ее на грудь. При столкновеніи могутъ быть разные случаи. Или вновь возникающій волевой стимулъ моментально прерываетъ мышечную дѣятельность другого и начинаетъ свою; или между ними начинается борьба. Борются всегда только два желанія. Когда же у человѣка имѣются три—четыре желанія, борьба ведется поочередно. Два желанія боролись, побѣдившее вступаетъ въ состязаніе съ третьимъ; преодолившее теперь противодѣйствуетъ четвертому. Каждый изъ борющихся волевыхъ стимуловъ посылаетъ возбужденія въ соотвѣтствующіе двигательные центры. Если онъ долженъ выполниться одною круговою реакціей, то возбуждаетъ двигательные центры мускуловъ этой круговой реакціи; если же онъ долженъ осуществиться цѣпью или цѣпью цѣпей круговыхъ реакцій, то посылаетъ импульсы къ двигательнымъ центрамъ мускуловъ первой круговой реакціи комплекса. Но такъ какъ круговыя реакціи обоихъ борющихся волевыхъ стимуловъ не могутъ быть совершаемы одновременно вслѣдствіе антагонизма мускуловъ, то происходитъ слѣдующее: или круговыя реакціи одного выполняются, а другой, посылая импульсы въ соотвѣтствующіе двигательные центры, не достигаетъ полнаго осуществленія своей мышечной дѣятель-

ности, а производить только болѣе или менѣе сильное напряженіе мускуловъ; или ни одинъ изъ борющихся волевыхъ стимуловъ не совершаетъ вполнѣ своихъ круговыхъ реакцій и, посылая импульсы въ двигательные центры, каждый производитъ только мышечное напряженіе. Въ первомъ случаѣ или волевой стимулъ, производящій только мышечное напряженіе, перерветъ круговыя реакціи соперника и начнетъ свои, или будетъ вытѣсненъ имъ изъ сознанія. Во второмъ случаѣ или одинъ изъ борющихся волевыхъ стимуловъ вытѣснитъ изъ сознанія другой и осуществится, или ни который изъ нихъ не одолѣетъ другого, и оба исчезнутъ изъ сознанія. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы должны теперь разобраться.

Возьмемъ примѣръ такого случая, когда одинъ волевой стимулъ не производитъ полной своей мышечной дѣятельности, а даетъ результатомъ только мышечное напряженіе. Человѣкъ—въ сильномъ гнѣвѣ: онъ сейчасъ услышалъ слова, глубоко его оскорбившія. Въ немъ возникаетъ волевой стимулъ—ударить обидчика по лицу; но онъ хочетъ сдержаться. Въ его сознаніи борются два волевыхъ стимула—„ударить“ и „удержаться“. Первый стимулъ побуждаетъ его выполнить опредѣленный комплексъ дѣйствій: подойти къ обидчику, размахнуться, ударить; второй побуждаетъ его хранить то положеніе рукъ и ногъ, въ какомъ онъ теперь находится, то есть продолжать выполняющіяся уже круговыя реакціи. Въ его сознаніи быстро пробѣгаютъ мотивы: „какъ онъ меня оскорбилъ!..“ „удержись—потомъ будешь раскаяваться!..“ „стерпѣть это—позорно!..“ „опомнись! онъ самъ въ заблужденіи!..“ При этомъ человѣкъ замѣчаетъ, какъ ему трудно удерживать руку въ прежнемъ положеніи: [она стремится къ размаху; онъ замѣчаетъ, что едва сдерживаетъ свои ноги, готовые понести его къ обидчику.

При мысли „опомнись! онъ самъ въ заблужденіи!..“ порывъ ярости начинаетъ утихать: волевой стимулъ „ударить“ исчезъ изъ сознанія, побѣжденный противодѣйствующимъ — „удержаться“. Этотъ моментъ, когда въ сознаніи остается одинъ изъ борющихся волевыхъ стимуловъ, а другого уже нѣтъ, есть тотъ моментъ, который обыкновенно называется рѣшеніемъ. Имъ оканчивается предыдущее состояніе, называемое обыкновенно борьбой мотивовъ, обдумываніемъ, нерѣшительностью.

Въ нашемъ примѣрѣ есть небольшое осложненіе: сильная эмоція—гнѣвъ; но случаи энергичной и быстро протекающей борьбы волевыхъ стимуловъ обыкновенно сопровождаются болѣе или менѣе сильной эмоціей какого-либо рода. Это осложненіе не помѣшаетъ намъ выяснять все, касающееся столкновенія волевыхъ стимуловъ.

Борьбу мотивовъ, которая именуется также состояніемъ нерѣшительности, обдумываніемъ, я называю борьбой волевыхъ стиму-

ловъ. Основная черта ея состоитъ въ томъ, что нѣтъ ни одного мгновенія ея, въ которое одинъ волевой стимулъ сознавался бы, а другой—нѣтъ. Въ этотъ періодъ въ сознаниіи являются психическіе процессы, поддерживающіе то или другое желаніе, называемые мотивами. Они могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: мотивы за одно желаніе и мотивы за другое. Съ логической стороны они могутъ быть основательными или нелѣпыми. Борьба волевыхъ стимуловъ оканчивается рѣшеніемъ. Но для рѣшенія не обязательны разумные, логичные мотивы; оно часто вытекаетъ изъ мотивовъ нелѣпыхъ. Во время борьбы волевыхъ стимуловъ дѣло идетъ такъ: въ нѣкоторые моменты одно желаніе со своими мотивами сознается ясно, другое же пребываетъ въ области неяснаго сознанія; въ другіе же моменты происходитъ обратное: второе желаніе со своими мотивами сознается ясно, первое весьма не ясно. Не слѣдуетъ думать, что въ каждый моментъ яснаго сознанія вмѣстѣ съ желаніемъ сознаются всѣ мотивы, его поддерживающіе; нѣтъ, обыкновенно желаніе сопровождается въ моменты яснаго сознанія то одними изъ своихъ мотивовъ, то другими; часто сопровождается какимъ-либо однимъ мотивомъ. Не ясно сознаваемое желаніе—очень отрывочно; нерѣдко оно бываетъ едва доступно самонаблюденію и тогда является уже не какъ желаніе, а какъ чистый волевой стимулъ. Иногда кажется, будто все сознаніе наполнено только однимъ желаніемъ и его мотивами, а другого нѣтъ. Почему же тогда это желаніе не приходитъ въ исполненіе? Чувствуется какая-то задержка, сознается какое то „но“. Вотъ подъ этимъ-то „но“ и скрывается едва сознаваемый, едва доступный самонаблюденію второй волевой стимулъ. Въ нашемъ примѣрѣ—два волевыхъ стимула: „ударить“ и „удержаться“; второй выполняетъ свои круговыя реакціи—держитъ мышцы рукъ и ногъ въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся; первый не можетъ перервать этихъ круговыхъ реакцій и потому не осуществляется; но онъ посылаетъ импульсы въ надлежащіе двигательные центры, а отсюда—въ соотвѣтственные мускулы: послѣдніе находятся въ напряженіи—человѣку трудно удерживать свои руки отъ удара, свои ноги отъ шаговъ къ обидчику.

Чѣмъ обуславливается появленіе мотивовъ? Иногда они возникаютъ въ слѣдствіе впечатлѣній извнѣ, полученныхъ во время борьбы волевыхъ стимуловъ; но больше значенія въ этомъ дѣлѣ имѣютъ эмоціи и сами волевые стимулы. Извѣстно, что эмоціи оказываютъ большое вліяніе на ассоціаціонные процессы мысли; эмоциональное же возбужденіе существуетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ борьбы волевыхъ стимуловъ. Сами же волевые стимулы играютъ роль своими побочными возбужденіями.

Во время борьбы волевыхъ стимуловъ люди испытываютъ чувство усилія. Оно состоитъ во 1) изъ ощущеній мышечнаго

напряжения, производимаго волевыми стимулами, которые не могут выполнить своихъ круговыхъ реакцій, и во 2) изъ ощущений, получающихся отъ мускульныхъ сокращеній эмоциональнаго происхожденія. Въ нашемъ примѣрѣ ощущенія мускульнаго напряженія отъ невыполненныхъ круговыхъ реакцій очень рельефны: человѣкъ едва сдерживаетъ свои руки и ноги. Но такъ бываетъ далеко не всегда; часто эти ощущенія не столь интенсивны и весьма неопредѣленны. Подъ мускульными же сокращеніями эмоциональнаго происхожденія слѣдуетъ понимать не только тѣ, которыя являются при сильныхъ эмоціяхъ, а также и тѣ которыя совершаются при слабomъ и неопредѣленномъ эмоциональномъ возбужденіи, сопровождающемъ даже сравнительно спокойное обдумываніе—люди хмурятъ брови, сжимаютъ губы и челюсти, у нѣкоторыхъ сокращаются мышцы гортани и мягкаго неба.

Борьба волевыхъ стимуловъ продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ сопровождается въ сознаніи другимъ. Но вотъ наступаетъ такой моментъ, когда въ сознаніи остается только одинъ изъ противоборствующихъ волевыхъ стимуловъ съ какими-нибудь изъ своихъ мотивовъ; этотъ моментъ и есть то, что называется рѣшеніемъ. Другого волевого стимула теперь нѣтъ, и побѣдившій можетъ начать свои круговыя реакціи. Въ нашемъ примѣрѣ рѣшеніе совпадаетъ съ мыслью „опомнись! онъ самъ въ заблужденіи“...

Читатель видитъ, что какъ въ періодъ борьбы волевыхъ стимуловъ, такъ и въ моментъ рѣшенія съ процессами воли тѣсно соединены процессы мысли и чувства (эмоціи). Въ четвертой главѣ мы видѣли, какъ велико значеніе мысли при образованіи комплексовъ волевыхъ стимуловъ; теперь мы видимъ, какую громадную роль въ борьбѣ мотивовъ и въ рѣшеніи играютъ процессы мысли и чувства; безъ преувеличенія можно сказать, что они преобладаютъ надъ процессами воли. Волевая сторона состоитъ только въ томъ, что въ сознаніи находятся волевые стимулы: во время борьбы—оба одновременно и противоdѣйствуютъ другъ другу; въ моментъ рѣшенія—одинъ побѣдившій, и онъ начинаетъ свои круговыя реакціи.

Въ моментъ рѣшенія, чувство усилія исчезаетъ, и понятно—почему: мышечнаго напряженія отъ невыполненныхъ круговыхъ реакцій уже не имѣется, такъ какъ въ сознаніи теперь пребываетъ только одинъ изъ борющихся волевыхъ стимуловъ, эмоциональное же возбужденіе, сопровождавшее борьбу, затихаетъ.

Въ нашемъ примѣрѣ волевой стимулъ „ударить“ не осуществился, не могъ перервать текущихъ круговыхъ реакцій. Но dѣло могло пойти иначе, — на примѣръ, такъ: при мысли „опомнись! онъ самъ въ заблужденіи...“ волевой стимулъ „ударить“ могъ не выпасть изъ сознанія, а стать только едва сознаваемымъ и вызвать въ слѣдующій моментъ мотивъ въ родѣ „нѣтъ, онъ

всегда ко мнѣ такъ относился; я уже долго терпѣлъ!.."; при этомъ текущія круговыя реакціи могли быть прерваны, и чело-вѣкъ ударилъ бы своего обидчика.

Въ этомъ случаѣ моментъ „опомнись! онъ самъ въ заблужде-ніи!..“—не былъ бы рѣшеніемъ, а послѣднимъ моментомъ борьбы волевыхъ стимуловъ. Рѣшеніемъ былъ бы слѣдующій моментъ, но уже въ пользу волевого стимула „ударить“. Когда волевой стимулъ перерываетъ круговыя реакціи, онъ одинъ или со сво-ими мотивами овладѣваетъ всѣмъ полемъ сознанія — противодей-ствующій совершенно не сознается.

Мнѣ нѣтъ надобности много распространяться о физиологи-ческихъ коррелятахъ борьбы волевыхъ стимуловъ и рѣшенія. Въ каждый моментъ борьбы волевыхъ стимуловъ множество цен-тровъ мозговой коры подвергается дезинтеграціи; по безчислен-нымъ ассоціаціоннымъ волокнамъ пролетаютъ волны молекуляр-ныхъ измѣненій, перенося возбужденія изъ однихъ центровъ въ другіе; процессы дезинтеграціи протекаютъ при различныхъ усло-віяхъ, и взаимныя отношенія этихъ условій измѣняются каждое мгновеніе; сейчасъ въ этихъ центрахъ дезинтеграція обусловлена такъ, что сопровождается ясносознаваемымъ психическимъ кор-релятомъ, а черезъ мигъ она такова, что психическій коррелятъ ея едва-едва сознается; теперь въ другихъ центрахъ условія те-ченія дезинтеграціи благопріятствуютъ сопровожденію ея ясно-сознаваемымъ психическимъ коррелятомъ, но черезъ мгновеніе они рѣзко измѣняются; то захватываетъ дезинтеграція все новые и новые центры, то возвращается въ прежніе пункты. Одни изъ этихъ процессовъ соотносительны явленіямъ мысли, другіе—эмо-ціямъ, третьи — волевымъ стимуламъ; эти послѣдніе непрерывно шлютъ импульсы въ соотвѣтствующіе двигательные центры. Весь этотъ ураганъ измѣненій, несомнѣнно, движется по неизбѣжнымъ законамъ механики молекулярныхъ процессовъ, въ которой мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Но какъ бы ни колебались взаим-ныя отношенія условій теченія молекулярныхъ процессовъ, одинъ фактъ остается постояннымъ во все время борьбы волевыхъ сти-муловъ: ни на одно мгновеніе разница условій теченія процес-совъ дезинтеграціи волевыхъ стимуловъ не доходитъ до такой степени, чтобы въ то время, какъ психическій коррелятъ одного находится въ области яснаго сознанія, другой совсѣмъ не сопровождался психическимъ коррелятомъ. До тѣхъ поръ, пока такая разница не появится, все будетъ продолжаться борьба во-левыхъ стимуловъ. Но, наконецъ, наступаетъ моментъ, когда де-зинтеграція центровъ одного изъ противодействующихъ воле-выхъ стимуловъ протекаетъ при такихъ условіяхъ, что психиче-скій коррелятъ ея ясно сознается, а дезинтеграція центровъ дру-гого обусловлена такъ, что не имѣетъ психического коррелята. Этотъ моментъ—рѣшеніе. Всѣ процессы дезинтеграціи, которые

въ это мгновеніе по условіямъ своего теченія могутъ сопровождаться психическими коррелятами, соотносительны побѣдившему волевому стимулу и сознаваемымъ вмѣстѣ съ нимъ мотивамъ. Взаимоотношеніе условій теченія процессовъ дезинтеграціи въ этотъ моментъ является результатомъ взаимодействія силъ молекулярныхъ процессовъ въ теченіе борьбы волевыхъ стимуловъ.

Возьмемъ теперь примѣръ такого случая, когда ни одинъ изъ борющихся волевыхъ стимуловъ не выполняетъ во время столкновенія своихъ круговыхъ реакцій, а оба, посылая импульсы въ соответственные двигательные центры, производятъ только напряженія мышцъ. Человѣкъ собирался сѣсть за письменный столъ, чтобы кончить нужную работу, какъ вдругъ получаетъ письмо отъ г. А, который проситъ придти къ нему въ гости. Въ умѣ субъекта, по прочтеніи письма, такъ бѣгутъ мысли: „тамъ будетъ весело, слѣдуетъ идти... но какъ же работа, какъ съ ней быть?... завтра я не могу ее кончить, я завтра долженъ быть у С... Развѣ не идти завтра къ С?... но это невозможно: онъ послѣ-завтра уѣзжаетъ... Нѣтъ, завтра заниматься этимъ нельзя, нужно приниматься за дѣло... а какъ давно я не былъ у А?... у него, навѣрное, опять будутъ пѣть... у него всегда хорошо поютъ... Но если я сегодня не сдѣлаю, работа отложится на долго... не знаю, когда и кончу... а я обѣщалъ ее окончить двѣ недѣли тому назадъ!.. Это позоръ!.. Нѣтъ, работу отложить нельзя, нужно остаться!..“ Во время теченія этихъ мыслей субъектъ чувствуетъ какое-то напряженіе, хмуритъ брови, морщитъ и третъ лобъ. Наконецъ, послѣ словъ „нужно остаться!..“ садится къ письменному столу и принимается за дѣло.

Передъ полученіемъ письма въ сознаніи субъекта было желаніе „кончить сегодня работу“. Это желаніе—волевой стимулъ комплекса цѣпей круговыхъ реакцій внѣшней дѣятельности и волевого мышленія. Внѣшняя дѣятельность—писанье, перебирание бумагъ, отыскиванье книгъ и проч.; волевое мышленіе—обсужденіе матеріала, трактуемаго въ работѣ. Помощью всего этого комплекса круговыхъ реакцій волевой стимулъ — желаніе долженъ былъ осуществиться. Но вотъ получено письмо. Послѣ чтенія его, въ сознаніи субъекта возникаетъ другое желаніе „идти сегодня въ гости...“ Это желаніе такъ же волевой стимулъ цѣлаго комплекса цѣпей круговыхъ реакцій: онъ тоже стремится къ осуществленію. Эти два желанія противоборствуютъ другъ другу: нельзя одновременно идти въ гости и заниматься работой. Поэтому одно желаніе должно уступить другому. Но сразу одно другому не уступило, и между ними началась борьба.

Моментъ мысли „нѣтъ, работу отложить нельзя, нужно остаться!..“—моментъ этой мысли—рѣшеніе. Весь же будущій періодъ, начиная съ полученія письма—борьба волевыхъ стимуловъ. Но здѣсь въ теченіе этой борьбы оба волевые стимула-сопер-

ника не находятся все время въ сознаниі: они являются только по временамъ, но обязательно вмѣстѣ. Если бы явился въ сознание только одинъ, а другой не сознавался бы,—это было бы рѣшеніе. Они являются въ сознание два раза: во время мысли „тамъ будетъ весело, слѣдуетъ идти...“ и во время мысли „нѣтъ, завтра заниматься этимъ нельзя, нужно приниматься за дѣло“. Въ первой мысли ясно сознается желаніе „идти“ и мотивъ „тамъ будетъ весело“, во второй мысли ясно сознается желаніе „приниматься за дѣло“ и мотивъ „завтра заниматься этимъ нельзя“. Почему субъектъ въ моментъ первой мысли не пошелъ одѣваться идти въ гости, а въ моментъ второй не сѣлъ къ письменному столу? Потому, что въ эти мгновенія, когда онъ ясно сознавалъ желанія съ мотивами, въ области неяснаго сознания у него было какое-то „но“. Это „но“ было едва-едва сознаваемый волевой стимулъ, противоборствующій ясному желанію момента. Во время первой мысли это „но“ было—„работать“, во время второй—„идти“. Физиологическіе корреляты этихъ „но“ посылали импульсы въ соотвѣтствующіе двигательные центры, отсюда къ мышцамъ; эти послѣдніе находились въ напряженіи и своимъ антогонизмомъ воспрепятствовали ясно сознаваемымъ желаніямъ начать свои круговыя реакціи. Въ остальное время борьбы противодѣйствующіе волевые стимулы не являлись въ сознание, но черезъ ассоціацію вызывали различныя соображенія; эти послѣднія фиксировались въ сознаниі круговыми реакціями вниманія въ узкомъ смыслѣ, вызывали черезъ ассоціацію другія соображенія и привели къ рѣшенію.

Эта борьба представляетъ соединеніе настоящей борьбы—когда оба волевые стимула присутствуютъ въ сознаниі—и процессовъ волевого мышленія. Моменты настоящей борьбы подходятъ подъ описаніе, данное выше, съ той только разницей, что здѣсь ни одинъ изъ противоборствующихъ волевыхъ стимуловъ не выполняетъ своихъ круговыхъ реакцій, а оба производятъ только напряженіе мышцъ; но эта разница—не существенная. Процессы же волевого мышленія я описалъ въ 4-ой главѣ.

Во время этой борьбы тоже испытывается чувство усилія, зависящее больше всего отъ мышечныхъ сокращеній эмоціональнаго происхожденія; къ нимъ присоединяются и мышечныя напряженія отъ противоборствующихъ волевыхъ стимуловъ, когда эти послѣдніе появляются въ сознаниі.

Рѣшеніемъ будетъ тотъ моментъ, когда въ сознаниі появится только одинъ изъ противоборствующихъ волевыхъ стимуловъ, другой же не будетъ сознаваться.

Эта форма борьбы волевыхъ стимуловъ еще больше переполнена мыслью, чѣмъ вышеописанная. Это—обдумываніе по присутствію.

Такое обдумываніе можетъ продолжаться очень долго. Бы-

вають такія протнвоборствующія желанія, для которыхъ рѣшеніе можетъ получиться только черезъ дни обдумыванья, недѣли и даже мѣсяцы. Конечно, это не значитъ, что человекъ все время непрерывно занятъ только добываніемъ рѣшенія; это значитъ, что въ тѣ дни, когда въ его сознаніи возникаютъ протнвоборствующіе волевые стимулы, они возникаютъ вмѣстѣ и мѣшаютъ другъ другу осуществиться; они вызываютъ по ассоціаціи разныя соображенія, но много пройдетъ времени, прежде чѣмъ удастся ихъ раздѣлнть, прежде, чѣмъ установится въ сознаніи одинъ изъ нихъ безъ другого.

Во время такого обдумыванья могутъ выполняться круговыя реакціи, но только тѣ, которыя не служатъ къ осуществленію того или другого изъ волевыхъ стимуловъ соперниковъ. Такъ въ нашемъ примѣрѣ субъектъ, обдумывая, идти ли ему въ гости или садиться за работу, можетъ ходить по комнатамъ, курить папиросу, пить чай; всѣ эти круговыя реакціи совершаются полусознательно.

Бываютъ такіе случаи обдумыванія, при которыхъ никогда не получается рѣшенія: сколько бы разъ ни возникали у человека въ сознаніи протнвоборствующіе волевые стимулы, все они будутъ появляться вмѣстѣ, и не настанетъ часа ихъ раздѣленія. Слѣдовательно существуютъ волевые стимулы, которые никогда не выполнялись и не выполнятся, а всетаки они—волевые стимулы; возникли они въ сознаніи по отдѣльности, они совершили бы свои круговыя реакціи. Между фактомъ, что они ни разу не выполнялись, и тѣмъ, что волевые стимулы вообще—вторичныя явленія, результатъ прежде совершенныхъ дѣйствій,—нѣтъ противорѣчія: я уже говорилъ въ четвертой главѣ, какъ образуются желанія неиспытаннаго—въ ихъ составъ входятъ части, когда то испытанныя; эти части и есть дѣятельное начало желанія.

Рѣшенія, полученные отъ обдумыванія, не всегда выполняются тотчасъ. Въ насъ часто борются желанія, исполненіе которыхъ обусловлено какимъ-либо срокомъ. Напримѣръ, человекъ сегодня можетъ рѣшить, что ему слѣдуетъ черезъ три мѣсяца ѣхать за границу. Рѣшилъ онъ сейчасъ, но сейчасъ не поѣдетъ: желаніе, которое въ немъ боролось съ протнводѣйствующимъ и побѣдило, было „ѣхать за границу черезъ три мѣсяца“.

Мы часто обдумываемъ, дѣлать намъ извѣстный поступокъ или нѣтъ, то есть въ насъ борются два волевые стимула—желаніе опредѣленнаго акта и волевой стимулъ „не дѣлать“ его. Но что это за волевой стимулъ „не дѣлать“? Это общее названіе, но подъ нимъ скрывается каждый разъ какой-нибудь опредѣленный актъ—какой требуется по условіямъ момента. „Не дѣлать“—это значитъ дѣлать что либо другое; а что?—указываютъ обстоятельства случая. И въ вышеприведенныхъ примѣрахъ борьбу стимуловъ можно выразить, какъ борьбу между „дѣлать“ и „не

дѣлать“. „Удары!“—„Не дѣлай этого!“ борются въ обиженномъ. „Не дѣлай“ здѣсь значитъ „удержи руку отъ размаха, ноги отъ шаговъ къ обидчику“, и человѣкъ напрягаетъ свои мышцы, чтобы удержать руки и ноги въ томъ положеніи, въ какомъ онѣ находятся. „Иди въ гости!“—„Не дѣлай этого!“ борются въ приглашенномъ. Здѣсь „не дѣлай!“ значитъ „сидись за столъ и работай!“

Въ моментъ рѣшенія исчезаетъ то чувство усилія, которое мы испытываемъ во время борьбы. Этотъ фактъ можно просматрѣть въ тѣхъ случаяхъ, когда очень бурная борьба оканчивается рѣшеніемъ, моментально приводимымъ въ исполненіе; при недостаточно точномъ самонаблюденіи можетъ показаться, что и въ моментъ рѣшенія существуетъ чувство усилія.

Въ моментъ рѣшенія побѣжденное желаніе не сознается совсѣмъ. Но W. James полагаетъ, что бывають случаи трудныхъ рѣшеній, когда человѣкъ въ самый моментъ выбора сознаетъ то, отъ чего онъ отказывается, сознаетъ „какъ много онъ въ этотъ мигъ теряетъ“. Я думаю, что James впалъ въ ошибку, которую разъяснить не трудно. Во-первыхъ, что онъ понимаетъ подъ моментомъ рѣшенія? Рѣшеніе—тотъ моментъ, когда борьба желаній кончилась, но дѣйствія еще не начались. Я не могу допустить, чтобы въ этотъ моментъ человѣкъ сознавалъ „какъ много онъ въ этотъ мигъ теряетъ“. Въ этотъ моментъ передъ началомъ дѣйствій все сознаніе бываетъ наполнено желаніемъ—побѣдителемъ и его мотивами. Когда же дѣйствія, ведущія къ исполненію рѣшенія начались, человѣкъ дѣйствительно можетъ думать о томъ, „какъ много онъ въ этотъ мигъ теряетъ“. Дѣйствія—какія-либо движенія; они выполняются машинально, привычно, полусознательно и оставляють область яснаго сознанія свободной для постороннихъ мыслей. Если во время этихъ движеній человѣкъ сознаетъ, „какъ много онъ въ этотъ мигъ теряетъ“—то это не значитъ, что онъ сознаетъ это въ моментъ рѣшенія. Рѣшеніе уже кончено; сами выполняемыя дѣйствія весьма часто таковы, что отрѣзываютъ возможность вернуться вспять. Человѣкъ нерѣдко это именно и думаетъ; совершая дѣйствія, ведущія къ выполненію принятаго рѣшенія, онъ сознаетъ: „ну, теперь уже все кончено; теперь возврата нѣтъ!“

Во-вторыхъ, что James понимаетъ подъ сознаніемъ того, „какъ много онъ въ этотъ мигъ теряетъ“? Я думаю, что подъ этимъ выраженіемъ онъ подразумѣваетъ тѣ же психическіе процессы, которые я подразумѣваю подъ вышеприведеннымъ выраженіемъ „ну, теперь уже все кончено; теперь возврата нѣтъ!“ Я же имѣю въ виду такіе психическіе процессы, которые не считаю за желанія. Эти психическіе процессы—болѣе или менѣе ясныя, болѣе или менѣе полныя сужденія, въ которыхъ сознается противоположный путь дѣйствій, но сознается какъ невозможный, утраченный. Такіе психическіе процессы, въ которыхъ сознается

невозможность какоголибо акта—совсѣмъ не желанія и слѣдовательно не волевые стимулы.

Одни и тѣ же волевые стимулы часто борются въ одномъ и томъ же человѣкѣ. „Выпей“ и „удержись“ ведутъ жестоку войну въ душѣ пьяницы. Но замѣчательно то, что чѣмъ чаще борьба оканчивается опредѣленнымъ рѣшеніемъ, тѣмъ больше шансовъ, что и въ будущемъ она будетъ приходить къ такому же концу. Получается впечатлѣніе, будто психофизиологическіе процессы борьбы волевыхъ стимуловъ привыкаютъ протекать по буквально одинаковымъ путямъ и приводятъ къ одному и тому же результату. Но этого и слѣдуетъ ожидать. Факты изъ всѣхъ областей психологіи свидѣтельствуютъ намъ, какое громадное значеніе имѣетъ частота повтореній психофизиологическихъ процессовъ для „углубленія“ ихъ путей. А чѣмъ пути „глубже“, „проходимѣе“, тѣмъ болѣе шансовъ, что именно по нимъ направятся процессы и въ будущее время.

Часто при столкновеніи волевыхъ стимуловъ не бываетъ борьбы: какъ только оказались въ сознаніи два противодействующихъ волевыхъ стимула, моментально одинъ вытѣсняетъ другой. На такіе случаи мы можемъ смотрѣть, какъ на рѣшенія безъ борьбы мотивовъ. Что такое рѣшеніе? Такой моментъ, когда изъ двухъ противодействующихъ волевыхъ стимуловъ въ сознаніи остается одинъ; этимъ моментомъ оканчивается борьба волевыхъ стимуловъ, но такой моментъ можетъ наступить и сразу, какъ только встрѣтятся въ сознаніи два противодействующихъ волевыхъ стимула. Сразу появляется такое отношеніе между условіями теченія процессовъ дезинтеграціи волевыхъ стимуловъ, что въ то время какъ психическій коррелятъ одного волевого стимула находится въ области яснаго сознанія, другой не сопровождается психическимъ коррелятомъ. Замѣчательно, что такое отношеніе часто бываетъ результатомъ предварительнаго, такъ сказать, воспитанія въ этомъ направленіи: при тѣхъ столкновеніяхъ волевыхъ стимуловъ, при которыхъ теперь получается рѣшеніе сразу, безъ борьбы, прежде бывала борьба; все чаще и чаще побѣждалъ одинъ волевой стимулъ, и теперь онъ уже сразу вытѣсняетъ изъ сознанія своего противника. Въ предыдущей главѣ мы изучали комплексы волевыхъ стимуловъ и круговыхъ реакцій и видѣли, какъ въ этихъ комплексахъ какая-нибудь круговая реакція сразу прерывалась новой. Во множествѣ случаевъ это—результатъ такого „воспитанія“: когда комплексъ создавался, одна круговая реакція не замѣняла такъ быстро и неуклонно другой—были колебанія, была борьба.

Иногда волевому стимулу приходится бороться не съ противодействующимъ волевымъ стимуломъ, а съ движеніями эмоциональнаго характера. Такъ мы удерживаемся отъ стоновъ, отъ смѣха. Стоны вырываются у насъ не потому, что въ сознаніи

является волевой стимулъ „нужно стонать“. Слѣдуетъ, конечно, исключить случаи притворства: здѣсь, дѣйствительно, въ сознаниі возникаетъ волевой стимулъ „надо стонать“, и стоны являются актомъ произвольнымъ. Обыкновенно же стоны—эмоціональные движенія. Когда въ нашемъ сознаниі возникаетъ волевой стимулъ „удержаться отъ стоновъ“, онъ посылаетъ импульсы въ соотвѣтственные двигательные центры, и начинается работа мускуловъ, антагонистовъ тѣмъ мышцамъ, которыя сокращаются при стомахъ.

Когда одинъ изъ борющихся волевыхъ стимуловъ побѣждаетъ другой, это происходитъ потому, что побѣдившій оказался сильнѣе своего противника. Но что такое сила волевого стимула? Сила волевого стимула—энергія импульсовъ, посылаемыхъ имъ въ соотвѣтственные двигательные центры. Чѣмъ обусловлена величина этой энергіи? Двумя обстоятельствами: силой дезинтеграціи центровъ волевого стимула и „проходимостью путей“. Мы не знаемъ всѣхъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ сила дезинтеграціи центровъ; большую роль играетъ энергія притекающихъ возбужденій; но не малое значеніе принадлежитъ и другимъ факторамъ, напимѣръ, состоянію питанія центровъ въ данный моментъ. Но мы хорошо знаемъ, что другое обстоятельство, влияющее на энергію импульсовъ волевого стимула—„проходимость путей“ зависитъ отъ частоты повторенія процессовъ. Поэтому мы можемъ сказать, что чѣмъ чаще какой-либо волевой стимулъ осуществляется, тѣмъ онъ будетъ сильнѣе при равенствѣ прочихъ условій.

Это приводитъ насъ къ пониманію значенія борьбы волевыхъ стимуловъ. Она имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ еще не существуетъ рутины дѣятельности—„пути еще мало проходимы“. Процессы мысли и чувства всплываютъ въ сознаниі во время борьбы волевыхъ стимуловъ и указываютъ направленіе для нашей дѣятельности, являются созидателями ея будущихъ путей: лишній разъ склонилось рѣшеніе въ эту сторону,—лишній шансъ для того, чтобы и въ будущемъ дѣло шло такъ же. Каковы бы ни были процессы чувства и мысли, влияющіе на исходъ борьбы, они—результатъ нашего предыдущаго жизненнаго опыта. Черезъ эти процессы мысли и чувства нашъ прошлый опытъ создаетъ наше будущее поведеніе; черезъ нихъ мы приспособляемся къ окружающей насъ сложности явленій.

Читатель видитъ, что и факты борьбы мотивовъ и рѣшеній объясняются съ моей точки зрѣнія на волевые процессы, какъ на круговыя реакціи, безо всякихъ натяжекъ и дополнительныхъ предположеній.

Вотъ краткое изложеніе моего взгляда на волевые процессы. Этотъ взглядъ мой—только гипотеза; гипотеза—потому, что, хотя онъ и не вводитъ никакихъ новыхъ предположеній, а обобщаетъ явленія воли помощью фізіологическихъ свѣдѣній объ отправле-

ніяхъ нервной системы и принятыхъ въ психологіи воззрѣній на ассоціаціонныя связи, но въ этихъ свѣдѣніяхъ и воззрѣніяхъ масса пробѣловъ и неясностей. Онъ—схематиченъ, но инымъ и не можетъ быть при недостаточности данныхъ. Претендовать въ настоящее время на болѣе полное разъясненіе фактовъ воли—значило бы не понимать всей глубины и обширности задачи. Если мнѣ удалось разобратся въ изыоющемся матеріалѣ настолько, чтобы намѣтить путь для дальнѣйшихъ изслѣдованій,—моя гипотеза исполнила свое назначеніе. Наука идетъ впередъ; многое дополнится, многое исправится въ нашихъ свѣдѣніяхъ о нервныхъ процессахъ, достигнуто будетъ болѣе глубокое и болѣе тонкое пониманіе ассоціаціонныхъ соединеній, и тогда явится возможность полнѣе, яснѣе и точнѣе отвѣтить на вопросъ: что такое воля?

М. Колоколовъ.

* * *

Пускай погибшими мечтами
Полены прошедшіе года—
Веснѣ съ душистыми цвѣтами
Не измѣню я никогда!

И старость высохшей рукою
Мнѣ сердца злобой не сожметъ:
Я вспомню молодость весною —
И сердце снова запоетъ!..

И, въ часъ послѣдній засыпая,
Глаза усталые сомкну
И отойду, благословляя
Мою послѣднюю весну.

И все, что въ жизни мнѣ свѣтило
Горячимъ солнцемъ ясныхъ дней,
Все, чѣмъ жила и что любила,
Я унесу съ душой моей.

И гробъ весной мнѣ будетъ тѣсенъ,
И цѣпи смерти я порву...
И пѣсней, лучшею изъ пѣсенъ,
Цвѣткомъ весеннимъ оживу!

Г. Галина.

Деревенскія картины.

(Наброски съ натуры).

Осень, хотя еще ранняя, но холодная.

Небо въ тяжелыхъ, грязныхъ тучахъ, которыя быстро и грозно плывутъ съ сѣверо-запада и, кажется, не имѣютъ конца. Дожди льютъ по нѣскольку разъ въ день, неистово и неустанно. Дороги мѣстами превратились въ лужи, мѣстами въ болота и озера.

Лѣса стоятъ мокрые, понурые и, будто, думаютъ вѣковую, вынужденно-смиренную, но тяжелую думу. На выгонахъ, близъ деревень, травы нѣтъ, а одна склизъ. Коровъ на выгонахъ не видать. Бродятъ лишь промокшія отъ дождя, худыя и будто старыя лошади. Подъ ихъ атласной, вымокшей шерстью ясно обрисовываются ребра, точно обручи.

На выгонахъ пасутся еще неунывающія, сѣро-черныя отъ налипшей грязи {свины и стада глупо-внимательныхъ, гогочущихъ при малѣйшей перемѣнѣ въ окружающей обстановкѣ гусей.

Уныло. Грустно.

Хаты съ мохнатыми крышами стоятъ тихо, смиренно, согнувшись отъ старости, какъ нищія старухи. И внутри ихъ все раззорено, заброшено, грязно; ничего пощаженнаго, нетронутаго, кромѣ молчаливаго Бога въ красномъ углу...

Столѣтіями стоятъ такъ избы-старухи, на видъ все тѣ же, ни на йоту не измѣняясь; но въ дѣйствительности, одна жизнь смѣняетъ въ нихъ другую, и каждая надѣется на что-то иное, лучшее, чего-то страстно и нетерпѣливо ждать...

I.

Б а б а.

Вотъ баба-хозяйка. Годовъ ей не много и не мало: безъ малаго пять.

Ужъ большая, слава Тебѣ, Господи! Отецъ ея батракъ въ панской экономіи.

Панъ русскій, не старій еще и важный: у самого царя бываетъ. Батракъ получаетъ хорошее жалованье: шестьдесятъ рублей въ годъ. Ничего себѣ, жить можно. Мать „бабы“ служить подщицей въ экономіи за 20 к. въ день, но плату беретъ не деньгами, а мукой и крупой. „Ребятишкамъ, значитъ: а то деньги-то такъ уйдутъ“, говоритъ мать и, когда говорить это, лицо ея принимаетъ не то вопросительное, ждущее одобренія выраженіе, не то суровое, рѣшительное.

„Бабу“ зовутъ Аришей. Сдѣлалась она „бабой“ не такъ давно, — съ полгода назадъ, когда семилѣтняя сестренка заболѣла ранами на ногѣ.

„Кому-жъ другому быть?“ съ недоумѣніемъ и точно даже съ ожесточеніемъ, поднимая на лобъ брови, говоритъ Матрена, мать Ариши, когда разговоръ заходитъ о молодости „бабы“, и, дѣйствительно—другому быть некому.

Есть еще Лизавета, которая стонетъ и кричитъ часами отъ ранъ. Есть трехлѣтняя здоровенькая, голубоглазая, похожая на амура Малашка, и есть годовалый Ванька.

У Ваньки ноги—ниточки, совиный носикъ и широко разставленные совиные глазки. Онъ хлипкій какой-то, Богъ его знаетъ съ чего. Все еще не ходитъ. Вотъ Аришѣ и поручено все бабье хозяйское дѣло.

Она толитъ печь, варитъ щи, беретъ въ тонкія жалкія ручки ухватъ и, перегибаясь на спину, выставляя впередъ животъ, съ трудомъ, медленно и осторожно вытягиваетъ горшокъ съ варевомъ изъ печи. Она же, приступая и съменя худыми, сѣрыми отъ грязи ножками, приносить, часто отдыхая и расплескивая ведро, воду изъ колодца. Она нянчить, обмываетъ, кормитъ хлѣбомъ и кашей и утѣшаетъ брата, когда онъ плачетъ; ногой за веревку качаетъ его зыбку, чтобы онъ заснулъ. Она подметаетъ избу, чиститъ Ванькину зыбку, и она же гоняется за свиньями. Эти свиньи (грѣхъ отъ нихъ одинъ!) много отнимаютъ у нея здоровья... Такъ говоритъ мать ея, Матрена. Такъ говоритъ и сама Ариша, худенькая, черномазенькая пятилѣтняя баба, и пригорюнивается:

— Много за-годъ отняли у меня здоровья свиньи!

Уходя на работу, мать строго наказывает Аришѣ: „Въ сусѣдское поле свиней не пускать. Сусѣдь, коль увидить. разсердится и убьетъ те“, — говоритъ Матрена, понижая голосъ, и Ариша знаетъ по опыту, что значить крестьянское „убьетъ“, и боится этого слова. Цѣлый день зорко слѣдитъ она за свиньями, чтобы онѣ, „окояння“, гуляли бы по двору, по дорогѣ, ходили бы къ рѣкѣ, къ плотинѣ, „куда хошь“, но не къ „сусѣдямъ“.

Весь день только и заботится объ этомъ Аришка, и ея маленькую, босую, запачканную, въ разорванной рубашкѣ фигурку постоянно можно видѣть носящейся, не смотря ни на какую погоду, по двору. Волосы ея развѣваются по вѣтру, голыя пятки звонко шлепаютъ по грязи...

Иногда Ариша теряетъ всякое терпѣніе, не въ состояніи будучи поймать или загнать свиней, и, хватаясь за волосы, застываетъ въ позѣ отчаянія, при чемъ воздухъ оглашается горькимъ, безпомощнымъ дѣтскимъ воплемъ. Тягота жизни, благодаря свиньямъ, въ эти минуты особенно ярко представляется ей.

За то подъ вечеръ, когда свиньи нагулялись, и ихъ не только можно, но должно загнать въ хлѣвъ, Ариша, набѣгавшись за ними больше часа (иногда одна, а то и съ помощью полуголаго купидона Малашки) и заперевъ ихъ въ хлѣвъ, возвращается въ хату, сіяя улыбкой во все лицо. Худенькая грудь ея быстро поднимается и опускается: она запыхалась отъ быстрого бѣга и отъ усилій сдвинуть и захлопнуть тяжелую дверь хлѣва. Красныя голыя ручки ея растопыриваютъ всѣ пальцы, и она лаконически, но торжествующе объявляетъ сочувствующей ей и все понимающей сестрѣ Лизаветѣ: „Въ хлѣву!“

„Въ хлѣву!“ — означаетъ побѣду и одолѣніе, нравственное успокоеніе и физическій отдыхъ.

„Въ хлѣву!“ Какое блаженство!

Иногда Лизавета улыбнется въ отвѣтъ. Обыкновенно же она не въ силахъ улыбаться: очень ужъ ея раны одолѣли. Она, если не кричитъ, то сидитъ на лавкѣ у окна, а то на патлатыхъ, и глазами отдастъ приказанія сестрѣ, а то крикнетъ:

— Аришка, Ванька!

Или:

— Аришка,—свиньи!

И Аришка понимаетъ и бросается къ свиньямъ или къ Ванькѣ.

Ванька—ея вторая кручина. Съ нимъ постоянно что-нибудь случается. То онъ, завидя соломинку и желая достать ее, перегибается изъ зыбки, и Ариша ловить его на лету (а

иногда и подымаетъ съ „моста“, т. е. съ пола), послѣ чего онъ безконечно оретъ; то онъ грянуть зыбку, палаты или мость; то подползаетъ къ печи, изъ которой Аришка съ трудомъ вытягиваетъ горшокъ, и она чуть не ошпариваетъ его; то живущіе въ избѣ и нахально расхаживающіе по ней пѣтухъ и куры отнимаютъ у него только что отрѣзанный ему кусокъ ржаного хлѣба и чуть не выклевываютъ ему глаза, такъ какъ онъ, не выпуская хлѣба, поднимаетъ ручки ко лбу. То онъ набиваетъ ротъ щепками, давится и перхаегъ; то мучается зубками, скулить весь день и успокоивается на время, если ему дадутъ огурецъ. Послѣдній онъ сосетъ до тѣхъ поръ, пока сдѣлается холерина... Тогда Лизавета кричить:

— Аришка,—Ванька!—и Аришка бросается къ Ванькѣ, схватываетъ его, выноситъ на дворъ, сажаетъ на голую холодную землю (какая бы погода ни была), быстро сдираетъ съ него дырявую рубашонку и бѣжитъ на задъ мыть ее, оставляя Ваньку, въ видѣ Іова, сидящимъ на землѣ и вопиющимъ съ зажмуренными глазами, краснымъ сморщеннымъ лицомъ и широко открытымъ ртомъ.

Долго кричитъ такъ Іовъ-Ванька, пока не возвращается къ нему Аришка, приносить мокрую тряпку изъ избы и тутъ же начинаетъ обтирать братишку, приговаривая нѣжныя слова. Затѣмъ пятилѣтняя баба бѣжитъ снова въ хату, снимаетъ съ веревки у печки вторую Ванькину рубаху, надѣваетъ ее братишку и несетъ его въ домъ, гдѣ принимается чистить зыбку или палаты, и все грязное выноситъ на дворъ, прикрывая собственной юбченкой.

Разъ какъ-то свиньи съѣли весь Ванькинъ гардеробъ, который и безъ того былъ не ахти какъ великъ: вывѣсила Аришка двѣ его рубахи на дворъ сушиться, а вѣтеръ ихъ сдулъ; свиньи подбѣжали и изгрызли...

А рубашки были хорошія, крѣпкія, — изъ домашняго холста. Какъ голосила тогда Аришка! Не приведи, Боже!..

Долго пришлось Ванькѣ въ тотъ день, да еще и на слѣдующій, сидѣть безъ рубахи, и, сидя нагой, съ черепкомъ, какъ Іовъ (черепкомъ, онъ, впрочемъ, игралъ), онъ по-нялъ, что правъ его великій предшественникъ, сказавшій:

— Человѣкъ рождается на страданіе.

II.

С т о р о ж ь .

Послѣ нескончаемыхъ дождей погода установилась ясная, но свѣжая и вѣтреная. Небо то въ бѣлыхъ, то въ сѣрыхъ рыхлыхъ остаткахъ поблѣднѣвшей теперь тучи, и между ними—палекая красивая лазурь.

Солнце льетъ золотые лучи на поля, выгонъ, усадьбу, лѣсъ, споласкую по кособору вдали сѣрую деревушку—и все красить своимъ творческимъ прикосновеніемъ.

Когда сидишь въ комнатахъ, изъ окна кажется на дворѣ тепло, хорошо, какъ лѣтомъ. Такъ и хочется выйти.

Тянешь на воздухъ и пріѣзжихъ барынь, живущихъ уже съ недѣлю въ экономіи.

Хочется имъ сегодня пойти на Днѣпръ, версты за полторы отъ дома. Но только выходить—холодный пронзительный вѣтеръ тотчасъ же охватываетъ ихъ.

— Какой морозъ!..—воскликаетъ одна, помоложе.—Тебѣ, знаешь, нельзя въ такую погоду на рѣку. Вѣтрено. Ты походи по солнышку и домой. А я схожу.

Барыня постарше, совсѣмъ сѣдая, съ правильными чертами лица, медленными движеніями и усталой походкой, соглашается. Ей, при ея здоровьѣ, немислимо идти на Днѣпръ.

— Я пойду навѣстить Аришу,—говоритъ она.—А ты ступай на Днѣпръ, если хочешь. Только не простудись... Можетъ быть, лучше въ другой разъ?..—добавляетъ она вопросительно и мягко и не доканчиваетъ, зная, что спорить противъ разъ принятаго рѣшенія сестры хуже.

— Нѣтъ, мнѣ тепло. Отлично!—возражаетъ дама помоложе.—Я тебя проведу до Матрешиной избы.

И обѣ направляются къ избѣ батрака.

Купидонъ-Малашка, въ разорванной короткой рубашонкѣ, стоитъ на порогѣ хаты и, издали завидя барынь, улыбаясь, третъ одну грязную ножонку о другую, потомъ бросается къ нимъ на встрѣчу.

За недѣлю она привыкла къ барынямъ, перестала дичиться, любить ихъ каждодневныя посѣщенія, сладости, которыми онѣ надѣляютъ ее и сестеръ, любить ихъ ласковыя рѣчи и „духъ“ отъ ихъ платьевъ. Подбѣжавъ теперь, она прижимается губенками къ рукѣ одной барыни, погоститъ къ рукѣ другой, съ восторгомъ вдыхая запахъ духовъ.

— Ну, что Лиза? — спрашиваютъ ее дамы, ласково улыбаясь, и слегка отстраняются отъ ребенка.

Какъ имъ ни стыдно сознаться самимъ себѣ, онѣ чувствуютъ, что бояться картинно-прекрасныхъ волосъ красавца-купидона. Имъ живо вспоминаются видѣнныя не разъ за эту недѣлю сцены, когда Ариша, выкрикивая: „да какая большая!“ побѣдоносно шарила въ головѣ сестры или годовалаго братишки.. — „Искаться сами еще не умѣютъ!“ — псясняла она просто, съ улыбкой взрослой женщины.

Малашка, улыбаясь, лопочетъ что-то непонятое и ведетъ гостей въ избу. Но входить въ хату одна только барыня. Другая, въ сопровожденіи лакея, направляется къ Дибпру.

Малашка съ удивленнымъ вопросомъ смотритъ ей вслѣдъ.

— Она послѣ придетъ, — медленно говоритъ болѣе пожилая дама, успокоивая ребенка.

— Послѣ, къ перевязкѣ... Пойдемъ! — Она трогаетъ Малашку за голое плечо и входитъ къ Лизаветѣ.

А холодный вѣтеръ продолжаетъ бороться съ солнцемъ. Барыня, идущая къ Дибпру, смотритъ на зелено-желтую ленту тянущагося въ отдаленіи лѣса. Кругомъ тощіе пустынные луга, на которыхъ въ одномъ мѣстѣ пасется лошадь. Вблизи, по обѣимъ сторонамъ дороги, канавки, и на ихъ бокахъ, среди обѣденной свиньями травы, видѣются мѣстами степные колокольчики, трясунки, маленькая, ярко малиновая гвоздика съ бѣлыми узорами. Трудно сказать: какъ, почему они уцѣлѣли?..

— А все же воздухъ чудный! — думаетъ путница

Ей становится тепло отъ ходьбы. Воздухъ бодритъ.

— Въ деревнѣ все же хорошо!.. — думаетъ она, срывая колокольчикъ и оборачивается къ лакею.

Лакей одѣтъ, какъ господинъ, — въ пальто и котелокъ — и идетъ за ней, меланхолично глядя себѣ подъ ноги. Мысли его, очевидно, заняты личнымъ дѣломъ. Онъ влюбленъ въ „монополистку“ (такъ мѣстные жители называютъ продащицу въ казенныхъ винныхъ лавкахъ). Но мысли его не веселы: „монополистка“ знать его не хочетъ...

Дама смотритъ на лакея, и ей невольно становится смѣшно. Она знаетъ его печальную судьбу, эстетическій вкусъ и нѣжное сердце. „Монополистка“ далеко не первая и не единственная.

Лакей вдругъ замѣчаетъ, что барыня смотритъ на него, и поднимаетъ глаза. Они у него маленькіе, голубые, почти бѣлые, глубоко всаженные. Ротъ большой, какъ у летучей мыши, и лицо бритое, какъ у актера.

— Викторъ! Хорошо!.. — высказываетъ ему барыня свои мысли и улыбается: — Воздухъ какой!.. Ахъ, хорошо въ деревнѣ!

— Точно такъ! — соглашается Викторъ. — Господамъ въ деревнѣ хорошо. Особенно пріѣзжимъ. Погулять есть гдѣ!..

Онъ тоже улыбается, показывая желтые зубы, и съ преданностью глядитъ на свою барыню. Но той ужъ стало неловко отъ его словъ.

— Господамъ хорошо!—мысленно повторяетъ она и отворачивается отъ лакея.—А имъ, мужикамъ?..

И она вздыхаетъ.

— Господи, когда же ихъ устроить такъ, чтобы и имъ было хорошо, или хоть сносно?..—думается ей.—Когда же?!

И тотчасъ вспоминается все, видѣнное за это время въ деревнѣ: разваливающіяся избы, земляные мосты, т. е. полы грязь, нужда, недостатки, раны Лизаветы...

И безпомощно принимаетъ и потухаетъ мысль.

Что можетъ она, и не одна она, а десятки, сотни такихъ, какъ она?..

Ей вспоминается проектъ постройки новой больницы въ Петербургѣ на полтора ста больныхъ, проектъ, въ которомъ постройка исчислена въ три съ половиною милліона.

Боже мой,—это на полтора ста нищихъ три съ половиною милліона, а здѣсь!... Они, голодные, въ отрепьяхъ, все больше и больше будутъ бѣжать изъ деревни отъ безкормицы, безработицы, и бѣжать куда? Въ грязные, темные подвалы городовъ, ночлежки, углы Вяземскаго дома и подобныхъ ему, и посылать дѣтей для милостыни и воровства на лишенную воздуха, гнилую улицу!.. Нѣтъ! Помѣшать этому нужно, помѣшать! Но какъ?...

Сорванный кустикъ колокольчиковъ выпадаетъ изъ ботоньерки жакета, откуда онъ изящно выглядывалъ лиловымъ пятномъ на темномъ фонѣ сукна.

Она не замѣчаетъ этого и идетъ дальше. Мысль работаетъ все сильнѣе. На сердцѣ тяжело.

Отъ скорой ходьбы ей стало жарко, но ей кажется, что это погода стала теплѣе. Она разстегиваетъ жакетъ и тотчасъ опять застегиваетъ: холодный вѣтеръ ледянымъ компрессомъ охватилъ грудь. И какой сильный вѣтеръ. Даже въ ушахъ гудитъ!

— Сейчасъ и Днѣпръ будетъ!.. Во-онъ!—говоритъ Викторъ и протягиваетъ руку, въ теплому рукавъ драповаго пальто по направленію, откуда дуетъ вѣтеръ.

— Съ него и дуетъ. Такъ завсегда съ рѣки.

Дама, прищуриваясь, смотритъ по указанному направленію.

— Что это?.. — вдругъ спрашиваетъ она себя, вглядываясь близорукими глазами въ грязную, будто высоко вспаханную проѣзжую дорогу, кончающуюся длинными, желтовато-коричневыми строеніями.

— Что это? — вслух повторяет она, указывая Виктору на постройки.

Викторъ смотритъ и черезъ минуту рѣшается:

— Это дрова-съ. Пристань тутъ дровяная-съ.

— Дрова! Загубленный лѣсъ!.. Неужели нельзя ничѣмъ другимъ топить пароходы?..

Глаза невольно устремляются налѣво, на живой, еще не срубленный боръ. Онъ стоитъ зеленый, залитый солнцемъ, но не могучій, радостный, а порѣдѣвшій, съ ампутированными то тутъ, то тамъ членами и, сумрачно махая вѣтвями, съ молчаливымъ упрекомъ смотреть на преждевременно погибшихъ своихъ братьевъ.

— Смерть, смерть! Вездѣ преждевременная, бессмысленная смерть, и это только у насъ такъ! За границей люди умѣютъ лучше устроиться!..

Не правы ли послѣ этого нѣмецкія газеты, страстно и убѣжденно утверждающія, что русскіе ведутъ хищническое хозяйство, что они испортили прекрасный край, и что ихъ надо откинуть за Уралъ?..

Мысленно путница видитъ одного стараго, нынѣ покойнаго пріятеля, любившаго и проклинавшаго Россію и не разъ, въ смертельной тоскѣ, кричавшаго у нея въ гостиной:—Да, пусть завоюетъ насъ кто-нибудь,—нѣмецъ, шведъ! Чортъ съ нимъ, все равно кто! Лишь бы легче жилось!..

Да, тяжело!..

Ей не хочется идти на пристань. Она идетъ тропинкой, пересѣкая поле. Высокіе, на пробкахъ, башмаки чмокаютъ, попадая въ воду, которая стоитъ на поляхъ. Вѣтеръ гудитъ на встрѣчу и приноситъ съ собой запахъ рѣки, сырости, дровъ. Лѣсъ, покрытый дрожащими желтыми солнечными пятнами, качается отъ порывовъ сѣверяка. Онъ шумитъ, шумитъ о чемъ-то грозномъ, неотвратимомъ, точно стихійно поетъ: „Dies irae“... Путница пробуетъ войти въ лѣсъ.

Вѣтеръ стихаетъ внизу, но гулъ наверху продолжается все тотъ же, величественный, грозный.

Идти, оказывается, нельзя: слишкомъ много было дождей. Трава мокрая, почва—сплошное болото.

— Теперь близко! Вонъ онъ!.. — утѣшаетъ, между тѣмъ, Викторъ.

„Днѣпръ близокъ, Днѣпръ!“ Повторяетъ она себѣ, и звукъ этого слова наполняетъ ее какимъ-то волшебнымъ ожиданіемъ. Еще нѣсколько минутъ—и она у широкой, глубокой рѣки, на высокомъ, крутомъ берегу. Такой ли онъ, какимъ казался, когда заучивался въ юности отрывокъ изъ Гоголя: „Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ“?..

Нѣтъ, не такой. Красивъ, а не такой. Гладь широкая,

чистая, быстрая, гордо блещитъ солнцемъ. Высокіе лѣсистые берега; а гдѣ лѣсъ вырубленъ, тамъ кайма низкой, изъѣденной травой, и на ней качаются кусты махровыхъ степныхъ колокольчиковъ, бѣлыхъ маргаритокъ, полевыхъ скабіозъ... Молодые деревья на опушкѣ трепещутъ отъ вѣтра короткой, быстро и тихо замирающей дрожью. Въ рѣкѣ отражаются лазурь неба, облака, лѣсъ. Хорошо!

Викторъ бросаетъ поднятую имъ съ земли сухую вѣтку внизъ, въ рѣку, и Дняпръ съ дѣловитой и мощной быстротой мигомъ уноситъ ее. Куда?..

Вдругъ въ глазахъ происходитъ что-то непередаваемое словами: рѣка останавливается, начинаютъ плыть берега, лѣса, трава... Все плыветъ, или, точнѣе, все бѣжитъ. И невольно становится жутко и весело... Голова начинаетъ кружиться... Поднимаешь глаза, приходишь въ себя: берега и лѣса остановились. Побѣжала рѣка.

Но вотъ и пристань. Какъ тутъ грязно! Вездѣ валяются щепки, древесная кора, бревна, какія-то бумажки, обрывки жиромъ пропитанныхъ газетъ, яичная скорлупа, тряпки... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ блестятъ горлышки разбитыхъ бутылокъ. Дрова стоятъ двухсаженной кладкой на далекомъ протяженіи.

Пароходныя сходни валяются тутъ же, въ грязи, и на всемъ отпечатокъ торопливаго небреженія, неряшливости, нечистоты. Вездѣ у насъ одно и то же, одно и то же! Отчего? Неужели мы столько впитали въ себя татарской, чувашской, черемисской и иной азіатской крови, что стихійно полюбили азіатскую грязь? Впрочемъ, вѣдь и татары, и буряты, и черемисы чище насъ... И неужели нельзя топить пароходы коксомъ, углемъ, торфомъ, особенно при богатствѣ нашихъ торфяныхъ залежей?.. И воображеніе невольно рисуетъ картины лѣтнихъ пожаровъ подъ Петербургомъ. Говорятъ: „торфъ горитъ“. И горитъ онъ на много верстъ вокругъ Петербурга. Ёдкій, мутный дымъ окутываетъ окрестности. Дышется тяжело. Выгораютъ никѣмъ на пользу не употребляемые богатства топлива, а народная бѣднота — на слѣдующую же зиму, въ томъ же Петербургѣ—пропадаетъ отъ стужи въ неотапленныхъ избахъ, въ сырыхъ подвалахъ, гибнетъ отъ безработицы, страдаетъ отъ штрафовъ за срубленное деревцо! Да, было бы это заграницей—были бы использованы и торфяныя болота, и работа всѣмъ нашлась бы!

Кругомъ тихо, ни души человѣческой... Вдругъ откуда-то доносится хриплый лай собаки. Путница прислушивается. По задушенному звуку лая,—песъ долженъ быть старый-престарый.

— Должно быть, сторожа собака,—вставая съ полѣнницы,

успокоительно говорить Викторъ и, переступая съ ноги на ногу и покачиваясь всѣмъ тѣломъ, медленно дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ. Къ пальто его прилипла береста и какой-то соръ. Изъ-за дровъ съ задущеннымъ хриплымъ лаемъ, выкатывается хромая собака и, задыхаясь отъ клокотанья въ горлѣ, останавливается.

— Ишь, ты!—говоритъ Викторъ, вздрогнувшій отъ неожиданности. —Старая какая, а туда-жъ!.. Лааетъ!..

Собака продолжаетъ задыхаться и хрипѣть отъ злости. Черно-рыжая съ просѣдью, длинная мохнатая шерсть ея сбилась въ комья и виситъ вмѣстѣ съ грязью и шишками репейника. Ротъ криво раскрытъ, какъ у испорченнаго игрушечнаго барана. Одинъ глазъ тусклый съ голубоватымъ бѣлкомъ. Другой свѣтится еще зелеными электрическими искрами. Вонь и ея хозяинъ. У деревяннаго шалаша, на полѣвъ сидитъ большая, какъ въ музеяхъ, восковая кукла. Лицо крошечное, съ кулачекъ, сморщенное, какъ кожа печенаго яблока. Волоса на лицѣ растутъ отовсюду: изъ ушей, изъ носа... Одѣта кукла въ сермягу, онучи и лапти. Голова въ большой сивой шапкѣ.

На видъ лѣтъ сто, а то и больше.

— Здравствуй, дѣдушка. Откуда ты?

Старикъ тугъ на ухо и не слышитъ вопроса, но что-то чудится ему въ воздухѣ. Онъ поднимаетъ глаза, инстинктивно оглядывается и видитъ недалеко отъ себя одно изъ тѣхъ особыхъ существъ, которыхъ народъ величаетъ господами. Онъ насупливаетъ длинныя, сѣдыя, косматыя брови, затѣмъ съ трудомъ поднимается и хочетъ снять шапку.

— Здравствуй, матушка!—шамкаетъ онъ медленно и чуть слышно —Ты сама кто-жъ такая будешь?

Барыня съ трудомъ усаживаетъ его обратно на полѣно и не позволяетъ снять шапку. Старикъ дрожитъ всѣми суставами отъ старости, слабости и холода.

— А я сторожъ... сторожъ я!—говоритъ онъ на повторенный вопросъ.

Глаза у него свѣтло-голубые, какъ цвѣтки льна, кроткіе, наивные и бездумные, какъ у грудного ребенка.

— Сторожъ? Какой сторожъ? — Неужели эта безсильная кукла стережетъ эту пристань съ наставленными на ней десятками, а можетъ быть, и сотнями сажень дровъ?

Старикъ начинаетъ что-то рассказывать на особомъ бѣлорусскомъ нарѣчьи. Понять его нелегко. Но острая жалость вскорѣ сжимаетъ сердца обоихъ слушателей. Старикъ начинаетъ горько плакать. Слезы смачиваютъ его лицо, бѣлый, точно снѣгомъ покрытый, носъ и останавливаются въ волосахъ и бородкахъ сморщенной кожи на щекахъ.

— Забули!.. Забули!—повторяетъ онъ, все сильнѣе всхли-
пывая и открывая большой, беззубый ротъ. — Третій день
забули!..

— Кто забылъ? Кого?

— Да ты говори, дѣдка, не бойсь. Ну, говори-жъ. Кто
забылъ-то кого, а-а?..

— Мне, забули мене.. Внукъ, племянницы сынъ,—пла-
четъ старикъ.—Племянница померла. Сирота я... Всѣ померли.
Сынъ померъ, жена померла, другой сынъ.. Одинъ я... Всѣ
померли... Жилъ у племянницы... Замужняя была племян-
ница. Мужъ хорошій... Берегли меня... Ладно жили. Я имъ
и домъ отказалъ.. И все, что было, племянницѣ отдалъ...
Хорошая была. И вотъ, взяли они челядку, а челядка (ста-
рикъ безнадежно машетъ рукой) забрала мужа племянницы
въ руки... Племянница съ горя померла... А мене изъ избы
выгнали. Выгнали! Хлѣбъ, говорятъ, зарабатывай. Челядка
выгнала, челядка! Хозяина женила на себѣ. Вещи затеряла...
Вещи мои, на смерть припасенныя (рыданія заглушаютъ его
голосъ): рубашку, поясокъ новенькій и два полотенца, чтобы
руки и ноги связать: все потеряла... Нѣтъ у меня ничего
теперь... Ничего... Дрова нанялся сторожить, а меня и не
кормятъ... Третій день съ деревни никто не идетъ!..

И снова старикъ плачетъ, и его жалкія слезы снова те-
кутъ по обросшимъ волосами щекамъ, и высохшія руки съ
ногтями, похожими на когти коршуна, вытираютъ эти слезы.
Изъ кармана старикъ вынимаетъ остатокъ краюхи чернаго
хлѣба и кривымъ пальцемъ указываетъ на него. Мякиша въ
остаткѣ нѣтъ. Весь съѣденъ. Осталась твердая корка, и этой
коркой старикъ кормится второй день.

— Забули!.. Забули!..—повторяетъ старикъ.—Забули!..

И недоумѣніе, и покорность, и тоска свѣтятся въ его на-
ивныхъ старческихъ глазахъ.

Когда черезъ нѣкоторое время барыня встаетъ и уходить
съ пристани, пообщавъ старику зайти на деревню и при-
слать къ нему внучатнаго племянника съ ѣдой, а потомъ
прислать чаю и сахару,—въ глазахъ ея слезы.

Старикъ, оставшись одинъ, ежится, кряхтитъ, зѣваетъ,
потомъ встаетъ, опираясь на палку, и, постукивая ею по са-
женямъ, медленно обходитъ свое вѣдомство. Его сопрово-
ждаетъ полу-слѣпая, припадающая на переднія лапы собака.
Потомъ они оба возвращаются къ шалашу. Собака со вздо-
хомъ ложится на землю, между саженьями. А старикъ, взгля-
нувъ на остатки потухшаго костра и на черный, пустой ко-
телокъ, висящій на шесткѣ, — кряхтя и охая, садится на
прежнее мѣсто и ждетъ.

Солнце садится. Становится еще холоднѣе.

III.

Въ кирпичномъ сараѣ.—Мать и сынъ.

На глинистомъ участкѣ поля на скорую руку сколочены изъ досокъ три стѣны съ навѣсомъ. Одна подлиннѣе, двѣ другія совсѣмъ короткія. Это кирпичный сарай. Глина всюду и въ разныхъ видахъ: сбита въ комья, кучами, растворенная водой, въ глинокопныхъ ямахъ, въ творилахъ и деревянныхъ ящикахъ, похожая на сѣрое маслянистое мороженое. И у стѣны, на особой полкѣ-доскѣ, въ видѣ аппетитныхъ пряниковъ, тоже сѣрыхъ, аккуратно положенныхъ въ рядъ, одинъ къ другому. Обожженныхъ кирпичей еще не видно.

Кое-гдѣ только, на землѣ, замѣтны розовые осколки такъ называемыхъ „рубашекъ“,—когда-то плохо обожженныхъ и давно употребленныхъ кирпичей.

Погода солнечная, но вѣтреная и холодная.

Въ сараѣ пусто, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ. Сработать къ осени кирпичи нанялась небольшая артель кирпичниковъ, отецъ и два взрослыхъ сына; но работа идетъ до сихъ поръ вяло, неохотно.

Отецъ—мужикъ лѣтъ сорока, здоровый, бородатый, красивый, сильный, съ сумрачными глазами. Сыновья въ отца: рослые, плотные, видные щеголи.

Поработали дня два, три, попросили денегъ впередъ,—„на закупку матеріала“, на машину для разминанія глины, такъ какъ съ лошадыю не „спорко“ работать,—купили себѣ красныя рубахи, черныя жилеты и штаны и забастовали. Пьянствуютъ.

— Мы управимся! Ну, какъ же!—говорили они во время найма съ достоинствомъ и увѣренностью, все время переглядываясь между собою.

— У-пра-вим-ся!

Нѣсколько поодаль стояла женская фигура въ темныхъ лохмотьяхъ.

Она молчала и смиренно-понуру, какъ забитая почтовая лошадь, выжидала своей участи, — рѣшенія приказчика: идти ли ихъ артели дальше, или остановиться здѣсь.

— Это кто-жъ будетъ?—сговорившись съ мужиками, спросилъ приказчикъ, указывая на женщину.

Старшій мужикъ поглядѣлъ на фигуру.

— Это?.. Жена моя,—отвѣчалъ онъ сумрачно и неохотно.

— Жена?—удивился приказчикъ.—Я думалъ, мать!

— Жена, а имъ мать, — подтвердилъ мужикъ нетерпѣ-

ливо, почти грубо: — Хозяйка, стало быть. Я-жъ говориль, что харчиться будемъ сами.

Приказчикъ сконфуженно покрутилъ шеей.

— Хвораая, кажись?—зачѣмъ-то замѣтилъ онъ.

— Хвораая?—переспросилъ сумрачно мужикъ.—Чего хвораая! Капляетъ малость, только и всего.

Онъ поглядѣлъ опять на старуху, потупился и сталъ ковырять пальцемъ какой-то порыжѣлый свертокъ, который висѣлъ у него черезъ плечо.

Женщина, услышавъ, что о ней идетъ рѣчь, переступила съ ноги на ногу, закрыла ротъ костлявой темной рукой и кашлянула.

— Ничаво,—вдругъ снова заговорилъ мужикъ, поднимая голову,—мѣшать не будетъ.

Со времени найма прошло много недѣль. Срокъ работы близится къ концу, а кирпичи наполовину еще не готовы. Правда, погода была плохая, мѣшала.

...Вѣтеръ продуваетъ кирпичный сарай, сушить глину и насквозь, не смотря на солнце, пронизываетъ холодомъ того, кто войдетъ въ сарай. Вдругъ дымокъ показывается надъ нимъ. Тоненькая, опаловаго цвѣта, струйка разносится вѣтромъ и снова, слабая, колеблющаяся, поднимается къ небу.

„Ужъ не пожаръ ли? Развели огонь, а сами ушли“.

Барыня обходитъ сарай съ трехъ сторонъ. На „топчакъ“ должна бы работать лошадь, ворочая колесо для разминанья глины, но машина не куплена; нигдѣ никого не видно. Однако, заглянувъ во внутренность сарая, она вдругъ слышитъ неясное, „мокрое“ чмоканье глины. Тамъ, гдѣ помѣщаются ящики съ умятой глиной,—какъ темный червячекъ, выдѣляется юркая, маленькая, жалкая фигурка въ большомъ грязномъ сѣромъ платкѣ на небольшой головѣ.

Ничего не замѣчая, она голыми руками работаетъ быстро и энергично: вливаетъ глину въ деревянные формы-параллелограммы, ровняетъ ее лопаточкой, затѣмъ ловко подхватываетъ рукой полную форму, поднимаетъ, опрокидываетъ и скидываетъ на доску уже готовые, аккуратные, сѣрые пряники. Работа идетъ умѣло, привычно, непрерывно, съ усвоенной, очевидно, долготѣйшей практикой механической точностью и сноровкой. Другихъ рабочихъ нѣтъ.

Между тѣмъ, движенія ея жилистыхъ костей-рукъ легкія, быстрыя, веселыя... Точно она, эта худенькая старушка, для своей забавы, какъ дѣти песочные пирожки, приготовляетъ эти глиняные пряники. И они все умножаются на доскѣ...

Вдругъ кашель прерываетъ забаву-работу. Фигура прижимается голыя по плечи темныя руки къ груди-доскѣ и начинаетъ откашливаться тяжело, медленно, задыхаясь. Го-

лова ея въ грязномъ платкѣ мотается изъ стороны въ сторону и, наконецъ, пригибается къ колѣнямъ.

„Кха! Кха!..“ Затѣмъ хрипъ и, словно, стоишь.

Откашлявшись, женщина пьетъ изъ ржаваго ковша воду. Тонкія синія губы ея трясутся. Ноздри расширяются и сокращаются вмѣстѣ съ дыханіемъ. Темно-мертвенныя руки въ царапинахъ и синякахъ.

— Здравствуй, милая!—говоритъ барыня.

Женщина, за гудѣніемъ вѣтра не слышавшая приближавшихся шаговъ, съ испугомъ отнимаетъ отъ рта ковшъ и, молча, шевеля одними безкровными губами, низко кланяется. Лицо у нея темно-коричневое, страшно худое, сморщенное... Глаза неподвижны, какъ у куръ, съ красными, больными, мигающими вѣками.

— Какъ ты кашляешь!..—помолчавъ, съ участіемъ и лаской въ голосъ, говоритъ барыня.—Давно это у тебя?

Женщина молчитъ.

— Давно кашляешь?—громче повторяетъ дама, думая, что старуха ея не разслышала.

— Нее... Недавно!—отвѣчаетъ она и снова задыхается отъ приступа кашля.

Ковшъ она опустила въ кадку съ водой.

— Лѣчишься чѣмъ-нибудь? Отъ кашля-то?

Женщина молчитъ.

— Отъ кашля-то, говорю, дѣлаешь что?—повторяетъ дама.

— Сборъ пью,—глухо, словно давясь, говоритъ женщина и рѣшительно идетъ къ формовочной доскѣ. Говоритъ ей, видимо, не хочется.

— Ты приди, я тебѣ порошки дамъ,—нерѣшительно начинаетъ барыня: —Отъ кашля порошки. Хорошіе. Помогаютъ. Слышишь? — помолчавъ, добавляетъ она, не дождавшись отвѣта.

Женщина легко и умѣло, хотя и медленно, чѣмъ прежде, должно быть, прислушиваясь къ господскимъ рѣчамъ, накладываетъ глину въ параллелограммы и начинаетъ, шутя, нечь прямики.

— Приду,—неохотно отвѣчаетъ она.

Проходитъ еще минуты двѣ.

— Дай-ка, я сдѣлаю кирпичикъ, на прощанье!—улыбаясь, говоритъ дама, смотрѣвшая на работу старухи.—Ты ихъ такъ вкусно печешь!

Женщина съ равнодушнымъ недоумѣніемъ смотритъ на нее, потомъ, понявъ, равнодушно-покорно даетъ ей форму, глину, лопаточку и отступаетъ отъ стола.

Дама пробуетъ „сработать кирпичикъ“, но это оказывается не такъ-то легко и пріятно. Кирпичъ выходитъ кривобокій.

Глина оказывается холодной, какъ ледъ, и страшно тяжелой.

— Уфъ, какъ трудно!—смѣется барыня:—А я думала, глядя на тебя, что это шуточная работа!

Она смотритъ старухѣ въ лицо, надѣясь, что у той хоть на мигъ разгладятся морщины, мелькнетъ улыбка. Но надежда напрасная. Старуха молчитъ. Лицо у нея безучастное, строгое, словно отсутствующее...

— Ну, прощай!—говоритъ дама, видя полное нежеланіе продолжать бесѣду, и идетъ въ поле, но вдругъ останавливается.

— А гдѣ же твой? Что ты одна работаешь?

Лицо женщины вздрагиваетъ, какъ отъ молніи. Она настораживается вся...

— Гдѣ-жъ твой?—кричитъ барыня, чтобы ее за вѣтромъ было слышно.

— Они работали. Недавно ушли...—отвѣчаетъ тоже громко, встревоженно старуха и упорно глядитъ мигающими птичьими глазами въ глаза барыни, точно чего-то выжидая, и по этому взгляду видно, что она лжетъ, видно, что она все время работала одна.

И вдругъ въ этихъ жалкихъ, глупыхъ птичьихъ глазахъ зажигается такая страстная, молчаливая мольба о хлѣбѣ насущномъ, о томъ, чтобы не выгнали ея мужиковъ, мужа и сыновей, что барыня не выносить этого взгляда и, отвернувшись, поспѣшно уходитъ. Однако, отойдя на нѣкоторое разстояніе, она еще разъ останавливается и отыскиваетъ глазами маленькую, жалкую, юркую фигурку-червячка.

Червячекъ лежитъ лицомъ на формовочномъ столѣ, и все тѣло его вздрагиваетъ отъ рыданій...

Проходитъ нѣсколько дней.

Позднее утро. Тишина, солнце, изрѣдка затемняемое беспокойно плывущими облаками, и вдругъ на усадьбѣ тревога, шумъ, крики. Пріѣзжія барыни подходятъ къ открытому окну гостиной и пугаются.

Люди по одиночкѣ сбѣгутъ въ одномъ направленіи, къ крайней избѣ, гдѣ помѣщается школа. У этой избы, залитой солнцемъ, стоитъ группа рабочихъ, домашней прислуги, женщинъ и дѣтей. Рабочіе испуганно-возбужденно переговариваются, жестикулируютъ, указываютъ на избу. Нѣкоторые порываются проникнуть въ нее, поднимаются на крылечко и тотчасъ трусливо и быстро сбѣгаютъ.

Поодаль, въ тѣни аллеи, рассказываетъ взадъ и впередъ высокій урядникъ. Съ нимъ ходитъ приказчикъ. Какая-то женщина въ ситцевомъ свѣтломъ платьѣ стоитъ возлѣ и, перебирая пальцами концы вязаной косынки на головѣ, прислушивается то къ ихъ говору, то къ крикамъ людей у школы.

Дамы тревожно звонят разъ, два, три, четыре. Наконецъ, является Викторъ.

— Что тамъ такое? Кого они тамъ нашли?

Викторъ со словами: „не извольте беспокоиться, это ничего“—подходить къ окну, покашливаетъ, заслоняя ротъ рукой, и начинаетъ конфузливо пояснять.

Оказывается: сходя положилъ высѣчь за озорство младшаго сына кирпичника, парня 18 лѣтъ. — Земскій начальникъ приговоръ утвердилъ. Парня схватили и повели, но онъ шибко отбивался, перекусалъ руки тѣхъ, кто держалъ его, дрался всѣмъ, что попадало ему на глаза, — граблями, оглоблей, даже навозную вилу схватилъ, да отняли... А потомъ вырвался, вбѣжалъ въ школу, заперся и теперь грозитъ убить всякаго, кто войдетъ къ нему.

У школы, между тѣмъ, все та же картина. Испуганные крики, жесты; люди взбѣгаютъ на крылечко и стремительно, почти комически сбѣгаютъ съ него, сопровождаемые какими-то обломками, сильной рукой швыряемыми изъ сѣней избы.

— Боже мой, Боже мой! — восклицаютъ сердобольныя прѣзжія барыни, судорожно сжимая пальцы рукъ. — И зачѣмъ все это? Зачѣмъ не шадятъ самолюбія, чувства человеческого достоинства? Что же намъ предпринять? Написать земскому начальнику, просить его назначить какое-либо другое наказаніе? Но хватитъ ли для этого времени? Станетъ ли урядникъ ждать?

Викторъ, между тѣмъ, продолжаетъ рассказывать про „преступника“ и его семью. По его словамъ, вся семья, кромѣ бабы, ничего не стоящая, мужики — пьяницы, ругатели, воры. Сыновья мать бьютъ...

— Какъ мать бьютъ?.. Какую мать? Свою?!

— Свою!—подтверждаетъ Викторъ:—Бабѣ сорока годовъ нѣтъ, а на кого похожа? Мать-то!..

— Какъ сорока нѣтъ?!

Но въ это время внизу, судя по шуму, происходитъ что-то особенное. Урядникъ кончилъ прогуливаться по аллеѣ и лѣниво перекидываясь словами съ приказчикомъ. Онъ дѣланно и неестественно-спокойно отдѣляется отъ кучки народа, медленно двигается одинъ къ крыльцу, медленно всходитъ на его ступени, оборачивается, отвѣчаетъ что-то кому-то, потомъ снова идетъ...

Въ рукахъ у него вынутый изъ кобура револьверъ.

Дамы, въ ужасѣ, закрываютъ глаза и на мигъ какъ бы теряютъ сознаніе...

— Вывели! — раздается вдругъ радостное восклицаніе Виктора.

Онъ улыбается тонкими губами и, вытянувъ шею, жадно глядитъ изъ окна. Внизу, у школы картина рѣзко измѣнилась. Восемнадцатилѣтній красавецъ съ всклокоченными волосами, въ растерзанной запачканной красной рубахѣ стоитъ у крыльца. Толпа съ злорадствомъ связываетъ его. Урядника покинуло его неестественное спокойствіе. Начальнически-бодро онъ отдаетъ приказанія...

Черезъ нѣсколько минутъ все кончено. Кирпичника ведутъ дальше. Его красная, разорванная на бѣлой груди, рубаха веселымъ пятномъ мелькаетъ въ толпѣ. Темноволосая всклокоченная голова опущена на грудь. Лицо страшно и вмѣстѣ жалко...

IV.

„Желѣзная баба“.

Сѣрый, холодный вечеръ. Дождя сейчасъ нѣтъ, но лиль онъ, съ перерывами, всю ночь и почти весь день. Только къ вечеру показалось было солнце, но черезъ полчаса его точно тяжелымъ ковромъ завѣсила опять темная туча съ огненными подпалинами. И снова небо сѣрое, мутное...

На деревнѣ переполохъ.

Мужики бѣгутъ къ пруду съ баграми и рыболовной сѣтью. Бабы и дѣти тоже бѣгутъ съ мужиками или снуютъ по улицѣ, собираются, сдержанно толкуютъ, размахиваютъ руками, киваютъ головами, куда-то указываютъ.

Вѣтеръ порывами проноситъ по деревнѣ желтые, облетѣвшіе съ тощихъ деревьевъ листья, крутитъ ихъ, крутитъ соломинки и всякій другой соръ, валяющійся на землѣ.

У одного изъ колодцевъ съ традиціоннымъ „журавлемъ“, старымъ, сѣрымъ растрескавшимся бревномъ, стоитъ гурьба бабъ и ребятишекъ. Между бабами одна словно „не въ себѣ“. Схватившись за растрепанные волосы, выбившіеся изъ-подъ кички жидкими, темно-русыми прядями, она голосить. Въ сѣрыхъ глазахъ ужасъ отчаянія.

Пропалъ ея 4-хъ лѣтній Колька.

— Должно, „утопъ“—или въ пруду, или въ колодцѣ... — говоритъ народъ.

Уходя, мать оставила его въ избѣ одного, съ груднымъ ребенкомъ,—въ качествѣ няньки. Велѣла запереться, никуда не уходить и никого къ себѣ не пускать.

Вернулась вечеромъ съ поля, глядь: дверь въ хату отперта, махонькій ребенокъ,—дѣвочка,—лежитъ въ зыбкѣ мокрешенька, кричитъ, надрывается, а Кольки нѣтъ.

Ругать его стала, кликать, оглядѣла всю избу, подъ печку лазала,—нѣтъ, да и шабашъ! Весь дворъ обыскала, деревню обѣгала, спрашивала: не видалъ ли кто ея мальчонку? Нѣтъ, никто не видалъ.

Пришелъ мужикъ съ экономіи,—работалъ тамъ днемъ,—и тоже обыскалъ, облазилъ всѣ углы и въ домѣ, и во дворѣ, и подъ телѣгой, и въ клѣти, обѣгалъ всю деревню,—нѣтъ нигдѣ Кольки!

И оба точно ума рѣшились. Бѣгаютъ по деревнѣ. Собрали народъ.

Народъ потолковалъ, потолковалъ, побѣжалъ за баграми, и вотъ ищетъ теперь въ пруду, а отецъ собирается въ колодезь лѣзть. Невдалекѣ отъ колодца связываются лѣстницы, чтобы хватило до дна.

Лицо отца блѣдно, сосредоточенно. Мать сидитъ на землѣ у колодца и воетъ.

Снова начинается накрапывать мелкій дождь. Бабы стараются успокоить мать, обнадежить, но сами не вѣрятъ, что Колька живъ.

Вдругъ картина рѣзко мѣняется.

— Нашелся рыжій чортъ!—издали доносится чей-то громкій мужской голосъ:—Живъ... чортъ полосатый...

Мать Кольки, шатаясь, подымается съ земли и вперяетъ глаза въ сторону, откуда несется голосъ. Молніями проносятся въ ея душѣ и отражаются на лицѣ мысли и чувства...

Народъ, особенно дѣти, мальчишки и дѣвчонки, шлепая по грязи босыми ногами, бросаются отъ колодца на встрѣчу отыскавшемуся бѣглецу. У отца вываливается лѣстница изъ рукъ, и онъ тоже, тяжело дыша, глядитъ въ сторону приближающагося сына.

Кто-то бѣжитъ къ пруду оповѣстить мужиковъ, что искать не надо, что Колька нашелся.

А Колька, или „рыжій полосатый чортъ“, въ очень короткой рваной на лѣвомъ плечѣ рубашenkѣ изъ домотканнаго холста, улыбаясь во весь ротъ, приближается къ родителямъ.

Отчего онъ чортъ, да еще рыжій и полосатый, никому неизвѣстно: глаза у него черные, живые, блестящіе. Голова небольшая, правильно сформированная, съ темными подстриженными волосами и маленькими красивыми ушами. Ножки и все тѣло крѣпко сбитое, коричневое отъ загара. Онъ весь похожъ на маленькій, хорошенькій, только что сорванный съ грядки огурецъ.

Черезъ минуту мать и отецъ съ ребенкомъ. Баба все еще минутами взвизгиваетъ.

Оказывается, Колька нашелся въ коноплѣ, да не въ своей еще, а въ чужой. Пошелъ онъ туда, потому что мать, уходя,

сказала, чтобы въ коноплю не ходить, что тамъ „желѣзная баба“. Говорила это мать Колькѣ всякій разъ, какъ, уходя, оставляла его одного въ избѣ. Колька долго терпѣлъ, все лѣто терпѣлъ и не шелъ въ коноплю, а подѣ осень выросъ, почувствовалъ, должно быть, силу богатырскую, — вооружился палкой и пошелъ отыскивать „желѣзную бабу“.

Народъ возвращается съ пруда, кто угрюмо, кто улыбаясь. Кольку родители рѣшительно влекутъ домой.

Босыя хорошенькія ножки его быстро сѣменятъ по грязной улицѣ. На лицѣ погасла улыбка. Въ глазахъ страхъ.

И вдругъ ясно раздается женскій визгливый голосъ:

— Я тебѣ покажу бабу желѣзную!.. Вотъ, дойдемъ только до хаты, увидишь ее, бабу-то!..

Мужики смѣются.

М. Волконская.

Островъ Сахалинъ.

I

Ни одно изъ нашихъ владѣнй на Дальнемъ Востоке не привлекало къ себѣ въ такой степени вниманя бытописателей и изслѣдователей, какъ островъ Сахалинъ — наша отдаленнѣйшая и во многихъ отношенйхъ, дѣйствительно, интересная окраина. Мы располагаемъ въ настоящее время уже обширной литературой, посвященной Сахалину и каторгѣ на немъ и, можно сказать, своеобразная жизнь этого острова-тюрьмы является теперь достаточно освѣщенной со всѣхъ сторонъ.

Не мало безпросвѣтныхъ, темныхъ страницъ встрѣчаемъ мы въ описанйхъ Сахалина и сахалинской жизни; картины ужасовъ, творящихся на Сахалинѣ, производятъ неизгладимое впечатлѣнйе и глубоко западаютъ въ душу. Благодаря такимъ описанймъ, самое имя Сахалина стало страшнымъ: въ немъ слышатся каждому бряцанье цѣпей, свистъ плети, стоны наказуемыхъ, при немъ встаютъ передъ глазами сцены возмутительнѣйшихъ насилй и произвола... Своеобразная природа острова, его неисчерпаемыя естественныя богатства, первобытная жизнь населяющихъ его инородцевъ—отступаютъ на заднй планъ и ступеваются передъ этими яркими картинами озвѣрѣнйя человѣка.

За послѣднй 5—6 лѣтъ многое на Сахалинѣ измѣнилось къ лучшему, однако и теперь еще вся жизнь подневольнаго населенйя острова протекаетъ при совершенно ненормальныхъ условйяхъ, главная цѣль пребыванйя на Сахалинѣ бывшихъ преступниковъ—ихъ исправленйе—не достигается, экономическое положенйе населенйя является безотраднымъ и, наконецъ, полное безправйе низшихъ и чрезмѣрно обширныя права высшихъ создаютъ здѣсь удобную почву для широкаго развитйя произвола. Для всѣхъ, не исключая и администрацй края, является не подлежащимъ сомнѣнйю, что сахалинская жизнь требуетъ коренной перестройки и дальнѣйшее существованйе каторги и поселенйя при прежнихъ условйяхъ и порядкахъ невозможно. А затѣмъ выдвигаются на

очередь и другіе вопросы: каково значеніе Сахалина, какъ колоніи, возможна ли его колонизація вольными элементами, въ чемъ заключаются основныя богатства острова и имѣетъ ли онъ, вообще говоря, будущность; въ чемъ состояли ошибки колонизаціи его преступниками и какъ распутать теперь сложный вопросъ о каторгѣ?

Мнѣ удалось посѣтить Сахалинъ лично лѣтомъ 1901 года и не только внести свою лепту въ изученіе его природы и въ особенности промысловыхъ богатствъ, но и познакомиться съ общими условіями жизни на островѣ.

Въ настоящемъ очеркѣ я имѣю въ виду познакомить читателей въ самыхъ общихъ чертахъ съ природой и населеніемъ Сахалина по личнымъ впечатлѣніямъ и попытаюсь охарактеризовать современное положеніе каторги и поселенія. Не располагая обширными собственными матеріалами по бытовымъ и экономическимъ вопросамъ, я воспользовался при составленіи очерка какъ оффиціальными „Обзорами“, такъ и появившимися за послѣднее время книгами и статьями, посвященными Сахалину *).

II.

Островъ Сахалинъ лежитъ у самой окраины материка Азіи и является естественнымъ продолженіемъ цѣпи, составляемой островами Японіи. Онъ сильно вытянутъ въ длину съ сѣвера на югъ и располагается между $45^{\circ} 57'$ и $54^{\circ} 21'$ с. ш. Цифры эти мало говорятъ сами по себѣ, но если нанести Сахалинъ на карту Европы, подъ соотвѣтствующими широтами, то окажется, что сѣверная оконечность его приходится приблизительно на широтѣ Данцига и Калуги, а южная—на широтѣ Ліона и Симферополя. Длина острова по прямой линіи составляетъ около 850 верстъ, т. е. примѣрно равняется разстоянію отъ Петербурга до Рязани или до Вѣлостока, или отъ Берлина до Женевы. Въ самомъ широкомъ мѣстѣ островъ шириною въ 183 версты, тогда какъ въ самомъ узкомъ—всего лишь 24 версты.

Отъ материка Азіи Сахалинъ отдѣляется узкимъ и крайне мелкимъ проливомъ Невельскаго, который въ самомъ широкомъ мѣстѣ имѣетъ всего лишь 7 верстъ въ ширину; отъ самаго сѣвернаго изъ острововъ Японіи—о. Иессо—южная оконечность о. Са-

*) Нѣсколько устарѣвшимъ, но наиболѣе полнымъ и объективнымъ описаніемъ Сахалина является книга А. П. Чехова „Островъ Сахалинъ“; изъ новѣйшихъ произведеній наиболѣе цѣнными являются книги: Н. Я. Новомбергскаго „Островъ Сахалинъ“ (Спб. 1903) и А. А. Панова „Сахалинъ, какъ колонія“. Очерки колонизаціи и современнаго положенія Сахалина (М. 1905). Чрезвычайно много цѣнныхъ, въ бытовомъ отношеніи, данныхъ содержитъ также отчетъ г. Саломона „Островъ Сахалинъ“ (Тюремн. Вѣстн. 1901).

халина, м. Крильонъ, отдѣлена проливомъ, шириною въ 40 верстъ. Съ запада островъ Сахалинъ омывается водами Сѣверо-Японскаго моря, съ востока и сѣвера—Охотскимъ моремъ. Оба эти моря—моря холодныя, особенно Охотское, которое представляетъ изъ себя какъ бы Ледовитый океанъ въ миниатюрѣ. Сѣверо-Японское море согрѣвается нѣсколько теплымъ Тсусимскимъ теченіемъ, вѣтвью Куро-Сиво, которая идетъ вдоль западнаго берега о. Сахалина, сказываясь почти до пролива Невельскаго. Тѣмъ не менѣе, проливъ Невельскаго, отдѣляющій Сахалинъ отъ материка, замерзаетъ совершенно зимою, и Сахалинъ превращается на нѣсколько мѣсяцевъ изъ острова въ полуостровъ. Впрочемъ, проливъ Невельскаго настолько мелокъ и узокъ, что вполне допустимымъ является предположеніе о существованіи въ недавнія, быть можетъ, даже историческія времена непосредственнаго сообщенія между островомъ и материкомъ.

Уже самая внѣшняя форма Сахалина, имѣющаго видъ мола, который раздѣляетъ воды Охотскаго и Японскаго морей, заставляетъ предполагать, что онъ образуется горными хребтами. И дѣйствительно, островъ на всемъ протяженіи является гористымъ, хотя хребты его, тянущіеся въ меридіональномъ направленіи, не высоки и не превышаютъ 2000—3000 футъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ до сихъ поръ сколько-нибудь точной орографической карты острова и намъ приходится довольствоваться очень схематичной и далеко не полной картой Сибирской экспедиціи 1859—62 гг. Судя по ней, мы имѣемъ въ сѣверной и въ средней части острова два хребта, которые тянутся вдоль западнаго и вдоль восточнаго берега Сахалина, мѣстами прерываясь. Между ними располагаются долины двухъ главныхъ сахалинскихъ рѣкъ — Тыми и Пороная, истоки которыхъ сбѣгаютъ съ невысокаго водораздѣла.

Западный хребетъ продолжается и въ южную часть Сахалина и тянется вплоть до его южной оконечности—мыса Крильона. На востокъ же появляются двѣ системы хребтовъ, ограничивающія заливъ Аниву.

Всѣ эти хребты не высоки, но они очень часто круто спускаются къ морю и потому производятъ впечатлѣніе гораздо болѣе значительныхъ. Ихъ отдѣльныя вершины не превышаютъ 3000—4000 футъ. Видъ ихъ съ моря большею частью печальный и безжизненный, особенно по восточному, охотскому берегу Сахалина. Внутри острова и по западному берегу горы часто покрыты лѣсомъ.

Не смотря на незначительную вышину, горы Сахалина представляютъ, благодаря своей крутизнѣ, а главное—полной неразработанности, чрезвычайно сильное препятствіе при передвиженіи; достаточно сказать, что разгояніе отъ поста Корсаковскаго до селенія Мауки—по воздушной линіи не болѣе 80 в.—

можно пройти лишь въ 5—6 дней, при этомъ съ одного изъ обрывовъ въ горахъ приходится спускаться саженъ 14 на веревкѣ!

Обширныя низменности мы находимъ на Сахалинѣ лишь въ сѣверной его части, крайне неблагоприятной въ климатическомъ отношеніи. Въ средней части острова остаются лишь двѣ, правда, широкія, долины рѣкъ Тыми и Пороная; на югѣ—долины рѣкъ Лютоги, Сусуи и Найбы. Въ общемъ, если отбросить сѣверную болѣе низменную часть, остается очень немного мѣстностей равниннаго характера, и это имѣетъ громадное значеніе, такъ какъ только долины рѣкъ на Сахалинѣ пригодны для заселенія съ цѣлью земледѣлія.

Лишь двѣ рѣки прорѣзаютъ Сахалинъ въ его средней части на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи: рѣка Тымъ, текущая съ юга на сѣверъ, и рѣка Пороная, имѣющая обратное направленіе. Обѣ онѣ не могутъ быть названы судоходными, такъ какъ уже очень недалеко отъ устья становятся мелкими; единственнымъ средствомъ передвиженія является на нихъ легкая, гилляцкая пирога, выдолбленная изъ одного ствола, длиною въ 2—3 сажени и такой ширины, что въ ней только-только можно сидѣть на ды, вытянувъ впередъ ноги. На такой пирогѣ мы съ двумя моими спутниками и 3 гилляками пришлось подняться вверхъ по Поронаю верстъ на 150, на что мы употребили 8 дней—сперва шли на веслахъ, затѣмъ стали отпихиваться шестами.

Однако, и для такой первобытной ладьи на сахалинскихъ рѣкахъ встрѣчаются порою непреодолимые препятствія: я говорю о наблюдающихся здѣсь нерѣдко грандіозныхъ завалахъ. По берегамъ рѣкъ стоитъ дремучая, дѣвственная тайга, и вотъ весною въ половодье вода подмываетъ ближайшіе къ берегу деревья, вырываетъ ихъ вмѣстѣ съ корнями и несетъ внизъ по теченію.

Въ узкомъ и мелкомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь на заворотѣ, одно-другое дерево останавливается, и начинаютъ задерживаться и другія деревья; они нагромождаются другъ на дружку и мало по малу образуется огромный заваль, въ которомъ стволы, корни и вѣтви тѣснѣйшимъ образомъ перепутываются между собою, отчасти заносятся иломъ и нерѣдко загромождаютъ рѣку на полверсты и болѣе. Вода бываетъ принуждена либо пробивать себѣ новое русло, либо подрывать дно и течь подъ новообразовавшимся мостомъ. Подойдя къ такой преградѣ, мы были принуждены вытащить лодку на берегъ и, по способу древнихъ новгородцевъ, тащить ее съ версту волокомъ, въ обходъ завала.

Такіе грандіозные завалы напоминаютъ, хотя, конечно, въ гораздо меньшемъ масштабѣ, тѣ условія, при которыхъ въ давно минувшія геологическія эпохи происходило образованіе камен-

наго угля: если представить себѣ, что заваль былъ бы занесенъ толстымъ слоемъ ила, то получились бы всѣ условія, необходимыя для образованія обширной залежи каменнаго угля.

Геологическая исторія острова Сахалина пока мало выяснена. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ мѣловую эпоху значительная часть острова находилась подъ поверхностью моря, такъ какъ въ средней части острова и кое-гдѣ на южномъ Сахалинѣ встрѣчаются морскія мѣловыя отложенія, сходныя съ находимыми въ южной Индіи.

Въ третичную эпоху Сахалинъ въ міоценовый періодъ былъ сушею, какъ о томъ свидѣлствуютъ многочисленныя встрѣчаемые здѣсь отпечатки хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ въ третичныхъ известнякахъ и песчаникахъ окрестностей Дуэ и Александровска, которые мѣстами представляютъ превосходные разрѣзы. Въ этихъ третичныхъ отложеніяхъ встрѣчаются на Сахалинѣ во многихъ мѣстахъ и пласты каменнаго угля. Въ позднѣйшіе періоды значительная часть острова снова опустилась подъ поверхность моря, такъ какъ поверхъ слоевъ съ отпечатками растений лежатъ слои съ морскими раковинами, близкими современнымъ. Эти слои относятъ къ концу третичной эпохи, къ пліоценовому періоду ея. Еще позднѣе, вѣроятно въ началѣ уже современной геологической эпохи, наступило энергичное поднятіе суши и отступаніе моря, — безмолвными свидѣтелями этого процесса остались идеально развитыя на Сахалинѣ террасы отступанія. Вдоль западнаго берега острова тянутся мѣстами на десятки верстъ береговыя террасы поразительной правильности, точно проведенныя по линейкѣ; высота ихъ 20 — 30 саженъ; мѣстами, какъ, напр., у гиляцкой деревушки Арково близъ поста Александровскаго, имѣются двѣ террасы, одна надъ другой.

✓ Вулкановъ и вулканическихъ породъ на Сахалинѣ нѣтъ совершенно, и это тѣмъ болѣе странно, что они имѣются въ большомъ числѣ на о. Іессо, на Курильскихъ островахъ и на Камчаткѣ. Мѣстами осадочныя породы прорываются древними кристаллическими породами — діоритами, мелафитами и метаморфическими сланцами.

Климатическія условія Сахалина стоятъ въ полной зависимости отъ его положенія вблизи азіатскаго континента и сосѣдства Японскаго и Охотскаго морей. Равнины Сибири, какъ извѣстно, сильно охлаждаются зимою; надъ ними образуется область высокаго атмосфернаго давленія, и охлажденный воздухъ, въ видѣ сѣверо-западныхъ и сѣверныхъ вѣтровъ, направляется къ восточной окраинѣ континента. Эти сѣверные вѣтры сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ на пониженіе температуры на всей нашей восточной окраинѣ, и мы видимъ, что, напр., въ посту Александровскомъ, располагающемся почти на параллели Кіева и Кельна, средняя температура января — 19.5° С., т. е. соответствуетъ темпера-

турѣ устьевъ Печоры и Новой Земли; на южномъ Сахалинѣ въ Корсаковскомъ посту, располагающемся примѣрно на широтѣ Одессы, средняя температура января— 10.7°C. , т. е. такая, какъ въ Петербургѣ.

Такимъ образомъ, зимы на всемъ Сахалинѣ холодныя и снѣжныя; низкая температура не умѣряется даже моремъ, которое само по себѣ, въ особенности Охотское, очень холодно и покрывается зимою почти сплошными льдами. Льды въ Охотскомъ морѣ, въ виду его замкнутости, держатся очень долго, не тая; иногда въ сѣверной части его они сохраняются до конца лѣта. Между тѣмъ лѣтомъ преобладаютъ на Сахалинѣ вѣтры, дующіе съ Охотскаго моря. Благодаря этому, Охотское море лѣтомъ не только умѣряетъ, но даже дѣлаетъ очень низкими лѣтнія температуры сосѣднихъ областей, въ томъ числѣ и Сахалина. Этимъ объясняется то обстоятельство, что лѣто на Сахалинѣ является отнюдь не жаркимъ и, напр., даже въ посту Корсаковскомъ оно холоднѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Средняя температура іюля тамъ $+15.1^{\circ}\text{C.}$, тогда какъ въ Петербургѣ $+18^{\circ}$.

Итакъ, климатъ Сахалина далеко нельзя назвать благоприятнымъ, особенно климатъ сѣверной и средней части острова: холодная зима со снѣжными бурями и мятелями и прохладное лѣто приближаютъ Сахалинъ въ климатическомъ отношеніи къ Архангельской губерніи. Интересно, что здѣсь приблизительно на широтѣ Саратова и Воронежа находится на глубинѣ $\frac{3}{4}$ —1 аршина вѣчно мерзлая почва, напр., у поста Дуэ и устья Тыми.

Южный Сахалинъ нѣсколько благоприятнѣе по своему климату, однако и его температурныя условія не лучше таковыхъ Петербургской губерніи.

Одна особенность сахалинскаго климата должна быть еще отмѣчена—это значительное количество атмосферическихъ осадковъ и ихъ своеобразное распределеніе. Осадковъ выпадаетъ около 600 мм, т. е. процентовъ на 30 болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Южнѣе, насыщенные влагою вѣтры дуютъ на Сахалинъ преимущественно лѣтомъ и осенью, и на эти времена года приходится и наибольшее количество выпадающаго дождя, тогда какъ зима и весна болѣе сухи.

Въ тѣсной связи съ климатомъ находится растительность Сахалина. Сѣверная часть острова, болѣе всего подвергающаяся вліянію суроваго климата, представляетъ изъ себя типичную тундру, особенно тамъ, гдѣ мѣстность открытая. Начиная съ пролива Невельскаго, горы Сахалина покрыты лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ, отчасти—лиственнымъ. Однако, тѣдра въ мѣстностяхъ, подверженныхъ холоднымъ вѣтрамъ, простирается еще далѣе на югъ, она заходитъ, напр., по восточному берегу до устья р. Поронай, расположеннаго подъ 49 градусомъ широты, т. е. на широтѣ Полтавы, гдѣ вырѣваютъ арбузы. Мѣстность здѣсь на до-

вольно далекое разстояніе отъ моря имѣеть характеръ настоящей полярной тундры, и курты и амбарушки на сваяхъ селенія ороченъ и гилыковъ еще болѣе увеличиваютъ это сходство. Можно подумать, что видишь передъ собой ландшафтъ Большеземельской тундры!

Въ средней и южной части Сахалина хребты до высоты 700—1000 футъ надъ уровнемъ моря покрыты густымъ и дикимъ хвойнымъ лѣсомъ изъ елей и пихтъ, представляющимъ изъ себя типичную сибирскую тайгу. Деревья достигаютъ огромной толщины, промежутки между ними заростають кустарниками, на землѣ лежатъ стволы повалившихся гигантовъ, и вся тайга дѣлается совершенно непролазной.

Въ долинахъ хвойный лѣсъ сперва подмѣшивается, затѣмъ смѣняется лиственнымъ, появляются не менѣе толстыя и огромныя осины, березы, вязы, тополи, ивы, густыя заросли жимолости, бузины, боярышника и шиповника. При всей неблагоприятности климата количество лучей солнца въ этихъ южныхъ широтахъ все же гораздо обильнѣе, чѣмъ у насъ; лѣто дольше, къ тому же влаги избытокъ. Вотъ почему, по всей вѣроятности, мы находимъ здѣсь небывало роскошное развитіе какъ древесныхъ, такъ и травянистыхъ растений. Тамъ, гдѣ нѣтъ лѣса, травы образуютъ заросли, которыя могутъ поспорить съ южно-американскими преріями: злакъ тростеполевица, знаменитая сахалинская гречиха и нѣкоторые специально сахалинскія сложноцвѣтныя и зонтичныя поднимаются выше роста человѣка и имѣютъ видъ деревьевъ; другія травы развиваются такимъ густымъ ковромъ, что продраться чрезъ эти луговые заросли стоитъ огромныхъ усилій, и единственное, что выручаетъ путника изъ затрудненія—это протоптанныя ранѣе тропинки. Замѣчательно, что вся эта растительность выгоняется въ началѣ лѣта съ феерической быстротой, въ какія нибудь 2—3 недѣли. Многія травянистыя растения въ послѣдствіи деревенѣютъ.

По составу своему сахалинская флора складывается изъ формъ, извѣстныхъ съ Амура и изъ восточной Сибири, отчасти въ нее входятъ японскія растенія, встрѣчаемыя на Иессо и Нипонѣ; такъ, напр., на Сахалинѣ мы встрѣчаемъ низкорослый японскій бамбукъ. Японскія растенія особенно многочисленны на южномъ Сахалинѣ и распространяются по западному берегу къ сѣверу до пролива Невельскаго. Восточный Охотскій берегъ, благодаря губительному вліянію Охотскаго моря, характеризуется растительностью гораздо болѣе сѣвальною по своему составу. Интересно, что здѣсь растенія даже цвѣтутъ значительно позже, чѣмъ на западномъ берегу, и тѣ самыя формы, которыя совершенно отцвѣли уже на берегу Японскаго моря, можно найти въ полномъ цвѣтѣ на берегу Охотскаго.

Фауна Сахалина, подобно флорѣ, имѣеть преимущественно сѣ-

верный характеръ и соответствуетъ фаунѣ лѣсной полосы азиатскаго материка. Главную роль въ ней играютъ лѣсные животныя: медвѣдь, волкъ, лисица, соболь, рысь, бѣлка и летяга являются между авѣрами наиболѣе часто встрѣчающимися представителями сахалинской фауны и, несомнѣнно, пришли съ материка.

Въ качествѣ рѣдкаго гостя, является на Сахалинѣ и тигръ, который переходитъ проливъ, отдѣляющій островъ отъ материка зимою по льду, свидѣтельствуя тѣмъ, что онъ далеко не такое тропическое животное, какъ объ этомъ думаютъ.

Изъ копытныхъ животныхъ мы встрѣаемъ на Сахалинѣ лишь дикаго сѣвернаго оленя и кабаргу. Сѣверный олень распространенъ по всему острову до самой южной его оконечности, что стоитъ въ связи съ далекимъ захожденіемъ на югъ тундряной растительности.

Между млекопитающими Сахалина нѣтъ ни одной южной формы, пришедшей изъ Японіи. Иначе обстоитъ дѣло съ птицами, между которыми мы, кромѣ обитателей сѣверныхъ, имѣемъ и обитателей южныхъ областей. Лѣса Сахалина населены тѣми же птицами, какъ и лѣса Восточной Сибири; однако, съ юга заходитъ въ нихъ цѣлый рядъ японскихъ формъ, составляющихъ въ фаунѣ птицъ 12% ея.

Сухопутныя животныя Сахалина имѣютъ небольшое экономическое значеніе въ настоящемъ и еще менѣе общаесть въ будущемъ. Совершенно иное значеніе имѣетъ животный міръ, населяющій воды, которыя омываютъ Сахалинъ,—въ немъ мы находимъ неисчислимыя богатства, которыя могутъ служить основой благосостоянія острова, какъ колоніи, почему мы на нихъ и остановимся подробнѣе.

III.

Моря, окружающія Сахалинъ, являются, какъ мы уже упоминали, морями холодными и, какъ таковыя, содержать холодноводную, сѣверную фауну. Лишь западный берегъ Сахалина омывается теплымъ теченіемъ, которое является вѣтвью тихоокеанскаго Гольфстрема — теченія Куро-Сиво. Здѣсь это теченіе сходитъ на нѣтъ, вступая въ холодныя воды Японскаго моря и постепенно смѣшиваясь съ ними. Въ такихъ областяхъ находятся обыкновенно наиболѣе благоприятныя условія для массоваго развитія нѣкоторыхъ рыбныхъ породъ, особенно трески и сельди. Въ Атлантическомъ океанѣ наиболѣе богатые ловли трески и сельди имѣются въ концевой области Гольфстрема у Лофотскихъ острововъ и въ сѣверной Норвегіи. Огромные запасы этихъ рыбъ находятся и въ Сѣверо-Японскомъ морѣ, въ особенности сельди. Ранней весною въ апрѣлѣ и маѣ, когда лежитъ еще снѣгъ, стаи

чаекъ, выюціяся надъ моремъ, извѣщаютъ своимъ крикомъ о приближеніи огромныхъ косяковъ сельди. Сельдь подходитъ къ берегамъ для того, чтобы отложить среди прибрежныхъ водорослей икру, и идетъ нерѣдко такими массами, что даже на поверхности воды замѣтно ея движеніе: крайнія рыбы выпираютъ среднихъ и море дѣлается бѣлымъ отъ выпущенныхъ молокъ. Если въ такую пору разыграется буря, а бури на Сахалинѣ весною не рѣдки, то масса серебристой, трепещущей рыбы выбрасывается на берегъ и образуетъ нерѣдко цѣлый валъ на берегу. Жителямъ остается лишь собирать сельдь въ корзины, и они нагружаютъ ею цѣлыя телѣги.

Ходъ сельди продолжается нѣсколько дней и затѣмъ съ нѣкоторыми перерывами и не такой интенсивный наблюдается въ маѣ и іюнѣ. Какъ велики косяки сельдей, подходящихъ къ берегу съ моря, трудно себѣ даже и представить. Могу привести одинъ примѣръ: въ іюнѣ 1901 г. мнѣ на западномъ берегу пришлось идти нѣсколько верстъ по ковру изъ икры сельди, выброшенной бурей на берегъ, засохшей и образовавшей толстый слой въ нѣсколько шаговъ шириною. Чтобы выметать такое количество икры, необходимо было присутствіе многихъ милліоновъ рыбъ.

Начиная съ іюня, къ берегамъ Сахалина приближаются лососевыя—горбуша и кета, однако ихъ наибольшее количество мы встрѣчаемъ на восточномъ берегу, такъ какъ ихъ главная область распространенія Охотское море. Восточныя лососевыя, также какъ и нашъ обыкновенный лосось, входятъ изъ моря въ рѣки и поднимаются по нимъ до самыхъ верховьевъ, гдѣ откладываютъ икру. При этомъ они претерпѣваютъ замѣчательныя измѣненія, особенно горбуша: изъ красивой, серебристой рыбы, похожей на нашего лосося, самецъ горбуши превращается въ безобразное чудовище, такъ какъ на спинѣ у него вырастаетъ огромный горбъ, верхняя и нижняя челюсти вытягиваются и загибаются крючкомъ, цвѣтъ становится тусклый, коричневатый. Огромное количество лососевыхъ, достигнувъ верховья рѣкъ, погибаетъ послѣ икрометанья и усѣиваетъ своими трупами берега и воды рѣки, доставляя обильную пищу медвѣдямъ, которые около этого времени изрядно откармливаются.

Количество лососевыхъ, входящихъ въ рѣки Сахалина, не такъ значительно, какъ на Амурѣ и въ рѣкахъ Камчатки, однако, стаи кеты и горбуши все же очень многочисленны, особенно стаи, входящія въ обѣ главныя сахалинскія рѣки—Поронай и Тымъ. Около устьевъ этихъ рѣкъ, по берегу моря и располагаются главныя мѣста лова, а въ верховьяхъ рѣки перегорожены во многихъ мѣстахъ плотными плетнями съ ивовыми мордами. Во время своего хода лососевыя неудержимо стремятся къ верховьямъ рѣкъ, чтобы свершить свою важнѣйшую функцію, и

при этомъ легко ловятся какъ въ невода, выставляемые въ морѣ, такъ и въ ловушки, преграждающія имъ путь въ рѣкѣ.

Морскія богатства окружающихъ Сахалинъ водъ не ограничиваются сельдью и лососевыми. Мы имѣемъ здѣсь также огромные запасы трески, которая ловится въ большомъ количествѣ недалеко отъ берега; ловятся также крупные, нерѣдко пудовые палтусы, вахня, близко родственная нашей навагѣ, различныя камбалы, терпуги, бычки и много другихъ рыбъ. Кромѣ того, воды Сахалина посѣщаются китами и дельфинами, въ заливѣ Терпѣнія нерѣдки стада бѣлухъ, на нѣкоторыхъ островкахъ у Сахалина встрѣчаются лежбища огромныхъ тюленей-сивучей, а на островкѣ Тюленьемъ, въ заливѣ Терпѣнія имѣется интересное лежище котиковъ. Здѣсь на отлогомъ песчаномъ берегу обрисовываются сотни этихъ оригинальныхъ животныхъ, между ними видны фигуры крупныхъ самцовъ-сѣкачей и рядомъ болѣе мелкія самки и молодые котикъ. Если принять во вниманіе, что котиковъ здѣсь нѣсколько тысячъ, то лежище это слѣдуетъ оцѣнить не менѣе, какъ въ миллионъ рублей.

Всѣ морскія промысловыя богатства эксплуатируются на Сахалинѣ человѣкомъ далеко не такъ и не въ такой степени, какъ бы они того заслуживали. Промысла сельди и лососевыхъ сильно развиты по сахалинскому побережью: въ южной части Сахалина всего ихъ болѣе 200 и какъ западный, такъ и восточный берегъ испещрены промысловыми пунктами; по западному берегу и въ заливѣ Анива располагаются преимущественно селечные промысла, по восточному берегу и въ заливѣ Терпѣнія—лососевые.

До послѣдняго времени состояніе этихъ промысловъ было далеко не утѣшительнымъ: огромное большинство промысловыхъ пунктовъ находилось въ рукахъ японцевъ-промышленниковъ, которымъ русское правительство сдавало ихъ ежегодно въ аренду за относительно небольшую плату. Изъ 193 участковъ, работавшихъ въ 1900 г., 125 участковъ принадлежало японцамъ и лишь 68—русскимъ, главнымъ образомъ одной русской фирмѣ „Семеновъ и К“. Число японцевъ, работавшихъ на Сахалинѣ, было болѣе 4000 человѣкъ а позднѣе даже 6000 челов. Надо сказать къ тому же, что и русскіе участки являются такими только по имени и въ силу того, что хозяинъ-арендаторъ русскій,—все же остальное: рабочіе, лодки, способы лова и приготовленія рыбы, всѣ предметы обихода, до послѣдняго гвоздя и веревки,—все японское и привозится изъ Хакодате. Въ Японію же отправляются и всѣ добытые на Сахалинѣ продукты, такъ какъ Японія является единственнымъ возможнымъ рынкомъ сбыта для нихъ.

Продукты, въ которые превращаются японскими промышленниками цѣнная сахалинская рыба, далеко неприглядны: сельдь, которая вполнѣ могла бы солиться и по вкусу не уступаетъ норвежской, превращается въ селечный тузъ — удобреніе для

япоскихъ полей и плантацій. Сельдь вылавливается у берега особыми ставными неводами-ловушками и первоначально помѣщается въ большіе сѣтвые мѣшки, подвѣзанные подъ лодками. Затѣмъ ее вычерпываютъ въ лодки и вывозятъ на берегъ, гдѣ носильщики ждутъ уже съ ящиками. Въ этихъ ящикахъ они переносятъ сельдь и сбрасываютъ ее въ кучу въ загороженномъ мѣстѣ, гдѣ она лежитъ нерѣдко недѣли двѣ—три подъ лучами солнца и подъ дождемъ и, конечно, разлагается. Затѣмъ постепенно, небольшими порціями, сельдь варятъ въ огромныхъ котлахъ, вмазанныхъ въ землю, и прессуютъ въ деревянныхъ прессахъ, которые расположены около котловъ. Въ нихъ отжимается жиръ, обыкновенно спускаемый въ море, а сельдь превращается въ прессованные кубики, подсыхающіе на воздухѣ. Затѣмъ, когда наступитъ хорошая погода, кубики разбиваютъ на мелкіе куски и высушиваютъ на лугу на циновкахъ изъ рисовой соломы; въ это время цѣлыя поля бывають покрыты тукомъ и японцы-рабочіе ходятъ и шевелятъ его граблями, какъ сѣно. Наконецъ, высушенный уже тукъ запаковывается въ тюки и отправляется въ Японію. 4 пуда прекрасной жирной сельди превращаются въ 1 пудъ тука, которому цѣна около 90 копѣекъ. Такого тука добывается на Сахалинѣ свыше милліона пудовъ и, слѣдовательно, для приготовленія его губится 4 милліона пудовъ рыбы, или около полумилліона сельдей.

Немногимъ лучше и приготовленіе лососевыхъ,—кеты и горбуши, которыя при хорошемъ посолѣ напоминаютъ семгу. Ихъ ловятъ на морскихъ промыслахъ приблизительно такими же морскими неводами, протгиваемыми въ видѣ плоскаго мѣшка между двумя лодками. Когда рыба, попавшая въ такой мѣшокъ, согнана въ одинъ конецъ невода, то кажется, что вода кипитъ ключемъ: такъ много бьется и плещетъ въ ней рыба! Привезенная на берегъ, рыба наскоро чистится нанятыми инородцами и затѣмъ солится по японоскому способу, безъ бочекъ или какой-либо посуды. Рыбу складываютъ въ сараѣ пластами и пересыпаютъ густо солью: получается штабель, въ которомъ рыба лежитъ, какъ дрова, и засаливается очень сильно. Разсолъ стекаетъ и выводится канавками изъ сарая, рыба же подсыхаетъ и становится „съ душкомъ“, такъ какъ вокругъ нея, вмѣсто разсола, воздухъ и она обвѣтривается и слегка разлагается. Полученный продуктъ совершенно несъѣдобенъ для европейца, да и въ Японіи идетъ на пищу лишь низшихъ слоевъ населенія. Цѣнность его колеблется отъ полутора до двухъ рублей за пудъ, т. е. пудъ такой рыбы стоитъ столько, сколько у насъ два, три фунта семги. Въ общей сложности кеты и горбуши вылавливается на Сахалинѣ около 200 тысячъ пудовъ,—количество, которое не можетъ идти въ сравненіе съ добываемымъ на Амурѣ и Камчаткѣ, но все же значительное.

Изъ другихъ промысловыхъ объектовъ на Сахалинѣ ловятся въ небольшомъ количествѣ киты и именно „ловятся“, такъ какъ японцы-промышленники ловятъ ихъ сѣтями. На берегу залива Анивы находится китобойный промыселъ Мерейскій мостъ, также сдаваемый въ аренду японцами. Сѣти, которыми ловятъ кита, дѣлаются изъ толстыхъ канатовъ, имѣютъ ячею приблизительно въ ростъ человѣка и болѣе версты въ длину. Нѣсколько лодокъ со множествомъ гребцовъ, выслѣдивъ кита, стараются загнать его въ растянутую между лодками сѣть и, когда онъ въ послѣдней запутается, умерщвляютъ его гарпунами и разрывными пулями.

Еще одинъ немаловажный промыселъ представляетъ добычаніе морской капусты—водоросли, имѣющей видъ длинныхъ глянцевитыхъ зеленыхъ ремней. Она растетъ недалеко отъ берега, на небольшихъ глубинахъ, въ огромномъ количествѣ, и все добычаніе сводится къ тому, что ее подрѣзаютъ у самого корня ножомъ, прикрѣпленнымъ къ песту, и вытаскиваютъ на берегъ, гдѣ затѣмъ водоросли эти сушатся на солнцѣ, запаковываются въ тюки и отправляются въ Китай. Тамъ онѣ составляютъ немаловажный пищевой продуктъ бѣднаго населенія. Морской капусты вылавливается на Сахалинѣ отъ 50 до 100 тысячъ пудовъ и — что особенно замѣчательно—это дѣло находится всецѣло въ русскихъ рукахъ и даже возникло, исключительно благодаря предпримчивости владивостокскаго купца Семенова, вздумавшаго торговать съ Китаемъ такимъ небывалымъ продуктомъ. На торговлѣ морской капустой Семеновъ нажилъ большой капиталъ и совмѣстно съ шотландцемъ Демби владѣетъ теперь на Сахалинѣ 22 лучшими селедочными участками.

Въ общей сложности морскихъ продуктовъ вывозится съ Сахалина отъ одного до полутора милліона пудовъ. При разумной эксплуатаціи, воды, окружающія Сахалинъ, могли бы дать во много разъ болѣе продуктовъ и, при соотвѣтственной обработкѣ, продуктовъ, гораздо болѣе цѣнныхъ. Если бы сахалинскую сельдь солить обычнымъ способомъ и лососевую рыбу также превращать въ обыкновенный соленый продуктъ или вывозить въ замороженномъ видѣ въ пароходахъ-ледникахъ, какъ недавно былъ сдѣланъ вполне успѣшный опытъ одной нѣмецкой фирмой на Амурѣ, то доходъ съ промысловъ, безъ сомнѣнія, увеличился бы очень значительно, и государство получало бы съ нихъ не 100,000 руб., какъ въ настоящее время, а, быть можетъ, не одинъ милліонъ, и къ тому же населеніе Сибири и Европейской Россіи было бы снабжено большимъ количествомъ дешевой и хорошей рыбы.

Въ еще болѣе печальномъ положеніи находится на Сахалинѣ лѣсной промыселъ. По всей вѣроятности, около половины всей поверхности Сахалина покрыто дѣвственной тайгой, состоящей изъ огромныхъ вѣковыхъ елей и лиственницъ, березъ, тополей,

еленовъ, вязовъ, дубовъ, ясеней, пробковаго дерева, осины и другихъ лиственныхъ породъ. Главныя водныя артеріи Сахалина, Поронай и Тѣмъ, прорѣзываютъ на протяженіи сотенъ верстъ эту тайгу и послѣ нѣкоторой расчистки могли бы служить сплавленными путями. Тѣмъ не менѣе, лѣсное дѣло совсѣмъ не развито на Сахалинѣ. Нѣсколько разъ дѣлались попытки вывозить лѣсные матеріалы съ острова, но далѣе опытовъ, не всегда удачныхъ, дѣло не шло, и до самаго послѣдняго времени Владивостоку и Портъ-Артуру снабжались лѣснымъ матеріаломъ для построекъ, привезеннымъ съ западнаго побережья Сѣверной Америки — изъ Орегона и Калифорніи. Говорятъ, что Владивостокъ наполовину выстроенъ изъ американскаго лѣса, не смотря на то, что и отъ него недалеко до дремучей дѣвственной тайги.

Страшнымъ врагомъ сахалинскихъ лѣсовъ являются очень нерѣдкіе тамъ лѣсные пожары, которыми истребляются колоссальныя количества лѣса. При отсутствіи какой-либо охраны лѣсовъ, пожаръ, начавшійся около населеннаго мѣста, быстро распространяется, и лѣсъ горитъ до тѣхъ поръ, пока пожаръ не прекратится самъ собою изъ-за дождя или отсутствія горючаго матеріала. Грустный видъ представляетъ затѣмъ такая горѣлая тайга, простирающаяся на многіе десятки верстъ: какъ привидѣнія, торчатъ черныя обуглившіяся деревья, съ нѣмыми укоромъ простирая къ небу свои обгорѣвшія вѣтки; вся почва усыпана углями и лишена даже зеленаго травяного покрова. Дремучая тайга превратилась въ оголенную пустыню. Въ настоящее время мало кто и жалѣетъ лѣсъ, такъ какъ никто имъ не пользуется, иначе какъ для мѣстныхъ хозяйственныхъ нуждъ. При иной постановкѣ дѣла, конечно, и лѣсъ могъ бы составить крупное богатство Сахалина.

Еще грандіознѣе минеральныя богатства острова, особенно его угольныя залежи. Въ очень многихъ мѣстностяхъ по западному берегу Сахалина и по южной части восточнаго открыты и давно уже всѣмъ извѣстны выходы каменнаго угля. Самыя обильныя мѣсторожденія мы встрѣчаемъ около постовъ Дуэ и Александровскаго, гдѣ толстые слои угля выходятъ непосредственно на поверхность и мѣстами достигаютъ толщины 2—3 сажень, простираясь подъ землею на много верстъ. По качествамъ своимъ этотъ уголь, какъ было признано всѣми испытывавшими его, является прекраснымъ топливомъ, даетъ много жару, не спекается, почти свободенъ отъ примѣсей и во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ японскій уголь, широко распространенный на Дальнемъ Востоку. Не смотря на свои хорошія качества, уголь этотъ разрабатывается, однако, лишь въ трехъ рудникахъ и добывается сравнительно въ очень небольшомъ количествѣ; только за послѣднее время вывозъ его съ Сахалина превысилъ два милліона пудовъ—цифра, все же совершенно ничтожная по сравненію съ тѣмъ,

что Сахалинъ можетъ дать. Къ тому же небрежной разработкой и доставкой угля изъ копей онъ значительно обезцѣняется, такъ какъ измельчается и распыляется. Для болѣе значительнаго развитія каменноугольнаго дѣла не хватаетъ предпримчивости, не хватаетъ рабочихъ рукъ и, главнымъ образомъ, являются чрезвычайно неудобными условія доставки угля, такъ какъ на Сахалинѣ нѣтъ ни одного порядочнаго порта, гдѣ бы пароходы могли спокойно грузиться. При нагрузкѣ судовъ на открытомъ рейдѣ Дуэ или Александровска часто имъ приходится, если подымется буря, разводить пары и уходить ототавившись за сто верстъ въ бухту де-Кастри на материкѣ. Въ результатъ, въ то время, какъ Японія вывозила изъ своихъ предѣловъ за послѣдніе годы каменнаго угля болѣе, чѣмъ на 20 милліоновъ рублей ежегодно, и снабжала углемъ даже нашу Восточно-Китайскую желѣзную дорогу на 5 милліоновъ рублей въ годъ, вывозъ угля съ Сахалина не достигалъ и 500.000 руб., и вмѣсто собственнаго хорошаго угля наши суда должны были жечь плохой японскій, а наше правительство должно было платить огромныя суммы Японіи и такимъ образомъ косвенно содѣйствовать ея экономическому развитію.

Помимо угля, на Сахалинѣ находятся залежи желѣзныхъ рудъ, свинцовыя руды, признакъ золотыхъ россыпей и, главное, по всей вѣроятности, имѣются огромныя количества нефти. Я говорю „по всей вѣроятности“, такъ какъ до сихъ поръ вопросъ о сахалинской нефти не выясненъ вполне, не смотря на его огромное экономическое значеніе. Многіе изслѣдователи и въ томъ числѣ такіе спеціалисты и знатоки нефтянаго дѣла, какъ, напримѣръ, работавшій послѣдніе годы на Сахалинѣ на средства частнаго общества горный инженеръ Клейе, утверждаютъ, что въ окрестностяхъ Нийскаго и Набильскаго заливовъ по восточному берегу острова имѣются грандіозныя скопленія нефти, выбивающейся во многихъ мѣстахъ на поверхность въ видѣ нефтяныхъ источниковъ. Если бы это, дѣйствительно, оказалось правильнымъ и на Сахалинѣ сдѣлалась бы возможна добыча нефти, хотя бы въ такомъ количествѣ, какъ въ сѣверной Японіи, то каждому ясно, какое огромное экономическое значеніе для всего нашего Дальняго Востока, и въ особенности для нашего коммерческаго и военнаго флота, имѣло бы такое открытіе источника удобнаго и дешеваго топлива. До сихъ поръ, однако, не смотря на всю важность вопроса, не было сдѣлано даже основательныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій и развѣдокъ, и мы не можемъ съ увѣренностью сказать, имѣется ли на Сахалинѣ нефть въ такомъ количествѣ, чтобы стоило ее разрабатывать.

Итакъ, мы видимъ, что природа, какъ бы въ вознагражденіе за то, что поставила Сахалинъ въ относительно тяжелыя климатическія условія, одарила его многими богатствами: рыба и звѣри, лѣсъ, каменный уголь, руды, нефть,—все это представ-

ляетъ изъ себя огромный капиталъ, которымъ человѣку надо только уметь пользоваться. Посмотримъ теперь, какъ эксплуатируетъ эти блага человѣкъ и что онъ изъ нихъ извлекаетъ.

IV.

До прихода русскихъ Сахалинъ былъ населенъ исключительно инородцами, принадлежащими къ тремъ племенамъ. Это были айны, орочи и гиляки. Они вели жизнь почти первобытныхъ людей и стояли въ тѣсной зависимости отъ окружающей природы. При суровыхъ климатическихъ условіяхъ земледѣліе не могло самостоятельно развиться на Сахалинѣ, но за то чрезвычайное богатство рыбою и морскимъ и лѣснымъ звѣремъ обезпечивало существованіе народовъ-охотниковъ и рыболововъ. И, дѣйствительно, всѣ три народности, населявшія Сахалинъ, существовали почти исключительно за счетъ рыбы и звѣря. Рыба доставляла не только пищу для людей и для ихъ собакъ, необходимыхъ для передвиженія, но даже давала матеріалъ для одежды, которая дѣлается айнами и гиляками изъ рыбьихъ шкуръ; шкуры сивучей и тюленей шли на изготовленіе лодокъ и ремней для упряжи; желудокъ, кишки и пузырь тѣхъ же животныхъ служили для изготовленія сосудовъ; шкуры медвѣдей, волковъ и лисицъ доставляли теплый мѣхъ для зимы, а на соболя вымѣнивались у купцовъ-китайцевъ, пріѣзжавшихъ изрѣдка на Сахалинъ, различные мелкіе предметы домашнего обихода. Такимъ образомъ природныя богатства вполне гарантировали существованіе инородцевъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не пришли въ соприкосновеніе съ цивилизаціей. Лишь съ появленіемъ на Сахалинѣ сперва японцевъ, а потомъ русскихъ, жизнь айновъ, орочей и гиляковъ стала тяжелѣе: лучшія мѣста рыболовства были заняты пришельцами, звѣрь распуганъ и истребленъ огнестрѣльнымъ оружіемъ; наконецъ, водка и занесенныя новыя болѣзни довершили остальное, и въ настоящее время мы находимъ на Сахалинѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, всего лишь около 4,000 душъ инородческаго населенія.

Мнѣ пришлось познакомиться болѣе близко съ айнами, которые населяютъ преимущественно южный Сахалинъ, тогда какъ гиляки живутъ въ сѣверной части острова, а орочи лишь въ долині р. Пороная. Племя айновъ чрезвычайно интересно въ этнографическомъ отношеніи: пожалуй, ни объ одномъ народѣ восточной Азіи не высказывалось столько различныхъ теорій и гипотезъ, какъ о происхожденіи айновъ. Дѣйствительно, уже по своей наружности айны совершенно не походятъ на окружающія племена монгольской расы. При первомъ же взглядѣ на айновъ замѣчается внѣшнее сходство ихъ съ племенами кавказской расы. Монгольскія черты—узкіе, скошенные глаза, выступающія скулы,

желтый цвѣтъ кожи и слабое развитіе бороды и усовъ—почти отсутствуют или выражены не ясно. Растительность на головѣ и на тѣлѣ развита у айновъ чрезвычайно сильно, и широкое бородатое лицо ихъ приближается часто даже къ русскому типу. Мало выражены монгольскія черты и у айноскихъ женщинъ, ихъ нельзя признать за монголоидъ. Эта своеобразная внѣшность айновъ и ихъ совершенно оригинальный языкъ, не обнаруживающій явного родства ни съ однимъ изъ сосѣднихъ, заставляли изслѣдователей много ломать голову надъ вопросомъ о родствѣ айновъ; нѣкоторыми изъ нихъ айны причислялись къ арійской расѣ, другіе ученые сближали айновъ съ малайцами, третьи находили сходство между ними и американскими индѣйцами, наконецъ, цѣлый рядъ изслѣдователей причислялъ ихъ, не смотря на всѣ отличительныя особенности, къ монгольскимъ племенамъ. Правильнѣе всего, пожалуй, видѣть въ айнахъ остатки совершенно самостоятельнаго племени очень древняго происхожденія, занимавшаго въ отдаленныя времена обширную область восточной Азіи и затѣмъ вытѣсненнаго другими племенами на восточную окраину.

Не могу не обратить вниманія еще на одно обстоятельство: до сихъ поръ никто изъ этнографовъ не пытался сравнивать айновъ съ корейцами, происхожденіе которыхъ также довольно загадочно. Между тѣмъ, по своей внѣшности обѣ народности имѣютъ сходныя черты, мнѣ это бросилось въ глаза, такъ какъ за годъ передъ своимъ путешествіемъ по Сахалину я провелъ лѣто въ Корей. Было бы въ высокой степени интересно ближе выяснить отношенія между этими двумя народностями; родство ихъ во всякомъ случаѣ болѣе вѣроятно, чѣмъ родство айновъ съ малайцами или индѣйцами.

Айны ведутъ на Сахалинѣ осѣдлый образъ жизни и живутъ небольшими поселками, приуроченными къ наиболѣе обильнымъ рыбю рѣкамъ; жилищами служатъ имъ очень просто устроенныя юрты изъ бревенъ, шестовъ и коры деревьевъ. Они держатъ въ небольшомъ количествѣ собакъ, которыя на Сахалинѣ доставляютъ зимою единственное возможное средство передвиженія. Впрочемъ, ѣзда на собакахъ является на Сахалинѣ дѣломъ обычнымъ и для русскихъ, такъ какъ зимою, при сахалинскомъ бездорожьи, съ одного конца острова на другой можно попасть только въ узкихъ санкахъ, запряженныхъ собаками. Такимъ способомъ передвигаются на Сахалинѣ и чиновники, и священники, объѣзжающіе свой приходъ, и доктора, вызванные къ больному. Ѣзда на собакахъ довольно быстра; при хорошихъ условіяхъ можно сдѣлать въ день верстъ восемьдесятъ, но, конечно, при этомъ приходится нѣсколько рисковать поломкой шеи. Тѣмъ не менѣе, даже почта привозится на Сахалинъ и слѣдуетъ изъ одного пункта острова въ другой на собакахъ, и содержаніе собакъ для почтовой гонимы доставляетъ даже существенный доходъ саха-

линскимъ айнамъ и гилякамъ. Другимъ обычнымъ занятіемъ ихъ, кромѣ рыбной ловли, является охота на соболей. Впрочемъ, большею частью айны и другіе сахалинскіе инородцы не охотятся на соболя съ ружьемъ, а ставятъ на него хитро устроенныя ловушки. Они пользуются тѣмъ, что соболя переходятъ черезъ ручейки и рѣчки по упавшимъ деревьямъ и устраиваютъ ловушку на бревнѣ, которое кладутъ черезъ ручей. Петля приспособляется такимъ образомъ, что соболю, пролѣзая между палочками, задерживается за настороженный курокъ, и тогда петля соскакиваетъ и затягивается. Въ настоящее время соболей становится уже мало, и жить охотой на нихъ айнамъ трудно, почему они нанимаются на японскіе промысла или сами занимаются ловлей рыбы, которую продаютъ японцамъ.

Главною основою существованія айновъ является, однако, и по настоящее время рыба и, именно, лососевыя. Ловлю кеты и горбуши айны занимаются какъ въ устьяхъ, такъ и въ верховьяхъ рѣкъ и, благодаря изобильному ходу лососевыхъ, наваливаютъ себѣ огромныя запасы рыбы самыми примитивными орудіями, иногда простымъ желѣзнымъ крюкомъ, привязаннымъ къ палкѣ. Вся эта рыба вылитая на солнцѣ и превращается въ сухой продуктъ, носящій названіе „юколы“; юколой питаются большую часть года и сами айны, и ихъ собаки. Слабый ходъ кеты и горбуши для айновъ такое же страшное бѣдствіе, какъ для земледѣльческаго населенія неурожай; при незапасливости и безпечности, свойственной всѣмъ первобытнымъ племенамъ, въ случаѣ такого недолова рыбы мрутъ отъ голода и люди, и ихъ собаки, составляющія ихъ единственное достояніе.

Жилище айновъ—юрта—представляетъ изъ себя довольно своеобразное строеніе, просторное внутри, но совершенно не имѣющее оконъ и лишь одну дверь и дымовое отверстіе надъ очагомъ. Вокругъ очага располагаются полати для спанья, гдѣ помѣщаются члены семьи. Зимой въ юртѣ холодно и дымно, лѣтомъ же вполне сносно и даже не особенно грязно. Вниманіе посѣтителя привлекается своеобразными предметами въ красномъ углу юрты—это палки съ длинными стружками на концахъ въ видѣ метелки,—священный предметъ айновъ, такъ называемый „инао“, защищающій юрту и ея обитателей отъ нашествія злыхъ духовъ. Айны, впрочемъ, относятся безо всякаго особаго уваженія къ этимъ священнымъ метелкамъ и охотно продаютъ ихъ за нѣсколько копѣекъ, философски разсуждая, что сдѣлать новый инао не трудно.

Еще однимъ своеобразнымъ предметомъ культа айновъ является, такъ же какъ и у гиляковъ, медвѣдь. До сихъ поръ на Сахалинѣ ежегодно въ айнскихъ селеніяхъ происходитъ медвѣжій праздникъ. Къ сожалѣнію, праздникъ этотъ справляется обыкновенно зимою, и потому мнѣ не пришлось присутствовать

на немъ; намъ показывали лишь въ нѣсколькихъ айскихъ селеніяхъ медвѣдей, сидящихъ въ клѣткахъ, прочно одѣланныхъ изъ брусевъ. Эти медвѣди, пойманные еще медвѣжатами, откармливаются айнами очень усердно рыбою.

Такой медвѣдъ считается у айновъ божествомъ, но это не мѣшаетъ имъ обращаться съ нимъ не особенно почитательно: правда, во время праздника откормленнаго въ неволѣ медвѣдя сперва оплакиваютъ всѣ женщины того селенія, гдѣ справляется праздникъ, при чемъ онѣ не спятъ всю ночь, причитая надъ медвѣдомъ, какъ надъ покойникомъ; однако на слѣдующій же день все мужское населеніе выволакиваетъ медвѣдя изъ клѣтки на ремняхъ, его таскаютъ по деревнѣ, затѣмъ привязываютъ на заранее приготовленномъ мѣстѣ къ столбу и разстрѣливаютъ деревянными стрѣлами. Въ концѣ концовъ все селеніе и съѣхавшіеся на праздникъ изъ дальнихъ поселковъ гости угощаются жаренымъ мясомъ умерщвленнаго такимъ жестокимъ образомъ божества.

Безъ сомнѣнія, этотъ медвѣжій праздникъ—пережитокъ тѣхъ давнихъ временъ, когда медвѣдей въ тайгѣ было больше, чѣмъ людей, и когда человѣкъ жилъ подъ постояннымъ страхомъ встрѣчи съ этимъ хозяиномъ лѣсовъ. Дикарь боготворитъ все, что кажется ему особенно страшнымъ и сильнымъ, и лѣсное чудовище превращается въ его представленіи въ божество. Торжественное умерщвленіе этого божества, покореннаго и обезсиленнаго человѣкомъ, знаменуетъ, быть можетъ, побѣду человѣка надъ враждебными силами природы.

Другая сахалинская народность—орочи, живущіе въ долинѣ Пороная,—племя, родственное тунгусамъ и гилякамъ и сходное съ ними и по наружности. Орочи могутъ въ то же время служить примѣромъ вымирающаго племени, вымирающаго въ силу того же давленія, испытываемаго со стороны цивилизаціи.

Посѣщеніе поселка орочей производитъ самое тяжелое впечатлѣніе. Коническія юрты изъ шестовъ, связанныхъ на верху и кое-какъ прикрытыхъ цыновками и древесною корою, представляютъ изъ себя не постройки, а скорѣе шалаши, которые не защищаютъ обитателей ихъ ни отъ дождя, ни отъ вѣтра. Сами хозяева ихъ, всѣ отъ стараго до малаго, носятъ явные признаки вырожденія: испитыя лица, искривленныя спины и ноги, страшная худоба и слѣды всевозможныхъ болѣзней свидѣлствуютъ о близкомъ концѣ этого племени. Особенно жалкое впечатлѣніе производятъ дѣти—рахитичныя, безъ кровинки въ лицѣ, покрытыя струпами, невѣроятно грязныя, почти потерявшія чело-вѣческій обликъ...

Орочи живутъ также главнымъ образомъ рыбой, которую частью обращаютъ въ юколу, часть продаютъ на японскіе промысла. Плату за нее они получаютъ не деньгами, а дешевой бу-

мажмой матеріей, домашнею утварью, табакомъ и, конечно, водкой. Въ большинствѣ случаевъ у нихъ нѣтъ ни собакъ, ни оленей, и прямо диву приходится даваться, какъ перебиваются эти бѣдняки долгою сахалинскою зимою! На Сахалинѣ по офіціальнымъ даннымъ ихъ насчитывается 700—800 душъ и,—хотя и нельзя особенно полагаться на сахалинскую статистику, но въ данномъ случаѣ можно повѣрить ей—число ихъ годъ отъ году убываетъ. Такова же, впрочемъ, судьба орочей и на материкѣ, гдѣ по побережью Японскаго моря, между Владивостокомъ и Николаевскомъ, еще сохранились мѣстами жалкіе остатки этого когда-то многочисленнаго племени, но также находятся въ состояніи явнаго вымиранія.

Третья народность — гиляки, подобно орочамъ, явственно монгольскаго происхожденія. Ихъ скуластыя лица съ узкими и нѣсколько раскосыми глазами не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія; гиляки носятъ даже косы, какъ китайцы, но не такія длинныя и тонкія, а короткія и толстыя.

Гиляки населяютъ сѣверную часть Сахалина и живутъ тамъ въ небольшихъ селеніяхъ, разбросанныхъ по восточному и западному берегу острова. Повидимому, это племя является болѣе стойкимъ и способнымъ приспособляться къ новымъ условіямъ, чѣмъ орочи,—такого поголовнаго обнищанія и вымиранія ихъ не наблюдается, хотя, конечно, и на нихъ столеновеніе съ цивилизаціей отражается далеко не благотворно.

Живутъ гиляки главнымъ образомъ рыболовствомъ, охотою на соболя и на морскихъ звѣрей, почтовою гоньбою на собакахъ, иногда нанимаются на рыбные промыслы въ качествѣ помощниковъ или сторожей зимою, вообще стремятся приспособиться къ современной жизни.

Къ сожалѣнію, мнѣ мало пришлось сталкиваться съ этой, повидимому, наиболее передовою народностью острова, такъ какъ на сѣверномъ Сахалинѣ я пробылъ очень недолго.

Ужъ изъ всего сказаннаго явствуетъ, что положеніе инородцевъ на Сахалинѣ въ достаточной степени печально. Дѣйствительно, съ занятіемъ японцами и русскими лучшихъ рыболовныхъ мѣстъ, съ уменьшеніемъ запасовъ лососевыхъ, благодаря интенсивному и нераціональному лову,—инородцы лишились, если не вполнѣ, то въ значительной степени, своего главнаго источника существованія—рыбы. Безсовѣстная эксплуатація ихъ довѣрчивости и неопытности со стороны какъ японцевъ, такъ и русскихъ, появленіе новыхъ соблазновъ въ видѣ табаку и водки, наконецъ, проникновеніе новыхъ болѣзней,—были дальнѣйшими послѣдствіями ихъ соприкосновенія съ цивилизаціей, подорвавшими и ихъ здоровье, и ихъ матеріальное благосостояніе.

Со стороны сахалинскихъ властей, принадлежащихъ къ тюремному вѣдомству, прилагается очень мало заботъ къ поднятію

благосостоянія инородцевъ: окружные начальники едва могутъ справиться и со всѣми дѣлами, касающимися русскаго населенія. Разбросанныя по тайгѣ и тундрѣ на громадныхъ разстояніяхъ, трудно доступныя при сахалинскомъ бездорожьи, инородческія селенія предоставлены вполнѣ самимъ себѣ и управляются главнымъ образомъ своими старшинами. Нѣтъ ни медицинской помощи, ни школъ, ни какой либо осмысленной миссіонерской дѣятельности среди инородцевъ — имъ предоставлено свободное право вырождаться и вымирать, правда, безъ содѣйствія, но и безъ какого-либо противодѣйствія со стороны „начальства“. Вымираніе инородцевъ признается официально „общимъ“ и вполнѣ естественнымъ закономъ, — по крайней мѣрѣ, въ официальномъ „Обзорѣ“ за 1899 г. мы находимъ меланхолическое примѣчаніе: „не подлежитъ, однако, сомнѣнію тотъ фактъ, что число инородцевъ годъ отъ году уменьшается, подчиняясь общему закону вырожденія дикарей при столкновеніяхъ съ культурными расами“.

V.

Ознакомившись съ природою и съ бытомъ первоначальныхъ обитателей Сахалина, перейдемъ теперь къ исторіи колонизаціи его русскими и къ современному положенію острова.

Когда знаменитый мореплаватель Крузенштернъ во время своего перваго кругосвѣтнаго путешествія въ 1806 г. впервые посѣтилъ Сахалинъ, онъ засталъ на немъ лишь айновъ и небольшую японскую промысловую колонію. Однако, только 50 лѣтъ спустя, русское правительство обратило вниманіе на Сахалинъ и приняло мѣры къ его занятію. Было построено три военныхъ поста, въ которыхъ 70 человекъ военной команды удерживали за Россіей сѣверную часть Сахалина, тогда какъ южная часть оставалась въ номинальномъ владѣніи Японіи. Въ 1875 г. весь Сахалинъ, по соглашенію съ Японіей, перешелъ окончательно во владѣніе Россіи, въ обмѣнъ на Курильскіе острова, которые получила Японія. Первоначально Сахалинъ удерживался нами лишь въ цѣляхъ военныхъ и политическихъ, и только позднѣе возникла мысль объ устройствѣ на немъ каторжныхъ работъ, приноровленныхъ сперва къ богатымъ мѣсторожденіямъ угля, открытымъ на островѣ. Въ виду отсутствія на Сахалинѣ рабочей силы, которую можно было бы приспособить къ добыванію столь необходимаго для Россіи на востоѣ каменнаго угля, перенесеніе на островъ тюрьмы и примѣненіе для работъ въ каменноугольныхъ копей каторжныхъ казалось вполнѣ раціональнымъ. Первая сахалинская тюрьма—Дуйская тюрьма—и возникла у каменноугольныхъ копей поста Дуэ. Однако, работы по добыванію каменнаго угля велись недостаточно энергично, безъ необходимаго знанія

дѣла и опредѣленнаго плана, такъ что не оправдали тѣхъ широкихъ надеждъ, которыя возлагались на островъ Сахалинъ, какъ на поставщика угля для нашего флота.

Въ 60-хъ годахъ возникла мысль о примѣненіи труда ссыльныхъ къ сельскому хозяйству и объ образованіи на Сахалинѣ сельско-хозяйственной колоніи, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе удаленности и малодоступности Сахалина подвозъ туда продовольствія былъ затруднителенъ и дорогъ, и необходимо было подумать, нельзя ли обойтись мѣстными средствами.

Въ 1862 г. была сдѣлана первая попытка, и 8 человѣкъ ссыльно-поселенцевъ превращены въ колонистовъ. Имъ не было, однако, дано никакихъ сельско-хозяйственныхъ орудій, кромѣ заступа и кирки, не было у нихъ и рабочаго скота, а выданная имъ для посѣва яровая пшеница оказалась озимой. Благодаря такой небрежности администраціи, эта первая попытка не увѣнчалась успѣхомъ. Столь же неудачно хлопотала администрація о превращеніи ссыльно-поселенцевъ въ колонистовъ и позднѣе, въ 1867 г. Равно неудачной была и попытка заселенія южнаго Сахалина вольными переселенцами, которыхъ прибыло на Сахалинъ 119 душъ въ 1869 г., и которые, послѣ многихъ злоключеній, всѣ до единаго бѣжали съ острова. Эти печальные опыты не испугали, однако, администраціи, которая все же рѣшила сдѣлать изъ Сахалина земледѣльческую колонію. Начиная съ 1879 г., ссылка на Сахалинъ сдѣлалась регулярной, и ежегодно стали доставляться на островъ партіи въ нѣсколько сотъ и даже по тысячѣ и болѣе каторжныхъ, для которыхъ одна за другой возникали тюрьмы и основывались селенія. Насколько энергично шло заселеніе острова ссыльными, видно изъ того, что численность населенія Сахалина возрасла въ теченіе послѣднихъ 23 лѣтъ съ нѣсколькихъ сотъ до 36,000 душъ, а число селеній до 132.

Мало по малу весь островъ превратился въ одну огромную тюремную колонію, въ которой свободнымъ элементомъ является лишь небольшой штатъ чиновниковъ, военная команда, нѣсколько рыбопромышленниковъ и японцы, пріѣзжающіе на лѣтніе промысла, все же остальное населеніе состоитъ изъ каторжныхъ и изъ ссыльно-поселенцевъ, т. е. тѣхъ же каторжныхъ, уже отбывшихъ срокъ принудительныхъ работъ. Внѣшность главнѣйшихъ населенныхъ пунктовъ Сахалина обнаруживаетъ даже извѣстное благосостояніе и, если посмотрѣть съ птичьяго полета, напримѣръ, на постъ Александровскій, являющійся столицею Сахалина, то можно даже подумать, что видишь передъ собою вполне благоустроенный уѣздный городокъ. Приличные домики чиновниковъ, присутственныхъ мѣстъ, церковь изящной архитектуры и даже недурной мѣстный музей производятъ на первый взглядъ благопріятное впечатлѣніе, а красивыя окрестности и широкій видъ на море еще болѣе подкупаютъ случайнаго посѣ-

тителя. Стоитъ, однако, приглядѣться къ этому городу ближе, чтобы впечатлѣніе измѣнилось. По какой бы вы улицѣ ни пошли, вы уткнетесь въ концѣ концовъ въ высокую бревенчатую стѣну тюрьмы, занимающей самое центральное положеніе въ городѣ. Настоящей жизни и движенія не замѣтно, торговля ограничивается складомъ экономическаго фонда, да двумя-тремя магазинами; на улицахъ не чувствуется бѣнія пульса городской жизни, ощущается какой-то общій гнетъ, тяготящій надъ всемъ окружающимъ. Еще болѣе удручаетъ васъ металлическій лязгъ кандаловъ, когда встрѣчается партія каторжныхъ, солдаты съ заряженными ружьями и подобострастные поклоны каждого изъ встрѣчныхъ каторжныхъ, обязаннаго снять передъ вами шапку, хотя бы вы видѣли его первый разъ въ жизни.

Другой болѣе крупный населенный пунктъ Сахалина, постъ Корсаковский, расположенный на югѣ, на берегу залива Анива, производитъ, благодаря своему красивому мѣстоположенію на берегу моря, также вполне благоприятное впечатлѣніе и нѣсколько болѣе оживленъ, благодаря присутствію здѣсь японской колоніи. Постъ этотъ является въ то же время центральнымъ мѣстомъ сахалинскихъ морскихъ промысловъ, въ которомъ происходитъ распредѣленіе рыболовныхъ участковъ и всѣ сношенія японскихъ промышленниковъ съ русскими властями. Сношенія эти были настолько сложны, а сахалинскіе промыслы настолько важны для Японіи, что японское правительство учредило здѣсь даже особое консульство, и японскій консулъ игралъ не маловажное значеніе въ жизни Корсаковского поста. Однако, и здѣсь центральное мѣсто занимаетъ тюрьма, представляющая изъ себя цѣлый городокъ, обнесенный стѣною. И здѣсь нѣтъ настоящей дѣловой жизни, а духовная жизнь небольшой кучки чиновниковъ, заброшенныхъ сюда судьбою, сводится къ картамъ и взаимнымъ сплетнямъ и дряблямъ. Насколько тускла эта жизнь, можно судить хотя бы по такому примѣру. Когда въ пушкинскіе дни у нѣкоторыхъ обитателей поста Корсаковского явилась мысль справить и здѣсь юбилей поэта чествованіемъ его памяти въ небольшой школь-пріютѣ, имѣющейся въ посту, ни у кого изъ мѣстной интеллигенціи не нашлось собранія сочиненій Пушкина. Распорядители были въ большомъ затрудненіи, изъ котораго ихъ выручилъ секретарь японскаго консульства, прекрасно говорящій по-русски, г-нъ Сузуки: въ его библиотекѣ нашлись эти рѣдкія книги!..

Подобно тому, какъ въ старину селенія возникали вокругъ князьего дома и кремля, такъ на Сахалинѣ всѣ наиболѣе крупные его населенные пункты возникали вокругъ тюремъ. Что же такое представляетъ изъ себя сахалинская тюрьма? Мнѣ пришлось ихъ видѣть нѣсколько, и всѣ онѣ производили на меня крайне тяжелое впечатлѣніе своей запущенностью, антигигиеничностью обстановки, въ которой приходится жить каторжнымъ, и вообще

примитивностью своего устройства. Не считая себя достаточно компетентнымъ въ тюремаомъ дѣлѣ, я приведу лучше отзывъ лица, болѣе освѣдомленнаго, именно бывшаго начальника главнаго тюремнаго управленія г-на Саломона, ревизовавшаго въ 1899 г. сахалинскія тюрьмы. Онъ пишетъ о нихъ въ своемъ официальномъ отчетѣ слѣдующее: „Всѣ тюремныя зданія на островѣ Сахалинѣ деревянныя, большая часть ихъ находится въ состояніи, близкомъ къ разрушенію, заботъ къ своевременному ремонту и поддержанію ихъ не прилагается, а о приспособленіяхъ, которыя дали бы право признать за ними хотя нѣкоторую степень благоустройства, нѣтъ и рѣчи. Камеры расположены или по сторонамъ входныхъ сѣней, или по одну сторону идущаго вдоль всей тюрьмы корридора; въ нихъ неподвижныя громоздкія нары, занимающія большую часть камеры и служащія для арестантовъ какъ мѣстомъ ночлега, такъ равно и рабочимъ и обѣденнымъ столамъ. Грязь, тѣснота, беспорядочный складъ на нарахъ казенныхъ и собственныхъ арестантскихъ вещей, съ остатками недоѣденной пищи и купленной на собственные средства провизіей, составляютъ типичные признаки тюремнаго сахалинскаго помѣщенія. Вентиляціи не существуетъ,—она замѣняется, а быть можетъ, замѣнялась только во время моихъ посѣщеній, устиланіемъ камеръ и корридоровъ большимъ количествомъ изобилующей на Сахалинѣ лиственничной хвои, дающей сильный смолистый запахъ“. Подъ этой характеристикой подпишется, безъ сомнѣнія, каждый посѣтителъ сахалинскихъ тюремъ; неблагоустройство ихъ поразительно, а о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напри- мѣръ, о Корсаковской, можно положить только такую резолюцію, какую положилъ тотъ же г. Саломонъ: „О всѣхъ безъ исключенія зданіяхъ этой тюрьмы долженъ сказать, что есть одно средство привести ихъ въ порядокъ—срыть ихъ до основанія и построить новыя“. Внутреннее неустройство тюремъ таково, что онѣ совершенно не удовлетворяютъ своему назначенію, и бѣжать изъ тюрьмы не представляетъ никакого затрудненія. Побѣги такъ часты, что никого не удивляютъ и не вызываютъ даже никакихъ особыхъ разговоровъ. Многіе изъ безсрочно-каторжныхъ, или приговоренныхъ къ 15—20 годамъ каторги, которымъ уже нечего терять, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой надежды освободиться когда-либо отъ каторжныхъ работъ, совершаютъ побѣги даже регулярно: съ наступленіемъ весны бѣгутъ изъ тюрьмы, плутаютъ все лѣто по тайгѣ и по селеніямъ, существуя грабежомъ или питаясь подаяніемъ; при началѣ же холоднаго времени сами заявляются въ тюрьму, ихъ присуждаютъ къ плетямъ, и они зиму проводятъ на казенныхъ хлѣбахъ.

Во время такихъ странствованій по тайгѣ бѣглецовъ изъ тюремъ имъ, конечно, приходится переносить не мало лишеній. Мнѣ довелось видѣть въ Корсаковской тюрьмѣ каторжника Шю-

тровскаго, который слыветъ тамъ подъ именемъ людоеда. Онъ бѣжалъ изъ тюрьмы вмѣстѣ со своимъ товарищемъ; они далеко забрались въ глушь тайги и не могли изъ нея выбраться. Приходилось питаться древесными грибами и глотать кожу отъ своихъ сапогъ. Десять дней они пробыли безъ пищи, въ головѣ мутилось отъ усталости и голода. Наконецъ, когда товарищъ его заснулъ, изнемогши, онъ раздробилъ ему обухомъ голову, вырѣзалъ кусокъ мяса изъ его бока, поджарилъ на угляхъ и ѣлъ: „съ души воротило, рассказываетъ онъ, а ѣлъ“... На другой день ему удалось добраться до какого-то селенія, гдѣ онъ самъ предался въ руки властей. Въ сумѣ у него нашли остатки страшной трапезы, захваченные про запасъ... Насколько плохо надзоръ въ тюрьмахъ, видно изъ того, что нерѣдки случаи, когда бѣжавшій изъ одной тюрьмы укрывается нѣкоторое время среди арестантовъ другой. Въ одномъ изъ официальныхъ донесеній сахалинскія тюрьмы названы „плохими постоянными дворами или ночлежными домами“, и эту характеристику нельзя не назвать правильной.

Обращаясь къ жизни въ тюрьмахъ, должно прежде всего замѣтить, что на Сахалинѣ настоящихъ каторжныхъ работъ, собственно говоря, нѣтъ вовсе, если не считать двухъ—трехсотъ человѣкъ, которые заняты работами въ каменноугольныхъ копяхъ. Вся остальная масса каторжныхъ—около 6,000 человѣкъ—занята лишь работами по тюремному хозяйству, или же въ тюремныхъ плохо устроенныхъ мастерскихъ. Рубка лѣса и пила дровъ, возка воды, уборка тюремныхъ зданій, караульная служба, заготовка рыбы, печеніе хлѣба, варка пищи—вотъ чѣмъ занято большинство каторжныхъ, живущихъ въ тюрьмахъ. Я говорю „живущихъ въ тюрьмахъ“, такъ какъ, вслѣдствіе переполненія тюремъ на Сахалинѣ, наблюдается въ высшей степени оригинальное явленіе, какого не бываетъ ни на одной другой каторгѣ: многіе каторжные отпускаются изъ тюрьмы на поселокъ и совершенно свободно живутъ среди поселенцевъ, получаютъ урочную работу, имѣя въ то же время доступъ въ тюрьму и получая свой казенный паекъ.

Обиліе свободныхъ рукъ и недостатокъ работы, которую иногда положительно приходится придумывать, вызываютъ на Сахалинѣ нерѣдко другое некрасивое и обидное для человѣческаго достоинства явленіе: часто каторжные исполняютъ ту работу, которая въ другихъ мѣстахъ исполняется домашнимъ скотомъ. Въ любомъ крупномъ населенномъ пунктѣ Сахалина можно бываетъ видѣть картину, какъ на людяхъ тащатся бревна; при этомъ бревна вытаскиваются каторжными волокомъ съ горъ, иногда изъ страшной трущобы, и затѣмъ на полозьяхъ или на колесахъ ихъ тянутъ лямками, по нѣскольку человѣкъ на бревно, подъ вооруженнымъ конвоемъ, въ населенный пунктъ нерѣдко за

нѣсколько верстъ. Точно такъ же въ казенныхъ складахъ Александровскаго поста исключительно человѣческой силой передвигаются грузы съ пристани и на пристань на вагонеткахъ. Въ относительно болѣе рѣдкихъ случаяхъ физическая сила каторжныхъ примѣняется на Сахалинѣ къ болѣе полезнымъ для колонизаціи острова работамъ по проведенію дорогъ.

Къ сожалѣнію, такое наиболѣе, казалось бы, рациональное примѣненіе является исключеніемъ, какъ о томъ можно судить ужъ потому, что за все наше тридцатилѣтнее владѣніе островомъ мы не достигли даже того, чтобы соединить какими либо дорогами важнѣйшіе населенные пункты между собою. Бездорожье на Сахалинѣ, какъ мы уже говорили, до сихъ поръ прямо вопіющее, и не подлежитъ сомнѣнію, что намъ придется еще за него горько поплатиться, когда Сахалинъ сдѣлается театромъ войны.

Внутренняя жизнь тюремъ неприглядна. Ближайшими зрителями и устроителями судебъ каторжныхъ являются тюремные надзиратели, которые вербуются изъ солдатъ мѣстной команды и въ значительной степени также изъ бывшихъ ссыльно-поселенцевъ. Подкупность, произволъ и насиліе по отношенію къ ссыльнымъ, которые не имѣютъ никакихъ человѣческихъ правъ, составляютъ при такомъ составѣ не исключеніе, а правило. Примѣняемые или, по крайней мѣрѣ, примѣнявшіеся до самаго послѣдняго времени въ очень широкой степени, тѣлесныя наказанія, равно какъ и отнюдь не рѣдкія жестокости и беззаконія вышнихъ начальниковъ, само собою разумѣется, не могли воспитательно дѣйствовать на низшій служащій персоналъ и еще болѣе укореняли въ немъ безчеловѣчное отношеніе къ находящимся въ нихъ полной власти каторжнымъ.

Населеніе сахалинскихъ тюремъ очень пестро по составу.

Уже этнографическій составъ преступниковъ крайне разнообразенъ: мы встрѣчаемъ на Сахалинѣ представителей, положительно, чуть ли всѣхъ племенъ, населяющихъ Россійскую Имперію— „отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды“; столь же разнообразенъ составъ и по профессіямъ и состояніямъ. На Сахалинѣ ссылаются какъ тягчайшіе преступники, такъ и бродяги и преступники случайные. Бродяги, непомнящіе родства, являются едва ли не еще болѣе вреднымъ элементомъ, чѣмъ убійцы и грабители, составляющіе главный контингентъ, такъ какъ среди нихъ находится значительное количество неисправимыхъ рецидивистовъ, старающихся скрыть свое имя, хорошо знакомое судамъ. Изъ всего тюремнаго населенія Сахалина въ 1901 г. болѣе 40% было преступниковъ, осужденныхъ болѣе чѣмъ на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ, и около 20% было рецидивистовъ, между которыми находились лица, осужденныя четвертый, пятый и даже шестой разъ. Среди этихъ преступниковъ имѣются своего рода знаменитости, вроде Федора Широколобова, наводившаго въ былое время

ужасъ на всю Восточную Сибирь. На его душѣ лежитъ не менѣе 50 убійствъ, связанныхъ съ ограбленіями, поджогами и т. п. Нѣсколько разъ онъ совершалъ побѣги изъ тюремъ, удачно бѣжалъ съ Сахалина на материкъ, но опять попалъ на Сахалинъ, былъ присужденъ къ смертной казни, но помилованъ, и въ настоящее время кончаетъ свои дни въ Александровской тюрьмѣ, прикованный къ стѣнкѣ. Иногда бѣжавшіе изъ тюремъ каторжники—большую частью рецидивисты—соединяются въ цѣлыя шайки, наводящія трепетъ на все населеніе острова. Они ведутъ настоящую войну съ высланными противъ нихъ воинскими отрядами, иногда даже успѣшно отстрѣливаются отъ нихъ, получивъ тѣмъ или другимъ способомъ огнестрѣльное оружіе; занимаются грабежомъ и убійствами, при чемъ отъ нихъ страдаютъ наиболѣе зажиточные изъ ссыльно-поселенцевъ.

Такіе опасные рецидивисты образуютъ среди тюремнаго населенія своего рода аристократію, которая держитъ въ рукахъ не только остальныхъ ссыльныхъ, но иногда и низшій персоналъ служащихъ. Одинъ изъ бывшихъ сахалинскихъ чиновниковъ свидѣтельствуетъ печатно, что въ 1887 г. въ Александровской тюрьмѣ содержались самые опасные рецидивисты, у которыхъ оковы были такъ свободны, что они легко снимались; надѣвались они лишь при посѣщеніи начальства. Эти арестанты пользовались лучшею пищею въ ущербъ другимъ и вовсе не выводились ни на какія работы, такъ какъ надзиратели ихъ боялись. Такое положеніе вещей наблюдается и въ настоящее время кое-гдѣ въ сахалинскихъ тюрьмахъ, какъ мнѣ приходилось слышать.

Присутствіе столь опаснаго элемента среди тюремнаго населенія, при недостаточности надзора и при отсутствіи правильно организованныхъ и систематическихъ работъ, которыми были бы регулярно заняты каторжные, развращаетъ и портитъ и тотъ элементъ населенія каторги, который былъ бы способенъ приносить пользу—случайныхъ преступниковъ, совершившихъ преступленіе подъ вліяніемъ аффекта или въ силу темноты и невѣжества. Если исключать долгосрочныхъ каторжныхъ, то пребываніе всѣхъ остальныхъ въ тюрьмѣ, въ среднемъ, составляетъ около пяти съ половиною лѣтъ, и, конечно, такой долгій срокъ не можетъ не остаться безъ вліянія на нравственный обликъ и послѣдующую жизнь каторжника. Тѣсное общеніе съ преступниками-рецидивистами, постоянный произволъ и гнетъ со стороны надзирателей, наконецъ, отсутствіе регулярнаго труда, такъ какъ нерѣдко болѣе трехъ четвертей состава тюрьмы занято лишь легкими обязанностями сторожей, разсыльныхъ, хлѣбопеконъ, водоносовъ, ламповщиковъ, писцовъ и т. п., развращаетъ и болѣе пригодный элементъ и отучаетъ отъ тяжелаго труда, къ которому приходится переходить ссыльнымъ по выходѣ изъ тюрьмы и по превращенію изъ каторжниковъ въ ссыльно-поселенцевъ колонистовъ.

Большой процент каторжных играет роль прислуги у мѣстной администраціи, при чемъ, какъ приходилось замѣчать, существуетъ даже какъ бы нѣкоторое курьезное подраздѣленіе по специальностямъ: убійцы и конокрады служатъ сторожами и кучерами, женщины-отравительницы кухарками, а у одного изъ окружныхъ начальниковъ мнѣ пришлось видѣть писца, работавшаго у него въ качествѣ секретаря и имѣвшаго въ своихъ рукахъ всѣ казенныя дѣла: этотъ писецъ былъ сосланъ за поддѣлку бумажныхъ денегъ и, какъ специалистъ данной профессіи, имѣлъ очень красивый почеркъ! Впрочемъ, на Сахалинѣ всѣ такъ привыкаютъ къ окружающей преступной атмосферѣ, что на подобнаго рода совпаденія мало обращаютъ вниманія. Мнѣ самому пришлось, во время путешествія съ западнаго берега Сахалина на восточный, двое сутокъ идти по тайгѣ, гдѣ не было ни одной живой души въ окружности на много десятковъ верстъ, съ 8 носильщиками изъ ссыльно-поселенцевъ, которые несли мои вещи. Двое изъ нихъ были сосланы за убійство, одинъ за грабежъ, двое были поджигателями, специальности же другихъ остались мнѣ неизвѣстными. Тѣмъ не менѣе, это были очень хорошіе люди, и когда мы ночью остановились въ развалившейся землянкѣ на ночевку, я со своими двумя спутниками могъ спокойно спать послѣ утомительнаго перехода по таежнымъ тропинкамъ, тогда какъ наши носильщики развели огонекъ и съ полнымъ самоотверженіемъ посмѣнно караулили насъ, вооруженные своими допотопными ружьями.

Пребываніе въ тюрьмѣ не подготавливаетъ преступника къ дѣятельности въ качествѣ колониста и не исправляетъ его, развивая, напротивъ, всѣ дурныя задатки.

Къ такому печальному заключенію приходятъ всѣ, кому приходилось сколько-нибудь познакомиться со внутренними порядками сахалинскихъ тюремъ, въ томъ числѣ и г. Саломонъ, который пишетъ въ 1901 годѣ слѣдующее: „Объ исправительномъ значеніи каторги не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ того, все, что мнѣ пришлось узнать о внутренней жизни сахалинскихъ тюремъ, приводитъ меня къ убѣжденію, что пребываніе въ этихъ тюрьмахъ безусловно губительно не только для людей, нравственно неустойчивыхъ, но и для тѣхъ, которыхъ привело на каторгу несчастное стеченіе обстоятельствъ или преступленіе характера формальнаго... Вредъ тюремной жизни усугубляется еще тѣмъ дурнымъ примѣромъ, который подають арестантамъ иные изъ ближайшихъ начальниковъ—примѣромъ лжи, нечестности, казнокрадства и безнравственности“.

VI.

По окончаніи срока каторжныхъ работъ и при переводѣ въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ, преступникъ оказывается въ совершенно иныхъ, новыхъ для него условіяхъ. Тюремнымъ начальствомъ отводится ему мѣсто въ одномъ изъ поселковъ и предлагается, выражаясь казеннымъ языкомъ, „приступить къ домообзаводству“. Въ особенно трудныхъ условіяхъ оказываются поселенцы, если имъ приходится основывать новый поселокъ. Большая часть Сахалина, какъ мы видѣли, покрыта дремучей дѣвственной тайгой, состоящей изъ огромныхъ деревьевъ, нерѣдко въ нѣсколько обхватовъ толщиною. Чтобы расчистить въ этой тайгѣ мѣсто подъ домъ и подъ пашню, необходимо выжечь и выкорчевать большой участокъ этой глухой тайги, что уже само по себѣ является дѣломъ не легкимъ. Между тѣмъ единственные средства, которыя получаетъ поселенецъ отъ администраціи для борьбы со всѣми враждебными силами природы, состоятъ изъ одного дроворубнаго топора, одной мотыги, одной лопаты и двухъ фунтовъ веревки; кромѣ того, выдается одна поперечная пила на пять, одна продольная на десять человѣкъ и одно точило на селеніе. Съ этими орудіями, которымъ позавидовалъ бы развѣ лишь Робинзонъ, ссыльно-поселенцамъ предстоитъ вырубить тайгу, срубить себѣ избы, выкорчевать пашни и покосы, наконецъ, поднять и вспахать дѣвственную почву—все тою же лопатою и мотыгою и собственнымъ горбомъ, такъ какъ живого инвентаря „по штату“ не полагается. Имѣя въ виду такую задачу, поневолѣ согласишься съ выраженіемъ сахалинцевъ, которые говорятъ, что „каторга“ начинается для преступника съ выхода изъ тюрьмы.

Не удивительно, что при основаніи такихъ селеній поселенцамъ приходилось страшно бѣдствовать въ глухой тайгѣ, отдѣленной непроходимыми дебрями отъ населенныхъ мѣстъ, приходилось зимовать въ землянкахъ, голодать и холодать. Случалось, что работы пріостанавливались или не могли быть вовсе выполнены изъ-за недостатка и того скуднаго набора инструментовъ, который полагался по казенному росписанію. Такъ, одинъ изъ окружныхъ начальниковъ официально доносилъ въ 1885 г., что нашелъ въ мѣстности Сіянцы партію поселенцевъ въ 72 человѣка, высланныхъ туда „для домообзаводства“; со дня увольненія отъ каторжныхъ работъ имъ истекалъ уже годъ, а между тѣмъ только 17 изъ нихъ приступили къ постройкѣ избъ за неполученіемъ необходимыхъ инструментовъ. По провѣркѣ, у нихъ оказалось два казенныхъ топора на всю партію.

Возникающія селенія имѣли и имѣютъ крайне жалкій видъ,—

и надо только удивляться тому, что они вообще возникали. Впрочемъ, по сахалинскому положенію тѣхъ, кто не обнаружилъ склонности къ домообзаводству, „за нерадивость“ начальство возвращало снова въ тюрьму. Не удивительно, что всякій, хотя бы даже никогда не имѣвшій ранѣе топора въ рукахъ, становился плотникомъ и сколачивалъ себѣ хижину.

Не слѣдуетъ думать, что основанію селеній предшествовало обыкновенно какое-либо агрономическое изслѣдованіе мѣстности и выясненіе того, возможно ли на ней вообще существовать. Мѣста для селеній выбирали бывшіе надзиратели изъ солдатъ и, случалось, имена ихъ увѣковѣчивались въ географіи названіемъ селенія, — такъ, мы имѣемъ на Сахалинѣ теперь, напр., селенія Рыковское и Дербинское, въ честь надзирателей Рыкова и Дербина. Само собою разумѣется, что при этомъ случались и небольшія недоразумѣнія, — селенія основывались въ такихъ мѣстностяхъ, что новоселы скоро оттуда разбѣгались, и даже самому начальству приходилось сознаваться въ своихъ ошибкахъ, такимъ, напримѣръ, рапортомъ, поданнымъ однимъ изъ начальниковъ округа губернатору: „Мѣста, назначенныя для селеній Орѣховскаго, Иннокентьевскаго, Нечаяннаго и Алексѣевскаго, совершенно непригодны къ населенію, такъ какъ расположены на болотахъ, къ осушенію которыхъ не представляется никакой возможности. Кромѣ того, они сильно страдаютъ отъ ежегодныхъ наводненій, повторяющихся не только весною, но и послѣ каждаго сильнаго дождя. Водворенные ошибочно предмѣстникомъ моимъ на этихъ мѣстахъ ссыльно-поселенцы положительно не могутъ устраивать тамъ своихъ домообзаводствъ и просятъ ихъ перевести въ другія мѣстности“.

Путешествуя по Сахалину, нерѣдко наталкиваешься на печальную картину: видишь селеніе изъ цѣлаго ряда домовъ съ заколоченными окнами и провалившимися крышами — картина полного запустѣнія! Въ одномъ изъ такихъ селеній — въ Дудинѣ — изъ одиннадцати дворовъ я нашелъ лишь одного старика, въ избѣ котораго намъ пришлось остановиться. Оказалось, что онъ въ то же время староста этого селенія и только потому и не ушелъ, всѣ же остальные разбрелись кто куда, — кто на заработки, а кто и просто бродяжить. Мѣстность эта на восточномъ берегу, у самаго моря, была по климатическимъ условіямъ и по своей почвѣ совершенно не пригодна для земледѣлія, и у единственнаго старика, оставшагося старостой надъ самимъ собою, не родилась даже и картошка.

Помимо неблагопріятныхъ климатическихъ и почвенныхъ условій, значительнымъ препятствіемъ, съ которымъ приходится сильно считаться воѣмъ ссыльно-поселенцамъ, является полное бездорожье Сахалина. Изъ 132 сахалинскихъ поселеній лишь 62 соединены проѣзжими дорогами, до остальныхъ же 70 можно до-

браться лишь таежными тропинками или такими дорогами, по которымъ можно передвигаться только съ рискомъ поломать шею себѣ и лошадямъ. Только центральныя, наиболѣе крупныя поселенія соединены благоустроенными грунтовыми дорогами, за то цѣлые обширные округа совершенно отрѣзаны отъ всего остального міра. Въ такомъ положеніи находится, напримѣръ, весь южный Сахалинъ, или Корсаковский округъ, по отношенію къ сѣверному. Попасть изъ поста Корсаковского въ постъ Александровскій можно или на пароходѣ, разъ или два въ мѣсяцъ, или чрезвычайно труднымъ и продолжительнымъ путемъ по таежнымъ тропинкамъ и телеграфной просѣкѣ, или, наконецъ, тѣмъ путемъ, который былъ избранъ мною—на лодкахъ вдоль восточнаго берега до устьевъ Пороная и затѣмъ въ гилляцкой пироги вверху по этой рѣкѣ до первыхъ населенныхъ мѣстъ ея верховья. Еще болѣе отрѣзаннымъ отъ остального Сахалина является западный берегъ, вдоль котораго одинъ за другимъ расположены богатѣйшіе селенные промысла: здѣсь вылавливается наибольшее количество морскихъ продуктовъ, добываемыхъ на Сахалинѣ. И все это побережье, не смотря на близкое разстояніе отъ центра промысловаго дѣла—поста Корсаковского, крайне трудно достижимо, если нѣтъ попутнаго парохода. Когда я пріѣхалъ изъ поста Корсаковского въ Мауку—главный промысловый пунктъ западнаго берега, воспользовавшись для этого случайно шедшимъ туда пароходомъ, выѣстъ со мною пріѣхали туда же прокуроръ, мировой судья и докторъ для производства вскрытія какого-то обнаруженнаго трупа. Когда возникъ вопросъ о возвращеніи ихъ обратно въ Корсаковскъ, то имъ представилась дилемма: или совершить огромное кружное путешествіе, 125 верстъ, на лодкахъ вдоль западнаго берега, затѣмъ 30 верстъ пѣшкомъ по тайгѣ, 40 верстъ вдоль восточнаго берега опять на лодкахъ и 80 верстъ на лошадяхъ,—путешествіе, которое заняло бы болѣе недѣли и было бы связано со всякими путевыми случайностями,—или же они могли проѣхать на японскомъ пароходѣ, шедшемъ съ грузомъ селенного тука въ японскій портовый городъ Хакодате, и оттуда уже съ другимъ японскимъ пароходомъ въ постъ Корсаковский. Они избрали этотъ второй путь, гораздо болѣе спокойный, и такимъ образомъ оказалось, что русскіе чиновники, чтобы попасть изъ одного пункта имперіи въ другой, должны были побывать въ иностранномъ государствѣ! Докторъ — большой чудакъ, котораго напугали тѣмъ, что онъ получитъ непріятности отъ начальства, если, не имѣя заграничнаго паспорта и отпуски, попадетъ въ Японию, отправился кружнымъ путемъ и претерпѣлъ не мало злоключеній. При путешествіи на лодкахъ онъ на одномъ изъ промысловъ выкупался въ холодной, какъ ледъ, морской водѣ, растерялъ по дорогѣ всѣ свои вещи, въ концѣ концовъ разорвалъ въ тайгѣ въ клочки свои калоши, которыми особенно дорожилъ, ночевалъ

въ тайгѣ, чуть не умеръ отъ страха и еле живъ добрался до Корсаковска дней черезъ восемь.

Мнѣ самому пришлось пройти тѣмъ же путемъ, хотя и съ меньшими приключеніями. Путь черезъ тайгу, около 30 верстъ, настолько тяжелъ, что мы шли два дня. Поминутно приходилось то перелѣзать черезъ огромный, упавшій на тропинку, стволъ, то подлѣзать подъ другое дерево или даже идти по стволу, упавшему вдоль тропинки, такъ какъ обойти тайгою почти невозможно. По рѣчкамъ, встрѣчающимся по пути, когда-то и бѣмъ-то были построены мостики, но въ настоящее время они совершенно развалились и отъ нихъ мало пользы: рѣчки приходится переходить въ бродъ.

Если не представляется возможности перевести на западный берегъ какіе-либо припасы моремъ, то единственный способъ доставить ихъ—это перетащить ихъ на спинахъ. Пригнать туда лошадей или корову—предпріятіе, также не легкое и связанное съ рискомъ поломать животному ноги. Само собою разумѣется, что отъ такого состоянія путей сообщенія страдаютъ больше всего ссыльно-поселенцы, которымъ по приказанію начальства приходится сидѣться въ такой глуши, отрѣзанной отъ всего міра. Все необходимое въ домашнемъ быту, не исключая и провіанта, приходится таскать въ поселокъ на своей собственной спинѣ, дѣлая десятки верстъ по таяжнымъ тропинкамъ, переходя въ бродъ рѣки, увязая въ болотахъ или карабкаясь по обрывистому скалистому берегу. Еще труднѣе доставлять домашній скотъ и птицу, а о продажѣ продуктовъ сельскаго хозяйства при такихъ условіяхъ, конечно, нечего и думать.

Это бездорожье является серьезнымъ бѣдствіемъ для населенія и представляетъ огромное затрудненіе и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи. Доставить съ сѣвернаго Сахалина на южный сколько-нибудь большой отрядъ войска крайне трудно, а провезти большой обозъ мнѣ представляется и вовсе невозможнымъ.

Должно сказать, что администрація принимаетъ нѣкоторое участіе въ ссыльно-поселенцахъ первое время при обзаведеніи ихъ хозяйствомъ. Это участіе выражается, однако, исключительно въ томъ, что новоселамъ въ теченіе года или двухъ, въ зависимости отъ ихъ усердія, выдается казенный паекъ хлѣбомъ въ натурѣ, одежда и кормовое довольствіе деньгами. Безъ этой помощи они, впрочемъ, по всей вѣроятности, фактически не могли бы существовать въ таяжной глуши и должны были бы помереть съ голоду, прежде чѣмъ достигли бы пресловутаго „домообзаводства“. Около одной трети всѣхъ поселенцевъ, живущихъ на Сахалинѣ, получаютъ такую помощь отъ казны, и расходъ на эту помощь достигаетъ въ годъ 30—40 тысячъ руб., а съ содержаніемъ ссыльныхъ, совершенно неспособныхъ къ труду, такъ называемыхъ „бога-

дѣльщиковъ“, помощь казны ссыльному населенію за послѣдніе годы выражается въ почтенной цифрѣ—въ 100,000 и даже 135,000 руб. въ годъ. Въ прежніе годы эта сумма достигала еще болѣе значительныхъ размѣровъ, и одни пособия поселенцамъ составляли почти 150,000 рублей въ годъ. Не смотря на значительность этой суммы, ея хватало все же только для того, чтобы спасти ссыльно-поселенцевъ отъ голодной смерти въ первые годы ихъ жизни на положеніи колонистовъ. На каждого человѣка въ отдѣльности приходилось въ среднемъ около 50 р. въ годъ и, само собою разумѣется, что этихъ денегъ было недостаточно для устройства самостоятельнаго хозяйства, обзаведенія мертвымъ и живымъ инвентаремъ. При отсутствіи на Сахалинѣ постороннихъ заработковъ, добыть деньги поселенцу нелегко, и потому лишь относительно немногимъ удается преодолѣть всѣ возникающія затрудненія и обзавестись прочнымъ хозяйствомъ. Большое количество переселенцевъ перебивается кое-какъ при помощи казенныхъ пайковъ, ссудъ зерномъ и т. п. Элементъ, наименѣ стойкій, выстроивъ избу и, слѣдовательно, удовлетворивъ требованію домообзаводства, покидаетъ свой домъ навсегда и отправляется искать работы на промыслахъ или въ крупныхъ населенныхъ пунктахъ, въ худшихъ случаяхъ—просто идетъ бродяжить съ опасностью снова попасть въ тюрьму.

При такихъ условіяхъ надо только удивляться, что нѣкоторыя селенія Сахалина производятъ на первый взглядъ впечатлѣніе извѣстной зажиточности и достатка: избы ихъ хорошо отстроены и крыты тесомъ, поля хорошо обработаны, замѣтно присутствіе лошадей и рогатаго скота. Въ большинствѣ случаевъ, однако, такое первое впечатлѣніе все же обманчиво, и въ дѣйствительности въ сахалинскихъ поселеніяхъ незамѣтно настоящей домовитости и хозяйственности. Прежде всего уже скота крайне мало: въ 1901 г. на Сахалинѣ насчитывалось 4,295 ссыльно-поселенческихъ хозяйствъ и на нихъ приходилось всего только 3,809 головъ лошадей и скота, т. е. приходилось менѣ одной головы на хозяйство; 57 проц. этихъ хозяйствъ совершенно не имѣли скота и, слѣдовательно, обработка земли производилась исключительно руками человѣка.

Еще болѣе печальный выводъ получается при разсмотрѣніи количества земли: на каждое хозяйство, въ среднемъ, приходится лишь около десятины съ четвертью земли и въ томъ числѣ всего лишь около трехъ четвертей десятины пахатной земли.

Не удивительно, что при этомъ, по вычисленіямъ одного изъ авторовъ, писавшихъ о Сахалинѣ, земледѣльческое населеніе Сахалина могло прокормиться въ 1901 г. своимъ собственнымъ хлѣбомъ самое большее 5 мѣсяцевъ и 15 дней, а если прибавить къ тому сборъ картофеля, то въ теченіе 9 мѣсяцевъ и 10 дней, тогда какъ для пропитанія въ теченіе остальной четверти

года, а также и для удовлетворения других потребностей, необходимо было изыскивать средства вне земледельческого промысла. По определению инспектора сельского хозяйства острова Сахалина, минимальное количество пахатной земли, которое могло бы обеспечить поселенцам существование, должно составлять 3 десятины, количество, которого далеко не достигают современные цифры.

Все эти данные убеждают нас в том, что до сих пор Сахалин не удалось сделать земледельческой колонией, не смотря на все старания и не малые затраты государства. До сих пор Сахалин не может прокормить самого себя, и ссыльно-поселенцы находятся в значительной степени на иждивении казны. Помимо того, что они получают продовольствие и даже одежду в безвозвратное пользование, они пользуются также и судами от казны; сумма долгов населения казни составляла в 1901 году уже около 240,000 руб., при чем сама администрация сознается, что едва ли этот долг будет когда либо погашен. Существуют, правда, между ссыльно-поселенцами и счастливые исключения — попадаются люди, которым удалось более сносно устроиться и обзавестись порядочным хозяйством, — однако количество таких счастливых не велико и большую часть их благосостояние поконится на каких либо совершенно случайных обстоятельствах.

В чем же лежит причина неуспеха симпатичной на первый взгляд идеи исправлять преступников земледельческим трудом и в то же время создавать трудовое население на долинах пустынной окраины? Причины таких много и помимо не многочисленных ошибок администрации. Прежде всего Сахалин не представляет таких природных условий, климатических и почвенных, при которых земледельческий труд давался бы легко и окупался бы сторицею. На Сахалин земледельец может добиться в некоторых, и то не во всех, местах хороших и даже блестящих результатов, однако для этого необходима затрата большого количества труда и энергии, необходимы известные знания и умение приспособляться к окружающим, часто очень своеобразным, условиям. Между тем ссыльно-поселенец выходит из тюрьмы, отучившей его от регулярной работы и испортившей морально, убившей его энергию и предприимчивость; впереди ему предстоит перспектива долгие годы пребывать ссыльно-поселенцем и не предвидится конца разлуки с родиной. Значительная часть поселенцев выходит из тюрьмы, кроме того, больными и слабыми телесно. Большой процент составляют люди, совсем не занимавшиеся земледельческим трудом и не имеющие к нему никакой склонности. Все это, конечно, не может содействовать процветанию колонизации.

Понятіе колонизаціи вообще какъ то плохо выжется съ понятіемъ о тюрьмѣ и ссылке: колонистъ-піонеръ въ глухой и дикой странѣ долженъ обладать желѣзной энергіей, необходимой для борьбы съ враждебными стихіями природы, долженъ вѣрить въ свои силы и вѣрить въ свое болѣе свѣтлое будущее, которое настанетъ, когда онъ отвоюетъ отъ природы право на существованіе. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ и не можемъ встрѣтить на Сахалинѣ: осѣданіе на землю по принужденію, для одного засвидѣтельствованнаго на бумагѣ „домообзаводства“; распаханіе пашни для того, чтобы получить орудіа сѣменами, которые нерѣдко будутъ тотчасъ же по полученіи съѣдены; наконецъ, покинутая изба съ провалившеюся крышею, заростающей травой—таковы типичныя картины сахалинской колонизаціи!

Должно принять во вниманіе еще одно очень важное обстоятельство—гнетущую атмосферу грабежа и убійства, которую создаетъ присутствіе неблагоустроенной тюрьмы. Мы говорили уже, что побѣги каторжныхъ изъ тюремъ самыя обычныя на Сахалинѣ явленія и при томъ побѣги наиболѣе опасныхъ элементовъ—бродягъ и рецидивистовъ. Эти бѣжавшіе изъ тюремъ и скрывающіеся въ тайгѣ преступники составляютъ истинный бичъ наиболѣе хозяйственныхъ изъ ссыльно-поселенцевъ. Послѣдніе принуждены жить постоянно въ страхѣ за собственную жизнь и за цѣлость своего имущества: грабежи, поджоги, убійства, угонка и рѣзка скота составляютъ на Сахалинѣ самыя обыденныя происшествія и принуждаютъ cadaго спать съ заряженнымъ ружьемъ и чутко прислушиваться къ малѣйшему шороху: не даромъ говорятъ, что на Сахалинѣ „спать спокойно лишь тѣ, кто сидитъ въ тюрьмахъ!“

Количество преступленій противъ жизни и собственности на Сахалинѣ очень значительно: въ 1900 г., напримѣръ, только въ окрестностяхъ Корсаковска, въ теченіе полутора мѣсяца, было совершено 15 убійствъ—среднимъ числомъ одно убійство въ три дня. Во время моего пребыванія ихъ было меньше—6 или 7 въ мѣсяцъ. Случаются и нападенія на чиновниковъ, на солдатъ военной команды, стоящихъ на часахъ; не такъ давно было даже совершено нападеніе съ цѣлью ограбленія на Корсаковское полицейское управленіе. Постоянная тревога и трепетъ за свою жизнь, конечно, не можетъ содѣйствовать процвѣтанію колонистовъ: люди дѣлаются нервными, подозрительными и, кажется, нѣтъ на Сахалинѣ человѣка, который не мечталъ бы, какъ только явится первая возможность, покинуть проклятый островъ.

Можно ли удивляться, что при такихъ условіяхъ развитіе Сахалина, какъ сельскохозяйственной колоніи, является фикціей, существуетъ лишь на бумагѣ, которая, какъ извѣстно, все терпитъ?

VII.

Итакъ, что же представляет изъ себя въ настоящее время Сахалинъ, какова его роль въ жизни восточной окраины нашего государства?

Мы видимъ передъ собой до сихъ поръ мало населенный, пустынный островъ, покрытый дикой тайгой, безъ удобныхъ путей сообщенія, лишь съ двумя болѣе крупными населенными пунктами. Мы находимъ на немъ шесть плохихъ, разваливающихся тюремъ, переполненныхъ каторжными, которыхъ привозятъ сюда болѣе чѣмъ за 15,000 верстъ. Тюремная жизнь плохо организована и не только не ведетъ къ исправленію, но портитъ еще болѣе преступниковъ. Силы ихъ примѣняются, вмѣсто того, чтобы служить сколько нибудь полезному дѣлу, лишь для обслуживания ихъ собственныхъ нуждъ. При томъ ихъ трудъ ни на каторгѣ, ни на поселеніи далеко не прокармливаетъ ихъ; напротивъ, все, начиная отъ хлѣба, солонины и кончая одеждой, обувью, везется изъ Россіи. На содержаніе ихъ по выходѣ изъ тюрьмы и на превращеніе въ земледѣльцевъ-колонистовъ затрачиваются большія деньги, и пока безъ видимыхъ результатовъ.

Между тѣмъ съ 1880 г., когда начался періодъ болѣе энергичной высылки преступниковъ на Сахалинъ съ цѣлью колонизаціи, и до настоящаго времени на Сахалинъ затрачено болѣе 25 миллионъ рублей, изъ которыхъ 5,000,000 затрачено лишь на одну перевозку преступниковъ. Что имѣемъ мы въ результатъ этой затраты? Естественныя богатства острова какъ лежали, такъ и лежатъ не тронутыми, если не считать ничтожнаго количества выработаннаго каменнаго угля и огромнаго количества цѣннаго лѣса, погибшаго отъ лѣсныхъ пожаровъ. Единственною живою струею среди мутныхъ волнъ сахалинской жизни является промысловое дѣло—эксплуатація морскихъ промысловъ, которые уже сами по себѣ могли бы обезпечить существованіе богатѣйшей промысловой колоніи. Мы видѣли, однако, что и промысла находятся въ печальномъ положеніи, — они были до сихъ поръ въ полной зависимости отъ японцевъ, и лишь нѣсколько русскихъ промышленниковъ, работающихъ японскими рабочими и на японскій рынокъ, благоденствуютъ и не могутъ нахвалиться промысловыми богатствами края. Иная постановка морскихъ промысловъ и не возможна при настоящихъ условіяхъ сахалинской жизни; русскихъ рабочихъ нѣтъ, такъ какъ изъ тюрьмы выходятъ люди еще менѣе пригодные къ трудному морскому промыслу, чѣмъ къ земледѣлію. Если привозить рабочихъ, они не выдержатъ тяжелыхъ условій сахалинской жизни и разбѣгутся, какъ случалось уже неоднократно при попыткахъ поселить на Сахалинѣ воль-

ныхъ переселенцевъ. Такимъ образомъ, и промысловое дѣло стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ общихъ условій сахалинскаго быта.

Попытку образовать земледѣльческую колонію — попытку, стоившую 25 лѣтъ труда и многихъ миллионовъ народныхъ денегъ — слѣдуетъ признать совершенно неудавшеюся, неудавшеюся хотя бы уже потому, что до сихъ поръ Сахалинъ не можетъ прокормить себя собственнымъ хлѣбомъ и долженъ получать его извнѣ. При отсутствіи запасовъ и при затруднительности доставки, островъ въ настоящее время, напимѣръ, находится въ чрезвычайно тяжеломъ положеніи.

Удастся ли когда нибудь впредь совершить это превращеніе бывшихъ преступниковъ въ піонеровъ-колонистовъ — является очень сомнительнымъ; Сахалинъ имѣетъ къ тому, повидимому, мало данныхъ. Земель, пригодныхъ подъ пашню, на островѣ не такъ много, лучшія уже заняты и ихъ не хватаетъ и для современнаго населенія Сахалина. Что же будетъ, если это населеніе будутъ прогрессивно увеличивать все новые и новые подневольные пришельцы? Условія климата и почвы, какъ мы видѣли, тоже далеко не облегчаютъ задачи, — лишь при упорной борьбѣ съ природой, при затратѣ большой энергіи и, главное, при примѣненіи извѣстныхъ научно-практическихъ знаній возможно ожидать отъ земледѣлія на Сахалинѣ сколько нибудь серьезныхъ результатовъ. Можно ли ожидать такой энергіи отъ людей, истощенныхъ и испорченныхъ тюремной жизнью, работающихъ по приказанію начальства для отбытія каторжнаго „домообзаводства“, не видящихъ впереди ничего, кромѣ долгихъ лѣтъ пребыванія на постыломъ островѣ?

Да и едва ли стоитъ стремиться къ широкому развитію на Сахалинѣ земледѣлія: земля наименѣ цѣнное изъ природныхъ богатствъ Сахалина, и гораздо болѣе шансовъ имѣетъ островъ по своимъ естественнымъ условіямъ сдѣлаться промысловой или горнозаводской колоніей. Богатства, скрытыя въ нѣдрахъ окружающихъ Сахалинъ морей — неисчерпаемы, точно также какъ запасы угля, рудъ и, быть можетъ, нефти, находящіеся въ нѣдрахъ земли на островѣ.

Если, однако, выходцы изъ сахалинскихъ тюремъ являются мало пригодными для земледѣлія, то еще въ меньшей степени можно ожидать отъ нихъ способности развитъ морскіе промыслы, требующіе энергіи, инициативы, любви къ морю и умѣнья справляться съ нимъ. Развѣ лишь для разработки горныхъ богатствъ могли бы быть примѣнены силы обитателей сахалинскихъ тюремъ, но и то серьезнаго развитія горныхъ промысловъ можно было бы ожидать лишь при болѣе раціональной постановкѣ дѣла, чѣмъ на теперешнихъ сахалинскихъ каменноугольныхъ копяхъ, гдѣ дѣло ведется опустья рукава, безъ надлежащаго знанія и

умѣнія, и естественныя богатства эксплуатируются нерѣдко хищнически и не приносятъ того дохода и пользы, какіе могли бы приносить.

Между тѣмъ современное положеніе которги съ ея неблагоустроенными тюрьмами, изъ которыхъ свободно бѣгутъ опаснѣйшіе преступники, и съ ея поселеніемъ, занявшимъ почти все удобныя для сельскаго хозяйства мѣста, но не способнымъ извлечь изъ нихъ хотя бы столько, чтобы обезпечить свое собственное существованіе,—дѣлаетъ совершенно немислимою свободную колонизацію острова. Даже въ томъ случаѣ, если бы удалось какими-либо льготами и обѣщаніями привлечь на Сахалинъ свободныхъ переселенцевъ (при сложившейся уже прочной репутаціи Сахалина, какъ мѣста всяческихъ ужасовъ—это было бы, во всякомъ случаѣ, дѣломъ не легкимъ), не подлежитъ сомнѣнію, что въ кратчайшій срокъ они, если не были бы перерѣзаны, бѣжали бы съ острова. Царящей здѣсь атмосферы грабежа, убійства и полного безправія не можетъ выдержать свободный человѣкъ, отъ нея задыхаются и лучшіе элементы ссыльнаго населенія.

Между тѣмъ дальнѣйшее развитіе Сахалина, какъ *промысловой* колоніи, не мыслимо безъ участія свободного элемента: если такъ мало выходитъ проку изъ подневольной земледѣльческой работы, то совершенно уже нельзя ожидать, чтобы возможенъ былъ подневольный морской промыселъ! Такимъ образомъ, послѣ окончанія войны, если намъ удастся удержать Сахалинъ въ своихъ рукахъ, передъ нами встанетъ дилемма: или перестроить жизнь острова такъ, чтобы была возможна его свободная колонизація, или снова отдать эксплуатацію его водныхъ богатствъ въ руки японскихъ промышленниковъ, отказаться отъ своего достоянія и получать жалкія крохи съ богатствъ, которыя могутъ давать милліоны.

Наиболѣе раціональнымъ, но, разумѣется, и болѣе труднымъ способомъ вдохнуть въ островъ новую жизнь было бы *полное упраздненіе на немъ каторги*. Относительно значенія послѣдней, какъ морально исправляющаго средства, послѣ печальнаго 25-ти лѣтняго опыта сахалинской каторги, едва ли мнѣнія могутъ сильно расходиться. Экономическія соображенія такъ же едва ли могутъ играть значительную роль, такъ какъ на тѣ огромныя суммы, которыя затрачиваются на доставку за 15,000 верстъ каторжныхъ, на провозъ для нихъ изъ Европейской Россіи припасовъ и всего необходимаго, на содержаніе обширнаго штата администраціи и, наконецъ, на поддержку каторжныхъ, когда они становятся поселенцами, можно содержать не одну благоустроенную тюрьму въ Европейской Россіи.

Если бы все же, по какимъ-либо соображеніямъ, оказалось невозможнымъ совершенно упразднить каторгу, то, во всякомъ случаѣ, ее слѣдовало бы значительно сократить и ограничить

ея районъ сѣвернымъ и среднимъ Сахалиномъ, оставляя южную часть острова, наиболѣе важную въ промысловомъ отношеніи, для свободнаго заселенія. Само собою разумѣется, что при этомъ слѣдовало бы упорядочить тюрьмы, уничтожить или, по крайней мѣрѣ, сократить до минимума поселеніе и колонизаціонные эксперименты тюремнаго вѣдомства, достаточно засвидѣтельствовавшего свою несостоятельность въ этомъ отношеніи. Лишь въ томъ случаѣ, если бы удалось совершенно изолировать тюремное населеніе отъ свободнаго, можно было бы ожидать прочныхъ и удовлетворительныхъ результатовъ отъ колонизаціи острова.

Основною необходимостью для дальнѣйшаго преуспѣнія является, разумѣется, также созданіе болѣе культурныхъ условій на островѣ: проведеніе дорогъ, устройство портовъ, усиленіе пароходныхъ сообщеній стоятъ въ этомъ отношеніи на первой очереди.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Сахалинъ окупилъ бы сторицею всѣ затраты, связанныя съ ломкой установившагося строя и съ улучшеніями его экономической жизни: онъ имѣетъ всѣ данныя къ тому, чтобы съ устраненіемъ неблагоприятнаго вліянія каторги развиться въ богатую и важную для Россіи колонію. Нѣдра его горъ могутъ надолго обезпечить насъ на востокѣ каменнымъ углемъ и, быть можетъ, нефтью; дѣйственные лѣса его могутъ служить неисчерпаемымъ источникомъ лѣсного матеріала; омывающія его воды, по богатству морскими продуктами, соперничаютъ съ водами Нью-Фаундленда и Норвегіи и могутъ также обезпечить благосостояніе многочисленнаго промысловаго населенія. Онѣ могутъ снабжать животною и растительною пищею не только нашу окраину, но и сосѣднія страны и, быть можетъ, даже при раціональной организаціи вывоза—Европейскую Россію. Наконецъ, не совсѣмъ уже бесплодною является и почва острова: занятіе земледѣліемъ могло бы служить существеннымъ подспорьемъ промысловому населенію, хотя едва ли будетъ когда-либо въ состояніи сдѣлаться главною основою его экономической жизни.

Превращеніе Сахалина въ такую колонію будетъ, однако, возможно лишь тогда и въ томъ случаѣ, когда, если не все, то значительная часть населенія Сахалина сдѣлается свободной. Колонизація и развитіе промысловъ, связанныя съ энергичной борьбою съ моремъ и сушею и со стихіями природы, требуютъ сильныхъ и свободныхъ рукъ, а не рукъ, скованныхъ цѣпями.

П. Ю. Шмидтъ.

СОТСКІЙ.

Разсказъ.

Вечерѣло. Въ обширномъ грязномъ зданіи юрьевского волостного правленія было тихо и пустынно. Старшина съ писаремъ уѣхали по волости по сбору продовольственнаго капитала, а помощникъ, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, пошелъ въ трактиръ выпить бутылку пива и повздыхать на глазахъ дочери трактирщика, Марфуши, румяной дѣвушки въ розовомъ платьѣ съ большими „буфами“ и тощенькой косою, которую она собирала въ пучекъ на макушкѣ. Въ присутственной комнатѣ правленія разливался полумракъ, отчего всѣ предметы, находившіеся въ ней, получали неясное, не-свойственное имъ очертаніе. Правленскій сторожъ Матвѣй Груздевъ, старый бобыль, съ совершенно лысою головою, которую онъ при рѣзкой температурѣ повязывалъ, какъ баба, платкомъ, неподвижно сидѣлъ на большой скамѣ въ углу у входа, какъ бы боясь помѣшать собиравшейся сгуститься темнотѣ, и, закрывши глаза, думалъ. Онъ думалъ о томъ, что если бы у него были живы его сыновья,—одинъ убитый на войнѣ въ турецкую кампанію, а другой, умершій отъ чихотки въ Москвѣ, то, вѣроятно, у него теперь росли бы внуки и правнуки. Они жили бы всѣ вмѣстѣ, въ большой 12-аршинной избѣ съ печкою по срединѣ, и онъ теперь лежалъ бы на этой печкѣ, а кто-нибудь изъ невѣстокъ ставилъ бы самоваръ... Къ чаю принесли бы закусить соленыхъ рыжиковъ, и когда бы собрали на столъ, то какая-нибудь изъ правнучекъ подбѣжала бы къ нему и стала звать его за столъ...

— Охъ-хо-хо! — протяжно вздохнулъ старикъ и, отстранившись отъ стѣны, на которую опирался спиною, открылъ глаза. Темнота густо наполняла уже всю комнату. Картины, портреты и разнаго рода объявленія и распоряженія исчезли со стѣны для глазъ старика, куда отодвинулись и самыя стѣны съ простѣнками; только одни окна, тускло бѣлѣя, были на своемъ мѣстѣ.

— Надо зажигать огонь,—проговорилъ Груздевъ и, тяжело поднявшись съ мѣста, не сѣша, подошелъ къ покрытому грязнымъ, залитымъ чернилами сукномъ столу и, снявши съ старой кривобокой лампы колпакъ, а потомъ стекло и черкнувъ дрожащими руками спичку, зажегъ фитиль. Потомъ надѣлъ опять сначала стекло, а потомъ колпакъ и истово перекрестился.

— Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!—произнесъ онъ, сладко и протяжно аѣвнувъ; потомъ опять перекрестился и сталъ стряхивать насоренный помощникомъ на столъ пепелъ отъ папиросы.

За стѣной въ корридорѣ застучали, и слышались неуѣвненные шаги двухъ человѣкъ. Вотъ шаги притихли, шаркнули; отворилась дверь въ прихожую, чья-то рука взялась за скобку двери, ведущей въ присутственную комнату, и на ней задребезжали стекла. Старикъ поднялъ голову и сталъ глядѣть, кто входитъ; но свѣтъ, скрадываемый колпакомъ еще не разгорѣвшейся лампы, слабо доходилъ туда, и старикъ сразу никакъ не могъ разглядѣть, кто вошелъ.

— Здорово, дядя Матвѣй!—раздался сочный сильный голосъ:—Никакъ ты одинъ?

Старикъ отошелъ отъ стола на середину комнаты и тутъ уже разглядѣлъ плотную, коренастую фигуру сотскаго Коврижкина, съ лохматой бѣлокурой головой, здоровыми красными щеками и крупными губами. За нимъ, слегка съезжившись, стоялъ молодой парень, съ еле пробивающимися усиками на миловидномъ лицѣ, съ острымъ небольшимъ носомъ, стриженный бобрикомъ. На немъ было осеннее пальто съ наглухо застегнутымъ бортомъ и поднятымъ воротникомъ. Пальто снизу все было забрызгано грязью, въ грязи были и высокіе сапоги съ резиновыми калошами. Парень, какъ будто, конфузился; на лицѣ его замѣтно было выраженіе неловкости, а въ темныхъ выразительныхъ глазахъ свѣтился мрачный огонь.

— Здорово, другъ, здорово! — отвѣтилъ на привѣтствіе сотскаго старикъ.—Ты что-жъ, съ бумагами, что ли?

— Какой съ бумагами, вишь—человѣка привелъ,—бросивъ на скамейку шапку и потирая озябшія руки, сказалъ сотскій:—А при немъ, извѣстно, и бумага есть...

— Это что-жъ такой за человѣкъ?—спросилъ старикъ, внимательно вглядывая на парня:—Гдѣ ты его взялъ?

— Съ этапа,—проговорилъ сотскій и, замѣтивъ выраженіе удивленія на лицѣ старика, добавилъ:

— Вотъ нонче какіе орлы этапные-то пошли! На него глядя, и не повѣришь, что арестантъ...

— И не повѣришь!..—не отводя глазъ отъ парня, прого-

ворилъ старикъ.—Ишь какой чистякъ, хошь на свадьбу... Только, вонъ, забрыгагася...

— Забрыгаешься... Изъ города-то пѣшкомъ перли, ну, и не уберегся... А гдѣ начальство-то?

— Уѣхали.

— А помощникъ?

— Въ трактиръ ушелъ.

— Скоро будетъ?

— Небось, скоро... Садитесь, обождите.

Сотскій, повернувшись, отошелъ къ стѣнѣ и, крикнувъ, опустился на скамейку, гдѣ передъ этимъ сидѣлъ старикъ. Старикъ сѣлъ на табуретку, за маленькій столикъ, у окна. Парень стоялъ неподвижно и, въ смущеніи, не зная, куда дѣвать себя.

— Садись и ты... Садись вотъ съ нимъ! — предложилъ старикъ.—Чего стоять-то. Что ни стой, братъ, пожалуй, больше не вырастешь.

— Да и на что расти-то? Что на насъ—собакъ, что-ль, вѣшать?—лѣниво зѣвая, сказалъ сотскій и вытянулъ впередъ ноги.

— Какъ же это ты, такой орелъ, на этапъ попалъ? А?—съ сожалѣніемъ глядя на парня, обратился къ нему старикъ.—Я такихъ еще не видывалъ... По этапу ходятъ хитровцы, рвань... А тебѣ-то, небось, безчестно...

— Такъ, попалъ и попалъ...—не глядя на старика, проговорилъ парень и не совсѣмъ твердо подошелъ къ скамейкѣ и тоже опустился на нее. Было видно, что у него не было желанія вступать въ разговоры, но старикъ этого не замѣтилъ.

— Небось, отецъ, мать есть, сестры... Каково имъ теперь тебя встрѣтитъ-то?—продолжалъ допытываться Груздевъ.

— Есть!—отвѣтилъ, вмѣсто парня, сотскій.—Они съ Тишалова. Я и отца его съ матерью знаю. У нихъ сваты есть въ нашей деревнѣ, семья настоящая!

— Ну, вотъ! — десадиливо качнувъ головою, сказалъ старикъ.—Вонъ она до чего гульба-то доводитъ! Все, небось, по пьяной лавочкѣ?

— Онъ—нѣтъ...—покосившись на парня и видя его нерасположеніе разговаривать, поспѣшилъ удовлетворить любопытство старика сотскій:—Онъ по особой части... по приказу высылается...

— Какъ же это по приказу, земскій, что ли, потребоваль?

— Нѣтъ, тамошнее начальство...—Сотскій опять взглянулъ на парня, и его губы шевельнулись насмѣшливой улыбкой. Онъ набралъ въ грудь воздуху и, повышая голосъ, продолжалъ:

— Нехорошо, говорятъ, тебѣ въ городу жить, ну, такъ

ступай въ деревню. Похлебай тамъ сѣрыхъ щей, поноси худыхъ лаптей!

Сотскій засмѣялся раскатыстымъ смѣхомъ, и у него заблестѣли глаза; но старику все это, видимо, было еще непонятно; онъ, недоумѣвая, поглядѣлъ на сотскаго и снова спросилъ:

— За что-же, аль пачпортъ потерялъ?

— Какой пачпортъ, пачпортъ тутъ не при чемъ!—И опять съ насмѣшливой улыбкой на губахъ сотскій сталъ объяснять старику, почему парень попалъ на этапъ.

— Съ хозяиномъ покапризничали.. На заводѣ парень жилъ, ему хозяинъ не услужилъ... Шляпы, что ли, передъ ихъ братомъ не снималъ,—ну, они и закочевряжились. То, да это... Одно не хорошо, другое не ладно, я-ста, да мы-ста... Немы тебя будемъ слушаться, а ты насъ... А хозяинъ-то попалъ не дуракъ,—знаетъ, что съ нашимъ братомъ церемониться много нечего,—пошелъ, шепнулъ кому слѣдуетъ,—ну, ихъ, добрыхъ молодчиковъ, сейчасъ цапъ-царапъ... „Хотите хояина уважить?“—„Нѣтъ!“—А нѣтъ, такъ ступайте на вольную жизнь по деревнямъ, а на ваше мѣсто другіе найдутся...

— Вонъ оно что... дѣло-то...—сообразилъ, наконецъ, Груздевъ:—А я думалъ, по пьяной лавочкѣ.

— Вѣстимо, небось, не безъ того,—продолжалъ сотскій, но уже безъ насмѣшки, а сухимъ резонерскимъ тономъ.—Небось, и тутъ все больше винцо говорить... Пропьются въ праздники-то, жалованья-то имъ и мало кажется,—вотъ они и лѣзутъ каряка на тараку. Нѣтъ, это хорошо, что съ ихнимъ братомъ такъ обходятся! Вотъ, какъ дома-то поживутъ, потрутъ лямку, поглядятъ, какъ тутъ-то гуляютъ,—тогда, небось, прѣдутъ опять въ городъ—къ тому же хозяину съ поклономъ пойдутъ: что ни положи, батюшка, только опять возьми!

— Это ты по себѣ такъ рассуждаешь,—видимо задѣтый за живое разсужденіями сотскаго, проговорилъ этапный:—А може, не всѣ по одной мѣркѣ сшиты!..

— Дома поживутъ, всѣ подъ одну статью подойдутъ,—увѣренно сказалъ сотскій,—тутъ, братъ, всѣхъ подъ одну гребенку стригутъ... Небось!

— Да, братъ, въ деревнѣ не сладко...—поддержалъ сотскаго Груздевъ.—Въ деревнѣ, братъ, не то что шумѣть, а по мышиному-то пищать силы не хватить... Вотъ она, осень-то... Только и уродилась хорошо одна картошка, а рожь то—у кого густа, такъ пуста, а рѣдка—такъ мелка, и овесъ-то не доросъ... На базарь-то съ чѣмъ будемъ ѣхать?! А тутъ спрашиваютъ и выкупныя, и продовольственныя, земскія, волостныя, пастушню... Денегъ-то нужно цѣлую шапку, а ихъ

и въ кошелекъ не скоро нашаришь... Старшина и то каждый день ругаетъ, ругаетъ старостовъ-то, цѣдить, цѣдить!

— Имъ этого не видно...—злбно проговорилъ сотскій.— У нихъ тамъ ни выкупу, ни пастушни... Ъдятъ-то, небось, говядину каждый день, да кашу, да чай два раза,—вогъ ихъ и забираетъ... Съ жиру-то, говорятъ, собаки и то бѣсятся... Я, вонъ, прежде въ солдатахъ служилъ, да какъ попалъ въ денщики, да къ хорошему офицеру—тебѣ и бѣленькій хлѣбецъ каждый день, и въ графинъ когда заглянешь... Тоже сейчасъ и мысли въ головѣ пойдутъ: не глядишь, что у тебя жена въ деревнѣ, да дѣти растутъ... Вильнетъ хвостомъ какая на дворѣ, а ты ей въ окошечко стукъ, стукъ... Ну, а какъ попалъ въ деревню-то,—все забылъ... Да у меня еще по дому слава Богу... Я вотъ жалованье получаю, много ли, мало-ль, а какъ мѣсяцъ прошелъ, ты мнѣ десять рубликовъ подай... Нѣтъ, кабы ты вотъ этого пальта не завелъ, да сапоги-то гамбургскіе не носилъ — небось бы, въ картузь за ватой не полѣзъ!

— На тебя хоть елотку надѣнь, ты все равно не зашумишь!—киво усмѣхаясь, проговорилъ парень.

— Зачѣмъ же я тогда буду шумѣть-то?—воскликнулъ сотскій, отпрянувъ отъ стѣны, и громко засмѣялся.—Что же я тогда за дуракъ былъ бы? Я бы закутался тогда съ головой, мнѣ бы тогда ничего не видать, не слышать было.

— Такъ и говорить нечего!—съ пренебреженіемъ произнесъ парень.

— Отчего не говорить, на то и языкъ данъ, чтобы говорить.

— Такъ говорить надобно, подумавши... да объ дѣлѣ... а безъ дѣла нечего трепаться. Ты думаешь: ты уменъ, а другіе дураки, зря на стѣну лѣзутъ, добра себѣ не желаютъ. Нѣтъ, братъ, добра всякъ себѣ хочетъ, изъ-за него и борются...—съ загорѣвшимися глазами и дрожащимъ съ сердитыми нотками голосомъ проговорилъ этапный.

— А я тебѣ говорю развѣ не дѣло?.. Я тебѣ говорю не дѣло—ну, послушай, что отецъ съ матерью скажутъ: поглядятъ они тебя по головкѣ, али нѣтъ?—внушительно сказалъ сотскій.

— Тутъ отцу съ матерью разсуждать не приходится, ихъ это не касается.

— А кого же это касается, какъ не ихъ?

— Конечно, меня.

— А ты-то чей? Аль не ихній?

— Я—свой, свой собственный..

— Ага!—злорадно воскликнулъ сотскій и многозначительно поглядѣлъ на парня.—Вотъ изъ такихъ-то бунтари и выхо-

дять, которые отца съ матерью не признаютъ. Кого же вамъ тогда почитать?

— Кто стоитъ того!—спокойно и увѣренно отвѣтилъ парень.

— А кто же это, по вашему, стоитъ-то?

— Всякій порядочный человѣкъ...

— А хозяинъ-то, къ примѣру, ужъ и не порядочный? Онъ, небось, сколько одного капитала изъ-за вашего брата положилъ, сколько заботы несетъ. Дѣло-то надо вѣдь съ разумомъ вести, а не какъ-нибудь... Сколько вашего брата, шентрапы, хлѣбомъ кормить, а онъ все—непорядочный?

У сотскаго сдѣлалось красное лицо, ноздри его замѣтно раздувались; проговоривъ это, онъ плотно прижался къ стѣнѣ и, подобравъ подъ скамейку ноги, замеръ въ этомъ положеніи. Вся его фигура дышала презрѣніемъ и негодованіемъ къ словамъ этапнаго, и онъ, видимо, былъ не въ силахъ переварить такихъ дерзостныхъ мыслей.

— Неизвѣстно, кто кого кормить-то,—не замѣчая волненія сотскаго, проговорилъ этапный:—насъ хозяинъ, или мы его?..

Сотскій снова отпрянулъ отъ стѣны и, глядя искоса на парня, залился ядовитымъ дѣланымъ смѣхомъ.

— Ха, ха, ха! Мы съ тобой прокормимъ! Кормильцы-поильцы какіе! Небось, купца два разжирѣло отъ насъ! Нѣтъ, братъ, а я думаю, что хозяева-то всѣ дураки... Имъ бы не такъ съ вами нужно обходиться, а прижать бы васъ, какъ Барвару къ амбару, чтобы сокъ потекъ, тогда бы вы не забивали головы незнамо чѣмъ!

Сотскій сказалъ послѣднія слова твердо и рѣшительно и даже показалъ руками, какъ слѣдуетъ прижать рабочій народъ. Парень только молча гнѣвно поглядѣлъ на него и рѣшилъ не отзываться. Старикъ-сторожъ почесалъ рукой животъ и равнодушно проговорилъ:

— Ну, тоже нашъ братъ—не скоть, безъ череду-то его жать нечего.

— Что-жъ на него глядѣть, коли онъ самъ заставляеть?

— Хозяева-то тоже не анделы, ихъ тоже по головкѣ не погладишь.

— Ну, коли плохо дѣлаетъ хозяинъ — жался иди: на то начальство есть. Кто дѣлаетъ не по правдѣ, на того всегда законъ найдешь!

— Какъ задастся, а то и не найдешь!

— Какой дорогой пойдешь.

— Какой ни иди, все равно! Пословица говоритъ: съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не судись. Я тебѣ расскажу изъ старины... Тогда тоже бывали такіе случаи-то... При господахъ-то тоже не сладко было... Одинъ разъ и воз-

мутился народъ въ графщинѣ,—ты про графщину слыхаль?

— Слыхать слыхаль, — лѣнливо, какъ будто утомившись отъ горячаго разговора, промолвилъ сотскій.—Только не бываль никогда. Собирался много разъ на ярманку жеребенка покупать,—тамъ, говорить, жеребята хороши,—да все съ деньгами не сберешься...

— Э, э, э!—чмокнулъ старикъ языкомъ. — Вотъ бы поглядѣль, гдѣ человѣчьяго поту-то пролито, да напихъ костей положено,—жуть беретъ, какъ вспомнишь, что было!.. Имѣнье аграмадное... Одинъ садъ сто десятинъ, и весь каменной стѣнной обнесенъ, съ башнями по угламъ. Посреди сада прудъ десятинъ въ десять, а посреди пруда островъ, и на немъ бесѣдка. Все это вырыто и насыпано мужицкими руками, да мужицкими хребтами... Мужики и садъ насадили... А домъ-то! въ городу не скоро такой встрѣтишь... Ужъ боковыхъ-то оконъ освѣтить его не хватало, такъ посередкѣ стеклянную крышу сдѣлали. И все это нужно было нашему брату содержать... И житье же, говорили, было: что твоя Сибирь Тобольская... Работали и старый, и малый: такъ артели и были, кто въ полѣ, кто по двору, кто въ саду... А за всѣмъ надсмотрщики были приставлены, верхами, съ треххвостными плетями... Чуть кто заглядѣлся, такъ тебя такъ врѣжутъ промежду плечъ, что недѣль шесть прочеешься. Все это было заведено при старомъ графѣ, а какъ графъ-то померъ, осталась хозяйничать графиня—еще хуже пошло... Барыня была безтолковая, самонравная и силу большую имѣла. Такъ ее не только въ своей вотчинѣ, а по всей губервіи боялись... И чѣмъ старѣе становилась, тѣмъ лютѣе... Такія мытарства стала творить, какія, може, другой нехристь своему врагу не придумаетъ. Горничнымъ, которыя ей голову чесали, щеки щипцами жгла; родныхъ внучекъ за провинность голымъ мѣстомъ на ледъ сажала, а ужъ про мужиковъ и говорить нечего... Може, не одна сотня ихъ, не доживя вѣку, на тотъ свѣтъ пошла!

Старикъ, говорившій съ перерывами, остановился. Ему трудно было много говорить; онъ усиленно нѣсколько разъ кашлянулъ, чтобы прочистить горло, потомъ, проведя рукой по лицу, продолжалъ:

— Вотъ тогда и выискался одинъ парень, Федосейкинъ Захаръ, молодой еще, а разбитной такой, мозговой. Собралъ народъ... Что-жъ, говорить, православные, доколь намъ эти муки терпѣть? Этакъ всѣмъ безо время могила... Нужно намъ отъ этого избавиться!.. Снаряжайте-ка, говорить, меня въ Питеръ, да составляйте прошенье. Написали, все перечислили, всѣ ея лютости; просятъ либо смерти, либо

живота. Отдали эту бумагу Федосейкину, собрали денег на дорогу... Распростился онъ со всѣми, наказалъ старикамъ жену молодую въ обиду не давать и пошелъ.

Старикъ остановился, чтобы перевести духъ. Сотскій и этапный сидѣли молча, не шевелясь. Сотскій откинулся къ стѣнѣ и безцѣльно глядѣлъ въ противоположную стѣну, прищуривъ глаза и не выражая ни большого сочувствія, ни интереса къ тому, что рассказывалъ старикъ. Парень же, напротивъ, отклонился отъ стѣны и, повернувъ голову къ старику, съ жадностью прислушивался къ каждому его слову, при чемъ глаза его горѣли огнемъ, а на щекахъ выступили красныя пятна.

— Много ли, мало ли прошло время,—сталъ опять рассказывать старикъ,—пригнали Федосейкина назадъ домой, а ужъ бумага впередъ его пришла... Барыня, какъ прочитала бумагу-то, на стѣну бросилась... Сейчасъ въ губерню послали за солдатами, палками всѣхъ наказывать. А Захара, какъ привели, сейчасъ подъ замокъ и ни съ кѣмъ ему видѣться не позволяютъ... Ъду подавать велѣно черезъ день, одинъ хлѣбъ да прудовую воду, пока барыня ему настоящей казни не выдумаетъ... Ну, знамо, всѣхъ жуть обуяла, всѣ ходятъ, повѣсивши головы, а тошнѣе всѣхъ Захару. Ломаютъ башку, какъ бы ему убѣжать, а убѣжать нельзя... Посадили его въ деревянную сараюшку, а сараюшка была каменная съ потолкомъ. Потолокъ хотя и деревянный, только не достать ему до него... Глядѣлъ, глядѣлъ парень и видитъ въ землѣ полѣнья торчатъ... Какъ лежали, значитъ, дрова-то, засыпались щепой, кожурою—нижнія-то полѣнья и остались. Бросился къ нимъ парень, выворотилъ ихъ, поставилъ одинъ на одинъ и началъ потолокъ трогать... Попробовалъ—поддается. Уперся парень головой,—высочила одна потолочина, ухватился за другую, да на чердакъ... а съ чердака-то въ слуховое окно... на волю... Прибѣжалъ къ своимъ. „Ну, говорить,—батьюшка, матушка и ты, молодая жена, простите меня! Все равно, говорить, не носить мнѣ головы, такъ коли ужъ гибнуть, такъ гибнуть на волѣ“... Попрощался со всѣми, да и въ бѣги. Куда убѣжалъ, гдѣ скрылся—такъ никто и не зналъ...

— Ну, а барыня-то что-жъ? — равнодушнымъ голосомъ спросилъ сотскій.

— Къ барынѣ пріѣхалъ губернаторъ, наказалъ, кого она выбрала, да и уѣхалъ. Опосля того графиня отца съ матерью Захаровыхъ на поселенье услала, а еще сколько-то въ солдаты забрила.

— Вотъ это хорошо!—воскликнулъ, нѣсколько оживившись, сотскій:—Это по настоящему! Не хошь, сукинъ сынъ, своимъ

набольшимъ повиноваться—такъ слушайся собачьей шкуры! Поди-ка потруби!.. Тогда служба-то не такъ, какъ теперь была, а двадцать пять лѣтъ... Славно!.. Небось, послѣ этого заросла дорожка въ Питеръ.

— Это хорошо?! А такое хорошество всѣ признали негодящимъ,—съ горящими глазами проговорилъ парень:—Богъ далъ, отмѣнили.

— Маленько рано, надо бы погодить, тогда бы вотъ и вашъ братъ шебаршить пересталъ.

— Экая вѣдь досада, что тебя не спросили,—криво усмѣхаясь, проговорилъ парень:—Если бы знали, что ты этого не одобришь, вѣрно бы погодили!

— Смѣйся, пожалуй!.. Какъ бы послѣ не заплакать!—проговорилъ сотскій и недружелюбно поѣхосился.

— Да ужъ лучше плакать, чѣмъ смѣяться съ тобой,—проговорилъ этапный и, въ свою очередь, взглянулъ на сотскаго. Увидавъ сердитое выраженіе его лица и полнѣйшую увѣренность въ правотѣ, онъ рѣшилъ замолчать. Онъ глубоко ушелъ головою въ воротникъ пальто и плотнѣе прижался спиною къ стѣнѣ; глаза его сдѣлались тусклыми, и самое лицо и вся голова стали, какъ будто, меньше.

Въ сѣняхъ слышались новые шаги. Шаркнула, отворяясь, наружная дверь и задребезжала внутренняя. Въ правленіе вошелъ, въ пальто въ накидку и съ фуражкой на затылкѣ, помощникъ, съ русыми усиками на безкровномъ лицѣ и подслѣповатыми глазами. Сотскій поднялся съ мѣста, сдѣлалъ почтительное выраженіе на лицѣ и проговорилъ:

— Здравія желаю, Григорій Наумыч!

— Здравствуй, Коврижкинъ!—сбрасывая пальто и вѣшая его на колышекъ, отвѣтилъ помощникъ.—Что скажешь хорошенькаго?

— Этапнаго привелъ.

— Чьего?

— Тишиловскаго.

Сотскій подалъ помощнику книжку, тотъ взялъ ее и, подойдя къ лампѣ, сталъ читать.

— А, а! Это тотъ, чей паспортъ съ той почтой прислали?—проговорилъ помощникъ и, повернувшись къ поднявшемуся со скамейки парню, добавилъ:

— Ну, голубчикъ, должно быть, здорово осердилъ ты начальство: на паспортѣ отмѣчено, что тебѣ на годъ запрещено являться въ городъ.

— Вотъ и радость отцу съ матерью!—вадохнувъ, проговорилъ, не глядя на парня, Коврижкинъ.—Они, небось, думаютъ: вотъ сынокъ въ городу деньги наживетъ, скоро

пришлетъ имъ, а онъ, вмѣсто денегъ-то, и самъ на шею свалился, да еще на зиму! Росписались?

— Росписался.

— Пожалуйте книжку-то.

Сотскій взялъ книжку, медленно засунулъ ее за пазуху и, взявши со скамейки шапку, проговорилъ:

— Счастливо оставаться! Я ужъ не буду ждать старшины-то, домой хочется поскорѣй.

— Иди, все равно,—проговорилъ помощникъ и, опустившись на стулъ, досталъ изъ желтенькой коробочки папироску, стукнулъ однимъ концомъ объ крышку и сталъ закуривать отъ лампы.

Сотскій ушелъ. Парень съ минутою постоялъ, не зная, что ему дѣлать, потомъ несмѣло проговорилъ:

— А мнѣ куда-жъ?

— А ты обожди старшины, какъ онъ распорядится. Обожди, пока, въ арестантской. Груздевъ, проводи его!

— Пойдемъ! — кряхтя, проговорилъ Груздевъ и повелъ парня въ прихожую. Впустивъ его въ небольшой чуланъ съ надписью „арестантская“, онъ затворилъ за нимъ дверь и заперъ ее наружнымъ засовомъ.

С. Семеновъ.

АББАТЪ ЖЮЛЬ.

Романъ *Октава Мирбо.*

Переводъ съ французскаго С. Б.

III.

Прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, позвольте мнѣ вернуться къ прошлому аббата Жюля и возстановить эту странную фигуру по моимъ личнымъ воспоминавіямъ и по тщательнымъ справкамъ у лицъ, его знавшихъ въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ.

Моя бабушка, несомнѣнно, была наиболѣе любимая и уважаемая женщина въ Віантѣ. Безъ преувеличенія, могу сказать, что ее почитали, какъ святую. Она была безконечно кротка со всѣми, и ея щедрость къ бѣднякамъ была неизсякаема. Происходя отъ родителей-крестьянъ, она, не смотря на то, что замужество ввело ее въ буржуазію, свято сохраняла крестьянскій образъ жизни. Это было существо скромное, рѣдкой деликатности чувствъ и рѣдкаго здраваго смысла. Быть можетъ, только немного черезчуръ набожна. Я, какъ теперь, вижу ее въ огромномъ креслѣ, покрытомъ сѣрымъ парусиновымъ чехломъ; она сидитъ, маленькая, сторбленная, съ морщинистымъ лицомъ, выглядывающимъ изъ-подъ широкаго бѣлаго чепца, который стѣнялъ его восковую прозрачность. Она вязала, вязала безъ конца чулки, фуфайки, юбки для бѣдныхъ. Какая она была дѣятельная и подвижная, не смотря на согнувшіе ее годы и болѣзнь, скрючившую ей пальцы! Каждое утро я заходилъ къ ней, или, вѣрнѣе, навѣка приводила меня къ ней, и прежде, чѣмъ поцѣловать ее, я взглядывалъ на каминъ. Тамъ стояла маленькая деревянная собачка, и подъ ней я каждый день находилъ монету въ пятьдесятъ сантимовъ. Бабушка при-

кидывалась удивленной, смѣялась и, махая своей иглой, восклицала.

— Какъ, собачка опять припасла десять су!.. Вотъ уморительная собачка!

Она много страдала въ прошломъ и въ глубинѣ души хранила горе, но на лицѣ ея всегда мелькала очаровательная улыбка, вызывавшая довѣріе и любовь къ ней. Подъ этой улыбкой, однако, скрывалось много слезъ дѣтскихъ, женскихъ, материнскихъ. Болѣе нѣжная и впечатлительная, чѣмъ обыкновенныя деревенскія дѣвушки по своей духовной организаціи, она провела почти мучительное дѣтство, постоянно страдая отъ жестокости людей и грубости ихъ привычекъ. И это не потому, чтобы она презирала окружающую ее среду и мечтала жить въ болѣе высокомъ кругу: она хотѣла только видѣть вокругъ себя больше доброты, сдержанности и мягкости. Потомъ она вышла замужъ. Дѣда я не зналъ, но, кажется, это былъ человѣкъ очень буйный, деспотичный, волокита и пилъ запоемъ. Онъ унижалъ ее, какъ унижалъ всѣхъ, безъ смысла и сожалѣнія.

Коннозаводчикъ по профессіи, онъ принужденъ былъ ѣздить на дальнія ярмарки, проводить большую часть времени въ трактирахъ съ барышниками и отъ нихъ, безъ сомнѣнія, заимствовалъ грубыя манеры. Онъ погибъ отъ удара лошадинымъ копытомъ въ животъ на ярмаркѣ въ Шассанѣ. Бабушка осталась молодой вдовой съ тремя дѣтьми; это были: мой отецъ, тетка Атали, скончавшаяся отъ чахотки на восемнадцатомъ году, и дядя Жюль.

Не было ребенка, подобнаго Жюлю. Скрытный, сварливый, жестокій, онъ находилъ удовольствіе только въ злыхъ предѣлкахъ. Его братъ и сестра много отъ него терпѣли, а мать была въ отчаяніи. Она и просила его, и наказывала, дѣлала выговоры и умоляла—все это только раздражало его неукротимую натуру.

— Совершенный портретъ своего отца! — говорила, рывая, бѣдная женщина.

И, дѣйствительно, она съ ужасомъ видѣла въ сынѣ тѣ же жесты, тѣ же взгляды, какіе были у ея мужа, когда тотъ послѣ долгаго отсутствія возвращался домой, съ крикомъ и бранью, весь пропитанный водкой и навозомъ.

Въ коллежѣ, куда его помѣстили очень рано, Жюль билъ своихъ товарищей, доносилъ на нихъ и бунтовалъ противъ учителей. Но онъ былъ очень уменъ, усердно занимался и всегда былъ первымъ въ классѣ. Въ двадцати случаяхъ только этому онъ и былъ обязанъ, что его не исключили изъ школы. По возвращеніи домой, его грубые инстинкты, въ условіяхъ свободной и празднои жизни, развернулись

еще больше. Его распутная жизнь, посѣщеніе кабаковъ и участіе въ многочисленныхъ домашнихъ кражахъ, дѣлали его позоромъ для всего города. Онъ не выносилъ ни одного замѣчанія безъ того, чтобы не выйти изъ себя и не угрожать разнести все. Вспышки его гнѣва были такъ ужасны, что всѣ дрожали передъ нимъ, а самъ онъ послѣ нихъ, какъ эпилептикъ, цѣлыми часами лежалъ блѣдный, больной, безъ силъ, съ разбитой головой.

Когда мать спросила его, какую карьеру онъ намѣренъ избрать себѣ, онъ ничего не отвѣтилъ, свистнулъ и повернулся къ ней спиной. Она попробовала опредѣлить его къ одному стряпчему въ Мортань. Но черезъ три мѣсяца онъ убѣждалъ оттуда, испортивъ массу листовъ гербовой бумаги неприличными рисунками. Въ это же время у него явилась особенная страсть къ чтенію. Онъ читалъ все: романы, стихи, ученія и философскія сочиненія, революціонные журналы; послѣдніе онъ доставалъ у аптекаря, стараго восторженнаго и преданнаго республиканца, мечтавшаго только о гильотинѣ и о всеобщемъ счастьѣ. Оба работали надъ проектами отдаленныхъ переворотовъ, надъ фантастическимъ разрушеніемъ существующаго социальнаго строя.

Жюль находилъ удовольствіе высказывать свои крайнія убѣжденія матери, и несчастная вдова болѣзненно восклицала: — Боже мой! И это мой сынъ?

Однажды, когда она серьезно раздумывала отправить его въ плаваніе, или опредѣлить въ исправительный домъ, Жюль объявилъ ей, что хочетъ сдѣлаться священникомъ. Она страшно вскрикнула, подняла глаза къ небу, закрыла руками лицо, точно услышала ужасное богохульство.

— Святая Дѣва! Ты—священникъ!.. Такой негодяй, какъ ты!.. Но, говоря это,—ты вѣдь оскорбляешь Господа Бога!

— Я хочу быть священникомъ,—повторилъ Жюль,—вотъ и все!

Онъ настаивалъ, шумѣлъ, вышелъ изъ себя и сталъ угрожать.

— Хочу быть священникомъ, чортъ побери!.. Священникомъ!.. Будьте вы прокляты!

— Ахъ!—вскричала мать, лишаясь чувствъ,—прости меня, Боже! Я произвела на свѣтъ антихриста.

Бабушка посовѣтовалась со своимъ приходскимъ священникомъ, и тотъ въ этомъ странномъ призваніи, выраженномъ еще болѣе странно, увидѣлъ небесную благодать... Имъ овладѣла безграничная радость.

— Это чудо!.. великое чудо! Въ воскресенье въ своей проповѣди я оповѣщу объ этомъ весь приходъ... Ахъ, какое чудо!

Г-жа Дервель разрыдалась.

— Но онъ богохульствовалъ, г. кюре, богохульствовалъ, какъ язычникъ!

— Та, та, та!.. богохульствовалъ! Вы говорите: богохульствовалъ! Это очень понятно... Изъ него выходилъ злой духъ, сударыня... Жюль хочетъ стать патеромъ!.. О, горячо благодарите милосерднаго Бога. Это величайшая побѣда вѣры. Онъ напоминаетъ св. Августина... Да, вашъ сынъ будетъ вторымъ святымъ Августиномъ. Какая честь для васъ, для прихода, для церкви. О, это большое чудо!..

— Г. кюре, — лепетала несчастная мать, вся въ слезахъ, — боюсь, вы ошибаетесь.

— На, на!.. Успокойтесь, сударыня, вѣрьте, я не ошибаюсь... Дѣйствительно, громадное чудо! Завтра я отслужу благодарственный молебенъ... Не плачьте же, успокойтесь!

Два мѣсяца спустя Жюль поступилъ въ главную семинарію въ С.

Какимъ чувствамъ повиновался онъ, принявъ это неожиданное рѣшеніе? Намѣтилъ ли онъ себѣ планъ будущаго существованія, въ качествѣ священника, въ общемъ независимаго и болѣе легкаго, по сравненію съ другими профессіями? Не руководился ли онъ своею склонностью къ мистификаціямъ и бравированіемъ будущаго долга? Или, быть можетъ, онъ не былъ такъ развращенъ, какъ казалось? Быть можетъ, его преступныя мысли, высказываемыя съ такимъ хвастовствомъ, были только пустыми словами, маской, а въ глубинѣ сердца онъ хранилъ нетлѣнное зерно христіанскаго благочестія?

Этого никто не зналъ: Жюль всю свою жизнь представлялъ неразрѣшимую загадку.

Между тѣмъ, годы, проведенные въ семинаріи, на этотъ разъ отмѣчены въ его существованіи энергическими стремленіями къ добру и пламенной борьбой съ самимъ собою. Было ли тутъ честолюбивое желаніе достигъ высокихъ духовныхъ степеней, или раскаяніе въ прошломъ и размышленія, но онъ страстно предался укрощенію своей натуры, пытался смягчить ее строгостью дисциплины, покорностью передъ униженіемъ, и не только молитвой и пассивнымъ исполненіемъ благочестивыхъ обрядовъ, какъ поступаютъ слабыя души, но почти физическимъ насиліемъ надъ своей волей и напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ способностей. Увы! вопреки такому мужеству, возвращеніе къ пороку бывало такъ бурно, дурные инстинкты пробуждались съ такой силой, такъ внезапно и страшно, что сразу, въ одну минуту гибло все зданіе спасенія, возведенное такъ медленно, съ такимъ кропотливымъ трудомъ. И приходилось начинать

сначала. Эта неустанная борьба между духомъ и тѣломъ, это физическое и умственное самоистязаніе помѣшало Жюлю привыкнуть къ окружающей обстановкѣ, лишало его возможности приспособиться къ ней. Наоборотъ, его длинная костлявая фигура еще рѣзче отбѣняла острые углы и лицемѣрные слова, и въ ризницахъ и исповѣдальняхъ, полныхъ тишины и шепота, онъ никогда не испытывалъ ни ласкающаго успокоенія, ни жгучихъ радостей религіознаго экстаза...

Обладая чудовищной памятью и способностью быстро принимать вещи, онъ очень скоро былъ замѣченъ своими профессорами, и сталъ даже беспокоить ихъ. Смѣлость его идей, склонность дерзко оспаривать догматы, стремленіе примѣшивать науку и философію къ непреложности теологическихъ доктринъ, страстное, пламенное краснорѣчіе въ его сочиненіяхъ на самыя отвлеченныя темы и въ особенности его непобѣдимое отвращеніе къ исполненію священныхъ обрядовъ, которые „вдалбливали“ ученикамъ, какъ роли актерамъ, — все это болѣе, чѣмъ его невольное уединеніе, смущало начальника семинаріи, и онъ счелъ нужнымъ довести объ этомъ до свѣдѣнія епископа. Епископъ, снисходительный и добрый старикъ, по размышленіи, рѣшилъ, что все это увлеченія молодости, что въ этомъ виновата строгость правилъ, застывшая рутина, и, какъ это ни странно было въ такомъ благочестивомъ человѣкѣ, проникся симпатіей къ Жюлю, заинтересовался его будущимъ: Жюль такъ не походилъ на остальныхъ семинаристовъ. Епископъ позволялъ ему часто отлучаться изъ семинаріи, приглашалъ къ своему столу. Рѣзкія манеры любимца не приводили его въ ужасъ, напротивъ, онъ сильнѣе привязывался къ его оригинальному уму и твердой волѣ: Жюль нарушалъ все то, что онъ привыкъ видѣть и слышать вокругъ себя. Викарій однажды выразилъ сомнѣніе въ серьезности призванія Жюля и, склонивъ голову на сложенные руки, сказалъ:

— Душа его бурлитъ, монсеньоръ, клокочетъ!.. Боюсь, она не выйдетъ побѣдительницей въ борьбѣ съ сомнѣніями и грѣхомъ...

— Мы ее успокоимъ, г. аббатъ, успокоимъ, — отвѣчалъ епископъ. — И вы увидите, что этотъ юноша пойдетъ далеко, очень далеко. Онъ будетъ украшеніемъ церкви.

И, помолчавъ, голосомъ полнымъ сожалѣнія, прибавилъ:

— Какъ жаль, что онъ такъ безобразенъ и неуклюжъ!

Жюль не любилъ своихъ товарищей и, сколько могъ, избѣгалъ разговоровъ и игръ съ ними. Во дворѣ, во время прогулокъ, онъ отдалялся отъ нихъ, быстро шагаль гдѣнибудь въ сторонѣ, сбрасывалъ ногой попадавшіеся на пути

большіе камни, трясъ деревья и, казалось, стремился разрушить все, что ни встрѣчалось. Ему удалось пронюхать, что у самыхъ ревностныхъ и нетерпимыхъ учениковъ есть грязныя, подозрительныя связи, что они ведутъ странную переписку, и ему часто доставляло удовольствіе преслѣдовать ихъ циничными насмѣшками и двусмысленными намеками, держа ихъ такимъ образомъ въ вѣчномъ страхѣ, что онъ донесетъ на нихъ, публично осрамить передъ учителями. Онъ презиралъ этихъ толстощекихъ и розовыхъ юношей. Съ рабочимъ умомъ и темной душой, они изучали вѣру, какъ сапожное ремесло, и, подъ покорной и набожной внѣшностью, хранили низкіе аппетиты и вождельнія грубыхъ крестьянъ. Въ свою очередь, на ряду со свойственнымъ имъ недовѣріемъ и чувствомъ ненависти буржуа [ко всякому, кто не походилъ на нихъ ни въ нравственномъ, ни въ общественномъ смыслѣ, они ненавидѣли его. Они боялись этого „фаворита“ епископа, боялись его страшнаго гнѣва, жестокихъ насмѣшекъ и съ ужасомъ видѣли въ немъ апостола грядущей ереси, иконоборца, отступника, „Ламенэ“. Въ рѣдкія минуты ихъ свободнаго мышленія Ламенэ представлялся имъ послѣднимъ воплощеніемъ дьявола.

Жюль безъ особыхъ препятствій окончилъ свое духовное образованіе и, выйдя изъ семинаріи, тотчасъ же поступилъ въ епархію секретаремъ епископа.

Въ этотъ день г-жа Дервиль забыла всѣ пережитыя страданія и была преисполнена материнской гордости. Взволнованная до глубины души своимъ счастьемъ, она отправилась къ кюре, и ей казалось, что ангелы несутъ ее подъ пѣніе гимновъ въ лучезарную высь.

— Ну, что, моя дорогая!—вскричалъ добрякъ, съ жаромъ пожимая руки своей любимой прихожанкѣ,—что я вамъ говорилъ? Чудо это или нѣтъ? Развѣ не чудо, скажите на милость?

Она не находила достаточно сильныхъ и чувствительныхъ словъ для выраженія своей благодарности. Горло сжималось отъ чрезмѣрнаго волненія, и она могла только пролепетать:

— О, г. кюре, г. кюре!

— Ну, что? будете мнѣ вѣрить въ другой разъ, будете Ѳомой невѣрующимъ? И это еще не конецъ, подождите!.. Вашъ дорогой сынъ будетъ епископомъ, слышите: епископомъ, это такъ же вѣрно, какъ дважды два четыре.

Епископомъ! Конечно, именно объ этомъ теперь и могла идти рѣчь. Она видѣла своего сына подъ неизмѣримыми сводами храмовъ, сверкающими золотомъ, въ трехконечной тіарѣ, повелѣвающимъ душами земныхъ царей, распростертыхъ у его ногъ.

Согласно трогательному обычаю, аббатъ Жюль отслужилъ свою первую обѣдню въ церкви Віантѣ, окруженный многочисленной толпой мѣстнаго населенія, знавшаго его еще ребенкомъ. Тутъ случилось нѣчто неожиданное, о чемъ говорить до сихъ поръ и будутъ говорить еще долго. Молодой священникъ взошелъ на кафедру и передъ всѣми публично исповѣдался въ своихъ заблужденіяхъ и грѣхахъ. При первыхъ же словахъ, слетѣвшихъ съ его устъ, собравшаяся толпа вѣрующихъ какъ бы оцѣпенѣла.

— Дорогіе мои братья!—воскликнулъ онъ глухимъ и дрожащимъ голосомъ,—я великій грѣшникъ! Едва затеплилась моя жизнь, какъ душа моя была уже отягчена преступленіями и ложью гораздо болѣе, чѣмъ душа порочнаго старца или убійцы. Среди васъ началъ я эту порочную жизнь, въ ней выросъ, предаваясь сомнѣнію, возмущенію и сладострастію, и среди васъ, огорченныхъ свидѣтелей моихъ позорныхъ лѣтъ, хочу раскрыть свою душу. Публичное безчинство требуетъ и публичнаго посрамленія. Это логично, справедливо, по-христіански! Не достаточно, чтобы раскаяніе оставалось нѣмымъ, скрытымъ въ глубинѣ собственной совѣсти. Выслушайте меня! Я отрицалъ Бога и осквернялъ Его святое имя; я оскорблялъ Христа и непорочную Дѣву. Я презиралъ свою мать, это священное существо, даровавшее мнѣ жизнь; ненавидѣлъ людей, моихъ страждущихъ братьевъ. Я лгалъ, воровалъ, попиралъ ногами бѣдняковъ и жалкихъ калѣкъ, этихъ божьихъ избранниковъ. Полный преступныхъ покушеній плоти, сжигаемый чудовищными вождѣніями, безъ угрызеній, не размышляя, приближался я къ святымъ дарамъ, и кроткому тѣлу Спасителя давалъ грязное ложе въ нечестивой душѣ... Наконецъ, я желалъ жену ближняго своего, я вливалъ развратъ въ сердце молодыхъ дѣвушекъ, и на просторѣ полей, подъ всевидящимъ божьимъ окомъ, предавался разврату...

Послѣднія слова онъ произнесъ звонкимъ, дрожащимъ голосомъ. Среди слушателей поднялся громкій шепотъ, заглушенный шумомъ цѣломудренно задвигавшихся стульевъ, и легкое покашливаніе разнеслось по всей церкви. Кюре подскочилъ на своемъ креслѣ, какъ отъ электрическаго удара. Даже органъ испустилъ мучительный стонъ, пронесшійся по сводамъ храма и замершій на хорахъ, надъ стоявшими въ ужасѣ діаконами и пѣвчими.

— Я предавался разврату!—повторилъ изъ всѣхъ силъ аббатъ Жюль.

И голосъ его загремѣлъ. Онъ съ яростью билъ себя въ грудь, и рукава его стихаря раздувались отъ движеній, какъ огромныя крылья обезумѣвшей птицы. Постепенно сталъ онъ

раскрывать свои прошлые ошибки, выставляя ихъ съ безжалостной жесткостью; вскрылъ всѣ позорныя мысли въ глубинѣ своего сердца, всѣ постыдныя, загрязнившія его тайны. Подобно древнимъ искателямъ мученичества, онъ бичевалъ себя, обнажалъ и раздиралъ пальцами свои кровавыя язвы и, охваченный страстью самоистязанія, разбрасывалъ куски своего тѣла и капли своей крови. Вѣрующіе, сначала удивленные и смущенные страстностью словъ и библейской прямою признаній, вскорѣ почувствовали странное безпокойство и заводновались. Тоска сжала всѣмъ горло, появилось чувство, похожее на головокруженіе при видѣ акробатическихъ упражненій надъ бездною. Двѣ женщины, страшно поблѣднѣвшія, съ трудомъ держась за спинки стульевъ, вышли почти безъ чувствъ; а одна, заткнувъ уши, кричала:

— Довольно, довольно!..

И отовсюду точно прорвался одинъ и тотъ же страшный, мучительный крикъ:

— Да, да!.. Довольно... довольно!..

Аббатъ остановился; у него захватило дыханіе. И въ то время, какъ онъ вытиралъ со лба струившійся каплями потъ и подбиралъ на руки длинные рукава стихаря, о чудо!.. лучъ солнца, проникшій сквозь розетку окна противъ каедръ, прорѣзалъ все пространство церкви и прямо освѣтилъ лицо проповѣдника какимъ-то страннымъ радужнымъ свѣтомъ. Всѣ одновременно подняли головы, ожидая увидѣть святого въ этомъ благодномъ сіяніи. Но набѣжало облако, заволокло солнце, и сіяніе исчезло.

Когда Жюль заговорилъ снова, то голосъ его былъ тихъ, и онъ продолжалъ свою проповѣдь, медленно отчеканивая слова. Рѣзкій и мстительный тонъ смѣнился мягкимъ и молящимъ. Внутреннія слезы придавали ему легкое дрожаніе и выраженіе безконечной нѣжности. Сложивъ руки, со взглядомъ, устремленнымъ вверхъ, гдѣ подъ куполомъ носились еще легкія облака ладона, съ упоеніемъ и восторгомъ онъ просилъ прощенія у людей, у святыхъ, у пресвятой Дѣвы, у Бога. Онъ взывалъ о прощеніи даже къ природѣ.

— И ты, непорочная и плодоносная Природа, вѣчное возрожденіе которой угодно Богу, ты, которую я столько разъ осквернялъ и унижалъ, прости меня! Прости меня и пошли страданіе, ибо страданіе—благо для грѣшника. Когда я буду испытывать голодъ, будь скупа, лиши меня хлѣба и плодовъ; когда буду испытывать жажду—лиши мои уста чистой воды твоихъ источниковъ; когда мнѣ будетъ холодно—не дай согрѣться моимъ оковѣвшимся членамъ, лиши солнца, защиты, пріюта. Пусть шипы терновника твоихъ дорогъ исцарапаютъ мои ноги; острія твоихъ скалъ изранятъ въ кровь.

мои колѣни. О, Природа, будь неумолимо-строгой мучительницей этого жалкаго, необузданнаго, нечистаго тѣла и изъ тяжелаго дерева твоихъ лѣсовъ изготви ему искупительный крестъ. Подъ тяжестью его, согбенный, я пойду къ вѣчному свѣту...

Невыразимое волненіе затуманило глаза вѣрующихъ, исказило лица, сдавило грудь. Кюре дѣлалъ огромныя усилія, чтобы не разрыдаться. Съ надувшимися щеками, съ поси-нѣвшей тонаурой, онъ съ тревогой вертѣлся на своемъ креслѣ. Сидѣвшіе впереди были строго серьезны. Кое-гдѣ послышались сдержанныя рыданія.

— Мои дорогіе братья, и вы также, мои любимыя сестры, — такъ закончилъ свою жаркую мольбу аббатъ Жюль:—если у васъ есть сожалѣніе къ тому, кто обвиняетъ себя и раскаивается во грѣхахъ, молю васъ: когда до слуха вашего донесется колокольный звонъ всенощной, и вы преклоните колѣна на кладбищѣ или у подножія домашняго распятія, вспомните и просоедините мое имя къ именамъ оплакиваемыхъ вами дорогихъ покойниковъ, къ именамъ несчастныхъ заблудшихся, которыхъ вы хотѣли бы обратить къ Богу. И да вознесется горячая и сострадательная мольба вашихъ общихъ молитвъ къ Тому, Кто судитъ и прощаетъ! Вмѣстѣ съ возродившейся любовью, недостойный сынъ приносить клятву поклоняться Его святому имени и до послѣдняго дыханія прославлять Его несокрушимую Церковь!

Когда онъ сошелъ съ каеэдры, сдержанныя до тѣхъ поръ рыданія сразу огласили церковь и наполнили ее необыкновеннымъ смятеніемъ всевозможныхъ человѣческихъ голосовъ, то глухихъ, то рѣзкихъ, напоминавшихъ крики и ревъ спущенныхъ съ привязи звѣрей. При проходѣ аббата, лица, орошенныя слезами, склонялись долу, какъ при проходѣ святого. Безграничный энтузіазмъ отуманилъ всѣ головы. Одна мать, протягивая къ нему своего запеленутаго ребенка, молила благословить его. Онъ тихо отстранилъ ее.

— Я не достоинъ, сестра моя!—сказалъ онъ.

Нѣкоторые толкали другъ друга, желая коснуться священныхъ складокъ его стихаря. А сторожъ и швейцаръ, впереди его, испуганные и едва держась на ногахъ, какъ пьяные, кричали безъ всякаго уваженія къ святому мѣсту:

— Дайте дорогу!.. Дорогу дайте, проклятыя бабы!..

Вдругъ громкіе звуки органа наполнили своды купола и покрыли голоса толпы своей торжествующей радостью. Служба продолжалась.

Въ домѣ кюре состоялся большой обѣдъ. Къ нему были приглашены всѣ священники и значительныя лица округа. Передъ тѣмъ, какъ двинуться въ столовую, добрый кюре

Сортэ, еще не успокоившійся отъ волненія, подошелъ къ аббату.

— Мой сынъ, милое дитя мое!—воскликнулъ онъ,—какой великій, какой изумительный, божественный примѣръ преподали вы всѣмъ! Какъ это было прекрасно! Сознаюсь, я плакалъ... я плачу еще и сейчасъ... Ахъ, какъ это было прекрасно!

Онъ хотѣлъ схватить его руки, привлечь къ себѣ.

— Я очень доволенъ, безконечно доволенъ! — повторялъ онъ.

Но Жюль высвободился изъ его объятій. Его снова обуялъ духъ злобы и жесткой ироніи, сразу охладившій горячія изліянія старца.

— Хорошо, хорошо, — отвѣчалъ онъ. — Умиляться-то не чѣмъ, добрѣйшій! ха, ха, ха...

И онъ повернулся къ нему спиной, продолжая издѣваться.

Бабушка впослѣдствіи рассказывала, что во время церемоніи, хотя она должна была бы радовать ее больше всѣхъ, она чувствовала себя не въ состояніи раздѣлять общее волненіе. По мѣрѣ того, какъ Жюль все подымался въ своемъ краснорѣчій и раскаяніи, она, по какому то таинственному свойству души, чувствовала, какъ холодъ пронизываетъ ее всю, болѣзненно сжимая сердце. И если она плакала, то отъ страха и какого-то неопредѣленнаго, невыразимаго горя. И странная вещь: не смотря на всѣ усилія отогнать отъ себя тревожныя воспоминанія прошлаго, она видѣла своего сына не такимъ, [какимъ онъ былъ въ эту минуту, съ лицомъ, воспламененнымъ вѣрой, а такимъ, какъ онъ предсталъ передъ нею, съ своей страшной улыбкой, въ тотъ день, когда онъ объявилъ ей о своемъ желаніи поступить въ семинарію. И поэтому сквозь его грустныя и молящія слова, вызывавшія кругомъ такія счастливыя слезы, она слышала все время голосъ своего сына, выкрикивающаго нечестивыя слова:

— Хочу быть священникомъ, чортъ возьми! Священникомъ!.. Будьте вы прокляты!

Какъ и предсказывалъ кюре, это было еще далеко не все.

Въ епархіи аббатъ Жюль быстро достигъ непонятнаго всемогущества. Такъ какъ добраться до епископа, какъ и епископу сноситься со своими подчиненными нельзя было иначе, какъ черезъ личнаго секретаря, то Жюль, занявъ этотъ постъ, воспользовался своимъ положеніемъ и терроризировалъ мелкихъ викаріевъ и кандидатовъ на пастырскія должности, и, главнымъ образомъ, своихъ бывшихъ школьныхъ товарищей. Ему доставляло удовольствіе разрушать всѣ ихъ планы, уни-

жать ихъ мелкое честолюбіе и окружать такими искусными и хитрыми преслѣдованіями, что многіе изъ нихъ, потерявъ терпѣніе, бросали епархію или оставляли монашество.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—говорилъ аббатъ,—одной сволочью меньше.

Онъ сталъ источникомъ неумолимой тираніи, и не безъ злорадства пользовался ею, часто не щадя даже стараго прелата, своего покровителя. Не прибѣгая ни къ малѣйшей дипломатической хитрости, единственно благодаря своей наглости, онъ не только разсорилъ главнаго викарія съ епископомъ, но совершенно уничтожилъ его вліяніе и ограничилъ его власть. Своего помощника монсиньоръ ни во что не ставилъ, не совѣтовался съ нимъ и отнялъ даже у него, въ пользу Жюля, нѣкоторыя изъ наиболѣе важныхъ преимуществъ. Въ результатъ такой перемѣны произошли очень серьезныя неожиданныя событія, и, какъ увидимъ далѣе, продолжаясь въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, они взволновали весь католическій міръ и всѣ европейскія канцеляріи.

Епископъ былъ человѣкъ очень терпѣливый и покладистый во всемъ. Его благоразумный и сдержанный либерализмъ позволялъ ему жить въ мирѣ съ свѣтскими властями и съ Римомъ. Онъ любилъ цвѣты и латинскихъ поэтовъ, и если не занимался въ саду прививкой розовыхъ кустовъ и пересаживаніемъ гераней, то работалъ въ своей библіотекѣ надъ переводомъ Виргилія, котораго передавалъ стариннымъ неуклюжимъ стихомъ. Боясь шума и питая отвращеніе ко всему, что походило на борьбу или столкновеніе, онъ съ рѣдкимъ тактомъ умѣлъ примирять разнородныя мнѣнія и партіи, и остерегался личной инициативы, какъ дурного поступка. Въ своихъ рѣчахъ, проповѣдяхъ и пастырскихъ посланіяхъ онъ тщательно избѣгалъ возбуждающихъ вопросовъ, ограничиваясь уклончивыми банальностями, ходячими правилами катехизиса. Напрасно было бы искать во всемъ этомъ чего-нибудь, что могло-бы быть истолковано, какъ убѣжденіе: весь свой умъ онъ направлялъ именно на то, чтобы не высказать своихъ взглядовъ. Такъ, редактированіе посланій, въ сотрудничествѣ съ главнымъ викаріемъ, состояло обыкновенно въ неизякаемомъ наборѣ незначительныхъ и цвѣтистыхъ фразъ и представляло большой трудъ. За него принимались за три мѣсяца впередъ. Епископъ все время переписывалъ безъ конца, исключалъ параграфы, вычеркивалъ фразы, останавливался на каждомъ словѣ, оспаривая и смягчая ихъ, стараясь лишить ихъ скрытаго смысла и избѣжать неблагоприятнаго толкованія. Каждую минуту онъ говорилъ:

— Перечитаемъ, перечитаемъ, г. аббатъ... постараемся не скомпрометировать себя... мы вѣдь проповѣдники душев-

наго мира... Наша обязанность утѣшать, умиротворять... не будемъ забывать объ этомъ, г. аббать.

— Несомнѣнно, монсиньоръ... Только въ этомъ году намъ, можетъ быть, слѣдовало-бы...

— Нѣтъ, нѣтъ, г. аббать!.. ни въ этомъ, ни въ какомъ году... мы ничего не должны!.. Не говорилъ ли нашъ Господь Иисусъ Христосъ: „Не судите...“ Перечитаемъ-ка...

Ночью онъ видѣлъ во снѣ фразы своего посланія воору-женными смертоноснымъ оружіемъ, въ желѣзныхъ каскахъ, построенными въ боевой порядокъ, наступающими на него съ дикимъ воемъ. И онъ вдругъ просыпался въ холодномъ поту и цѣлыми часами сидѣлъ, несчастный, мучимый страхомъ, что какая-нибудь не на мѣстѣ поставленная запятая можетъ вызвать разногласія, ссоры и разныя неисчислимыя бѣдствія. Мало по малу мозгъ его возбуждался, и ночь наполняла его смущенную душу тѣнями мрака и ужасомъ тишины. Дрожащими руками зажигалъ онъ лампу, спускался въ одномъ бѣльѣ въ свою библіотеку и, вернувшись съ черновикомъ своего посланія, читалъ его до разсвѣта, отрываясь только для горячей молитвы къ Богу.

Ту же неувѣренность и чрезмѣрную слабость онъ перенесъ въ управленіе епархіей, предоставляя его на волю всякаго, кто хотѣлъ.

— Все идетъ скверно, я это знаю,—вздыхалъ онъ.—Но что дѣлать? Я—ничто, ничего не могу сдѣлать, я безоруженъ...

Если бы онъ смѣлъ признаться,—то вотъ тайна, объяснявшая его поведеніе. Въ молодости, въ началѣ своей духовной карьеры, онъ получилъ небольшое наслѣдство отъ одной набожной дамы, подруги его матери. Законные наслѣдники, взбѣшенные устраненіемъ ихъ, распустили слухъ о хитромъ присвоеніи имущества и безстыдныхъ приемахъ, пущенныхъ при этомъ въ ходъ, и напечатали о скандалѣ въ мѣстныхъ газетахъ. Въ концѣ концовъ, они возбудили дѣло о подложности завѣщанія. На судѣ адвокатъ, опутанный своими довѣрителями, возвелъ на молодого патера самыя лживыя обвиненія и самую невѣроятную, позорную клевету. Зала суда содрогнулась, когда обвинитель выставилъ противника „одной изъ тѣхъ темныхъ личностей, которыя вступаютъ въ позорныя связи со старухами, чтобы обокрасть ихъ подъ видомъ любви“. Не смотря на красоту этихъ метафоровъ, родственники проиграли процессъ, и, въ отмщеніе за поруганную честь, наслѣдство было присуждено тому, въ пользу кого было составлено завѣщаніе.

Это приключеніе оставило навсегда въ молодомъ патерѣ какую-то боязнь. Годы, быстрые успѣхи въ духовной карьерѣ

еще усилили ее. Робость впоследствии перешла въ преступную слабохарактерность. Чтобы избавить себя отъ воображаемыхъ ошибокъ, онъ былъ добръ до глупости, снисходителенъ до попустительства, скромнъ до полного забвенія своего собственнаго я. Ему казалось, что онъ видитъ упреки во всѣхъ взорахъ, всякое движеніе ближняго выражаетъ ему презрѣніе, всѣ слова—тяжкій намекъ на его прошлыя испытанія. Чтобы смягчить призрачныя обвиненія, онъ придавалъ своей жизни характеръ сплошнаго уничиженія, постоянной мольбы. Чѣмъ больше онъ старался, тѣмъ сильнѣе раскаивался, что не оттолкнулъ съ негодованіемъ тѣ проклятыя деньги, хотя онъ ими и не пользовался и употреблялъ ихъ на добрыя дѣла, часто сомнительной полезности. И онъ мучился угрызёніями совѣсти, точно въ самомъ дѣлѣ совершилъ что-то низкое и безчестное. Такимъ образомъ, когда онъ, безнадежно вздыхая, говорилъ: „Я—ничто... ничего не могу сдѣлать... я безоруженъ...“ то этимъ скорѣе отвѣчалъ тайнымъ возмущеніямъ совѣсти, нежели жаловался на свое дѣйствительное безсиліе. Его странная манія дошла до того, что онъ сталъ избѣгать въ разговорахъ и въ письмахъ словъ: состояніе... наслѣдство... адвокатъ... старуха...—боясь возбудить ими тяжелыя воспоминанія и дать поводъ къ унижительнымъ для него комментаріямъ.

Комната аббата Жюля выходила узкимъ балкономъ на улицу и находилась во второмъ этажѣ. Съ высоты балкона взоръ обнималъ часть города, спускавшуюся къ долинѣ, а за городомъ—обширную равнину, гдѣ поля и луга чередовались съ рощами и перелѣсками. Иногда, по вечерамъ аббатъ выходилъ на балконъ и, облокотившись на желѣзную балюстраду, оставался тамъ долго, неподвижно глядя въ темнѣвшій горизонтъ, слѣдя за постепенно угасавшими небесами. Его длинное, тощее тѣло, въ сгустившихся сумеркахъ, наводило обывателей на мысль о призракахъ и адскихъ привидѣніяхъ. Имъ казалось, что, склонившись съ балкона, онъ распростираетъ надъ ними свои огромныя перепончатые крылья и паритъ надъ городомъ, какъ гигантская летучая мышь. Его комната съ единственнымъ ярко освѣщеннымъ далеко за полночь окномъ, балконъ выше крѣпостной стѣны, сдѣлались для гуляющихъ предметомъ безпокойства, мѣстомъ тайны и ужаса. И съ тѣхъ поръ, какъ эта тѣнь появилась въ городѣ, тишина и спокойствіе всей епархіи были нарушены, и обыватели находились въ постоянномъ возбужденіи. За сѣрыми, толстыми каменными стѣнами, окружавшими епископію и придававшими ей суровый и мертвый видъ покинутаго замка, царило необычайное волненіе... Глухой, злобный ропотъ поднялся противъ всей епархіи, всколых-

нулъ всѣ бѣдныя деревенскіе приходы, и мирное теченіе жизни исчезло. Наступило царство доносовъ; всѣ жили подѣ страхомъ угрозы, шпіонства, измѣны; и если въ скрипучія двери епархіи ежедневно проскальзывали пугливо развѣвавшіяся сутаны, то на дорогахъ, вдоль плетней можно было встрѣтить дрожавшія, воровски притаившіяся, согнувшіяся фигуры патеровъ, черныя и подозрительныя силуэты которыхъ напоминали охотничьихъ собакъ. Въ довершеніе изумленія, даже швейцаръ, извѣстный своими вкрадчивыми манерами и приторною услужливостью, швейцаръ, дававшій справки посѣтителямъ такъ же торжественно, какъ бы служилъ обѣдню,—этотъ швейцаръ сдѣлался вдругъ злымъ, какъ цѣпная собака, и показывалъ зубы.

— Проходите, проходите,—говорилъ онъ злобно и ворчливо...—Вамъ нуженъ г. аббатъ?... онъ занятъ... Обратитесь къ его камердинеру... Идите... идите... Что же? Швейцаръ я или нѣтъ, ну?... Проваливайте!

Замѣтили даже, что его черная бархатная шапочка, надѣтая теперь нѣсколько на бекрень, имѣла какой-то угрожающе вызывающій видъ, а длинная, грязная ливрея развѣвбалась на ходу особенно враждебно.

Церковно-служители, отъ самаго скромнаго пономаря до великолѣпнаго швейцара, отъ самаго незначительнаго викарія до несмѣняемаго старосты относились другъ къ другу съ крайней подозрительностью. Смятеніе дошло до того, что всѣ думали, не вернулись ли времена террора. Подростки-пѣвчіе не выпивали больше вина изъ церковныхъ сосудовъ, а пьяные факельщики, возвращаясь съ похоронъ, не сваливались уже въ канавы, вмѣстѣ съ крестами. Перемѣщеніе престарѣлыхъ кюре вызывало необычайное общественное волненіе, а ничѣмъ неоправдываемыя удаленія отъ службы, покушеніе нарушать вѣками установленные обычаи, казались всѣмъ святотатствомъ. Одинъ кюре въ Віантѣ, по своимъ годамъ, добродѣтелямъ и дружескимъ связямъ съ семействомъ Дервиль, находился, повидимому, подѣ особымъ покровительствомъ и не былъ удаленъ. Но въ грубомъ, дерзкомъ письмѣ онъ получилъ приказаніе выселить изъ дома свою племянницу, восемнадцатилѣтнюю сироту, горбатую полуидіотку, пригрѣтую имъ по добротѣ, потому что, говорились въ письмѣ, „ея присутствіе подѣ кровомъ и за трапезой священнослужителя есть оскорбленіе добрыхъ нравовъ и соблазнъ для молодыхъ викаріевъ“. Такимъ же образомъ, по формальному приказу, онъ долженъ былъ прекратить свои посѣщенія сестеръ христіанской общины и ограничить свои сношенія съ монастыремъ, гдѣ онъ бывалъ только по своимъ обязанностямъ. Всѣ эти распоряженія для этого превосходнаго чело-

вѣка были жестокимъ ударомъ. Въ его годы возбуждать такіа подозрѣнія! Кто бы могъ это подумать!.. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль онъ ходилъ, какъ оглушенный, какъ бы отупѣвшій. Онъ не могъ повѣрить, чтобы это была правда, и убѣждалъ себя, что плохо прочиталъ письмо, что ему все приснилось. Онъ перечиталъ его опять, изучилъ каждое слово, и при каждомъ словѣ его доброе, открытое лицо вспыхивало краской стыда. Воздѣвъ къ небу маленькія, короткія руки, онъ восклицалъ:

— Въ мои годы! въ мои годы!.. О-о о!!

Онъ крестился и проникновеннымъ голосомъ шепталъ:

— Приношу Тебѣ, Господи, мою горькую чашу, Тебѣ, который знаетъ, какъ цѣломудрена моя душа!

Ни на минуту онъ не думалъ ни въ чемъ обвинять аббата Жюля. Наоборотъ. Въ безконечной наивности своего сердца, онъ ничего не нашелъ лучшаго, какъ написать ему длинное, трогательное и сбивчивое письмо, умоляя о заступничествѣ передъ его преосвященствомъ... Письмо, конечно, осталось безъ отвѣта.

Могущество аббата съ каждымъ днемъ проявлялось все ужаснѣе. Ему, правда, пришлось выдержать нѣсколько попытокъ сопротивленія. Подъ вліяніемъ кюрэ изъ Мортаня, толстаго, распутнаго и злопамятнаго человѣка, нѣсколько разъ составлялись тайные заговоры противъ аббата Жюля. Кюрэ съ бѣшенствомъ видѣлъ, какъ быстро падаетъ его собственное вліяніе на епископа. Стали распускать подозрительные слухи о нравственности личнаго секретаря, сомнѣваться въ его религіозности, вспомнили о покаяніи въ Віантѣ, въ формѣ неприличныхъ выраженій, обращеніе къ природѣ, достойное презрѣннаго безбожника, язычника, дикаря, идолопоклонника. За нимъ, въ свою очередь, стали шпионить, окружили сѣтями. Но его дерзость, не останавливавшаяся ни передъ чѣмъ, быстро обрывала всѣ нити интриги и губила самихъ интригановъ. Хитросплетенія еклезіастическаго ума, тонкая и скрытая злоба,—все безпощадно разрушалось жестокой и необъятной фантазіей мистификатора. Однажды, во время большого вечерняго собранія въ епархіи, Жюль подошелъ къ кюрэ, избѣгавшему разговоровъ съ нимъ, и отвелъ его въ амбразуру окна.

— Почему вы такъ смотрите на меня?—спросилъ онъ его.—Какъ можете вы такъ смотрѣть на меня?

— Но я на васъ никакъ не смотрю, мой дорогой аббатъ,—отвѣтилъ толстякъ, стараясь шутить.—Я... я на васъ вовсе не смотрю.

— Это напрасно,—замѣтилъ Жюль,—увѣряю васъ, напрасно, ибо... ибо я бы могъ... я бы долженъ былъ... вы сами

со мной согласитесь... я бы долженъ былъ въ интересахъ церкви, по совѣсти, для самого себя... Ага! ага!.. Васъ это удивляетъ, неправда ли? Вы уже иначе смотрите... вы смотрите на меня, такъ сказать, во всѣ глаза?..

Кюрэ пожалъ плечами и сказалъ протяжно:

— Смотрю, не смотрю... но что же дальше?.. Что это за мистификація?

— Мистификація?.. Сейчасъ увидите, — продолжалъ Жюль. — У меня доказательства, дорогой мой, у меня есть доказательства... Они въ безопасномъ мѣстѣ, спрятаны въ ящикѣ, и я каждый день изучаю ихъ. Ваше поведеніе странно, гнусно, даже невѣроятно, хотя не исключительно... Ха! ха!..

— Ну, оставимъ шутки, — сказалъ кюрэ съ достоинствомъ. Лицо его выражало уже смущеніе и сильно поблѣднѣло. Жюль пристально, не отрываясь, глядѣлъ на него въ упоръ.

— Шутки! — повторилъ Жюль. — Вы меня удивляете, дорогой аббатъ, — нѣтъ, больше, сокрушаете... Обокрасть фабрику, развращать мальчиковъ — развѣ, логически, можно назвать это шутками? Какъ вы объ этомъ думаете, кюрэ?

Кюрэ растерялся до такой степени, что одну минуту съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно. Посинѣвшій, дрожащій, съ холоднымъ потомъ на лбу, онъ, чтобы не упасть, схватился за оконную задвижку. Онъ гажело дышалъ, почти задыхался. Страшнымъ и замѣтнымъ усиліемъ воли онъ попытался овладѣть собою, короткими, отрывистыми жестами оправляя свой воротникъ и безсознательно разстегивая его.

— Я... васъ... — залепеталъ онъ: — Монсиньоръ узнаетъ... Я скажу... Я даже обязанъ... да, обязанъ... Я васъ выгоню, какъ... какъ... Это — гнусность... гнусность... гнус...

Онъ не могъ кончить: слова застряли у него въ горлѣ. Въ расширенныхъ, остановившихся глазахъ пылалъ гнѣвъ, свѣтилось замѣшательство, ненависть, ужасъ. Все это дѣлало его лицо такимъ комичнымъ, что Жюль покотился со смѣху. Онъ фамиллярно похлопалъ его по плечу.

— Успокойтесь, — сказалъ онъ, — придите въ себя, кюрэ... Ваши продѣлки меня не касаются, хотя, по справедливости, имѣя доказательства въ рукахъ... вы понимаете... гм?.. Это меня не касается, просто не интересуется меня, вотъ и все! Только... да успокойтесь-же, г. кюрэ!.. только...

Короткимъ и быстрымъ, вродѣ щелчка, движеніемъ пальца онъ оправилъ воротникъ, выскочившій изъ подъ ворота суктаны аббата, и продолжалъ:

— Только, надѣюсь, вы оставите меня въ покоѣ, вы и ваша шайка. Словомъ, забудете обо мнѣ... Поняли?..

Онъ повернулся на каблукахъ, продолжая смѣяться. А

протоіерей остался, ошеломленный и безгласный, отирая со лба потъ и стараясь согнать съ лица слѣды своего волненія.

Аббатъ Жюль торжествовалъ и съ злорадствомъ удвоилъ свои преслѣдованія. Каждый разъ, примѣнивъ какую нибудь стѣснительную мѣру, онъ старался показываться въ обществѣ, и съ дерзкимъ выраженіемъ лица, съ глазами, полными презрѣнія ко всѣмъ, шагаль по улицамъ большими шагами, съ какой-то отталкивающей торопливостью. Во время конфирмаціи, когда онъ сопровождалъ епископа, его вызывающее поведеніе рядомъ со смиренной покорностью прелата, производило во всѣхъ приходахъ тяжелое впечатлѣніе.

— Видѣли вы, какъ онъ держитъ въ рукахъ епископа?— спрашивали другъ друга смущенные пастеры.—Совсѣмъ сѣлъ ему на голову этотъ безстыдный негодяй.

— А епископъ! Думаете, лучше его, если позволяетъ такому язычнику, еретiku командовать собой!

— Да, всѣ они равны... Лучше быть ужъ съ нимъ заодно... Старшій викарій, кюрэ изъ Мортаня, не все ли намъ равно? Кажется, сегодня утромъ онъ ихъ и *отшилъ*...

— Это правда... Во всѣ эти исторіи и вмѣшиваться даже не хочется.

Какъ всѣ робкія души, легко ослѣпляемая проявленіемъ силы и, по закону контраста, роковымъ образомъ подающіяся непреклонной волѣ и дикому темпераменту,—бѣдный епископъ очутился вполнѣ во власти своенравнаго и безцеремоннаго Жюля. Онъ не отдавалъ себѣ даже отчета въ циничномъ и наглому поведеніи своего секретаря. Жюль прежде всего опуталъ его страхомъ. Когда же онъ понялъ, въ какую недостойную борьбу вступилъ и какой опасной отвѣтственности подтвергнулъ себя на этомъ пути подчиненія, то было уже поздно бороться съ первымъ совершенно непонятнымъ движеніемъ симпатіи къ Жюлю. Жюль овладѣлъ его властью, его совѣстью, умомъ, покоемъ, и онъ не могъ и думать высвободиться изъ этихъ суровыхъ тисковъ, каждую минуту заставлявшихъ чувствовать тяжесть своего гнета. Покорившись этой новой тираніи, ему оставалось только удивляться легкости, съ какою онъ ей поддался, не смотря на предупрежденія начальника семинаріи, старшаго викарія и даже на собственныя догадки. Все это казалось ему необъяснимымъ и потому особенно огорчительнымъ.

— Одинъ разъ только поступилъ я по своей волѣ, не знаю — зачѣмъ и какъ, — часто повторялъ онъ про себя,—и, надо сознаться, поступилъ очень плохо. Ясно, я не рожденъ управлять кѣмъ бы то ни было: ни людьми, ни собой... Увы! есть ли на свѣтѣ болѣе несчастный человекъ!

Съ первыхъ же шаговъ своего вступленія въ должность,

аббатъ Жюль проявилъ себя полновластнымъ. Люди, животные, неодушевленные предметы—все было перевернуто имъ вверхъ дномъ, все опрокинуто. Епископъ едва осмѣливался дѣлать ему робкія замѣчанія и тотчасъ же раскаивался: взглядъ Жюля леденилъ его; уста грозили проклятіемъ и приковывали старика къ мѣсту. И онъ рѣшилъ отдаться отнынѣ во власть этого одного человѣка, какъ раньше былъ во власти у всѣхъ. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ заключенію, что настоящее его положеніе даже лучше прежняго: онъ можетъ никого ни бояться, кромѣ аббата, и надѣяться, что тотъ, защищаясь самъ, конечно, защититъ и его. Онъ даже рассчитывалъ извлечь пользу изъ той атмосферы страха, какую новый секретарь распространилъ вокругъ него. И, наконецъ, онъ скорѣе предпочиталъ провиниться передъ епархіей, передъ церковью, даже передъ Богомъ, чѣмъ вызвать неудовольствіе Жюля. Онъ разговаривалъ съ нимъ, какъ ребенокъ, почтительно и виновато. Въ глазахъ его выражалась безпомощная мольба... Казалось, онъ говорилъ:

— Я не могу помѣшать тебѣ совершать поступки, приводящіе меня въ отчаяніе. Дѣлай, что хочешь, но только избавь меня отъ послѣдствій, защити меня, будь силенъ за двоихъ.

Каждое утро онъ передавалъ своему секретарю всю корреспонденцію нераспечатанною,—такъ хотѣлъ Жюль,—и каждый вечеръ подписывалъ письма и административныя распоряженія, не смѣя прочитать подписываемыя бумаги.

— Какъ велико мое довѣріе къ вамъ, дитя мое! — вдыхалъ онъ, возвращая ему подписанную корреспонденцію.

— Не удивляюсь! — отвѣчалъ грубо Жюль. — Развѣ вы думаете, что я подаю вамъ подписывать любовныя письма?.. или векселя?

— Ну, ну, не сердитесь! — успокаивалъ его прелатъ и, стараясь перемѣнить разговоръ, жалобнымъ тономъ лепеталъ:—Сколько писемъ! Боже мой, сколько писемъ! Какъ вы должны быть завалены работой! Надѣюсь, ничего важнаго, ничего новаго?

— Ничего,—отвѣчалъ Жюль,—текущія дѣла.

— Отлично, отлично!.. А это дѣло... какъ его... дѣло кюрэ Леге, кажется; въ какомъ оно положеніи?

— Кто вамъ о немъ говорилъ?.. Должно быть, старшій викарій? Онъ опять приходилъ вамъ жаловаться и нагаль, по обыкновенію?.. Вы въ заговорѣ съ моими и собственными врагами противъ меня!.. Хороша ваша епархія, нечего сказать! Да, можете похвастаться своими владѣніями!

— Мой дорогой аббатъ, прошу васъ, не сердитесь... Боже мой, я спросилъ у васъ объ этомъ, не придавая вопросу ни

какого значенія, безъ малѣйшаго упрека. Простая справка, увѣряю васъ... любопытство... Вѣдь это такъ естественно.

— Естественно! — ворчалъ Жюль, удаляясь. — Вы называете это „естественно“. Ха, ха... Ну, такъ знайте: дѣло въ такомъ положеніи, въ какомъ ему быть надлежитъ!

Епископъ возвелъ очи къ распятію изъ слоновой кости на крестѣ изъ ярко-краснаго плюша и прошепталъ:

— Какъ съ псомъ, какъ съ псомъ! Я хуже пса! Какъ онъ разговариваетъ со мной, о Боже!

Что собственно такое Жюль, эта странная и сбившаяся съ пути натура? Чего онъ искалъ? чего хотѣлъ? Судя по поступкамъ, это былъ человѣкъ дѣла, хитрый и самолюбивый политикъ, не смотря на свое хвастовство, чрезмѣрную дерзость, бессмысленныя преслѣдованія. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, въ какомъ положеніи находится епархія: дисциплина отсутствовала, всюду царили соперничество, расчеты и разнузданные аппетиты, поощряемые слабостью начальника, добровольно отрекшагося отъ своей власти. Внезапно, не давъ времени этому муравейнику узнать себя, Жюль обрушился на него, заставилъ однихъ покориться, другимъ указалъ надлежащее мѣсто; онъ захватилъ въ однѣ свои руки, раздробленную среди массы другихъ интригановъ, власть. Въ нерадивыхъ и лѣнивыхъ священникахъ онъ, правда, весьма оригинальными приемами вызвалъ сознаніе своего достоинства. Но толкала его къ дѣятельности не горячая, нетерпимая вѣра, не величіе поставленной себѣ цѣли, не расчетъ личной выгоды, — тутъ была грубая и низкая потребность въ особаго рода удовольствіи терроризировать другихъ. Даже совершая хорошія и полезныя дѣла, онъ всегда находилъ способъ удовлетворять свои дурныя инстинкты острыми приправами нечестія. Между его умственнымъ настроеніемъ, часто сильнымъ и справедливымъ, и его воплощеніемъ, лежала бездна, черезъ которую онъ перепрыгивалъ, кувыркаясь, какъ клоунъ. Его самыя серьезные проекты претворялись въ злые фарсы, самыя замѣчательныя мысли, при выполненіи, оказывались жестокой мистификаціей. Даже его волненіе, его энтузіазмъ, невольныя человѣческія движенія его души походили на отвратительную гримасу, такъ какъ ихъ сопровождали злоба и проклятія. Съ блестящими способностями, онъ былъ ничто; безконечно дѣятельный, онъ не искалъ дѣла; энергичный до жестокости, онъ не хотѣлъ ничего. Его краснорѣчіе, страстность, творческія способности, впечатлительность, — все, что возбуждало въ немъ грандіозныя мечты и гордыя стремленія, все это были непроизводительныя силы, исчезавшія въ лихорадочной смѣнѣ безплодныхъ капризовъ, въ сумасшедшихъ

прихотяхъ безпутнаго человѣка. Вѣчно въ противорѣчіи съ самимъ собой, смѣясь надъ своими поступками, онъ жилъ въ постоянномъ разладѣ между умомъ и сердцемъ.

Порою онъ чувствовалъ безконечную жалость къ епископу, глядѣвшему на него своими дѣтски умильными глазами провинившагося младенца, съ кроткимъ и печальнымъ выраженіемъ. Совѣсть начинала упрекать его, что онъ не обходится съ нимъ ласково, не любитъ его и предательски пользуется трогательной слабостью старца. Въ одно мгновеніе онъ переходилъ отъ злобныхъ словъ къ пылкому раскаянію, отъ ненависти къ глубокой нѣжности. Онъ внезапно находилъ тысячи путей къ самопожертвованію и преданности. Въ такія краткія мгновенія экстазъ его доходилъ до того, что онъ желалъ, чтобы дорогой его пастырь ослѣпъ, былъ разбитъ параличомъ, заразился проказой, чтобы у него не было крова, ничего: тогда онъ могъ бы оберегать его, поддерживать, залѣчивать всѣ его язвы, утѣшить его. И онъ неожиданно падалъ къ ногамъ прелата, цѣловалъ его руки, повторяя:

— Я—гадина, недостойная гадина!..

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите этого, дитя мое.

— Да, да, я—гадина... презрѣнный червь... нечистый гадъ... еще ничтожнѣе... Я... О, я отвратительнѣе всѣхъ созданій міра... я недостойнъ занимать даже мѣсто нищаго!.. Почему вы не прогоните меня? почему не уничтожите?.. Прогоните меня, молю васъ... прогоните, какъ негодяя, со срамомъ: завтра, монсиньоръ, сегодня вечеромъ, можетъ быть, я снова возненавижу васъ и заставлю страдать. Во мнѣ сидитъ духъ зла, и онъ толкаетъ меня на гнусные поступки... Выгоните меня, презрѣннаго гада!..

Для прелата эти припадки раскаянія Жюля были чудными мгновеніями. Онъ приходилъ въ умиленіе, забывалъ все, воображая всякій разъ, что вотъ теперь-то начнется новая жизнь, полная спокойствія, согласія и любви.

— Выгнать васъ, дитя мое? Но, Боже мой, за что? за нѣкоторую несдержанность, горячность характера, вполнѣ простительную въ вашемъ возрастѣ!.. Вы не всегда сдержанны, потому что молоды... Не можетъ же это считаться большимъ преступленіемъ. Я старъ, у меня есть слабости и причуды, я вполнѣ понимаю, что не всегда удобно жить со стариками... Когда-то я пережилъ большія огорченія и муки. Одному Богу они только извѣстны! Я былъ бы такъ счастливъ, если бы меня любили хоть немножко!

Старикъ совершенно размягчался, и голосъ становился болѣе довѣрчивымъ.

— Вы часто видите меня безпокойнымъ, разсѣяннымъ, немного смѣшнымъ, не правда ли? Да... Это потому, что я

боюсь, что меня никто въ мірѣ не любитъ, и въ особенности вы, мое дорогое дитя. И отъ этого я страдаю. Впрочемъ, за что и любить меня?.. Я старъ, скученъ... Я никому изъ близкихъ не могу сказать добраго слова. Я чувствую, что я всѣхъ стѣсняю, всѣхъ замораживаю, — я, желающій видѣть вокругъ себя одну только радость!

— Вы—свѣтой! — лепеталъ Жюль, сопровождая свой восторгъ нервными жестами и ужасными гримасами.

— Нѣтъ, нѣтъ,—защищался испуганно епископъ.—Нѣтъ, я—не свѣтой. Никогда не говорите этого. Я—ничто... Помолитесь, дитя мое, помолитесь за васъ, за меня, за всѣхъ грѣшниковъ... Давайте: „Отче нашъ“.

Перекрестившись и сложивъ затѣмъ руки, они шепотомъ вмѣстѣ бормотали:

— *Отче нашъ, иже еси на небеси...*

Возвратясь въ свою комнату, аббатъ тотчасъ же начиналъ упрекать себя въ этой слабости; онъ возмущался своимъ необъяснимымъ и смѣшнымъ порывомъ нѣжности. Опрокидывая стулья и расбрасывая съ яростью бумаги по письменному столу, онъ рычалъ:

— Я съ ума сошелъ!.. И что меня дернуло наговорить старику столько глупостей? Какое мнѣ дѣло, любятъ его или нѣтъ, плачетъ онъ или распѣваетъ пѣсни?.. Его огорченія! знаю я эти огорченія. Ха, ха, ха!.. Это, что онъ укралъ завѣщаніе!..

Онъ успокоивался немного, только увѣривъ себя, что все это „было шуткой“ съ его стороны, и тотчасъ принимался за измышленіе какой нибудь новой гадости.

Однажды вечеромъ, послѣ цѣлаго дня исключительной злости и нервности, онъ вышелъ изъ дому. Случалось иногда, что онъ предпринималъ длинныя одинокія прогулки послѣ обѣда. Онъ забирался на холмы, гдѣ свѣжѣе было воздухъ и шире горизонтъ, уходилъ далеко въ поле и возвращался поздно, весь въ грязи и съ разбитыми отъ пріятной усталости членами. И, переполненный еще ароматомъ ночи, онъ, полураздѣтый, бросался на постель, съ наслажденіемъ чувствуя себя спокойнымъ, умиротвореннымъ, лучшимъ. Эти ночныя походы сначала считались неудобными, потомъ неприличными для священника, обязаннаго съ послѣднимъ ударомъ ко всенощной быть у себя въ кельи. Объ этомъ говорили въ опредѣленномъ и далеко неодобрительномъ тонѣ, никто не допускалъ возможности, чтобы Жюль бродилъ единственно ради удовольствія созерцать въ одиночествѣ поля, освѣщенныя луною, въ часы ночной тишины, когда весь міръ

покоится сномъ. Его поведеніе находили преступнымъ и похожимъ на то, что онъ ходитъ на непозволительныя свиданія. Несомнѣнно, гдѣ-нибудь, подъ покровомъ ночи, его ждетъ женщина, и если бы эта женщина была женою нечестивца или республиканца,—какое счастье было бы застигнуть его съ нею врасплохъ и къ грѣхамъ этого безбожника, гордеца и нахала присоединить еще измѣну и установить его тѣсный союзъ съ врагами церкви! Въ надеждѣ на скандалъ, обѣщавшій освободить епархію отъ тирана, за Жюлемъ слѣдили, шпионили, ходили по пятамъ. Но открыть ничего не удавалось. Ни признака участія женщины, ни малѣйшаго указанія на интригу. Аббать, правда, спѣшилъ, торопился, точно имѣлъ какую-нибудь опредѣленную цѣль; онъ лихорадочно шагаль впередъ съ какой-то яростью, но это было все. Если тамъ, гдѣ онъ проходилъ, притаптывалась трава, то тутъ были лишь слѣды его широкихъ подкованныхъ сапогъ, громко стучавшихъ о землю и высѣкавшихъ искры на твердомъ булыжникѣ. Всѣ страшно досадовали по поводу неудачныхъ розысковъ, но пришлось привыкнуть смотрѣть на эти прогулки аббата, какъ на одну изъ безчисленныхъ, необъяснимыхъ фантазій въ его существованіи.

Въ этотъ вечеръ, какъ всегда, онъ направился къ холмамъ и въ двухъ километрахъ отъ города свернулъ съ большой дороги на тропинку, поднимающуюся вверхъ, черезъ новину и вспаханное поле. Тропинка вела къ лѣсу. Темная масса его рисовалась впереди въ лучахъ заходящаго солнца. Спускалась чудная, ароматная ночь, вся пронизанная еще розовыми лучами угасающаго дня, освѣщавшими холмы, дорогу, свѣжіе комья земли. Такой же розоватый сумракъ медленно поднимался и наполнялъ постепенно глубину долинъ. Ослѣпленный и очарованный, Жюль шель быстро, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжесть воздуха, и глядѣлъ на золотистое небо съ огненнымъ заревомъ на горизонтѣ, переходившее надъ его головой въ спокойный, одноцвѣтный глубокой голубой сводъ, гдѣ сію минуту загорятся звѣзды.

Вдругъ онъ спотыкнулся о какое-то препятствіе, перегордившее тропинку во всю ширину; онъ шель съ устремленными вверхъ глазами, почти безсознательно, и не замѣтилъ его. То была тачка со свѣже накошеннымъ клеверомъ; на одной изъ ручекъ тачки сидѣла женщина и вытирала струившійся по лицу потъ. Сверху, на кучѣ травы, блестѣлъ серпъ, какъ мѣсяцъ на небесахъ. Крестьянка сначала испугалась при внезапномъ появленіи чернаго, большого призрака, казавшагося еще мрачнѣе и больше въ надвигавшихся сумеркахъ.

Но увидѣвъ, что это—патеръ, она успокоилась. Къ тому же аббатъ сказалъ ей ласково:

— Не бойтесь, голубушка; я совсѣмъ не чортъ.

И, облокотившись на кучу травы, онъ сталъ совершать женщину.

Это была молодая, здоровая дѣвушка, съ сильными руками и развитыми бедрами. Окутавшій ее неопредѣленный сумракъ придавалъ таинственное выраженіе ея полузакрытымъ глазамъ и смуглому лицу съ ослѣпительно бѣлыми зубами. Маленькій голубой ситцевый чепчикъ покрывалъ ея волосы, выбившіеся на лбу и слипшіеся отъ пота. Изъ подъ короткой шерстяной юбки виднѣлась часть голой ноги, а подъ широкими складками грубой матеріи выступали крутые бока. На ней была рубашка изъ толстаго холста, распахнувшаяся нагрудь, и изъ подъ нея виднѣлось крѣпкое, здоровое тѣло. Отъ этой дѣвушки шелъ какой-то одуряющій, рѣзкій запахъ, что-то дикое, смѣсь мускуса и стойла, дикаго растенія и тѣла, пропитаннаго тяжкимъ трудомъ и солнцемъ.

Аббатъ какъ-то одурѣлъ, увидѣвъ ее.

Острое ощущеніе ея присутствія вызывало въ Жюль желаніе искушать ее. Въ жилахъ точно переливался огонь. Онъ весь дрожалъ. Онъ стоялъ передъ нею, раздувъ ноздри, а изъ груди его вырывался вздохъ, похожій на ржанье. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы схватить ее, повалить на скошенную траву, завладѣть ею. Онъ жадно хотѣлъ смять это обнаженное тѣло, задушить, заставить биться въ своихъ объятіяхъ и кричать отъ укусовъ его зубовъ. Но какъ ни было сильно и непобѣдимо искушеніе, онъ не осмѣливался поддаться ему. Смутная тревога, смѣшанная съ безсознательной стыдливостью, удерживала его. Къ тому же онъ не зналъ, что сказать этой дѣвушкѣ, не зналъ, какъ приступить къ ней, искалъ способа, словъ, жеста, и ничего не находилъ. Нетерпѣливые пальцы его вонзились въ траву. Онъ схватилъ горсть ея, машинально поднесъ ко рту и принялся жевать, какъ звѣрь. Наконецъ, чтобы прервать слишкомъ долгое, томительное молчаніе, чтобы придать себѣ смѣлости, онъ спросилъ дрожащимъ отъ страсти голосомъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ Матюриной, — отвѣтила крестьянка, послѣ небольшого раздумья.

Аббатъ обвелъ дикимъ взглядомъ раскинувшійся вокругъ просторъ. Сумерки сгущались; поля были пустыжны, ни человека, ни животнаго не видно было на далекое разстояніе. Это его подбодрило.

— А гдѣ ты живешь?—спросилъ онъ болѣе увѣренно.

Дѣвушка указала на лѣво, гдѣ въ трехстахъ метрахъ

видѣлась скученная масса домовъ, смутно мелькавшихъ среди деревьевъ.

— Тамъ,—отвѣтила она.

Аббатъ прислушился; кромѣ мягкаго трепета медленно спускавшейся ночи, до нихъ не доносилось ни звука, ни движенія.

Мысленно онъ уже обнажалъ Матюрину. Онъ пришелъ въ изступленіе.

— А твои любовники?.. У тебя есть любовники, скажи?..

Что они съ тобой дѣлаютъ? Скажи, ты съ кѣмъ живешь— съ отцомъ, съ братомъ?.. Что они съ тобой дѣлаютъ?.. Хочешь, я сяду рядомъ съ тобою и исповѣдую тебя?.. Хочешь?.. Говори...

Дѣвушка молчала. Она ничего не понимала въ этомъ сумасшедшемъ бредѣ, оскорблявшемъ красоту вечера. Но напуганная дикой мимикой патера, она хотѣла встать.

— Нѣтъ!—приказалъ онъ, —нѣтъ!.. не вставай... не уходи... Останься... Ты такая красивая. Теперь ночь... Насъ никто не услышитъ... Чего ты боишься?.. Скажи.

Крестьянка не отвѣчала.

„Она будетъ сопротивляться, — думалъ онъ, — можетъ быть, звать на помощь... Я дамъ ей двадцать су, и она замолчитъ... Но замолчитъ ли?..“

Онъ ощупалъ карманъ своей рясы, не забылъ-ли дома портмонеъ.

„Если понадобится, — рѣшилъ онъ, — то я дамъ ей и больше... отдамъ все... Или, лучше, заткну ей ротъ сѣномъ...“

— Иди сюда,—сказалъ онъ громко.

Дѣвушка не двигалась.

— Иди-же сюда!—повторилъ аббатъ.

Голосъ его звучалъ прерывисто и хрипло. Безпредѣльная ярость страсти невольно вытянула его руки со скрюченными пальцами и толкала его къ страшному, безумному преступленію. На травѣ, возлѣ него, блеснулъ серпъ, и у него мелькнула мысль схватить его и ударить. Послѣдній проблескъ благоразумія исчезъ въ помутившейся головѣ. Онъ не могъ бы объяснить, какой непобѣдимой силѣ повиновался онъ, что толкало его: преступленіе или любовь. Странныя и измѣнчивыя облака, носившіяся по розоватому отъ послѣднихъ солнечныхъ лучей небу, казались ему живыми чудовищами, гоняющимися другъ за другомъ. Они какъ будто сцѣплялись, рвали другъ друга и обагряли небо своею кровью. И въ третій разъ съ устъ его сорвался угрожающій свистящій шепотъ:

— Поди-же сюда!

Дѣвушка была неподвижна. Широко раскрывъ глаза, она

безсмысленно и тупо глядѣла на этого высокаго отвратительнаго монаха, подобно черному дьяволу, стоявшему передъ нею.

Какъ дикій звѣрь, бросающійся на свою добычу, онъ вдругъ ринулся на нее. Рискавъ задушить ее, онъ одной рукой сильно сжалъ ей шею, а другой охватилъ и сжалъ ее, какъ клещами, въ своемъ страстномъ и дикомъ объятіи. Одну минуту онъ почувствовалъ подъ рукой небольшой крестикъ, еще какіе-то медальоны, ладонки, которые крестьянка носила на тѣлѣ, нацѣпивъ всѣ эти талисманы на стальную цѣпочку. Его охватила бѣшеная радость, при мысли, что онъ совершитъ сейчасъ святотатство: изорветъ, изломаетъ все это, вонзитъ ей въ тѣло вмѣстѣ съ нечистыми ласками, и задушить ее. И въ то же время онъ сквернословилъ и, задыхаясь, изрыгалъ безсвязныя слова и проклятія.

— Молчи!.. Иди сюда, ближе... ну-же... я заплачу тебѣ... Да, да, я... Слушай... Молчи... На траву, сюда... убью тебя на травѣ... задушу тебя... Молчи...

Но дѣвушкѣ удалось встать. Она высвободилась изъ рукъ аббата и ударомъ кулака оттолкнула его такъ, что онъ отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и чуть не упалъ навзничь.

— Ахъ ты гнусная скотина!—произнесла она просто, направляя совершенно разстегнутую рубашку и разорванныя юбки.—Что это на тебя накатило! Вотъ еще поганый попъ!

Она впряглась въ тачку и медленно двинулась своей дорогой, оглядываясь по временамъ, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли за нею патеръ. Но аббатъ стоялъ неподвижно, какъ пригвожденный. Съ разстегнутой рясой, съ обнаженной головой и руками, безсильно повисшими вдоль тѣла, онъ даже не подумалъ поднять шляпу, скатившуюся у него съ головы во время короткой борьбы. Ничего не видя, онъ смотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся силуэту крестьянки, исчезающему и расплывавшемуся во мгlistой дали, и, ничего не слыша, прислушивался къ стуку колесъ тачки, прыгавшей по кочкамъ неровной дороги съ шумомъ удалявшагося барабана. Кругомъ царила глубокая тишина и ночь, безпокойная, темная, безлунная ночь, окутавшая его душу и отразившая на блѣдномъ вечернемъ небѣ, вмѣстѣ съ сгустившимся мракомъ, уродливые и мстительные образы укоровъ его совѣсти и ужаса. Охваченный безграничнымъ отвращеніемъ къ самому себѣ, аббатъ сложилъ руки, какъ на молитву, упалъ на землю и въ безысходномъ отчаніи долго, долго не могъ остановить своихъ слезъ.

Больше часа пролежалъ онъ на землѣ, не двигаясь, съ тяжелой головой, съ разбитыми членами, со спутанными мыслями, обезсиленный до того, что не могъ ясно предста-

вить себя, что такое случилось. Отъ пережитого момента безумія и близости къ преступленію у него осталось только смутное и тяжелое чувство омерзения, глубокая подавленность всего его физическаго и нравственнаго существа. Онъ находился точно въ лихорадочномъ забытѣ, гдѣ все проходило передъ нимъ въ безпорядкѣ, насмѣхаясь надъ нимъ и причиняя страданіе.

Помимо его желанія, соблазнительный образъ женщины все носился передъ его глазами, усиливая стыдъ и вызывая невольную дрожь до мозга костей. Онъ видѣлъ ее вездѣ: и воалъ себя, и во тмѣ сгустившейся ночи, и въ плывущихъ по небу причудливыхъ облакахъ, принимавшихъ въ его развращенномъ воображеніи безстыдныя положенія, въ родѣ тѣхъ неприличныхъ картинъ, которыя онъ видѣлъ когда-то въ одной книгѣ въ коллежѣ. Вдали неясно чернѣлъ лѣсъ и своими громадными вѣковыми деревьями, подобно гигантской колоннадѣ, казался ему страшнымъ сооруженіемъ, какимъ-то мрачнымъ Содомомъ, воздвигнутымъ во славу вѣчнаго и торжествующаго разврата. Онъ впалъ въ оцѣпенѣніе: имъ овладѣло непреодолимое желаніе уснуть, погрузиться во мракъ, въ забвеніе, въ ничто. Онъ не пытался выйти изъ этого состоянія, предпочитая его звѣрскому пробужденію своего сознанія... О! если бы онъ могъ навсегда погрузиться въ глубину этой тьмы и никогда не выходить изъ нея! И, растянувшись, какъ бродяга, на сырой и росистой землѣ, онъ глубоко уснулъ.

Было очень поздно, когда аббатъ вернулся въ городъ. Все спало; ни одного огонька не видно было сквозь плотно закрытые ставни домовъ, а уличные фонари на высокихъ темныхъ столбахъ давно уже были потушены. Возлѣ трактира, изъ подъ повозки ярмарочнаго торговца, на него зарычала собака. Хотя члены его застыли отъ сырости, онъ все же ускорилъ шаги, добѣжалъ до скрытой въ саду калитки, ключъ отъ которой всегда носилъ съ собой, и быстро поднялся къ себѣ въ комнату. Онъ торопился поскорѣй очутиться въ надежныхъ стѣнахъ, среди привычной обстановки, вдали отъ страшнаго неба и проклятаго простора. Ноги его дрожали, силы покинули его тѣло. Онъ присѣлъ на кровать и облегченно вздохнулъ. Но вскорѣ темнота показалась ему страшной, вновь наполненной тѣми-же образами и призраками, какъ и тамъ. Онъ зажегъ лампу и, взглянувъ на себя въ зеркало, пришелъ въ ужасъ отъ своего отраженія: измятое лицо, въ волосахъ клочки травы, ряса въ вонючей грязи. Напрасно искалъ онъ свой галстухъ: онъ, вѣрно, потерялъ его, когда боролся съ крестьянкой.

— Гнусная плоть!—вскричалъ онъ.—Проклятая нечисть! Свинья! свинья! свинья!

Ему захотѣлось избить себя, замучить, предать пыткамъ, мукамъ, бичамъ, чтобы они рвали его тѣло, какъ это было со святыми и съ мучениками. И онъ проговорилъ громко:

— И что за мерзость сидить во мнѣ? Неужели мать, вмѣсто молока, кормила меня пометомъ!..

Схвативъ себя за горло, онъ прорычалъ:

— Неужели я никогда не овладѣю тобой, нечистое тѣло!

Потомъ онъ сильно сталъ колотить себя кулаками въ грудь.

— И какъ ты не лопнешь, подлое сердце, отъ всѣхъ моихъ низостей!

Онъ опять вспомнилъ объ утерянномъ галстухѣ.

— Гдѣ твой галстухъ, презрѣнный? Завтра кто нибудь найдеть его и скажетъ: вотъ онъ тутъ валялся!.. Тѣмъ лучше, пусть говорятъ; пусть бѣгаютъ по улицамъ и кричатъ: тутъ онъ валялся. По крайней мѣрѣ, стыдъ мой будетъ всенароднымъ, и, можетъ быть, за мной будутъ гоняться съ палкой, какъ за собакой.

Онъ чувствовалъ такое отвращеніе къ своей прошлой, настоящей и будущей жизни, что открылъ балконъ, перегнулся черезъ балюстраду, какъ бы измѣряя пространство, отдѣлявшее его отъ земли.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, выпрямившись.— Можетъ быть, еще есть Богъ!

И, не смотря на свое возбужденіе, онъ не могъ не замѣяться при мысли о самоубійствѣ попа. Она показалась ему странной и комичной. Это нѣсколько ослабило напряженіе его нервовъ и направило размышленія въ другую сторону. Онъ уже видѣлъ себя искупающимъ свои прегрѣшенія въ новыхъ необыкновенныхъ странствованіяхъ, босикомъ, съ веревкой на шеѣ и съ горячею проповѣдью на устахъ. Да, онъ пройдетъ весь свѣтъ, обличая развратъ и призывая къ воздержанію слабыхъ... Но прежде всего онъ хотѣлъ бы испросить прощеніе у своей матери, у добраго кюрэ Сорте, у старшаго викарія, у епископа, у всѣхъ, кого преслѣдовалъ... Въ концѣ же крестнаго пути, усѣяннаго терніями и шипами, ему видѣлся, какъ радостный пріютъ, монастырь трапистовъ, мирная тишина его безмолвныхъ корридоровъ, деревенскія работы, короткій и мирный сонъ на голыхъ доскахъ, безконечныя ночи въ молитвѣ; маленькое кладбище, безъ растительности, со своими бѣлыми крестами, такъ братски-близко стоящими другъ къ другу, и огромный прудъ съ шелестящимъ камышомъ, гдѣ когда-то мальчишкой-мародеромъ онъ ловилъ удочкой пискарей.

Эти мечты, эти мысленныя картины и воспоминанія пролили миръ въ его душу, и Жюль растрогался, а растрогавшись, рѣшилъ, что онъ—несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ. Особенно приводило его въ отчаяніе одиночество и безграничная скорбь его сердца. Ему захотѣлось, чтобы кто-нибудь былъ возлѣ него, кто-нибудь вродѣ Франциска Ассизскаго, и чтобы этотъ неизвѣстный говорилъ съ нимъ кротко, нѣжно, какъ святой, божественными и утѣшительными словами, открывающими рай. Онъ вспомнилъ о своемъ епископѣ. Онъ казался ему въ эту минуту провидѣніемъ, существомъ несравненнымъ, съ руками, полными благодати. При мысли о его грустномъ лицѣ, о согбенной фигурѣ, Жюля охватило сильное волненіе. Почему онъ не идетъ броситься къ его ногамъ? Онъ все откроетъ ему; онъ расскажетъ ему всю свою жизнь, съ такимъ раздирающимъ душу раскаяніемъ, что заставитъ плакать старца. И епископъ утѣшитъ его, успокоитъ, усыпитъ. Въ такія минуты аббатъ Жюль становился наивенъ, довѣрчивъ и легкомысленъ, какъ ребенокъ. Онъ вѣрилъ въ доброту и милосердіе всего міра. Онъ взялъ со стола лампу, возбужденно спустился съ лѣстницы и, съ сіяющимъ лицомъ, постучалъ въ дверь къ епископу. Старикъ, конечно, спалъ и ничего не слышалъ. Тогда аббатъ грубо отворилъ дверь, закрипѣвъ замкомъ, и вошелъ въ комнату.

— Кто здѣсь?—вскричалъ прелатъ.

Внезапно разбуженный и ослѣпленный ворвавшимся свѣтомъ лампы, старикъ приподнялся изъ подъ одѣяла, съ разинутымъ ртомъ и со спутанными сѣдыми клочками волосъ на головѣ. Въ прищуренныхъ глазахъ его отразился испугъ. И, опершись рукою о спинку кровати, онъ согнулся, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Кто здѣсь?—повторилъ онъ.

Аббатъ прошелъ черезъ всю комнату, поставилъ лампу на одинъ изъ столовъ и бросился на колѣни у ногъ прелата.

— Не бойтесь ничего, монсиньоръ, — сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ. — Это—я, я, вашъ недостойный сынъ... Если я рѣшился переступить порогъ вашей кельи и нарушить вашъ сонъ, то потому, что страдаю невыносимо. Мнѣ необходимо поговорить съ вами... сказать вамъ все, все!.. Это душитъ меня... Я не могу больше ждать... не могу...

Старикъ протеръ глаза. Онъ робко и испуганно смотрѣлъ на склоненную черную массу, жестикулирующую и стонущую.

— Этою ночью, — лепеталъ аббатъ быстро и отрывисто, — не далѣе минуты тому назадъ... тамъ... я встрѣтилъ дѣвушку... она сидѣла на тачкѣ и отдыхала... И тогда, не знаю, что сдѣлалось со мной... Я обезумѣлъ... я бросился на нее...

Что-то ошьянило, толкнуло меня... Изнасиловалъ ли я ее, убилъ ли?.. Не помню... Чего я хотѣлъ отъ нея—не знаю. Страсти, быть можетъ... быть можетъ, и крови... Да, я убилъ бы ее, если-бы у меня въ рукахъ былъ ножъ... Она была молодая, здоровая, сильная и боролась со мной.. Я осквернилъ свои руки о ея нечистую плоть... Я—великій грѣшникъ, преступникъ... я... Взгляните на мое лицо, на одежду... Неужели я не внушаю вамъ ужаса?.. Взгляните на меня...

— Какъ?..—прервалъ его прелать, не разслышавшій ни одного слова изъ этой дикой рѣчи,—какъ? это—вы, дорогой аббатъ?.. О, какъ вы напугали меня своимъ появленіемъ... Мнѣ казалось, что я брежу... я думалъ... Но какъ же это вы?.. Который же часъ?

— Не знаю... Да и къ чему часы?.. У голоднаго, просящаго хлѣба, у отчаявшагося, ищущаго утѣшенія, у умирающаго, жаждующаго молитвы, развѣ спрашиваютъ: который часъ? Развѣ существуетъ часъ для человѣческой скорби?... Я—этотъ голодный, отчаявшійся, умирающій... И я пришелъ къ вамъ... Говорите со мной.

Лицо епископа принимало все болѣе и болѣе испуганное выраженіе. Бѣдный старикъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы понять что-нибудь, но... тщетно. Застигнутый врасплохъ въ интимномъ безпорядкѣ своего внѣшняго вида, въ смѣшной позѣ, онъ, дѣйствительно, не внушалъ почтенія и былъ необыкновенно комиченъ. Но Жюль и не думалъ смѣяться.

— О! говорите, говорите, монсиньоръ!—молилъ онъ, ломая руки.

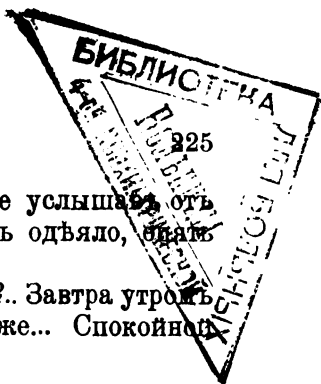
Епископъ еще разъ протеръ глаза и, покачивая головой, медленно произнесъ:

— Говорить съ вами, мой дорогой аббатъ?.. Да, да!.. Надо, чтобы я съ вами разговаривалъ, конечно... Но развѣ то, что вы мнѣ говорите, благоразумно?.. Вы увѣрены въ этомъ... Вы хотите, чтобы я говорилъ съ вами? Прекрасно, дитя мое! Но о чемъ? и зачѣмъ?...

— Говорите же мнѣ!—прервалъ его Жюль нетерпѣливо.—Скажите мнѣ слово утѣшенія... которое вызвысило или унизило бы меня... да развѣ я знаю, что... Слово, бывшее всегда на устахъ у Христа въ Его божественной благодати для несчастныхъ и кающихся грѣшниковъ, понимаете?.. Ну! понимаете?

— Какъ у Христа!..—повторилъ старикъ, протяжно зѣвая... —Какъ у Христа?.. Да, да!.. Но, кажется, теперь не время...—прибавилъ онъ...—Скорѣе завтра... завтра утромъ... вы мнѣ напомните... дайте мнѣ подумать...

Аббатъ Жюль всталъ съ колѣнъ. Онъ пристально и злобно посмотрѣлъ на старика, пожалъ плечами и молча, взявъ со

стола лампу, быстро направился къ двери. Не услышавъ отъ него больше ни слова, прелать, прячась подъ одѣяло, опять сказалъ:

— Да, завтра... Это рѣшено, не правда ли?.. Завтра утромъ вы напомните мнѣ, я подумаю... да и вы тоже... Спокойной ночи...

Жюль съ яростью хлопнулъ дверь.

— Экое животное!.. — думалъ онъ, подымаясь по лѣстницѣ.—И это духовный пастырь! спать,—и никакой крикъ скорби не можетъ разбудить его? И подумать только, что наши великіе праведники могли походить на него! О, я хотѣлъ бы видѣть ихъ, знать—этихъ Францисковъ Ассизскихъ, Венсамъ де Полей и другихъ, всю эту святую компанію!.. Этотъ, пожалуй, тоже попадетъ въ святые! И его статуя будетъ стоять въ нишѣ, между двумя вазами съ бумажными цвѣтами. И онъ тоже будетъ оплодотворять бездѣтныхъ женщинъ, приходящихъ со свѣчами въ рукахъ цѣловать большой палецъ его каменной ноги... Въ память его учредить празднества и построить храмы въ честь его имени. Онъ съ благоговѣніемъ будетъ упомянутъ въ календарѣ... Нѣтъ, это смѣшно!.. Такъ все идетъ въ жизни: никто никого не любитъ, не помогаетъ, не понимаетъ. Каждый одинокъ совершенно среди миллионовъ другихъ, окружающихъ его... Если приходится просить у кого-нибудь каплю сожалѣнія, любви, поддержки, то онъ спитъ! Можно плакать, разбить себѣ голову объ стѣну, умереть, а они будутъ спать всѣ безъ исключенія. А милосердный Господь, что дѣлаетъ онъ среди всѣхъ этихъ спящихъ?.. Неужели и онъ тоже безучастенъ въ своихъ облакахъ?.. Развѣ и онъ всѣмъ несчастнымъ, простирающимъ къ нему свои мольбы, отвѣчаетъ: „Дайте мнѣ выспаться, каналы!.. убирайтесь, до завтра“!..

Когда онъ ложился въ постель, всѣ его планы, всѣ раскаянія и угрызения совѣсти успѣли уже испариться. Онъ съ удивленіемъ почувствовалъ, что совѣсть его успокоилась, на сердцѣ стало легче, почти весело. Онъ съ улыбкой вспомнилъ испуганное лицо епископа и былъ доволенъ, что нагналъ на него страхъ... Впрочемъ, что онъ сдѣлалъ дурного? Въ концѣ концовъ, онъ вѣдь—человѣкъ. Развѣ онъ не повиновался естественному побужденію?.. А другіе патеры развѣ избѣгаютъ этихъ равлеченій, напримѣръ, этотъ обжора деканъ, кандидатъ на скамью посудимыхъ, или старшій викарій, не смотря на свои пуританскія манеры, принимающій у себя цѣлыми толпами старыхъ набожныхъ истеричекъ? Онъ ужъ и не говоритъ о другихъ, устраивающихъ своихъ сожительницъ въ приходскихъ домахъ въ видѣ такъ называемыхъ племянницъ, двоюродныхъ сестеръ, служанокъ. Онъ

пожелалъ имѣть женщину и хотѣлъ ее взять. Вѣдь не сдѣлалъ же онъ этого въ предательской полутьмѣ исповѣдальни, гдѣ дыханіе священника смѣшивается съ дыханіемъ исповѣдницы, и гдѣ съ приближенныхъ другъ къ другу устъ срываються волнующіе и жгучіе вопросы и признанія... И онъ очень глупъ, что всегда все преувеличиваетъ, искажаетъ, придаетъ большое значеніе какомунибудь *да* или *нѣтъ*. И ему представилась Матюрина такою, какою онъ увидѣлъ ее въ лучахъ заходящаго солнца, съ ея сильнымъ станомъ и съ запахомъ здороваго молодого тѣла. И онъ не только на этотъ разъ не пытался отогнать отъ себя возникшій образъ, а, напротивъ, старался удержать его, закрѣпить, насмотрѣться, сдѣлать его до нѣкоторой степени осязательнымъ, ища снова чуднаго и страстнаго волненія, такъ возбуждающаго неожиданно... Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ, и кровать заскрипѣла подъ тяжестью его тѣла.

— Я тебя поймаю, негодяйка! — прорычалъ онъ.

На другое утро аббатъ Жюль, нѣсколько блѣдный, вошелъ въ обычный часъ въ кабинетъ монсиньора. Передавая ему корреспонденцію, старикъ сказалъ мягкимъ, слегка дрожащимъ, неувереннымъ тономъ:

— Итакъ!.. Я къ вашимъ услугамъ, мое дорогое дитя... Что вы мнѣ хотѣли сказать?

— Я? — спросилъ аббатъ удивленно. — Ничего, монсиньоръ.

— Ну, да!.. Вы же хотѣли мнѣ что-то сказать... когда вы ночью приходили... въ мою комнату...

Аббатъ пристально и дерзко глядѣлъ старику въ лицо.

— Я?.. Ночью приходилъ въ вашу комнату?.. Я?..

— Ну, да-же... послушайте... вы забыли... Сегодня ночью...

Аббатъ покачалъ головой и сказалъ рѣзко:

— Я сегодня ночью къ вамъ въ комнату не приходилъ... Вамъ это показалось во снѣ.

Послѣдующая зима не принесла никакихъ событій въ епархію, и время протекало однообразно и тихо безъ всякихъ происшествій. Всѣ волненія аббата, казалось, исчезли. По крайней мѣрѣ, онъ мало выходилъ изъ дому, пренебрегалъ службой, не интересовался даже дѣлами епархіи, исполняя ихъ на скорую руку, какъ скучную обязанность. Исключая часовъ церковной службы и трапезы, онъ почти всегда сидѣлъ, запершись въ своей комнатѣ, и упорно отказывался заниматься чѣмъ бы то ни было, выходящимъ изъ предѣловъ его вѣдомства. Епископъ, всегда страшившійся дѣятельности своего секретаря, такъ какъ она была полна неожиданностей, теперь пришелъ еще въ больший ужасъ отъ его бездѣтельности, потому что вся тяжесть управленія епархіей свалилась

къ нему на плечи, и онъ чувствовалъ себя совершенно задвленнымъ дѣлами. Боясь разсердить Жюля и вызвать сцену, онъ ни за что, даже въ затруднительныхъ случаяхъ, не хотѣлъ обратиться къ старшему викарію. Но, съ другой стороны, онъ одинъ не могъ ни на что рѣшиться окончательно. И онъ плакалъ, терялъ голову при видѣ огромной кучи накопившихся дѣлъ, писемъ, оставшихся безъ отвѣта, никого не принималъ, ничего не дѣлалъ.

— Я безоруженъ, совершенно безоруженъ!—повторялъ онъ часто, пытаясь заглушить голосъ совѣсти, поднимавшійся въ его душѣ, и полный тяжкихъ упрековъ самому себѣ. И онъ также заперся въ своей библіотекѣ, и вѣря, что, такимъ образомъ выйдя изъ настоящихъ затрудненій, избавится отъ отвѣтственности въ будущемъ, ревностно принялся переводить Виргилія восьмистопнымъ ямбомъ. Одно время епископскій дворецъ снова принялъ мрачный молчаливый видъ по кинутаго жилища, гдѣ тишина по вечерамъ нарушалась какими-то рѣзкими звуками, странными и дикими руладами мѣдныхъ инструментовъ. До города доносились волны фальшивыхъ нотъ и завываній, гдѣ звуки деревенскихъ мотивовъ смѣшивались съ солдатскими и духовными пѣснями, или вдругъ раздавалась бойкая полька, сразу переходившая въ мрачный *Te Deum*. То аббатъ Жюль игралъ на корнетъ-а-пистонѣ, отдыхая отъ своеобразныхъ работъ, которымъ посвящаль цѣлые дни.

Онъ предался неожиданной страсти къ книгамъ. Это была какая-то исключительная, тираническая страсть, перешедшая въ манию, граничащую съ яростью. Онъ сталъ мечтать о созданіи себѣ необыкновенной библіотеки, такой, какой никогда ни у кого не было. Ему хотѣлось сразу приобрѣсти всѣ книги, начиная съ неуклюжихъ фоліантовъ впервые напечатанныхъ изданій до изящныхъ томиковъ новѣйшаго времени, всѣ сочиненія, рѣдкія, полезныя и бесполезныя, разставленныя по категоріямъ въ высокихъ залахъ на безконечно высящихся другъ надъ другомъ полкахъ, въ переплетахъ. Между полками—лѣстницы, вокругъ — галлерей съ балюстрадой и лѣсенки на колесахъ. Съ утра, отслуживъ обѣдню, онъ углублялся въ каталоги, рылся въ выписанныхъ библіофильскихъ журналахъ, переписывался съ книготорговцами въ Парижѣ, составлялъ безконечные списки изданій и подсчитывалъ фантастическій и никогда не удовлетворявшій его бюджетъ. Но библіотека не двигалась впередъ. До сихъ поръ она все еще заключалась въ трехъ маленькихъ чемоданахъ. Жюль безпрестанно открывалъ и закрывалъ ихъ съ нетерпѣливымъ ворчаніемъ, удостовѣрившись въ ничтожности своихъ приобрѣтеній. Но что дѣлать? Жалованье его было ничтожно; нич-

тожна также и ежемѣсячная пенсія отъ матери. Онъ обратилъ въ деньги всѣ свои мелкія вещи, лишилъ себя самыхъ необходимыхъ предметовъ, отказался обновить свои дырявыя и засаленныя рясы, потертую шляпу и купить новыя башмаки вмѣсто старыхъ, напоминавшихъ разинутую пасть дохлой рыбы. Увы! его средства и сбереженія въ итогъ не представляли ничего значительнаго. Къ тому жъ онъ съ каждымъ днемъ влѣзалъ все въ большіе и большіе долги, покупая книги въ кредитъ; подписка по безчисленнымъ объявленіямъ пожирала все его жалованіе за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ. Въ особенности выводилъ его изъ себя видъ патеровъ, заваленныхъ богатыми подарками и осыпанныхъ деньгами городскихъ богомолковъ. Онъ не могъ вспомнить безъ дикой ревности о старшемъ викаріи: ему набожныя дамы вышивали эпитрахили, ризы, подушки, приносили въ дни праздниковъ щедрыя пожертвованія для несуществовавшихъ бѣдныхъ и на дѣла призрачной благотворительности. Одинъ онъ никогда ничего не получалъ, хотя бы коробку спичекъ, хотя бы два су!.. Высохшій, какъ скелетъ, оборванный и грязный, какъ нищій, онъ съ ненавистью въ сердцѣ видѣлъ, какъ у другихъ расцвѣтали щеки, блестяшія отъ лѣни и обжорства, какъ раздувались ихъ счастливые животы, съ наслажденіемъ облеченные въ теплыя, новыя, мягкія рясы. Истощивъ терпѣніе матери постоянными просьбами о присылкѣ денегъ, подъ предлогомъ, что жизнь въ епархіи очень роскошна и нужно поддерживать престижъ своего положенія; выманивъ у епископа нѣсколько незначительныхъ подачекъ якобы для тайной благотворительности, онъ рѣшился, наконецъ, прибѣгнуть къ безчестнымъ средствамъ, и сталъ строить планы, гдѣ романическое перепутывалось съ воровствомъ и подлогомъ. Онъ представлялъ себя наслѣдства послѣ богатыхъ старухъ, таинственную и выгодную любовь какой-нибудь прекрасной владѣтельницы замка. Самымъ естественнымъ казалась ему продажа своего вліянія и протекціи... Но кому продать? Торговать тайнствами, открыть лавочку поддѣльныхъ реликвій... но какъ? Развивая свои мечты, онъ пытался придумать усовершенствованное пилигримство, открыть какихъ-нибудь чудотворныхъ святыхъ, открыть у Пресвятой Дѣвы неизвѣстныя еще добродѣтели, которыя приносили бы вѣрный доходъ... „Но все это уже сдѣлано гораздо раньше“, — повторялъ онъ себѣ, безсильно опуская въ отчаяніи руки на свой письменный столъ. Всѣ эти планы, казавшіеся ему сначала такими простыми, теперь, по размысленіи, оказались совершенно неисполнимыми на дѣлѣ. Онъ отказался отъ нихъ и остановился на другихъ, еще болѣе сложныхъ, болѣе дикихъ, и, въ концѣ

концовъ, снова пришелъ къ отрицательному результату. И вотъ въ такіе-то вечера, утомленный и раздраженный, онъ съ яростью дулъ въ свой корнетъ-а-пистонъ, точно рубилъ дрова или вступалъ съ кѣмъ-нибудь въ драку на улицѣ, чтобы только дать выходъ своимъ напряженнымъ нервамъ и на минуту забыть скорбь своей души.

Однажды, очутившись одинъ въ кабинетъ епископа, онъ увидѣлъ на каминѣ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Инстинктивно повинуясь опредѣленному побужденію, онъ удостовѣрился, что двери плотно закрыты, что онъ совершенно одинъ и никто его не увидитъ. На цыпочкахъ онъ подошелъ къ камину. Желтыя и бѣлыя монеты блестѣли совсѣмъ близко отъ него, стоило только протянуть руку. Онѣ лежали безпорядочной кучкой, очевидно, небрежно вынутыя изъ кармана. Съ расширенными ноздрями, съ жадно горящими глазами онъ нѣсколько разъ пересчиталъ ихъ: одиннадцать луидоровъ. Осторожно, не задѣвая другихъ монетъ, онъ взялъ одинъ золотой и въ то время, какъ опускалъ его въ карманъ своей рясы, подъ носовой платокъ, онъ чувствовалъ, какъ концы его пальцевъ дрожали, а волосы на головѣ зашевелились. Сердце его билось быстрее, но правильно и пріятно, что доставляло ему физическое удовольствіе. Онъ не спрашивалъ себя, совершаетъ ли онъ низость, безстыдный поступокъ, онъ не задавался никакими вопросами. „Это округлитъ его счетъ“, сказалъ онъ, подумавъ о прелатѣ. И опять взглянувъ на кучку золота, съ виду даже не измѣнившуюся отъ первой покражи, онъ весело прибавилъ: „Даже очень округлить!“ Онъ взялъ вторую монету. Третья скользнула по мрамору, издавъ чистый металлическій звукъ. Аббатъ, въ недоумѣніи, остановился. Не прикарманить ли и эту? Подумавъ съ минуту, онъ рѣшилъ, что это, пожалуй, бросится въ глаза, и, съ видомъ сожалѣнія, положилъ ее на мѣсто. Впрочемъ, онъ далъ себѣ слово чаще приходить въ этотъ кабинетъ, въ тѣ часы, когда онъ могъ разсчитывать не встрѣтить здѣсь монсиньора, и внимательнѣе прежняго осматривать столы. Конечно, онъ не надѣялся стащить когда-нибудь миллионъ, но золотой здѣсь, два тамъ,—и въ концѣ концовъ наберется порядочная сумма. Совершенно спокойный, онъ растянулся въ креслѣ и предался смутнымъ и невиннымъ размышленіямъ. Вошелъ епископъ, и Жюль безъ всякаго смущенія, свободно и довѣрчиво, вступилъ съ нимъ въ откровенную бесѣду. Онъ былъ очарователенъ. Его настроеніе было искренне и глубоко, въ немъ не было ничего дѣланнаго. Въ эту минуту онъ дѣйствительно испытывалъ сыновнюю почтительность къ старому прелату; спокойная благодарность, которую въ своихъ быстрыхъ переходахъ отъ нена-

висти къ любви, онъ не испытывалъ еще до сихъ поръ, была свободна отъ всякихъ упрековъ совѣсти. Душа его смягчилась, растаяла отъ жара великодушныхъ чувствъ и мыслей, бродившихъ въ немъ въ это мгновеніе. Воровство сдѣлало его лучше. Онъ задержался у своего епископа, счастливый возможностью услужить ему лишній разъ; онъ умѣлъ находить нѣжныя и ласковыя слова, какъ женщины, обманывающія мужчинъ, теплыя слова, вселяющія довѣріе въ сердце. Епископъ нѣсколько минутъ испытывалъ истинную радость, и, когда аббатъ ушелъ, онъ сказалъ себѣ, съ просіявшимъ лицомъ:

— Немного вспылчивъ иногда... сидитъ въ немъ бѣсъ... Ну, да Боже мой... въ основѣ то прекрасенъ!

Жюль спряталъ въ свой письменный столъ два похищенныхъ луидора и, бросивъ меланхолическій взглядъ на три чемодана, заключающіе въ себѣ обращенныя въ книги всѣ его сбереженія, лишенія, гнусности и обманы нѣсколькихъ мѣсяцевъ, вздохнулъ:

— Два луидора!.. Какъ мало! Этого не хватитъ даже на „Балландистовъ“.

На другой день утромъ ему пришла въ голову чудная, по его мнѣнію, идея. Онъ всталъ; едва успѣвъ одѣться, прошелъ въ часовню, гдѣ вгрозяхъ, наскоро отслужилъ свою обѣдню, и поспѣшно вышелъ. Было холодно, сыпалъ мелкій и частый дождь, сильный вѣтеръ гналъ по небу тяжелыя грязныя, точно пропитанныя чернилами, облака. Но Жюль не чувствовалъ ни холода, ни дождя, ни вѣтра. „На этотъ разъ, говоритъ онъ себѣ, идя большими и быстрыми шагами, на этотъ разъ бібліотека у меня въ рукахъ. Или она у меня въ рукахъ, или пусть чортъ меня возьметъ! Какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову?“ Часъ спустя, запыхавшись и промокшій отъ пота и дождя, онъ стоялъ передъ входомъ въ аббатство Рено.

Два огромныхъ столба, безъ перекладины и воротъ, стояли у входа въ пустырь, по которому шла изрытая, поросшая кустарникомъ широкая аллея. Когда то стоявшія по обѣимъ сторонамъ ея большія деревья давно были срублены. Въ концѣ аллеи, терявшейся въ заброшенныхъ лужайкахъ и обозначавшейся только двумя параллельными рядами срубленныхъ стволовъ, можно было замѣтить, почти на уровнѣ земли, слѣды странныхъ и мрачныхъ построекъ, остатки обвалившихся стѣнъ и разобранныхъ крышъ, протянувшихъ къ темному небу черныя обломки балокъ. Вокругъ развалинъ—голая, скучная равнина, безъ признака деревца, растенія, безъ зеленой травинки; одна мрачная зелень терновника, густо разросшагося на свободѣ и все шире и шире обнимав-

шаго заброшенную землю. Въ ту минуту, какъ аббатъ входилъ въ аллею, ему на встрѣчу попалась старуха, съ грязной деревянной чашкой въ рукѣ.

— Его преподобіе отецъ Панфилъ въ монастырѣ? — спросилъ Жюль.

— Конечно, господинъ кюрэ, — отвѣтила старуха. — Онъ тамъ.

И, показывая чашку, испещренную застывшими жирными пятнами, прибавила:

— Я какъ разъ иду за супомъ для него. Вы найдете его у церкви; онъ тамъ ворочаетъ камни... Да, да... ворочаетъ... И пусть, на здоровье, ворочаетъ!

Увидѣвъ эту унылую обстановку, угрюмое небо, эту надрывающую душу нищету, все, на что онъ не обратилъ вниманія въ лихорадочной поспѣшности своего путешествія, аббатъ вдругъ пожалѣлъ, что пришелъ. Его возбужденіе исчезло, и онъ не вѣрилъ больше въ успѣхъ своей идеи. На что ему бібліотека? Увѣренъ ли онъ, что желаетъ имѣть ее и хочетъ во что бы то ни стало? Въ сущности, ему ничего не извѣстно. Не есть ли это одна изъ мистификацій, созданныхъ имъ самому себѣ, одинъ изъ мрачныхъ фарсовъ, придуманныхъ для того, чтобы обмануть безграничную тоску своего существованія? И онъ почувствовалъ отвращеніе къ низкому поступку, совершенному наканунѣ, и страхъ передъ тѣмъ, что готовился совершить.

— Ну-у! — воскликнулъ онъ. — Попробуемъ!

Дождь усилился. Онъ хотѣлъ ускорить шаги, но принужденъ былъ ихъ замедлить, потому что въ рясу вцѣпились колючки, залѣзли въ чулки и своими болѣзненными и непрестанными уколами задерживали движеніе. Онъ принужденъ былъ встряхивать свое платье, какъ женщина. Это привело его въ ярость противъ самаго себя, противъ колючекъ, упорно не спадавшихъ на землю, и онъ подвигался впередъ съ большимъ трудомъ. Бранясь, проклиная, утопая въ грязи, онъ, наконецъ, преодолѣлъ препятствія, вышелъ на дорожку между кустами терновника, и вскорѣ издали сталъ казаться лишь темнымъ пятномъ, не больше ворона, рѣявшаго надъ высокой травой.

Аббатство Рено было построено въ XIII вѣкѣ святымъ Жаномъ де-Мата и святымъ Феликсомъ Валуа, основателями ордена Тринитаріевъ или Искупленія, прекраснаго и могущественнаго братства, посылавшаго своихъ монаховъ освобождать христіанъ изъ плѣна у невѣрныхъ. Сжатое первоначально тѣсной оградой, располагая только огородамъ, маленькимъ лѣскомъ и небольшими лугами, аббатство мало по малу расширило свои владѣнія; появились поля и лѣса, пруды и

деревни, аббатство охватило всю страну вокругъ, насколько хваталъ глазъ. Въ XVII вѣкѣ, судя по развалинамъ, сохранимъ обломки строгой и грандіозной архитектуры, оно владѣло еще, говорятъ, десятью тысячами гектаровъ лѣса, пятнадцатью тысячами гектаровъ пахотной земли, не считая обширныхъ прудовъ въ Анденѣ, Вожурѣ, Кюлуазо, знаменитыхъ своими баснословными карпами и огромными мельницами, моловшими собранный хлѣбъ больше, чѣмъ на десять миль вокругъ. Скромныя примитивныя постройки смѣнились съ годами огромными монументальными сооружениями, и отъ прежняго времени уцѣлѣлъ только маленькій фонтанъ, нынѣ почти разрушенный, на половину съѣденный мохомъ, гдѣ, по преданію, Жану де Мата явился священный олень, неся на золотыхъ рогахъ красный и синій крестъ,—отличительный знакъ ордена. Революція изгнала монаховъ изъ Рено, присвоила ихъ земли, разорила аббатство и совершила варварское преступленіе, разрушивъ часовню, одно изъ наиболѣе яркихъ и прекрасныхъ произведеній эпохи Возрожденія, отъ котораго осталось только нѣсколько столбовъ и часть стѣнъ, какъ могильные памятники, отмѣчающіе мѣсто, гдѣ она когда-то стояла. Монахи дали пронестись надъ Франціей бурѣ революціи и имперіи и вернулись только въ 1817 году въ свой монастырь, уже представлявшій страшную груду обломковъ и сократившійся до предѣловъ первоначальной ограда.

Они принялись убирать развалины и поправлять, насколько возможно, наименѣе испорченныя постройки. Но, выполнивъ это, они не знали, что-же дѣлать дальше. Искуplenіе, по крайней мѣрѣ, какимъ оно было по замыслу основателя, потеряло смыслъ. Дѣйствительно, больше не приходилось освобождать христіанъ изъ рукъ корсаровъ-варваровъ; надо было найти другую цѣль. Лишенные земли, они не могли и думать стать земледѣльцами, какъ траписты; не обладая специальными знаніями, они не могли взяться за преподаваніе, какъ іезуиты. Попытки устроить сиротскій пріютъ для мальчиковъ и профессиональную школу не увѣнчались успѣхомъ. Тогда въ 1823 году, они, обезкураженные, рѣшили уйти отсюда, направляясь одни—въ испанскіе монастыри, другіе—въ Римъ, къ своему генералу. И покинутое аббатство осталось, по желанію одного изъ братьевъ, на его рукахъ. Преподобный отецъ Панфилъ упорно вѣрилъ, что орденъ опять вернется къ прежнимъ традиціямъ, и въ качествѣ болтуна и южанина слылъ за стойкаго организатора.

Какъ только преподобный отецъ Панфилъ очутился одинъ, онъ тотчасъ же уволилъ садовника, кучера и птичника и продалъ двухъ лошадей, четырехъ коровъ и оставшихся

куръ. Онъ сговорился съ женой сосѣда, бывшаго когда-то поденщикомъ въ монастырѣ, что она за шесть су будетъ ему приносить миску супу каждое утро и кусокъ чернаго хлѣба каждый вечеръ; а мужъ ея, кромѣ того, будетъ прислуживать ему во время обѣдни.

Устроивъ дѣла и освободившись отъ хозяйственныхъ и административныхъ заботъ, онъ молчаливо, серьезно и задумчиво сталъ бродить между развалинъ. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ онъ бродилъ такъ, съ утренней зари до ночи, все болѣе и болѣе озабоченный, и суживая каждый день кругъ своихъ прогулокъ, пока, наконецъ, не ограничилъ ихъ мѣстомъ, гдѣ стояла разрушенная часовня. И странно: этотъ болтунъ не страдалъ отъ почти абсолютнаго добровольнаго молчанія, и по его лицу—прежде веселаго монаха,—проходило порою то выраженіе полнаго одичанія, граничащаго съ сумасшествіемъ, которое встрѣчается на суровыхъ маскахъ старыхъ отшельниковъ. Вслѣдствіе замкнутой жизни въ самомъ себѣ и съ самимъ собой, безъ всякаго умственного общенія, занятое одной только мыслью,—это мертвое одиночество, это молчаніе, нарушавшееся только неожиданнымъ шумомъ обрушивающейся стѣны и глухимъ трескомъ падающей штукатурки, вызвало странную кристаллизовавшуюся въ мозгу работу. Послѣ размысленій, быстро отвергаемыхъ сомнѣній, возраженій, тѣмъ легче опровергаемыхъ, что онъ одинъ былъ своимъ противникомъ, отецъ Панфилъ безповоротно увѣрилъ себя, что невѣрные еще держатъ у себя плѣнныхъ христіанъ. Питая свое воображеніе легендами прошлаго, почерпая представленіе о человѣческой жизни только изъ старыхъ латинскихъ книгъ, гдѣ прославлялась чудесная исторія его ордена, отецъ Панфилъ вѣрилъ, что плѣнные представляютъ собою необходимый и постоянный продуктъ природы, что они существуютъ, такъ же какъ существуютъ деревья, злаки, птицы.

— И плѣнные не только есть,—говорилъ онъ себѣ громко, чтобы придать окончательную силу своему убѣжденію, — но ихъ въ десять разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали ихъ выручать: это кидается въ глаза!.. А наши начальники этого не видятъ!.. Какое ослѣпленіе!

И въ немъ стала развиваться нелѣпая идея, что на немъ лежитъ неизбѣжная и великая миссія возстановить Орденъ Тринитаріевъ въ томъ видѣ, какимъ онъ былъ при своихъ святыхъ основателяхъ: Жанѣ Мата и Феликсѣ де-Валуа.

— И я возстановлю его!—восклицалъ онъ съ пылкой вѣрой пророка и простиралъ руки, точно желая обнять весь свѣтъ.

Но, по суевѣрной склонности видѣть все исходящимъ изъ воли Божіей, онъ былъ убѣжденъ, что Всевышній не дастъ

ему силъ выполнить это великое дѣло раньше, чѣмъ онъ не возстановить нечестиво разрушенную часовню во всемъ ея прежнемъ великолѣпіи... Положеніе свое онъ выразилъ слѣдующими простыми словами:

— Сначала часовню, потомъ Орденъ!.. Аминь!

Когда отецъ Панфилъ сталъ разбирать практическую возможность осуществленія своихъ плановъ, онъ былъ очень смущенъ. Одну минуту онъ остолбенѣлъ и пришелъ въ отчаяніе. Въ своихъ безумныхъ мечтахъ, онъ никогда не задумывался надъ матеріальными трудностями подобнаго предпріятія. Воображалъ ли онъ, что церкви возникаютъ сами собой, и что нужно только немного вѣрить, чтобы изъ глубины земли онѣ поднялись къ солнцу, содрогаясь отъ звуковъ органа? Увы! бѣдняга, ничего подобнаго не воображалъ. Онъ видѣлъ эту дорогую часовню, гдѣ каждый камень говорилъ о предкахъ, о герояхъ, о святыхъ, о мученикахъ. Онъ видѣлъ ее такую, какою она была описана, воспроизведена во всѣхъ частяхъ въ одной очень старой книгѣ, которую онъ выучилъ наизусть, перечитывая ее каждый день. Онъ видѣлъ частоту ея линий, гордо высившіяся колокольни, чудный порталъ, съ высѣченной въ гранитъ безсмертной исторіей Искупленія. Онъ ходилъ подъ пустынными сводами, между высокими колоннами, еще сохранявшими цѣлую поэму фризовъ и перекладинъ, и преклонялъ колѣни на плиты изъ разноцвѣтнаго мрамора, восхищенный небесной блѣдностью фресковъ и блескомъ золотого алтаря въ призмѣ разноцвѣтныхъ стеколъ. Ему и въ голову не приходило, что то, что кажется ему такимъ прекраснымъ и простымъ съ виду, представляетъ погибшее искусство, непосильную борьбу и потерянные миліоны...

Послѣ первой минуты нерѣшительности отецъ Панфилъ принялся за работу съ слѣпой вѣрой въ достиженіе далекаго идеала.

Прежде всего онъ продалъ все, что только можно было заподозрить годнымъ для продажи, начиная съ стараго строительнаго матеріала, загромождавшаго дворъ, до украшеній часовни, воздвигнутой отцами, по возвращеніи, въ бывшей трапезнѣ. На что ему часовня, когда онъ одинъ? Онъ будетъ лучше ходить служить обѣдню въ сосѣдній приходъ. Онъ продалъ всю мебель, оставивъ для себя только досчатый диванъ для сна, столъ, стулъ, нѣсколько божественныхъ книгъ, расписаніе и одну раскрашенную картинку: портретъ св. Жана де-Мата. Въ своей страсти все продать, онъ снималъ съ сараевъ старыя желѣзныя петли, старое желѣзо, каминныя желѣзныя доски, садовые инструменты, дырчатыя водосточныя трубы,—все, что попадалось подъ руку.

Каждый разъ, какъ онъ находилъ обрѣзокъ желѣза или кусокъ мѣди, онъ въ восторгѣ восклицалъ:

— Я ее воздвигну!

Распродавая все, онъ въ то же время и разрушалъ все. Онъ рубилъ деревья вдоль аллеи, огромные дубы, защищавшіе своей густой тѣнью двадцать поколѣній монаховъ, его предшественниковъ. Онъ вырубилъ рощу изъ сосенъ и каштановъ, служившую живою зеленой оградой монастырю, гдѣ каждая аллея, каждый стволъ, всякая травинка представляли неувыдаемое воспоминаніе о прошломъ.

Въ глубинѣ аллеи возвышалась голгофа, со стертими ступенями, слѣдами колѣнопреклоненій приходившихъ молиться сюда; отецъ Панфилъ не пощадилъ и аллею. Уничтожены были фруктовыя деревья въ саду, кипарисы—вѣчные стражи могилъ разрушеннаго кладбища! Съ обнаженной головой, въ высоко подобранной бѣлой сутанѣ, онъ суетился среди дровосѣковъ, поощряя ихъ къ работѣ, и самъ со всею силой, высоко замахиваясь топоромъ, глубоко вонзалъ его въ красноватую сердцевину дерева.

— Я ее воздвигну!—восклицалъ онъ дикимъ отъ страстнаго напряженія голосомъ.

Съ небольшой башни, возвышавшейся надъ монастыремъ, онъ захотѣлъ доставить себѣ безграничное и тяжелое удовольствіе созерцаніемъ созданнаго имъ разрушенія.

Кругомъ въ безпорядкѣ лежали деревья, страшно изуродованныя, одни сломанныя, съ сочившимися глубокими ранами, другія, съ торчащими кверху стволами, со стономъ опиравшіяся на сломанныя вѣтви, какъ на ампутированныя конечности. Уцѣлѣло одно только тощее вишневое деревцо, у входа въ садъ, все покрытое клеемъ и какъ бы удивлявшееся своему одиночеству на землѣ: его лишили свѣжихъ побѣговъ, поднимавшихся вокругъ, и обрубили вѣтки. Изгнанные изъ своего убѣжища, птички рѣяли въ небесной выси, испуская жалобные, испуганные крики.

Но отецъ Панфилъ не смотрѣлъ уже больше на это поле битвы, гдѣ умирали поверженные имъ гиганты: онъ видѣлъ свою церковь возникавшую мало по малу изъ этихъ руинъ, поправшею смерть, поднимающуюся все выше и выше. Цѣлая армія рабочихъ трудилась надъ ней. Онъ видѣлъ также, какъ самъ лазить вдоль стѣнъ новой базилики, какъ, перескакивая съ камня на камень, онъ укрѣпляетъ, наконецъ, на остріѣ шпиля золотой побѣдный и торжествующій крестъ.

Срубленные деревья онъ раздѣлилъ на двѣ части: одну продалъ, другую — оставилъ, въ виду будущихъ построекъ, а когда ничего уже не осталось ни для продажи, ни для порубки, онъ отправился къ епархіальному архитектору. Онъ

торжественно изложилъ ему планъ капеллы, объяснилъ одну за другой картинки въ книгѣ, говорилъ долго и, наконецъ, запутался въ невѣроятныхъ подробностяхъ.

— Вотъ, что я хочу соорудить!—сказалъ онъ. — Все это! вы понимаете?.. Какъ вы думаете, сколько будетъ стоить все вмѣстѣ?..

— Не знаю!—отвѣтилъ оглушенный архитекторъ. — Какъ я могу опредѣлить?

— Хотя приблизительно! ну, пожалуйста, хотя чуть-чуть!

— Да не знаю же!.. Три... четыре... пять миллионъ! Это зависитъ отъ обстоятельствъ.

— Пять миллионъ,—сказалъ монахъ, подымаясь. — Отлично, я ихъ добуду.

И отецъ Панфилъ ушелъ добывать.

Онъ сталъ обходить деревни, фермы, замки, обивать пороги, протягивая руку, сгибая спину, довольствуясь теперь кускомъ сухого хлѣба часто на ходу, гдѣ-нибудь на большой дорогѣ. Если ночь заставляла его далеко отъ Рено, онъ заходилъ просить ночлега въ домахъ патеровъ, гдѣ его нерѣдко принимали съ большимъ недоумѣемъ. Ни палящій зной, ни леденящій холодъ не останавливали его, и онъ шелъ, не отдыхая, видя передъ собой сіяющій образъ, руководившій и оберегавшій его. То прогоняемый, то оскорбляемый и преслѣдуемый на улицахъ мальчишками, издѣвавшимися надъ его всклокоченной бородой, надъ бѣлой грязной сутаной въ черныхъ заплатахъ и надъ чернымъ плащомъ въ бѣлыхъ,—онъ позналъ всю горечь, перенесъ весь позоръ жалкаго существованія нищаго, страдалъ, но духомъ не падалъ. Неловкій и робкій вначалѣ, онъ вскорѣ сдѣлался смѣлымъ и съ легкостью, удивительной для такой правдивой и наивной души, не знавшей жизненной грязи, онъ усвоилъ себѣ всѣ тонкости ремесла до такой степени, что ни одна изъ безчисленныхъ хитростей, въ сущности представлявшихъ скрытый обманъ, не осталась ему чуждой. Онъ зналъ, какъ воздѣйствовать на тщеславіе и дурныя страсти людей, не останавливался передъ актерскимъ лманьемъ, передъ ложью, двусмысленной лестью, передъ полицейскимъ шпионствомъ, искусно создавая обстановку для всего этого. Вначалѣ онъ жестоко упрекалъ себя за эти сдѣлки съ совѣстью, гдѣ терялось его достоинство человѣка и духовнаго пастыря. Потомъ онъ сталъ прощать ихъ себѣ въ виду величія поставленной цѣли и даже удвоилъ свое рвеніе. Бывало, послѣ неудачнаго дня съ жалкимъ сборомъ, въ немъ поднималось глухое возмущеніе. Смутныя мысли настоящаго переплетались съ историческими воспоминаніями о пиратахъ, не выходившихъ изъ его памяти, и онъ ловилъ себя на

мечтахъ о смѣломъ набѣгѣ, о грандіозномъ грабежѣ вооруженной шайки съ нимъ во главѣ, освобождающей поработанные народы. Вскорѣ отецъ Панфилъ сталъ форменнымъ нищимъ. Опьяненный приносимой жертвой, охваченный безуміемъ, онъ терялъ мало по малу свою сдержанность, нравственное чувство исчезало. По привычкѣ ли, или по способности къ отреченію, онъ какъ бы заковалъ себя противъ оскорбленій, принималъ дурное обхожденіе съ собой, какъ необходимое условіе своего существованія. И онъ усвоилъ всѣ виртуозныя измышленія нищенства: гибкую и робкую спину, зоркій глазъ, мягкую руку, нерѣшительныя и цѣпкія движенія.

О немъ рассказывали много грязныхъ слуховъ, и населеніе зубоскалило надъ нимъ не мало. Но въ его унижающемъ величіи дальновидные люди легко могли бы угадать величайшій героизмъ съ точки зрѣнія ходячихъ понятій о мужествѣ и чести,—словомъ, все то, изъ чего составляется рецептъ челоувѣческаго достоинства...

Однажды утромъ отецъ Панфилъ проходилъ мимо усадьбы одного стараго мясника, отчаяннаго развратника, разбогатѣвшаго скупкой многочисленныхъ національныхъ земель. Грубый пьяница, жестокій къ бѣднымъ, Лебретонъ, такъ звали мясника, отличался въ особенности своимъ циническимъ обращеніемъ и бѣшеной ненавистью къ патерамъ. Въ околodкѣ его презирали и боялись.

Отцу Панфилу всѣ эти подробности были хорошо извѣстны. Но онъ встрѣчалъ и болѣе ужасныхъ, чѣмъ этотъ Лебретонъ — и они смягчались отъ его словъ. Онъ даже замѣтилъ, что наиболѣе жестокіе съ виду, изъ гордости ли, по капризу ли, часто оказываются наиболѣе великодушными. Рискавъ получить грубый пріемъ, что для отца Панфила уже ничего не значило, онъ отворилъ калитку и вошелъ въ домъ.

— Это еще что за грязный монахъ?—вскричалъ Лебретонъ.—И какъ это у васъ хватило дерзости явиться ко мнѣ съ вашими грязными ногами?.. Чего вамъ нужно?

Бѣдный монахъ опустилъ плечи, сгорбился и почти съ мольбою произнесъ:

— Добрый г. Лебретонъ...

Но грубый окрикъ тотчасъ прервалъ его:

— Не кривляться!.. Чего вамъ нужно?.. Денегъ, денегъ все кланчите, поганые нищіе!.. погоди, я дамъ тебѣ денегъ!

Негодяй хотѣлъ уже вытолкнуть его за дверь, но мысль доставить себѣ развлеченіе за счетъ монаха привела его въ восторгъ, и онъ насмѣшливо сказалъ:

— Слушай, старикъ, я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ де-

негѣ, но съ однимъ условіемъ: ты возьмешь ихъ пастью отсюда, куда я ихъ положу... Пари держу, ты не сдѣлаешь этого.

— А я держу пари, что сдѣлаю!—отвѣчалъ отецъ Панфилъ твердо и рѣшительно.

— Ну, увидимъ!.. Прежде всего отойди - ка, пожалуйста, на другой конецъ комнаты; стань на четверенки, какъ собака, уткни свою грязную морду въ окно и жди.

Въ то время, какъ монахъ съ грустью исполнялъ приказаніе, Лебретонъ направился къ другому окну, такъ что вся зала оказалась между нимъ и его жертвой. Онъ вытащилъ изъ кармана пригоршню золота и положилъ одинъ золотой на полъ.

— Пари, что не добудешь, подлецы!—закричалъ онъ.

Отецъ Панфилъ поблѣднѣлъ. Съ вытянутой шеей, съ согнутой спиной, онъ безумнымъ взглядомъ смотрѣлъ на деньги. Тѣмъ не менѣе, дрожащимъ голосомъ, чуть не съ рыданіемъ, онъ пролепеталъ:

— Пари, что добуду.

Лебретонъ загоготалъ.

— Ну, ползи сюда! Только, чуръ, безъ рукъ! Тащи зубами, чортъ тебя возьми!

Отецъ Панфилъ зашатался. Онъ весь дрожалъ. Страшная слабость подкосила его ноги, обезсилила руки, и онъ медленно, по-медвѣжьи, сталъ приближаться къ Лебретону.

— Ну, идешь ли!—рычалъ тотъ въ нетерпѣніи.—Ползи живѣй...

Два раза патеръ падалъ и два раза подымался. Наконецъ, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, приблизилъ лицо къ тѣлу мясника и схватилъ монету зубами.

— Ахъ ты, поганецъ!—зарычалъ Лебретонъ, обернувшись и увидѣвъ золотой въ зубахъ монаха.—Только помни, что всѣ монетки получишь этимъ путемъ. Кто первый устанетъ. Ну-ка, на мѣсто!

Десять разъ отецъ Панфилъ начиналъ эту позорную комедію. Первымъ прекратилъ старый мясникъ. Онъ всталъ, съ лицомъ налившимся кровью, и пробормоталъ:

— Будетъ! . Этотъ поганый монахъ проглотить, пожалуй, все мое состояніе!

Не смотря на гнѣвъ, обуявшій его вслѣдствіе потери десяти луидоровъ, онъ все же не могъ не выразить своего удивленія и, похлопавъ монаха по животу, сказалъ:

— А ты молодчина! Но это все-таки не мѣшаетъ тебѣ оставаться шельмой... Ну, чокнемся, теперь!

Отецъ Панфилъ мягкимъ жестомъ отклонилъ приглашеніе, поклонился и вышелъ.

На разстояніи километра отъ дома, у дороги, стояло распя-

тіе. Монахъ склонилъ передъ нимъ колѣни въ горячей молитвѣ. Потомъ, воздвѣвъ къ небу полные восторга глаза, точно среди плывущихъ облаковъ онъ увидѣлъ чей-то радостный блестящій образъ и твердымъ, полнымъ рѣшительности голосомъ произнесъ:

— Я ее построю!

Возвращаясь къ себѣ послѣ своихъ обходовъ, онъ всегда находилъ въ монастырѣ какія-нибудь новыя разрушенія. Какая-нибудь крыша обвалилась; толстыя стѣны дали свѣжія трещины, въ видѣ странныхъ вѣтвистыхъ узоровъ, похожихъ на деревья; согнулись поперечныя балки. Терновникъ, крапива, чертополохъ расрослись по всему двору, пробились во всѣ отверстія, заградили двери, властно завладѣли всеми свободными проходами. Вѣтромъ занесло блуждавшія сѣмена, оплодотворившія камни; толстыя вѣтви дикой растительности выползли изъ щелей, разрослись въ спутанный кустарникъ, и стѣны трещали отъ буйнаго напора живыхъ соковъ этихъ могучихъ завоевателей. Пробираясь изъ комнаты въ комнату, изъ одного зданія въ другое, подъ страхомъ быть задавленнымъ обваливающимся потолкомъ или перегородкой, отецъ Панфилъ добирался до перваго этажа небольшого павильона съ помощью какого-то подобія лѣстницы: лѣстницы изъ перваго этажа, обращеннаго въ сарай, уже не существовало. Сюда онъ перенесъ свое деревянное ложе, свой стулъ и столъ, распятіе и портретъ св. Жана де-Мата. Здѣсь же ѣлъ свой супъ, противные жирные помои, отъ которыхъ отвернулась бы и собака. Вѣтеръ гулялъ здѣсь на свободѣ, сквозь липленныя стеколъ рамы, а дождь скопился цѣлыми лужами, безпрепятственно падая сквозь дырявую, какъ рѣшету, крышу. Но стѣны были крѣпки и этого было достаточно. Впрочемъ, патеръ не обращалъ ни на что вниманія. Онъ весь поглощенъ былъ своей идеей: построй- кой церкви.

Его церкви! Во время своего отдыха въ монастырѣ, между двумя сборами милостыни, онъ обнаруживалъ лихорадочную и разрушительную дѣятельность вокругъ капеллы, прежнее мѣсто которой, заросшее густой и высокой травой, почти совершенно исчезло. Еще прежде чѣмъ подумать объ ударѣ заступа въ то мѣсто, гдѣ онъ рассчитывалъ поставить свою церковь, онъ уже накопилъ тесаного камня, извести, цемента. Всѣ дворы были ими завалены и походили на складъ строительныхъ матеріаловъ. Когда пріѣзжали телѣги, онъ направлялъ первую лошадь:

— Сюда, сюда! Выгрузимъ здѣсь... Но-о!.. Вотъ прекрасный камень!.. Отличная известка!.. Чудный цементъ!.. Но-о-о!..

И онъ принимался сваливать камень и плиты, высыпать

въ вырытыя имъ самимъ ямы известку, перетаскивалъ мѣшки цемента, трогательно, какъ ребенокъ, радуясь и крича:

— Подвигаемся впередъ, впередъ!—И обращаясь къ возчикамъ, прибавлялъ:—Ахъ, друзья мои, какъ хорошо!.. Вы будете пособниками въ сооруженіи капеллы. Вы—честные работники! Богъ благословитъ васъ!

Но время шло, лѣсъ гнилъ, камень вывѣтривался и крошился, известъ растворялась и уносилась дождемъ, цементъ твердѣлъ въ мѣшкахъ. Большую часть годныхъ матеріаловъ разворовывали по ночамъ, и они исчезали. Эти потери, однако, не ослабляли его мужества, хищенія не уменьшали его довѣрчивости.

Онъ ограничивался лишь возгласомъ: — Мы это возьмемъ! Долгія совѣщанія съ архитекторами и подрядчиками, съ первыхъ же словъ догадывавшимися о сумасшествіи отца Панфила, приводили къ тому, что они начинали эксплуатировать его, предлагали ему самые неисполнимые планы, толкали на бесполезныя траты, вапуски старались обобрать его. Измѣряя длину и глубину ямъ, развертывая огромныя пожелтѣвшіе листы съ начерченными геометрическими фигурами, они ходили, покрытые пылью, между грудями камня, или среди кустовъ, съ дѣловымъ видомъ геніевъ. Широкимъ жестомъ въ воздухъ они набрасывали грандіозныя архитектурныя проекты, движеніемъ кончика пальца воздвигали храмы. А отецъ Панфилъ, со своей книгой въ рукахъ, давалъ историческія поясненія.

— Видите ли, господа, мы не создаемъ, мы восстанавливаемъ... Это большая разница... Вотъ, смотрите, здѣсь былъ главный алтарь, каменный, скульптурной работы... тридцать двѣ фигуры! И какія фигуры!.. Шедевры!.. Тамъ — запрестольный образъ... не особенно древній и не очень богатый... изъ порфира... даръ Людовика XIV.

— Изъ порфира!—восклицалъ подрядчикъ.—У меня какъ разъ есть кусокъ, для васъ подходящий... Прекрасный камень и дешевый.

— Прекрасно!.. Пришлите... Я возьму... Тамъ скамьи для капитула... чудныя... изъ дуба!..

Онъ на все соглашался, превращаясь снова, въ выпрашиванія милостыни, въ необыкновенно искренняго человѣка, далекаго отъ мысли о надувательствѣ.

И снова, и снова отправлялся въ походъ.

Онъ послѣдовательно исходилъ Францію, Испанію, Италію, Австрію, Малую Азію. Всюду онъ пріобрѣталъ сильныя связи, получалъ вліяніе на политику и свѣтское покровительство, пользуясь всѣмъ этимъ необыкновенно ловко. Онъ бывалъ то во дворцѣ римскаго кардинала, возлагавшаго на

него секретное порученіе, то въ обществѣ банды комедіантовъ, совершалъ путешествіе на пароходъ, причаливая къ берегу, чтобы дать представленіе и взять себѣ весь сборъ. Въ другой разъ его забрали съ собой разбойники, заставили идти вмѣстѣ съ ними на ограбленіе женскаго монастыря и, отдѣливъ ему часть добычи, отпустили. То наѣзникомъ, то скороходомъ, то шпиономъ, то миссіонеромъ, но всегда нищимъ, отецъ Панфилъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ воплощалъ въ себѣ типъ романтическаго авантюриста, привыкшаго ко всякимъ превращеніямъ, готовымъ на всякое дѣло, лишь бы оно щедро оплачивалось. Благодаря хитрости и униженію, мужеству и безумію, онъ, на большихъ дорогахъ Европы, гдѣ волочилась его ряса, собралъ невѣроятную сумму въ пятьсотъ тысячъ франковъ.

Отъ грязныхъ столкновеній, постепеннаго паденія и все болѣе и болѣе быстрого погруженія въ омутъ своего ремесла, монахъ не сохранилъ ни упрековъ совѣсти, ни омерзенія, ни какого бы то ни было впечатлѣнія отъ всей этой грязи. Онъ съ жестокой ненавистью вспоминалъ только объ одномъ капucinѣ, встрѣченномъ имъ въ Испаніи и, подобно ему, собиравшемъ милостыню въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ. Кромѣ этого воспоминанія, поднимавшаго въ немъ безграничную злобу противъ капуциновъ и вообще противъ всѣхъ нищенствующихъ орденовъ, онъ о всѣхъ своихъ самыхъ отталкивающихъ приключеніяхъ говорилъ, какъ о чемъ-то обыкновенномъ, съ безсознательнымъ безстыдствомъ. Чувствовалось, при его разсказахъ, что этотъ кроткій человѣкъ пошелъ бы на преступленіе, не отдавая себѣ въ немъ отчета. Въ позорной жизни бродяги, способной совершенно разрушить всякую мечту, онъ ничего не видѣлъ, ничего не понималъ, ничего не испытывалъ внѣ своей цѣли. Должно было совершиться нѣчто высшее, царящее надъ всѣми условностями человѣческаго общества: должна была возникнуть капелла. Для него все исчезло: народы, личности, справедливость, долгъ — ничего не существовало; была только капелла. Исходная точка его безумія — возстановленіе ордена Искупленія — стерлась въ его мозгу. Онъ также больше не думалъ о корсарахъ, о братствѣ, о плѣнныхъ, о св. Жанѣ де-Мата. Капелла — только она заполняла для него и землю, и небо. Небо было ея куполомъ, горы — алтарями, лѣса — колоннадой, океанъ — крестильней, солнце — ковчегомъ, а вѣтеръ — органомъ. А пока онъ предавался своимъ грезамъ на большихъ дорогахъ въ чужихъ краяхъ, покинутое Рено служило убѣжищемъ бездомнымъ бродягамъ и влюбленнымъ, да дикія кошки бѣгали по мертвымъ развалинамъ, казавшимся еще пустыннымъ подъ трагически-блѣднымъ свѣтомъ луны.

Теперь отцу Панфилу было уже семьдесятъ пять лѣтъ. Не смотря на преклонный возрастъ, на сгорбленное, худое, костлявое тѣло, онъ по прежнему крѣпокъ и полонъ жизни. Старая вѣра горитъ въ его глазахъ съ полуопущенными вѣками. Прежній энтузіазмъ толкаетъ его на фантастическія завоеванія. Онъ улыбается, какъ дитя. Одинъ годъ онъ живетъ въ Рено, работая съ утра до ночи, какъ поденщикъ; въ слѣдующемъ году онъ за границей на сборахъ милостыни, и никогда онъ ни на минуту не знаетъ покоя. Началась, наконецъ, возка земли для фундамента, но вскорѣ остановилась за недостаткомъ денегъ. Пятьсотъ тысячъ франковъ цѣликомъ ушли въ уплату за планы архитекторамъ, за подготовительныя смѣты подрядчикамъ, на покупку матеріаловъ и инструмента, который вѣчно разворовывался, или терялся и покупался вновь. Но старикъ не отчаивался. Возвращаясь изъ своихъ далекихъ странствованій съ полнымъ карманомъ, онъ опять покупалъ, опять начинались совѣщанія съ архитекторами и подрядчиками, и снова повторялась та же комедія. Начинали мѣрять, копать, развертывались тѣ же самыя пожелтѣвшіе планы, восхищались тѣми же проектами. А отецъ Панфилъ, съ книгою въ рукахъ, вновь давалъ тѣ же объясненія:

— Простите, господа, но помните: мы не создаемъ, мы возстановляемъ... Здѣсь былъ главный алтарь...

Онъ ничего не измѣнилъ въ своемъ режимѣ: утромъ ему приносили похлебку, вечеромъ — кусокъ хлѣба. Наступала ночь, и онъ пробирался въ свою каморку въ павильонѣ, превратившуюся въ отвратительную загаженную лачугу, устланную навозомъ. Послѣ молитвы передъ распятіемъ, онъ укладывался на свою деревянную лавку. Холодный вѣтеръ трепалъ его сѣдую бороду, а совы, уже привыкшія къ нему, усѣвшись на торчавшія стропила крыши, смотрѣли своими большими круглыми глазами, какъ онъ спалъ, и покрывали его своимъ пометомъ.

Аббатъ Жюль зналъ отца Панфила, имѣвшаго частыя сношенія съ епархіей, и, какъ всѣ, считалъ его старымъ мошенникомъ, сознательно продѣлывающимъ всѣ свои плутни. Съ легкостью, свойственной оптимистамъ, аббатъ создалъ смѣлый и безчестный планъ, не давъ даже себѣ труда разработать его. Въ это утро, вспомнивъ объ отцѣ Панфилѣ, онъ въ одну минуту рѣшилъ устроить ловкій шантажъ, рассчитывая, что онъ удастся ему, благодаря авторитету, какимъ пользовался, и страху, который онъ внушалъ всѣмъ въ епархіи. Онъ спѣшно отправился въ Рено, не выяснивъ себѣ еще

опредѣленно своихъ намѣреній и предоставляя случаю вывести его изъ затрудненія, если оно встрѣтится.

Жюль миновалъ низкія разрушенныя постройки, неизвѣстнаго назначенія, прошелъ черезъ два маленькихъ дворика, гдѣ сохранились еще остатки монастырскихъ сводовъ, и гдѣ земля, пропитанная дождемъ и изрытая колесами телѣгъ, представляла сплошное грязное болото, съ плавающимъ по немъ мусоромъ и обломками. За этими дворами, полуразрушенныя, подпертыя досками ворота вели въ другой огромный дворъ, въ формѣ четырехугольника, по неравнымъ сторонамъ котораго шли разной высоты постройки безъ крышъ; инныя походили на обвалившіяся скалы, другія до того заросли мохомъ и всевозможной дикой растительностью и кустарникомъ, что скорѣе напоминали уголокъ дѣвственнаго лѣса. Сначала онъ ничего не видѣлъ, кромѣ хаоса изъ каменныхъ плитъ, не обтесанныхъ бревенъ, балокъ, разбросаннаго инструмента, а надъ этимъ хаосомъ—возвышавшіяся стропила для настилки лѣсовъ; два подъемныхъ крана, въ глубинѣ двора, какъ огромныя оголенные птицы, вытянувъ шеи, застыли въ своей неподвижности. Все было мертво и производило гнетущее впечатлѣніе брошенной мастерской въ самомъ разгарѣ работы. Вскорѣ ему послышался глухой стукъ, похожій на удары заступа въ землю. Онъ пошелъ по его направленію и въ нѣсколькихъ метрахъ отъ лѣсовъ замѣтилъ небольшое шестиугольное свободное свѣже-изрытое пространство, гдѣ съ правильными промежутками то высывался, то прятался заступъ. Рукъ, его направлявшихъ, разобрать было нельзя. Путаясь въ кучахъ щебня и камня, перескакивая черезъ лужи извести и бревна, онъ добрался, наконецъ, до ямы и на днѣ ея увидѣлъ отца Панфила по колѣна въ водѣ и съ краснымъ мокрымъ лицомъ.

— Здравствуйте, отецъ мой!—сказалъ аббатъ.

— Ахъ, это вы, г. аббатъ,—отвѣтилъ привѣтливо и удивленно старикъ, поднявъ голову и узнавъ Жюля. — Вы пришли посмотреть на мои работы!.. Это очень любезно.. Вотъ, подвигаются впередъ!

— А что вы тутъ дѣлаете съ заступомъ, батюшка?

— Копаю, г. аббатъ, przygotowляю фундаментъ... Погода вотъ только отвратительная!

Отецъ Панфилъ бросилъ заступъ, вытеръ свою длинную бороду, забрызганную грязью, и спустил подобранную подъ поясомъ рясу.

— Отвратительная!—повторилъ онъ.—Главное, вода меня донимаетъ!.. Дайте-ка мнѣ руку, чтобъ я могъ вылѣзть... Очень мило съ вашей стороны, что вы пришли. Только я не могу принять васъ въ своей комнатѣ... Представьте: вчера

украли мою лѣстницу!.. А какъ поживаетъ монсиньоръ?

Разговаривая, онъ, съ помощью аббата, вылѣзъ изъ ямы и легко выпрыгнулъ на землю. Обмѣнявшись нѣсколькими любезностями, аббатъ спросилъ:

— Такъ это—ваша церковь?

Старикъ принялъ гордую осанку. Указавъ на шестиугольное пространство, раньше покрытое терновникомъ, а теперь—свѣжей землей и окруженное тоненькой веревочкой, привязанной къ вбитымъ въ землю колкамъ, онъ сказалъ:

— Все это—моя церковь!.. Да, мой дорогой г. аббатъ, все это!.. И кто бы могъ подумать, что я вновь построю ее, хе?

— Вновь построю!... вновь построю!..—повторилъ Жюль, вообразивъ, что монахъ смѣется надъ нимъ.—Но какъ же это: вотъ уже сорокъ лѣтъ, какъ вы ее строите... а все ничего нѣтъ!

— Ничего?—вскричалъ отецъ Панфилъ, обводя широкимъ, внушительнымъ жестомъ весь дворъ, заваленный строительнымъ матеріаломъ.—А это?.. А все это?.. Это что же такое по вашему?.. Вѣдь самое трудное сдѣлано... Теперь мнѣ остается только строить!.. Но не спрятаться ли намъ куда-нибудь отъ дождя?

Жюль отказался и усѣлся на глыбу гранита. Монахъ, не настаивая, въ свою очередь усѣлся напротивъ на кучу булыжника, и они стали смотрѣть другъ на друга. Вѣтеръ усилился и хлесталъ потоками дождя. Время отъ времени со стѣнъ срывались камни и падали съ легкимъ шумомъ на землю, а осколки графита, подхваченные порывомъ вѣтра, носились по воздуху.

— Есть у васъ деньги?—вдругъ спросилъ аббатъ.

— У меня всегда есть деньги!—отвѣчалъ отецъ Панфилъ.—Всего нѣсколько дней, какъ я вернулся изъ Венгріи. Путешествіе было удачно... Въ Гранъ... вотъ гдѣ была потѣха!.. Представьте: зашелъ я къ примасу... весельчакъ и шутникъ, очень щедрый человѣкъ!.. Онъ мнѣ говоритъ: „отецъ Панфилъ, спойте марсельезу, и я вамъ дамъ сто флориновъ“. Я пѣлъ ее, какъ сумасшедшій, и каждый разъ, какъ я начиналъ снова, примасъ давалъ мнѣ сто флориновъ. Я спѣлъ ее двѣнадцать разъ!

И онъ пропѣлъ:

Nous entrerons dans la carrière.

— Вы развѣ знаете марсельезу?—спросилъ аббатъ, не скрывая улыбки.

— Что подѣлаешь?—отвѣчалъ старикъ покорнымъ тономъ и качая головой.—Въ нашей профессіи надо знать все по-

немногу!.. Приходится часто имѣть дѣло съ оригиналами... Напримѣръ, въ будущемъ году я опять отправлюсь на Востокъ... Тамъ уже другія требованія. Тамъ смѣются надъ марсельезой... Они хотятъ только знать... послѣднія моды Парижа... Ну, я имъ рассказываю, приблизительно, по своему... И они довольны.

Аббатъ больше не слушалъ и погрузился въ размышленіе. Очутившись передъ препятствіемъ, которое нужно было побѣдить, онъ снова ощутилъ въ себѣ увлеченіе и лихорадочное нетерпѣніе. Онъ больше не думалъ о томъ, что отъ удачи задуманнаго имъ предпріятія зависитъ судьба его бібліотеки. Онъ больше не искалъ удовлетворенія страсти. Теперь дѣло шло только объ удовольствіи. Даже при быстрой и противоположной смѣнѣ впечатлѣній въ его чувственномъ мозгу, при возбужденныхъ нервахъ, Жюль почти вѣрилъ, что явился орудіемъ человѣческой справедливости и небеснаго гнѣва противъ человѣка, попирающаго соціальныя законы и оскорбляющаго достоинство церкви. Вѣдь, въ сущности, тутъ постыдный расчетъ, гнусный шантажъ, перешедшій въ дилетантизмъ, дилетантизмъ, возведенный на степень вѣры и принявшій благородную форму миссіи. Жюль рѣшилъ положить конецъ болтовнѣ монаха, грубо приступить къ дѣлу. Не зачѣмъ пускаться на хитрости, не обѣщающія успѣха съ такимъ старымъ плутомъ, какъ отецъ Панфилъ. Лучше поразить его, оглушить сразу, ударить сильно и по вѣрному мѣсту. Онъ принялъ суровый видъ и сказалъ:

— Я здѣсь не за тѣмъ, чтобы выслушивать ваши бредни, почтеннѣйшій; прошу васъ удѣлять мнѣ двѣ минуты вниманія. У меня есть важное, большое дѣло, требующее много денегъ... Сначала успокою васъ: идти за границу за сборами подъ предлогомъ постройки церкви я не собираюсь. Я сказалъ вамъ, что дѣло хорошее, великое, христіанское... Я сказалъ бы вамъ, въ чемъ оно состоитъ, да вы, пожалуй, ничего не поймете... Словомъ, повторяю, мнѣ нужны деньги... У васъ онѣ имѣются... Дайте ихъ мнѣ!..

— Не могу!—просто отвѣтилъ отецъ Панфилъ. Лицо его изъ добродушнаго и беззаботнаго сдѣлалось сразу серьезнымъ и апостольски строгимъ.

Аббатъ вскочилъ, охваченный приливомъ гнѣва. Онъ рассчитывалъ, что старикъ будетъ пораженъ, потрясенъ, подавленъ,—словомъ, произойдетъ нѣчто неувѣроятное, и вдругъ услышалъ спокойный отвѣтъ: „не могу“, произнесенный твердо и съ непоколебимой рѣшительностью. Жюль сдержался и взглянулъ на монаха. Нѣсколько камней скатились изъ-подъ ногъ старика, онъ пересѣлъ выше. Капли дождя дрожали въ волосахъ его бороды.

— Не можете?—проворчалъ аббатъ.

— Не могу!

— Подумайте хорошенько... Не можете?

— Нѣтъ!.. Если дѣло ваше угодно Богу, сдѣлайте, какъ-я... Дороги открыты.

Жюль вышелъ изъ себя.

— Вы что же думаете, что я—бродяга, грабитель, нищій?

— Вы—то, что вы есть; я—то, что я есть... Чего вы сердитесь?

— Еще разъ спрашиваю: не можете?

— Не могу!

Аббатъ сталъ потрясать въ воздухъ кулакомъ.

— Такъ я вамъ запрещаю нищенствовать въ епархіи... Васъ жандармы схватятъ за шиворотъ и бросятъ въ тюрьму.

— О!—возразилъ отецъ Панфилъ, меланхолически качая головой.—Епархія для меня потеряна, никто мнѣ адѣсь больше ничего не дастъ. А что касается тюрьмы, то злые люди не разъ сажали меня туда, я тамъ выпался: въ тюрьмѣ гораздо удобнѣе спать, чѣмъ въ сырыхъ канавахъ у большой дороги.

— Ну, такъ я напишу въ Римъ... Я устрою, что васъ отсюда выгонять... Я расскажу, кто—вы, раскрою всѣ ваши дѣла, всѣ ваши гадости и преступленія... Я донесу на васъ, слышите вы, старый бродяга!

— Генералъ меня знаетъ... папа тоже... А потомъ есть еще кое-кто повыше, который меня знаетъ еще больше.—И, указавъ на небо, старикъ прибавилъ:—Меня знаетъ Богъ!.. Я ничего не боюсь...

— Вы должны будеге отсчитаться во всѣхъ деньгахъ, что вы промотали, накрали... должны будете... должны... обязаны...

Аббатъ задыхался. Распиренные глаза выскочили точно изъ орбитъ и налились кровью. Съ губъ слетали въ беспорядочномъ бормотаньи какіе-то нечленораздѣльные звуки и проклятія, застревавшіе въ хрипломъ, свистѣвшемъ горлѣ. Наконецъ, съ нимъ сдѣлался припадокъ сильнѣйшаго кашля, рвавшій горло и разбивавшій грудь. Согнувшись, съ посинѣвшимъ лицомъ, со вздувшимися на вытянутой шеѣ венами, онъ, казалось, выплюнетъ самую жизнь въ своемъ страшномъ напряженіи.

Когда кашель затихъ, старикъ, по прежнему спокойно сидя на своемъ мѣстѣ, сказалъ ласковымъ голосомъ:

— Зачѣмъ вы причиняете себѣ такіа страданія?.. И въ чемъ меня упрекаете?.. Что я не даю вамъ денегъ, собранныхъ мною милостыней, цѣною мольбы и страданій?.. Но я не могу... Знаете, часто голодные бѣдняки, жалкія Божія творенія, на колѣняхъ умоляли меня дать что-нибудь... Я, со слезами на глазахъ, отталкивалъ ихъ... Я не могу... Это—не мои деньги,

онѣ принадлежать Ей, Ей, лучезарной, божественной подругѣ моего сердца... Я ничего не могу изъ нихъ истратить. Я не сдѣлаю этого, даже если бы потребовалось спасти кого-нибудь отъ смерти, отъ ада... Не могу...

Дождь все хлесталъ по лужамъ; вѣтеръ вылъ вокругъ, потрясая руины; сѣрый силуэтъ недоконченныхъ лѣсовъ смутно рисовался въ туманномъ, сыромъ воздухѣ. Монахъ продолжалъ:

— Вы меня только что оскорбили... Эхъ, Боже мой! сколько людей дѣлали то же самое, не сознавая даже, что оскорбляютъ... Я васъ прощаю... Пока у меня есть два су на хлѣбъ, подобіе крова надъ головой, доска для спанья, капля теплой крови въ жилахъ и немного мяса на старыхъ костяхъ—я доволенъ... Неужели вы думаете, что я дорожу деньгами?.. Послушайте, мой дорогой аббатъ, въ тотъ день, когда моя церковь будетъ окончена, придите ко мнѣ, и все, что вы у меня попросите, я вамъ отдамъ... клянусь вамъ спасеніемъ моей души!.. До тѣхъ же поръ—нѣтъ, нѣтъ!.. Не могу!

Пораженный, стоялъ Жюль передъ монахомъ. Онъ ничего не понималъ. Искреннее ли это признаніе, или насмѣшка надъ нимъ? Онъ не зналъ этого. Во всякомъ случаѣ, онъ не предвидѣлъ ни этого страннаго сумасшествія, ни этой дѣтской ироніи. Онъ совершенно былъ сбитъ съ толку. Что скрывалось подъ этой безобразной маской, которая два раза, на его глазахъ, какъ бы вдохновлялась и освѣщалась какимъ-то внутреннимъ яркимъ свѣтомъ? Вопреки кипѣвшему еще въ немъ гнѣву, Жюль почувствовалъ робость передъ монахомъ и не отдавалъ себѣ отчета, сожалѣетъ ли онъ, удивляется или презираетъ его? Какой-то голосъ въ душѣ говорилъ ему: „Склони колѣни: это—святой“.—„Это—мошеникъ, оскорби его!“—внушалъ другой. Смутный инстинктъ подсказывалъ, что правъ первый. Тѣмъ не менѣе, онъ послушался второго и, топнувъ ногой, вскричалъ:

— Все это слова, слова!.. Что вы за дурака меня считаете, что ли?.. Вы отлично понимаете, что церковь ваша—фантазія: вы никогда не выстроите ея!

Отецъ Панфилъ вдругъ вскочилъ и выпрямился во весь ростъ. Взоръ его горѣлъ. Высокій, возбужденный и страшный, онъ вперилъ грозные глаза въ аббата, и тотъ невольно отступилъ назадъ. Жюль готовъ уже былъ пасть на колѣни и молить о пощадѣ, когда монахъ подошелъ къ нему и сильно потряхнулъ его за плечо.

— Невѣрующій человѣкъ!—сказалъ онъ,—дурной пастырь, не богохульствуй!.. смотри и выслушай меня... Если-бы мнѣ пришлось одному обтесать всѣ эти глыбы и перетаскать ихъ на своей старой спинѣ, собственными руками вбить сваи,

выковать скрѣпы, поднять на своихъ плечахъ своды; если бы мнѣ пришлось одному... да, одному грудью взять ее, поднять съ земли и поставить ее прямо здѣсь... слышишь ли, несчастный безумецъ, здѣсь, здѣсь!.. я построю ее! Прощай!

Отецъ Панфилъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился у края ямы, которую копалъ, когда пришелъ Жюль, и, подоткнувъ свою рясу, опять спустился на дно.

Аббатъ нѣсколько минутъ простоялъ неподвижно и задумчиво въ грязной лужѣ.

— Это—не бандитъ, — проговорилъ онъ про себя...—Это хуже... это—поэтъ!

А заступъ опять сталъ періодически показываться изъ ямы, выбрасывая комки земли и снова скрываясь въ глубину.

Охваченный какимъ-то смутнымъ непріятнымъ чувствомъ, аббатъ опять хотѣлъ обратиться къ отцу Панфилу, поговорить съ нимъ, смириться. Но мелкая гордость и трусость, таящіяся въ душѣ почти у всѣхъ наглыхъ натуръ, удержали его, и онъ ушелъ, сильно подавленный. Онъ снова прошелъ мимо огромныхъ кучъ строительныхъ матеріаловъ, миновалъ два грязныхъ двора и развалины, и все это теперь показалось ему полнымъ величія. Окружающее, не смотря на безконечное уныніе, въ связи съ его душевнымъ настроеніемъ, принимало въ его глазахъ таинственныя и грандіозныя формы и непонятно смущало его. Передъ нимъ открылась жизнь, незнакомая ему доселѣ; онъ почувствовалъ себя такимъ маленькимъ, жалкимъ, такимъ ничтожнымъ, недостойнымъ трусомъ; этою жизнью онъ жить никогда не будетъ. Сквозь щели треснувшихъ стѣнъ ему видѣлись широкіе, неожиданные горизонты; чудныя поля грезъ, покрытыя яркими, благоухающими цвѣтами. Надъ ними порхали души дѣтей и старцевъ, души несчастныхъ и мертвыхъ, находившія покой на днѣ ихъ ароматныхъ чашечекъ... Всю дорогу въ головѣ его безпорядочной толпой носились смутныя мысли, безъ прямой связи съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Рено. Но всѣ онѣ настойчиво возвращались къ отцу Панфилу, а отъ него къ чудесной религіи любви, дающей столько радости въ страданіи, столько мудрости въ безуміи, столько величія въ униженіи. Мысли привели его также къ мучительному сознанию своего паденія... Тщетно перебиралъ онъ свою жизнь, съ момента пробужденія сознания, и ничего не находилъ, кромѣ гнусностей и позора, съ короткими промежутками мимолетнаго стремленія къ добру, и съ еще болѣе глубокимъ и непоправимымъ паденіемъ потомъ. Ни вѣры, ни любви, ни даже страсти; одни только животныя инстинкты, бредни развращеннаго ума, а главное, ощущение гнетущей

пустоты, безконечнаго отвращенія къ жизни, безумнаго страха смерти... О! да, страха смерти!.. потому что христіанское воспитаніе и священническое званіе, сильнѣе всѣхъ обуревавшихъ его сомнѣній и невѣрія, заставляли его смотрѣть на загробную жизнь, какъ на вѣчную муку и ужасъ.

Согнувъ спину подъ какой-то невидимой тяжестью, аббатъ шелъ медленно, низко опустивъ голову къ землѣ, гдѣ въ глубокихъ лужахъ отражались медленно плывшія по небу облака. Вѣтеръ утихъ, дождь почти пересталъ, а въ небесахъ, поблѣввшихъ на горизонтѣ, сквозь разорванныя тучи кое-гдѣ, въ узкихъ промежуткахъ сквозила темная синева. Мало по малу изъ тумана выступало синѣвшее хлѣбами поле, съ омытой зеленью, съ ясными очертаніями и возвышенностями; темно-фіолетовые косогоры, оживленные свѣтлыми пятнами разбѣянныхъ домиковъ; ольхи на лугахъ; высокіе, лишенные вѣтвей тополя, поднимавшіеся кверху, какъ тонкіе, дрожащіе столбы розоватаго дыма. На вершинѣ холма, гдѣ внезапно открывался видъ на городъ съ его тремя колокольнями, аббатъ ускорилъ шаги. Была суббота, и колокола, переключаясь другъ съ другомъ, возвѣщали о наступленіи священнаго дня. Праздничные, веселые ихъ голоса воспѣвали благословенный отдыхъ трудящимся, а большой соборный колоколъ своимъ басомъ покрывалъ ихъ всѣхъ и разносилъ радостную вѣсть далеко по долинамъ. Прислушиваясь къ звону, смягченному разстояніемъ, Жюль испытывалъ сладостное волненіе, происхожденіе и причину котораго не могъ бы объяснить. Нервы ослабѣли, сердце переполнилось нѣжностью, и слезы безъ усилія, безъ страданія полились изъ его глазъ. Колокола звонили и звонили, а Жюль все плакалъ и плакалъ. Въ это время поровнялась съ нимъ нищая, тощая, оборванная, съ сѣрымъ, какъ у камней, лицомъ. Одѣтая въ отвратительное рубище, босикомъ, она тащила за собой телѣжку съ двумя хилыми, поблекшими ребятишками, спавшими на соломѣ.

— Подайте милостыню, г. аббатъ,—сказала она.

Жюль вынулъ изъ своего портмоне два луидора и вложилъ ихъ въ руку нищей.

— Возьмите!—сказалъ онъ. — Но это не я вамъ подаю... а монсиньоръ епископъ... Молитесь за него... Молитесь за меня... и будьте счастливы нѣсколько дней...

Колокола умолкли, когда онъ вошелъ въ ворота своего дома, но ихъ мягкое дрожаніе звучало еще въ его ушахъ и въ сердцѣ. Войдя въ свою комнату, онъ распростерся передъ образомъ Христа и, бія себя въ грудь, сталъ молить:

— Господи, сжапись надо мной!.. Прости меня... Помоги!

Со сложенными руками, съ глазами, устремленными на образъ, онъ простоялъ на молитвѣ до вечера.

Приближался постъ. Жюль не думалъ больше ни о своей библиотекѣ, ни объ отцѣ Панфилѣ, ни о смерти, ни о добродѣтели. Волненія, испытанныя по возвращеніи изъ Рено, быстро улеглись, и онъ еще съ большимъ самодурствомъ и жестокостью принялся за дѣла епархіи. Его темная, безпкойная тѣнь вновь появлялась въ сумерки на балконѣ; палаты, обрадовавшіеся исчезновенію сторожевого пса до готовности пуститься въ плясъ отъ наступившей счастливой свободы, казавшейся уже вѣчной, вновь стали трепетать, слѣдить другъ за другомъ, разбѣгаться. Страхъ снова воцарился вокругъ маленькихъ деревенскихъ колоколенъ. Что касается епископа, то онъ былъ въ ужасѣ; онъ не боялся шумнаго возвращенія къ дѣламъ своего секретаря, облегчавшаго ему скорѣе тяжесть ноши; но приближался неумолимый срокъ пастьерскаго посланія. А ему нечего было сказать, да онъ и не хотѣлъ и не могъ ничего сказать. Между тѣмъ, во что бы то ни стало, писать было надо. Гдѣ найти фразы столь ничтожныя, слова, столь пустыя, чтобы написанныя страницы имѣли значеніе чистой, бѣлой бумаги, и чтобы всѣ остались довольны. И теперь это было особенно трудно, потому что газеты имѣютъ привычку до всего докапываться и наиболѣе простымъ словамъ, наиболѣе незначительнымъ фразамъ придавать ужасный смыслъ и дерзкое толкованіе, какихъ онѣ вовсе и не имѣютъ:

— Вотъ что я могу сдѣлать, — сказалъ онъ себѣ послѣ долгихъ и тяжкихъ размышленій. — Я посовѣтую вѣрующимъ вести себя хорошо... и... и... ходить къ обѣднѣ, къ исповѣди, строго соблюдать посты, — словомъ, быть добрыми католиками, дабы Господь избавилъ ихъ отъ грѣха, отъ града, пожара и болѣзни... Потомъ я покажу, что вѣрой... нѣтъ, ничего не покажу... ничего не надо показывать... и закончу какимъ-нибудь текстомъ изъ евангелія... ну, хоть обращеніемъ къ Тому, отъ Кого къ намъ исходитъ все, Кто даетъ намъ хлѣбъ, вино и прочая, и прочая... даетъ силы переносить горести жизни... Мнѣ кажется, это не преувеличено... Не скажу ничего ни о его святѣйшествѣ, чтобы не прослыгъ за ультрамонтана, ни объ императорѣ, чтобы не приняли за либерала.

Исходя изъ этой мысли, онъ измазалъ и изорвалъ уже болѣе пятидесяти листовъ бумаги. По мѣрѣ того, какъ онъ перечитывалъ написанное, всякое слово начинало ему казаться подозрительнымъ, и онъ рвалъ одну за другой нача-

тѣя страницы. Бѣдный прелатъ потѣлъ, пыхтѣлъ, вздыхалъ и приходилъ въ отчаяніе.

Однажды утромъ аббатъ Жюль, очень веселый, въ хорошемъ расположеніи духа, спросилъ епископа:

— Думаете ли вы о своемъ посланіи, монсиньоръ?.. Вотъ уже постъ.

— Думаю, конечно, думаю,—отвѣчалъ старикъ съ испуганнымъ лицомъ.—Ахъ, какая это ужасная вещь!

— Чѣмъ ужасная?

— Конечно, ужасная, дитя мое, потому что отвѣтственная, требуетъ осторожности... Въ моемъ положеніи... обязывающемъ къ миру, согласію, любви... надо быть осторожнымъ... никого не оскорблять... Все это такъ сложно!..

Аббатъ, казалось, принялъ живое участіе въ тревогахъ своего епископа.

— Конечно,—замѣтилъ онъ,—это очень сложно... Хотите, поговоримъ объ этомъ.

— Очень хочу,—пробормоталъ епископъ, не умѣя скрыть сильного безпокойства.—Но вы... вы очень пылки, мой дорогой аббатъ... Молодые люди видятъ вещи не такъ, какъ старики... Они торопятся... торопятся... тогда какъ.. вотъ..

Онъ сурово покачалъ головой; на лбу появились морщины; сжатые губы при каждомъ выдыханіи коротко и ясно хлопали. Почтительно поклонившись, аббатъ сказалъ умиленнымъ голосомъ:

— Смѣю ли я дать вамъ совѣтъ, монсиньоръ.. Я хочу только повторить вамъ то, что говорится о васъ въ католическомъ мірѣ...

Епископъ подскочилъ. Глаза его стали совсѣмъ круглые, испуганные.

— Обо мнѣ говорятъ въ католическомъ мірѣ?.. Что же говорятъ?

— Прежде всего единогласно одобряютъ ваше управленіе епархіей... Вашей набожности, милосердію, справедливости воспѣваютъ хвалу... Жалуются только, что въ нѣкоторыхъ серьезныхъ случаяхъ вы недостаточно проявляете себя... Ваши посланія, напримѣръ, находятъ тусклыми... неопредѣленными... Вообще, они—не то, чего ждутъ отъ вашего преосвященства.

Епископъ нервно задвигался на своемъ креслѣ.

— Чего же ждутъ отъ моего преосвященства?.. Чего ждутъ?.. Но не могу же я, между прочимъ, призывать къ огню и крови... Это не моя роль... Я не забіяка!

— О, монсиньоръ, ничего подобнаго отъ васъ не требуютъ,—возразилъ аббатъ съ жестомъ кроткаго протеста, — всѣмъ хотѣлось бы только видѣть больше увѣренности, больше

твердой власти въ вашихъ официальныхъ дѣйствіяхъ, больше характера и огня... Это большая разница.

Возбуждаясь все болѣе и болѣе и, подобно актеру, попадая въ ловушку собственнаго обмана, аббатъ горячо продолжалъ свою рѣчь. Неподдѣльное волненіе придавало ей искреннее выраженіе.

— Всѣмъ хотѣлось бы, чтобы въ отвѣтъ на распространяющуюся все болѣе и болѣе атеистическую философію, проповѣдуемую официально, явно поддерживаемую и оплачиваемую правительствомъ; въ отвѣтъ на жестокія, все умножающіяся нападки на святую церковь, раздавался бы голосъ мести и утѣшенія въ одно и то же время... крикъ возмущенія и надежды великаго христіанина... Времена очень плохи, монсиньоръ... Повсюду общество гибнетъ, церковь рушится, все разваливается и гнѣтъ... На верху, на тронѣ, оргія безстыдно выставляется на показъ и узаконена... Внизу рычитъ голодный звѣрь и жаждетъ крови... Всюду раззореніе, безуміе, хаосъ! Нарождается отвратительное поколѣніе, готовое, если не призвать его во время къ порядку, сорвать съ распятія тѣло Христа и превратить въ банки или въ вертепы наши церкви, сбросивъ съ нихъ символъ искупленія. На васъ лежитъ бремя спасенія душъ... А души необходимо поддерживать въ вѣрѣ, ободрять въ борьбѣ, успокаивать въ опасности. Не хорошо не заботиться о ихъ нравственной участи. Это отступничество, и Богъ потребуетъ у васъ отчета: вы говорите о мирѣ и согласіи, а война объявлена, врагъ передъ нами и наступаетъ на насъ... Вотъ что говорятъ въ католическомъ мирѣ!.. Говорятъ еще...

— Но, помилуйте, я ничего подобнаго не вижу!—перебилъ епископъ, слушавшій съ удивленіемъ, раскрывъ ротъ, страстную рѣчь аббата...—Эти люди съ ума сошли!.. Во всѣ времена были хорошіе и дурные люди... И такъ всегда будетъ... Что же я-то могу сдѣлать... Не я создавалъ міръ... Подумайте сами: ну, развѣ я создалъ міръ?..

— Я не сужу, монсиньоръ, я повторяю, — продолжалъ Жюль еще грубѣе и рѣзче.—Говорятъ еще, что, быть можетъ, очень пріятно жить во дворцѣ, быть сытымъ, одѣтымъ, жить въ теплѣ, разводить цвѣты, сочинять шутивыя стихотворенія, быть въ почетѣ и благословлять прохожихъ. Говорятъ, что легко устранить отъ себя всѣ тревоги, мѣшающія спокойствію, нарушающія пищевареніе и сонъ, и закрывать глаза на всякое горе, затыкать уши, чтобы не слышать мольбы... Но говорятъ также, что это не хорошо, не честно, не по-христіански, похоже на измѣну предводителя, покинувшаго въ день битвы своихъ солдатъ и оставившаго ихъ умирать безъ

всякой помощи... Говорятъ еще, что для такого образа дѣйствій надо имѣть тайныя причины... Говорятъ еще...

— Говорятъ!.. говорятъ... говорятъ глупости!—вскричалъ епископъ, и блѣдный, съ возбужденнымъ лицомъ, вскочилъ съ своего кресла и, повернувшись спиною къ аббату, нервно заходилъ по кабинету.

Но вскорѣ онъ испугался, что слишкомъ выказалъ свое раздраженіе. Онъ не хотѣлъ закончить бесѣду рѣзкими словами и жестами, боясь возбудить въ аббатѣ одинъ изъ тѣхъ варывовъ гнѣва, которые онъ не разъ испыталъ на себѣ... И, мгновенно успокоившись, онъ вернулся къ столу.

— Послушайте, дитя мое,—началъ онъ,—подумайте! Вы говорили мнѣ объ императорѣ: ну, что у него общаго съ великопостнымъ посланіемъ?

— Все зло, что мы терпимъ, исходитъ отъ него; все нечестіе, вся мерзость, убивающая насъ, исходитъ отъ него. Подъ видомъ лицемѣрнаго друга церкви, подъ видомъ позорнаго покровительства намъ, онъ—главный дѣятель разложенія, онъ...

— Позвольте!.. Откуда вы это знаете?

— Я это знаю!—отвѣчалъ аббатъ коротко, рѣзко, тономъ, не допускавшимъ возраженія.

Прелатъ безсильно опустилсѣ въ кресло. Онъ сдѣлалъ все, на что былъ способенъ, и сопротивленіе его ослабло. Онъ чувствовалъ, что для него невозможно идти далѣе. Слова Жюля возмутили его совѣсть; онъ понималъ справедливость этихъ упрековъ, гдѣ подъ честными и громкими фразами не могъ отличить правду отъ клеветы. Но онъ не сдавался и пробовалъ еще бороться.

— Дитя мое!—бормоталъ онъ. — Ну смотрите, въ какое ложное положеніе поставили меня!.. Императоръ!.. но вѣдь онъ меня назначилъ. И потомъ... и потомъ... 15 августа у меня крестный ходъ!

— О, монсиньоръ, монсиньоръ!—грустно вздыхая, сказалъ Жюль. — Великіе святые, великіе мученики, даже тѣ, которыхъ вы почитаете, чью божественную исторію жизни вы перечитываете каждый день, не говорятъ такъ, какъ вы дѣлаете. Къ оскверненнымъ ступенямъ трона приносили они слова истины... Свою вѣру они исповѣдывали среди вражеской толпы!.. Тиранамъ въ глаза бросали они вызовъ, придавая ихъ анаемѣ!

„Ваши святые были бунтовщики“, думалъ епископъ, но не осмѣлился высказать это непочтительное мнѣніе и украдкой взглядывалъ на замолчавшаго аббата. Жюль, стоя съ высоко-поднятой головой, съ горящимъ взоромъ и устами, дрожавшими еще отъ угрозъ, походилъ на пророка. И дѣй-

ствительно, забывъ въ эту минуту, что онъ играетъ комедію передъ епископомъ, онъ походилъ на пророка. Передъ нимъ носился таинственный, мистическій міръ. Подобно Исаи, онъ далъ бы распилить себя пополамъ; съ упоеніемъ пошелъ бы на страданія... Онъ медленно удалился, поселивъ большое смущеніе въ душѣ прелата.

По обыкновенію, доводя все до крайности, Жюль сохранилъ свою вдохновенную маску, но теперь это уже была настоящая маска, скрывавшая издѣвательство обманщика. Каждый день онъ представлялъ новые доводы, приводилъ новыя угрозы, и запуганный, измученный старикъ, преданный мукамъ этимъ неумолимымъ палачомъ, мало по малу уступилъ по всѣмъ пунктамъ, лишь бы въ посланіи не было ни слова объ императорѣ. Онъ ни за что, ни за что не хотѣлъ затронуть его... Его послѣднія усилія сосредоточились на этомъ единственномъ упорствѣ, и онъ непрестанно повторялъ:

— Нѣтъ!.. Это... никогда!.. Онъ меня назначилъ!.. И потому существуютъ непреложные законы!.. Я хочу оставаться въ ихъ предѣлахъ!

Бѣдняга пересталъ ѣсть и спать и жилъ въ страшной и постоянной тревогѣ. Малѣйшій шумъ приводилъ его въ ужасъ: до такой степени онъ былъ возбужденъ. Онъ пробуждался отъ тяжелыхъ кошмаровъ. Даже во время обѣдни, читая молитву, онъ видѣлъ кровавыя сцены мученичества и убійства... Ни на минуту не могъ онъ отогнать отъ себя эти невыносимые образы, вкусить хоть немного спокойнаго отдыха. Онъ желалъ бы захворать, умереть. Какъ онъ уступилъ по всѣмъ пунктамъ, такъ, наконецъ, согласился и насчетъ императора.

— Ну, пусть!.. Только прошу васъ, не будемъ употреблять его имени, не будемъ говорить: *императоръ, имперія*... Скажемъ властелинъ... тиранъ!.. нѣтъ, нѣтъ!.. Скажемъ *они*. „Они“, этимъ все сказано, это всѣхъ устраиваетъ. Это можетъ быть приложимо къ кому угодно!.. А между тѣмъ никто ни на кого не подумаетъ!.. Боже мой! Боже мой!.. Что съ нами будетъ... А префектъ!.. А министр!.. А государственный совѣтъ!.. Какой скандалъ!.. Насъ отлучать, г. аббатъ... Мы призовемъ на себя постыдныя кары.

— Иисусъ далъ себя распять, монсиньоръ... А развѣ онъ жаловался?—строго спросилъ Жюль.

Наконецъ, въ одно прекрасное воскресенье посланіе разразилось надъ епархіей, какъ бомба. Нѣкоторые священники, болѣе освѣдомленные, отказывались прочесть его въ церквахъ. Оно вызвало изумленіе, оцѣпенѣніе, негодованіе. Подумали, что епископъ сошелъ съ ума. Этотъ странный документъ церковной литературы, цѣликомъ написанный рукою

Жюля въ короткихъ, рѣзкихъ, жесткихъ фразахъ, представлялъ грубый памфлетъ, прямое оскорбленіе правительственной власти и, сверхъ всего, такое злобное требованіе возстановленія правъ церкви, такой горячій призывъ къ религіозной войнѣ, что наиболѣе нетерпимые изъ прихожанъ, чувствуя всю безтактность посланія и не желая его оправдывать, подобно всѣмъ остальнымъ, громко потребовали суда. Возбужденіе было такъ сильно, что въ тотъ же вечеръ группы рабочихъ, мѣщанъ и уличныхъ мальчишекъ, развернувъ трехцвѣтныя знамена, громко распѣвая пѣсенку королевы Гортензій, съ угрозой собрались вокругъ епископскаго дворца и камнями побили въ немъ стекла. Изъ провинціи слухъ объ этомъ быстро достигъ Парижа, а оттуда облетѣлъ всю Францію. Черезъ нѣсколько дней пастырское посланіе аббата Жюля получило значеніе важнаго европейскаго событія. Всѣ канцеляріи пришли въ движеніе, всѣ взгляды обратились на таинственно безмолвный Римъ, печать пришла въ бѣшенство. И бѣдный епископъ, такой ненавистникъ шума, сдѣлался предметомъ всеобщаго вниманія.

Точась-же послѣ этого необыкновеннаго происшествія префектъ уѣхалъ въ Парижъ. Министръ исповѣданій вызвалъ епископа къ себѣ. Между Франціей и святымъ престоломъ установился лихорадочный обмѣнъ писемъ, объясненій, отношеній, безконечная ѣзда курьеровъ взадъ и впередъ. Торжественно засѣдалъ государственной совѣтъ. Въ кафе, въ клубахъ, въ салонахъ всѣ комментировали этотъ злободневный вопросъ. Вечеромъ на бульварахъ можно было услышать слѣдующіе обрывки разговоровъ.

— Можетъ быть, это война!

— Должно быть этотъ епископъ сумасшедшій!..

— А Римъ?.. Что говоритъ Римъ?

„Хорошо освѣдомленные“ и серьезныя газеты установили связь епископа съ тайными обществами, говорили объ основаніи католическаго карбонаризма, а его выставляли однимъ изъ опаснѣйшихъ начальниковъ, „угрожавшимъ свободѣ совѣсти и всеобщему миру. Вокругъ его имени, его дѣйствій создались безумнѣйшія легенды; всѣ страстно рылись въ его частной жизни; вспомнили о его процессѣ, что сильно подкрѣпило оскорбительные комментаріи; иллюстрированные каррикатурные журналы, ко всеобщему ужасу, изображали его съ шапкой Торквемады на головѣ. Ни одинъ голосъ не поднялся въ его защиту. Открыто и жестоко онъ былъ отвергнутъ клерикальной прессой. И въ то время, какъ бѣдный старикъ, оглушенный, обезумѣвшій, одинокій, съ отчаяніемъ въ душѣ, сидѣлъ, запершись въ одной изъ комнатъ внизу дворца, и чувствовалъ себя раздавленнымъ свалившейся на него

тяжестью страданій и неизгладимаго позора, — Жюль ликовалъ и торжествовалъ. Онъ наслаждался неожиданнымъ и необыкновеннымъ результатомъ своего обмана и, гордясь поднятымъ имъ шумомъ, въ восторгъ потрясалъ въ воздухъ листкомъ посланія, какъ нѣкогда бутылкой тресковаго жира своей сестры Атали и, танцуя, кричалъ:

— Ну и ловкая же штука!.. Ха, ха, ха!.. Отличная штука! Тра-ла-ла!.. Тра-ла-ла! Боже! какъ мнѣ весело!

Послѣ цѣлаго мѣсяца отсутствія, епископъ, наконецъ, однажды вечеромъ робко вошелъ въ свой кабинетъ. Осужденному министерствомъ и Римомъ, ему удалось сохранить свое мѣсто лишь чистосердечнымъ признаніемъ и трогательнымъ выраженіемъ своего раскаянія. Онъ принужденъ былъ даже напечатать письмо, гдѣ сожалѣлъ о своемъ заблужденіи, унижался, просилъ прощенія. Отпустивъ старшаго викарія и всѣхъ подчиненныхъ, явившихся привѣтствовать его по случаю возвращенія, онъ просто и кротно сказалъ, обращаясь къ Жюлю:

— Надо быть благоразумнѣе на будущее время, г. аббатъ, гораздо благоразумнѣе!.. Я обѣщаль.

Увидѣвъ, какъ онъ сгорбился, какъ похудѣлъ и измѣнился и, не смотря на это, безъ малѣйшаго слова упрека, обратился къ нему съ выраженіемъ грустной и тихой мольбы, Жюль почувствовалъ, что сердце его болѣзненно сжалось. Онъ вдругъ бросился передъ нимъ на колѣни и, рыдая, воскликнулъ:

— Простите... Это я... монсиньоръ!.. Я!..

— Полноте, дорогое мое дитя, — утѣшалъ его старикъ, и по блѣднымъ щекамъ его катились двѣ крупныя слезы. — Довольно. Теперь все кончено... Не плачьте... Все прошло!..

Прошло полгода. О пастырскомъ посланіи не было больше рѣчи. Епархія опять вернулась къ покою, и Жюль, повидимому, исправился. Общественное мнѣніе каждый день все больше и больше склонялось въ его пользу. Онъ достигъ блестящаго успѣха своей проповѣдью о святой Дѣвѣ, составленной въ прекрасныхъ выраженіяхъ, полныхъ поэзіи, божественной любви и человѣческой нѣжности. Проповѣдь привлекла къ нему сердца всѣхъ женщинъ. Онъ измѣнился даже физически: сталъ опрятнѣе, утратилъ дурныя привычки священника-нищаго, сталъ носить почти изящныя рясы и серебряныя пряжки на красивыхъ башмакахъ.

Его стали съ удовольствіемъ принимать въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ замкахъ. При все еще грубой наружности и рѣзкихъ манерахъ, онъ поражалъ разнообразіемъ и тонкимъ инте-

ресомъ несвойственныхъ ему разговоровъ, сопровождаемыхъ иногда какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ или мыслью, что нравилось даже самымъ ревностнымъ богомолкамъ. Изъ огромнаго количества всевозможныхъ книгъ, что онъ прочиталъ, онъ вынесъ массу различныхъ свѣдѣній. И если эти знанія, собранныя случайно, и не были систематизированы въ его умѣ, онъ все же искусно пользовался ими и безъ педантизма вставлялъ ихъ въ дружескій разговоръ. Казалось, даже его уродство исчезло, и неловкость его костлявого, неуклюжаго тѣла не производила прежняго неприятнаго впечатлѣнія. То, что когда-то дѣлало его смѣшнымъ, теперь считалось оригинальнымъ, скорѣе пріятнымъ и выгодно отличающимъ его отъ тяжеловѣсной деревенской пошлости его собратьевъ. Впослѣдствіи, во время эпидеміи вѣтреной оспы, свирѣпствовавшей въ одномъ изъ предмѣстій города, онъ выказалъ себя самоотверженнымъ и храбрымъ. Тратя время на утѣшенія бѣдныхъ, хороня умершихъ, онъ подавалъ примѣръ достойнаго мужества населенію, приведенному въ отчаяніе и охваченному паникой. Съ епископомъ у него также установились прекрасныя отношенія, хотя порою и омрачались маленькими, быстро таявшими облачками.

Епископъ очень состарился со времени своего печальнаго приключенія; здоровье ухудшилось, способности ослабли. Хотя онъ никогда не говорилъ объ ужасной исторіи въ прошломъ, но всѣ чувствовали, что онъ страдаетъ непрестанно, что рана не зажила и, незатянулась. Жюль старался удалить въ немъ тяжелыя воспоминанія, потворствуя невиннымъ увлеченіямъ старика. Онъ изучилъ даже способъ ухода за геранями и пеларгоніями, чтобы имѣть возможность разговаривать съ нимъ о цвѣтахъ. Они спорили о латинскихъ поэтахъ. Епископъ стоялъ за Virgilіа, Жюль защищалъ Лукреція.

— Но вашъ Лукрецій атеистъ!—кричалъ епископъ.

— А вашъ Virgilій вѣрилъ въ божественность безпутнаго Олимпа, въ этого дурака Юпитера, въ Юнону...

— Но онъ все же вѣрилъ во что-нибудь!.. Чего же вы хотите: въ его время другихъ боговъ не было... Да и не вѣрилъ онъ ужъ такъ слѣпо!.. Онъ предугадалъ христіанство...

— А Лукрецій все видѣлъ, все чувствовалъ, объяснилъ всю природу, всю человѣческую душу. И какъ прекрасно!.. Еще и нынѣ онъ поражаетъ насъ... Все беретъ начало отъ него: и наука, и поэзія. И чѣмъ больше его изучаешь, тѣмъ больше видишь, какой это блестящій, могучій талантъ. Безъ него, мы до сихъ поръ поклонялись бы Минервѣ въ ея каскѣ и этому животному — Вулкану. Да Virgilій свои удачныя стихотворенія и рѣмы укралъ у Лукреція.

— Не говорите этого, дорогое дитя, — протестовалъ пре-

латъ. — Виргилій, вѣрьте мнѣ, чистѣйшій источникъ... Къ нему должны мы прибѣгать всегда, всегда.

— Сорвался ли когда-нибудь съ его устъ такой крикъ страданія: *Placata posse omnia mente tueri!*.. О, умѣть созерцать все умиротворенной душой!.. Безъ Лукреція, монсиньоръ, у насъ не было бы ни Паскаля, ни Виктора Гюго!

— Викторъ Гюго, дитя мое!.. Да это чудовище!

Послѣ такихъ разговоровъ епископъ чувствовалъ себя чрезмѣрно довольнымъ и говорилъ Жюлю:

— Мой дорогой аббатъ, одинъ только вы у меня... Любите меня всегда!

-- Да, да, монсиньоръ... Сколько горя я причинилъ вамъ!

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Я самъ виноватъ... это моя слабость-характерность!.. Право, у меня никого нѣтъ, кромѣ васъ.

Но аббатъ далеко не былъ такъ спокоенъ, какъ казался, и хотя его стремленіе ко злу не имѣло уже опредѣленной цѣли, дурные инстинкты постоянно тревожили его, незамѣтно толкали его на новыя выходки и ему приходилось жестоко бороться съ этими приступами. Но его поддерживало, однако, то, чего прежде у него не было: расчетъ и самолюбіе. Сколько даромъ растрачено времени въ порочныхъ и бесполезныхъ фангазіяхъ, сколько силъ потеряно въ нелѣпыхъ капризахъ: онъ удивлялся, какъ ни погубилъ въ нихъ все свое будущее! Нынѣ онъ видѣлъ передъ собой новую жизнь, блестящую, плодотворную. Вмѣсто того, чтобы влачить засаленные полы своей рясы среди мелкихъ дѣлишекъ низшаго духовенства, ему представлялась возможность мечтать кое о чемъ высшемъ. Онъ зналъ, что владѣетъ краснорѣчіемъ, что оно нравится, такъ какъ больше дѣйствуетъ на чувство, чѣмъ на разумъ. Онъ зналъ, что, не смотря на физическое уродство, оно исчезало подъ обаяніемъ его умственныхъ достоинствъ, и онъ могъ надѣяться на успѣхъ въ свѣтѣ и заинтересовать женщинъ своимъ честолюбіемъ. Изъ всего этого онъ вывелъ совершенно опредѣленное заключеніе, что въ тотъ день, когда его проповѣди опредѣлятъ несомнѣнныя симпатіи къ нему, онъ сразу, изъ жалкаго положенія парія, возведутъ его на высоту, завидную для всѣхъ модныхъ патеровъ. Но его пугала его натура. Онъ сознавалъ, что въ немъ кипитъ и бушуетъ вулканъ, и боялся рокового и близкаго взрыва. Зло такъ притягивало его къ себѣ, что часто, въ минуты благораумія, когда онъ ясно видѣлъ, что дало ему въ прошломъ его безуміе, ему вновь страстно хотѣлось вернуться къ пороку. Непобѣдимая сила притягивала его и тянула въ глубокую бездну. И онъ чувствовалъ, что наступитъ день, и онъ дастъ увлечь себя сразу, такъ себѣ, ни за что.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ чаще сталкиваться съ жен-

щинами, умъ его снова подчинился плоти. Вначалѣ онъ избѣгалъ искушенія, предаваясь упорной работѣ, сильно утомляя свой мозгъ. Но скорѣ этого стало недостаточно. Тягостное воздержаніе обрекало его на страданія. Любовь представлялась ему не иначе, какъ въ видѣ запутаннаго, сложнаго разврата. Нечестивые образы неотступно преслѣдовали его, плясали передъ его глазами, отрывали отъ книги, отъ мысли, и онъ, не имѣя силы отогнать ихъ, погружался въ сладострастныя мечты, находя въ нихъ нѣкоторое удовлетвореніе, и пробуждался мрачнымъ, съ сердцемъ, переполненнымъ отвращеніемъ. Молитва не успокоивала его. Стоя на колѣняхъ передъ распятіемъ, онъ видѣлъ, точно на подвижной чудной картинѣ, какъ тѣло Христа начинало раскачиваться на окровавленныхъ гвоздяхъ, сходило съ креста, склонялось и исчезало въ пустотѣ, а на его мѣстѣ появлялась торжествующая женщина, обнаженная и прекрасная, тянувшаяся къ нему для страстныхъ поцѣлуевъ. Тогда, чтобы задушить чудовище, онъ вновь принимался за свои бѣшенныя прогулки по полямъ. Онъ пытался физической усталостью смирить возмущеніе своихъ бѣшенныхъ чувствъ.

Эту внутреннюю борьбу, эту драму скорбной души Жюль, съ страшнымъ усиленіемъ воли, близкой къ героизму, таилъ въ себѣ, въ глубинѣ своего нравственнаго существа, и никто изъ окружающихъ не предчувствовалъ взрыва. По жалкой ироніи жизни, заставляющей часто добродѣтель стремиться къ пороку, а порокъ къ добродѣтели, Жюль, во время самыхъ сильныхъ приступовъ страсти, во время наиболѣе угнетающихъ его искушеній, испытывалъ сильное, опьяняющее наслажденіе слагать въ своихъ проповѣдяхъ гимны не раздѣленной страсти, невыразимой сладости божественной любви, любви, не смущенной мечтой о землѣ, чтобы вознестись къ небу.

Именины епископа въ старшихъ и младшихъ классахъ семинаріи праздновались ежегодно торжественнымъ богослуженіемъ. Послѣ праздничной обѣдни съ пѣніемъ и музыкой ученики приносили свои поздравленія епископу въ стихахъ—кто по латыни, кто по французски, а нѣкоторые—поученіе—и по гречески. Затѣмъ начиналось между ними академическое состязаніе: или разъяснялось какое-нибудь темное мѣсто въ религіозной исторіи, или же останавливались на ученіи, оспариваемомъ философами. Въ промежуткахъ, между рѣчами, играла музыка. По этому случаю прелатъ давалъ обѣдъ, приглашалъ своихъ старшихъ подчиненныхъ, лучшихъ учениковъ изъ каждаго класса и нѣсколькихъ свѣтскихъ друзей. Какъ всегда, Жюлю поручено было устроить празднество, хотя ничего въ немъ никогда не измѣнялось.

Въ этотъ день онъ былъ нервнѣе и возбужденнѣе обыкновеннаго. Утромъ у него вышло столкновение со старшимъ викаріемъ изъ-за украшенія главнаго алтаря, и тотъ страшно разсердилъ его. Это заставило его вспомнить, что со времени его сдержаннаго поведенія и успѣха на праздникъ Пресвятой Дѣвы, старшій викарій сталъ съ нимъ заносчивѣе и не скрывалъ больше своей ненависти къ нему. Между тѣмъ, все устроилось прекрасно. Епископъ добросовѣстно выслушалъ потокъ восхваленій на разныхъ языкахъ и отвѣтилъ, какъ могъ. За столомъ аббатъ замѣтилъ, что старшій викарій, нѣсколько разъ взглянувъ на него искоса, начиналъ смѣяться со своимъ сосѣдомъ, толстымъ кюрэ, съ короткимъ носомъ, утонувшемъ въ пухлыхъ щекахъ.

„Этотъ негодяй навѣрно смѣется надо мной“,—подумалъ Жюль.

Смѣхъ выводилъ его изъ себя. Въ концѣ концовъ все стало приводить его въ раздраженіе. Онъ испытывалъ непреодолимую ненависть ко всѣмъ, и никогда снѣ не казались ему болѣе отвратительными. Эти грубые и пошлыя лица патеровъ, мелькавшія среди разставленныхъ канделябровъ и корзины съ цвѣтами, эти гнусные, откормленные обжоры, эти высохшіе профили семинаристовъ, уже пожелтѣвшіе отъ злости и качавшіеся на длинныхъ птичьихъ шеяхъ, съ притворнымъ видомъ чистосердечія, изобличаемымъ плотоядными челюстями и бѣгающими глазами загнанныхъ звѣрей,—во всемъ этомъ Жюль видѣлъ грубое веселье, циничное себялюбіе, животный эгоизмъ, низменные аппетиты, гнусное невѣжество и неразвитой умъ. И эти два кюрэ, рядомъ съ нимъ, сдержанно улыбаясь губами, измазанными соусомъ, потихоньку рассказывавшіе другъ другу грязныя исторіи—все, что онъ видѣлъ, все, что слышалъ, все выводило его изъ себя; ему безумно хотѣлось встать изъ-за стола и бросить свою рясу на головы всѣхъ этихъ людей.

Обычай требовалъ, чтобы во время десерта старшій викарій обратился къ епископу съ краткой рѣчью отъ имени всѣхъ прихожанъ епархіи. Онъ умѣлъ говорить сентиментально и жеманно, не жалѣя похвалъ, умѣлъ даже заплакать въ подходящую минуту. Когда наступилъ моментъ, онъ поднялся съ своего стула, прикоснулся носовымъ платкомъ къ губамъ, кашлянулъ три раза, какъ полагается, и всѣ приглашенные со вниманіемъ повернули къ нему свои масляные взоры. Среди торжественнаго молчанія онъ началъ:

— Монсиньоръ! Въ этотъ благословенный день, когда дѣти святой католической апостольской римской церкви, кого вы съ такой отеческой заботливостью и съ такой удивительной

преданностью ведете по святымъ путямъ вѣры, о которой Боссюэтъ могъ сказать...

Но вдругъ онъ неожиданно былъ прерванъ. Аббать Жюль вскочилъ и, вытянувшись черезъ столъ, съ сжатымъ кулакомъ, крикнуть викарію:

— Замолчите!.. Какъ вы смѣете говорить?.. По какому праву?.. Отъ чьего имени?

Старшій викарій окаменѣлъ въ позѣ, принятой въ началѣ рѣчи. Епископъ въ изнеможеніи сидѣлъ на своемъ креслѣ. Одинъ изъ присутствующихъ, быстро повернувшись, опрокинулъ бутылку съ виномъ, и она съ шумомъ скатилась на полъ. Всѣ вытянули свои изумленные фізіономіи къ аббату, продолжавшему дрожащимъ голосомъ:

— Замолчите!.. Что вы тамъ говорите о религіи... о церкви?.. Вы—ничто... нуль... Вы—олицетвореніе лжи, жадности, ненависти... Замолчите... Вы лжете!

Среди глубокаго молчанія, не нарушеннаго ни однимъ вздохомъ, среди мертваго молчанія, наступающаго только послѣ катастрофы, аббать продолжалъ:

— Вы всѣ лжете!.. Я слѣжу за вами больше часа... И, глядя на васъ, Я стыжусь за платье, которое ношу... Я безсовѣстный патеръ, я воръ, и все же достойный болѣе васъ. Я знаю васъ хорошо, преступные пастыри, ослушники общественнаго долга, измѣнники отечества, сидящіе здѣсь только потому, что вы чувствуете себя слишкомъ глупыми, или слишкомъ трусливыми, чтобы согласиться пожертвовать своими выгодами. И вамъ ввѣрены души, вы должны образовывать, воспитывать ихъ,—вы, чьи руки еще не очищены отъ навоза вашихъ конюшенъ. Души, души женщинъ и дѣтей ввѣрены вашему руководству, когда вы никого, кромѣ свиней, никогда не водили!.. И это вы, съ вашими мордами откормленныхъ скотовъ, — представители христіанства! Да вы не понимаете его святого назначенія — искупить человѣчскій родъ, великой миссіи всеобщей любви. Это смѣшно и вызываетъ слезы въ одно и то же время. Родится человѣкъ—десять франковъ... Умереть — опять десять франковъ... Точно Христосъ умеръ только для васъ, чтобы дать вамъ возможность сдѣлать щель въ его плащаницѣ, какъ въ денежной кружкѣ, а дароносицу обратить въ деревянную миску нищаго... А когда я слышу, что вы говорите о Святой Дѣвѣ, мнѣ кажется, что я присутствую при насиліи надъ молодой дѣвушкой...

Глухой ропотъ, разрастаясь мало по малу, превратился въ громкіе крики гнѣва, яростнаго протеста, возмущенныхъ воплей и заглушилъ голосъ Жюля. Многіе вскочили съ налившимися кровью лицами, размахивая салфетками, но-

жами, беспорядочно жестикулируя. Среди возраставшаго шума слышался звонъ серебра и посуды. Полъ скрипѣлъ, а висѣвшія на стѣнахъ фарфоровыя украшенія качались на своихъ крючкахъ. Жюль отбивался, бѣсился, рычалъ, направляя поочередно во всѣ стороны сжатые кулаки:

— Убирайтесь вонъ!.. Возвращайтесь къ своему навозу!.. Я васъ выгоняю!.. Вонъ!..

Епископъ, блѣдный, какъ мертвецъ, сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить, и тотчасъ воцарилась тишина. Его безкровныя губы дрожали; зубы стучали. И настолько слабымъ голосомъ, что его едва можно было разслышать, голосомъ, прерывающимся, какъ у умирающаго, онъ произнесъ:

— Г. аббатъ... Я... я выгоняю васъ... Вы...

— Вы? — вскричалъ Жюль, и въ глазахъ его сверкнуло безуміе, — вы?..

Онъ сдѣлалъ жестъ, точно схватилъ кого-то за горло.

— Вы?.. Да вы не имѣете на это никакого права!.. Вы украли завѣщаніе!.. Вамъ ли носить митру?.. Знаете ли, что вамъ слѣдуетъ? Четыре фута цѣпи и ядро!

Епископъ вскрикнулъ, раскрылъ ротъ и, взмахнувъ ледяными руками по воздуху, упалъ въ глубокомъ обморокѣ на свое кресло.

На другое утро, на разсвѣтѣ, Жюль вышелъ изъ дому. Онъ уложилъ свои чемоданы, рассчитывая въ тотъ же вечеръ уѣхать. Но куда? Въ несчастіи первая мысль обращается къ отчему дому; о немъ прежде всего вспоминаютъ тѣ, кто ищетъ утѣшенія. Но Жюль не любилъ своей родины, его не привязывало къ ней ни одно воспоминаніе, никакая радость юности. Мысль о возвращеніи въ Віантэ была ему непріятна: пришлось бы объясняться, выслушивать упреки, видѣть вокругъ себя печальныя или раздраженныя лица, слышать только вздохи и жалобы. Это его не привлекало. Ему бы хотѣлось спрятаться куда-нибудь подальше, гдѣ бы никто не зналъ его. Его привлекалъ Парижъ своей таинственностью, смутнымъ предрасположеніемъ къ пороку или къ добродѣтели, внушаемомъ имъ порою падшимъ или сбившимся съ пути натурамъ. Денегъ у него не было... Однако, что онъ будетъ дѣлать въ Парижѣ? Ну, да онъ увидитъ, подумаетъ... Во всякомъ случаѣ, до принятія окончательнаго рѣшенія, онъ не хотѣлъ оставаться въ епархіи, боясь встрѣчи съ епископомъ или съ кѣмъ-нибудь изъ свидѣтелей его глупой выходки. И, удрученный, разбитый, неувѣренный въ себя, онъ шелъ по дорогѣ, сбрасывая носкомъ башмака попадавшіе подъ ноги камни.

Когда онъ очутился на дорогѣ въ Рено, ему пришло въ голову

провести этотъ день съ отцомъ Панфиломъ. Первое посѣщеніе, оставившее въ немъ сильное впечатлѣніе, онъ вспоминалъ съ угрызениемъ совѣсти, и много разъ собирался снова повидаться съ этимъ святымъ безумцемъ и примириться съ нимъ. Ему пришла даже въ голову сумасшедшая мысль: почему бы не поселиться въ Рено и не устроиться со старымъ монахомъ?.. Онъ также будетъ копать ямы, таскать деревья, просить милостыню... Нѣтъ, это абсурдъ!.. Растричься?.. Не стоитъ!.. Раса оставляетъ неизгладимое клеймо на носившемъ ее раньше. Презрѣніе и недовѣріе—вотъ что ждетъ его вездѣ. Онъ сталъ искать другого выхода. Не пожертвовать ли собой для какой-нибудь миссіи въ далекихъ странахъ?.. Но захотятъ ли его послать? Скрыться въ монастырь?.. Но тамъ его не примутъ, навѣрно!.. Онъ придумывалъ, искалъ, ничего не нашелъ и почувствовалъ себя погибшимъ. Ему стало страшно.

Какъ звѣрь, преслѣдуемый собаками, онъ шелъ въ тревогѣ, съ согбенной спиной, прислушиваясь къ чему-то и неся смерть въ своей душѣ.

Яркое, сіяющее утро разбудило росистыя деревья. Прозрачный легкій туманъ, пропитанный трепетными лучами восходящаго солнца, поднимался съ улыбающейся земли.

У входа въ Рено, не доходя аллеи, Жюль встрѣтилъ знакомую старуху, приносившую каждый день похлебку монаху.

И, какъ въ первый разъ, онъ спросилъ:

— Отецъ Панфилъ въ монастырь?

— Почитай, больше двухъ недѣль, какъ я не видѣла его, г. кюрэ,—отвѣтила она. — Еще утромъ я его видѣла, а на другой день уже исчезъ.

— А!

— Видно, ушелъ въ чужіе края... Онъ вѣдь полоумный!

Отсутствіе старика показалось Жюлю какимъ-то обманомъ судьбы. Онъ стоялъ въ раздумьи: идти ли впередъ, или вернуться?

— Однако, — сказалъ онъ себѣ, — не все ли равно, гдѣ я проведу сегодня день, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ!

И онъ пошелъ впередъ, теряясь въ кустахъ дороги.

Долго бродилъ онъ по развалинамъ. Минувшая зима тяжело досталась бѣдному Рено. Морозы и бури причинили новыя многочисленныя поврежденія. Аббатъ видѣлъ все, что видѣлъ раньше, но болѣе разрушеннымъ, раззореннымъ, болѣе безнадежнымъ. И видъ этихъ построекъ безъ крышъ, этихъ погнувшихся и шатающихся стѣнъ, всей этой мертвой пустыни, этого хаоса послѣдовательнаго и постоянного разрушенія, произвелъ на Жюля глубокое и мучительное впечатлѣніе. Все это, погибшее уже навѣки, походило

на его сердце, было символомъ его собственной жизни. Онъ опять увидѣлъ яму, выкопанную отцомъ Панфиломъ и засыпанную почти до верху обрушившимся обваломъ. По близости зіяла другая яма, въ длину человѣческаго роста, узкая и глубокая, какъ могила. И онъ подумалъ, какъ хорошо бы лечь въ нее и погрузиться въ непробудный сонъ.

На краю ямы въ землю воткнуть былъ заступъ, грубый инструментъ, служившій монаху средствомъ достиженія его мечты. Жюль поднялъ его и осмотрѣлъ съ нѣжностью. Желѣзо было выщерблено, рукоятка искривлена, но ему этотъ заступъ казался болѣе славнымъ, чѣмъ мечъ побѣдителя: вѣдь онъ служилъ орудіемъ для осуществленія чистыхъ, идеальныхъ надеждъ. И долго еще бродилъ Жюль среди этого безконечнаго унынія, отдаваясь печальнымъ, раздражающимъ душу воспоминаніямъ. Все здѣсь говорило о смерти. Онъ видѣлъ ее притаившеюся подъ каждой грудой камней, въ каждой трещинѣ, выглядывающей изъ мрака оконныхъ рамъ, зіявшихъ, какъ пропасть. А на уплѣтѣвшихъ старыхъ стѣнахъ лишаи и мохъ нарисовали своими причудливыми штрихами ея страшный скелетъ. Чтобы избавиться отъ этого кошмара, онъ сталъ думать о бородатомъ лицѣ монаха, объ его глазахъ, грозно-прекрасныхъ при восклицаніи: „я построю ее“, и дѣтски наивныхъ при разсказѣ объ исторіи съ марсельезой.

— Марсельеза!—повторилъ про себя Жюль съ грустью.— Бѣдный старичекъ!

Онъ сожалѣлъ, что его нѣтъ здѣсь въ этотъ грустный моментъ. Сидя рядомъ, онъ раздѣлилъ бы съ нимъ его черствый хлѣбъ, слушалъ бы восторженные повѣствованія, и это облегчило бы его сердце. Старикъ навѣрно бродитъ гдѣ-нибудь по далекимъ дорогамъ, преслѣдуя свою мечту.

Съ тяжелой головой и пустымъ желудкомъ, чувствуя потребность въ отдыхѣ, Жюль присѣлъ на лежавшее бревно недалеко отъ павильона отца Панфила. Противъ него возвышалась куча, повидимому, недавно обваливашагося мусора, потому что куски кирпича, перемѣшаннаго съ известкой, имѣли свѣжій ярко-красный изломъ. Между ними, какъ длинныя занозы, торчали обломанные жерди и расщепленные доски. Жюль сначала не обратилъ вниманія на всѣ эти куски: они произвели на него то же грустное впечатлѣніе, какъ и все прочее, чѣмъ наполненъ былъ монастырскій дворъ. Но, не смотря на свои мысли о смерти, Жюль счелъ опаснымъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ, и рѣшилъ отойти подальше отъ этихъ построекъ. Вскорѣ онъ замѣтилъ торчавшій изъ мусора носокъ башмака. Онъ торчалъ въ воздухъ на концѣ чего-то круглаго, черного, разбухшаго, съ зеленоватыми пят-

нами. Вокругъ башмака летали мириады мухъ, наполнявшихъ своимъ звонкимъ жужжаніемъ уши аббата, какъ монотонный и продолжительный шумъ органа. И въ то же время до него донесся острый отвратительный смрадъ разложившагося тѣла человѣка или животнаго.

— Да вѣдь это отецъ Панфилъ!—воскликнулъ Жюль.

И, быстро вскочивъ, онъ закричалъ, точно кто-нибудь могъ его услышать въ этой мертвой пустынѣ.

— Помогите!.. Помогите!.. Сюда!.. Помогите!..

Голосъ его смолкъ въ полномъ уныніи. Никто не отозвался на его крикъ отчаянія, и вновь наступила тишина.

Успокоившись послѣ перваго впечатлѣнія ужаса, аббатъ понималъ, что помощь, къ которой онъ взывалъ, была совершенно бесполезна. Несчастье случилось, по крайней мѣрѣ, уже двѣ недѣли тому назадъ, въ тотъ день, когда никто не видѣлъ стараго монаха, и рѣшено было, что онъ ушелъ. А онъ былъ уже мертвъ, убитый ожившими на мгновеніе руинами.

Съ дрожью во всемъ тѣлѣ приблизился Жюль къ мусорной кучѣ, не спуская глазъ съ башмака; мухи зажуужжали сильнѣе, а неподвижность ноги охватила сердце Жюля непреодолимымъ страхомъ. Да, это дѣйствительно былъ отецъ Панфилъ!..

Въ разщелинахъ обломковъ Жюль увидѣлъ полы бѣлой рясы съ черными пятнами запекшейся крови.

— Видно Богъ привелъ меня сюда,—подумалъ аббатъ.— И другой, конечно, могъ бы найти его... Понаѣхали бы судейскіе, духовенство, эти грабители покойниковъ... Будь покоенъ, бѣдный, старый остовъ!—продолжалъ онъ громко:—Никто не нарушить твоего покоя въ любимыхъ тобою мѣстахъ... Ты будешь спать въ своихъ грезахъ, кроткій мечтатель; ты будешь спать въ своей капеллѣ: не удалось тебѣ видѣть ее во всемъ великолѣпіи, но все же въ ней ты обрѣлъ свою могилу... И никто ничего о тебѣ не узнаетъ, святой трупъ, никогда, никогда.

Онъ рѣшительно засучилъ рукава, склонился надъ обломками и принялся ихъ разрывать. Мухи кружились вокругъ него; зловоніе съ каждой минутой становилось удушливѣе. Но аббатъ не замѣчалъ больше мухъ съ ихъ смертельными укусами, не чувствовалъ больше смрада. Ни на минуту не останавливалъ онъ своей страшной работы. Онъ то отрывалъ куски содранной кожи, приставшей къ обломкамъ балокъ и кирпича, то вытаскивалъ куски окровавленной ткани, пучки бороды, размоочаленные, раздавленные мускулы. Наконецъ, показалось то, что было отцомъ Панфиломъ. Останки были ужасны, нельзя было узнать ни одной части тѣла. Трупъ

представлялъ кучу костей, мяса, обрывковъ платья, смѣшанную съ кровавой, липкой грязью, кипѣвшей миллионами движущихся червей, придававшихъ ей чудовищную жизнь. На раздавленномъ лицѣ, между лбомъ и скулой какъ-то уцѣлѣла круглая глазная впадина, откуда, какъ гнойная слеза, выкатилось глазное яблоко.

При видѣ ужасной картины, Жюль, обливаясь потомъ, остановился въ нерѣшительности. Сто метровъ отдѣляли его отъ ямы вблизи церкви, гдѣ онъ хотѣлъ похоронить отца Панфила. Онъ не могъ своими руками перенести эти мокрые, раздавленные останки; его мужества не хватило на то, чтобы прижать къ груди эти отвратительные куски человѣка. Онъ сталъ искать кругомъ тачки, корзинки, чего-нибудь, что могло бы ему перетащить трупъ въ яму. Не найдя ничего, онъ снялъ съ себя поясъ, опуталъ имъ тѣло монаха, какъ мумію, и принялся тихонько тащить его, старательно избѣгая сильныхъ толчковъ о неровности почвы. Мухи преслѣдовали его своимъ гулкимъ жужжаньемъ, а башмакъ на торчавшей, какъ палка, ногѣ вздрагивалъ при движеніи.

Церемонія продолжалась недолго. Жюль спустил тѣло въ яму и засыпалъ его землей, вровень съ краями.

— Ты вполне заслужилъ отъ меня этой дани, кроткій слуга небесныхъ свѣтилъ, наивный мечтатель!—сказалъ онъ, когда все было кончено.—Спи и мечтай!.. нынѣ грезамъ твоимъ не будетъ конца... никто тебя не разбудить... Ты счастливъ.

Онъ взялъ заступъ и воткнулъ его надъ могилой, рукояткой въ землю. На желѣзо, въ видѣ креста, онъ надѣлъ терновый вѣнокъ и почти безъ силъ опустился на землю.

Но внезапное возмущеніе вскорѣ заставило его вскочить на ноги, со сжатыми губами и съ гнѣвомъ въ глазахъ. И глядя то на четырехугольникъ свѣжей земли, гдѣ былъ зарытъ отецъ Панфилъ, то на мѣсто, гдѣ стояла церковь, поросшее сорной травой и покрытое пылью, онъ думалъ:

— Такъ это идеаль?... Любовь... жертвы... страданіе... Боже... все, къ чему мы протягиваемъ наши руки, все, къ чему стремятся наши души, все кончается здѣсь!.. Комокъ пыли, грязи и соръ! И для этого-то мы совершаемъ низости, лишаемъ жизнь правды и превращаемъ ее въ одну ненависть и бессмысленную борьбу, отдаемъ въ жертву кровожадной мечтѣ и ненасытной любви! Этотъ жалкій монахъ тоже мечталъ, онъ также любилъ... Любовь и мечта, сначала уничтоживъ его, уничтожили его, подвергнувъ самому страшному позору, и гнусно убили его... Вотъ онъ теперь!.. Вонючій трупъ въ кучѣ грязи!.. На какомъ же это безобразіи природы покоится эта великая ложь нашей религіи и обще-

ства?.. Изъ какого заблужденія народились эти два нравственныхъ чудовища: судья, желающій предписывать природѣ несуществующую справедливость, отвергаемую неумолимыми инстинктами; священникъ, вызывающій какое-то ненужное сожалѣнiе передъ вѣчнымъ закономъ смерти... Природа не мечта, она — жизнь. А жизнь не любовь, а захватъ... Идеалъ!.. Идеалъ!.. Тѣ толстыя свиньи, которыхъ я вчера обругалъ, были правы!.. Я же ошибался.

Аббатъ пожалъ плечами.

— Идеалъ! — повторилъ онъ громко. — Подожди, подожди!.. Я покажу тебѣ идеалъ!

Онъ поправилъ рукава, встряхнулъ рясу и, насвистывая какую-то неприличную пѣсню, ушелъ, не взглянувъ даже на то мѣсто, гдѣ только что, съ такимъ благоговѣнiемъ похоронилъ отца Панфила.

Жюль ни за что не хотѣлъ возвращаться въ городъ раньше вечера. Ему казалось, что всѣ знали о происшедшемъ наканунѣ скандалѣ, и говорятъ о немъ. Ему не хотѣлось быть предметомъ любопытства и сплетенъ, которыя не замедлили бы подняться при его появленiи на улицѣ. Съ нетерпѣнiемъ ожидая наступленiя вечера, онъ сталъ бродить по окрестнымъ дорогамъ, спустился къ рѣкѣ и безсознательно, немного одурманенный пережитымъ днемъ, долго просидѣлъ подъ ивой, устремивъ глаза на вертящееся мельничное колесо. Голодъ, неувѣренность, страхъ передъ темнымъ будущимъ низвели его мысли съ философскихъ высотъ на низменные предметы. Прежде всего онъ отложилъ на завтра свой отъѣздъ, такъ поспѣшно назначенный на этотъ вечеръ. Что бы ни произошло для него впослѣдствiи, онъ не могъ покинуть епархiю, не простившись съ епископомъ, не выразивъ сожалѣнiя, раскаянiя... Но куда же онъ уѣдетъ? Предположивъ даже, что его вина можетъ быть забыта когда-нибудь, онъ предвидѣлъ все же рядъ длинныхъ мѣсяцевъ, а можетъ быть и лѣтъ эпитимьи, внѣ всякихъ должностей. Болѣе того, онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ возможной ссылки въ какой-нибудь викаріатъ въ маленькой деревушкѣ. Слово викаріатъ напомнило ему о старшемъ викаріи, и ненависть всколыхнулась въ его сердцѣ.

— Виновать во всемъ этотъ негодяй! — сказалъ онъ себѣ. — Онъ меня разозлилъ... потомъ я вышелъ изъ себя. Негодай!.. негодяй!..

Въ эту минуту онъ больше не сердился ни на общество, ни на свою религію, ни на идеалъ ея, ни на кого. Онъ ненавидѣлъ только старшаго викарія, виновника своего несчастья. Онъ сталъ мечтать объ жестокой, утонченной мести.

Самыя разнообразныя, противоположенныя мысли возни-

кали и сталкивались въ его головѣ, то возбуждая, то угнетая его умъ. Онъ думалъ о своихъ проповѣдяхъ на праздникъ Пресвятой Дѣвы, о лестномъ приѣмѣ, оказанномъ ему въ обществѣ. Онъ вспомнилъ о восторженной толпѣ, очарованной его словомъ. И вдругъ передъ нимъ всталъ, полный недоумѣнія, вопросъ: „Если не въ Віантѣ, то куда же?.. У меня нигдѣ нѣтъ друзей!“ Почувствовавъ себя одинокимъ, сердце его, переполненное грустью, болѣзненно сжалось... Мысли его снова вернулись къ старшему викарію.

— Негодай! о! меракій негодай!—выругался онъ и со вздохомъ прибавилъ:—Ахъ, этотъ бѣдный дуралей епископъ... ну пусть онъ будетъ счастливъ съ своимъ грязнымъ негодеємъ!.. Но какъ странно, что я ничего не могу ни сказать, ни сдѣлать безъ того, чтобы изъ этого не вышло катастрофы?—прибавилъ онъ почти довольнымъ тономъ.—Между тѣмъ, это вѣрно... я дую въ дудку, а всѣмъ слышатся іерихонскія трубы!.. Стоитъ мнѣ плюнуть вотъ въ эту рѣчку, и я увѣренъ, она выйдетъ изъ береговъ.

Съ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ, видѣлась между тополями въ долинѣ часть города, съ возвышающимися другъ надъ другомъ домами, съ голубоватыми пятнами тѣней и свѣта и поднимающимися кверху розовыми облаками дыма. Надъ городомъ нависъ уже легкій вечерній туманъ. Жюль искалъ взоромъ епископскій дворецъ и свой балконъ, гдѣ онъ не будетъ больше бродить въ сумеркахъ. Его закрывала группа ольховыхъ деревьевъ. Но колокольня собора возвышалась надъ всѣмъ городомъ, и на фонѣ свѣтло-синихъ небесъ вырисовывалась ея четырехугольная темная масса. Видъ этихъ мѣстъ, откуда онъ долженъ теперь уйти, изгнанный, какъ дурной слуга, умилилъ и возмутилъ его въ одно и то же время. То плача, то бранясь, онъ двинулся въ путь.

— Віантѣ!.. Віантѣ!—думалъ онъ...—Я тамъ издохну со скуки!.. это невозможно!.. Но куда же?..

Пока онъ поднимался къ городу, день погасъ, и наступила ночь. Избѣгая людныхъ и освѣщенныхъ улицъ, онъ углубился въ кривые переулки грязнаго предмѣстья: черныя стѣны неожиданно обрывались углами; по узкой мостовой тянулись грязные ручьи съ отбросами и отраженіемъ рѣдкихъ фонарей. Подвигаясь впередъ, Жюль приходилъ все въ большее и большее волненіе, не зная, идти ли ему домой или бѣжать.

— Повидать епископа?..—думалъ онъ.—Опять пойдетъ канитель!

Послышались тяжелые шаги рабочихъ; женщины задѣвали его своими юбками. Мало по малу стѣны освѣщались лучами огня изъ оконъ. Вдругъ, вальво отъ него, надъ полуоткры-

той дверью зажгли фонарь, съ изображеніемъ на потускнѣвшихъ стеклахъ огромной цифры 8. Въ тѣни двери онъ увидѣлъ толстую, растрепанную женщину въ бѣлой кофтѣ. Онъ замедлилъ шаги.

— Не зайти-ли?..—подумалъ онъ.—Не провести ли здѣсь ночь?.. А завтра днемъ, на глазахъ у всѣхъ, я выйду изъ этого грязнаго вертепа... Я сразу, однимъ ударомъ вырою пропасть между моею жизнью, вчерашней и завтрашней... Если...

Звукъ „пс-сты!“ раздавшійся изъ двери, стегнулъ его, какъ кнутомъ. Онъ вздрогнулъ и, согнувшись, прошелъ мимо.

— Монсиньоръ сегодня цѣлый день спрашивалъ объ г. аббатѣ,—съ достоинствомъ сказалъ швейцаръ, когда Жюль появился во дворѣ епархіи.—Монсиньоръ ждетъ г. аббата въ своемъ кабинетѣ... Мнѣ поручено передать г. аббату...!

— Хорошо,—прервалъ его Жюль кратко.

Онъ прошелъ къ себѣ въ комнату, вымылъ лицо холодной водой, переодѣнулъ рясу и предсталъ передъ епископомъ. Тотъ его, дѣйствительно, ждалъ.

— Я боялся, чтобъ вы не уѣхали,—сказалъ онъ и, указывая на стулъ, прибавилъ:—Садитесь, г. аббатъ.

Въ старомъ прелатѣ не замѣчалось ни торжественности, ни гнѣва. Скорѣе онъ казался смущеннымъ. Повернувшись нѣсколько разъ на своемъ креслѣ, онъ, наконецъ, коротко произнесъ:

— Г. аббатъ... я не желаю скандаловъ въ моей епархіи... я не хочу ихъ... и мнѣ обѣщано, что ихъ не будетъ... мнѣ обѣщали это формально... Съ вашей стороны...—Онъ скрестилъ руки, облокотившись на ручки кресла и, покачавъ головой, продолжалъ:—Вы, конечно, ни къ чему не обязываетесь, но послѣ извѣстнаго происшествія вы не можете больше оставаться здѣсь...

— Монсиньоръ!—пробормоталъ Жюль, глубоко взволнованный,—то была минута безумія... минута...

Онъ искалъ словъ и не находилъ ихъ. Передъ этимъ бѣднымъ старымъ простякомъ, неспособнымъ защищаться, такъ много разъ и такъ недостойно имъ оскорбляемымъ, Жюль испытывалъ теперь неопредѣленное чувство страха, острыхъ укоровъ совѣсти, и гнетущей жалости. Епископъ напоминалъ ему маленькую птичку, прилетѣвшую къ нему и доврчиво усѣвшуюся къ нему на плечо. А онъ ваялъ ее въ руки и мгновенно задушилъ...

— У насъ есть свободный приходъ,—съ усиліемъ продолжалъ старикъ,—приходъ Рандоне... Это хорошее мѣсто... Я думаю предложить его вамъ, потому что не хочу скандала. Встрѣтятся, быть можетъ, нѣкоторыя затрудненія, но я все улажу... Возвращайтесь къ своей матушкѣ... я ей писалъ, что

вамъ необходимо отдохнуть... Она васъ ждетъ... Сдѣлайте свое возвращеніе пріятнымъ, мирнымъ... и молитесь, молитесь много, г. аббатъ... молитесь безконечно.

Жюль едва не лишился чувствъ отъ волненія. Онъ желалъ бы выразить ощущенія чего-то безконечно любовнаго и жестокаго въ одно и то же время, но не могъ. Что-то незнакомое парализовало его мозгъ, его сердце, языкъ и, отупѣвъ совершенно, онъ продолжалъ бормотать:

— Монсиньоръ!.. То была минута безумія... минута... минута... безумія...

— Я тоже буду молиться за васъ, г. аббатъ,—сказалъ епископъ измѣнившимся голосомъ и поднимаясь съ кресла,—до свиданія!.. Идите къ себѣ... Я прикажу подать вамъ обѣдъ въ вашу комнату.

Ночью, лежа въ постели съ открытыми глазами, Жюль думалъ объ отцѣ Панфилѣ и объ епископѣ.

— Что это—святые или дураки? Какъ могутъ существовать такіе люди? На меня это наводитъ страхъ...

Два мѣсяца спустя Жюль былъ назначенъ священникомъ въ Рандоне.

Онъ пріѣхалъ въ субботу утромъ, въ скверную погоду. Ему пришлось тотчасъ-же похоронить мѣстнаго нотариуса. Церемонія была пышная и многолюдная. Это развлекло нѣсколько новаго кюрэ. Размахивая кадильницей вокругъ катафалка, онъ думалъ:

— Начало хорошо... Только бы дальше не было хуже!..

Церковь показалась ему жалкой, грустной и мрачной, съ ея низкими сдвоенными куполомъ, съ толстыми балками, подпиравшими некрасивыя арки.

— Настоящая пещера!—думалъ онъ.

Онъ оглядѣлъ патеровъ сосѣднихъ приходовъ, собравшихся на церемонію, также разсматривавшихъ его потихоньку, украдкой изъ-за своихъ молитвенниковъ. И, сдерживая гримасу, и покрывая покойника облаками ладона, онъ думалъ:

— И это съ ними мнѣ суждено жить!.. Это, должно быть, весело!.. Гдѣ это я видѣлъ въ эти противныя рожи?

Одинъ съ сильно напосаженными волосами и съ жирной, розовой фізіономіей показался ему особенно знакомымъ.

— Ну, конечно!.. — воскликнулъ онъ про себя.—Это каналья изъ семинаріи!

На кладбищѣ, во время чтенія заупокойныхъ молитвъ, онъ замѣтилъ возлѣ могилы вязку соломы.

— Что это такое? — спросилъ онъ вдругъ, прервавъ чтеніе толстаго, угреватаго пѣвчаго, съ пьянымъ лицомъ, стоявшаго позади него.

— Солома, г. кюрэ,—отвѣтилъ тотъ басомъ.

— Я это самъ вижу... Но для чего эта солома?

— Это считается признакомъ почтенія къ родственникамъ усопшаго... Солому кладутъ на гробъ для того, чтобы смягчить звукъ падающей на крышку земли.

— Уберите ее! — приказалъ Жюль. — Я не хочу видѣть здѣсь этой соломы...

— Но это дѣлаютъ всѣ, г. кюрэ... Таковъ обычай.

— Его надо измѣнить... Уберите эту солому, говорю вамъ... А вамъ совѣтую на будущее время отнынѣ напиваться послѣ службы.

И онъ снова принялся за службу, не обращая вниманія на шушуканье и ропотъ, поднявшіеся въ толгѣ.

На другой день, во время первой своей обѣдни, взоидя на кафедру, онъ такъ объяснился со своими прихожанами:

— Братья мои! Явившись вчера среди васъ, я съ грустью убѣдился, что вы имѣете прискорбные обычаи... Я прошу васъ, а въ случаѣ необходимости, и приказываю, отказаться отъ нихъ, такъ какъ, предупреждаю васъ, я не намѣренъ ихъ терпѣть. Что значитъ эта солома на гробу? Смерть — священное таинство, и я требую уваженія къ ней предпочтительно передъ всѣми прочими таинствами... А это развѣ уваженіе, когда вы кидаете ей позорную подстилку, какъ вашимъ скотамъ? Мнѣ сказали, что это дѣлается изъ вниманія къ живымъ, чтобы избавить ихъ отъ звуковъ удара земли, падающей на голыя доски гроба! Трусливыя сердца, не умѣющія даже плакать и отталкивающія ниспосланныя Богомъ страданія!.. Такъ вотъ я хочу, чтобы имѣли уваженіе къ усопшимъ. Я хочу, чтобы посторонній, случайно явившись на похороны въ моемъ приходѣ, не могъ сказать, при видѣ принесенной соломы: „Какую это свинью собрались палить?“

И, осѣнивъ себя широкимъ крестомъ и пробормотавъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь! — Жюль началъ очередную проповѣдь на евангельскій текстъ текущаго дня.

Долго въ Рандоне говорили объ этомъ ораторскомъ дебютѣ новаго кюрэ, оставившемъ глубокое впечатлѣніе въ душахъ вѣрующихъ.

Приходскій домъ стоялъ въ концѣ городка. Огражденный отъ любопытства сосѣдей густой аллеей грабовъ и высокими соснами, онъ выходилъ въ открытое далекое поле. Жюлю нравился домъ своимъ уединеніемъ и тишиной. Онъ имѣлъ чистый и веселый видъ, заново оштукатуренный, съ зелеными ставнями и небольшимъ крыльцомъ съ двойной лѣстницей, фантастически украшенной спутанными глициніями.

Крыльцо спускалось въ обширный садъ, изрѣзанный извилистыми аллеями, сходящимися на одной круглой площадкѣ, гдѣ посрединѣ, подъ тѣнью лавра, возвышалась статуя Мадонны. Къ саду примыкалъ питомникъ, усаженный яблонями. Въ домѣ было все, чтобы сдѣлать пребываніе въ немъ пріятнымъ. Ничто не было забыто: ни пристройки, ни птичника, прекрасно приспособленнаго для разведенія птицъ и кроликовъ. Жюлю не приходилось также терпѣть отъ близкаго сосѣдства своего викарія, часто весьма стѣснительнаго. Викарій жилъ на другомъ концѣ городка, въ маленькомъ домикѣ, очень скромно и показывался только въ часы трапезъ.

Между тѣмъ, покончивъ съ визитами, Жюль сталъ чувствовать скуку. Вездѣ, гдѣ онъ побывалъ, его встрѣтилъ очень холодный пріемъ. Онъ приписывалъ его своему несчастному приключенію въ епархіи, не допуская, чтобы его первой проповѣди было достаточно, чтобы вызвать такое отношеніе къ нему со стороны прихожанъ. Впрочемъ, онъ не смущался.

— Они у себя, а я у себя. Мнѣ такъ больше нравится.

И онъ удовлетворился такимъ рѣшеніемъ.

Но Жюль далеко не успокоился въ своемъ тихомъ убожищѣ, куда не долеталъ никакой шумъ. Напротивъ, нервы его еще больше разстроились, и къ нравственнымъ страданіямъ присоединились еще страданія физическія. Онъ вовсе не спалъ; раздраженіе во всѣхъ членахъ тѣла выбрасывало его изъ кровати, и онъ ночи напролетъ ходилъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, съ сердцемъ, переполненнымъ ему самому непонятной черной тоской. Это очень тревожило его мать.

Г-жа Дервель пріѣхала въ Рандоне, чтобы устроить своего сына. Она вложила въ это устройство всю свою опытность хозяйки дома, расчетливой и деликатной, заботливости до мельчайшихъ подробностей и нѣжную материнскую любовь. Она сама отыскала кухарку, не очень молодую, но и не очень старую, и садовника для всѣхъ прочихъ обязанностей. Она опредѣлила ежедневные расходы и дала людямъ и вещамъ должное назначеніе.

Однажды вечеромъ, послѣ обѣда, когда все было убрано, г-жа Дервель сидѣла за столомъ и вязала. Жюль съ озабоченнымъ видомъ о чемъ-то думалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ викарій ушелъ, они не обмѣнялись ни однимъ словомъ.

— Ну, дитя мое?

— Что такое?

— О чемъ ты думаешь?

— Ни о чемъ.

— Будешь ли ты теперь благоразумнѣе, спокойнѣе?

— Да, мама.

И Жюль принялся ходить по комнатѣ, нервно, лихорадочно переставляя на пути стулья.

— Ты говоришь *да* такимъ тономъ, что я далеко въ этомъ не увѣрена, мой бѣдный Жюль, — сказала г-жа Дервель, вздохнувъ. — Да я и вижу, что ты вѣчно волнуешься, озабоченъ... Тебѣ слова нельзя сказать безъ того, чтобъ ты не вспыхнулъ!.. Ты страдаешь?

— Нѣтъ!

— Тогда что же съ тобой?

— Да ничего со мной! — Но вдругъ, остановившись, онъ воскликнулъ: — Ну, правда! Какъ ты хочешь, чтобъ я себя чувствовалъ хорошо въ этой забытой сторонѣ, среди всѣхъ этихъ дураковъ? Развѣ это положеніе для меня?.. Ну, скажи откровенно, развѣ это положеніе для меня?

Г-жа Дервель съ удивленіемъ опустила на колѣни свое вязаніе.

— Какъ! да вѣдь у тебя чудный приходъ, великолѣпный домъ... Ты можешь быть здѣсь счастливѣйшимъ изъ людей... Чего-жъ тебѣ еще надо, великій Боже!

Жюль снова заходилъ по комнатѣ, стуча ногами.

— Чего мнѣ надо?.. И самъ не знаю?.. Другого, вотъ и все... Я чувствую, что во мнѣ есть что-то... что-то, что возмущается, душитъ меня и не можетъ найти себѣ выхода въ безсмысленномъ существованіи деревенскаго священника, на что я обреченъ на вѣки вѣчные... Наконецъ, у меня есть мозгъ, есть сердце... есть мысли, стремленія, ожидающія только крыльевъ, чтобъ улетѣть далеко... далеко... Хочу бороться, проповѣдывать, покорять дѣвственные народы христіанству... Не знаю еще чего... Но деревенскій священникъ!..

Онъ глубоко вздохнулъ и гнѣвно заговорилъ снова:

— Деревенскій куръ или пастухъ гусей у большой дороги — одно и то же!.. Помнишь толстаго аббата Жибори?

— Это тотъ смѣшной? — сказала моя бабушка, желая внести немного веселья въ душу своего сына. — Помню ли я его?.. Онъ такъ насъ смѣшилъ когда-то.

— Такъ смѣшилъ! — подхватилъ Жюль, раздражаясь еще больше... — Вотъ именно... Толстая свинья, рассказывавшая только однѣ грязныя исторіи!.. Если твой идеалъ, чтобы пастеры барахтались въ своихъ собственныхъ нечистотахъ, — такъ успокойся: черезъ нѣсколько лѣтъ я буду такой же, какъ аббатъ Жибори... буду продѣлывать тѣ же мерзости...

— Полно, полно, успокойся, мое дитя! — взмолилась мать. — Имѣй хоть немного терпѣнія, немного мужества, и ты будешь тѣмъ, чѣмъ захочешь... Епископъ сказалъ вѣрно... что голова твоя тебя губить...

— Епископъ?.. Ну, что знаетъ епископъ?.. и зачѣмъ онъ прислалъ меня сюда?.. Прежде всего ты виновата въ томъ, что я священникъ!

Бѣдная женщина вадрогнула на своемъ стулѣ и сдѣлала протестующій жестъ.

— Я виновата!—прошептала она. — О, Боже!.. что ты говоришь?.. Но вспомни... вспомни самъ...

— Да, ты виновата... ты...—повторялъ онъ, все болѣе раздражаясь. — Мнѣ опротивѣло, наконецъ, мое священство; довольно съ меня этого смѣхотворнаго одѣянія, довольно продолжать всѣ эти кривлянія, еще болѣе дикія, чѣмъ платье, жить какимъ-то рабомъ, кастратомъ...

Голосъ его сталъ глухимъ, мрачнымъ. Слова выходили съ страшнымъ усиленіемъ изъ горла.

— Я хотѣлъ бы... хотѣлъ бы быть Петромъ Пустынникомъ... Юліемъ II... Робеспьеромъ... Боссюэтомъ... Наполеономъ... Ламартиномъ... Я хотѣлъ бы жениться!

Бѣдная бабушка громко вскрикнула. И не въ силахъ удержаться отъ слезъ, все время душившихъ ее, она зарыдала.

— Боже мой!.. Боже мой!.. что за нечистая сила сидитъ въ тебѣ!

— Ну... ты плачешь—я уйду... До свиданія!—сказалъ Жюль жестоко.

И онъ вышелъ, громко хлопнувъ дверь.

Послѣ отъѣзда матери, домъ показался ему совершенно опустѣвшимъ. Онъ привыкъ видѣть ее возлѣ себя, кроткую, предупредительную, дѣятельную. Она вносила въ его домъ чистоту своей жизни, мирную тишину своей души. Бывали минуты, когда онъ чувствовалъ себя лучше, глядя на большой чепецъ, бѣлый, какъ крылья ангела-хранителя, и на маленькій черный платокъ на плечахъ, скромно и трогательно скрывавшій столько геройскаго мужества и доброты. А теперь, съ тѣхъ поръ, какъ ея нѣтъ, все какъ-то застыло въ своей холодной неподвижности: все тотъ же садъ, тотъ же горизонтъ и неизмѣнный викарій, съ свѣтлыми волосами и рябымъ лицомъ, улыбающійся и безгласный.

Когда онъ остался одинъ съ своимъ викаріемъ, раздражавшимъ его своею безгласностью, и чувствовалъ, что разговоръ съ нимъ еще болѣе разозлилъ бы его, тяжесть одиночества стала такъ невыносима, что онъ понялъ, что больше не въ состояніи терпѣть его. Тѣмъ не менѣе, онъ еще тщательнѣе отдалился отъ всѣхъ, рѣшивъ никого не видѣть и ограничить свои сношенія съ сослуживцами только самыми неизбежными случаями. Онъ никого не приглашалъ къ своему столу, отклонялъ всѣ приглашенія, что приводило въ от-

чаяніе викарія, привыкшаго къ веселымъ братскимъ трапезамъ, гдѣ онъ никогда не произносилъ ни слова, но молчаливо и жадно всетаки воспринималъ удовольствія. Что касается совѣщаній, то онъ никогда на нихъ не бывалъ и пренебрежительно извинялся въ томъ, что не можетъ ихъ устраивать у себя. Одинъ разъ, когда старшій священникъ упрекнулъ его въ этомъ, Жюль отвѣтилъ:

— Я вношу свою часть и оставляю вамъ свой обѣдъ. Чего же вы еще хотите? Ни вкусъ мой, ни желудокъ не выносятъ этихъ маленькихъ каноническихъ оргій... Когда я хочу сдѣлать какую-нибудь мерзость, я дѣлаю ее въ одиночествѣ, спрятавшись отъ другихъ.

Въ сущности, самое главное заключалось въ томъ, что онъ вносилъ свою долю расходовъ, и на одномъ изъ обѣдовъ рѣшено было оставить его въ покоѣ.

— Онъ черезчуръ любезенъ!

— Грубіянь!

Какимъ онъ былъ въ епархіи, такимъ и остался въ своемъ приходѣ, не замедливъ разстроить его сверху до низу. Чтобы разсѣять скуку, онъ смѣнилъ пѣвчихъ, церковнаго сторожа, швейцара, пономаря. Онъ обновилъ весь личный составъ церкви до пѣвчихъ включительно и вступилъ въ открытую смертельную борьбу съ мѣромъ и городскимъ управленіемъ. Вскорѣ, изъ ненависти къ священнику, сталъ духъ невѣрія распространяться надъ этимъ, нѣкогда спокойнымъ и покорнымъ уголкомъ земли, и появились,—чего никто доселѣ не видѣлъ,—гражданскія похороны. Въ воскресенье, въ часы службы, церковь оставалась почти пустой, нѣсколько упорныхъ богомолковъ не шли въ счетъ и составляли скорѣе принадлежность церковной обстановки. Дѣло дошло до такого остраго возбужденія, что мэръ и кюрэ, встрѣтившись какъ-то утромъ за кладбищемъ, на дорогѣ, затѣяли ссору и подрались, какъ чернорабочіе. Въ анонимномъ доносѣ, посланномъ епископу, говорилось, между прочимъ, слѣдующее:

„Наконецъ, съ водвореніемъ кюрэ Дервеля, число кабаковъ, не превышавшее ранѣе восемнадцати на тысячу пятьсотъ три жителя, увеличилось теперь въ скандальной пропорціи. Ихъ теперь сорокъ шесть. Признакъ нравственной гибели прихода.“

Эти развлечения, однако, не наполняли всѣхъ дней Жюля. Продолжая раздражать своихъ прихожанъ безсмысленными притѣсненіями, онъ съ увлеченіемъ предавался еще выполненію всевозможныхъ мимолетныхъ фантазій и капризовъ, смѣнявшихся другими, столь же непостоянными.

Въ то же время онъ то занимался разведеніемъ тюльпа-

новъ, то изучалъ англійскій языкъ, то воспитывалъ фазановъ или составлялъ коллекціи минераловъ. Онъ еще началъ религіозно-философское сочиненіе, предназначенное возродить міръ подъ заглавіемъ: *Съмена жизни*. Въ немъ туманно и символически онъ заставлялъ говорить новыхъ спасителей—атеистовъ и язычниковъ, среди фантастической обстановки. Съ горящей головой, съ размахистыми жестами онъ излагалъ свои мысли, описывалъ грандіозную декорацію и вдругъ произносилъ:

— Вокругъ — широкіе порталы!.. Спаситель идетъ черезъ толпу... Къ нему подходитъ отвратительная слѣпая женщина, съ ногами въ видѣ когтей. „Кто—ты“?—Я человѣческая справедливость.—Спаситель отталкиваетъ ее и говоритъ: „Ты не будешь судить!“ Подходитъ другая, улыбающаяся, съ тѣломъ и взглядомъ ребенка. „Ты кто?“—Я—безуміе!—И Спаситель цѣлуетъ ее: „Иди, дочь моя, и будь добра, какъ мать!...“

Трудность изложенія остановила его уже на второй главѣ, и онъ отдался полемикѣ съ книгой: *Составъ духовенства или реформа религіознаго образованія*.—Написавъ нѣсколько страницъ, не имѣя подъ рукой никакихъ документовъ, онъ снова почувствовалъ влеченіе къ своей библіотекѣ. Послѣ литературы онъ бросился въ спиритизмъ. Вечеромъ, въ обществѣ молчаливаго и смущеннаго викарія и удивленнаго и полусоннаго садовника, онъ усаживался за маленькій, круглый столикъ и до полуночи вызывалъ Соломона, Калигулу, Изабеллу Баварскую, страшнаго царя Нинивіи, Суламииѣ и Марію Антуанету. Наконецъ, спустившись съ волшебныхъ высотъ, онъ приковалъ свое вниманіе къ кухнѣ. Тамъ онъ наблюдалъ за кушаньями, пробовалъ соуса, выдумывалъ сложныя блюда, ѣлъ съ ненасытнымъ обжорствомъ, что страшно разстраивало его здоровье, вызывало страданіе и истощеніе.

Десять лѣтъ прожилъ онъ въ такомъ смятеніи и безпокойствѣ, ни на минуту не давая отдыха ни себѣ, ни другимъ. Онъ вѣчно жилъ между самыми грубыми желаніями и самыми недостижимыми мечтами; то поднимался на крыльяхъ къ недоступнымъ высотамъ, то падалъ въ грязную лужу, гдѣ валялись свиньи. Этотъ періодъ его жизни былъ сплошнымъ мученіемъ, и я до сихъ поръ удивляюсь, какъ онъ не избавился отъ него самоубійствомъ. Онъ говорилъ своей матери и часто самому себѣ:

— Я чувствую въ себѣ что-то, что душитъ меня и отъ чего я не могу избавиться.

Иногда я задавалъ себѣ вопросъ: какимъ человѣкомъ былъ бы мой дядя, если бы кипѣвшая въ немъ лава мыслей и страстей, пожиравшая все его существо, нашла бы выходъ въ экспансивности его натуры! Быть можетъ, онъ былъ бы

великимъ святымъ, или великимъ артистомъ, или страшнымъ преступникомъ!

Не поддаваясь силѣ привычекъ, его натура съ каждымъ днемъ раздражалась все больше и больше. Гнѣвъ его принялъ форму настоящего бѣшенства. Страшно было смотрѣть на этого человѣка, прежде такого краснорѣчиваго, теперь не имѣвшаго силы докончить начатую фразу и изрыгавшаго грубыя слова, быстро переходившія въ эпилептическій припадокъ. Свое мнѣніе о людяхъ онъ выражалъ какимъ-то шипѣніемъ, похожимъ на клокотаніе:

— Глу...упцы!

Когда съ нимъ заговаривали о священникахъ, глаза его наливались кровью и, казалось, готовы были выскочить изъ орбитъ.

— Дур-р-раки!.. дур-р-раки!

Онъ не слѣдилъ за собой и былъ отвратительно грязенъ. Его встрѣчали въ отрепанныхъ и грязныхъ рясахъ, съ развязанными волочащимися по землѣ шнурками башмаковъ, съ небритымъ по недѣлямъ подбородкомъ. Никто не раскланивался съ нимъ при встрѣчѣ, а маленькія дѣти разбѣгались въ разныя стороны съ криками ужаса.

Иногда можно было видѣть, какъ онъ шагаль по полямъ, размахиваль руками, точно летѣлъ. Въ это время онъ опять размышлялъ надъ брошенной темой *Съмянъ жизни*.

„Здѣсь и тамъ океаны... Надъ ними небеса... И Спаситель между неподвижными волнами небесъ и бушующими валами моря... Онъ скажетъ вселенной: „Ты заглушишь всѣ хоры, гдѣ поетъ душа поэта“. Онъ скажетъ Безконечности: „Ты будешь отражаться въ очахъ женщинъ, безумцевъ, бѣдныхъ и новорожденныхъ“.

Это умственное разстройство и нравственная путаница усилились еще тифомъ, едва не унесшимъ его въ могилу. Мой отецъ бросилъ своихъ пациентовъ и сталъ ухаживать за больнымъ Жюлемъ съ удивительной преданностью. Онъ въ послѣдствіи рассказывалъ мнѣ объ его болѣзни со всѣми подробностями. Бредъ аббата имѣлъ неприличныя эротическій характеръ, такъ что сестра милосердія, ходившая за нимъ, должна была уѣхать. Во время припадковъ онъ произносилъ ужасныя слова и метался до того, что его приходилось связывать. Выздоровленіе шло медленно, благодаря раздражительному характеру больного, не перестававшаго бранить моего отца.

— Дур-р-раки!.. Пошелъ прочь!.. Это ты вызываешь во мнѣ лихорадку!.. Развѣ ты что-нибудь знаешь?.. Дур-р-ракъ!

Онъ всталъ только къ похоронамъ бѣдной бабушки.

Разъ утромъ ее нашли мертвой, въ постели, отъ аневризма. Жюль искренно плакалъ.

— Ее убило горе!..—вскричалъ онъ.—Я негодяй... Ее, такую добрую, святую, небесную... я убилъ!

Вмѣстѣ съ моими отцомъ и матерью онъ не смыкалъ глазъ надъ усопшей и самъ хотѣлъ хоронить ее.

— Ты еще слабъ,—сказалъ отецъ.—Отдохни, тебѣ будетъ хуже.

— Нѣтъ!.. нѣтъ!..—повторялъ Жюль. — Я ее убилъ... Я... Зачѣмъ ты вылъчилъ меня?.. И зачѣмъ, зачѣмъ она умерла?..

На кладбищѣ, когда могила была засыпана, а присутствующіе продолжали еще бросать на нее послѣднія горсти земли, Жюль опустился на колѣни и, бія себя въ грудь иступленными ударами, вскричалъ:

— Слушайте всѣ! Я убилъ ее... Прости меня!.. Прости!

Его унесли въ обморокъ. Вечеромъ того же дня онъ ни за что не хотѣлъ говорить о завѣщаніи, по которому бабушка все свое состояніе раздѣлила между своими двумя сыновьями.

— Не говорите мнѣ объ этомъ! Не надо мнѣ денегъ!.. Я все раздамъ бѣднымъ...

Но на другой день, узнавъ о содержаніи завѣщанія, онъ забылъ свое горе и пришелъ въ ярость:

— Ну, нѣтъ! ни за что... не согласенъ!.. Меня обокрали!.. Я буду судиться!..

Впослѣдствіи онъ затѣялъ бѣшеную ссору при дѣлежѣ домашней обстановки и угрожалъ моему отцу судебнымъ приставомъ при каждой тряпкѣ, при каждой кастрюлкѣ.

Наконецъ, устроивъ свои дѣла и получивъ наслѣдство, онъ все продалъ и уѣхалъ въ Парижъ.

Цѣлыхъ шесть лѣтъ онъ не подавалъ признаковъ жизни. Былъ ли онъ живъ, или умеръ? Что онъ дѣлалъ? Тщетно отецъ старался узнать о немъ хоть что-нибудь. Извѣстно было, что Жюль самовольно покинулъ свой приходъ, и только. Когда Бизіе, торговецъ модными товарами въ Віантѣ, ѣздивъ въ Парижъ за новостями, отецъ всегда просилъ его разспросить, посмотрѣть, взглядываться на улицахъ въ прохожихъ... Кто знаетъ?.. Какънибудь случайно...

— Ну, и навидался же я людей!—говорилъ Бизіе по возвращеніи.—Давки все же не было... Но г. аббата не встрѣтилъ.

Однажды на улицѣ Грента онъ столкнулся съ кѣмъ-то, поразительно похожимъ на аббата... Въ другой разъ тоже было въ кафе.

— Въ кафе?—замѣтила моя мать:—навѣрно, онъ...

Тогда мой отецъ придумалъ способъ, рассчитывая на его удачу: онъ сталъ писать письма съ слѣдующею надписью:

„Монсеньору епископу г. Парижа для передачи г. аббату Жюлю Дарвелю, кюрэ изъ Рандоне. Парижъ“.

Письма оставались безъ отвѣта. Протекали дни, мѣсяцы, годы. И, сохраняя все же въ глубинѣ сердца нѣжность къ блудному брату, спасенному имъ отъ смерти, отецъ мой, заинтересованный и печальный, время отъ времени задавалъ себѣ вопросъ:

— Но что онъ могъ дѣлать въ Парижѣ?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ тюремныхъ мелодій *).

I

Ярко полдневное небо,
Голубь сверкнулъ въ вышинѣ..
Я набросалъ ему хлѣба:
Сядь подь оконце ко мнѣ!
Полонъ я сладкою думой,
Счастливъ я нынче до слезъ:
Нынче мой сторожъ угрюмый
Это письмо мнѣ принесъ.
Словно лучемъ озарило
Темную келью мою,
Крылья душа ощутила..
Я подь окошкомъ стою,
Радости вѣрить не смѣю:
Взоромъ письмо пробѣгу,
Слезъ удержать не умѣю,
Словъ разобрать не могу.
Первая ласка участя,
Первая нѣжная вѣсть...

*) Ленцевичъ — псевдонимъ симпатичнаго поэта, Алексѣя Николаевича Хавскаго, лѣтомъ прошлаго 1904 года окончившаго жизнь самоубійствомъ въ далекомъ Якутскѣ. Лѣтъ семь назадъ въ Вяткѣ былъ изданъ, въ пользу общественной бібліотеки имени Батуева, небольшой сборникъ его стихотвореній, въ свое время отмѣченный на страницахъ „Р. Б.“

— Есть же, о Господи, счастье,
Даже и адъсь оно есть!

II.

Осыпаются ландыши бѣдные,
Погибаютъ живые цвѣты.
Но взгляну я на нихъ—и все ласковѣй,
Все мнѣ радостнѣй грезишься ты.
Вновь расправлю букетъ увядающій
И водой окроплю его вновь,—
И, какъ ландышъ, цвѣтеть, распускается,
Озаряетъ мнѣ сердце любовь!
Не выпускалъ тебя стражъ очарованный,
Не входила ты въ келью мою,
Но ты адъсь, ты со мной... Поцѣлуями
Я осыпалъ головку твою!
Что мнѣ сумракъ и гнетъ заточенія,
Если въ сердцѣ тепло и свѣтло?
Все тамъ, все подъ родною улыбкою,
Какъ подъ вѣшнимъ лучемъ, расцвѣло!

III.

Я отыскалъ два-три куплета
На старой выцвѣтшей стѣнѣ:
„Откликнись, братъ мой! Душно мнѣ!
Ночь безъ конца и безъ просвѣта...”

И вижу я, что рифмы плохи,
Что стихъ небреженъ, но въ тиши
Я, будто, слышу, слышу вздохи
Тоской растерзанной души!

Ал. Ленцевичъ.

ему инструментъ. — Вы видите: разстояніе не больше толщины переплета изъ папки.

Зеегусъ пялилъ глаза то на циркуль, то на министра, то въ полъ, ничего не понимая.

— Ну, такъ вотъ, милѣйшій лоцманскій старшина Зеегусъ! Такъ же ничтоженъ и клочекъ дороги, на который вы жалуетесь, по сравненію съ сѣтью улицъ и дорогъ всей страны! И, вѣроятно, вы сами согласитесь, что... какъ бы это выразиться... что вы требуете черезчуръ многого, полагая, будто тотъ, кто держитъ въ головѣ всю сложную систему путей сообщенія, долженъ еще специально заботиться... специально заботиться о незначительной неисправности въ стройномъ дѣломъ,—въ родѣ этого кусочка!

И министръ протянулъ ему циркуль.

Зеегусъ продолжалъ стоять, вытаращивъ глаза и разинувъ ротъ. Онъ не особенно ясно понялъ суть, но чувствовалъ, что почва уходитъ у него изъ подъ ногъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ самомъ снова что-то закипаетъ. Тутъ какъ разъ распахнулась дверь, и вернулся Андерсъ Мо въ сопровожденіи Мортенсена, секретаря экспедиціи и другихъ, которые остановились на порогѣ и въ сосѣдней комнатѣ, чтобы послушать, чѣмъ разрѣшится замѣчательный инцидентъ.

Мо, не смотря на протестъ Мортенсена, перевернулъ весь „хаосъ“ вверхъ дномъ и, на самомъ низу, на нижней полкѣ, нашелъ дѣло въ выцвѣтшей желтой обложкѣ и спокойно вытащилъ его.

Всѣ подумали, что Андерсъ, вѣроятно, самъ, изъ злобы, сунулъ туда документъ. Канцеляристъ Мортенсенъ мрачно пробормоталъ:

— Теперь попался!

Министръ надѣлъ золотое *pinse-nez* и развернулъ обложку, при чемъ взлетѣло облако пыли.

— Здѣсь проставленъ текущій номеръ вашей собственной рукой, господинъ секретарь экспедиціи. Сличите текущій номеръ.

Маленькій секретарь помчался, точно самъ былъ текущимъ номеромъ, но не успѣлъ добѣжать до своихъ протоколовъ, какъ былъ отозванъ обратно тономъ, предвѣщавшимъ бѣду.

Министръ, прочтя строки двѣ, воскликнулъ:

— Какимъ образомъ бумага эта попала къ намъ?

Когда вернулся секретарь экспедиціи, министръ съ такой яростью надавилъ большимъ, бѣлымъ, указательнымъ пальцемъ подъ однимъ изъ словъ прошенія, что ноготь оставилъ на бумагѣ глубокой слѣдъ.

— Что здѣсь стоитъ? Здѣсь стоитъ: „церковныя земли“.

— Епископа изъ Христіанзанда,—пояснилъ Ньэдель, который слушалъ изъ всѣхъ силъ, затаивъ дыханіе.

— Значить, это дѣло подсудно министерству земледѣлія, а не намъ!—гремѣлъ министръ.

— Но, но...—началъ было секретарь: — я теперь ужъ не помню... честное слово... но тогда я, должно быть, думалъ... нашелъ, что предметъ тяжбы такого свойства...

— Предметъ тяжбы!—сурово перебилъ его министръ: — тутъ дѣло не въ предметъ тяжбы, а въ порядкахъ и обычаяхъ министерства! Всѣ дѣла, касающіяся церковныхъ имуществъ, должны быть направляемы въ министерство земледѣлія. Это въ порядкѣ вещей, да-съ! Это старое правило, съ которымъ господину секретарю экспедиціи не мѣшало бы быть до нѣкоторой степени знакомымъ!... Мо, возьмите эту бумагу и снесите ее внизъ, въ министерство земледѣлія.

Министръ выпрямилъ свой величественный станъ, передавая Андерсу бумаги въ желтой обложкѣ.

Столпившіеся чиновники разошлись, а секретарь экспедиціи упалъ на свой стулъ, совершенно уничтоженный, и уставился глазами на текущіе номера.

Ньэдель же слѣдилъ за злополучнымъ прошеніемъ, и, когда братъ его безшумно скрылся, унося бумагу, онъ громко спросилъ:

— Но кто же изъ насъ былъ правъ?

— Ну, милѣйшій,—отозвался министръ,—этого я вамъ сказать не могу. Черезъ опредѣленный закономъ срокъ, обратитесь съ запросомъ въ министерство земледѣлія,—навѣрно, получите самыя удовлетворительныя разъясненія. До свиданья, господа, до свиданья. Очень радъ, что былъ вамъ полезенъ.

Съ этими словами онъ вѣжливо вытѣснилъ крестьянъ изъ кабинета и закрылъ дверь. У Ньэделя въ головѣ было нѣчто въ родѣ водоворота,—онъ ровно ничего не понималъ. Но въ сердцѣ Зеегуса закипѣло что то еще сильнѣе, и, когда Мортенсенъ вадумалъ торжественно прислуживать ему, дикое безуміе овладѣло этимъ добродушнымъ человекомъ: онъ схватилъ бутылку съ чернилами, стоявшую на окнѣ, и изо всей силы запустилъ ее въ Мортенсена.

Редакторъ проворно нагнулся, такъ что бутылка ударилась въ стѣну и разлетѣлась въ дребезги за конторкой. Во всѣхъ сосѣднихъ комнатахъ вторично произошло большое смятеніе, а Зеегусъ и Ньэдель поспѣшили спуститься съ лѣстницы.

Испугъ чиновниковъ, при этой выходкѣ, былъ такъ великъ, что никому и въ голову не пришло задержать виновныхъ. Любопытные собрались вокругъ громаднаго чернильнаго пятна, отъ котораго во всѣ стороны разбѣгались черные лучи.

Хіорта такъ и подмывало кое-что сказать, только онъ не зналъ, будетъ-ли это остро или тупо; наконецъ, онъ не выдержалъ и вполголоса произнесъ:

— *Вартбургъ!*

Вышло дѣйствительно остроумно; докладчикъ возгордился. Слышавшіе его слова сильно и искренно изумились; иные съ этой минуты стали подозрѣвать, что Хіортъ вовсе ужъ не такъ глупъ.

Единодушно было рѣшено, что мѣсто Мортенсена отнынѣ будетъ называться „Вартбургъ“, а чернильную кляксу ни смывать, ни закрашивать нельзя.

И такъ крѣпко прилѣпилось названіе къ мѣсту Мортенсена, что долго спустя послѣ того, какъ онъ перемѣнилъ свою должность на лучшую, въ министерствѣ утверждали, что чернильная клякса и острота Хіорта будутъ существовать до Страшнаго Суда.

XX.

Было два часа.

Дельфинъ убралъ пріемныя комнаты министра въ стилѣ, который, по его словамъ, царилъ въ Тюильри, во времена второй имперіи.

Посреди комнаты были свободныя мѣста, чтобы ходить взадъ и впередъ, но въ уголкахъ, за гардинами и въ оконныхъ нишахъ разставлены были табуретки и кресла, такъ что двѣ—три, самое большее четыре персоны, могли бесѣдовать отдѣльными группами.

Своей неутомимой находчивостью и веселыми выдумками, Дельфину посчастливилось разсѣять дурное расположеніе духа фрау Беннехенъ,—во всякомъ случаѣ отчасти; а камергеръ, со своей стороны, выпыталъ желанныя подробности относительно внезапнаго отъѣзда обоихъ неудачниковъ.

Въ столовой завтракъ накрытъ былъ à la fourchette, изысканныя холодныя блюда, десертныя вина и шампанское. Предполагалось, что каждый гость, по прибытіи, безъ стѣсненія закусить и подкрѣпиться для предстоящаго торжественнаго вѣзда. Ожидалось, что перебываютъ всѣ знакомые министра, приходя и уходя, когда имъ вадумается.

Съ точностью неизвѣстно было, когда появится самъ хозяинъ: дѣль ему было по горло и, какъ говорила его жена Дельфину: „Даніель въ скверномъ настроеніи духа.“

Гостинныя мало по малу оживлялись. Военные мундиры, министерскія и придворныя формы, высшее городское духовенство въ брызжахъ и орденахъ, сановники юстиціи, министры и нѣсколько честолюбивыхъ адвокатовъ, начинающихъ карьеру.

Негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ вошелъ въ новомъ мундирѣ „желтаго корпуса.“

— Я послалъ шампанское черезъ кухню,—шепнулъ онъ фрау Беннехенъ, пожимая ей руку.

Затѣмъ онъ обошелъ всѣ гостинныя, кидая вопросы направо и налево, не можетъ ли кто-нибудь ему сказать, когда покажется министръ Беннехенъ? Наконецъ, онъ остановился около камергера Дельфина, который наговорилъ ему комплиментовъ по поводу его красиваго мундира.

— Точно шведскій офицеръ!—увѣрялъ камергеръ.

Фалькъ-Ольсенъ зазвенѣлъ побрякушками и слегка повернулся передъ зеркаломъ.

— Ахъ, вы не повѣрите, господинъ камергеръ, въ какомъ затруднительномъ положеніи я очутился изъ-за выбора лошади! У меня есть большая, вороная лошадь (она ходитъ обыкновенно въ упряжи) и, кромѣ того, у меня имѣется буланая кобыла, великолѣпное животное! Атласная шерсть и гладкія, круглыя бедра! Я купилъ ее у барышника изъ Вестланда. Но загвоздка-то вотъ въ чемъ: она немного мала!

— Наполеонъ всегда ѣздилъ на маленькихъ лошадяхъ,—замѣтилъ Дельфинъ.

— Да ну? Это вѣрно?—вскричалъ Фалькъ-Ольсенъ: — а старшій лейтенантъ Гробсъ клялся, что буланка чересчуръ хороша для желтаго корпуса!

— Значитъ, вы выбираете буланую кобылу?—съ невозмутимой серьезностью спросилъ Дельфинъ.

— Выбираю буланую кобылу,—рѣшительно отвѣтилъ оптовый торговецъ.

Въ числѣ послѣднихъ прибывшихъ гостей находился уѣздный судья Хіортъ изъ Вестланда. Онъ недавно былъ въ городѣ, гдѣ ходилъ слухъ, что онъ замѣнитъ стараго Фальбе, такъ какъ онъ самъ достигъ почтеннаго, даже для норвежскаго министра, возраста—82 лѣтъ. Судья выразилъ свою радость при видѣ Дельфина, который въ былыя времена служилъ подъ его начальствомъ, и камергеръ повелъ его по комнатамъ и представилъ нѣкоторымъ сановникамъ. Много лѣтъ не бывалъ судья Хіортъ въ столицѣ, такъ что ему пришлось привѣтствовать не мало вновь испеченныхъ вліятельныхъ особъ. Но вскорѣ онъ освоился совершенно,—большую часть повторялись все старыя, полунѣмецкія чиновничьи фамиліи старинныхъ родовъ, точно извѣстныя должности передавались въ семьяхъ по наслѣдству. Повидимому, эти господа получили въ наслѣдство не только фамиліи и мѣста своихъ отцовъ, но даже на ихъ наружности лежалъ шаблонный отпечатокъ, напоминавшій Фридриха VІІ: корректныя, красивыя профили, сухія, съ просѣдью головки,

отороченныя густыми, коротко подстриженными бакенбардами, лица съ общимъ выраженіемъ неподкупной скромности.

Какъ Дельфинъ и предвидѣлъ, въ уголкахъ и нишахъ образовались отдѣльныя группы; посреди комнатъ попарно расхаживали и чинно разговаривали, большинство же гостей сосредоточились у накрытаго стола, ѣли, стоя, или брали съ собою тарелки въ другія комнаты.

Цѣлый кружокъ собрался вокругъ высокаго, тощаго господина, съ длинными съ просѣдью волосами. То былъ норвежскій скульпторъ, имѣвшій въ Стокгольмѣ мастерскую. Онъ наканунѣ прибылъ въ Христианію, чтобы, пользуясь впечатлѣніемъ пріѣзда короля, возбудить интересъ къ національному памятнику, проектъ котораго онъ набросалъ.

У скульптора былъ въ карманѣ набросокъ карандашомъ, и онъ показывалъ его любопытнымъ. Группа изображала „союзъ“ и должна была помѣщаться на площади передъ зданіемъ стортинга.

Сегодняшній день долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе въ томъ отношеніи, что избраніе въ комитетъ было равносильно пожалованію ордена большого креста.

Между тѣмъ, скульпторъ объяснялъ смыслъ своего рисунка: сидящая женская фигура, это—Швеція, одной рукой опирается на мечъ, а другой обнимаетъ за плечи мальчика, стоящаго около нея. Сначала художникъ думалъ посадить мальчика на колѣни Швеціи, но (норвежцы вѣдь такъ раздражительны!) рѣшилъ лучше поставить его рядомъ. По той же причинѣ надѣлилъ онъ мальчика огромнымъ шлемомъ, нахлобученнымъ на самыя уши, а къ боку его прислонилъ тяжелый боевой мечъ,—намекъ на то, что мальчикъ уже умѣетъ постоять за себя.

На всѣ косвенныя указанія и предложенія, художникъ отвѣчалъ, что министръ Беннекенъ былъ такъ любезенъ, что взялъ на себя составъ комитета. Камергеръ Дельфинъ свелъ судью Хюрта съ однимъ выдающимся духовнымъ лицомъ столицы и усадилъ ихъ у окошка. Оба, совершенно не зная другъ друга, благоразумно завели разговоръ о разницѣ между городомъ и деревней и пробавлялись общими мѣстами.

Обмѣнявшись нѣсколькими фразами, судья нашелъ случай сказать:

— Меня часто удивляетъ, какія превратныя и ошибочныя мнѣнія приходится теперь слышать о нашемъ народѣ. Для такого человѣка, какъ я, это кажется особенно удивительнымъ: вѣдь я, по роду службы, вращаюсь болѣе, чѣмъ кто-либо, среди народа, вхожу съ нимъ въ постоянное и тѣснѣйшее соприкосновеніе. Я вижу крестьянина и въ горѣ, и въ радости, знаю его хорошія, равно какъ и худыя стороны...

Духовное лицо поспѣшно подхватило:

— Вы говорите точно и за меня, господинъ судья! Я самъ, въ теченіе пяти лѣтъ, былъ пастыремъ въ сельскомъ округѣ, и скажу откровенно, безъ фальшивой скромности, что мало служителей алтара такъ научили народъ, какъ я! Я жилъ въ народѣ, и съ народомъ. Вотъ почему современные восторженные похвалы народу кажутся мнѣ...

— Да? Неправда ли?—радостно перебилъ его судья:—чрезмѣрное восхваленіе крестьянъ не болѣе, какъ маска для скрытаго честолюбія! Такой пріемъ достоинъ жалости!

— Этимъ прикрывается тоже и невѣріе!—всгавило духовное лицо. Собесѣдники поняли другъ друга, и разговоръ продолжался довѣрчивымъ полупшепотомъ.

Редакторъ Мортенсенъ прибылъ поздно. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ присутствующихъ, не имѣвшихъ никакихъ орденовъ. Но въ его спокойной, непринужденной манерѣ здороваться направо и налево, похлопывать то того, то другого по плечу, сказывался человѣкъ, чувствующій подъ собою почву.

Дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ онъ взялъ на себя „Истиннаго друга народа“—онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Не было больше помину о желтой рубашкѣ; редакторъ одѣвался элегантно, держалъ себя съ достоинствомъ, подобающимъ представителю прессы.

Дельфинъ зорко посмотрѣлъ на него и рѣшилъ, что редакторъ имѣлъ свиданіе съ министромъ.

Онъ угадалъ. Министръ первымъ долгомъ началъ распекать Мортенсена за документъ въ „хаосѣ“, но тотъ, недолго думая, сразу оборвалъ его.

— Эготъ Мо, господинъ министръ, начинаетъ становиться неудобнымъ! Ходить повсюду и рассказываетъ таинственныя, неблаговидныя исторіи о вѣковой фрау Глунке, которая якобы...

— Гм...—перебилъ министръ:—вы правы! Я давно имъ не доволенъ. Къ тому же онъ положительно впадаетъ въ дѣтство.

Министръ перемѣнилъ тонъ, и, когда Мортенсенъ вышелъ изъ канцеляріи, блѣдный, жирная фізіономія его такъ и сіяла.

Отблескъ торжества еще лежалъ на немъ, когда онъ приблизился къ Дельфину и сказалъ:

— Не соблаговолите ли, господинъ камергеръ представить меня судѣ Хіорту?

— Нѣтъ,—сухо отвѣчалъ Дельфинъ и передъ зеркаломъ поправилъ на груди орденъ Вазы.

Мортенсенъ подавилъ свой гнѣвъ.

— Я прошу васъ объ этомъ отъ имени министра.

Дельфинъ пожалъ плечами и повелъ Мортенсена къ судѣ.

— Господинъ судья Хіорты! Мнѣ приказано представить вамъ канцеляриста Мортенсена.—Съ этими словами онъ круто повернулся и ушелъ въ комнаты фрау Беннехенъ, тщательно отыскивая Гидьду.

Мортенсенъ въ душѣ далъ клятву жестоко отомстить камергеру. Теперь же онъ въ немногихъ словахъ объяснилъ, кто онъ таковъ, и лицо судьи прояснилось. Нѣкоторое время они бесѣдовали между собою, а затѣмъ Мортенсенъ вынулъ свою записную книжку, чтобы занести кое-какія біографическія подробности, сообщенныя ему судьей. Зашелъ разговоръ и о злободневныхъ вопросахъ, и судья выразилъ свои опасенія и негодованіе по поводу нѣкоторыхъ современныхъ отношеній.

Редакторъ успокоилъ его:

— Пока государство управляется такими чиновниками, какъ наши...

— Да, на духовенство и судебный персоналъ мы безусловно можемъ рассчитывать!—поддержалъ судья и пообовалъ выставить впередъ руку, какъ имѣлъ привычку дѣлать министръ.

— Когда у руля стоятъ люди въ родѣ Беннехена... Вотъ это человѣкъ! Какъ изященъ и какъ умѣетъ внушить къ себѣ уваженіе! Неправда ли, господинъ судья, поразительное сходство съ Гете?

— Поразительное! Изумительное!—согласился судья.

Министръ Беннехенъ появился изъ-за портьеры маленькой двери и неожиданно очутился между ними, раньше, чѣмъ кто-нибудь могъ замѣтить его присутствіе. Онъ былъ въ мундирѣ, со всѣми звѣздами и орденами; трехуголку держалъ слѣва подъ мышкой и перчатки въ рукѣ. Правую руку онъ выставилъ впередъ, привѣтствуя группы гостей, по обѣ стороны комнаты, улыбаясь, откинувъ назадъ красивую голову и важно двигаясь впередъ.

Одному изъ своихъ коллегъ онъ пожалъ руку и шепнулъ нѣсколько словъ, на которыя тотъ сочувственно улыбнулся. Разговоры кругомъ повелись вполголоса; всѣ наблюдали за министромъ, лишь для виду продолжая разговаривать.

Фалькъ-Ольсенъ, которому четверть часа тому назадъ уже слѣдовало сидѣть на лошади, быстро подошелъ къ хозяину, но не съ прежней дружеской фамильярностью, а съ почти-тельной угодливостью на лицѣ. Министръ снисходительно подставилъ ему ухо, и оптовый торговецъ шепнулъ:

— Я беру буланую кобылу!

Сановникъ съ благосклонной одобрительностью кивнулъ головой, а Фалькъ-Ольсенъ, словно курьеръ, покидающій дворъ съ важными депешами, поспѣшилъ къ дверямъ, гремя

саблей; блестящій мундиръ его такъ и сіялъ въ свѣтлой комнатѣ, залитой веселыми, ясными лучами майскаго дня.

Между тѣмъ министръ Беннехенъ продолжалъ свой обходъ, говоря каждому привѣтливое слово или маленькую инструкцію.

— Я нашелъ предсѣдателя для вашего комитета, — сказалъ онъ скульптору:—судью Хіорта.

— Гм... Господина, стоящаго вонъ тамъ у окна? — спросилъ художникъ съ мастерски разыграннымъ разочарованіемъ:—но развѣ онъ не чужой въ столицѣ?

— Онъ не долго останется чужимъ!—шепнулъ министръ.

— А, понимаю!—отвѣчалъ скульпторъ по-шведски и поднялъ брови вверхъ.

Съ этой минуты всѣ придали громадное значеніе тому, что министръ протянулъ руку судѣ Хіорту, что раньше продѣлывалъ только съ коллегами. Назначеніе судьи Хіорта министромъ считалось несомнѣнно для старика весьма почетнымъ.

— А вотъ мы какъ разъ говоримъ съ господиномъ редакторомъ Мортенсенемъ о томъ, что въ наши тяжелыя времена отрадно разсчитывать на духовенство и судебный персоналъ!—не безъ гордости заявилъ судья.

— Другими словами, — сказалъ министръ: — религія и право на нашей сторонѣ!

— Вотъ человѣкъ!—вздохнулъ судья Хіортъ, когда министръ прослѣдовалъ дальше. Ему невольно захотѣлось сравнить свою реплику со словами такого великаго человѣка и, глядя въ окно, онъ присовокупилъ:—Да, много надо, истинѣ, чтобы занимать такой постъ!

— Позвольте, господинъ мин... то бишь, господинъ судья!—почтительно возразилъ Мортенсенъ:—позвольте мнѣ напомнить вамъ добрую, старую пословицу: „кому Богъ даетъ отвѣтственную должность, тому даетъ и силу, и умѣнье справиться съ нею“...

— Благодарю васъ за эти слова, господинъ редакторъ, благодарю васъ!—горячо пожалъ судья руку Мортенсена:—да, вы правы! Все, рѣшительно все дается намъ отсюда!—и онъ поднималъ глаза къ ясному, голубому, весеннему небу, образовавшему сводъ надъ крышами домовъ.

Но вотъ докладчики Хіортъ и Беннехенъ начали хлопать пробками шампанскаго,—что составляло ихъ долю заботы въ этотъ знаменательный день

Общество большею частью перебралось въ столовую, гдѣ министръ постепенно собралъ наиболѣе знатныхъ гостей на верхнемъ концѣ стола. Послѣ выжидательнаго молчанія, хозяинъ поднялъ свой стаканъ и началъ говорить:

— Господа! Я окидываю взглядомъ собраніе, и невольно возникаетъ у меня вопросъ: что именно такъ тѣсно связы-

ваетъ насъ между собою? Это—общая работа для нашего великаго монарха, это—общая наша преданность ему!

Мортенсенъ, стоя у окна за гардиной и дѣлая замѣтки, не могъ удержаться отъ улыбки. Онъ вспомнилъ о другой рѣчи, которую самъ держалъ въ этой же залѣ, на ту же тему, но при иной публикѣ. Между тѣмъ сегодня рѣчь министра приняла, болѣе высокій чѣмъ обыкновенно, полеть; Мортенсенъ записалъ ея окончаніе въ слѣдующихъ словахъ:

— Да, господа, много говорится о томъ, что наши времена—преимущественно времена труда. Но, къ сожалѣнію, немногіе понимаютъ, въ чемъ заключается истинный трудъ, и кто дѣйствительные *труженики* въ этой странѣ. Они,—ораторъ оглядѣлся вокругъ:—составляютъ кружокъ людей, которые больше любятъ порядокъ, чѣмъ произволъ, которые вѣрно и послушно придерживаются традицій, завѣщанныхъ имъ отцами въ законахъ и религіи, и служатъ опорой и охраной трону, въ глубокомъ, искреннемъ убѣжденіи, что въ наше шаткое время распаденія, разложенія и неустойчивости только одно звено можетъ соединить общество и наложить крѣпкія узы на благороднѣйшія свойства націи,—это звено: священная личность монарха, которая сплочиваетъ всѣхъ воедино. Господа! Да хранить Всевышній его величество, короля нашего!

— Да здравствуетъ король!—рявкнулъ оберъ-лейтенантъ Гробсъ, и воспослѣдовало такое „ура!“, отъ котораго зазвенѣли стаканы. Даже самые засохшіе министерскіе чиновники кричали до тѣхъ поръ, пока не посинѣли, а сами косились по сторонамъ, всѣ ли исполняютъ свой долгъ. Когда шумъ стихъ, вбѣжалъ слуга и подалъ министру телеграмму на серебряной тарелкѣ.

Министръ вскрылъ ее и, среди мертваго молчанія, прочелъ: „Черезъ полчаса королевскій побѣдъ будетъ на вокзалѣ“.

Началось всеобщее движеніе, но министръ поднялъ руку, и снова водворилась тишина.

— Господа! — произнесъ онъ торжественнымъ, внушительнымъ голосомъ:—всѣ по мѣстамъ! Моментъ важенъ. Въ ожиданіи его величества, пусть каждый находится при исполненіи своихъ обязанностей!

Съ этими словами онъ быстро повернулся, общимъ поклономъ простился со своими гостями, сдѣлалъ знакъ судѣй Хюргу, и оба поспѣшили черезъ залъ и исчезли въ маленькой двери, портьера которой безшумно опустила за ними.

Общество разошлось въ повышенномъ настроеніи, а Мортенсенъ записалъ въ свою книжку: „то былъ одинъ изъ великихъ, незабвенныхъ моментовъ, въ которые какъ бы чувствуется бѣненіе пульса всемірной исторіи.“

Фрау Беннекенъ тоже удалилась; подавленная тревожно-

ніями этого дня, она, съ судорожнымъ рыданіемъ, бросилась на кровать.

Георгъ Дельфинъ прохаживался по опустѣвшимъ заламъ. Онъ долженъ былъ явиться къ ужину во дворецъ, но ему казалось невозможнымъ покинуть домъ, не повидавшись съ Гильдой.

Лакеи и горничныя прибирали со стола, пили шампанское и смѣялись такъ, что камергеръ ушелъ въ самую отдаленную комнату, недовольный собою, смущенный, а уйти совсѣмъ всетаки не хотѣлъ.

Наконецъ, онъ подозвалъ знакомую горничную и справился о Гильдѣ.

— Фрейленъ укладывается въ своей комнатѣ. Развѣ господину камергеру не извѣстно, что фрейлейнъ сегодня вечеромъ уѣзжаетъ въ Америку?—освѣдомилась горничная, лукавые глазки которой блестѣли отъ шампанскаго.

Дельфинъ почувствовалъ неприятное волненіе и отрывисто произнесъ:

— Спросите фрейленъ Беннехенъ, не будетъ ли она такъ любезна, выйти ко мнѣ на минутку. Мнѣ хотѣлось бы съ ней поговорить.

Но, когда горничная ушла, онъ въ полнѣйшемъ испугѣ остановился передъ зеркаломъ: что онъ надѣлалъ? не зашелъ ли слишкомъ далеко? чего онъ хочетъ отъ нея? какъ выберется изъ этого положенія? А между тѣмъ, развѣ не этого именно желаетъ онъ?

Черезъ нѣсколько минутъ пришла Гильда. Она недавно плакала, но теперь ея необычайное спокойствіе поразило камергера.

— Бѣдная мама! — сказала она и протянула ему обѣ руки:—ей не легко помириться съ мыслью, что мы съ Иоганномъ уѣдемъ такъ далеко! Да, въ сущности, мнѣ и самой трудно привыкнуть къ этой мысли.

Дельфинъ забылъ, что надо отвѣчать: до того пораженъ былъ переменой въ молодой дѣвушкѣ. Въ ней не осталось ни малѣйшаго слѣда робости; одѣтая въ гладкій, простой костюмъ, она казалась готовой къ отъѣзду и такой твердой, что онъ не находилъ въ себѣ обычнаго полушутливаго, полуласковаго тона.

— Я навѣрно буду очень скучать объ васъ!—неувѣренно сказалъ онъ, наконецъ.

Скорѣе голосъ, чѣмъ смыслъ фразы, заставилъ ее поднять глаза. На секунду ихъ взоры скрестились, и наступила пауза.

— Ничто не можетъ васъ здѣсь удержать?—съ горечью спросилъ онъ.

— Нѣтъ! Будьте увѣрены, что нѣтъ!

Глаза ея наполнились слезами.

Онъ внимательно разсматривалъ ее, пока она стояла, опустивъ голову и машинально вертя вокругъ пальца платокъ. Полно, ужъ правда ли, что она такъ дурна собою?

— И нѣтъ ничего, что могло бы удержать васъ?—повторилъ онъ, забывъ, что уже дѣлалъ этотъ вопросъ.

— Почему вамъ хочется, чтобы мнѣ стало еще тяжелѣе?—тихонько спросила она и заплакала.

Георгъ Дельфинъ сдѣлалъ шагъ впередъ; ему почувствовалось, что жизнь предоставляетъ ему послѣдній хорошій шансъ, и онъ попытался призвать къ себѣ на помощь все, что оставалось въ немъ лучшаго. Но когда онъ остановился передъ нею, она быстро подняла голову и твердо сказала:

— Нѣтъ! Не хочу больше плакать! Я убѣждена, что мнѣ предстоитъ лучшая жизнь, чѣмъ здѣсь. Будьте здоровы, господинъ камергеръ, и спасибо, сердечное спасибо за вашу дружбу!

Она протянула ему руку и прямо поглядѣла на него своими честными, преданными глазами, полными слезъ. Въ послѣднее мгновеніе онъ вдругъ постигъ, что она не только недурна, но даже привлекательна,—но было уже поздно.

Она ушла, оставивъ за собою дверь полуотворенной. Шумъ изъ столовой снова сталъ доноситься до него; онъ немного постоялъ, взявъ шляпу и удалился.

На лѣстницѣ его обогнали молодые друзья Хіортъ и Беннехенъ; только что спустившіеся съ крыши, гдѣ они съ опасностью жизни водрузили большой флагъ.

XXI.

Потребовалось много времени, пока Ньедель и Зеегусъ разыскали старый, уютный госпиталь, гдѣ лежала Христина, — и если бы они случайно не встрѣтили полицейскаго сержанта Кнудсена, то, пожалуй, и вовсе не нашли бы больницы. Было уже три часа, и публика валила на улицу Карла Юганна, чтобы видѣть въѣздъ; никому не хотѣлось терять время на отвѣты. Но полицейскій сержантъ Кнудсенъ, которому удалось отъ нихъ добиться, кого они ищутъ, взялся проводить ихъ; такимъ образомъ они добрались до цѣли.

Въ воротахъ они встрѣтили одну изъ сидѣлокъ, спѣшившую въ городъ. Зеегусъ снялъ мѣховую картузь.

— Мы хотѣли бы навѣстить одну женщину, ее зовутъ Христиной Мо.

— Она сегодня ночью умерла,—торопливо отвѣтила сидѣлка: — тѣло лежитъ за второй дверью налѣво; войдите, кажется, съ нею уже покончили.

Съ этими словами она прошла и захлопнула калитку.

— Ну, Ньэдель, можетъ быть, все это и къ лучшему!— въ видѣ утѣшенія произнесъ Зеегусъ: — уйдемъ-ка отсюда.

— Я хочу ее видѣть,—сказалъ Ньэдель и пошелъ впередъ.

Они дошли до второй двери, которая оказалась полуоткрытой, оттуда слышались голоса. Зеегусъ вошелъ.

Въ комнатѣ стояла группа молодыхъ людей, наклонясь надъ чѣмъ-то большимъ, бѣлымъ, лежащимъ на столѣ. Низенькій, сѣдой старичекъ, безъ сюртука, стоялъ, нагнувшись, а между двумя изъ господъ торчала бѣлая, голая нога.

— Я никогда не видалъ такого быстрого разрушенія!— сказалъ докторъ Роде профессору. „Старый циникъ“ не могъ не пригласить профессора на „интересный случай“. Иоганнъ Беннехенъ положительно запретилъ отвозить трупъ въ университетъ.

— А съ мужемъ, заразившимъ ее, что дѣлается?— полюбопытствовалъ профессоръ.

— Болѣзнь повліяла на его мозгъ; онъ впадаетъ въ слабоуміе. Чего вамъ надо?—вдругъ обернулся онъ къ дверямъ, замѣтивъ вошедшихъ крестьянъ.

— Вотъ ея отецъ. Хочетъ ее видѣть,—пояснилъ Зеегусъ.

— Ахъ, милый другъ, не надо!—посоветовалъ профессоръ:—да и положительно нечего смотрѣть!

Но Ньэдель прямо подошелъ къ столу; молодые люди разступились; профессоръ выпрямился, растопыривъ пальцы.

Поперекъ трупа накинуто было покрывало, но оно, сбившись, обнаружило крутыя бедра и большое, крѣпкое тѣло женщины, но исхудавшее и изможденное, такъ что остались лишь кости да кожа. Густые, сухіе волосы спутанной массой окаймляли лобъ, носъ совсѣмъ втянулся, а на кожѣ образовались отвратительныя красныя и зеленовато-желтыя пятна.

— Это не она, — шепнулъ Зеегусъ и схватилъ Ньэделя за руку. Но отецъ подошелъ къ покойницѣ, откинулъ съ ея лба волосы и тронулъ пальцемъ замѣтный шрамъ на ея вискѣ.

— Пойдемъ же, Ньэдель!

Зеегусъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Ньэдель оглядѣлся вокругъ, и вообразивъ, что всѣ эти изящные господа съ сочувствіемъ относятся къ умершей его дочери, онъ началъ всѣмъ имъ по очереди протягивать руку.

Но когда онъ дошелъ до профессора, тотъ сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Не могу подать вамъ руки, милѣйшій!

Тутъ только Ньэдель замѣтилъ блестящій ножъ и растопыренные пальцы. Онъ содрогнулся и вышелъ со старинной вонь.

Очутившись на улицѣ, Зеегусъ внимательно посмотрѣлъ на Ньэделя; послѣдній стиснулъ зубы и сжалъ кулаки.

— За это онъ долженъ мнѣ отвѣтить, этотъ Андерсъ! — пробормоталъ онъ.

— Ахъ, оставь, пожалуйста! — съ безпокойствомъ сказалъ Зеегусъ: — оставь Андерса въ покоѣ! Пусть остается, какимъ былъ! Мы уйдемъ далеко отъ всего этого. Лучше подумаемъ-ка объ ѣдѣ: я голоденъ, какъ волкъ.

Но Ньэдель остался непреклоненъ, и такъ какъ Зеегусъ не пожелалъ помочь ему въ розыскахъ, то онъ самъ спросилъ перваго встрѣчнаго полицейскаго, гдѣ домъ министра; они пошли.

Въ большой головѣ Ньэделя шла сильная борьба; въ немъ зародилось подозрѣніе, что братъ являлся причиной всѣхъ его несчастій; онъ ощущалъ тяжкую боль и непреодолимое желаніе видѣть Андерса, выслушать его оправданіе; нельзя ли чѣмъ-нибудь извинить его?..

Спустились двѣ ступеньки внизъ. Зеегусъ сказалъ:

— Общай мнѣ, Ньэдель, не производить съ нимъ расправы! Помни, что какъ ни какъ, а онъ тебѣ братъ.

— Будь покоенъ, — отвѣчалъ Ньэдель.

Андерсъ занятъ былъ бритьемъ: повѣсивъ зеркальце къ оконной рамѣ, чтобы свѣтъ падалъ ему на лицо, онъ методически дѣйствовалъ бритвой; съ правой стороны уже покончилъ, а на лѣвой щекѣ виднѣлась еще мыльная пѣна.

Увидавъ вошедшихъ, онъ отложилъ бритву, и по лицу его пробѣжала судорога; затѣмъ онъ бессмысленно улыбнулся и протянулъ брату руку.

— Наконецъ-то, Ньэдель! Съ пріѣздомъ! Хорошо, что ты пріѣхалъ...

— Андерсъ! Андерсъ! — вскричалъ Ньэдель, съ угрозой потрясая могучими кулаками: — что ты сдѣлалъ съ Христиной?

Отъ братнинаго окрика Андерсъ словно проснулся; онъ съежился и забился въ самый отдаленный уголъ комнаты; лицо его приняло землистый оттѣнокъ, а глаза впились въ увѣсистые кулаки.

Нѣсколько разъ на его тупоумномъ лбу отражалось какъ бы усиліе собраться съ мыслями. Длинные, фальшивыя складки привычнаго смѣха снова образовались вокругъ его рта, и онъ визгливо произнесъ:

— Какъ у тебя хватаетъ духу, Ньэдель, такъ злиться на своего родного брата, который всегда былъ болѣзненнымъ и слабенькимъ? Помнишь, какъ мы дѣтьми собирали для матери степную траву?

У Ньэделя опустились руки. Мягкія, отдаленныя воспоминанія зароились у него въ мозгу, при звукѣ этого сла-

баго, молящаго голоса, такъ хорошо ему знакомаго; вспомнилось далекое дѣтство, братишка, котораго онъ такъ любилъ...

— А помнишь, какъ мать, бывало, говорила,—продолжалъ Андерсъ, не спуская глазъ съ лица брата,—мать часто говорила: „ты, Ньэдель, болванъ, а Андерсъ хитеръ, какъ лисичка!“

Ньэдель кивнулъ головой; это была правда. Встали въ памяти его и мать, и бабушка подъ отвѣсною скалою, и долина, и степныя цѣлебныя травы, благоухавшія при солнечномъ сіяніи; и братишка, такой блѣдный, безпомощный, котораго въ семьѣ щадили и на рукахъ носили... А все, что легло въ послѣдствіи между ними, растаяло и сбѣжало, какъ весенній снѣгъ. Ньэдель опять превратился въ коренастаго, добродушнаго, неуклюжаго мальчугана, какимъ въ сущности всегда и оставался. Ни искорки гнѣва не было уже въ немъ, когда онъ отвернулся и сказалъ:

— Андерсъ! Андерсъ! Тебѣ не слѣдовало такъ поступать! Въ снѣгахъ Зеегусъ сказалъ:

— Хорошо, что ты его не тронулъ. Ты могъ бы искрошить его, какъ сухарь.

Но тутъ Ньэдель не выдержалъ: онъ прислонился къ стѣнѣ и громко зарыдалъ.

Зеегусъ далъ ему выплакаться, сколько счелъ нужнымъ, а затѣмъ повелъ его прочь (Ньэдель былъ послушенъ, какъ дитя), отыскалъ погребокъ, и они спустились туда.

Зеегусъ, побывавшій и въ Копенгагенѣ, и въ Петербургѣ, развязно заказалъ два бифштекса и бутылку пива. Но когда они присаживались къ столу, домъ содрогнулся отъ пушечной пальбы.

— Король ѣдетъ!—сказала служанка. Ей досадно было, что приходится сидѣть тутъ въ погребѣ, прислуживать двумъ мужикамъ, вмѣсто того, чтобы бѣжать любоваться на такое зрѣлище.

XXII.

День стоялъ яркій. Послѣобѣденные лучи играли на окнахъ, набрасывая легкую дымку на паркъ; дворецъ, въ своей незатѣйливой красѣ, вырисовывался въ золотистомъ воздухѣ. Отъ крѣпости плыли тяжелыя полосы порохового дыма отъ салютовъ, флаги торжественно развѣвались; толпы спѣшили со всѣхъ сторонъ къ улицѣ Карла Іоганна, гдѣ на всѣхъ свободныхъ мѣстахъ тротуаровъ стоялъ народъ.

Изъ оконъ высовывались дамы въ свѣтлыхъ весеннихъ нарядахъ; за ними стояли молодые кавалеры и остряли. Внизу, на вокзальной площади, полиція расчистила

большое пространство; желтый корпусъ, во всемъ своемъ блескѣ, красовался передъ вокзаломъ. Негоціантъ Фалькъ-Ольсенъ торжественно возсѣдалъ на буланой кобылѣ и свысока поглядывалъ на толпу.

Подошелъ къ дебаркадеру королевскій поѣздъ; всѣ ждали, пока кончатся обязательныя торжественныя привѣтствія. Сверху съ мостовъ и изъ всѣхъ проулочковъ собрались матросы, носильщики, прислуга, рабочіе, по виду сѣрая публика.

Чей-то напряженный голосъ крикнулъ: „да здравствуетъ король! Ура!“ На площади вяло и не дружно поддерживали; наступила мертвая, жуткая тишина, пока высокопоставленныя лица усаживались въ кареты.

„Желтый корпусъ“ двинулся вслѣдъ за веревницей придворныхъ экипажей черезъ площадь, а затѣмъ по узкому проходу у Дибвадгофа. То здѣсь, то тамъ какой-нибудь бравый гражданинъ изъ всѣхъ силъ оралъ: „ура!“ Но чересчуръ большое рвеніе единичныхъ личностей, повидимому, охлаждало толпу, и одиночныя возгласы умирали безъ поддержки, пока кортежъ не покатилъ мимо пожарной команды.

Тутъ ужъ дѣло пошло на ладъ, и головы въ экипажахъ закивали. Но, только начиная съ Акерштрассе и на протяженіи Эгерсплаца,—возгласы приняли характеръ всеобщихъ овацій. Великолѣпная аллея, ведущая отъ зданія стортинга вверхъ ко дворцу, вся была залита яркимъ солнцемъ. Блестящіе желтые всадники, ѣхавшіе рысью, экипажи, высокопоставленные господа въ мундирахъ, группы элегантно-одѣтыхъ особъ—все это повысило настроеніе толпы до того, что крики „ура“ зазвучали уже восторженно.

Когда корпусъ проѣхалъ, публика обратилась лицомъ къ дворцу; всадники и кареты, на подобіе блестящей змѣи, уже поднимались наверхъ, а пыль отъ придворныхъ экипажей встала, какъ золотое облако, благословляющее народъ.

Вокзальная площадь быстро опустѣла. Народъ спѣшилъ къ своей работѣ; масса горничныхъ и молодыхъ людей, повинувая потоку, двинулась черезъ городъ; этихъ охватило праздничное настроеніе,—имъ уже не стоило сегодня возвращаться къ работѣ. Воздухъ былъ такъ мягокъ, погода такъ прекрасна, что всѣ говорили объ иллюминаціи и т. п.

Король, въ теченіе зимы, страдалъ отъ опухоли на шеѣ; по этому поводу студенты устроили факельное шествіе ко дворцу, при чемъ пѣли:

„Услыши насъ, Свее, наша общая маты!“

На этомъ же основаніи въ Тиволи состоялся большой благодарственный праздникъ съ декламаціями и фейерверками.

По поводу всего этого поздно вечеромъ огромная толпа

народа гуляла въ окрестностяхъ Тиволи и въ студенческой рошѣ. Пахло скверными сигарами, свѣжей землей и первой весенней травкой; иногда примѣшивался аромат душистыхъ тополей, клейкія почки которыхъ только что начинали развертываться.

Министръ и придворные чины, военные и штатскіе мундиры катили ко дворцу, гдѣ окна были освѣщены, и королевскій флагъ вырисовывался на блѣдно-зеленомъ вечернемъ небѣ.

Внизу же, на переселенческомъ пароходѣ работали, шумѣли и кричали; шла такая суматоха, что нѣкоторые эмигранты изъ Оберланда, усѣлись на свои сундуки и заплакали.

Два носильщика стояли на пристани, когда Ньедель и смотритель сошли внизъ на мостъ; пріятель ихъ, агентъ, только пробѣжалъ мимо и крикнулъ: „all right“! Онъ обливался потомъ и охрипъ до потери голоса. Одинъ изъ носильщиковъ сказалъ другому:

— А все таки стыдно американцамъ увозить отъ насъ такихъ богатырей!

Ньедель услышалъ это и протянулъ ему руку.

Но носильщикъ, малый не промахъ, тотчасъ же заподозрилъ хитрость и недовѣрчиво покосился на могучую руку, но, взглянувъ въ ясные глаза Ньеделя, онъ успокоился, стыдливо пожалъ его руку и сказалъ:

— Тебѣ, конечно, лучше знать, что дѣлать! Будь здоровъ и счастливаго тебѣ пути, старина!

На пароходѣ смятеніе и шумъ все увеличивались. Зеегусъ, съ философскимъ спокойствіемъ сѣлъ на свой сундукъ, у койки; другіе могли шумѣть сколько влѣзеть.

Ньедель же, напротивъ, никакъ не могъ допустить, чтобы всѣ эти тюки и сундуки попали на судно безъ его содѣйствія. Онъ съ азартомъ хватался то за то, то за другое, примѣняя свою исполинскую силу, а когда матросы съ изумленіемъ глядѣли на него, онъ только съ улыбкой кивалъ головой. Подъ конецъ онъ занялъ у трюма твердую позицію, и, когда выдавалась особенно тяжелая кладь, народъ кричалъ:

— А ну-ка, пусть великанъ подниметъ это!

Это льстило Ньеделя и отвлекало его отъ грустныхъ мыслей. Его потянуло снова неудержимо заняться настоящимъ, тяжелымъ трудомъ. Но вечеромъ, когда шумъ унялся, и пассажиры стали прощаться съ родными и провожатыми, онъ „размякъ, какъ масло“—по выраженію смотрителя. У него не было никого, съ кѣмъ бы онъ могъ попрощаться, и ему захотѣлось пожать руки всѣмъ, кто возвратится на сушу.

Зеегусъ вскорѣ убѣдился, что они съ Ньэделемъ принадлежатъ къ числу бѣднѣйшихъ пассажировъ. Большинство остальныхъ переселенцевъ были зажиточные мызники, которые изъ года въ годъ упорно работали, имѣя въ виду конечную цѣль—уѣхать въ Америку, какъ только прикопятъ достаточно денегъ; у другихъ имѣлся капиталецъ и хорошая поддержка отъ родныхъ. Поэтому, на всемъ, что эти послѣдніе предпринимали, лежалъ отпечатокъ солиднаго спокойствія; они группами сидѣли на палубѣ, ѣли и угощали другихъ, сами внимательно наблюдая за всѣмъ, что дѣлалось вокругъ, вполголоса переговариваясь между собою; замѣтивъ, что они кому-нибудь мѣшаютъ, они охотно уступали мѣсто и, повидимому, думали лишь объ одномъ—какъ бы благополучно доѣхать и уберечь дѣтей.

Въ первомъ классѣ царило большое оживленіе; тамъ пассажиры состояли преимущественно изъ молодежи, которая явилась на пароходъ въ сопровожденіи пріятелей; они пѣли и, вообще, веселились. Элегантнаго юношу принесли мертвецки пьянаго на пароходъ и тотчасъ же уложили спать. Было нѣсколько приказчиковъ, банкротъ-коммерсантъ и будирующій инженеръ, который „поворачивалъ спину неблагодарному отечеству“—какъ онъ самъ выразился, распивая прощальный стаканъ съ друзьями въ гостинной; тутъ же переселенцы съ пріятелями устроили пирушку. Находился между пассажирами и студентъ, котораго родные, по семейнымъ соображеніямъ, отсылали въ Америку; затѣмъ три—четыре субъекта навеселѣ, въ новыхъ костюмахъ, которыхъ „благодарное отечество высылало по подпискѣ“—какъ говорилъ студентъ.

Въ 11 часовъ прибылъ на пароходъ докторъ Беннехенъ съ сестрой. Никто ихъ не провожалъ: министръ былъ во дворцѣ, Альфредъ придумалъ отговорку, а фрау Беннехенъ лежала въ постели. Понявъ, что отъѣздъ не на шутку состоится, она почувствовала нѣчто въ родѣ раскаянія. Она долго не выпускала Гильду изъ своихъ объятій и даже пробормотала просьбу о прощеніи... если дочь находитъ, что она—иногда—относилась къ ней немного странно.

Поэтому неудачники покинули родительскій домъ искренно разстроенные, а у Гильды даже разболѣлась голова, и она тотчасъ же улеглась въ отдѣльной дамской каютѣ.

Шумъ въ гостинной слабѣлъ, общество близилось къ полному пресыщенію. Докторъ прохаживался взадъ и впередъ по палубѣ. Ночь стояла тихая и ясная, но на юго-западѣ собирались темныя тучи: безъ дождя дѣло не могло обойтись. Угольные лопаты мѣрно работали въ машинномъ отдѣленіи, да по палубѣ раздавались прихрамывающіе шаги

доктора. По временамъ вѣтеръ доносилъ трескъ благодарственнаго фейерверка съ берега или отдаленный гулъ оркестровой музыки. Ракеты и снопы взвивались надъ городомъ и пестро освѣщали воздухъ, пока не тухли.

Иоганнъ Беннехенъ долго ходилъ по палубѣ и поглядывалъ на городъ, который онъ такъ хорошо зналъ, въ которомъ провелъ жизнь. Пространство между париходомъ и набережной казалось ему глубокой пропастью, за которою онъ покидалъ всѣ свои страданія, всѣ разочарованія.

Тѣмъ не менѣе, на душѣ у него было тяжело; тысячи воспоминаній осаждали его и вырвать ихъ было больно... Вѣдь по ту сторону океана ему, въ сущности, нечего было ожидать для себя.

Наконецъ, провожающіе друзья оторвались отъ уѣзжающихъ и выстроились на набережной, чтобы пропѣть прощальную пѣсню. Но оказалось, что они черезчуръ „возбуждены“, а потому въ молчаніи вернулись въ городъ.

Стихло все—и тутъ, и тамъ; только машина тяжело пыхтѣла, точно просыпающийся великанъ.

Иоганнъ Беннехенъ посмотрѣлъ на часы: половина перваго. Тучи сгустились.

Онъ еще разъ оглядѣлся вокругъ, чтобы запечатлѣть въ памяти мирную картину весенней ночи, вставшей надъ его прошлымъ.

Вдругъ онъ услышалъ, какъ по пристани ѣдетъ карета; вотъ она миновала газовые фонари и остановилась у пристани англійскаго парихода. Господинъ въ плащѣ и треуголкѣ вышелъ изъ кареты и сказалъ что-то кучеру.

Минуто спустя, голосъ, какъ будто знакомый Иоганну, спросилъ на париходѣ доктора Беннехена.

— Здѣсь! Кому я нуженъ?—крикнулъ Иоганнъ съ палубы.

Незнакомецъ поднялся вверхъ по лѣсенкѣ, и докторъ узналъ камергера Дельфина.

— Добраго вечера, докторъ! Вы вѣрно думаете, что я пьянъ? Есть немного, каюсь. Я попалъ въ немилость и утопилъ свое горе. Ваша сестра на париходѣ?

— Да. Надѣюсь, что она уже спитъ.

— Зайдемте-ка сюда, — предложилъ камергеръ, отворяя дверь въ курительный павильонъ, помѣщавшійся надъ гостиной:—здѣсь мы можемъ попрощаться на свободѣ. Вы еще спать не хотите, докторъ?

— Нѣтъ, не хочу!—Иоганнъ прибавилъ огня въ лампѣ:—хотите сигару?

— Благодарю. Главное, хочу чего-нибудь выпить...

Камергеръ сбросилъ плащъ, и въ шитомъ золотомъ мундирѣ съ орденами и шпагой бросился на диванъ. Иоганнъ

Беннехенъ спустился внизъ, но, за позднимъ временемъ, только и могъ раздобыть виски съ водой.

Камергеръ сталъ увѣрять, что это его любимый напитокъ, да оно, повидимому, такъ и было. Взявъ стаканъ, онъ сказалъ:

— Итакъ, сестра ваша на пароходѣ?

— Да. Надѣюсь, что она давно уже спитъ!—не безъ изумленія повторилъ Іоганнъ.

— Какъ могли вы, докторъ, покинуть городъ въ такое знаменательное время? Послушайте только, что произошло въ эти благословенные вечерніе часы... Во первыхъ, камергеръ Дельфинъ попалъ въ немилость; во-вторыхъ, Фалькъ-Ольсенъ получилъ орденъ за буланую кобылу; въ-третьихъ, докладчики Хіортъ и Беннехенъ произведены въ камергеры; первый къ тому же обручился..

— Пойдите, пойдите, не спѣшите такъ... Кто обручился, говорите вы?

— Хіортъ! Родитель его сдѣлался министромъ, она и выбрала его... Да! Вы понимаете? Я говорю про буланую кобылу Фалькъ-Ольсена,—Софи, кажется, ее зовутъ. Другая, блѣднолицая, наоборотъ, расторгла обрученіе свое..

— Полноте, камергеръ! — отмахнулся Іоганнъ: — у меня въ головѣ все перепуталось.

— У меня тоже. Впрочемъ, я эти свѣдѣнія получилъ отъ Мортенсена, который, не смотря на всѣ препятствія, былъ представленъ ко двору. Ахъ, какъ я васъ жалѣю, докторъ, что вы уѣзжаете отъ всего этого!

Его лицо вдругъ такъ осунулось, что Іоганну стало жаль его.

— Почему бы вамъ не уѣхать съ нами, камергеръ?

— Но я въ мундирѣ.

Увидавъ улыбку на лицѣ Іоганна, онъ добавилъ:

— Вы находите, что это плохая острога? Нѣтъ, я говорю серьезно. Люди въ мундирахъ, видите ли, остаются и спланиваются въ этой странѣ.. Люди мундирные и... оборванцы. Послѣдняя крыса, которая покинетъ судно, будетъ босякій староста, смотритель надъ оборванцами. Это постъ будущаго: королевскій, норвежскій, государственный оберъ-смотритель надъ босяками, съ чиномъ и мундиромъ окружающаго коменданта. Я самъ попросилъ бы для себя эту должность,—да вотъ попалъ въ немилость. И кромѣ того,—онъ налилъ себѣ еще стаканъ:—если бы даже я могъ обойтись безъ города, то городъ ужъ никакъ не обошелся бы безъ меня! Подумайте, что случилось бы съ этими жалкими людьми тамъ наверху, если-бъ они очутились завтра поутру безъ камергера! Поймите, милѣйшій господинъ эмигрантъ, насъ здѣсь вѣчно терзаетъ и мучитъ сомнѣніе, все ли у насъ

comme il faut, на европейскій ладъ! Настоящія шведскія спички Мортенсена не убѣждаютъ насъ... А пока имѣется тутъ камергеръ Дельфинъ (да двое другихъ), которые видали свѣтъ (или представляются, что видали...) и обо всемъ рѣшительно трактуютъ, знаютъ всѣ имена и надписи, не стѣсняясь, изощряютъ свое остроуміе надо всѣмъ серьезнымъ, современные вопросы укладываютъ въ карманъ, жгучія злобы дня превращаютъ въ бонмо и всегда имѣютъ остроуміе подъ рукой; въ заключеніе обладаютъ основательнымъ знаніемъ дамскихъ туалетовъ и объ этой отрасли культуры могутъ серьезно распространиться среди самаго чудовищнаго, служебнаго разговора,—столица покойна и увѣрена, что имѣетъ незамѣнимыхъ гражданъ. О!—вырвался у него неожиданный вопль, и онъ уронилъ голову на столъ:—о, какъ я усталъ! Какъ все это опротивѣло мнѣ!

Такое безысходное отчаяніе сказалось въ позѣ изящнаго кавалера въ блестящемъ мундирѣ, припавшаго къ столу и уткнувшагося лицомъ въ рукавъ, что Іоганнъ Беннехенъ понялъ: это не простая болтовня охмѣлѣвшаго человѣка! Онъ положилъ ему руку на плечо и сказалъ съ искреннимъ участіемъ:

— Вы несчастливы, Дельфинъ... Я тоже. Здѣсь, на пароходѣ, навѣрно мало счастливицевъ! Поѣдьте-ка съ нами! Вамъ необходимо уѣхать...

Камергеръ поднялъ голову; выраженіе лица его снова сдѣлалась насмѣшливымъ, саркастическимъ.

— Вы мнѣ напоминаете вашего достопочтеннаго родителя, докторъ Беннехенъ. Какъ разъ то же самое онъ мнѣ сказалъ нѣсколько часовъ тому назадъ: „вамъ надобно уѣхать!“ Я послѣдую его совѣту и попрошу себѣ мѣсто полиціймейстера въ Аалезундѣ.

Іоганнъ Беннехенъ, недоумѣвающій, отступилъ назадъ; онъ счелъ это за насмѣшку и оскорбился. А камергеръ накинулъ плащъ, но уходитъ медлилъ, точно хотѣлъ еще что-то сказать. Докторъ все болѣе и болѣе дивился на него.

Наконецъ, Дельфинъ пожалъ ему руку и пробормоталъ:

— Привѣтъ передайте вашей сестрѣ... Скажите ей... скажите отъ моего имени...—остальные слова заглушились чѣмъ-то, весьма похожимъ на рыданіе.

Камергеръ проворно сошелъ на берегъ и сѣлъ въ поджидавшій его экипажъ.

Кучеръ встрепенулся и снялъ съ лошади попону, прикрывавшую ее отъ дождя. Небо заволочло совсѣмъ тучами, и дождь зарядилъ надолго.

Докторъ постоялъ, глядя на удаляющійся экипажъ и на длинную тѣнь лошади, которая падала на лужи подъ газо-

выми фонарями. То было послѣднее, что онъ видѣлъ въ родномъ городѣ, прежде чѣмъ уйти въ каюту и лечь спать.

Рано утромъ ушелъ пароходъ. Когда совсѣмъ разсвѣло, было уже шесть часовъ,—пароходъ проходилъ мимо главнаго острова; съ крѣпостной стѣны показалось облако дыму и грянулъ пушечный выстрѣлъ въ тихомъ, сыромъ, утреннемъ воздухѣ.

Въ общей каютѣ начались разспросы о томъ, что именно могъ означать этотъ выстрѣлъ. Но Іоганну такъ хотѣлось спать, что онъ не шевельнулся.

Во второмъ классѣ мало обратили вниманія на выстрѣлъ: чувствовалось, что со старымъ свѣтомъ и его салютами счѣта уже покончены.

Въ то время, какъ торжественные двадцать одинъ выстрѣлъ грохотали надъ столицей, переселенческій пароходъ уже выходилъ изъ фіорда въ открытое море,—а густой, желтый дымъ отъ пушечной пальбы окутывалъ крѣпость и ложился на крыши домовъ въ мрачное, дождливое утро.

XXIII.

Двадцать одинъ выстрѣлъ возвѣщалъ отбытіе короля обратно въ Стокгольмъ. Оппозиціонные листки обрадовались случаю и съ обычнымъ ожесточеніемъ накинулись на правительство. Вся пресса возбуждалась; партіи наперерывъ выискивали ругательныя слова, которыми и швыряли другъ въ друга, точно воланами, а читатели забавлялись, глядя на полетъ этихъ волановъ.

Но никакія политическія бури не могли смутить кавалера Фалькъ-Ольсена. Въ слѣдующее воскресенье онъ прохаживался передъ зеркаломъ, когда вошла его жена и, ставъ рядомъ съ нимъ, полюбовалась на орденскую ленточку въ петлицѣ мужа.

— Слушай, жена! Намъ надо поѣхать путешествовать.

— Это зачѣмъ? Развѣ ты недоволенъ? Вѣдь получилъ, кажется...

— Ба, орденъ, это—только первый шагъ.

— Фу ты, подумаешь, какой великій человекъ!—вспылила фрау Ольсенъ.—Слишкомъ носъ задираешь, Оле Іоганнъ! Если орденъ только первый шагъ, то что же второй?

— Второй орденъ, очень просто!—пояснилъ Фалькъ-Ольсенъ, уходя изъ комнаты.

Ему наговорили, что нѣмецкіе князья на водахъ тароваты на раздачу орденовъ, въ особенности людямъ, уже имѣющимъ въ петлицѣ ленточку. Вотъ почему семья Фалькъ-Ольсеновъ отправилась въ Эмсъ, а двѣ недѣли

спустя Каролина Гельмъ получила отъ Луизы письмо, въ которомъ, между прочимъ, написано было:

„Ти представить себѣ не можешь, какъ отраднo просыпаться утромъ и не принуждать себя думать о Гансѣ. И какъ могла я быть такой душой! Что между мной и имъ общаго! Вчера мы катались кавалькадой на ослахъ, и одинъ англичанинъ (папа называетъ его лордомъ) сегодня весь разбитъ, такъ что ему не на чемъ сидѣть“.

Неосмотрительная Каролина показала своей матери письмо подружки, и чопорная фрау Гельмъ сказала Гансу:

— Да, ты былъ правъ относительно Луизы Фалькъ-Ольсенъ! За границей она окончательно испортится и погибнетъ!

Кузенъ Гансъ вздохнулъ.

Всемогущій Андерсъ совершенно впалъ въ слабоуміе. Онъ шмыгалъ по министерству, устраивая скандалы, т. е. рассказывая разныя вещи, о которыхъ не слѣдовало рассказывать.

Министръ Беннехенъ нашелъ необходимымъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ и, при посредствѣ Мортенсена, пристроилъ своего вѣрнаго слугу у извѣстной фрау Глунке, которая содержала школу шитья для молодыхъ дѣвицъ.

Здѣсь Мо почувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. За послѣдніе годы онъ принакопилъ деньжонокъ въ сберегательной кассѣ и теперь, въ школѣ шитья Маллы-Бимбамъ, среди веселыхъ дѣвицъ, очень скоро акклиматизировался и забылъ думать о министерствѣ и о прежнихъ интересахъ. Кромѣ того онъ сдѣлался чрезвычайно набожнымъ, сталъ усердно посѣщать церковь (на женской половинѣ), и нѣкоторыя особы прекраснаго пола охотно держали его молитвенникъ, пока самъ онъ, съ кроткимъ старческимъ лицомъ и бѣлоснѣжными кудрями, разсыпавшимися по воротнику, предавался молитвенному экстазу. Картина получалась трогательная и назидательная.

Пресса съ яростью продолжала играть въ волянтъ; въ особенности изошрялась оппозиція, удивляясь, во-первыхъ, какая польза въ министерствѣ отъ никому неизвѣстнаго доселѣ судьи Хюрта; во-вторыхъ, указывалось на гнусное отношеніе къ дѣлу въ вѣдомствѣ министра Беннехена, гдѣ документы пропадали, тайкомъ спрятанныя бумаги находились подъ спудомъ: цѣлый рядъ разоблаченій весьма некрасиваго свойства.

Устные слухи были еще того хуже: упоминалось имя фрау Глунке въ тѣсной связи съ именемъ министра Беннехена; кромѣ того, всему городу стало извѣстно, что двое

изъ дѣтей министра, послѣ ужасной семейной сцены, сбѣжали въ Америку.

Въ особенности интересовались исчезновеніемъ всемогущаго Мо изъ министерства.

Не смотря на все это, министръ Беннехенъ несъ голову немного выше обыкновеннаго и улыбался стереотипной улыбкой, полной достоинства и снисходительности.

Однако безпокойство въ министерствѣ возрастало. Каждое утро всѣ съ жадностью набрасывались на „Истиннаго друга народа“, но листокъ держалъ себя спокойно, ни разу не напечатавъ яркой передовой статьи, которая могла бы успокоить взволнованные умы и заткнуть рты крикунамъ.

— Теперь Мортенсенъ обязанъ высказаться!—крикнулъ разъ утромъ писецъ Эрсетъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Понятно обязанъ!—поддержалъ камеръ-юнкеръ Хіорть, ставшій теперь важной шишкой.

Всѣ чиновники, какъ одинъ человекъ, рѣшили, что Мортенсенъ долженъ высказаться. Настроеніе было возбужденное, когда вошелъ редакторъ и бросилъ на столъ еще сырой печатный листъ.

Хіорть схватилъ газету и прочелъ: „Кузница сплетенъ и слуховъ“.

— Наконецъ-то!

Мертвая тишина царила, пока онъ читалъ.

Сначала выставлялось на видъ, до какой степени было бы унизительно для оппозиціонной прессы опираться на бабьи сплетни и пустую болтовню. Затѣмъ, настоящее политическое положеніе страны объявлялось удовлетворительнымъ для всякаго здравомыслящаго и развитого человека.

„Тотъ фактъ...“ продолжалъ читать Хіорть, но редакторъ вырвалъ у него изъ рукъ листокъ.

— Дайте, я самъ прочту.

„Тотъ фактъ,—самый, въ сущности, обиденный,—что старый, министерскій курьеръ получилъ отставку, вызвалъ цѣлую скандальную переписку. Не знаменіе ли это времени, на которое слѣдовало бы обратить вниманіе!“

„А почему? Потому что за этимъ нездоровымъ и раздутымъ интересомъ къ мельчайшимъ подробностямъ управленія кроется нѣчто пагубное, что растетъ у насъ съ каждымъ днемъ, и что необходимо сразу вырвать съ корнемъ, дабы оно не принесло пагубныхъ для нашей государственной жизни плодовъ.“

„У низменныхъ натуръ, у полуобразованныхъ людей всегда находить себѣ мѣсто страшная ненависть ко всякому превосходству, къ силѣ, къ власти; эта ненависть возстаетъ противъ Богомъ установленнаго преемства, протягиваетъ руку дерзкому невѣрію, врывается въ сокровенные тайники

семейной жизни, вышучиваетъ высшихъ сановниковъ, угрожаетъ обществу привести его къ дикой анархiи, суля пресловутую свободу!

„Надѣюсь, что многіе между нами убѣждены въ способности норвежскаго чиновничества постоять за себя—и они правы. Но тѣмъ не менѣе на насъ лежитъ обязанность коснуться больного мѣста: вѣдь опасность грозитъ всему обществу. Надо положить предѣлъ этой безшабашной дерзости, которая въ печати и въ рѣчахъ не знаетъ удержа, набрасываясь на все, что, по законамъ божескимъ и чловѣческимъ, стоитъ выше толпы. Если всѣ благомыслящіе граждане не приложатъ къ этому дружныхъ усилій, то мы скорѣй изобразимъ изъ себя отвратительное зрѣлище народа, взбунтовавшагося противъ своихъ законовъ и правительства и попирающаго ихъ ногами.

„Будемъ же бодрствовать и чутко присматриваться къ знаменіямъ времени. Не потому, что мы чего-нибудь боимся, благодареніе Создателю! Мы имѣемъ слишкомъ прочныя гарантіи, чтобы питать какой бы то ни было страхъ: какъ нашъ великій монархъ, такъ и братскій союзъ нашъ съ народомъ, а болѣе всего, пожалуй, могущественная горсть интеллигентныхъ и даровитыхъ государственныхъ дѣятелей и чиновниковъ, которые такъ долго и хорошо управляли нами и, ради своего прошлаго, сумѣютъ быть вѣрными себѣ до конца,—вотъ наши незыблемыя гарантіи. Но, повторяемъ, надо всетаки бодрствовать и слѣдить за знаменіями времени! Насъ подстерегаютъ злыя, темныя силы. Пусть же яркій, дневной свѣтъ падетъ на нихъ, и онѣ, какъ злые духи, скроются въ ту же тьму, изъ которой появились!“

Общій восторгъ былъ наградой автору.

Эрсетъ потиралъ руки.

— Вѣрно, вѣрно! Такъ и должно быть! Слышали, папа Гансенъ? Понравилось?

Старый Гансенъ нагнулся надъ кипомъ своихъ бумагъ. У всѣхъ остальныхъ словно гора свалилась съ плечъ. Скандалъ закончился пустякомъ. Клеветники получили свое.

Мортенсенъ оглядѣлся вокругъ и сказалъ:

— Ну, а теперь, дѣти мои, подумайте, что бы вы стали дѣлать безъ меня? Можетъ ли быть для страны большее благословеніе, какъ просвѣщенная, правдивая и благомыслящая пресса?

На губахъ Мортенсена играла обычная двусмысленная улыбочка: никто никогда не могъ быть увѣренъ, говорить ли онъ саркастически, или серьезно.

На этотъ разъ, однако, никто не усомнился: всѣ слушатели чувствовали, что Мортенсенъ правъ.

Ничше и Брандесъ.

Истинный поэтъ и мыслитель пишутъ для себя и—не могутъ обойтись безъ читателей. Творчество вызывается его необходимостью для самого творящаго, и, однако, онъ хочетъ, чтобы оно было необходимо также для другихъ. Гонкуры гордились своей отъединенностью отъ толпы, своимъ „эгоистическимъ“ творчествомъ—и одинъ изъ нихъ рассказывалъ Додэ, что другой умеръ, вслѣдствіе невниманія читателей. Но нигдѣ это любопытное противорѣчіе не получило такого выраженія, какъ въ настроеніяхъ, запросахъ и признаніяхъ Фридрихъ Ничше. Онъ говорилъ *mihi ipsi scripsi* — я писалъ для себя—и отъ кого же, какъ не отъ создателя системы послѣдовательнаго эгоизма могли мы ждать этого гордаго заявленія. Менѣе чѣмъ кому-либо, конечно, нужны ему обширныя массы читателей, пошлыхъ и застывшихъ въ предразсудкахъ старой морали, органически неспособныхъ понять его. Самое большое—ему достаточно немногихъ избранныхъ, равныхъ ему по силѣ и свободѣ духа. Онъ самъ былъ въ этомъ убѣжденъ. „Я отшельникъ, да будетъ это вамъ извѣстно,— писалъ онъ Ипполиту Тэну,—и не ищу никакихъ читателей; но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ пошелъ третій десятокъ (теперь мнѣ сорокъ три), у меня никогда не было недостатка въ отдѣльныхъ выдающихся и очень внимательныхъ ко мнѣ читателей. Это были всегда люди пожилые. Среди нихъ, напримѣръ, — Рихардъ Вагнеръ, старый гегеліанецъ Бруно Бауэръ, мой почтенный коллега Яковъ Бурхардтъ и тотъ швейцарскій поэтъ, котораго я считаю единственнымъ живымъ нѣмецкимъ поэтомъ — Готфридъ Келлеръ. Я былъ бы очень радъ причислить къ моимъ читателямъ также наиболѣе уважаемаго мною француза“. Однако, это философское равнодушіе къ читателю — и именно къ массовому читателю — было иллюзіей; рядомъ съ выдающимися избранныками Ничше хотѣлъ имѣть и другихъ цѣнителей, не выделяющихся индивидуальностью, но значительнымъ своимъ количествомъ. Эта любопытная сторона психологіи одинокаго мыслителя находитъ наиболѣе яркое и наводящее на мысли освѣщеніе въ опубликован-

ной недавно перепискѣ съ его первымъ виднымъ комментаторомъ и пропагандистомъ, Георгомъ Брандесомъ. Эта переписка вошла въ третій томъ полнаго собранія писемъ Ницше, гдѣ мы находимъ также рядъ интересныхъ писемъ его къ другимъ выдающимся современникамъ. Въ предисловіи къ перепискѣ Ницше съ Брандесомъ сестра философа, его біографъ и редакторъ переписки, старается отвергнуть общепринятое предположеніе, что Ницше очень страдалъ отъ одиночества. „Мнѣ нужно одиночество—говорилъ онъ — то есть здоровье, возвращеніе къ себѣ, дыханіе свободной легкой, живой атмосферы. Весь мой „Заратустра“ есть диетамъ одиночеству или, если меня поняли,—чистотѣ“. Онъ страдалъ не отъ одиночества, но отъ отсутствія понимающихъ, отъ того, что ему не съ кѣмъ было дѣлиться своими мыслями. Онъ былъ, какъ онъ выражался, „до смѣшнаго счастливъ, когда могъ или думалъ, что могъ найти съ кѣмъ-нибудь хоть что-нибудь общее“. Но съ этимъ неизмѣнно были связаны безграничныя разочарованія, такъ какъ сплошь и рядомъ послѣ непродолжительнаго опыта онъ убѣждался, что непониманіе стѣнной стѣны между нимъ и другими, такъ что для него становится невозможно говорить объ интимнѣйшихъ своихъ мысляхъ. „Какъ бы ни былъ человѣкъ общителенъ, онъ будетъ сдержанъ, пока не найдетъ того, кому онъ можетъ сообщить *свое*“. И въ іюлѣ 1886 года у него вырывается страстная жалоба: „Невыразимость есть по истинѣ худшее изъ одиночествъ; различіе людей есть маска, болѣе желѣзная, чѣмъ всѣ желѣзныя маски на свѣтѣ—и лишь *inter pares* возможна совершенная дружба“. Тягостнѣе всего было для него безучастіе и поверхностное отношеніе его старыхъ друзей, а равно новыхъ читателей, которые не желали отнестись къ его сочиненіямъ серьезно и добросовѣстно. Онъ скрывалъ это предъ всѣми, но осенью 1888 года, горько жалуюсь на безтактное и неделикатное отношеніе къ нему нѣмцевъ, онъ пишетъ: „Сообразно съ моимъ существомъ, я мягокъ и благосклоненъ ко всякому: я имѣю *право* не дѣлать различія. Это не мѣшаетъ мнѣ, однако, видѣть вещи въ ихъ истинномъ свѣтѣ. Я никого не исключаю, и меньше всего моихъ друзей; я надѣюсь, что это не нарушило моего гуманнаго отношенія къ нимъ. И вотъ: ужъ много лѣтъ, какъ почти каждое письмо, получаемое мною, отдаетъ для меня *цинизмомъ*. Цинизмъ этотъ заключается больше въ благосклонности ко мнѣ, чѣмъ въ ненависти. Прямо въ лицо говорю каждому изъ моихъ друзей, что ни одинъ изъ нихъ ни разу не счелъ нужнымъ изучить какое-нибудь мое произведеніе: я угадываю по ничтожнѣйшимъ признакамъ, что они даже не знаютъ, о чемъ тамъ говорится. Что же касается моего „Заратустры“, то кто изъ моихъ друзей видѣлъ въ немъ что-либо, кромѣ неопозволительной, но, къ счастью, совершенно лишенной значенія, дерзости? Десять лѣтъ! И никто,

никто въ Германіи не счелъ долгомъ своей совѣсти защитить мое имя отъ безсмысленнаго молчанія, въ которомъ похоронили меня; и тотъ, у кого оказалось для этого достаточно чуткости и мужества, кто первый возмущился моими мнимыми друзьями, былъ иностранецъ, датчанинъ“. Это былъ Георгъ Брандесъ.

Въ статьѣ о первомъ томѣ переписки Ничше („Русское Богатство“ 1901 г. № 3) уже была отмѣчена радость, съ которой встрѣтилъ онъ извѣстіе о томъ, что Брандесъ популяризируетъ его сочиненія передъ обширной университетской аудиторіей. Онъ не просто обрадовался этому: онъ счелъ это чуть не переломомъ въ своей жизни и съ наивной суетностью спѣшилъ чуть не въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ сообщить всѣмъ своимъ—его непонимающимъ—друзьямъ о событіи въ Копенгагенѣ.

Въ сущности, съ точки зрѣнія тѣхъ высокихъ требованій, которыя Ничше представлялъ къ своему читателю, онъ никогда не могъ быть увѣренъ въ настоящемъ пониманіи, какое его идеи встрѣчаютъ въ Брандесѣ. Даже считая Бурхардта и Тэна своими „единственными читателями“, онъ, однако, писалъ о нихъ: „въ концѣ концовъ эта книга—„По ту сторону добра и зла“—не для нихъ: не то имъ нужно, что мнѣ, не того они ищутъ, что я“. Тоже могъ онъ сказать и о Брандесѣ, который поэтому обрадовалъ Ничше не какимъ-либо особеннымъ глубокимъ пониманіемъ, но публичнымъ и авторитетнымъ его признаніемъ.

Ихъ непосредственныя отношенія начались лишь осенью 1887 года, но еще въ 1883 г. Ничше слышалъ, что Брандесъ интересуется его сочиненіями и идеями, а лѣтомъ 1886 года одинъ общій знакомый рассказывалъ ему, какъ возмущенъ Брандесъ нѣмцами, упорно замалчивающими своего замѣчательнаго „имморалиста“. Ничше отправилъ датскому критику свои книги, и Брандесъ отвѣтилъ благодарственнымъ письмомъ, которое открыло ихъ переписку. „Съ годъ назадъ—пишетъ онъ—я получилъ, отъ вашего издателя вашу книгу „По ту сторону добра и зла“; недавно къ ней тѣмъ же путемъ присоединилось ваше послѣднее сочиненіе. Кромѣ того, у меня есть ваше „Человѣческое, сверхчеловѣческое“. Оба тома были у переплетчика, когда получено было „Къ генеалогіи морали“; поэтому я не могъ сопоставить его съ предыдущими. Понемногу я внимательно ознакомлюсь со всѣмъ, что вы написали. Но теперь мнѣ хочется прежде всего поблагодарить васъ за вниманіе. Я *горжусь* тѣмъ, что вы знаете меня, и знаете съ той стороны, которая внушила вамъ желаніе включить меня въ число вашихъ читателей.

Духомъ новизны, своеобразія и непосредственности вѣетъ на меня отъ вашихъ книгъ. Я не вполне еще понимаю то, что прочелъ въ нихъ; я не всегда знаю, чего вы собственно хотите. Но многое совершенно совпадаетъ съ моими мыслями и влеченіями: низкая оцѣнка аскетическихъ идеаловъ и глубокое возмущеніе

демократической посредственностью, вашъ аристократическій радикализмъ. Ваше презрѣніе къ морали состраданія еще не со-всѣмъ ясно для меня. Я встрѣтился также съ общими размышленіями о женщинахъ, которыя не сходятся съ моими воззрѣніями. Ваша организація настолько глубоко отлична отъ моей, что мнѣ крайне трудно войти въ ваше настроеніе. Не смотря на вашъ универсализмъ, вы въ складѣ вашей мысли и въ стилѣ—въ высшей степени нѣмецъ. Вы принадлежите къ немногимъ людямъ, съ которыми я хотѣлъ бы говорить.

Я ничего не знаю о васъ. Съ изумленіемъ вижу, что вы профессоръ, докторъ. Во всякомъ случаѣ поздравляю васъ, что въ духовномъ отношеніи вы такъ мало профессоръ.

Не знаю, что вамъ извѣстно обо мнѣ. Мои произведенія ставятъ себѣ очень ограниченныя задачи. Большинство ихъ существуетъ только на датскомъ языкѣ. Ужъ много лѣтъ, какъ я ничего не писалъ по нѣмецки. Думаю, что лучшіе мои читатели—въ славянскихъ земляхъ. Два года подрядъ я читалъ по-французски публичныя лекціи въ Варшавѣ, затѣмъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Такъ стараюсь я вырваться изъ ограниченной сферы моей родины. Я ужъ не молодъ, но все еще принадлежу къ самымъ любознательнымъ и любопытнымъ людямъ. Поэтому вы всегда встрѣтите во мнѣ желаніе понять васъ, даже въ томъ случаѣ, когда я думаю и чувствую иначе. Я часто бываю глупъ, но не бываю ограниченъ. Обрадуйте меня нѣсколькими строками, если полагаете, что это стоитъ труда“.

Ничше, конечно, полагалъ, что это стоитъ труда. Онъ никогда не считалъ себя столь одинокимъ, непонятымъ и оброщеннымъ, какъ въ тѣ печальныя зимніе дни въ Ниццѣ 1887 года, когда онъ былъ близокъ къ отчаянію, изъ котораго его вывелъ письмо Брандеса. Онъ отвѣтилъ тотчасъ же, повторяя гордые заявленія, которыя полгода назадъ дѣлалъ въ цитированномъ письмѣ къ Тэню. Онъ вообще часто повторялся въ письмахъ къ разнымъ лицамъ.

„Двухъ читателей, которыхъ я уважаю, и кромѣ нихъ—никакихъ читателей—вотъ все, чего я дѣйствительно желаю,—говоритъ онъ.—Что касается послѣдней части этого желанія, то чѣмъ дальше, тѣмъ очевиднѣе, что она останется невыполненной. Тѣмъ счастливѣе я, что при убѣжденіи *satis sunt pauci* у меня есть и всегда были эти *pauci*. Среди нихъ изъ живыхъ и извѣстныхъ вамъ лицъ я могу назвать моего друга Якова Бурхардта, Ганса фонъ-Бюлова, Инг. Тэна, швейцарскаго поэта Келлера, изъ умершихъ — стараго гегеліанца Бруно Бауэра и Рихарда Вагнера. Отъ души радуюсь тому, что отнынѣ къ нимъ присоединится такой европеецъ и культурный миссіонеръ, какъ вы; сердечно благодарю васъ за это благое намѣреніе.

Конечно, вамъ это будетъ не легко. Я самъ отчетливо со-

знаю, какъ много нѣмецкаго въ моихъ сочиненіяхъ: вы это чувствуете тѣмъ сильнѣе, что привыкли къ своему свободному и французски легкому обращенію съ языкомъ. Многія слова приправлены у меня иными солями и имѣютъ для меня иной вкусъ, чѣмъ для моихъ читателей. Въ скалѣ моихъ впечатлѣній и настроеній перевѣсъ на сторонѣ болѣе рѣдкихъ, далекихъ тональностей сравнительно съ средней нормой. И, говоря музыкальнымъ языкомъ, — такъ какъ я вѣдь, собственно, музыкантъ, — мой слухъ улавливаетъ четверти тоновъ. Наконецъ—и это, быть можетъ, дѣлаетъ мои книги темными—во мнѣ есть нѣкоторое недоувѣріе ко всякой діалектикѣ и даже ко всякимъ раціональнымъ основаніямъ. То, что человѣкъ считаетъ истиннымъ или не истиннымъ, опредѣляется для меня болѣе всего его мужествомъ, напряженіемъ его мужества (У меня рѣдко хватаетъ мужества въ томъ, что я собственно „знаю“). Выраженіе „аристократическій радикализмъ“, которымъ вы пользуетесь, очень удачно. Съ вашего позволенія, — это самое разумное слово обо мнѣ, которое мнѣ когда-либо приходилось читать. Какъ далеко завели уже меня эти воззрѣнія, какъ далеко они еще заведутъ меня,—я почти боюсь подумать объ этомъ. Но есть пути, по которымъ невозможно идти назадъ,—и я иду впередъ, ибо я долженъ идти впередъ.

Чтобы не упустить ничего, что могло бы облегчить вамъ доступъ къ моей берлогѣ—то есть къ моей философіи—я поручилъ моему лейпцигскому издателю переслать вамъ всѣ мои сочиненія en bloc. Особенное вниманіе рекомендую обратить на новыя предисловія. Эти предисловія въ совокупности, быть можетъ, могутъ бросить на меня нѣкоторый свѣтъ,—если, впрочемъ, я не темень по существу, темень самъ по себѣ, какъ *obscurissimus obscurorum virorum*... А вѣдь это возможно...”

Найдя въ Брандесѣ достойнаго читателя, Ничше старается облизить его со всѣми своими духовными интересами, со всей полнотой своего творчества. „Музыкантъ ли вы?“—спрашиваетъ онъ своего корреспондента.—Теперь выходитъ въ свѣтъ мой „Гимнъ къ жизни“ для хора съ оркестромъ. Его назначеніе—пережить мою музыку и быть исполненнымъ въ мою память,—если, впрочемъ, меня переживутъ другія мои произведенія. Вы видите, съ какими посмертными мыслями я живу. Но вѣдь такая философія, какъ моя, это—могила: съ нею уходишь изъ жизни. *Bene vixit qui bene latuit*—написано на надгробномъ памятникѣ Декарта“...

Это письмо кончалось припиской: „Я отказался отъ профессуры. Я ослѣплъ на три четверти“.

Вниманіе Брандеса, разумѣется, сосредоточилось на этихъ словахъ. „Совѣтовались ли вы съ хорошими, съ самыми лучшими глазами врачами?“—безпокойно спрашиваетъ онъ.—Вся душевная

жизнь измѣняется, когда человѣкъ плохо видитъ. Вашъ долгъ предъ всѣми, кто васъ почитаетъ, сдѣлать все возможное для сохраненія и улучшенія вашего зрѣнія“. Въ ожиданіи книгъ, въ которыя онъ „по возможности погрузится, имѣя въ то же время необходимость проявлять всяческую литературную и политическую дѣятельность“, Брандесъ дѣлится мыслями, которыя вызвало въ немъ послѣднее письмо Ничше. „Охотно принимаю отъ васъ званіе „хорошаго европейца“, но менѣе охотно мирюсь съ „культурнымъ миссіонеромъ“. Всякое миссіонерство для меня ужасно, ибо я видѣлъ только *морализующихъ* миссіонеровъ, а въ то, что называется культурой, боюсь, я вѣрю не вполне. Наша культура, какъ цѣлое, не способна вдохновлять, не правда ли?— а что такое миссіонеръ безъ вдохновенія! Называя васъ нѣмцемъ, я хотѣлъ сказать, что вы пишете больше для себя, что вы, когда пишете, думаете больше о себѣ, чѣмъ о большой публикѣ, между тѣмъ какъ большинство не нѣмецкихъ писателей принудило себя къ извѣстной педагогикѣ стиля, которая, правда, сообщаетъ ему ясность и пластичность, но необходимо затираетъ всякую глубину и вынуждаетъ писателя удерживать для себя его интимнѣйшее, лучшее, невыразимое существо. Меня нерѣдко просто пугаетъ мысль о томъ, сколь многое изъ моей сокровеннѣйшей сущности въ сущности едва намѣчено въ моихъ сочиненіяхъ.

Я мало смыслю въ музыкѣ. Искусства, о которыхъ я имѣю понятіе—пластика и живопись; имъ я обязанъ моими глубочайшими художественными впечатлѣніями. Мой слухъ неразвитъ; въ юности это было для меня источникомъ большого горя. Я много игралъ и нѣсколько лѣтъ занимался генераль-басомъ, но безуспѣшно. Я способенъ глубоко наслаждаться хорошей музыкой, но не принадлежу къ числу посвященныхъ.

Мнѣ кажется, въ вашихъ сочиненіяхъ я чувствую извѣстную близость нашихъ вкусовъ; укажу для примѣра наши симпатіи къ Бейлю, затѣмъ къ Тэню, котораго я, впрочемъ, не видѣлъ уже семнадцать лѣтъ. Я не такъ восхищенъ его трудомъ о революціи, какъ, очевидно, вы: онъ читаетъ проповѣди землетрясенію.

Я употребилъ слово „аристократическій радикализмъ“ потому, что оно вполне соотвѣтствуетъ моимъ политическимъ убѣжденіямъ. Но мнѣ не вполне пріятно, что вы въ своихъ произведеніяхъ такъ просто и быстро раздѣливаетесь съ такими явленіями, какъ социализмъ или анархизмъ. Анархизмъ, напримѣръ, князя Крапоткина, далеко не глупъ. Дѣло не въ названіи. Ваша мысль, столь ослѣпительная вообще, мнѣ кажется, нѣсколько уступаетъ тамъ, гдѣ истина заключается въ отгнѣкѣ. Въ высшей степени интересуютъ меня ваши взгляды на происхожденіе нравственныхъ идей.

Къ моему пріятному удивленію, вы раздѣляете мою антипатію къ Герберту Спенсеру; у насъ онъ считается философскимъ

божествомъ. У англичанъ обыкновенно одно преимущество: ихъ духъ, менѣе склонный къ полету, чуждается гипотезъ, тогда какъ именно гипотеза лишила нѣмецкую философію ея [всемирнаго авторитета. Не слишкомъ ли много гипотетическаго въ вашихъ идеяхъ о кастовомъ различіи, какъ источникѣ различныхъ нравственныхъ понятій?

Я знаю Ре, на котораго вы нападаете; я видѣлъ его въ Берлинѣ; это былъ тихій человѣкъ, державшійся съ большимъ достоинствомъ, но нѣсколько сухой и ограниченный. Онъ жилъ—по его словамъ, какъ братъ съ сестрой—съ одной очень молодой интеллигентной русской, два года назадъ написавшей книгу „Der Kampf um Gott“, которая, однако, не даетъ никакого представления о ея дѣйствительномъ дарованіи“.

Вопросы, задѣтые Брандесомъ, были слишкомъ близки Ницше, чтобы онъ не откликнулся тотчасъ же. „Вы не должны уклоняться отъ званія „культурнаго миссіонера“,—говоритъ онъ:—какимъ же образомъ можно теперь быть послѣднимъ, какъ не проповѣдью своего невѣрія въ культуру! Быть убѣжденнымъ, что наша европейская культура есть гигантская проблема, а совсѣмъ не рѣшеніе—развѣ эта степень самосознанія и самообладанія не есть теперь сама культура?

Пока вы получите мои книги, позвольте вамъ предложить одинъ безшабашный курьезъ изъ моихъ неизданныхъ произведеній, принадлежащій къ моему интимнѣйшему міру. Это четвертая часть моего Заратустры; ея заглавіе въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ гласитъ: „Искушеніе Заратустры. Интерлюдія“. Быть можетъ, это будетъ лучшій отвѣтъ на вашъ вопросъ о моей проблемѣ состраданія. Кромѣ того, вообще благоразумно вступать со „мною“ въ общеніе чрезъ эту потайную дверь; нужны только ваши глаза и уши. Ваша статья о Зола снова напомнила мнѣ—какъ и инныя ваши работы (изъ нихъ послѣдняя въ „Goethe-Jahrbuch)—о пріятнѣйшемъ изъ вашихъ дарованій,—о способности ко всякаго рода психологической оптикѣ. Рѣшая сложнѣйшія задачи современной души, вы точно погружаетесь въ родную стихію, въ то время какъ нѣмецкаго ученаго это заставляло бы именно выйти изъ своей стихіи. Или вы, быть можетъ, болѣе благосклоннаго мнѣнія о нынѣшнихъ нѣмцахъ. Мнѣ представляется, что они съ каждымъ годомъ становятся все неуклюжѣе и „четыреугольнѣе“ in rebus psychologicis въ противоположность парижанамъ, у которыхъ все переходитъ въ нюансъ и мозаику. Напримѣръ, мое „По ту сторону добра и зла“—въ какое смущеніе повергла ихъ эта книга! Ни одного разумнаго слова я не слышалъ о ней, не говоря ужъ о разумномъ чувствѣ. Я думаю, ни одному изъ самыхъ благожелательныхъ моихъ читателей не пришло даже въ голову, что они имѣютъ здѣсь дѣло не съ сумятицей сотни произвольныхъ парадоксовъ и еретическихъ утвержденій,

а съ законченной системой совершенно опредѣленной философской индивидуальности. Они не „пережили“ ничего сходнаго и не могутъ противопоставить мнѣ и тысячной доли необходимыхъ страданій и страстей. „Имморалистъ“—и все кончено. А на мысль въ этой кличкѣ—ни намека.

Кстати: Гонкуры въ какомъ-то изъ своихъ предисловій изъ-являютъ притязанія на формулу *document humain*. Но вѣдь первый провозгласилъ ее Тэнъ. Вы правы, что онъ „читаетъ проповѣди землетрясенію“, но это донкихотство принадлежитъ къ самымъ достойнымъ поступкамъ, какіе возможны на землѣ“.

Изъ случайной переписки становилась постоянной. Пріатели обмѣнивались книгами, планами, блестящими характеристиками людей, эпохъ и народовъ. Брандесъ пересылаетъ Ниче свою новую книгу въ корректурныхъ листахъ. „Это сборникъ этюдовъ, предназначенный для экспорта—стало быть, не лучший изъ моихъ товаровъ,—сообщалъ при этомъ Брандесъ.—Они относятся къ различному времени и слишкомъ галантны, слишкомъ хвалебны, слишкомъ идеалистичны. *Всего* моего мнѣнія я въ нихъ не высказалъ ни разу. Статья объ Ибсенѣ—лучшее, но переводъ стиховъ, заказанный мною для нея, къ сожалѣнію, отвратителенъ“. Отъ Ибсена былъ естественъ переходъ къ другому любимцу Брандеса—Серену Киркегору (1813—1855), съ которымъ онъ старался познакомить и сблизить Ниче. „Моя книжка о немъ (перев. Лейпцигъ, 1879) по существу не даетъ достаточнаго представленія о его геніи, ибо это, такъ сказать, полемическая брошюра, написанная съ цѣлью ослабить мое вниманіе. Но въ психологическомъ отношеніи это лучшая моя вещь. Статья въ *Goethe-Jahrbuch*, къ сожалѣнію, сокращена на треть за недостаткомъ мѣста; въ датскомъ оригиналѣ она гораздо лучше. Быть можетъ, вы читаете по-польски? Тогда я вамъ пришлю одну мою книжку, существующую только на польскомъ языкѣ.

Не читайте моей статьи о датской литературѣ, напечатанной въ флорентинской *Rivista Contemporanea*; она переведена съ русскаго и полна нелѣпѣйшихъ ошибокъ...

Очень радъ, что вы находите у меня кой что полезное для себя. За послѣдніе четыре года ни на кого здѣсь на сѣверѣ не нападаютъ такъ, какъ на меня. Ежедневно свирѣпствуютъ противъ меня газеты, особенно послѣ моей послѣдней продолжительной схватки съ Бьернсономъ, когда всѣ высоко-нравственныя нѣмецкія газеты выступили противъ меня. Быть можетъ, вамъ знакома его безвкусная драма „Перчатка“, его пропаганда дѣвственности для мужчинъ и его союзъ съ поборниками „моральнаго равноправія“. Ничего подобнаго до сихъ поръ не было. Въ Швеціи нелѣпыя женщины заключили большіе союзы, гдѣ даютъ обѣщанія выходить замужъ „только за дѣвственныхъ мужчинъ“.

Они получают ихъ, вѣрно, съ гарантіей, какъ часы. Только на-счетъ будущаго гарантія плоха“.

Отъ себя Брандесъ опять переходитъ къ своему корреспонденту. „Я читалъ и перечитывалъ три ваши книги, извѣстныя мнѣ. Есть два мостика, соединяющіе мой внутренній міръ съ вашимъ: цезаризмъ, симпатія къ Бейлю и т. д., но многое мнѣ еще чуждо.—Вы безъ сомнѣнія возбуждаете мысль болѣе, чѣмъ кто-либо изъ нѣмецкихъ писателей. Ну, ужъ ваша нѣмецкая литература! Просто не знаешь, на чемъ остановиться. Мнѣ кажется, всѣ умные люди у васъ ушли въ генеральный штабъ или въ администрацію. Вся жизнь и всѣ учрежденія дошли у васъ до *отвратительнѣйшаго единообразія*, и литература задавлена издательствомъ“.

Въ обширномъ отвѣтѣ, полномъ цѣнныхъ автобіографическихъ указаній, Ницше исходитъ какъ бы изъ нѣкоторой скрытой параллели между собою и Брандесомъ.

„Вашимъ вѣладомъ въ изученіе понятія современности вы возложили на меня пріятнѣйшій долгъ—говорить онъ,—ибо какъ разъ эту зиму я носился съ этимъ первостепеннымъ вопросомъ, стараясь взглянуть на современность свысока, съ птичьяго полета, какъ можно менѣе „современно“. Удивляюсь—долженъ признаться—вашей терпимости и вашей сдержанности въ сужденіяхъ. Какъ вы умѣете приблизить къ себѣ этихъ „малыхъ сихъ“. Даже Гейзе!..

Я рѣшилъ при моемъ ближайшемъ путешествіи въ Германію заняться психологической проблемой личности Киркегора, а также обновить знакомство съ вашими прежними произведеніями. Это будетъ для меня очень полезно — въ лучшемъ смыслѣ слова, и поможетъ мнѣ оцѣнить мою рѣзкость и заносчивость въ сужденіи... Я позволяю себѣ думать, что я далъ „новымъ нѣмцамъ“ самыя содержательныя, жизнью подокзанныя и независимыя книги, какія у нихъ только есть, и что я самъ лично представляю собою въ кризисѣ современныхъ оцѣнокъ явленіе первостепенной важности. Но это, быть можетъ, ошибка, да еще въ добавокъ и глупость: хотѣлъ бы не имѣть необходимости вѣрить чему бы то ни было о себѣ. Статья противъ Штрауса, злая насмѣшка „весьма свободнаго духа“ противъ того, что только считало себя таковымъ, произвела невѣроятный скандалъ: не смотря на мои 27 лѣтъ, я былъ тогда уже ординарнымъ профессоромъ, стало быть, въ нѣкоторомъ родѣ авторитетомъ, и чѣмъ-то *признаннымъ*. Наиболѣе свободное сужденіе объ этой исторіи, въ которой приняли участіе за или противъ чуть не всѣ „нотабли“, при чемъ было испорчено колоссальное количество печатной бумаги, вы найдете во второмъ томѣ „*Zeiten, Völker und Menschen*“ Карла Гиллебранда. Событіемъ было не то, что я позволилъ себѣ издѣваться надъ старчески-безсильной страпней необычно-

веннаго критика, но то, что я *in flagranti* уличилъ нѣмецкій вкусъ въ позорномъ безвкусіи: не взирая на всяческія религіозно-теологическія несогласія, онъ вѣдь единогласно восхищался „Старой и новой вѣрой“ Штрауса, какъ классическимъ образцомъ свободы и изящества духа (а также стиля!). Моя брошюра была первымъ покушеніемъ на нѣмецкую образованность, ту самую „образованность“, которой приписывали честь побѣды надъ Франціей. Пущенное мною словечко „филистеръ образованности“ пережило яростную сутолоку полемики и укоренилось въ языкѣ.

Статьи о Шопенгауэрѣ и Вагнерѣ, какъ мнѣ теперь кажется, представляютъ собою скорѣе данныя себѣ признанія и обѣщанія, чѣмъ дѣйствительныя характеристики этихъ двухъ, столь же глубоко родственныхъ, сколько противоположныхъ мнѣ творцовъ. Я первый выдѣлилъ въ нихъ извѣстное сходство; теперь это суетвѣріе—на авансценѣ нѣмецкой культуры: всѣ вагнеріанцы — поклонники Шопенгауэра. Не такъ было въ моей молодости. Тогда вагнеріанцами были послѣдніе гегелъята и еще въ пятидесятыхъ годахъ пароль былъ „Вагнеръ и Гегель“.

Между „Несвоевременными размышленіями“ и „Человѣческимъ сверхъ-человѣческимъ“ былъ кризисъ и обновленіе: также въ физическомъ смыслѣ, ибо я жилъ цѣлые годы въ непосредной близости къ смерти. Это было для меня величайшимъ счастіемъ: я забылъ себя, я пережилъ себя... То же самое я продолжалъ еще разъ. Итакъ, мы обмѣнялись подарками: точно два путника, которые радуются своей случайной встрѣчѣ...

Этотъ обмѣнъ подарками продолжался—и Брандесъ опять отвѣчаетъ рядомъ интереснѣйшихъ сообщеній о себѣ. „У васъ, вѣрно, прелестная весенняя погода, а здѣсь ужасная мятель, и мы ужъ цѣлый рядъ дней отрѣзаны отъ Европы. Кромѣ того, сегодня вечеромъ я говорилъ предъ нѣсколькими сотнями дураковъ, вижу вокругъ себя много тяжелого и печальнаго и хочу освѣжиться отвѣтомъ на ваше письмо. Такъ какъ я былъ слишкомъ занятъ, чтобы сейчасъ же отвѣтить, я отправилъ вамъ мою книгу о нѣмецкой романтикѣ, которую нашелъ въ шкафу. Но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вамъ показалось, будто эта посылка должна быть чѣмъ нибудь, кромѣ безмолвнаго выраженія благодарности. Книга эта написана въ 1873 и переработана въ 1886 г., но мой нѣмецкій издатель позволилъ себѣ сдѣлать въ ней множество стилистическихъ и иныхъ измѣненій, такъ что, на примѣръ, первыя двѣ страницы—совсѣмъ не мои. Вездѣ, гдѣ онъ не понималъ моихъ мыслей, онъ писалъ совсѣмъ другое, утверждая, что написанное мною сказано не по-нѣмецки. Кромѣ того, онъ обѣщалъ мнѣ купить право на старый переводъ моей книги, но по непонятной скупости не сдѣлалъ этого; между тѣмъ я пользовался отрывками стараго перевода. Получилось вотъ что: нѣмецкіе суды въ двухъ инстанціяхъ запретили мою книгу, какъ перепечатку, между тѣмъ

какъ настоящій контрафакторъ моихъ книгъ продалъ ихъ свободно. Возможно, что это заставитъ меня совершенно отстраниться отъ нѣмецкой литературы. Я послалъ вамъ этотъ томъ; потому что у меня нѣтъ другихъ: но первый—объ эмигрантахъ,—четвертый—объ англичанахъ и шестой — о нѣмецкихъ романтикахъ гораздо, гораздо лучше написаны *con amore*.

Заглавіе книги „*Moderne Geister*“ случайно. Я написалъ до двадцати томовъ, и мнѣ захотѣлось составить изъ нихъ для заграницы книгу о людяхъ, уже извѣстныхъ. Таково ея происхождение. Кой что въ ней стоило мнѣ большихъ трудовъ; такова, напримѣръ, статья о Тегнерѣ, въ которой впервые сказано о немъ то, что слѣдуетъ. Васъ должна заинтересовать личность Ибсена. Къ сожалѣнію, какъ человѣкъ, онъ не стоитъ на той высотѣ, которую занимаетъ, какъ писатель. Какъ мыслитель, онъ былъ въ большой зависимости отъ Киркегора и все еще очень проникнутъ теологіей. Бьернсонъ въ послѣднемъ фазисѣ сдѣлался пошлымъ свѣтскимъ проповѣдникомъ. Вотъ ужъ болѣе трехъ лѣтъ, какъ я не издалъ ни одной книги: я былъ слишкомъ несчастенъ для этого. Эти три года были изъ самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни, и я не вижу основанія ждать лучшихъ. Я, однако, предполагаю выпустить въ свѣтъ шестой томъ моего сочиненія и еще одну книгу, но на это нужно время. Я сердечно обрадовался свѣжимъ книгамъ, перелистывалъ ихъ и читалъ. Ваши юношескія книги очень цѣнны для меня: онѣ очень облегчаютъ мнѣ пониманіе; теперь я съ удобствомъ поднимаюсь по ступенямъ, ведущимъ къ высотамъ вашего духа. На Заратустру я набросился было безъ подготовки. Мнѣ пріятнѣе подыматься, чѣмъ прыгать, очертя голову, точно въ море. Я зналъ статью Гиллебранда и читалъ нѣсколько лѣтъ назадъ нѣкоторые жестооченныя нападки на книгу о Штраусѣ. За слово „филистеръ образованности“ я вамъ очень благодаренъ; я и не подозревалъ, что оно идетъ отъ васъ. Я ничего не имѣю противъ критическаго отношенія къ Штраусу, хотя питаю нѣкоторый пѣтеть къ старцу. Онъ былъ и остался тюбингенцемъ. Изъ прочихъ вашихъ сочиненій я изучилъ только „Утреннюю зарю“. Мнѣ кажется, я вполне понялъ книгу; многія изъ ея мыслей уже были во мнѣ, другія новы для меня, но не чужды. Чтобы не слишкомъ затягивать письмо, еще одно слово. Мнѣ очень по душѣ вашъ афоризмъ о случайности браковъ. Но почему вы не идете дальше? Въ одномъ мѣстѣ вы говорите съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ о бракѣ, который, признавъ извѣстный идеалъ чувства, идеализировалъ чувства, — а здѣсь надо бы грубѣе, сильнѣе. Почему не сказать, наконецъ, всю истину?

... Бракъ больше, чѣмъ что-либо, убиваетъ индивидуальность, ограничиваетъ свободу; это воплощенный парадоксъ. Ужаснѣе всего то, что человѣчество еще слишкомъ грубо, чтобы отнестись къ этому вопросу, какъ слѣдуетъ. Такъ называемые свободные

и свободнѣйшіе писатели говорятъ о бракѣ съ мѣщанскимъ почитеніемъ, доводящимъ меня до бѣшенства. И они въ концѣ концовъ правы, потому что невозможно сказать, чѣмъ замѣнить его для человѣческаго стада. Остается одно: медленно примѣнять общественное мнѣніе. Что вы думаете объ этомъ?

Я очень хотѣлъ бы знать, какъ ваши глаза. Съ удовольствіемъ вижу, какъ отчетливъ и разборчивъ вашъ почеркъ. Извинѣ вамъ, какъ видно, живется спокойно. Моя жизнь—сплошь истощающая меня борьба. Меня ненавидятъ здѣсь больше, чѣмъ, семнадцать лѣтъ назадъ; само по себѣ это не очень пріятно, но зато даетъ радостную увѣренность, что я не застылъ и ни въ одномъ пунктѣ не примирился съ самодержавной посредственностью. Вашъ внимательной и благодарный читатель“.

Въ отвѣтъ Ничше распростирается по преимуществу о своемъ физическомъ здоровьи.

„Въ моихъ глазахъ—говоритъ онъ—я имѣю динамометръ моего общаго состоянія; съ тѣхъ поръ, какъ въ главномъ я поправляюсь, они сдѣлались устойчивѣе, чѣмъ я когда либо ожидалъ: они опровергли пророчества лучшихъ нѣмецкихъ врачей. Если бы господъ Грефе et hoc genus omne были правы, я былъ бы давно слѣпъ. Правда, я дошелъ до очковъ № 3, но я вижу еще. Я говорю объ этой бѣдѣ потому, что вы были добры спросить меня объ этомъ, и потому, что въ послѣднія недѣли мои глаза были особенно слабы и раздражительны. Мнѣ жаль, что вамъ приходится проводить жизнь на вашемъ, на этотъ разъ особенно холодномъ и мрачномъ, сѣверѣ; не понимаю, какъ тамъ сохраняютъ свою душу. Удивляюсь всякому, кто подъ сѣрымъ небомъ не теряетъ вѣры въ себя, не говоря ужъ о вѣрѣ въ „человѣчество“, въ „бракъ“, въ „собственность“, въ „государство“... Въ Петербургѣ я былъ бы нигилистомъ; здѣсь я вѣрю, какъ вѣрить растеніе въ солнце. Солнце Ниццы, это—дѣйствительно не предразсудокъ. И оно было у насъ въ избыткѣ—за счетъ прочей Европы. Со свойственнымъ ему цинизмомъ, Зевсъ обливаетъ его свѣтомъ насъ, бездѣльниковъ, „философовъ“ и шулеровъ, благостнѣе, чѣмъ столь болѣе достойное его вниманія мое военно-героическое отечество.

Но вы съ истиннымъ инстинктомъ сѣверянина избрали лучшее возбуждающее средство, какое есть, чтобы выдержать жизнь на сѣверѣ, а именно борьбу, агрессивный аффектъ, набѣги викинговъ. Чувствую въ вашихъ произведеніяхъ бывалаго воина; и, быть можетъ, не только „посредственность“, но еще болѣе свойства самостоятельныхъ и своеобразныхъ натуръ сѣвера вызываютъ васъ постоянно на бой. Какъ много „пастора“ и теологіи сидитъ еще во всемъ этомъ идеализмѣ!.. Тягостнѣе сѣвернаго неба была бы для меня необходимость возмущаться вещами, до которыхъ намъ, собственно, нѣтъ дѣла.

На сей разъ довольно. Понстинѣ, не много. Ваша „нѣмецкая

романтика" навела меня на раздумье о томъ, какъ все это движеніе пришло къ своей цѣли лишь въ видѣ музыки (Шуманнъ, Мендельсонъ, Веберъ, Вагнеръ, Брамсъ); въ литературѣ оно осталось только великимъ общаніемъ. Французы были счастливѣе. Воюя, что я слишкомъ музыкантъ, чтобы не быть романтикомъ. Безъ музыки жизнь была бы для меня ошибкой".

Наконецъ, постепенно сближаясь съ Ничше по его письмамъ и книгамъ, Брандесъ, старый посредникъ между избранниками творчества и публикой, почувствовалъ въ себѣ обычное желаніе подѣлиться своими новыми знаніями, мыслями и впечатлѣніями съ другими.

"Я по природѣ не назойливъ, настолько, что живу почти въ одиночествѣ—пишетъ онъ въ апрѣлѣ 1888 года,—переписываюсь тоже неохотно, да и вообще пишу неохотно, какъ всѣ писатели. Но вчера, когда я получилъ ваше письмо и взялся за одну изъ вашихъ книгъ, меня вдругъ охватила досада, что васъ здѣсь, въ Скандинавіи, никто не знаетъ, и я рѣшился сдѣлать васъ разомъ извѣстнымъ. Прилагаемая газетная вырѣзка сообщить вамъ, что я, отказавшись только что отъ серіи лекцій о Россіи, объявилъ курсъ, посвященный вашимъ произведеніямъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я вынужденъ читать два раза подрядъ каждую мою лекцію, потому что университетъ не вмѣщаетъ моихъ слушателей; на сей разъ, полагаю, этого не будетъ, такъ какъ ваше имя абсолютно ново; но тѣ, которые придутъ и узнаютъ о вашихъ сочиненіяхъ, будутъ не изъ самыхъ глупыхъ".

Готовясь къ этимъ лекціямъ, онъ обращается къ Ничше за необходимыми справками. "Такъ какъ я очень хотѣлъ бы знать, какъ вы выглядите, прошу васъ подарить мнѣ вашъ портретъ. Прилагаю мою послѣднюю фотографію. Затѣмъ я просилъ бы васъ вкратцѣ сообщить мнѣ, когда и гдѣ вы родились и къ какимъ годамъ относится изданіе (а еще лучше составленіе) вашихъ книгъ, такъ какъ онѣ не датированы. Если у васъ есть какая-нибудь газета, въ которой были напечатаны эти свѣдѣнія, то вы будете избавлены отъ необходимости писать. Я—не аккуратный писатель, и у меня нѣтъ ни литературныхъ, ни другихъ словарей, гдѣ могла бы идти рѣчь о васъ.

Ваши раннія—"несвоевременныя"—произведенія приносятъ мнѣ большую пользу. Какъ вы были молоды и порывисты, какъ откровенны и наивны! Многое въ зрѣлыхъ книгахъ я понимаю еще не вполне; мнѣ кажется, что вы часто обобщаете чисто личные данныя и даете читателю прекрасный ларецъ безъ ключа. Но значительную долю я понимаю. Съ наслажденіемъ я прочелъ вашу статью о Шопенгауэрѣ; хотя я лично мало ему обязанъ, вся она точно вылилась изъ моей души". Попутно Брандесъ дѣлаетъ нѣсколько частныхъ замѣчаній по поводу прочитанныхъ имъ книгъ Ничше. Оtmѣтимъ изъ нихъ одно,

такъ какъ оно затѣмъ повело къ характерному обмѣну мыслей: „на стр. 118 вы говорите о высотѣ, „на которую Шекспиръ ставитъ Цезаря“. Я нахожу шекспировскаго Цезаря жалкимъ. Это оскорбленіе величества. И этотъ апофеозъ ничтожества, котораго хватило только на то, чтобъ воткнуть ножъ въ великаго человѣка“.

„Эти мелочи — замѣчаетъ Брандесъ — должны вамъ только показать, съ какимъ вниманіемъ я васъ читаю. Разумѣется, мнѣ надо бы поговорить съ вами о совѣмъ другихъ вещахъ, но именно для этого не годятся письма.“

Если вы читаете по-датски, я послалъ бы вамъ мою маленькую работу о Гольбергѣ, которая выйдетъ черезъ недѣлю... Если вы понимаете по-шведски, то обращаю ваше вниманіе на единственнаго генія Швеціи, Августа Стриндберга. Когда вы пишете о женщинахъ, между вами большое сходство“.

Извѣстіе о лекціяхъ, посвященныхъ его сочиненіямъ, было громадной радостью для Ничше. „Какая пріятная неожиданность! — восклицаетъ онъ возбужденно — откуда набрали вы мужества, чтобы рѣшиться говорить публично о такомъ *vir obscurissimus*, какъ я!.. Быть можетъ, вы думаете, что я пользуюсь извѣстностью на своей родинѣ. Меня трактуютъ, какъ нѣчто такое, что пока нѣтъ нужды принимать въ серъезъ... Они, очевидно, чуютъ, что и я съ своей стороны не принимаю ихъ въ серъезъ: да и какъ это возможно теперь, когда самое понятіе „нѣмецкій духъ“ сдѣлалось *contradictio in adjecto*. За фотографію благодарю сердечно. Къ сожалѣнію, не могу отвѣтить тѣмъ же: послѣдніе мои портреты увезла сестра, уѣхавшая съ мужемъ въ Южную Америку. При семъ маленькая *vita*, первая, написанная мною. Что касается датъ моихъ сочиненій, онѣ перечислены на обложкѣ „По ту сторону добра и зла“. „Происхожденіе трагедій“ написано между лѣтомъ 1870 и зимою 1871 г.; окончено въ Лугано, гдѣ я жилъ съ семьею фельдмаршала Мольтке. „Несвоевременныя размышленія“ — между 1872 и лѣтомъ 1875 г. Ихъ предполагалось тринадцать, но здоровье, къ счастью, сказало *нѣтъ!*“

То, что вы говорите о „Шопенгауэрѣ, какъ воспитателѣ, очень обрадовало меня. Это маленькое сочиненіе служить для меня какъ бы условнымъ знакомъ; кому оно не подсказало ничего *личнаго*, тотъ, видно, чужой для меня. Въ основѣ статьи лежитъ схема, по которой я жилъ до сихъ поръ; она представляетъ собою строгое *объщаніе*... Заратустра написанъ въ 1883—1885 (каждая часть приблизительно въ десять дней. Состояніе совершенно „одержимаго“. Все сложилось на ходу, во время энергичныхъ прогулокъ, съ абсолютной увѣренностью, точно каждое предложеніе было кѣмъ-то продиктовано. Во время работы — величайшая физическая упругость и полнота...)“.

Въ заключеніе списка, изъ котораго мы приводимъ только наиболѣе интересныя подробности, Ничше прибавляетъ: „конечно, я писалъ также philologica. Но теперь это ужъ не интересуетъ насъ. Дѣлаю опытъ съ Туриноу, хочу остаться здѣсь до 5 іюня, а затѣмъ отправлюсь въ Энгадинъ. До сихъ поръ—сурово по зимнему. Но городъ величественно спокоенъ и льститъ моимъ инстинктамъ. Лучшая мостовая въ мірѣ.

Горю, что не понимаю ни по-датски, ни по-шведски“.

Приложенная къ письму краткая автобіографія заслуживаетъ особаго вниманія:

„Vita. Я родился 15 октября 1844 года, на полѣ битвы при Люценѣ. Первое имя, услышанное мною, было Густавъ Адольфъ. Мои предки были польскіе дворяне (Niezky); кажется, типъ сохранился хорошо, не смотря на трехъ нѣмецкихъ „матерей“. За границей меня обыкновенно считаютъ полякомъ; еще эту вину въ спискѣ ниццскихъ прѣзжихъ я числился соше polonais. Мнѣ говорили, что моя голова встрѣчается на картинахъ Матейко. Моя бабушка принадлежала къ гете-шиллеровскому кружку въ Веймарѣ; ея братъ былъ преемникомъ Гедера въ должности веймарскаго генераль-суперинтендента. Я имѣлъ счастье быть ученикомъ досточтимой Шульпфорты *), изъ которой вышли столь многіе (Клопштокъ, Фихте, Шлегель, Ранке и т. д., и т. д.), имѣющіе значеніе въ нѣмецкой литературѣ. У насъ были учителя, которые сдѣлали бы—или дѣлали—честь всякому университету. Я учился въ базельскомъ университетѣ, потомъ въ лейпцигскомъ. Старый Ритцль, тогда первый филологъ Германіи, отличилъ меня почти съ самаго начала. Въ 22 года я былъ сотрудникомъ „Litterarisches Centralblatt“ (Царнке). Основаніе филологическаго кружка въ Лейпцигѣ, существующаго до сихъ поръ—моя заслуга. Зимой 1868—1869 г. базельскій университетъ предложилъ мнѣ профессору: я не былъ еще докторомъ. Лейпцигскій университетъ далъ мнѣ затѣмъ степень доктора при очень почетныхъ условіяхъ: безъ всякаго экзамена и даже безъ диссертациі. Съ Пасхи 1869 до 1879 г. я жилъ въ Базелѣ. Мнѣ пришлось отказаться отъ нѣмецкаго подданства, такъ какъ въ качествѣ офицера (конной артиллеріи) я слишкомъ часто подлежалъ призыву, что мѣшало моимъ университетскимъ занятіямъ. Тѣмъ не менѣе я владѣю двумя оружіями—саблей и пушками—и, быть можетъ, также третьимъ... Въ Базелѣ все шло хорошо; не смотря на мою молодость, не разъ при докторскихъ испытаніяхъ докторантъ оказывался старше экзаменатора. Большой удачей для меня было задушевное обличеніе съ Яковомъ Бургардтомъ—нѣчто необыкновенное для этого уединеннаго отшельника-мыслителя. Еще большей удачей было то, что въ самомъ

*) Знаменитая образцовая средняя школа въ Саксоніи.

началъ моего базельскаго пребыванія я невыразимо близко и интимно сошелся съ Рихардомъ и Козимой Вагнеръ, которые тогда, какъ бы отрубивъ все прежнія связи, жили, точно на островѣ, въ своемъ имѣніи Трибшенъ, подъ Люцерномъ. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ мы дѣлились всемъ большимъ и малымъ съ безграничной искренностью. Въ собраніи сочиненій Вагнера (т. VII) вы найдете его посланіе ко мнѣ, по поводу „Происхожденія трагедіи“. Благодаря этой связи, я познакомился съ обширнымъ кругомъ интересныхъ людей (и „человѣчицъ“), въ сущности почти со всемъ, что произрастаетъ между Парижемъ и Петербургомъ. Около 1876 года мое здоровье испортилось. Я провелъ тогда зиму въ Сорренто съ моей старой пріятельницей, баронессой Мейзенбургъ („Воспоминанія идеалистки“), и симпатичнымъ докторомъ Рэ. Улучшенія не было. Необыкновенно болѣзненные и упорныя головныя боли истощили меня въ конецъ. Затѣмъ, постепенно учащаясь, онѣ перешли въ обычное сплошное болѣзненное состояніе, такъ что въ это время число дней, когда я былъ боленъ, доходило до двухсотъ. Болѣзнь, очевидно, имѣла исключительно мѣстныя причины; никакихъ общихъ невро-патологическихъ предпосылокъ для нея не имѣется. У меня никогда не было никакихъ симптомовъ душевнаго расстройства, ни даже лихорадочнаго состоянія, ни обморока. Мой пульсъ бился медленно, какъ у перваго Наполеона (=60). Моей спеціальностью было тогда выносить крайнія страданія при постепенной слизистой рвотѣ, съ полной ясностью духа въ теченіе двухъ—трехъ дней подъ рядъ. Распространился слухъ, будто я въ сумасшедшемъ домѣ (и даже умеръ тамъ). Ничто не можетъ быть ошибочнѣе. Мой духъ только созрѣлъ въ это страшное время; доказательство—„Утренняя заря“, которую я написалъ въ 1881 году за одну зиму въ Генуѣ при невѣроятныхъ страданіяхъ, безъ врачей, друзей и родныхъ. Эта книга точно „динамометръ“ для меня: я написалъ ее при минимумѣ силъ и здоровья. Съ 1882 г. началось, правда, очень медленное улучшеніе. Кризисъ миновалъ (мой отецъ умеръ очень молодымъ, какъ разъ на томъ году жизни, на которомъ и я былъ ближе всего къ смерти). Еще и теперь я вынужденъ быть крайне осторожнымъ; нѣкоторыя климатическія и метеорологическія условія совершенно необходимы для меня. То, что я провожу лѣто въ Энгадинѣ, а зиму на Ривьерѣ — не выборъ, но необходимость... Въ концѣ концовъ болѣзнь принесла мнѣ величайшую пользу: она освободила меня, она возвратила мнѣ вѣру въ себя... И я, по моимъ инстинктамъ, храброе животное, даже боевое. Долгое сопротивленіе нѣсколько ожесточило мою гордость. Философъ ли я?—Впрочемъ, не все ли равно!..“

Черезъ двѣ съ лишнимъ недѣли Брандесъ отвѣтилъ отчетомъ о своихъ первыхъ лекціяхъ. Успѣхъ былъ полный. „Первый разъ, когда я говорилъ о васъ, зала была не совсѣмъ полна; слушате-

лей набралось человекъ полтора, потому что никто не зналъ, кто вы и что вы. Но когда въ одной большой газетѣ появился отчетъ о моей лекціи, и я напечаталъ статью о васъ, интересъ явился, и въ слѣдующіе разы зала была биткомъ набита. Почти триста слушателей съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за моимъ изложеніемъ вашихъ работъ. Однако повторить лекціи, какъ я это дѣлаю много лѣтъ, я не рѣшился, считая тему недостаточно популярной. Я надѣюсь этимъ путемъ добыть вамъ нѣсколько хорошихъ читателей на сѣверѣ.

Когда вы въ вашемъ первомъ письмѣ предложили мнѣ ваше музыкальное произведеніе: „Гимнъ къ жизни“, я отказался изъ скромности, такъ какъ не считаю себя компетентнымъ въ музыкѣ. Теперь я полагаю, что своимъ интересомъ я заслужилъ ваше произведеніе и былъ бы вамъ очень обязанъ, если бы вы мнѣ доставили его.

Я думаю, что могу выразить впечатлѣнія, выносимыя многими слушателями отъ знакомства съ вами, въ словахъ, которыя я слышалъ отъ одного молодого художника. Все это, по его мнѣнію, такъ интересно потому, что трактуетъ не о книгахъ, *но о жизни*. Гдѣ что нибудь въ вашихъ идеяхъ удовлетворяетъ не вполне, тамъ оно какъ будто „слишкомъ доведено до крайности“. А вы не хорошо сдѣлали, что не прислали мнѣ портрета: вѣдь я и свой-то затѣмъ только послалъ вамъ, чтобы немного обязать васъ. Посидѣть минутку передъ фотографомъ такъ не трудно, а человека знаешь много лучше, когда имѣешь представленіе о его наружности“.

Въ отвѣтъ Ничше прежде всего заявлялъ о своей большой радости, о еще большемъ удивленіи, въ которое его повергаетъ извѣстіе о его популярности, и о горячей благодарности: „Будьте увѣрены—я вамъ этого никогда не забуду: вы знаете всѣ отшельники злопамятны.“

Вы, вѣроятно, уже получили мою фотографію. Само собою, я постарался не сняться, ибо я крайне недовѣрчиво отношусь къ случайнымъ фотографіямъ, но „экспроприровать“ мой портретъ у тѣхъ, у кого онъ былъ. Быть можетъ, мнѣ это удалось—точно я и самъ не знаю. Въ противномъ случаѣ я воспользуюсь ближайшимъ пребываніемъ въ Мюнхенѣ (вѣрно, этой осенью), чтобы снова увѣковѣчить себя. „Гимнъ къ жизни“ на дняхъ отправится въ Копенгагенъ. Мы, философы, болѣе всего на свѣтѣ благодарны, когда насъ принимаютъ за художниковъ. Во всякомъ случаѣ первоклассные спеціалисты увѣряютъ меня, что гимнъ вполне пригоденъ для исполненія, для пѣнія и несомнѣнно производитъ дѣйствіе; прямо скажу: эта похвала обрадовала меня болѣе всего. Превосходный капельмейстеръ Моттель изъ Карлсруэ (вы знаете, онъ управлялъ въ Байретѣ) общалъ мнѣ исполнить гимнъ.

Изъ Италіи мнѣ сообщаютъ, что основныя точки зрѣнія второго „Несвоевременнаго размышленія“ почтены высокой хвалой въ отчетѣ о нѣмецкой исторической литературѣ, одѣланномъ вѣнскимъ ученымъ д-ромъ Пакауэромъ по порученію флорентинскаго „Archivio Storico“. Любопытно, съ какимъ вниманіемъ отмѣчаетъ Ничше это незначительное упоминаніе о его брошюрѣ.

„Послѣднія недѣли въ Туринѣ, гдѣ я остаюсь еще съ мѣсяцъ, были для меня удачны, какъ давно не было, особенно съ философской стороны. Почти каждый день я набирался на часъ—два такой энергіи, что получалъ возможность разомъ обозрѣть всю мою систему сверху до низу, при чемъ необъятная масса проблемъ ясно, рельефно и отчетливо разстилась предо мной. Для этого требуется максимальное количество силы, на которое я уже пересталъ надѣяться. Все связано общимъ единствомъ, все уже много лѣтъ движется по вѣрному пути; человѣкъ строитъ свою философію, какъ бобръ; онъ „необходимъ“ и не сознаетъ этого: все это надо *видѣть*, какъ я теперь видѣлъ, чтобы повѣрить этому“.

И въ этомъ, и въ слѣдующемъ письмахъ Ничше съ какимъ-то упоеніемъ говоритъ о жизненномъ подъѣмѣ, вызванномъ въ немъ новостями отъ Брандеса:

„Мнѣ такъ легко, я чувствую себя такимъ сильнымъ, въ такомъ хорошемъ настроеніи; самымъ серьезнымъ вещамъ я привѣшиваю шутливой хвостикъ. Отчего все это? Не обязанъ ли я этимъ добрымъ *ствернымъ втрамъ*, которые прилетаютъ не всегда изъ за Альповъ, но иногда и изъ Коненгагена“.

Не дожидаясь отвѣта отъ Брандеса, онъ опять пишетъ ему:

„Не могу расстаться съ Туриномъ, не сказавъ вамъ еще разъ, какая доля принадлежитъ вамъ въ моей первой удачной веснѣ. Вѣдь вотъ ужъ, по меньшей мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ, какъ исторія моихъ весенъ есть лишь исторія моихъ страданій, сплошной ужасъ безсилія и упадка. Мѣстопробываніе не играетъ въ этомъ никакой роли. Никакіе рецепты, діеты, климаты не могли ничего измѣнить въ удручающемъ характерѣ періода! Но вотъ—Туринъ! И первыя хорошія извѣстія, извѣстія отъ васъ, которыя показали мнѣ, что я живъ! Вѣдь я иногда забываю, что я живу. Какая-нибудь случайность, какой-нибудь вопросъ напоминали мнѣ въ эти дни, что во мнѣ почти вытравлено главное понятіе жизни: понятіе „будущности“. Не удивительно, что у меня не было ни тѣни желанія. Безконечная плоскость. Почему моему дню изъ семидесятаго года моей жизни не быть абсолютно схожимъ съ моимъ нынѣшнимъ днемъ? Быть можетъ, я слишкомъ долго жилъ въ непосредственной близости къ смерти, чтобы раскрывать еще глаза на всякія прекрасныя возможности?—Но, несомнѣнно, теперь я ограничиваюсь тѣмъ, что я съ утра до вечера поглощенъ мышленіемъ; сегодня опре-

дѣляю, что будетъ завтра—не дальше! Быть можетъ, это не рационально, не практично, даже не по-христиански,—нагорная проповѣдь воспретила эту заботу о завтрашнемъ днѣ,—но, по моему, въ высшей степени философично. Я почувствовалъ къ себѣ нѣсколько больше уваженія, чѣмъ раньше: я понялъ, что не разучился желать, хотя совсѣмъ не хотѣлъ этого.

Эти недѣли я посвятилъ „переоцѣнкѣ цѣнностей“. По существу дѣлатель золота—самый заслуженный человѣкъ: я имѣю въ виду тѣхъ, кто изъ ничтожнаго, презрѣннаго дѣлаетъ что-либо цѣнное—даже золото. Лишь онъ одинъ обогащаетъ; прочіе только мѣняють. На этотъ разъ моя задача очень забавна: я спросилъ себя, что до сихъ поръ было для человѣчества по преимуществу предметомъ ненависти, страха, отвращенія: изъ всего этого я сдѣлалъ мое „золото“.

Только бы меня не обвиняли въ томъ, что я фальшивый монетчикъ. Впрочемъ, вѣдь обвинять непремѣнно“...

И къ концу опять неотвязные разговоры о лекціяхъ Брандеса:

„Въ заключеніе признаюсь въ любопытствѣ. Такъ какъ мнѣ не дано подслушать въ щелочку, чтобы узнать что-нибудь о себѣ, то я былъ бы радъ услышать что-нибудь инымъ путемъ. Три слова о темахъ вашихъ лекцій—какъ много узналъ бы я изъ трехъ словъ!..“

„Благодарю за письмо, портретъ и ноты,—отвѣчалъ Брандесъ.— Письмо и музыка удовлетворили меня вполне; портретъ могъ быть лучше... Онъ характеренъ по внѣшнему виду, но безъ выраженія. Вы должны имѣть другой видъ; кто написалъ „Заратустру“, у того на лицѣ должно быть написано гораздо больше тайны.

Мои лекціи о Фр. Ницше я закончилъ передъ Троицей. Онѣ завершились рукоплесканіями, „принятыми—какъ выражаются газеты—форму овацій“. Овація относится почти исключительно къ вамъ. Позволяю себѣ симъ письменно передать ее вамъ. Ибо мои заслуги сводятся къ ясной, связной и доступной для скандинавскихъ слушателей передачѣ того, что дано вами въ первообразной формѣ. Я попытался опредѣлить ваши отношенія къ различнымъ современникамъ, ввести въ мастерскую вашего мышленія, изложить мои любимыя мысли тамъ, гдѣ онѣ совпадаютъ съ вашими, отмѣтить мои несогласія съ вами, набросать психологическій портретъ писателя Ницше. Безъ преувеличенія могу сказать: ваше имя теперь очень *популярно* во всѣхъ интеллигентныхъ кругахъ Копенгагена и очень *известно* во всей Скандинавіи. Вамъ не за что благодарить меня: углубляться въ ваши мысли было для меня только удовольствіемъ. Печатать мои лекціи не стоитъ потому, что я не считаю чистую философію своею „спеціальностью“ и не охотно печатаю то, что касается

предмета, въ которомъ я не чувствую себя достаточно компетентнымъ“.

Въ заключеніе опять нѣсколько замѣчаній по поводу книгъ Ничше. „Я забылъ вамъ сказать: если вы не знаете исландскихъ сагъ, то вы должны заняться ими. Вы найдете въ нихъ многое, подтверждающее ваши гипотезы и теории о морали господъ. Въ одной только мелочи вы ошиблись. Gotisch не имѣетъ ничего общаго съ gut и Gott. Это слово въ связи съ giessen—лить, тотъ, кто льетъ сѣмя, Hengst—самецъ, мужчина. Наоборотъ, здѣшніе филологи находятъ, что объясненіе bonus—duonus—очень удачно“.

Эта этимологія, разумѣется, еще больше понравилась Ничше, которому такъ приятно было видѣть въ готѣ мужественное, оплодотворяющее начало. „Sie ist einfach göttlich“—каламбурить онъ. Здоровье его опять испортилось, и онъ горько жаловался, пересылая Брандесу свою новую брошюру о Вагнерѣ: „Маленькое злое, но, не смотря на это, очень серьезное по существу произведеніе, возникшее еще въ эпоху хорошихъ туринскихъ дней. Ихъ смѣнили дурные въ болѣе чѣмъ достаточномъ количествѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—такой упадокъ здоровья, мужества и, выражаясь по шопенгауэровски, „воли къ жизни“, что пережитая мною маленькая весенняя идиллія показалась мнѣ просто невѣроятной. Къ счастью, отъ нея сохранился документъ „Der Fall Wagner“ („Вопросъ о Вагнерѣ“). Злые языки прочтутъ: „Der Fall Wagner's“ („Паденіе Вагнера“).

Какъ ни энергично и ни основательно вы защищаетесь отъ музыки („самой навязчивой изъ музъ“), на этотъ разъ вы имѣете предъ собою образецъ психологіи музыканта. Вы, уважаемый господинъ космополитъ, слишкомъ европеецъ, чтобы не слышать въ этомъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ мои такъ называемые земляки, „музыкальные нѣмцы“. Въ концѣ концовъ въ этомъ случаѣ я настоящій знатокъ in rebus et personis—и, къ счастью, въ достаточной степени истинный музыкантъ, чтобы проблема, поставленная здѣсь, казалась мнѣ доступной и разрѣшимой съ музыкальной точки зрѣнія. По существу эта брошюра написана почти по-французски—легче было бы перевести ее на французскій, чѣмъ на нѣмецкій“. По обыкновенію, Ничше и здѣсь удѣлил нѣкоторое вниманіе распространенію своихъ идей. „Не можете ли вы—просить онъ Брандеса—доставить мнѣ еще одинъ-два русскихъ или французскихъ адреса, по которымъ имѣло бы смыслъ послать брошюры“. Онъ сообщаетъ также о своихъ новыхъ замыслахъ: „Черезъ два мѣсяца можно разсчитывать на нѣчто философское; подѣ весьма благожелательнымъ заглавіемъ „Прогулка психолога“ я говорю всему міру любезности и нелюбезности, включая сію высоко остроумную націю—нѣмцевъ.“

Все это, въ сущности, только передышки въ главной работѣ.

послѣдняя носитъ названіе: „Переоцѣнка всѣхъ цѣнностей“. Европѣ придется изобрѣсти еще одну Сибирь, чтобы заслать туда этого переоцѣнщика“.

„Der Fall Wagner“ встрѣтилъ полное одобреніе датскаго критика, который постарался доставить новыхъ читателей этому боевому произведенію.

„Я прочиталъ вашу брошюру,—пишетъ онъ,—съ величайшимъ вниманіемъ и большимъ наслажденіемъ. Я всетаки не настолько антимузыкаленъ, чтобы не имѣть удовольствія отъ такихъ вещей. За нѣсколько дней до полученія книжки, я слушалъ „Карменъ“ въ прекрасномъ исполненіи; что за чудная музыка! Однако, рискуя навлечь на себя вашъ гнѣвъ, я долженъ сознаться, что „Тристанъ и Изольда“ Вагнера произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе. Я слышалъ однажды эту оперу въ Берлинѣ въ состояніи совершеннаго отчаянія и чувствовалъ каждый ея тонъ.

Я послалъ экземпляръ вашей книги величайшему шведскому писателю Августу Стриндбергу, котораго я сдѣлалъ вашимъ дѣйтельнымъ поборникомъ. Онъ—настоящій геній, только немножко сумасшедшій, какъ большинство геніевъ (я не геніевъ). Другимъ экземпляромъ также распоряжусь со вниманіемъ.

Парижъ я знаю мало. Пошлите экземпляръ книгинѣ Аннѣ Дмитріевнѣ Тенишевой въ Петербургъ, Англійская набережная, 20. Эта дама — моя пріятельница; она знакома съ представителями петербургской музыки и познакомитъ ихъ съ вами. Я уже совѣтовалъ ей пріобрѣсти ваши сочиненія, но все, даже „Человѣческое, сверхъ-человѣческое“, запрещено въ Россіи. Было бы благоразумно также послать экземпляръ князю Урусову (о которомъ упоминается въ письмахъ Тургенева). Онъ интересуется всѣмъ нѣмецкимъ, тонко одаренъ, духовный гурманъ.

... Большой радостью было бы для меня считать васъ среди моихъ читателей, но, къ сожалѣнію, вы не знаете моего языка. Это лѣго я страшно работать. Я написалъ двѣ большихъ книги (въ 24 и 28 листовъ)—„Польскія впечатлѣнія“ и „Русскія впечатлѣнія“; совершенно переработалъ для новаго изданія мои „Эстетическіе этюды“ и самъ держалъ корректуру всѣхъ трехъ книгъ. Теперь черезъ недѣлю я покончу съ этими работами, затѣмъ прочту рядъ лекцій, буду готовить свои французскія лекціи, а поздней зимою отправлюсь въ Россію воскреснуть. Такова диспозиція моего зимняго похода. Не пришлось бы ему быть „русской кампаніей“ въ худшемъ смыслѣ“.

Покушеніе на Вагнера, признаннаго кумира большинства друзей Ничше, заставило философа съ особенной остротой почувствовать свое одиночество. И здѣсь утѣшеніемъ было для него отношеніе Брандеса.

„Снова съ вашимъ письмомъ пахнулъ на меня радостью сѣверный вѣтеръ: до сихъ поръ это единственное письмо, проявив-

шее хорошее отношеніе — вообще какое-нибудь отношеніе — къ моему покушенію на Вагнера. Ибо мнѣ не пишутъ. Я самъ внушилъ паническій ужасъ близкимъ и ближнимъ. Таковъ, напри- мѣръ, мой старый другъ баронъ Зейдлицъ, теперь, къ несчастію, президентъ мюнхенскаго вагнеровскаго общества, мужъ моей сестры, Беригардъ Ферстеръ, не безызвѣстный антисемитъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ „Bayreuther Blätter“, и, на- конецъ, моя достопочтеннѣйшая пріятельница Мальвида фонъ-Мей- венбургъ, авторъ „Воспоминаній идеалистки“, доселѣ, какъ и прежде смѣшивавшая Вагнера съ Микель-Анджело.

Съ другой стороны мнѣ дали понять, что мнѣ слѣдуетъ остерегаться вагнеріанцевъ; въ извѣстныхъ случаяхъ они не останавливаются ни предъ чѣмъ. Быть можетъ, Байретъ въ самообо- ронѣ прибѣгнетъ къ обычному нѣмецкому приему: къ воспреще- нію моей брошюры, какъ произведенія, опаснаго для „обществен- ной нравственности...“ Если угодно, въ моемъ положеніи—„всѣмъ намъ извѣстно анти-эстетическое понятіе христіанскаго юнкера“— возможно усмотрѣть оскорбленіе величества.

... Мою новую книгу—появленія ея не долго ждать (заглавіе: „Гибель идоловъ или какъ философы вѣютъ молотомъ“) — я съ удовольствіемъ пошлю шведскому писателю, котораго вы пред- ставили мнѣ въ столь почетныхъ выраженіяхъ. О дѣйстви „Три- стана“ и я могу рассказать необычныя вещи. Порядочная доза душевныхъ мукъ представляется мнѣ превосходнымъ тоническимъ средствомъ предъ вагнеровскою трапезой. Совѣтникъ имперскаго суда д-ръ Винеръ сообщалъ мнѣ, что лѣченіе въ Карлсбадѣ про- изводитъ аналогичное дѣйствіе...

Какой вы трудолюбивый! А я идиотъ, не понимающій по-дат- ски! — Что именно въ Россіи можно „воскреснуть“, вѣрю вамъ вполне; русская книга, особенно Достоевскій (во французскомъ переводѣ, во имя неба, не по-нѣмцей!) принадлежитъ къ моимъ величайшимъ утѣшеніямъ“.

Это случайное упоминаніе о Достоевскомъ вызвало оживлен- ный обмѣнъ мнѣній о русскомъ романтикѣ.

„Поразительно,—отвѣчалъ Брандесъ,—какъ совпадаютъ ваши слова (въ письмѣ и въ книгѣ) о Достоевскомъ съ моими впечат- лѣніями. Я говорилъ о васъ въ моей книгѣ о Россіи, тамъ, гдѣ касается Достоевскаго. Это—великій поэтъ, но отвратительный субъектъ, совершенный христіанинъ, по чувствамъ, и въ то же время совершенный *sadique*. Вся его мораль — то, что вы назы- ваете моралью рабовъ“. Эти соображенія Ничше оцѣнилъ вполне; но ему важны были иныя стороны психологическаго облика До- стоевскаго. „Вашимъ словамъ о Достоевскомъ, — писалъ онъ,—я довѣряю безусловно; я цѣню его съ другой стороны, какъ дра- гоцѣннѣйшій психологическій матеріалъ, какой я знаю: я удиви- тельно обязанъ ему, какъ ни претитъ онъ моимъ низшимъ инстинк-

тамъ. Это схоже съ моимъ отношеніемъ къ Паскалю, котораго я почти люблю за то, что онъ былъ безконечно поучителенъ для меня; единственный *логическій христіанинъ*“.

Отвѣтныя замѣчанія Брандеса могли бы представить одну изъ блестящихъ страницъ его произведеній. „Я тоже люблю Паскаля,—отвѣчалъ онъ. Но я еще въ молодости былъ за іезуитовъ противъ Паскаля (въ *Lettres provinciales*). Мудрые, они были правы; онъ ихъ не понялъ; они же поняли его и — какой образецъ дерзости и ума! — издали сами его *Provinciales* съ примѣчаніями. Лучшее изданіе принадлежитъ іезуитамъ. Лютеръ противъ папы — также коллизія. Викторъ Гюго въ предисловіи къ „*Feuilles d'autopne*“ тонко замѣтилъ: „Совываютъ вормскій сеймъ, но расписываютъ сикстинскую капеллу. Есть Лютеръ, но есть и Микель-Анджело; и отмѣтимъ мимоходомъ, что среди старья, которое рушится вокругъ насъ, можно найти Лютера, но нѣтъ Микель-Анджело“.

Всмотритесь въ фizioномію Достоевскаго: наполовину лицо русскаго мужика, наполовину лицо преступника, посмотрите на этотъ тонкій носъ, маленькіе острые глазки, глядящіе изъ подъ вѣкъ нервноно вдрагивающихъ, на этотъ высокій и выпуклый лобъ, выразительный ротъ, говорящій о безчисленныхъ мукахъ, о бездонной скорби, о нездоровыхъ страстяхъ, о безконечномъ состраданіи, о бѣшеноей ненависти. Эпилептичный геній, самая внѣшность котораго говоритъ о потокѣ нѣжности, переполнявшей его душу, о волнѣ почти безумной чуткости, наконецъ, о честолубіи, о высотѣ стремленій и о зависти, порожденной малостью души. Его герои — не только бѣдные и униженные, но чуткіе простоты, благородныя распутницы, часто галлюцинаты, даровитые эпилептики, восторженные подвижники: типы, какіе мы можемъ предполагать среди апостоловъ и учениковъ первой эпохи христіанства. Несомнѣнно, трудно себя представить душу, болѣе чуждую Возрожденію“.

Пріятели обмѣнялись также нѣсколькими соображеніями о Стриндбергѣ. „Онъ любитъ васъ — писалъ Брандесъ — особенно по той причинѣ, что, какъ ему кажется, онъ находитъ у васъ свою ненависть къ женщинамъ. Поэтому вы для него „современны“ (иронія судьбы!). Когда онъ весной читалъ въ газетахъ рефераты моихъ лекцій о васъ, онъ сказалъ: удивительная исторія съ этимъ Ничше: какъ много у него такого, что какъ будто я написалъ“. Его драма „Отецъ“ вышла во французскомъ переводѣ съ предисловіемъ Зола“.

Какъ и можно было ожидать, Ничше, прочитавъ Стриндберга, не нашелъ иныхъ словъ для выраженія удивительнаго сходства въ ихъ настроеніяхъ. „Третьяго дня—пишетъ онъ—я прочелъ „*Les Mariés*“ Августа Стриндберга, точно свое произведеніе. Мое искреннее восклицаніе ничѣмъ не ограничивается, кромѣ

чувства, что я при этомъ немножко восхищаюсь самимъ собою... Вашъ Ничше, нынѣ чудовище“.

Эта подпись кажется бутадой, но письмо, которое она заканчиваетъ, показываетъ, какой серьезный смыслъ вкладывалъ философъ въ эту шутку.

„Ахъ, если бы вы знали,—говорилъ онъ,—что я писалъ, когда получилъ ваше письмо. Съ цинизмомъ, который одѣлается всемірно-историческимъ, я рассказалъ о себѣ. Книга носитъ названіе „Ессе homo“ и представляетъ собою безъ малѣйшаго смягченія покушеніе на личность создателя христіанства; она заканчивается такими громами и молніями противъ всего христіанскаго или тронутаго христіанствомъ, что можно лишиться слуха и зрѣнія.

Въ концѣ концовъ, я—первый психологъ христіанства и могу, въ качествѣ бывшаго артиллериста, выдвинуть тяжелыя орудія, существованія которыхъ даже не подозрѣвали до сихъ поръ враги христіанства. Все въ цѣломъ есть прелюдія къ „Переоцѣнкѣ цѣнностей“, уже въ законченномъ видѣ лежащей предо мною: клянусь вамъ, что черезъ два года весь міръ земной будетъ корчиться въ судорогахъ. *Я—рокъ.*

Угадайте, кому больше всѣхъ досталось въ „Ессе homo“? Господамъ нѣмцамъ! Я высказалъ имъ ужасныя вещи... Напримѣръ: нѣмцы виноваты въ томъ, что послѣдняя великая эпоха исторіи—возрожденіе—была лишена смысла,—и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда христіанскія цѣности, цѣнности декаданса погибали, когда даже въ инстинктахъ высшей церковной іерархіи онѣ были побѣждены противоположными инстинктами, инстинктами жизни: *нападать* на церковь значило возстановить христіанство. Цезарь Борджіа на папскомъ престолѣ—вотъ смыслъ возрожденія, вотъ что было бы его настоящимъ символомъ.

И не сердитесь, что вы сами выступаете въ одномъ изъ рѣшительнѣйшихъ мѣстъ книги; я только что закончилъ его: тамъ, гдѣ я стигматизирую отношеніе моихъ нѣмецкихъ друзей ко мнѣ, на мгновеніе появляется вы въ пристойномъ сіяніи славы“.

Нѣтъ основанія удивляться этимъ комплиментамъ; достаточно вспомнить, что на протяженіи всей переписки между этими людьми, столь во многомъ всетаки различными, нѣтъ ни тѣни спора. Они сходятся во вкусахъ, во взглядахъ, въ настроеніяхъ; Брандеса только захватываетъ его неутомимая жизненность: каждое новое его письмо говорить о его новыхъ планахъ и трудахъ.

„Ваше письмо застало меня въ разгарѣ работы—говорить онъ въ послѣднемъ письмѣ,—читаю здѣсь лекцію о Гете, которую повторяю дважды, и все же слушатели стоятъ по три четверти часа на площади предъ университетомъ, чтобы добыть себѣ мѣсто. Мнѣ очень пріятно изучать въ такомъ большомъ обществѣ величайшаго изъ великихъ. Я долженъ остаться здѣсь

до конца года. Къ этому присоединяется то непріятное обстоятельство, что, какъ мнѣ сообщаютъ, одна изъ моихъ старыхъ книгъ *), недавно переведенная на русскій языкъ, присуждена въ Россіи къ публичному сожженію за антирелигіозность. Уже и раньше я могъ опасаться высылки за мои послѣднія книги о Польшѣ и Россіи; теперь я долженъ попытаться пустить въ ходъ всяческую протекцію, чтобы получить разрѣшеніе читать эту зиму лекціи въ Россіи. Къ этому присоединяется то обстоятельство, что теперь почти всѣ письма отъ меня и ко мнѣ перехватываются...

Съ живѣйшей радостью вижу, какъ вы много опять успѣли. Повѣрьте мнѣ, я пропагандирую васъ вездѣ, гдѣ только могу. Еще на прошлой недѣлѣ я настоятельно совѣтовалъ Генрику Ибсену изучать ваши сочиненія.

И съ нимъ у васъ есть нѣкоторое сродство, хотя и очень отдаленное. Великъ и силенъ и непривѣтливъ, но все же достоинъ любви этотъ одинокій чужакъ. Стриндберга обрадуетъ, что вы его цѣните. Я не знаю французскаго перевода, о которомъ вы говорите. Но здѣсь утверждаютъ, что лучшія мѣста въ „Giftas“ (Mariés) выпущены, особенно остроумная полемика съ Ибсеномъ. Прочтите его драму „Père“: въ ней есть нѣчто великое. Онъ, конечно, съ удовольствіемъ послалъ бы вамъ ее; но я вижу его очень рѣдко; онъ избѣгаетъ людей, вслѣдствіе своего безконечно несчастнаго брака. Подумаете: онъ презираетъ жену съ душевной стороны и не можетъ физически жить безъ нея. Такой онъ—многогамическій мизогинъ.

Удивляюсь, какъ сильна еще въ васъ склонность къ полемикѣ. Въ моей ранней юности я былъ страстнымъ полемистомъ; теперь я могу лишь изображать; веду борьбу лишь посредствомъ молчанія. Борьба съ христіанствомъ такъ же чужда мнѣ, какъ борьба съ вампирами; не могу себѣ представить, чтобы я написалъ брошюру противъ вѣры въ вампировъ“.

Въ отвѣтъ на это письмо Брандесъ получилъ лишь нѣсколько строкъ, написанныхъ уже послѣ того, какъ мозговой ударъ сломилъ духовныя силы Ничше. Тяжелыя нравственныя испытанія и напряженная умственная работа предшествовали этому удару. Одно скрашивало эти тягостные дни: мысль о читателѣ, о читателяхъ, о послѣдователяхъ, связанная съ пропагандой Брандеса. И, быть можетъ, эта господствующая мысль въ темнѣющемъ сознаніи философа не осталась бы безплодной для его послѣдующихъ созданій, если бы не роковой мракъ, внезапно объявшій его творчество.

А. Г.

*) Г. Брандесъ. „Главные теченія литературы XIX вѣка“. Часть III. Изд. Невѣдомскаго. М. 1888.

De Profundis.

(Письмо изъ Англии).

I.

Беллетристы и поэты всѣхъ странъ много разъ брались за изображеніе одного типа, принадлежащаго къ древнему міру временъ разложенія его: типа патриція-скептика, извѣрившагося въ старые идеалы, но не могущаго послѣдовать за новыми, намѣтившимися уже среди массъ. Такой патрицій-скептикъ, прототипомъ котораго является авторъ Сатирикона, любитъ только прекрасное, презираетъ плебсъ, на порокъ смотреть, только какъ на нѣчто забавное. Типъ этотъ очень избитый въ литературѣ. Мы имѣемъ много болѣе или менѣе отчетливо сдѣланныхъ клише. Въ силу установившагося шаблона историческіе романисты иногда заставляютъ переживать своихъ героевъ тяжелыя, но всегда изящныя несчастія, и тогда Петроній кончаетъ не самоубійствомъ, а становится ревностнымъ приверженцемъ новаго культа.

Ни поэты, ни романисты не рѣшились бросить своего Петронія въ грязь, изломать его жизнь, сдѣлать его героемъ отвратительнаго, мерзкаго процесса, чтобы посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Сдѣлала этотъ отвѣтъ за нихъ жизнь надъ реальнымъ Петроніемъ конца XIX вѣка. А что изъ того вышло, про то говоритъ замѣчательная книга „De Profundis“, посмертная исповѣдь втоптаннаго въ грязь Петронія. Книга эта только что появилась и расхватана съ жадностью.

Дѣло идетъ объ Оскарѣ Уайльдѣ *), который когда-то былъ кумиромъ значительной части англійскаго общества. Молодой писатель поражалъ тогда своими блестящими, оригинальными произведеніями, а также вычурно-эксцентричными манерами. Онъ появлялся, напримѣръ, на прогулкахъ въ костюмахъ невѣроятныхъ цвѣтовъ и страннаго покроя, съ громаднымъ подсолнечникомъ въ рукахъ. Произведенія Оскара Уайльда проповѣдывали особый эстетическій аристократизмъ; но сущность его, впрочемъ, мало улавливалась безконечной толпой восторженныхъ поклонниковъ, молившихся на изящнаго писателя.

Публика, вращавшаяся вокругъ Оскара Уайльда, подражавшая ему и доводившая до нелѣпой каррикатуры эксцентричныя выходки моднаго писателя, была крайне своеобразна. Состояла она изъ золотой молодежи, блазированной, скудоумной, не знающей, что бы выдумать, чтобы не походить на „толпу“, т. е. на средніе

*) На страницахъ „Русскаго Богатства“ мнѣ пришлось уже писать о немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Читатели найдутъ эту статью въ моихъ „Очеркахъ современной Англии“.

классы, поражающіе наблюдателя своею силою, энергіей, работоспособностью и настойчивостью. Изъ этихъ классовъ только рѣдкіе представители попадали къ „Upper tenth“, къ высшей аристократіи, среди которой вращался Оскаръ Уайльдъ. Нѣкоторое представленіе объ аколитахъ его можетъ дать лордъ Англезі, скончавшійся на дняхъ. Маркизы Англезі, носившіе также титулы графовъ Аксбриджъ и бароновъ Паджетъ, встрѣчаются въ исторіи Англіи много разъ. Родъ этотъ далъ суровыхъ завоевателей, явившихся въ Англію съ сыномъ Роберта Діавола, затѣмъ—кестоносцевъ, сражавшихся съ сарацинами, и цѣлый рядъ полководцевъ. Мало по малу сказывались черты вырожденія. Маркизы Англезі стали славны безпутной жизнью и невѣроятными выходками. Отецъ только что скончавшагося маркиза по характеру своему напоминаетъ *roié* времени Людовика XV. Мы видимъ въ личности такой же развратъ, такое же презрѣніе къ массамъ и такое же „вольтеріанство“. О послѣднемъ можетъ дать представленіе слѣдующій анекдотъ. Въ родовомъ замкѣ близъ Бангора, гдѣ Англезі жили со временъ Плантагенетовъ, случился маленькій пожаръ. Съ нимъ справились быстро и приняли мѣры предосторожности: накупили гранатъ съ сжатымъ газомъ для тушенія огня. Гранатъ оказалось слишкомъ много. И вотъ дворецкій явился къ маркизу просить распоряженій насчетъ оставшихся гранатъ. Маркизъ лежалъ въ постели. То было за нѣсколько дней до смерти его.

— Что дѣлать съ гранатами для тушенія огня?—спросилъ маркизъ.—Положите ихъ со мной въ гробъ. Онѣ мнѣ пригодятся на томъ свѣтѣ.

Новый маркизъ Англезі былъ типичный *détraqué*. Нужно себя представить болѣзненнаго, тщедушнаго, очень некрасиваго чело-вѣка, съ комическимъ черепомъ, съ толстыми шлепающими губами, съ лицомъ, половина котораго постоянно передергивалась. Таковъ былъ одинъ изъ главныхъ аколитовъ Оскара Уайльда. У маркиза Англезі были три страсти: эксцентричные наряды, драгоценные камни и театръ. Когда маркизъ обанкротился, то въ продажу были назначены, между прочимъ, триста шубъ, пятьсотъ пальто, четыре тысячи костюмовъ и пр. Чтобы отличиться отъ „толпы“, маркизъ Англезі носилъ розовые и голубые атласные фраки, зеленые короткіе панталоны, ярко красные чулки. Шесть лакеевъ специально были заняты завѣдываніемъ гардероба. Драгоценные камни составляли другую слабость маркиза. Ко времени банкротства ихъ у него было на нѣсколько милліоновъ. Маркизъ сверкалъ алмазами и рубинами. Характерно также было то, что ящики съ драгоценностями на нѣсколько сотъ тысячъ перевозились небрежно въ ремешкахъ, вмѣстѣ съ пледомъ и зонтиками, валялись въ пріемныхъ залахъ и пр. Маркизъ Англезі страстно любилъ сцену, самъ писалъ „пантомимы“ (т. е. родъ оперетокъ)

и появлялся въ нихъ въ собственномъ театрѣ, устроенномъ въ родовомъ замкѣ. Съ этой цѣлью онъ держалъ на жалованіи труппу актеровъ въ тридцать человекъ. Роли, которыя бралъ себѣ маркизъ, были таковы, что въ нихъ онъ могъ показать свои брилліанты. Такъ, напр., онъ игралъ Алладина или Синбада Мореходца. Зрителями были лавочники изъ Бангора, фермеры и вообще подчиненный народъ, считавшій посѣщеніе театра обязательнымъ. Англезі, тѣмъ не менѣе, сильно волновался каждый разъ, когда выступалъ на собственной сценѣ предъ подневольными зрителями. Онъ организовалъ правильную клаку изъ бангорскихъ лавочниковъ, которыхъ обучилъ, какъ аплодировать. Когда на сцену выступалъ Англезі, двери театра запирались, и никто не смѣлъ оставить залъ раньше паденія занавѣса. Наконецъ, лордъ Англезі, упоенный успѣхомъ, пожелалъ пожать лавры предъ болѣе широкой аудиторіей. Онъ сталъ объѣзжать со своей труппой большіе города. Каждая постановка стоила ему громаднѣе денегъ: нужно было подкупать антрепренеровъ, клаку; необходимо было снимать театры. Когда лордъ Англезі вступилъ во владѣніе своими громадными помѣстьями въ Уэльсѣ, Стафордширѣ, Дербиширѣ и Дорсетѣ, они приносили въ годъ ему миллионъ рублей дохода. Кромѣ земли, лорду принадлежали еще рудники, дома, фабрики. Черезъ четыре года маркизъ обанкротился. Помѣстья, какъ родовня, не могли быть проданы, но кредиторы забрали брилліанты, костюмы, сцену, наложили арестъ на доходы. Лордъ Англезі придумалъ тогда способъ, какъ сразу поправить дѣла: онъ рѣшилъ обыграть банкъ въ Монте-Карло. Тамъ благородный лордъ и скончался послѣ большого проигрыша. Эпизоды изъ театральной жизни лорда Англезі напоминаютъ мнѣ черты изъ жизни другого героя, калибромъ гораздо крупнѣе, принадлежавшаго тоже къ разлагавшемуся міру. „Онъ набралъ повсюду молодыхъ всадниковъ и болѣе пяти тысячъ дюжинъ плебеевъ,—говоритъ современникъ,—раздѣлил ихъ на нѣсколько отрядовъ и научилъ ихъ аплодировать на различные лады: глухо, шумно, вогнутыми ладонями, кастаньетами. Такъ они дѣлали каждый разъ, когда онъ пѣлъ...“ Не смотря на клаку, этотъ герой древняго міра волновался не меньше лорда Англезі предъ выходомъ на сцену. „Трудно представить себѣ, какой онъ испытывалъ страхъ и какое безпокойство каждый разъ, когда выступалъ на сцену“,—говоритъ тотъ же историкъ. Отношеніе къ зрителямъ было тоже одинаковое. „Когда онъ пѣлъ, никому не позволялось выходить изъ театра... Многіе зрители, которымъ надоѣло слушать и аплодировать, перебирались потихоньку черезъ городскія стѣны (ворота были заперты) или притворялись мертвыми, чтобы ихъ выносили изъ театра для погребенія“ *).

*) Светоній, Двѣнадцать цезарей. Неронъ. Главы XX—XXIII.

У Нерона былъ только большій размахъ и безпредѣльная власть; но въ основѣ натура была такая же.

Лордъ Англезъ принадлежалъ къ свитѣ Оскара Уайльда. Въ ней происходилъ своеобразный процессъ эндосмоса и экзосмоса. Блазированные поклонники перенимали эксцентричныя выходки и ловили на лету парадоксы, а Оскаръ Уайльдъ впитывалъ въ себя пороки этого разлагающагося общества. Подобный процессъ мы наблюдаемъ въ древнемъ мірѣ, когда онъ разлагался. И тамъ можно намѣтить въ верхахъ общества (потому что только въ отношеніи къ нему и примѣнило слово *разложение*) два основныхъ типа предшественниковъ Оскара Уайльда и лорда Англезъ: Петронія и Нерона. Съ одной стороны—поразительно талантливыя натуры, видящія гибель окружающаго міра, но не имѣющія силъ порвать съ нимъ и присоединиться къ взыскующимъ, эти натуры спокойно, безъ негодованія, смотрятъ на безумства и развратъ Нероновъ, принимая даже участіе въ оргіяхъ. Въ наше время, въ западно-европейскомъ демократическомъ государствѣ, нероны-правители, къ счастью, совершенно невозможны. Но Светоній описываетъ намъ также Нерона, не только жгущаго города и убивающаго людей (такой Неронъ въ современномъ демократическомъ обществѣ невозможенъ), но и развратника съ извращенными чувствами. „Неронъ,—говоритъ лѣтописецъ,—сдѣлалъ евнухомъ молодого Спора и утверждалъ, что превратилъ его въ женщину. Неронъ приблизилъ его къ своему двору, надѣлилъ приданымъ, украсилъ брачнымъ покровомъ и женился на немъ. При этомъ были соблюдены всѣ обычные брачныя церемоніи“. Петроній въ своемъ *Сатириконтѣ* только съ юморомъ, безъ скорби, протеста или ужаса описываетъ такія же интимныя отношенія. Судя по Светонію, поступокъ Нерона тоже вызвалъ только остроумныя замѣчанія: „Родъ человѣческій былъ бы счастливъ, если бы отецъ Нерона Домицій тоже взялъ себѣ супругу подобнаго рода“. Неронъ одѣлъ Спора, какъ императрицу, и появлялся съ нимъ въ однихъ носилкахъ на праздникахъ въ Римѣ. Время отъ времени Неронъ при всѣхъ цѣловалъ Спора. Слѣдующее за тѣмъ мѣсто у Светонія, изложенное въ томъ же спокойномъ тонѣ, слишкомъ ужасно для перевода *).

„Неронъ,—продолжаетъ Светоній,—проституировалъ себя до такой степени, что осквернилъ почти всѣ члены своего тѣла“. (Слѣдуетъ опять не переводимый эпизодъ **)—Неронъ былъ глубоко убѣжденъ, что имѣть человѣка, который былъ бы чистъ въ

*) „Nam matris concubitus appetisse... Olim etiam quoties lectica cum matre veheretur, libidinum incestu, ac maculis vestis proditum affirmant“.

Светоній. Двѣнадцать цезарей. Жизнь Нерона XXVIII.

**) „Conficeretur a Doryphoro liberto; cui etiam, sicut ipsi Sporus, ita ipse denupsit“.

какой бы не было части тѣла; но увѣрялъ, что большая часть скрываетъ свои пороки и искусно маскируетъ ихъ“.

Процессъ Оскара Уайльда въ 1895 г. и герцога Браганцскаго въ 1903 г. показали, что нравы, описанные Светоніемъ, не отошли въ область исторіи. Присущи они опредѣленному классу, „upper tenth“, т. е. высшей аристократіи. Континентальныя страны не составляютъ исключенія. Въ произведеніяхъ Оскара Уайльда мы находимъ черты, присущія не только Петронію, но и Лукрецію. Какъ и великій скептикъ древняго міра, Уайльдъ могъ бы формулировать свои взгляды на понятія извѣстной категоріи стихами: „Ex nihilo nihil, in nihilum nil posse reverti“ (Ничто не рождается изъ ничего, ничто не уничтожается), „Tantum religio potui suadere malorum“ (Всѣ бѣдствія порождены вѣрой), „Nil igitur mors est, ad nos neque pertinent hilum“ (Перестать существовать—бездѣлица. Вся жизнь кончается, когда тѣло умираетъ), „Hinc Acherusia fit stultorum denique vita“ (Старые глупцы находятся во власти суевѣрія). Но Лукрецій, уничтоживъ вѣру въ Юпитера и во всю свиту его,—оставилъ ихъ самихъ. То же сдѣлалъ и Оскаръ Уайльдъ... Дальше читатель найдетъ нѣкоторыя подробности.

Успѣхъ Оскара Уайльда былъ головокружительный. Романами его зачитывались. Крылатые парадоксы подхватывались на лету. Когда на сценѣ появились комедіи его—„Lady Windermere's Fan“, „A Woman of no importance“, „The ideal Husband“ и „The importance of being Earnest“—весь Лондонъ ломился въ театръ. Представленіе каждой пьесы составляло событіе. Мало того. Превращеніе предъ изыщнымъ, блестящимъ, красивымъ авторомъ превратилось въ культъ. Его бюсты украшались вѣнками. И вдругъ въ началѣ 1895 г., когда, послѣ постановки новой комедіи, слава Оскара Уайльда достигла почти безпримѣрной высоты,—наступилъ крахъ. Послѣдовалъ арестъ, затѣмъ скандальный процессъ, потомъ—заключеніе въ каторжной тюрьмѣ. Хорошо освѣдомленный человѣкъ сказалъ мнѣ, что въ лицѣ Оскара Уайльда покарали тѣхъ, которыхъ даже въ Англіи не дерзаетъ коснуться законъ. Какъ бы тамъ ни было, печать въ то время проявила слишкомъ много фарисейскаго негодованія. Просматривая теперь эти статьи, можно подумать, что преступленіе, за которое осудили Уайльда, представляетъ нѣчто единственное, совершенно исключительное и безпримѣрное. Оскаръ Уайльдъ сталъ объектомъ ужаса. Его пьесы сняли съ театра, произведенія—исчезли изъ книжныхъ магазиновъ. Считалось неприличнымъ произнести даже имя поэта. Свита Оскара Уайльда, всѣ эти блазирванные нервники, рассыпались въ страхъ во всѣ стороны и перебрались на время на континентъ, въ Египетъ или на Цейлонъ. Пронесли потомъ глухія извѣстія, что Оскаръ Уайльдъ отбылъ срокъ каторжныхъ работъ, освобожденъ, уѣхалъ куда-то и умеръ.

„Однимъ грѣшникомъ меньше“,—сказали фарисеи. И вотъ черезъ десять лѣтъ теперь снова всѣ газеты и всюду въ обществѣ заговорили восторженно про Оскара Уайльда. Появились посмертныя записки его, озаглавленныя „De Profundis“ и изданныя лицомъ, близко знавшимъ автора. Книга вышла со многими пропусками, придающими ей совершенно фрагментарный характеръ.

II.

Оскаръ Уайльдъ въ страшной поэмѣ „The Ballad of Reading Gaol“, въ поразительныхъ по силѣ стихахъ, описалъ свою внѣшнюю жизнь въ тюрьмѣ.

„We tore the tarry rope to shreds
With blunt and bleeding nails;
We rubbed the doors, and scrubbed the floors,
And cleaned the shining rails;
And, rank by rank, we soaped the plank,
And clattered with the pails.

„We sewed the sacks, we broke the stones,
We turned the dusty drill:
We banged the tins, and bawled the hymns,
And sweated on the mill:
But in the heart of every man
Terror was lying still“.

(Т. е. „Мы щипали по ниткамъ сломанными и окровавленными ногтями просмоленный канатъ; мы натирали двери, скребли полы и чистили сіяющія перила. Вытянувшись въ рядъ, стуча ведрами, мы мылили мыломъ доски.

„Мы шили мѣшки, дробили камни, вертѣлись на пыльномъ дворѣ для прогулокъ. Мы стучали нашей оловянной посудой, гнусили гимны, обливаясь потомъ на мельницѣ-топчахъ *). Но въ сердцѣ каждого изъ насъ тихо лежалъ ужасъ“).

Книга „De Profundis“ изображаетъ намъ внутренній міръ писателя за это время. Мы видимъ, что перенесъ онъ во время суда, затѣмъ, когда его перевозили скованнымъ въ каторжную тюрьму и продержали почти часъ на платформѣ железнодорожной станціи, гдѣ надъ нимъ глумилась толпа. Предъ нами раскрываются страданія Петронія конца XIX вѣка. Обо всемъ этомъ дальше.

„Въ обществѣ нѣтъ для меня больше мѣста, — заканчиваетъ наканунѣ освобожденія Оскаръ Уайльдъ свою книгу; но природа создала пещеры, въ которыхъ я могу укрыться и глубокія до-

*) Теперь это варварское орудіе пытки уничтожено въ английскихъ каторжныхъ тюрьмахъ.

лины, гдѣ я могу плакать, незамѣченный никѣмъ. Она вызываетъ ночи, чтобы я могъ, не спотыкаясь, бродить въ темнотѣ, и пошлетъ вѣтеръ, который замететъ мои слѣды“.

Но не къ Космосу послала судьба Оскара Уайльда. Въ наше прозаичное время, и тѣмъ болѣе въ такой странѣ, какъ Англія, нѣтъ больше ни пустыльниковъ, ни лѣсовъ. Разбитый и изломанный, Оскаръ Уайльдъ, послѣ освобожденія изъ тюрьмы, очутился въ Парижѣ. И здѣсь началось отчаянное существованіе въ борьбѣ съ лютой нищетой. Поэтъ жилъ на какомъ-то чердакѣ грязнаго низкопробнаго отеля, платя за „комнату“ пять франковъ въ недѣлю. И такъ какъ у Оскара Уайльда не было и такихъ денегъ, то въ уплату пришлось отдать хозяину свои вставные зубы, оправленные золотомъ. Такъ какъ буржуазное общество фарисейски не позволяло называть имени поэта, то литературное поприще было для него закрыто. Къ тому же творческая мысль вспыхнула въ послѣдній разъ въ „De Profundis“ и затѣмъ — погасла совершенно. Оскаръ Уайльдъ былъ конченный человѣкъ. Чтобы не умереть съ голода, онъ долженъ былъ стать „литературной клячей“, т. е. работать на различныхъ рыночныхъ издателяхъ, платившихъ гроши и то очень не аккуратно. Теперь, послѣ смерти поэта, когда общество „простило“ Уайльда, и его пьесы опять ставятся; когда, послѣ изданія „De Profundis“, объ авторѣ снова заговорили, какъ о замѣчательномъ писателѣ,—на рынокъ попали письма его, написанныя послѣ освобожденія. О характерѣ ихъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ каталога букиниста, продающаго эти письма. „Письмо къ А. Л. Полная подпись. Дата—Парижъ, 8 августа 1898 г. Говорится о рукописи, которую Оскаръ Уайльдъ отправилъ въ Лондонъ и на которую нѣтъ отвѣта. Авторъ опасается, что его выгонять изъ квартиры. Все письмо—лѣтопись нищеты и отчаянья. Авторъ потерялъ всякую надежду“.

„Письмо къ А. Л. Дата—10 октября 1898 г. Содержаніе то же самое. Умоляетъ прислать денегъ. Говоритъ, что боленъ и лежитъ въ постели. Цѣна 17 шилл. 6 пенсовъ“. Въ англійской газетѣ появилось недавно письмо Роберта Шерарда, близко знавшаго Оскара Уайльда въ періодъ парижской жизни. Констатируется, между прочимъ, слѣдующее: „Поэта нашли разъ ночью на улицѣ въ Парижѣ. Его выгнали изъ меблировки за неуплату квартирныхъ денегъ. У Оскара Уайльда не было ни одного су“ *). Къ отчаянной нищетѣ присоединилась еще страшная нервная болѣзнь, нажитая въ тюрьмѣ. Она причиняла такія ужасныя страданія, что приходилось прибѣгать къ подкожнымъ впрыскиваніямъ громадныхъ дозъ морфія. Наконецъ, явилась смерть. Не нашлось даже рубахи, чтобы обрядить тѣло. И теперь, когда

*) S. James's Gazette, March 9, 1905.

объ Оскарѣ Уайльдѣ снова заговорили въ печати,—началась бѣшеная погоня за реликвіями. Куплены вставные зубы, оставленные въ залогъ у владѣльца отеля, приобретены правцовскій шприцъ для подкожныхъ впрыскиваній. Явились люди, спекулирующіе на тѣхъ письмахъ, въ которыхъ Оскаръ Уайльдъ умоляетъ ихъ уплатить слѣдующее ему гроши за сданную работу. Когда-то эти письма были оставлены безъ отвѣта, теперь они приобрѣли значительную цѣнность. Парижская жизнь совершенно надломилъ духъ Оскара Уайльда „The effect of social *débâcle* on a highly intellectual and artificial nature (т. е. дѣйствія соціальнаго крушенія на въ высшей степени развитую интеллектуальную и артистическую натуру), о которомъ говорить въ предисловіи издатель „De Profundis“ Робертъ Россъ, — сказала не столько въ каторжной тюрьмѣ, сколько на волѣ.

И теперь вторично Оскара Уайльда, на этотъ разъ его тѣнь, вѣнчаютъ славой. Пьесы его снова идутъ съ громаднымъ успѣхомъ, а книга „De Profundis“, вышедшая всего только три недѣли тому назадъ,—появляется сегодня (9—22 марта) третьимъ изданіемъ.

Обратимся теперь къ исповѣди.

III.

„Я не пытаюсь защищать мое поведеніе, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—а лишь объясняю его... Я знаю, что, выйдя изъ тюрьмы, обмѣняю только одну темницу на другую. Бывало и раньше время, когда весь міръ казался мнѣ не больше той камеры, въ которой я заключенъ теперь и, такъ же, какъ она, наполненный ужасами. Но я вѣрю, что каждый изъ насъ имѣетъ собственный міръ, въ которомъ долженъ жить. Міръ этотъ находится въ насъ самихъ... Тюремная жизнь заставляетъ людей углубиться въ самихъ себя и понять, что они такое. Вотъ почему она превращаетъ человека въ камень. Только люди, находящіеся на свободѣ, могутъ пребывать въ заблужденіи относительно жизни, измѣняющей свои формы. Люди эти движутся вмѣстѣ съ жизнью и содѣйствуютъ призрачности ея. Мы, пребывающіе въ тюрьмѣ въ неподвижномъ состояніи, видимъ и знаемъ... Не могу сказать, что принесетъ моя книга узкимъ натурамъ и гектическимъ умамъ: пользу или вредъ знаю только, что мнѣ она была полезна. Я извлекъ изъ моего сердца весь опасный ядъ. Для художника творчество составляетъ высшую и единственную форму жизни. Жить—значитъ проявлять свое я... Въ теченіе двухъ лѣтъ въ сердцѣ моемъ накоплялась горечь, отъ части которой я освободился теперь. По ту сторону тюремной стѣны стоятъ два-три жалкихъ, черныхъ, закопченныхъ дерева; почки ихъ налились теперь и зазеленѣли. Я знаю ихъ намѣреніе: онѣ хотятъ проявить свое я“.

Что же имѣетъ высказать несчастный авторъ? „Сужденіе тянется непрерывно. Мы не можемъ раздѣлить его на періоды, а въ состояніи отмѣтить только большую интенсивность нѣкоторыхъ моментовъ и хроническое повтореніе ихъ. Въ насъ самихъ время не движется впередъ. Оно кружится вокругъ одной оси—страданія... Мы знаемъ здѣсь только одно время года — время горя...

„Я долженъ сознаться предъ самимъ собою, что погубилъ себя. Никто не можетъ погубить человѣка, будетъ ли то геній, или одинъ изъ толпы. Всѣ дѣлаютъ это собственными руками... Говорю это безъ всякой жалости къ самому себѣ. Люди въ отношеніи ко мнѣ поступили страшно жестоко; но еще болѣе жестоко я былъ самъ къ себѣ.

„Я находился въ символической связи съ искусствомъ и съ культурой моего вѣка. Я понялъ это въ юности и заставилъ впоследствии всѣхъ современниковъ тоже постичь это. Немногіе достигли въ жизни такой популярности и такого вліянія, какъ я. Обыкновенно значеніе писателя оцѣнивается (если только оцѣнивается) историками, послѣ смерти. Со мною было не такъ. Я понялъ самъ мое значеніе и заставилъ другихъ понять... Байронъ былъ символическая личность, но онъ выражалъ только страсти своего вѣка и пресыщеніе, доставляемое ими. Мое символическое отношеніе къ искусству было болѣе перманентно... Судьба надѣлила меня почти всѣмъ; но я самъ допустилъ себя увлечь бессмысленными, чувственными чарами. Мнѣ доставляло удовольствіе быть фланеромъ, дэнди, законодателемъ моды. Я окружилъ себя мелкими натурами и жалкими умами. Я сталъ расточителемъ собственного таланта. Мнѣ доставляло наслажденіе губить мою юность. Пресытившись пребываніемъ на высотѣ, я стремительно спустился внизъ въ поискахъ за новыми ощущеніями. И извращенность въ сферѣ страстей стала для меня тѣмъ же, чѣмъ былъ парадоксъ въ области мысли. Желаніе, въ концѣ концовъ, было или болѣзнь, или безуміе, или и то, и другое вмѣстѣ. Я привыкъ относиться съ пренебреженіемъ къ чужой жизни. Я бралъ наслажденія, гдѣ мнѣ нравилось, и проходилъ потомъ мимо. Я забылъ совершенно, что всякая мелочь, творимая въ тайнѣ, можетъ когда нибудь стать достояніемъ всей толпы. Я потерялъ контроль надъ самимъ собою и не зналъ этого. Я допустилъ, чтобы наслажденія управляли мною. Кончилось все это страшнымъ поворотомъ... Я пробылъ въ тюрьмѣ два года. Я извѣдалъ дикое отчаяніе, страшное и безсильное бѣшенство, горечь и презрѣніе. Я позналъ тоску, выражающуюся слезами, затѣмъ страданіе и горе, не находяція даже воплей. Я перешелъ всѣ фазисы муки.

„Но бывали минуты, когда меня даже радовала мысль, что мои страданія будутъ безконечны... Я пришелъ къ заключенію

что все въ мірѣ имѣетъ глубокое значеніе, въ томъ числѣ и страданіе. Въ сердцѣ моемъ, какъ зарытый въ полѣ кладъ, я обрѣлъ *покорность*. Она—последнее, но самое лучшее, что осталось мнѣ. То было великое открытіе, послужившее отправнымъ пунктомъ для новаго развитія. Оно не могло быть сдѣлано раньше. Если бы мнѣ сказали прежде про покорность, я отвергъ бы ее. Когда же я сдѣлалъ это открытіе, то пожелалъ остаться при немъ. Я долженъ сохранить его, такъ какъ только въ немъ есть для меня элементъ новой жизни *Vita Nuova*. Человѣкъ можетъ сдѣлать это открытіе только тогда, когда отрѣшится отъ всего, что имѣетъ“ *).

Покорность, открытая Уайльдомъ, нѣчто совершенно другое, чѣмъ понимается обыкновенно. „Говоря о покорности,—продолжаетъ Оскаръ Уайльдъ,—я отнюдь не признаю санкціи извнѣ или приказа, въ какой бы формѣ онъ ни выражался и откуда бы ни исходилъ. Я теперь—гораздо больше индивидуалистъ, чѣмъ былъ раньше. Для меня имѣетъ значеніе только то, что человѣкъ обрѣтаетъ въ самомъ себѣ. Мое я ищетъ только новую форму проявленія себя. Вотъ все“.

„Я не на минуту не *сожалею* о томъ, что жилъ для наслажденій,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ въ другомъ мѣстѣ,—я испылъ отъ нихъ до дна, потому что человѣкъ во всемъ долженъ доходить до конца. Не было наслажденій, которыхъ я не испыталъ бы. Я бросалъ жемчужины моего сердца въ мой кубокъ. Я спускался при звукахъ флейты по тропѣ, поросшей цвѣтами. Но продолжать болѣе такую жизнь я не могъ бы уже“ **).

„Толпа указываетъ на Радингскую каторжную тюрьму, куда меня отправили, и говоритъ: „вотъ куда приводитъ человѣка жизнь художника“. Бываютъ худшія мѣста, куда приводитъ жизнь людей-автоматовъ, понимающихъ бытіе, какъ заботливый расчетъ и старательный выборъ путей. Эти люди всегда знаютъ, куда идти, и приходятъ къ своей цѣли. Они ставятъ себѣ конечнымъ идеаломъ стать церковнымъ старостой, владѣльцемъ большой лавки, адвокатомъ съ большой практикой, судьей или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. Человѣкъ становится тѣмъ, чѣмъ онъ желаетъ быть. Это его наказаніе. Тѣ, которые любятъ маску, должны носить ее. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ динамическими силами жизни или съ тѣми, которые становятся воплощеніемъ ихъ. Человѣкъ, единственное желаніе котораго проявленіе своего я, никогда не знаетъ, куда онъ идетъ. Онъ не можетъ знать этого, потому что человѣкъ не въ силахъ познать самого себя. Взвѣсивъ на вѣсахъ солнце, измѣривъ луну, намѣтивъ карту неба, человѣкъ въ безсиліи останавливается предъ самимъ собою. Гдѣ тотъ, кто вычислитъ орбиту своей собственной души? Когда Саулъ

*) De Profundis, p. p. 4—26.

**) De Profundis, p. 65.

пошелъ искать отцовскихъ ослицъ, то не зналъ, что его ждетъ посланникъ Божій съ рогомъ елея для помазанія на царство. Саулъ не зналъ, что въ немъ живетъ уже душа царя. Я надѣюсь жить еще долго, чтобы написать такіа пронаведенія, которыя позволятъ мнѣ, когда придетъ мой конецъ, воскликнуть: „Вотъ куда приводитъ художника его жизни!“ **).

V.

Нѣмецкій писатель,—который въ погонѣ за эксцентричнымъ парадоксомъ, и иногда за красивой фразой, рѣзко осуждаетъ эксцентричность и вычурность у другихъ,—составилъ грозный и далеко не безпристрастный обвинительный актъ противъ сотни поэтовъ, романистовъ, философовъ и композиторовъ. Въ обвинительный актъ на ряду съ ничтожностями, какъ Пеладанъ или Барессъ, попали яркіе, самобытные таланты, какъ Свинбёрнъ, Вильямъ Морисъ, Бодлеръ и даже мировой геній—Толстой. Я говорю, конечно, про „Entartung“ Макса Нордау. Въ грозномъ и хлесткомъ обвинительномъ актѣ не забыть и Оскаръ Уайльдъ. Максъ Нордау отмѣчаетъ „демонизмъ, садизмъ, половую извращенность, пристрастіе къ страданіямъ, болѣзни и приступленіямъ“ декадентской школы вообще и въ частности—„эгоизмъ, отвращеніе ко всему естественному, къ дѣятельности и движенію, пристрастіе къ искусственному, манію величія, заставляющую презирать людей, чрезмѣрное возвеличеніе искусства“ у автора *Dorian Gray*. (Кстати, грозному „судьѣ неправедному“, повидимому, извѣстно только одно произведеніе Оскара Уайльда „Intentions“). Въ дѣйствительности, литературная дѣятельность несчастнаго англійскаго писателя отнюдь не исчерпывалась глорификаціей „садизма, половой извращенности и презрѣнія къ людямъ“. Для доказательства я могъ бы привести хотя бы слѣдующій отрывокъ: „Человѣкъ всегда стремится къ тому, чтобы жить интенсивной, полной и совершенной жизнью. Когда онъ сможетъ осуществить это, *не заставляя страдать другихъ*, когда дѣятельность его будетъ доставлять ему лишь наслажденіе,—онъ будетъ болѣе разумнымъ, здоровымъ, культурнымъ; онъ будетъ болѣе самимъ собою. Радость—пробирный камень природы,—знакъ ея одобренія. Когда человѣкъ счастливъ, онъ въ гармоніи съ самимъ собою и со всѣмъ окружающимъ. Новый индивидуализмъ будетъ высшей гармоніей. Онъ будетъ тѣмъ, чего искали греки, но чего достигли они лишь въ области мысли, ибо у нихъ были рабы, которыхъ они кормили. Новый индивидуализмъ будетъ тѣмъ, чего искала эпоха возрожденія, но могла лишь отчасти реализовать въ области искусства, ибо у ней были рабы, которыхъ она морила голодомъ. Въ будущемъ гармо-

*) Ib., p. 119—120.

нія осуществится, и посредствомъ нея каждый достигнетъ совершенства. Новый индивидуализмъ это новый эллинизмъ“. *) Эта выдержка нѣсколько противорѣчитъ категорическому положенію Макса Нордау: „Уайльдъ любить грѣхъ и преступленія“. На ряду съ эксцентричными понятіями Уайльда о задачахъ поэта, образцы которыхъ читатели найдутъ въ моихъ „Очеркахъ“, мы можемъ встрѣтить у того же автора неизмѣримо больше страницъ, содержащихъ иное, благородное представленіе объ искусствѣ и могущихъ быть сформулированными словами полузабытаго русскаго поэта:

„Искусство—слеза недовольства насущною жизнью,
Голосъ прозрѣнія въ лучшую жизнь съ полнотою ея стройной,
Страстная жажда вездѣ и всегда и во всемъ совершенства,
Вопли любви, неизвѣданной нами и нами просимой.
Первое чадо разсудку и сердцу знакомаго горя,
Первый младенческій крикъ въ человѣкѣ родившейся мысли,
Слово потребъ вопіющихъ, потребъ безконечнаго духа“.

Мысль не должна поэтому встрѣтить препятствія при пресуществленіи въ слово даже тогда, когда она кажется дикой или „безнравственной“. „Страшное дѣло, когда созданныя нами тѣла требуютъ отъ насъ душу,—говоритъ Гейне.—Но еще ужаснѣе, страшнѣе, когда вы создали душу, и она требуетъ отъ васъ тѣла и преслѣдуетъ васъ этимъ требованіемъ. Мысль, порожденная нами въ нашемъ умѣ, есть такая душа, и она не оставляетъ насъ въ покоѣ, пока мы не дадимъ ей тѣла, пока не осуществимъ ея въ осязаемомъ явленіи... Пусть же воплотятся мысли въ самыя „опасныя“ формы, пусть бурно пронесутся по всѣмъ странамъ, какъ неистовая вакханалія, пусть своими тирсами разбиваютъ самыя любимыя наши кумиры, пусть вломятся въ наши больницы и насильственно совлекутъ съ одра больной старый міръ“... („Къ исторіи религіи и философіи въ Германіи“). Буржуазныхъ моралистовъ шокировалъ, напр., взглядъ Оскара Уайльда на основателя культа, признаваемаго культурнымъ міромъ, съ артистической точки зрѣнія.

„Мѣсто его,—говоритъ Оскаръ Уайльдъ,—среди поэтовъ. Все его представленіе о человѣчествѣ порождено всецѣло воображеніемъ и можетъ быть постигнуто только такимъ образомъ“. Пантеизмъ полагаетъ, что міръ тождественъ съ божествомъ. „Единая субстанція“, по опредѣленію Спинозы, абсолютъ — по терминологіи нѣмецкихъ философовъ „есть все, что есть“. Божество—столько же матерія, сколько духъ. Первая и второй равно божественны, и кто оскорбляетъ матерію, столько же грѣшитъ, сколько тотъ, кто грѣшитъ противъ священнаго духа. Единая субстанція пантеистовъ безконечна, абсолютна. Всѣ конечныя

*) Дюнео. „Очерки Современной Англіи“; стр. 403.

субстанціи истекають изъ нея, содержатся въ ней, въ нее погружаются... Абсолютная субстанція проявляется въ формѣ, какъ безпредѣльнаго мышленія, такъ и безпредѣльнаго протяженія. „Основатель нашего культа относился къ человѣку, — говоритъ Оскаръ Уайльдъ, — какъ пантеисты къ абсолюту. Онъ первый сталъ относиться къ человѣчеству, раздѣленному на племена, какъ къ единому цѣлому... Только поэтъ-романтикъ можетъ обнять синтезомъ все человѣчество: добрыхъ и злыхъ, великихъ и малыхъ, людей съ натурой Нерона, Цезаря Борджіа и Александра VI, угнетаемыхъ народности, подонки“. Это явилось послѣдствіемъ убѣжденія, что „добро“ и „зло“ — совершенно условныя понятія. Какъ пантеистъ видитъ всюду проявленіе абсолюта, такъ истинный поэтъ (къ числу которыхъ Уайльдъ относитъ основателя культа) въ низкихъ и въ благородныхъ дѣлахъ, въ возвышенномъ и въ преступномъ — всюду узнаетъ человѣка.

Внѣшнія условія дозволяютъ англійскому автору въ этомъ отношеніи высказываться съ гораздо большею опредѣленностью и формулировать свои мысли съ большею точностью, чѣмъ можетъ сдѣлать это русскій журналистъ. По англійскимъ понятіямъ слово дано только для того, чтобы точно, ясно и понятно формулировать мысль...

VI.

„Когда я былъ въ Уэндсвортской тюрьмѣ, то страстно желалъ умереть — говоритъ Уайльдъ. — То было мое единственное желаніе. Когда послѣ двухмѣсячнаго пребыванія въ больницѣ меня перевезли въ Радингскую каторжную тюрьму и я чувствовалъ себя крѣпче съ каждымъ днемъ, — мною овладѣло бѣшенство. Я рѣшилъ покончить съ собою въ первый же день освобожденія. Затѣмъ съ теченіемъ времени это злобное настроеніе прошло. Я рѣшилъ жить, но носить мою печаль, какъ короли свой пурпуръ. Забудь отнынѣ улыбку, — думалъ я, — обрати домъ, въ который ты войдешь, въ жилище скорби. Пусть друзья молча, въ глубокой грусти, слѣдуютъ за тобой. Учи ихъ, что печаль — единственная тайна жизни. Измучь ихъ чужимъ горемъ. Отрави ихъ своею мукой. Такъ я думалъ тогда.

„Но потомъ я измѣнилъ свой взглядъ. Я почувствовалъ, что буду крайне неблагодаренъ и невнимателенъ къ друзьямъ, если встрѣчу ихъ съ вытянутымъ лицомъ и заставлю ихъ поэтому продѣлать то же самое изъ сочувствія ко мнѣ. Я понялъ, что не умѣстно подчивать друзей горькими травами, какъ на древней тризнѣ. Я долженъ научиться казаться веселымъ и счастливымъ для другихъ.

„И вотъ на двухъ свиданіяхъ, которые мнѣ дали въ каторжной тюрьмѣ, я постарался казаться возможно болѣе веселымъ.

Этимъ я пытался хоть отчасти вознаградить друзей за то, что они рѣшили навѣстить меня. Конечно, то было ничтожное вознагражденіе; но друзья остались довольны... И послѣ свиданія, въ первый разъ со времени ареста, я почувствовалъ желаніе жить.

„Я увидѣлъ предъ собою такую массу работы, что почувствовалъ бы себя глубоко несчастнымъ, если бы пришлось умереть, не выполнивъ хотя бы части ея. Я вижу предъ собою новыя перспективы въ искусствѣ и въ жизни. Я страстно захотѣлъ жить, чтобы изслѣдовать новый міръ, развернувшійся предо мною. Хотите ли вы знать, что такое этотъ новый міръ? — Горе и все то, чему оно учитъ. Вотъ этотъ міръ.

„Я жилъ когда-то всецѣло для наслажденія и отвертывался отъ страданія и горя, въ какомъ бы видѣ они не проявлялись. Я ненавидѣлъ ихъ. Я рѣшилъ не признавать ихъ, насколько лишь возможно, т. е. считать ихъ, такъ сказать, формами несовершенства. Горе и страданіе не составляли части моей схемы жизни. Имъ не было отведено мѣста въ моей философіи. Мать моя часто любила употреблять слова Гете: „Кто не ѣдалъ хлѣба съ горечью, кто никогда не плакалъ въ часы глухой ночи, тотъ не знаетъ силы неба“. Я абсолютно отказывался понять глубокую истину, скрытую въ этихъ словахъ. Я говорилъ матери, что не желаю ѣсть съ горечью свой хлѣбъ или плакать всю ночь, дожидаясь печальнаго разсвѣта... Я желалъ отвѣдать отъ плодовъ всѣхъ деревьевъ въ вертоградѣ міра. Единственная моя ошибка заключалась въ томъ, что я отвѣдывалъ отъ плодовъ, росшихъ на деревьяхъ солнечной стороны сада, и избѣгалъ деревьевъ, стоявшихъ въ тѣни и во мракѣ. Неудачи, поворотъ, бѣдность, горе, отчаяніе, страданіе, слезы, несвязныя слова, вырванныя болью, самоуниженіе, посыпающее голову пепломъ, скорбь, облачающаяся во власяницу и вливающая желчь въ свой кубокъ, — всего этого я страшился. И такъ какъ я рѣшилъ никогда не знать ихъ, то былъ принужденъ не только вкусить ихъ, но и питаться ими исключительно...

„Теперь я знаю, что горе—единственная истина въ мірѣ. Все остальное можетъ обманывать на время глазъ или чувство; но изъ горя созданы міры.

„Рожденіе младенца и звѣзды сопровождаются страданіями“ *). Знающіе хорошо произведенія Оскара Уайльда, могли бы найти тотъ же самый мотивъ въ строкахъ, написанныхъ еще тогда, когда авторъ, по его словамъ, „вкусалъ только отъ плодовъ деревьевъ, растущихъ на солнечной сторонѣ“. Такова, напримѣръ, поэма „художникъ“ **).

*) „De Profundis“, р. р. 48—52.

**) „Въ одинъ вечеръ, въ душу его проникло желаніе создать образъ

„Послѣ страшной борьбы я понялъ уроки, скрытые въ глубинѣ страданія. Священники и вообще люди, говорящіе фразы, не понимая ихъ смысла, часто называютъ страданіе таинствомъ. Въ дѣйствительности оно — отправление. Страданіе выясняетъ намъ истинное значеніе искусства.

„Я знаю теперь, что горе, являющееся высшей эмоціей, доступной человѣку, составляетъ наиболѣе совершенный типъ истиннаго искусства и мѣрило его. Художникъ всегда ищетъ такую форму, въ которой духъ и тѣло были бы едины и нераздѣльны. Въ такой формѣ внѣшнее проявленіе всегда было бы въ гармоніи съ внутреннимъ содержаніемъ. Такихъ формъ нѣсколько,—художникъ любитъ поэтому юность и все то, что связано съ нимъ. Художника можетъ прельстить также новая неуловимая гармонія красокъ и звуковъ, которая, какъ ему кажется, передаетъ то, что съ такимъ дивнымъ совершенствомъ пластически выражали древніе греки... Но высшей формой въ жизни и въ искусствѣ является горе.

„Веселіе и смѣхъ могутъ прикрывать грубую, жестокую и черствую натуру. Но горе прикрываетъ только горе. Страданіе отличается отъ удовольствія тѣмъ, что не носитъ маски. Нѣтъ истины болѣе совершенной, чѣмъ горе“ *).

VII.

Тюрьма только изломала Оскара Уайльда. Въ *De Profundis* мы всюду находимъ старые мотивы, знакомые намъ по прежнимъ произведеніямъ талантливаго писателя.

„Мораль не можетъ помочь мнѣ,—читаемъ мы въ *De Profundis*.—Я глубоко вѣрю въ антиноміи и принадлежу къ тѣмъ, которые рождены, чтобы составить исключеніе, а не для подчинені-

Радости, продолжающейся мгновеніе. И онъ отправился искать всюду бронзу. Ибо онъ могъ думать лишь бронзовыми образами...

„Но вся бронза во всемъ мірѣ исчезла. И нигдѣ нельзя было найти бронзы, кромѣ той бронзы, изъ которой была изваяна статуя *Горя, продолжающаяся вѣчно.*

„Это изображеніе онъ самъ изваялъ и поставилъ на могилѣ единственнаго существа, которое любилъ когда-либо. На могилѣ почившій художникъ поставилъ образъ, созданный имъ, дабы онъ могъ служить напоминаніемъ о человѣческой любви, которая не умираетъ, и символомъ горя, продолжающагося вѣчно. И во всемъ мірѣ не было другой бронзы, кромѣ той бронзы, изъ которой отлили это изображеніе.

„И онъ взялъ образъ, изваянный имъ же, и бросилъ въ огромную плавленную печь и жарко затопилъ ее.

„И изъ бронзы, статуи *Горя, продолжающагося вѣчно*, художникъ, изваялъ образъ *Радости, продолжающейся мгновеніе*“.

(См. Діонео „Очерки современной Англіи“, стр. 405).

*) *De Profundis*, p. 55.

нія общимъ законамъ. Однако, хотя я признаю, что нѣтъ ничего дурного въ томъ, что человѣкъ совершаетъ, я вижу, что есть дурное въ томъ, чѣмъ онъ становится“. Не можетъ помочь Уайльду также „догматизированная метафизика“: „Тогда какъ другіе вѣрятъ въ невидимое, я вѣрю только въ то, на что можно смотрѣть и до чего можно прикоснуться. Мои боги живутъ въ храмахъ, созданныхъ только руками человѣческими... Я нашелъ на землѣ не только красоты неба, но и весь ужасъ ада“. Въ этомъ отношеніи, мысль Оскара Уайльда смѣлѣе мысли его прямого французскаго предшественника. Я имѣю въ виду знаменитую поэму Альфреда Мюссе, въ которой поэтъ не можетъ вѣрить и боится сомнѣваться.

„Ma raison révoltée
Essaye en vain de croire et mon coeur de douter“.

Поэтъ, вкушавшій тоже только отъ „плодовъ деревьевъ, растущихъ на солнечной сторонѣ жизни“, — почувствовалъ вмѣстѣ съ пресыщеніемъ, глубокое отвращеніе къ нимъ.

„Si mon coeur, fatigué du reve qui l'obsède,
A la réalité revient pour s'assouvir,
Au fond des vains plaisir que j'appellé à mon aide
Je trouve un tel dégout, que Je me sens mourir“.

(т. е. „Если мое сердце, измученное овладѣвшей имъ мечтой, возвращается къ дѣйствительности, чтобы насытиться, — то на днѣ суетныхъ наслажденій, призываемыхъ мною, я нахожу такое отвращеніе, что близокъ къ смерти“ *).

И вотъ въ отчаяніи поэтъ взываетъ къ тому началу, существованія котораго не признаетъ его разумъ. „А если тамъ никого нѣтъ, — говоритъ поэтъ.

Nous n'offensons personne.

Оскаръ Уайльдъ смѣлѣе своего предшественника. Какъ знаменитый нѣмецкій философъ сороковыхъ годовъ, онъ не отводитъ юпитерскаго мѣста въ Космосъ „великому геометру“ (пользуясь однимъ изъ любимыхъ выраженій праваго крыла энциклопедистовъ). Нѣмецкій философъ находилъ эквивалентъ въ „универсальной любви“, Оскаръ Уайльдъ — въ красотѣ. „Любовь есть универсальный законъ разума и природы, — говоритъ авторъ „Das Wesen des Christenthums“.

„Она есть не что иное, какъ реализація идеи единства рода. Если любовь основывается на имени одного какого-нибудь лица, обозначается имъ, то это бываетъ только тогда, когда это лицо есть представленіе какой-нибудь идеи, религіозной ли то, или спекулятивной. Но съ нимъ всегда бываетъ

*) L'Espoir en Dieu.

связанъ партикуляризмъ, а съ партикуляризмомъ — фанатизмъ. Любовь можетъ основываться только на единствѣ рода, понятія природы человѣчества; только тогда она бываетъ *свободною, надежною* любовью, когда вытекаетъ изъ самаго корня любви, изъ котораго произошла и сама любовь христіанская. Если бы она основывалась на одномъ лицѣ (т. е. на приказѣ основателя моральнаго ученія), то была бы любовью *частною*, простирающеюся только до тѣхъ сферъ, въ которыхъ признается достоинство этого лица. Ужели въ самомъ дѣлѣ мы должны любить другъ друга потому только, что основатель культа возлюбилъ насъ“.

„Всякая любовь, основанная на партикуляризмѣ,—продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ философъ,—противорѣчитъ сущности любви, не терпящей никакихъ ограниченій, возвышающейся надъ всякою партикулярностью. Мы должны любить человѣка ради его чело-вѣчности. Онъ потому долженъ быть предметомъ нашей любви, что онъ разумное, способное къ любви существо. Это родовой законъ. Любовь должна быть любовью непосредственною. Если между мною и другимъ является еще представителемъ другой какой-нибудь индивидуумъ, въ которомъ должна реализоваться идея рода, то представленіемъ третьяго существа, находящагося внѣ насъ, я уничтожаю сущность любви, разрушаю ея единство: ибо другой человѣкъ возбуждаетъ во мнѣ любовь къ себѣ не потому, что онъ имѣетъ *одну со мною сущность*, а потому, что *похожъ на это третье лицо*. Любовь есть субъективная реальность рода, какъ разумъ—его реальность *объективная*. Для любви, для разума не нужно посредствующаго лица“. Выводъ Фейербаха формулируется имъ такъ. „*Nemo homini deus est*“.

Оскара Уайльда прельщаетъ, главнымъ образомъ, *красота скептицизма*. Онъ и въ тюрьмѣ мечтаетъ о томъ, чтобы облечь его въ красивую форму. Ему, какъ Лукрецію, важнѣе всего, чтобы ученіе было выражено въ пластически прекрасной формѣ. Оскаръ Уайльдъ мечтаетъ о масонскомъ орденѣ скептиковъ, „The Confraternity to the Faithless“, т. е. о братствѣ не-вѣрующихъ, какъ онъ говоритъ. У братства—„долженъ быть жертвенникъ, на которомъ не пылаетъ свѣтильникъ; пусть жрецъ, въ груди котораго не пребываетъ миръ, править мессу надъ неосвященнымъ хлѣбомъ и надъ пустой чашей“. Истина не въ истину, если она не облечена въ какую-нибудь форму и не сопровождается опредѣленнымъ ритуаломъ,—полагаетъ Оскаръ Уайльдъ.

„Все, что истинно,—говоритъ онъ,—должно превратиться въ культъ. Агностицизмъ, повтому (?), долженъ имѣть свой ритуальъ, какъ и антитеза его. Агностицизмъ вѣдь имѣлъ же своихъ

мучениковъ; пусть же онъ имѣетъ и своихъ святыхъ, но символы агностицизма должны быть выработаны мною самимъ“.

...„Разумъ говоритъ мнѣ, что законы, въ силу которыхъ я осужденъ—несправедливы и жестоки, а система, которая заставила меня такъ страдать,—тоже жестока и въ равной степени несправедлива. Но я долженъ былъ какъ-нибудь помириться съ этимъ. Въ искусствѣ художникъ интересуется только субъективнымъ отношеніемъ въ данный моментъ къ данному явленію. То же самое можно сказать о нравственной эволюціи характера индивидуума. Я долженъ былъ постараться найти хорошее во всемъ, что случится со мною. Мнѣ необходимо было претворить такимъ образомъ жесткое ложе, отвратительную пищу, просмоленный канатъ, который я щипалъ окровавленными пальцами, грубое обращеніе, ужасное платье, придающее даже горю шутовской видъ, вѣчное молчаніе, одиночество, поворъ... Безъ аффектаціи я могу сказать, что въ моей жизни были два поворотныхъ пункта: когда отецъ послалъ меня учиться въ Оксфордъ и когда общество послало меня въ тюрьму. Я не скажу, что тюрьма мой лучший удѣлъ. Я хочу только сказать, что былъ типичнымъ сыномъ своего времени. Въ испорченности моей и ради этой испорченности я превратилъ хорошее въ моей жизни въ злое и злое—въ хорошее.

„Когда меня посадили въ тюрьму, нѣкоторые совѣтовали мнѣ забыть, чѣмъ я былъ. То былъ гибельный совѣтъ. Только въ постиженіи того, чѣмъ я былъ, я нашелъ утѣшеніе. Теперь мнѣ совѣтуютъ забыть, когда меня освободятъ, что я былъ въ тюрьмѣ. Я знаю, что это фатальный совѣтъ, если бы могъ послѣдовать ему. Въ такомъ случаѣ, меня постоянно преслѣдовала бы мысль перенесеннаго позора. Она отравила бы все, что дорого и составляетъ мнѣ наслажденіе: красоту солнца и луннаго свѣта, музыку разсвѣта и тишину ночей, гармоничный шумъ дождя, падающаго сквозь листья деревьевъ, росу, покрывающую серебромъ траву. Кто жалѣетъ о пережитыхъ испытаніяхъ, тотъ останавливаетъ собственное развитіе. Человекъ, отвертывающійся отъ собственного,—влагаетъ ложь въ уста своей жизни. Онъ отрицаетъ свою душу“ *).

Въ одной англійской газетѣ я нашелъ слѣдующее горячее стихотвореніе, навѣянное, какъ гласитъ заголовокъ, „Чтеніемъ книги Оскара Уайльда“.

„Out of the deep, out of the deep,
With piteous moan,
The ruined soul and body weep
Up to God's throne.

*) „De Profundis“, p. p. 30—37.

The price of sin, infamy's cost
 He came to know,
 The utmost agony of the lost,
 Mad overthrow!

Now vanished down the silent stair
 Back to the deep;
 Gone to eternal silence where
 The broken sleep.

Can any look himself within
 Without a groan?
 Then let him that is without sin
 Cast the first stone*.

(.Изъ глубины могилы къ престолу Господа съ жалобнымъ стономъ возсылаетъ свои рыданія тотъ, кто загубилъ свое тѣло и душу.

„Онъ позналъ цѣну грѣха, стоимость позора, крайнюю агонію безнадежнаго униженія.

„Теперь онъ спустился по безмолвнымъ ступенямъ назадъ въ глубину. Онъ отошелъ въ область вѣчнаго молчанія, гдѣ находятъ успокоеніе несчастные.

„Гдѣ же тотъ, кто можетъ, безъ стона сокрушенія, заглянуть въ свое сердце? Пусть тотъ, кто безъ грѣха, броситъ первый камень).“

Авторъ стихотворенія усмотрѣлъ, какъ и многіе, въ „De Profundis“ покаянную исповѣдь грѣшника. Даже приведенныя въ этомъ письмѣ выдержки, мнѣ кажется, показываютъ, какъ ошибоченъ подобный взглядъ. „De Profundis“—не покаяніе „грѣшника“. Оскаръ Уайльдъ не измѣнилъ въ тюрьмѣ свой взглядъ на антиноміи, идущій въ разрѣзъ съ мѣщанскимъ представленіемъ о морали. Предъ нами только вопль изъ-за могилы Петронія конца XIX вѣка. Онъ слишкомъ талантливъ и слишкомъ чутокъ, чтобы не видѣть полнаго разложенія того міра, къ которому принадлежитъ. Новый Петроній жадно испробовалъ всѣ наслажденія, которыя можетъ дать этотъ разлагающійся міръ. Они не только не удовлетворили его, но породили отвращеніе. Смутно, силой своего генія, Оскаръ Уайльдъ всегда чувствовалъ, что есть гдѣ-то другой міръ, мощный, бодрый, являющійся на смѣну старому. Въ поискахъ за этимъ міромъ Оскаръ Уайльдъ нѣсколько разъ выходилъ на вѣрный путь, но постоянно сбивался съ него. Тюрьма изломала замѣчательнаго писателя, но не потушила вѣры въ гибель дряхлаго міра и въ рожденіе новаго...

Ничше въ одномъ мѣстѣ говоритъ про „книгу, которая почти стала человѣкомъ“. „Для писателя является всегда новымъ скурпризомъ то, что книга его, отдѣлившись отъ него, продолжаетъ жить собственной жизнью. Это раздражаетъ автора, какъ видъ части насѣкомаго, отдѣлившейся отъ тѣла и поплывшей собствен-

ной дорогой. Писатель может забыть совершенно свое произведение. Онъ может перерасти положенія, развиваемыя въ ней, может даже утратить пониманіе своей книги; но она, тѣмъ не менѣе, ищетъ себѣ читателей, зажигаетъ сердца, доставляетъ блаженство, порождаетъ ужасъ, вызываетъ къ бытію новыя произведенія, становится душой принциповъ и дѣйствій,—словомъ, книга живетъ, какъ существо, надѣленное разумомъ и, тѣмъ не менѣе, она—не человѣкъ. Самый счастливый удѣлъ автора это возможность сказать въ старости, что всѣ чувства, которыя онъ испыталъ и мысли, которыя вынесъ,—живутъ еще въ его произведеніи; и что хотя самъ онъ только сѣрый, холодный пепелъ,—огонь сохраненъ *).

Какъ ни относиться къ автору „*De Profundis*“, мы всетаки должны признать, что книга его принадлежитъ къ тому роду произведеній, о которыхъ говорить Ницше.

Діонео.

Н О В Ы Я К Н И Г И .

С. Елпатовскій. Разсказы Т. I—III. Изд. „Знанія“. Спб. 1904.

Если бы понадобилось опредѣлить и назвать господствующую черту творчества г. Елпатовскаго, мы рѣшились бы указать на его сознательный лиризмъ, соединеніе субъективности настроеній съ подчеркнутой преднамѣренностью образовъ.

Знаменитая формула „жизнь сквозъ темпераментъ“ двучленна—и индивидуальность писателя перемѣщаетъ центръ тяжести въ ту или иную изъ ея половинъ. Есть изобразители, какъ бы скрывающіеся за своимъ изображеніемъ; ихъ творческая индивидуальность растворяется въ томъ, что имъ представляется жизнью. Есть другіе, ярко окрашивающіе своими настроеніями всякое изображеніе; это не субъективность, не пристрастіе, не тенденція; это именно лиризмъ: дымка поэтическихъ переживаній автора, накинута на его внѣшнія впечатлѣнія. Въ этомъ смыслѣ г. Елпатовскій лирикъ по преимуществу.

Принимаетъ онъ участіе въ дѣйствіи своего разсказа или нѣтъ, въ его произведеніи всегда чувствуется авторъ. Онъ никогда не пишетъ своихъ героевъ съ себя, но—какъ у настоящаго лирика—главное дѣйствующее лицо всегда онъ самъ, основная тема—его отношеніе къ тому, что онъ видѣлъ. А видѣлъ онъ много и охотно; и эта жадность къ впечатлѣніямъ не

*) *Menschliches, Allzumenschliches*. Афоризмъ 208.

покидает его. Строй чужой жизни и—еще больше—складъ чужой мысли привлекаетъ его своимъ неистощимымъ разнообразіемъ. Его интересъ къ дѣйствительности есть интересъ настоящаго искателя истины человѣческихъ отношеній. Онъ никогда не выдумываетъ сюжета; за каждымъ его рассказомъ, несомнѣнно, есть дѣйствительно пережитое впечатлѣніе. Онъ всматривается въ жизнь, чтобы осмыслить ее, и не боится увидѣть не то, чего ждетъ: его міровоззрѣніе сложилось, и онъ знаетъ, что его мысль справится съ новыми впечатлѣніями.

Онъ побывалъ въ разныхъ концахъ земли, —и въ Туруханскомъ краю, и на берегахъ Роны,—но отовсюду онъ вынесъ не столько изображенія, сколько настроенія. Онъ провелъ ночь на переписи въ Вяземской лаврѣ; на прогулкѣ по крымскимъ горамъ онъ натолкнулся на юношу, читающаго Евангеліе, и рассказалъ намъ обо всемъ, что видѣлъ; но его рассказы объ этихъ пестрыхъ встрѣчахъ говорятъ больше всего о немъ самомъ. Его любимый тонъ — воспоминаніе; онъ могъ бы облечь тѣ же впечатлѣнія въ другую, болѣе безстрастную форму; но онъ отлиываетъ ихъ въ мягкіе образы воспоминанія, всегда глубоко личного, сочувственнаго, сумеречно-смутнаго. Въ этой дымкѣ контуры колеблются; нѣтъ яркихъ фигуръ, кромѣ тѣхъ, которыя слишкомъ ярки. Таковы его Миша, Спирька, Рачнинъ—образы собирательные, шаржированные, рѣзко очерченные и мало индивидуальныя. Другіе набросаны пятнами; въ памяти остаются не они сами, а общая атмосфера ихъ существованія, ихъ жизненная обстановка, ихъ настроенія, отношенія: нѣчто общее, неопредѣленное и въ то же время индивидуальное. Все это не только прочувствовано, но и продумано авторомъ. Стихійность безсознательнаго творчества чужда ему; онъ иногда разсудоченъ, но чаще сознателенъ. И это соединеніе субъективнаго съ разсудочнымъ представляется намъ характеристическимъ признакомъ пріятельнаго дарованія г. Елпатьевского.

А. Крандіевская. Рассказы. Т. I.—„То было раннею весной“ и др. разск.; т. II—„Ничтожные“ и др. разск. Изд. С. Сирмунта. Москва. 1905.

Если то, что рассказываетъ г-жа Крандіевская, оказывается не ново по темѣ—это, почти всегда, отношенія между обиженными и тѣми, кто „виноватъ“,—то это всегда нѣчто цѣнное по существу затронутой темы, и своеобразное, по авторскому отношенію. О г-жѣ Крандіевской мало сказать, что она любитъ своихъ героевъ; она почти отождествляетъ себя съ ними. Если они несправедливы въ своихъ привязанностяхъ, такъ же точно несправедлива и она. Если они ненавидятъ до злобнаго, неудержимаго чувства, такъ же точно не хочетъ знать никакихъ смягченій красокъ и сама писательница. Очень часто это мѣшаетъ ей са-

мой достигнуть искомага художественнаго результата. Читатель не въ состояніи принять настроеніе разсказа даже при общности своего отношенія къ затронутой темѣ съ тѣмъ отношеніемъ, которое характеризуетъ автора... Все, написанное г-жей Крандіевской, свидѣтельствуешь объ ея враждѣ къ „низкому, гнилому и безсильному“ на общественныхъ верхахъ и низахъ и о такой же горячей любви ко всему, что „надвигается на насъ изъ глубинъ народныхъ и что служить провозвѣстникомъ будущаго“. И вотъ, въ разсказѣ „Для души“, заставляя ненавистныхъ ей людей устраивать въ своей собственной квартирѣ нарядную елку для дѣтвора подваловъ и чердаковъ, она не только заставляешь сытыхъ благодѣлителей забыть, что этой голой бѣднотѣ нужно что-нибудь болѣе существенное, чѣмъ золотыя елочные украшенія, которыми ихъ исключительно одѣляютъ (обыкновенно, бываетъ какъ разъ обратное), но заставляешь всѣхъ—отъ прислуги до мужа самой благотворительницы—страдать отъ „затхлаго, кислаго запаха подваловъ и чердаковъ“, принесеннаго дѣтьми. И какъ страдать! Когда дѣти парами шли черезъ нарядныя комнаты, принадлежавшія людямъ, устроивавшимъ елку „для души“, „Горничная Ольга, слѣдуя за парами, затыкала носъ батистовымъ платкомъ, только что украденнымъ изъ барыниного комода, а экономка Софья Титовна стремглавъ кинулась отворять форточки“. Естественно, что цѣльность впечатлѣнія для читателя нарушается, и онъ не можетъ не остановиться мыслію на горничной Ольгѣ, которая такъ во-время украла носовой платокъ изъ барыниного комода,—въ ущербъ тому впечатлѣнію, которое составляло цѣль автора, формулировавшаго свою точку зрѣнія на устройство елки „для души“ словами чахоточной бабы Акулины: „А по мнѣ елка эта самая—одна канитель... И никому то мы, горькіе, не нужны“.

Эта несдержанность творческой фантазіи чрезвычайно, на нашъ взглядъ, портитъ любовно написанные разсказы г-жи Крандіевской. Отсюда, несомнѣнно, тѣ противорѣчія въ общей описовкѣ героевъ, которыхъ не избѣгаетъ наша писательница. Рисуя „дочь народа“, она, напр., сначала изображаетъ ее, какъ человѣка, который „гордо и независимо... черезчуръ даже гордо и независимо“ держится въ своихъ отношеніяхъ къ рассказчицѣ—„образованной, благовоспитанной, богатой и всѣми уважаемой“ женщиной. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, тѣлодвиженія героини описываются, какъ „неторопливыя, преисполненныя степеннаго достоинства“. Всѣмъ своимъ видомъ, такъ же, какъ и смѣхомъ, „негромкимъ, отрывистымъ... холоднымъ и сдержаннымъ“, она импонируетъ окружающимъ, заставляя ихъ чувствовать отношеніе не снизу вверхъ, а сверху внизъ: „...не хуже я васъ, не ниже... Наоборотъ, лучше васъ, потому что сильнѣе васъ, потому что дорогу жизни моей прохожу, страдая. И, страдая, не теряю образа и подобія Божія“... Но вотъ героинѣ приходится выступать

въ качествѣ протестантки противъ мертвости жизни. У автора возникаетъ немедленно образъ совершенно иной героини, ничѣмъ не связанный въ обрисовкѣ съ предыдущимъ, уже усвоеннымъ читателемъ. „Новая“ героиня въ изображеніи г-жи Крандіевской „засмѣялась, ударивъ себя по бедрамъ ухарскимъ, вульгарнымъ жестомъ, отъ котораго эстетка Бутова (подруга рассказчицы) страдальчески поморщилась“. Для читателя ясно даже происхожденіе этого „ухарскаго, вульгарнаго“ жеста, который мало въроятенъ у человѣка съ движеніями, „преисполненными степеннаго достоинства“. Этотъ жестъ усиливаетъ контрастъ между тѣмъ, что чувствуетъ дорогой автору человѣкъ, и тѣмъ, какъ реагируютъ на это тѣ, которыхъ авторъ не любитъ и мимоходомъ казнить. Разсказъ „Дочь народа“ въ этомъ отношеніи очень характеренъ для творчества г-жи Крандіевской (мы привели только одно противорѣчивое указаніе; на самомъ дѣлѣ ихъ нѣсколько: героиня дальше „остервенѣло сплевываетъ“ и проч.).

За то, когда такихъ дисгармоническихъ преувеличеній нѣтъ, какъ, напр., въ разсказѣ „Только часъ“, рассказываемое г-жей Крандіевской производитъ очень теплое и пріятное впечатлѣніе. Тема разсказа „Только часъ“—пріѣздъ начинающей писательницы въ угольные копи, чтобы произвести „наблюденія“. Она волнуется заранѣе при мысли объ удачной литературной работѣ, которую она сдѣлаетъ... пока не спускается въ шахту... Она „только часъ“ пробыла тамъ, гдѣ люди проводятъ всю жизнь, и не въ состояніи больше выносить ни шахты, ни дальнѣйшаго пребыванія на рудникѣ, гдѣ приходится „ходить надъ могилами съ заживо-погребенными и... и мечтать о счастьѣ, о равенствѣ, о свободѣ...“

Арнольдъ Аріэль. Долой женщинъ (Записки моего друга). Москва 1905 г.

Извѣстная доля стильной нарядности въ содержаніи „записокъ моего друга“, несомнѣнно, имѣется. Она просвѣчиваетъ и въ заботахъ о внѣшности книги, напечатанной стариннаго типа шрифтомъ и на желто-сѣрой бумагѣ, имѣющей характеръ выцвѣтшей отъ времени. На оберткѣ, тоже стильной, изображена въ дымкѣ статуя Венеры, а на переднемъ планѣ современная женщина, убогая въ контурѣ тѣла, не гармоничная и съ потупленными долу глазами. Ей стыдно, нужно думать, греческой богини.

Тема, которую взялся разработать авторъ, конечно, область особыхъ отношеній между двумя полами. Примыкая къ возвращеніямъ по этой части автора „Крейцеровой сонаты“, г. Аріэль доводитъ красочность своихъ собственныхъ мнѣній до такой яркости, при которой Л. Толстой кажется человѣкомъ совершенно равнодушнымъ, затронувшимъ свою тему чуть-чуть и

слегка. Для г. Аріэля очень характерно намѣреніе, которое онъ приписываетъ своему герою, автору „записокъ“. „...Мнѣ хотѣлось, говоритъ онъ, захохотать неестественнымъ смѣхомъ, чтобы напугать Надю, чтобы внушить ей ужасъ жизни...“ Совершенно такого намѣренія держится г. Аріэль относительно своихъ предполагаемыхъ читателей. Онъ рассказываетъ нѣчто „неестественное“ и психологически маловероятное (если не считаться съ патологическими явленіями), чтобы внушить имъ „ужасъ жизни“, поскольку рѣчь идетъ о женщинѣ, о бракѣ при современныхъ условіяхъ... Ради этого онъ рассказываетъ о женщинѣ-врачѣ, которую любить „другъ“, отъ имени котораго ведется рассказъ и которую онъ, тѣмъ не менѣе, имѣетъ основательныя причины подозрѣвать, когда ее ночью зовутъ къ внезапно заболѣвшему хозяину гостиницы, гдѣ она живетъ. По этому наименѣе красочному и наименѣе компрометирующему эпизоду читатель можетъ судить обо всемъ остальномъ, что доводитъ героя до рѣшимости покончить съ собой, оставивъ на „пользу общества“ его „предостерегающія“ записки. Женщина-врачъ выбрана въ качествѣ героини, несомнѣнно, для того, чтобы убѣдить читателя, что онъ имѣетъ дѣло со зломъ стихійнаго характера, противъ котораго безсильна какая угодно культура духа... Но такъ какъ тема развита на совершенно „неестественныхъ“ эпизодахъ, то она не способна внушить; конечно, никакого „ужаса жизни“. Можеть даже показаться (по первому впечатлѣнію), что авторъ, собственно говоря, искалъ только литературнаго права и возможности затронуть остро-интересныя темы. Но противъ этого говорить искренность тона, которая мѣстами несомнѣнно чувствуется и въ обработкѣ эпизодической и въ мечтахъ о „Городѣ Будущаго“, гдѣ ни у кого не будетъ причинъ кричать: „Долой женщинъ!...“ Если невыгодныя и, вѣроятно, непредвидѣнныя авторомъ подозрѣнія относительно его дѣйствительныхъ художественныхъ намѣреній могутъ казаться сколько-нибудь основательными, то въ этомъ виновато только его собственное желаніе „захохотать неестественнымъ смѣхомъ, чтобы напугать“...

И. Сулержницкій. Въ Америку съ духоборами. Изд. „Посредника“. Москва, 1905.

Танъ. Очерки и рассказы. Т. V. Русскіе въ Америкѣ. Изд. Глаголева. Спб. 1905.

Принято думать, что злѣключения духоборовъ вызвали знакомство съ ними. Книги гг. Тана и Сулержницкаго убѣждаютъ въ противномъ: трагическая судьба этой замѣчательной группы религіозныхъ страдальцевъ закрыла отъ русскаго общества то интенсивное внутреннее движеніе, которое охватило духоборовъ какъ разъ въ наиболее тяжелую эпоху ихъ страданій. Съ пол-

нымъ основаніемъ первый изъ указанныхъ нами авторовъ отодвигаетъ самую исторію переселенія духоборовъ на второй планъ. Въ его представленіи „исторія въ самомъ разгарѣ кризиса выдерила духоборскую группу изъ старой почвы“ только „какъ бы для того, чтобы увеличить оригинальность явленія“.

Объ этой оригинальности даютъ яркое представленіе объ книги. Онѣ относятся къ различнымъ моментамъ американской жизни духоборовъ: ихъ рассказы раздѣляетъ приблизительно пятилѣтній промежутокъ. Г. Сулержицкій организовалъ переѣздъ духоборовъ съ Кавказа и Крита въ Канаду, самъ сопровождалъ двѣ партіи переселенцевъ и прожилъ съ ними нѣкоторое время по ихъ водвореніи на новыхъ мѣстахъ. Обо всемъ этомъ онъ рассказывалъ просто и живо, безъ профессиональной сноровки въ добываніи фактовъ и ихъ литературной обработкѣ, но съ несомнѣннымъ природнымъ умѣніемъ. Его очерки положительно увлекаютъ даже тамъ, гдѣ посвящены техническимъ подробностямъ организаціи переѣзда, водворенія и первоначальнаго устройства на мѣстахъ. Много здѣсь трогательнаго и забавнаго, печальнаго и торжественнаго—и каждая подробность, каждое слово возбуждаютъ глубокую симпатію къ простымъ и безконечно самозабвеннымъ искателямъ правды на землѣ. Мы привыкли считать духоборовъ сплоченной, но законченной и единообразной массой; между тѣмъ объ книги, имъ посвященныя, убѣждаютъ насъ въ иномъ: жизнь кипитъ въ этой любопытной группѣ, на почвѣ общаго міровозрѣнія вырастаютъ разнообразнѣйшія индивидуальности и ученія. Такой, казалось бы, элементарный для этихъ людей вопросъ, какъ общинная жизнь, вызываетъ жестокую борьбу. И въ ихъ дружной средѣ есть цѣлыя группы, для которыхъ руководящее начало „всякъ по себѣ“. Исторію этой борьбы за общинное начало подробно и образно рассказываетъ г. Сулержицкій. Не разъ побѣда индивидуализма была не побѣдой теоріи или грубаго перевѣса личныхъ интересовъ, но вполне естественнымъ неумѣніемъ этихъ простыхъ людей сразу справиться съ сложными формами коопераціи. Позже многое наладилось. Но до этой поры духоборамъ пришлось пройти чрезъ своеобразную анархію, привлекая къ нимъ вниманіе всего міра. Вопреки необременительнымъ требованіямъ государства, они отказывались отъ принятія земли по участкамъ, отказывались регистрировать рожденія, браки и смерти: „они желали полной независимости отъ государственнаго строя страны, въ которой поселились, соглашались лишь платить требуемыя съ нихъ пошлины. Въ остальномъ они желали жить совершенно самостоятельнымъ обществомъ, подчиняясь лишь „неписаннымъ“ законамъ своего общественнаго мнѣнія и установившимся издавна обычаямъ—жить по „истинному христіанскому закону, по правдѣ Божьей“. Объ этомъ интересномъ періодѣ жизни духоборовъ рассказывалъ въ

„Образованіи“ г. Ольховскій. Г. Танъ видѣлъ „Духоберію“ повже, когда къ духоборамъ прибылъ изъ сибирской ссылки ихъ руководитель Веригинъ и когда внутреннія броженія въ ихъ средѣ приходили къ концу; многое онъ, однако, засталъ и кой о чемъ разузналъ по свѣжимъ слѣдамъ. Его книга написана искуснѣе и пестрѣе простыхъ записей г. Сулержицкаго. Его рассказы колоритнѣе, діалогъ живѣе, въ его характеристикахъ чувствуется подчасъ приподнятость, которую подозрительно встрѣчаешь тамъ, гдѣ ищешь голой правды, но за то онѣ сильны и опредѣленны. Въ живой толпѣ духоборовъ онъ быстро подмѣтилъ и изобразилъ много разнообразнѣйшихъ фигуръ и настроеній, которыя усложняютъ и развиваютъ наши схематическія представленія объ этой сплоченной массѣ. Хороша, напримѣръ, характеристика духоборской молодежи, „славной, чистой, прозрачной, какъ стекло“. „Никто изъ нихъ не пилъ водки и не курилъ табаку, уста ихъ не раскрывались для крѣпкихъ словъ, которыя считаются традиціонной принадлежностью русской народной рѣчи, даже въ полуоффиціальномъ обиходѣ... Эти мужицкія дѣти, таскавшія землю и ворочавшія бревна въ канадскомъ городѣ, живо напомнили мнѣ нашу университетскую молодежь. У нихъ были такіе же чуткіе ко всему интеллигентные души и умы, хотя около половины изъ нихъ были малограмотны, а другіе тоже не пошли дальше хрестоматіи и Родного Слова“. И эта молодежь принимаетъ дѣятельное участіе въ общественномъ строителствѣ, занимающемъ духоборскую общину. Это строительство еще далеко не закончено. Съ одной стороны, Веригинъ сообщаетъ автору: „вся наша община рѣшила принять платѣе англійскаго покроя... Мы рѣшили, чтобы по вышности и по разнымъ пустякамъ не отличаться отъ другого населенія“. А съ другой стороны—„голый“ походъ на проповѣдь и фанатическая стойкость духоборовъ въ сохраненіе своихъ устоевъ, своей „обряды“. Яркія встрѣчи и впечатлѣнія г. Тана только убѣждаютъ, какъ неопредѣленно-бесодержательны общепринятые представленія о народной жизни, когда о ней свидѣлствуютъ такіа исключительныя, но поучительныя явленія, какъ міровоззрѣніе и судьба духоборовъ.

Вл. Гиляровскій. Забытая тетрадь. Изд. 3-е. Москва. Стихотворенія Е. К. Кристи. Одесса, 1905 г.

Цѣлое море стиховъ, мало интересныхъ и по формѣ, и по настроенію. Мелькаетъ страница за страницей. Напрасно ждешь яркаго образа, не затасканной мелодіи, смѣлаго оборота. Все слабо, блѣдно, шероховато... Становится невыносимо скучно, точно попадаешь въ замкнутый кругъ обезличенной сѣрой жизни, лишенной воздуха, солнца и широкаго свѣтлаго горизонта. Гдѣ-то тамъ, далеко, поднимаются волны девятого вала, идетъ жесто-

ченная въковая борьба, а сюда въ эту тусклую атмосферу не доносится не одинъ вопль отчаянія, ни одинъ крикъ негодованія... Мертвая зыбь обывательской скуки царитъ по прежнему... И, вмѣсто цвѣтовъ поэзіи, убогія общія мѣста безъ намека на живое непосредственное чувство.

Попробуемъ, насколько возможно, разобраться въ индивидуальных особенностяхъ каждого автора.

Вл. Гиляровский не только лирикъ; онъ пробуетъ свои поэтическія силы также и въ эпосѣ. Симпатіи его, какъ эпическаго рассказчика, проявляются, главнымъ образомъ, въ склонности воспѣвать мощь кулака и удалое молодечество... Беретъ онъ своихъ героевъ изъ казачьей и московской старины и расходится такъ, что одно описаніе внѣшняго вида какого-нибудь Бугая способно повергнуть самого равнодушнаго читателя въ страхъ и трепетъ.

...Надъ моремъ бритыхъ лбовъ
Всплылъ чубъ и длинный, и косматый.
На плечахъ жилы, что канаты,
Кривыя ноги, страшень видъ;
Усы по грудь... (стр. 14).

Говорятъ герои Гиляровскаго голосомъ, соответствующимъ ихъ наружнымъ даннымъ.

...Всѣ назадъ!
Какъ грома Божьяго раскатъ,
Вдругъ грянулъ голосъ Гордіенки (стр. 15).

Возьмемъ для заключенія еще одно описаніе:

А ужъ могъ ли на свѣтѣ страшнѣй
Палача того быть кто? Ужасень
Его видъ былъ; совсѣмъ безъ ушей,
Ноздри вырваны, глазъ одинъ красень
И весь кровью залить; великанъ,
Ростъ—что башня, руки—что лопата,
Плечи—сажень косая... (стр. 44).

Очевидно, авторъ питаетъ увѣренность, что чѣмъ больше жупельныхъ словъ, тѣмъ ярче будетъ впечатлѣніе. Но страшными словами не создашь страшнаго образа. Надо это помнить и падать чужое эстетическое чувство...

Г-жа (думаемъ, что имѣемъ дѣло съ поэтессой) Кристи не старается прыгнуть выше головы. Это ея несомнѣнное достоинство, благодаря которому она много выигрываетъ въ глазахъ читателя. Читая строки г-жи Кристи, такъ и представляешь себѣ, что авторъ разбираемой книги—просто скромная дама изъ буржуазнаго общества, обладающая изряднымъ запасомъ свободнаго времени, результатомъ котораго и явилась масса стихотвореній. Какъ и подобаетъ дамѣ средняго достоинства, г-жа Кристи немножко религіозна, немножко сентиментальна, немножко

чувственна... Она ходитъ въ церковь, желаетъ любить и прощать и считаетъ свою судьбу очень, очень грустной, но жизнь человѣческая — крестъ назначенный Богомъ, поэтому ничего не остается, какъ покориться и ждать избавленія отъ земныхъ узъ... Вотъ все коротенькое мировоззрѣніе автора. Въ предѣлахъ его автору удается иногда недурное четверостишіе, но четверостишіе это тонетъ въ болотѣ чирикающей версификаціи. Техническихъ недочетовъ, за недостаткомъ свободнаго мѣста, касаться не будемъ.

Кольбъ. Какъ я былъ рабочимъ въ Америкѣ. Пер. съ 3 нѣм. изд. Кожевникова и Кержнера. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1905.

Побродивъ по Соединеннымъ Штатамъ въ качествѣ зауряднаго туриста, германскій Regierungsrat Кольбъ не удовлетворился этимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ любопытной страной. Его вниманіе привлекали ея противорѣчія. Крупные капиталы играютъ здѣсь всеопредѣляющую роль, и между тѣмъ эта родина трестовъ рѣшительно отказывается отъ социаль-демократіи. Выяснить это противорѣчіе можно было только путемъ непосредственнаго знакомства съ условіями жизни американскаго пролетаріата, „который даже въ своей нѣмецкой части не хочетъ ничего знать о коммунистическомъ евангеліи“. Для этого необходимо было смѣшаться съ этимъ пролетаріатомъ, стать самому рабочимъ—и рѣшительный нѣмецкій чиновникъ не отступилъ предъ этимъ испытаніемъ. Нельзя сказать, чтобы ему везло; долго бродилъ онъ безъ дѣла, не умѣя найти подходящую работу, пробовалъ даже быть поденнымъ лакеемъ, потомъ пристроился, мылъ бутылки въ пивоварнѣ, былъ безъ вины прогнанъ, работалъ затѣмъ на велосипедномъ заводѣ и, наконецъ, прожилъ мѣсяцъ въ меблированныхъ комнатахъ для рабочихъ въ Санъ-Франциско.

Его рабочая одиссея длилась около полугода. Перебѣнивъ щегольской костюмъ туриста на простую одежду рабочаго, онъ не сдѣлался отъ того настоящимъ изслѣдователемъ, но остался только любознательнымъ и предприимчивымъ туристомъ. Онъ не сумѣлъ найти въ своихъ встрѣчахъ и впечатлѣніяхъ рѣшенія тѣхъ вопросовъ, съ которыми шелъ въ ряды рабочей массы; загадка пролетаріата, чуждающагося социаль-демократіи, осталась для него загадкой, и трудно сказать, чтобы онъ представилъ для ея рѣшенія какія-либо цѣнныя данныя. Но онъ вынесъ изъ своихъ трудовыхъ дней нѣчто иное,—цѣнное не только для него. „Я хочу признаться,—говоритъ онъ—не безпристрастно, а съ предвзятыми взглядами приступилъ я тогда къ выполненію своего плана. Я стоялъ въ то время далеко отъ современнаго рабочаго движенія и не сочувствовалъ ему. Изъ жизни американскаго пролетаріата, не симпатизирующаго ему и относящагося индиф-

фирентно къ социальнымъ вопросамъ, я хотѣлъ добыть факты противъ этого движенія и его вожаковъ". Однако его ожиданія не оправдались, и онъ нашелъ въ себѣ мужество сознаться въ этомъ. „Со мной случилось то же, что должно случиться съ каждымъ изъ нашего круга, кто честно отнесется къ этимъ вопросамъ: я нашелъ проблемы тамъ, гдѣ предполагалъ аксіомы. Многія желанія нашихъ рабочихъ, которые раньше я безъ вниманія пропускалъ мимо ушей, я нахожу теперь достойными серьезнаго обсужденія“.

Эти цѣнныя заявленія, къ сожалѣнію, не нашли достаточно яркаго обоснованія въ книгѣ Кольба. Ему не удалось перевести свои общія впечатлѣнія въ область детальныхъ указаній и конкретныхъ доводовъ. Это не мѣшаетъ его книгѣ быть любопытнымъ матеріаломъ; ея пытливый авторъ мимоходомъ видѣлъ многое и о многомъ рассказывалъ; поэтому его книжка читается съ неослабывающимъ интересомъ, и мелкія черточки американской общественности, подмѣченныя и изображенныя имъ, наводятъ на мысли и сопоставленія. Вотъ, напримѣръ, поучительнѣйшія иллюстраціи къ вопросу о національной политикѣ и національномъ государствѣ: въ Милуоки такъ много нѣмцевъ, что въ витринахъ магазиновъ встрѣчаются надписи: „здѣсь говорятъ по-англійски“; и вотъ, одинъ нѣмецъ, пріѣхавши туда на выставку 93 года, прогуливался въ городскомъ паркѣ и спросилъ у городского дорогу, но въ отвѣтъ получилъ: „говорите по-нѣмецки! Или вы думаете, что я долженъ на старости лѣтъ ради васъ учиться англійскому?“ Какой вой подняли бы наши джинго, если бы что-нибудь подобное было мыслимо, напримѣръ, въ Варшавѣ. А между тѣмъ вотъ результаты этой пассивной политики: „подчиненіе англійской культурѣ даже такихъ нѣмецкихъ оплотовъ (какъ вышеупомянутый городской), по моему, вопросъ только времени. Нѣмецъ житель большихъ городовъ—только переходное явленіе. Второе поколѣніе превращается уже неизбежно въ англичанъ“.

Для полноты впечатлѣнія должно прибавить, что Кольба далеко не все одобряетъ въ Америкѣ, и о многихъ явленіяхъ—напримѣръ, о поражающемъ развитіи взяточничества—онъ говоритъ съ той рѣзкостью, какой слѣдовало ожидать отъ нѣмецкаго чиновника.

Переводчики пишутъ „въ Мильванкелѣ“, вмѣсто „въ Милуоки“ и „изъ Шамоникса“, вмѣсто „Шамуни“.

А. И. Фаресовъ. Семидесятники. Очерки умственныхъ и политическихъ движеній въ Россіи. Спб. 1905.

Подъ такимъ широкимъ и заманчивымъ заглавіемъ г. Фаресовъ собралъ рядъ своихъ статей и замѣтокъ, напечатанныхъ въ

разное время въ періодическихъ изданіяхъ. Но пусть читатель не удивляется, если онъ не найдетъ въ этой книгѣ какъ разъ ничего, относящагося къ самому крупному и характерному движению семидесятыхъ годовъ—революціонно-политическому: авторъ ни съ какой стороны не касается этого сильнаго и бурнаго потока, а занимается отбитыми въ сторону элементами движенья, которые втихомолку, часто въ далекомъ невольномъ уединеніи, продолжали свою внутреннюю эволюцію. Большая часть его очерковъ посвящена людямъ, примыкавшимъ къ тому направленію общественной мысли, которое, отрѣшившись отъ политическихъ задачъ, мечтало перестроить общество на экономическихъ и социально-этическихъ основахъ, съ помощью артели и коммуны.

Книга состоитъ изъ нѣсколькихъ біографическихъ очерковъ, изъ небольшихъ рассказовъ изъ жизни политическихъ ссыльныхъ и, наконецъ, коротенькихъ замѣтокъ случайнаго содержанія. Г. Фаресовъ совсѣмъ не изслѣдователь, а бытописатель, при томъ бытописатель старомоднаго типа, находящійся въ полной зависимости отъ своего матеріала: тамъ, гдѣ онъ обладаетъ богатымъ запасомъ документовъ, обыкновенно писемъ, онъ съ лѣтописной обстоятельностью заноситъ ихъ цѣликомъ на свои страницы и безъ стѣсненія заводитъ читателя въ лабиринтъ узкоспеціальныхъ вопросовъ; такъ, напр., въ біографіи А. Н. Энгельгардта несоразмѣрно большую часть занимаютъ письма его, имѣющія исключительно агрономическій интересъ,—объ опытахъ надъ минеральнымъ удобреніемъ, съ томительными подробностями чисто технического свойства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда матеріалъ недостаточенъ, г. Фаресовъ не дѣлаетъ никакихъ логическихъ усилій, чтобы углубить и осмыслить его анализомъ и конструированіемъ, и у читателя остается неудовлетворенность отъ смутнаго, недостаточнаго знанія. Въ примѣръ можно привести изъ той же біографіи Энгельгардта страницы, въ которыхъ только намѣчается, но не выясняется очень интересный вопросъ о борьбѣ между артельнымъ и коммунистическимъ началомъ въ интеллигентныхъ поселкахъ и о причинахъ разложенія этихъ культурныхъ общинъ.

Иногда, впрочемъ, авторъ относится къ своему матеріалу не столь пассивно и пытается, если не углубить, то расширить его искусственными средствами: свои воспоминанія и наблюденія онъ облекаетъ иногда въ беллетристическую форму, подбирая бытовую обстановку для того реального факта, который намѣревается сообщить. Но эта литературная пристройка едва ли можетъ заинтересовать кого-нибудь своимъ сентиментально-слащавымъ тономъ, а между тѣмъ она затѣмняетъ настоящія очертанія той реальной основы, во имя которой и составленъ рассказъ, такъ что и здѣсь читатель опять попадаетъ на зыбкую почву неувереннаго, сбивчиваго представленія. Особенно жаль, что такое

впечатлѣніе смутности и расплывчатости оставляетъ характеристика интересной личности Маликова. Вы едва предчувствуете здѣсь этого сильнаго человека, всю жизнь мучительно искавшаго и теоретической истины, и практической правды, перешедшаго, послѣдовательно, отъ позитивистической религіи черезъ евангельскую коммуны въ тупикъ рутиннаго мировоззрѣнія. Вы только угадываете, сколько въ квізистическую доктрину личнаго совершенствованія вносилъ онъ страстности, подвижничества, чистоты революціоннаго закала, какъ это индивидуалистическое ученіе должно было въ его глазахъ служить прежде всего социальнымъ цѣлямъ, и какъ, въ концѣ концовъ, оно оказалось чрезчуръ тѣснымъ и узкимъ для крупной личности Маликова и его широкихъ задачъ,—и онъ погрузился въ мистическое православіе.

Однако, въ книгѣ г. Фаресова можно подобрать разсѣянные тамъ и здѣсь крупныя несомнѣнно интереснаго матеріала, особенно если принять во вниманіе скудость свѣдѣній этого рода въ нашей литературѣ. И читатель готовъ жадно ловить эти крупныя, какъ подлинныя свидѣтельства о жизни и психологіи дѣятелей того времени, тѣмъ болѣе, что онѣ исходятъ отъ лица, могущаго подѣлиться собственнымъ пережитымъ опытомъ. Но мы видѣли уже, какъ литературная манера автора, смѣшивающаго быль съ вымысломъ, подрываетъ довѣріе къ его разсказу.

е въ меньшей степени подрываетъ довѣріе и основная точка зрѣнія автора, переходящая порой въ тенденцію, и заключающаяся въ томъ, что устроенія жизни надо искать не въ политикѣ или экономикѣ, а въ собственномъ сердцѣ. Съ внѣшней стороны эта точка зрѣнія выражается у г. Фаресова въ чувствительныхъ воздыханіяхъ и въ тонѣ блаженнаго самоудовлетворенія, а съ внутренней стороны она служитъ той субъективной мѣркой, которой авторъ не только измѣряетъ, но подъ которую отчасти и подгоняетъ лица и явленія. Наконецъ, этой же точкой зрѣнія объясняется и подборъ матеріала, и злоупотребленіе терминомъ „семидесятники“.

Н. Бѣлозерскій. Записки учителя. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1905 г.—Ольга Давыдова. Изъ воспоминаній учительницы. Изд. В. И. Раппъ, В. И. Потапова и С. Г. Лозинскаго. Кіевъ. 1904 г.

На оживившееся вниманіе литературы и общества къ средней школѣ начинаютъ все чаще и чаще реагировать лица, находившіяся съ нашей школой въ тѣсномъ соприкосновеніи и имѣвшія возможность вынести на своихъ плечахъ всю тяготу педагогической дѣятельности, прожить всѣми ея горестями и радостями... Радостями... къ сожалѣнію, ихъ немного у тѣхъ, кто идетъ на кафедру среднеучебнаго заведенія съ отзывчивымъ сердцемъ,

свѣтлой головой, исканіемъ живой общественной работы. Лучшимъ доказательствомъ этого положенія служатъ оба настоящіе очерка: оба они (одинъ взятъ изъ жизни мужской гимназіи, другой—женской) написаны *бывшими* педагогами. Учительская среда, педагогическая обстановка вытѣснили ихъ, какъ элементъ не подходящій, чуждый... И такъ и должно быть. Присмотритесь къ этой безотрадной средѣ, къ этому *искусственному* подбору лицъ, служащихъ не дѣлу просвѣщенія, а извнѣ навязаннымъ школъ задачамъ, и вы увидите, что ужиться въ этой атмосферѣ, приспособиться къ этой жизни—задача, дѣйствительно, нелегкая для тѣхъ, кто стоитъ выше этой среды, и совершенно невозможная для тѣхъ, кто не хочетъ поступиться своею личностью. Оба очерка дышатъ правдивостью; и тотъ, и другой авторъ съ большою осторожностью относится къ другимъ людямъ, съ большою требовательностью къ себѣ, и, тѣмъ не менѣе, оставаясь вѣрными правдѣ жизни, они рисуютъ своихъ товарищей по работѣ самыми мрачными красками.

„Первое, — пишетъ г. Бѣлозерскій, — что поразило меня особенно сильно при болѣе близкомъ знакомствѣ съ учительской средой, въ которую я входилъ безъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній о ней и съ самыми благожелательными чувствами и намѣреніями, это—крайняя узость и мелкость, полное ничтожество тѣхъ духовныхъ интересовъ, которыми жили и довольствовались мои сослуживцы по Н-ской гимназіи“... „Каждый разъ,—съ тою-же говоритъ г-жа Давыдова про свои попытки — сойтись съ своими товарищами по работѣ,—когда я выходила изъ ихъ маленькихъ, чистенькихъ и нарядныхъ квартирокъ, чувство одиночества все болѣе и болѣе охватывало меня. Такъ же, какъ и при первой встрѣчѣ, я почувствовала, что нѣтъ между нами тѣхъ нитей, которыя бы связали насъ въ будущемъ; я видѣла, что интересы гимназіи такъ далеки, такъ чужды имъ, хотя воѣ они много толковали о гимназіи, т. е. о начальствѣ и сослуживцахъ. Но дѣти, которыхъ весь этотъ штатъ призванъ былъ обучать и воспитывать, дѣти оставались гдѣ-то въ тѣни, заброшенными и ненужными. Уютъ ихъ собственной, маленькой и несложной жизни—вотъ, казалось, къ чему сводились всѣ интересы моихъ сослуживцевъ...“

Почему же это такъ случилось? Вѣдь люди здѣсь почти все съ высшимъ образованіемъ, окунывались они въ студенческое море, соприкасались съ источниками науки... Анализъ условій жизни нашего педагогическаго персонала среднихъ школъ и у того, и другого автора приводитъ къ одному и тому же рѣшенію: бюрократизація школы привела къ порабощенію личности учителя; онъ слишкомъ задавленъ всякими циркулярами, предписаніями, на немъ слишкомъ неустанно тяготѣетъ дамокловъ мечъ начальственнаго произвола... Раскрѣпостите личность учителя—вотъ

единственный выходъ изъ того жалкаго положенія, изъ того мрачнаго туника, куда попала теперь наша средняя школа. Само собою разумѣется, что такого рода раскрѣпощеніе можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда будутъ сняты политическія путы со всего общества,—и тогда свободное общество, вмѣстѣ со свободнымъ учителемъ, создастъ свободную школу, безъ которой едва ли можно ждать тѣхъ быстрыхъ, коренныхъ реформъ, о которыхъ такъ неустанно вопіетъ современная русская дѣйствительность.

Школа, при настоящей постановкѣ дѣла, калѣчитъ нашихъ дѣтей,—въ этомъ сходятся оба автора... А между тѣмъ тѣ же авторы показываютъ намъ, сколько свѣтлаго и живого несутъ съ собою молодые поколѣнія, не смотря на всю ужасающую обстановку школьной, общественной и семейной нашей жизни.

Ив. Наживинъ. Среди могилъ. Библіотека для всѣхъ. Изданіе Руттенберга и Жуковой. Спб. 1903 г.

Намъ кажется, что книга „Среди могилъ“ годится далеко не „для всѣхъ“. Авторъ описываетъ свои путевыя впечатлѣнія по Турціи, Греціи и Италіи. Надо быть очень образованнымъ человекомъ, чтобы разобратся въ той массѣ мифологическихъ отступленій и историческихъ экскурсій, которыми авторъ сыплетъ, какъ изъ рога изобилія. Лирическихъ же отступленій, впадающихъ прямо въ пафосъ, и того больше; это тоже для любителей, а не для всѣхъ; мы, сѣверяне, привыкли къ болѣе спокойному описанію красоты природы. Вотъ, напр., какъ описываетъ авторъ красоту Коринфскаго залива: „Если часъ смерти, часъ вѣчной разлуки съ землею будетъ мнѣ труденъ, о! пусть тогда вспомню я объ этой землѣ чаръ, объ этомъ царствѣ неземной красоты. Въ лучахъ этого видѣнья, я увѣренъ, потонуть вои страхи моей слабой души, и, не замѣтивъ, очарованный, я перейду въ другой міръ. Но перейдя, не затоскую ли я тамъ, не буду ли жалѣть о прекрасной землѣ? Да, я затоскую, я пожалѣю, что Богъ даровалъ мнѣ безсмертіе въ океанѣ Безконечности, а не здѣсь, на берегу лазурнаго залива...“ и т. д. въ томъ же духѣ на двухъ страницахъ, а собственно описанію посвящено полъ страницы. Не мало авторомъ удѣлено мѣста и мировой скорби. Но что же? Неужели это правда, что человѣчество ни на шагъ не двинулось впередъ со временъ Діодора? Неужели ни въ Греціи, ни въ Италіи не пришлось ему встрѣтиться съ такими общественными явленіями, которыя нѣсколько измѣнили бы его пессимистическій взглядъ на прогрессъ человѣчества?

Не знаемъ, кому принадлежать выноски съ объясненіями иностранныхъ словъ и названій: автору или издательницамъ? Выборъ словъ для объясненій вызвалъ въ насъ удивленіе: почему, напр.,

слово „вахта“, вошедшее вполне въ обиходъ русской рѣчи, сопровождается объясненіемъ, а слова: экскурсія, туристъ, трамвай, силуэты, манифестація считаются понятными? Иностраннѣхъ словъ и названій въ этой небольшой книжечкѣ такая масса, что если ихъ всё объяснять, то выноски превысили бы въ нѣсколько разъ текстъ книги, что, въ концѣ концовъ, сообразили издательницы, и съ 86 стр. мы уже не встрѣчаемъ ни одного объясненія, хотя дальше попадаются названія и слова, написанныя по-итальянски и уже безъ всякаго перевода.

Ч. Шерръ. Иллюстрированная всеобщая исторія литературы. Пер. съ нѣм., подъ ред. П. Вейнберга. 2 т. Изд. С. Скимунта. Москва.

О всеобщей исторіи литературы помышляютъ съ тѣхъ поръ, какъ создано понятіе всеобщей или всемірной литературы. Кажется, Гете первый отчеканилъ слово Weltliteratur и достойно указалъ значеніе явленія, съ нимъ связаннаго. Настоячиво и торжественно обращалъ великій мыслитель вниманіе своихъ друзей на то, что „національная литература теперь не много значить: подходитъ пора всемірной литературы, и всякій обязанъ стараться ускорить ея появленіе“. Въ связи съ этимъ исторія литературы становилась всеобщей; ея изученіе должно было стать изученіемъ ея общаго теченія, основаннаго на взаимодѣйствіи національныхъ литературныхъ формъ и образовъ. Но такой исторіи мы не дождались до сихъ поръ: съ накопленіемъ знаній растутъ трудности этого гигантскаго предпріятія; оно предполагаетъ необязтную массу предварительныхъ изысканій, свести которыя сумѣетъ лишь исключительный умъ. Еще не такъ давно къ этой задачѣ предъявляли сравнительно невысокія требованія, и у насъ осталось не мало почтенныхъ трудовъ отъ того добраго, стараго времени, когда было легко составлять обширныя, всеобщія исторіи литературы, не давая себѣ отчета, какую отвѣтственность возлагаетъ на автора эта задача. „Всеобщность“ достигалась путемъ механическимъ: авторъ составлялъ только обзоры національныхъ литературъ; всеобщей дѣлалъ исторію литературы брошюровщикъ: онъ собиралъ *membra disjecta*, онъ замѣнялъ отсутствующую руководящую идею всеобщаго литературнаго развитія клейстеромъ и нитками. Названіе *всеобщей* исторіи такой трудъ присваивалъ себѣ, конечно, беззаконно: изъ многихъ частностей не выйдетъ ничего всеобщаго, если онѣ не организованы,— а въ этихъ трудахъ прежде всего не было ничего органическаго. Поэтому они и имѣли педагогическое, пропедевтическое, справочное значеніе, но не больше.

Среди этихъ трудовъ книга Шерра особенно популярна; ея новый русскій переводъ сдѣланъ уже съ десятаго нѣмецкаго изданія, доведеннаго до современности университетскимъ преемни-

комъ автора. Покойный цюрихскій полигисторъ зналъ свои силы и понималъ, что сумѣетъ представить читателямъ лишь національное литературное развитіе отдѣльных народовъ земли. Ихъ число представлялось ему ограниченнымъ. Предполагая дать лишь рациональный литературный каталогъ, онъ раздѣлялъ народы по табели о рангахъ, которая теперь представляется намъ нѣсколько забавной, и рѣшилъ обратить свое вниманіе лишь на тѣ народы земного шара, „которые имѣютъ или имѣли дѣйствительную литературную исторію, а не обладаютъ, подобно дикимъ и полудикимъ народамъ или, напримѣръ, подобно смѣшанному племени *свантамъ* въ восточной Африкѣ, кочевымъ турецкимъ племенамъ Алтая или странствующему племени цыганъ, только пѣснями, преданіями и сказками, передаваемыми изустно и записанными уже культурными народами, или, подобно аптекамъ въ Мексикѣ и инкасамъ въ Перу, оставили послѣ себя только литературные отрывки“. Однако, имѣя кой-какія свѣдѣнія о поэтическомъ творчествѣ мексиканцевъ и перуанцевъ, авторъ не рѣшился оставить ихъ въ сторонѣ и тутъ же, въ введеніи наскоро дѣлится ими съ читателемъ: „Помѣстить обитателей Анагуака и Тавантинсую, какъ называли свои земли древніе мексиканцы и перуанцы, въ другомъ мѣстѣ было бы неудобно, хотя авторитеты по этнографіи и считаютъ ихъ принадлежащими къ монгольской расѣ“. Этотъ эпизодъ характеренъ для всей книги Шерра. Въ ней много лишняго, много случайнаго, слишкомъ много балласта именъ и заглавій; для самообразования этотъ перечень слишкомъ сухъ и педантиченъ, для справокъ недостаточно надеженъ. Оцѣнки Шерра—или его продолжателя—также способны вызвать сомнѣніе. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ обрабатываетъ Альфонса Додэ: „Уже въ его *Nabab* реализмъ проявляется съ сомнительной стороны, такъ какъ здѣсь основнымъ мотивомъ дѣйствія являются пилули изъ шпанскихъ мушекъ. Романы *Les rois en exil* и *Numa Roumestan* были ловко пущенной въ ходъ спекуляціей на политическую пикантность и страсть къ политическимъ скандаламъ. Въ романѣ *Sapho* Додэ рѣшился спуститься въ самыя опасныя области безнравственности“. Если таковъ Додэ, то можно себя представить, сколь ужасны прочіе французскіе романисты отъ Зола до Лоти и отъ Гонкуровъ до Мопассана. Не мудрено, что составителю „легче дышется, когда, разставшись съ тяжелымъ воздухомъ реализма, мы ощущаемъ свѣжесть альпійскихъ горъ, вступивъ въ область безпритязательной, естественной и цѣломудренной лирики, которая выросла во французской Швейцаріи и разрабатывалась пользующимися у своихъ соотечественниковъ заслуженнымъ уваженіемъ и вліяніемъ поэтами, какъ *Ж. Пти-Сенъ, А. Ришаръ, III. Дидье, М. Моннье, Г. Дюранъ, Ж. Оливье, Ф. Моннеронъ*“... Обрываемъ на половинѣ списокъ этихъ цѣло-

мудренныхъ швейцарскихъ знаменитостей. Такихъ описковъ въ книгѣ Шерра много; трудно сказать, кому они нужны.

Исторія русской литературы обработана въ приложеніи П. И. Вейнбергомъ и—отъ Пушкина до нашихъ дней—П. О. Морозовымъ, который сумѣлъ дать лишь блѣдный очеркъ, смутный въ характеристикахъ и сухой въ подробностяхъ. Исторіи въ немъ такъ же мало, какъ и въ книгѣ Шерра.

Въ упрекъ переводчику мы должны поставить то, что онъ взялся переводить заглавія безконечно многочисленныхъ сочиненій, упоминаемыхъ въ трудѣ Шерра. Если ихъ не читалъ даже самъ авторъ, то тѣмъ менѣе могъ ихъ читать переводчикъ; а между тѣмъ очень часто невозможно передать заглавіе сочиненія, не зная его содержанія. Какъ и слѣдовало ожидать, получился рядъ невѣрныхъ переводовъ, а то и курьезовъ, бросающихся въ глаза даже при бѣгломъ просмотрѣ книги; таковы заглавія „Сильный какъ смерть“ Мопассана (слѣдуетъ „сильна“, потому что рѣчь идетъ о любви), „Берлинъ. В.“ Маутнера (въ подлинникѣ „Berlin. W.“, то есть West: романъ изъ жизни денежной аристократіи, живущей по преимуществу въ западной части Берлина) и даже „Въ Дингедѣ“ („In Dingsda“ Jor. Шлафа).

Вл. Розенбергъ и В. Якушкинъ. Русская печать и цензура въ прошломъ и настоящемъ. М. 1905 г. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ.

Источникомъ, неизмѣнно питающимъ русскую цензуру, является административное усмотрѣніе всякихъ видовъ и размѣровъ. Какъ крѣпко завязанный пузырь, положенный подъ колоколъ воздушнаго насоса, административное усмотрѣніе разрасталось и занимало все пространство, отведенное русскому слову и русской мысли, по мѣрѣ того какъ равнодушная рука чиновника работала на рычагѣ насоса и выгоняла изъ-подъ колокола свободный воздухъ. Время отъ времени бюрократическая работа какъ будто приостанавливалась, чувствовалась хоть слабенькая струя чистаго воздуха, усмотрѣніе сжималось, работники печати приободрялись и только скептики сохраняли свою коварную улыбку.

— Теперь пойдутъ инныя рѣчи,—
Замѣтилъ весело одинъ.
— Теперь насъ ждуть просторъ и слава!
Другой восторженно сказалъ.
А третій посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ!

Вспоминаетъ г. Розенбергъ извѣстные некрасовскіе стихи, написанные по поводу толковъ объ одной изъ цензурныхъ реформъ. Къ сожалѣнію, скептики всегда оставались правыми. Дѣло въ томъ, что усмотрѣніе всегда чувствовало подъ собою, какъ

это тщательно выслѣживааетъ названная работа гг. Розенберга и Якушкина, прочную почву въ „законѣ“. И „усмотрѣніе“, и „законъ“ выходили изъ одной и той же бюрократической лабораторіи.

Отсюда замѣчательная гармонія между тѣмъ и другимъ элементомъ русской жизни. Когда законъ выдвигалъ свои нормы, онъ не забывалъ оставить чистое поле, широкій просторъ для усмотрѣнія, выражаясь, гдѣ нужно, туманно и неопредѣленно (въ родѣ, напр., „вреднаго направленія“). Когда усмотрѣніе въ своей долгой и источивой практикѣ натыкалось на какія-нибудь неудобства со стороны закона, оно чрезвычайно легко модифицировало и безъ того неопредѣленные выраженія статей закона въ сторону еще большей неопредѣленности. Примѣровъ этихъ процессовъ приводить не будемъ: ими полна вся книжка.

Само собою понятно, что такое положеніе вещей ложилось тяжелымъ бременемъ на русскую жизнь и русскую мысль. Еще Радищевъ съ отчаяніемъ восклицалъ по поводу цензуры: „если хочешь благораствореннаго воздуха, удали отъ себя коптальню; если хочешь свѣта, удали затмеваніе; если хочешь, чтобы дитя не было застѣнчиво, ты выгони лозу изъ училища. Въ домѣ, гдѣ плети и батожье въ модѣ, тамъ служители пьяницы, воры и того еще хуже“... Эта мысль, варьируясь, повторяется на различные лады изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе, даже изъ года въ годъ... Но вѣдь то было сто лѣтъ тому назадъ, а теперь, быть можетъ, дѣло стоитъ не такъ... Увы! тщательное разслѣдованіе г. Розенберга по вопросу о томъ, какой цензурный уставъ у насъ дѣйствуетъ, приводитъ его къ заявленію: „какъ ни странно, въ началѣ двадцатаго вѣка у насъ дѣйствуетъ почти во всехъ своихъ существенныхъ чертахъ цензурный уставъ 22 апрѣля 1828 года“. И это чрезвычайно типичная черточка разсматриваемаго нами явленія! Изъ работъ гг. Розенберга и Якушкина мы видимъ, какъ часто правительство пыталось всякаго рода частичными улучшеніями и поправками установить достаточно приличную гармонію между разумной цензурой и осторожной свободой слова... Но между этими двумя элементами жизни гармоніи никакъ не получалось. И вотъ въ 1905 г. мы пытаемся уставомъ 1828 г. Очевидно, отжившее явленіе можетъ поддерживаться лишь отжившимъ законодательствомъ. Несомнѣнно, что рѣшеніе вопроса можетъ быть только одно: „теперь рѣчь должна идти, замѣчаетъ г. Якушкинъ, не о восстановленіи тѣхъ временныхъ и недостаточныхъ льготъ, какія даны были печати въ 1865 г., а о завершеніи начатаго тогда дѣла, объ уничтоженіи предварительной цензуры, объ отмѣнѣ административнаго воедѣйствіи на печать. Теперь необходима Россіи уже свобода печати“...

Многочисленные „анекдоты“ о нашей цензурѣ, не смотря на всю несообразность и несовмѣстимость съ жизнью культурной

страны, являются, къ сожалѣнію, фактами, которые пришлось выстрадать русскому писателю. Эти факты достаточно извѣстны широкой публикѣ изъ работъ на ту же тему, опередившихъ книжечку гг. Розенберга и Якушина (напр., г. Скабичевского, Лемке). Они,—эти факты,—слишкомъ многочисленны и разнообразны для того, чтобы ихъ можно было затронуть въ настоящей короткой замѣткѣ. И мы не будемъ ихъ касаться. Мы отмѣтимъ только, что, не смотря на всѣ эти „анекдоты“, реализовавшіеся въ жизни на протяженіи болѣе ста лѣтъ, русская литература, къ своей чести, не потеряла ни отзывчивости, ни дѣеспособности. Весьма любопытными въ этомъ отношеніи являются цифровыя сводки постигнувшихъ нашу печать каръ за послѣднія полъ-столѣтія. Комбинаціи, приводимыя г. Розенбергомъ, многочисленны, и выводы разнообразны. Мы остановимся здѣсь на одномъ изъ нихъ: „если бы,—говоритъ г. Розенбергъ,—изобразить графически колебанія въ силѣ репрессіи на печать, то на кривой всѣхъ взысканій явственно обозначились бы два максимума: одинъ, болѣе высокій, къ 1879 г., другой къ 1899 г., и оба они совпали съ моментами броженія общественной мысли, обыкновенно предшествующими и отчасти совпадающими съ эпохами общественнаго движенія и борьбы“... Да, живѣ курилка! Сохранился духъ живѣ нашей печати, уцѣлѣли нити, связывающія ее съ активными силами родины, не смотря на то, что ей приходилось все время влечить свое существованіе въ „мірѣ случайностей“ административнаго усмотрѣнія.

М. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. Съ 4 портретами (Книгоиздательство М. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ. № 3). Спб. 1904.

Въ нашей литературѣ до послѣдняго времени не существовало такого труда, который имѣлъ бы своею спеціальной задачей обстоятельное и систематическое изложеніе исторіи цензурныхъ мѣропріятій, ознаменовавшихъ собою эпоху реформъ 60-хъ годовъ и закончившихся выработкою цензурнаго устава 1865 года. Книга г. Лемке является первою попыткою подобнаго труда, и попытку эту надо признать въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно удачной. Авторъ названной книги придалъ своей темѣ широкую и вполне правильную постановку, постаравшись не только изложить цензурныя мѣропріятія избранной имъ эпохи въ ихъ хронологической послѣдовательности, но и выяснитъ тѣ вѣянія, подъ каковыми слагались эти мѣропріятія. Стремясь „прослѣдить, какъ отражалось общественное настроеніе на ходъ законодательства и вообще регулированія печатной мысли“, г. Лемке въ своей книгѣ тѣсно связалъ исторію цензуры съ исторіей журналистики и собралъ не малое количество интереснаго матеріала, живо характеризующаго ту и другую. Знакомясь

съ этимъ матеріаломъ въ рядѣ матеріаловъ, рассказываемыхъ авторомъ, читатель книги г. Лемке, въ концѣ концовъ, можетъ составить себѣ достаточно ясное представленіе о томъ, какими принципами руководилось въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка русское правительство въ своей политикѣ по отношенію къ печати и какъ реагировали на эту политику различные слои русскаго общества и разные органы русской журналистики. Можно только пожалѣть, что авторъ, съ своей стороны, сдѣлалъ слишкомъ мало для того, чтобы облегчить читателю эту задачу, и свелъ свою работу почти исключительно къ передачѣ матеріала, почерпнутаго изъ малознакомныхъ официальныхъ изданій и старыхъ журналовъ. Что касается относящихся къ этому матеріалу замѣчаній самого г. Лемке, въ изобиліи разсыпанныхъ въ его книгѣ, то они главнымъ образомъ играютъ роль чисто внѣшнихъ связующихъ звеньевъ въ изложеніи автора и могли бы быть опущены тѣмъ съ меньшимъ ущербомъ, что значительная часть ихъ носитъ крайне фельетонный характеръ и стоитъ въ очень маломъ соотвѣтствіи съ тѣми явленіями, характеризовать которыя она предназначена. Но во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ своемъ видѣ книга г. Лемке является небезполезнымъ приобретениемъ для русскаго читателя и сохраняетъ свою цѣну первой широко поставленной попытки исторіи цензурныхъ реформъ 1859—1865 гг.

В. Богучарскій. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ портретами (Книгоиздательство К. В. Пирожкова. Историческій отдѣлъ № 4). Спб. 1904.

Книга г. Богучарскаго составилаь изъ нѣсколькихъ статей, напечатанныхъ за послѣдніе годы авторомъ въ различныхъ изданіяхъ и теперь соединенныхъ въ одинъ сборникъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ подверглись болѣе или менѣе существенной переработкѣ. Семь статей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ и посвященныхъ различнымъ эпизодамъ изъ исторіи русскаго общества въ XIX вѣкѣ, представляются далеко не равноцѣнными, но главный интересъ всѣхъ ихъ сосредоточивается на томъ фактическомъ матеріалѣ, который собранъ въ нихъ авторомъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи первая и послѣдняя статьи сборника, являющіяся вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе значительными въ немъ по своему объему. Въ первой изъ упомянутыхъ статей, озаглавленной „Семейство Бестужевыхъ“, г. Богучарскій подробно рассказываетъ трагическую исторію пяти братьевъ Бестужевыхъ, изъ которыхъ четверо были участниками движенія декабристовъ и поплатились за это ссылкой, а пятый пострадалъ за родство съ братьями. Широко воспользовавшись существующими въ печати свѣдѣніями о Бестужевыхъ, авторъ свелъ эти свѣдѣнія въ интересный и живо написанный очеркъ.

Можно только пожалѣть, что съ внѣшней стороны этотъ очеркъ остался недостаточно обработаннымъ, и авторъ то безъ особой нужды приводитъ завѣдомо невѣрные свѣдѣнія, которыя затѣмъ и опровергаетъ, то рѣшительно оспариваетъ такія свѣдѣнія, которыя ему самому приходится подтверждать въ дальнѣйшемъ изложеніи. Не менѣе богата фактическимъ матеріаломъ и послѣдняя статья сборника, носящая заглавіе: „Очерки изъ исторіи русской журналистики XIX вѣка“. Въ названной статьѣ авторъ поставилъ своею цѣлью прослѣдить существовавшія въ теченіе XIX столѣтія „отношенія къ русской журналистикѣ со стороны вѣдавшихъ ея судьбы учреждений“ и для выполнения такой задачи обратился къ подбору имѣющихся въ печати историко-статистическихъ данныхъ, въ видѣ свѣдѣній о карахъ, постигавшихъ періодическія изданія въ указанный промежутокъ времени. Перечень этихъ каръ, съ добавленіемъ лишь нѣкоторыхъ краткихъ свѣдѣній о вызывавшихъ ихъ обстоятельствахъ, занимаетъ въ книгѣ г. Богучарскаго болѣе ста страницъ и включаетъ въ себѣ не мало любопытнаго. Въ видахъ иллюстраціи мы позволимъ себѣ заимствовать изъ этого перечня поучительные итоги количества взысканій, наложенныхъ на русскую прессу послѣ 1861 года. Въ теченіе 1862—1904 гг.,—говоритъ г. Богучарскій,—дѣло обстоило слѣдующимъ образомъ: всѣхъ каръ было за это время наложено 608, при чемъ совершенно прекращено 26 періодическихъ изданій. Объявлено предостереженій: первыхъ—119; вторыхъ—89; третьихъ—57, съ пріостановкою всего въ суммѣ на 220 мѣсяцевъ 3 недѣли и 2 дня, или, 18 дѣтъ 4 мѣсяца 3 недѣли и 2 дня. Безъ обозначенія мотивовъ періодическія изданія были пріостанавливаемы 93 раза, всего въ суммѣ на 412 мѣсяцевъ и 10 дней, или на 34 года 4 мѣсяца и 2 дня. Такимъ образомъ, всего періодическія изданія за 41 годъ были пріостановлены на 52 года 8 мѣсяцевъ и 4 дня. Воспрещеніе розничной продажи налагалось 191 разъ, печатанія частныхъ объявленій — 28 разъ. Сверхъ того, два раза на періодическія изданія налагались особыя кары: на „Архивъ Судебной Медицины“ — уничтоженіе напечатанной статьи и увольненіе отъ должности редактора и на „Новое Время“—„строгое внушеніе“ газетѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ. Наконецъ, по высочайшему повелѣнію или по рѣшенію комитета министровъ, изъ періодическихъ изданій вовсе не увидѣли свѣта выпуски VII и IX издававшагося въ Москвѣ журнала „Весѣда“, № 5 „Отечественныхъ Записокъ“ за 1874 годъ, сентябрьская книжка журнала „Слово за 1878 годъ и апрѣльская книжка журнала „Начало“ за 1899 годъ“ (390 — 391). Не ограничиваясь исторіей каръ, налагавшихся на періодическую печать, авторъ въ той же статьѣ даетъ и перечень книгъ, не увидѣвшихъ свѣта въ Россіи, вслѣдствіе уничтоженія ихъ по рѣшенію суда или администраціи.

Остальные статьи, собранные в книгу г. Богучарского, представляют уже значительно меньший интерес. Две из них посвящены декабристам, при чем в одной автор сообщает, по печатным источникам, несколько сведений об А. В. Корниловиче, а в другой пересказывает содержание недавно опубликованных записок кн. С. Гр. Волконского. В двух статьях г. Богучарский говорит о Герцене, об общей эволюции его взглядов и об его столкновении с деятелями „Современника“, но в обеих этих статьях интересные сами по себе вопросы трактуются чересчур поверхностно, и читатель не получает ни сколько-нибудь удовлетворительного их решения, ни материала, достаточного для такого решения. Наконец, еще в одной статье сборника говорится о „Гоголе, как учителе жизни“, и автор доказывает реакционность и бессодержательность знаменитой „Переписки“,—задача, в настоящее время едва ли необходимая. К книге г. Богучарского прибавлены портреты кн. С. Г. Волконского, Герцена, Огарева, Чернышевского и Добролюбова и снимок с картины бар. Клодта: „Гоголь сжигает рукопись Мертвых душ“.

Т. Богдановичъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго Японіи. Спб. 1905.

В настоящую минуту Японія приковываетъ къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра. Каждый мыслящій человѣкъ невольно задается вопросомъ: является ли эта страна, столь неожиданно перетасовавшая всѣ карты міровой политики, лишь милитаристическимъ цвѣткомъ, эфемерно и искусственно распустившимся для того, чтобы столь же внезапно отцвѣсть, или же ея военные успѣхи служатъ симптомомъ дѣйствительной, органической культурности, владѣющей не только мечомъ, но и другими болѣе благородными и плодотворными орудіями современнаго прогресса?

На этотъ существенный вопросъ пытается отвѣтить авторъ „Очерковъ Японіи“ и, нужно отдать ему справедливость, относится къ дѣлу вдумчиво и серьезно. Работа г-жи Богдановичъ компилятивная по своему характеру, но эта компиляція вполне добросовѣстная и проникнутая одною общою идеею. О чемъ бы ни говорилъ авторъ, о территоріи, населеніи, просвѣщеніи, рабочемъ вопросѣ и т. д., всюду онъ ищетъ и удачно отмѣчаетъ тѣ именно факты и данныя, которые могутъ пролить свѣтъ на указанный выше основной, интересующій всѣхъ вопросъ. Говоря, напр., о частыхъ землетрясеніяхъ въ Японіи, онъ подробно останавливается на изумительной по своему совершенству организаціи сейсмологическихъ наблюденій, вызываемой не столько научными соображеніями, сколько заботливостью о невозможномъ

ослабленіи тяжелыхъ послѣдствій этого стихійнаго бича Японіи. Говоря о ростѣ населенія, авторъ цѣлымъ рядомъ цифръ подчеркиваетъ тотъ фактъ, что прогрессивный ростъ населенія, связанный съ правильнымъ уменьшеніемъ $\%$ смертности, ставитъ въ этомъ отношеніи Японію выше такихъ странъ, какъ Франція и Германія (не говоря о Россіи, которая и здѣсь занимаетъ послѣднее мѣсто), что несомнѣнно указываетъ на высокій ростъ *здоровой* культурности. Говоря о рабочемъ вопросѣ, г-жа Богдановичъ останавливается на цифрахъ, доказывающихъ, что заработная плата только за періодъ съ 1892 г. по 1901 г., т. е., за какихъ-нибудь 10 лѣтъ, возросла на 100 $\%$! Говоря о народномъ просвѣщеніи, она приводитъ краснорѣчивыя таблички постепеннаго возрастанія $\%$ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ, и мы узнаемъ, что въ то время, какъ въ 1873 г. $\%$ учащихся мальчиковъ былъ 40 $\%$, а дѣвочекъ — 15 $\%$, въ 1902 г. первыхъ уже было 94 $\%$, а вторыхъ — 82 $\%$,—цифры, ставящія Японію выше многихъ цивилизованныхъ странъ Европы и недосыгаемо выше нашей родины. Цифры эти очень краснорѣчивы. „Первое, въ чемъ мы нуждаемся, цитируетъ г-жа Богдановичъ слова японскаго министра народнаго просвѣщенія графа Окумы, это—*образованіе*. Только путемъ образованія можетъ нашъ народъ приобрести правильныя понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ при конституціонномъ правленіи“,—знаменательныя слова, доказывающія, что правительство Японіи далеко не смотритъ на образованіе, какъ на простое средство для усовершенствованія военнаго строя, а какъ на необходимое условіе для упроченія вольностей народа, требующихъ для своего развитія образованныхъ и культурныхъ гражданъ...

Весьма кстати для современнаго момента, вспоминаетъ г-жа Богдановичъ слова нашего извѣстнаго моряка Головина, писавшаго 100 лѣтъ тому назадъ о Японіи: „что касается до народнаго просвѣщенія, то, сравнивая массою одинъ цѣлый народъ съ другимъ, по моему мнѣнію, *японцы самый просвѣщенный народъ во всей подсолнечной*. Въ Японіи нѣтъ человека, который *не умѣлъ бы читать и писать, не зналъ законовъ своего отечества*. Правда, у насъ болѣе наукъ и искусства, у насъ есть люди, которые съ неба звѣзды хватаютъ, а у нихъ нѣтъ. Но загнѣтъ на одного звѣздочета мы имѣемъ тысячу, которые, такъ сказать, трехъ перечестъ не умѣютъ... Если же вообще взять народъ, то японцы лучшее понятіе имѣютъ о вещахъ, нежели нижній классъ въ Европѣ... Если надъ симъ многочисленнымъ и умнымъ, тонкимъ, перемчивымъ, трудолюбивымъ народомъ будетъ царствовать государь, подобный великому нашему Петру, то онъ съ пособіями и сокровищами, которая Японія имѣетъ, приведетъ ее черезъ малое количество лѣтъ въ состояніе владычествовать надъ всѣмъ восточнымъ океаномъ. И что тогда было-бы съ приморскими областями на Востокѣ Азіи и на Западѣ Америки, столь отдален-

ными отъ тѣхъ странъ, которыя должны ихъ защищать". (Предисл. стр. 4, 5). Повстиніи пророческія слова! Справедливо замѣчаетъ по поводу ихъ авторъ: „если-бы эти слова не были такъ досконально забыты, намъ не пришлось бы, можетъ быть, такъ изумляться и недоумѣвать по поводу гигантскаго скачка, сдѣланнаго Японіей“... и прибавимъ отъ себя, можетъ быть, мы сэкономили бы тѣ сотни тысячъ жизней и тѣ сотни милліоновъ рублей изъ скуднаго народнаго достоянія, которыхъ намъ стоила и стоитъ нынѣшняя влосчастная война на Дальнемъ Востокѣ!..

Въ большую заслугу автору нужно поставить, между прочимъ, и то, что, при разсмотрѣніи исторіи Японіи, онъ всюду умѣло подчеркиваетъ аналогію съ политической и соціальной эволюціей европейскихъ народовъ, вводя, такъ сказать, прошлое Японіи въ общій кругъ понятныхъ намъ историческихъ явленій и фактовъ.

Скажемъ въ заключеніе, что разбираемая книга отнюдь не политическій памфлетъ о модномъ вопросѣ; это—систематическое, всестороннее описаніе Японіи, природныхъ условій ея страны, ея исторіи, начиная съ легендарнаго періода нашего времени, ея современнаго положенія въ политическомъ, экономическомъ, бытовомъ, религіозномъ и т. д. отношеніяхъ. Книга написана популярно, легкимъ, простымъ языкомъ, и мы не можемъ не пожелать ей самого широкаго распространенія.

О безплатныхъ народныхъ библіотекахъ и читальняхъ.
Правила 15 мая 1890 года. Указы правительствующаго сената. Циркулярныя распоряженія мин. нар. пр. Изданіе П. Д. Путиловой. Редакція П. М. Шестакова. М. 1905.

Лица, посвятившія себя заботамъ о народномъ просвѣщеніи, ведутъ у насъ до сихъ поръ борьбу на два фронта: съ одной стороны передъ ними стоитъ ихъ непосредственная цѣль—борьба съ народнымъ невѣжествомъ, а съ другой—имъ приходится преодолевать тѣ ограниченія и запрещенія, которыми строже, чѣмъ торговля ядовитыми веществами, обставлено въ Россіи всякое начинаніе по части обученія или просвѣщенія. На эту борьбу съ центральными и мѣстными органами, блющими о сохраненіи *in statu quo* народнаго невѣжества, у дѣятелей народнаго просвѣщенія уходитъ гораздо болѣе силъ и времени, чѣмъ на самыя заботы объ образованіи народа. Устройство народныхъ чтеній, безплатныхъ библіотекъ и другія просвѣтительныя начинанія обставлены такой массой различныхъ ограниченій и препятствій, что разобраться въ одномъ хаосѣ относящихся къ этому указовъ, циркуляровъ, правилъ, предписаній, разъясненій и дополненій представляется задачей не меньшей, чѣмъ выбраться изъ миносова лабиринта. На этотъ счетъ нужда, научающая калачи печь,

создала своего рода аріаднины нити въ видѣ различныхъ справочниковъ съ систематическимъ подборомъ воѣхъ узаконеній, руководствуясь которыми, можно черезъ годъ или черезъ два, какъ по лѣстницѣ, добраться, напр., до разрѣшенія открыть бесплатную читальню (закрытіе которой можетъ въ случаѣ надобности послѣдовать моментально, по почерку пера или по звонку телефона). Къ числу такихъ аріаднинныхъ нитей принадлежитъ и лежащая передъ нами книжка. Полное собраніе циркуляровъ и разъясненій къ правиламъ 1890 года являетъ собой замѣчательный образецъ попечительнаго старанія о незыблемости народнаго невѣжества. Прошедшія тройную цензуру книги, признанныя въ отдѣльности за допустимыя для народнаго чтенія, могутъ еще, напр., оказаться „вредными“ въ извѣстной совокупности, и поэтому наблюдающимъ предписывается „избѣгать односторонняго подбора книгъ по извѣстнымъ отдѣламъ знаній въ ущербъ книгамъ религіозно-нравственнаго, патріотическаго и вообще навидательнаго содержанія“. Мѣстные періодическія изданія допускаются въ народныя читальни только по совмѣстному соглашенію губернатора, архіерея и попечителя учебнаго округа, что, какъ извѣстно, приводитъ на практикѣ къ совершенному изъятію мѣстныхъ газетъ изъ бесплатныхъ читаленъ. Такъ, еще недавно кубанскій областной комитетъ попечительства о народной трезвости скорбѣлъ о томъ, что ни одна изъ мѣстныхъ газетъ („Донская Рѣчь“, „Пріазовскій Край“, „Черноморское Побережье“) не допускаются администраціей въ попечительскія чайныя и читальни, и народъ, у котораго проснулась потребность въ газетѣ, обѣгая трезвенныя учрежденія, бѣжитъ за газетой въ трактиры и пивныя, съ пагубнымъ вліяніемъ которыхъ призвано бороться попечительство *). Года два назадъ другое попечительство о народной трезвости—московское столичное,—сознавая всю непригодность пресловутаго министерскаго каталога для бесплатныхъ читаленъ, хотѣло устроить платныя библіотеки съ минимальнымъ взносомъ за чтеніе, разсуждая, что разъ библіотека платная, то правиламъ о бесплатныхъ библіотекахъ она не подчиняется. Такое толкованіе, казалось бы, довольно ясное, по правиламъ 1890 года оказалось, однако, какъ говорится, не выдерживающимъ критики, ибо согласно одному примѣчанію къ этимъ правиламъ „мѣстнымъ начальствамъ предоставляется примѣнять дѣйствіе настоящихъ правилъ и къ такимъ платнымъ библіотекамъ для чтенія и читальнямъ, которыя, по незначительности взимаемой ими платы и по другимъ усло-

*) Во Владимірской губерніи попечительству, вѣроятно, не приходится скорбѣть о такой аномаліи: мѣстный губернаторъ началъ и въ нетрезвенныхъ учрежденіяхъ запрещать выписку (и даже чтеніе) : ежелательныхъ его превосходительству періодическихъ изданій, такъ что во владимірской „державѣ“ для общественнаго народнаго чтенія скоро останутся только „Московскія Вѣдомости“ и знаменитая газета „День“.

віямъ пользованія находящимися въ нихъ книгами, привлекають читателей преимущественно изъ лицъ низшихъ сословій и изъ воспитанниковъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній“. Примѣчаніе это устраняетъ въ сущности самое понятіе „бесплатности“ въ правилахъ о бесплатныхъ библіотекахъ и при извѣстномъ желаніи со стороны „мѣстнаго начальства“ даетъ ему право подчинить любую библіотеку и самымъ правиламъ, и пресловутому каталогу, такъ какъ мотивировку этого подчиненія „другими условіями“ можно придумать въ каждую данную минуту.

Результаты заботъ о народной безграмотности сказались теперь въ полномъ объемѣ. Сказаніе о побѣдѣ школьнаго учителя во франко-прусскую войну находитъ теперь подтвержденіе и въ войну русско-японскую. И подтвержденіе это слышится теперь не только изъ тѣхъ органовъ печати, которые владимірскій губернаторъ изгоняетъ изъ своей „державы“, а даже и изъ официальныхъ органовъ. Такъ, въ 60 № „Русскаго Инвалида“ авторъ статьи „Кто виноватъ?“, объясняя наши неудачи въ борьбѣ съ японцами, совершенно справедливо указываетъ на то, что „въ поискахъ виновныхъ совершенно упускаютъ изъ виду нашу общую темноту, несомнѣнно отражающуюся и на солдатѣ, который, при всѣхъ своихъ положительныхъ чисто воинскихъ достоинствахъ, въ общемъ мало развитый человѣкъ, до крайности затрудняющій командованіе въ бою... Темная масса солдатъ слѣпа и инертна, а слѣпа и инертна потому, что ни семья, ни общество, ни государство не подготовили ее съ малыхъ лѣтъ къ воспріятію необходимыхъ свѣдѣній для выполненія самыхъ священныхъ обязанностей каждаго гражданина“. Заканчивая отзывъ объ этой книгѣ, мы твердо надѣемся, что на будущее время намъ не придется посвящать свое вниманіе разбору такого рода изданій, такъ какъ потребность въ нихъ должна же исчезнуть изъ обихода русской дѣйствительности, и въ будущемъ такіа книги будутъ служить только любопытнымъ историческимъ матеріаломъ для исторіи гоненій на просвѣщеніе и насильственнаго затемненія народныхъ массъ.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

(Значащіяся въ этомъ списокѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммисіи по приобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Сочиненія **Н. Г. Чернышевскаго**. Романъ: „Что дѣлать?“ Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 коп.

С. А. Ан-скій. Разсказы. Т. I. Спб. 1905. Ц. 1 р.

И. Кордовскій. Очерки и разсказы. Спб. 1905. Ц. 1 р. 25 к.

М. П. Гонимая. Очерки изъ жизни. М. 1905. Ц. 75 к.

Евгенія де-Турже-Туржанская. Сапожникъ. Очеркъ. М. 1905. Ц. 7 к.

Ея же. Разсказы и очерки. Смоленскъ 1905. Ц. 75 к.

Н. Смирновъ. Разсказы. Спб. 1904. Ц. 60 к.

Сер... Сир... Ночныя бабочки. Разсказы и очерки. М. 1905. Ц. 50 к.

Теплое слово. Памфлеты и эскизы. **Мруза**. Изд. ред. „Самарканда“. Самаркандъ. 1905.

Русскій. Думы и пѣсни. М. 1905. Ц. 1 р.

Просвѣтъ. Драматическія сцены въ 5 д. **Всеволода Буславскаго** (В. И. Лавскаго). Спб. 1905. Ц. 60 к.

Изданія В. И. Раннъ и В. И. Потапова: На скалѣ. Очеркъ. **В. И. Дмитриевой**. Ц. 10 к.—**Д. Айзманъ**. Въ чужой сторонѣ. Ц. 7 к.—**Л. Н. Толстой**. Тяжелое бремя (Быль). Ц. 2 к.—**Н. Тежнѣй**. Обыскъ. Ц. 3 к. М. 1905.

Душа Японіи. Японскіе романы, повѣсти, разсказы и танки. Подъ редакціей и съ предисловіемъ **Н. П. Авбелева**. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Библиотека „Юнаго Читателя“. Спб. 1905: Богъ хочетъ милости—не жертвы. Разсказъ **Мультатули**. Ц. 5 к.—Небесныя свѣтила. Сост. **В. П. Вахтеровъ**. Ц. 30 к.—Долой оружіе! Романъ **Берты Зуттнеръ**. Ц. 5 к.—Природа и люди Африки. Сост. **Э. Пименова**. Ц. 25 к.—На запретномъ пути. Путешествіе по Тибету. **Генри Ландора**. Ц. 50 к.—Англичане и ихъ страна. Сост. **Э. Пименова**. Ц. 30 к.

Чудеса общежитія. Жизнь первобытнаго челоѣка и современныхъ дикарей. **В. Лукиевича**. Вып. 2-й. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905. Ц. 20 к.

Изданія товарищества И. Д. Сытина. М. 1905: **П. Дружина**: 1) Обѣ умѣ и нравахъ слоновъ. Ц. 15 к.—2) Обѣ умѣ и нравахъ львовъ. Ц. 10 к.—3) Обѣ умѣ и нравахъ кошечекъ. Ц. 15 к.—4) Обѣ умѣ и нравахъ собакъ. Ц. 20 к.

Библиографическая бібліотека Д. Языкова. М. 1904. 1) Алексѣй Степановичъ Хомяковъ; 2) Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ;—3) Александръ Васильевичъ Сухово-Кобылинъ; 4) Ольга Осиповна Садовская. Ц. по 25 к.

А. А. Потебня. Изъ записокъ по теоріи словесности. Изд. М. В. Потебни. Харьковъ. 1905. Ц. 4 р. 30 к.

И. Малиновскій. Университетъ въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Томскъ. 1904. Ц. 25 к.

Его же. Вопросы права въ сочиненіяхъ А. П. Чехова. Томскъ. 1905. Ц. 75 к.

Памяти профессора И. Н. Миклашевскаго. Сборникъ рѣчей, некрологовъ, воспоминаній. Изд. Историко-Филологическаго о-ва при Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. 1905. Ц. 50 к.

Памяти профессора А. И. Кирпичникова. Сборникъ статей, некрологовъ, воспоминаній. Изд. Истор.-филологич. о-ва при Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. Ц. 1 р. 30 к.

Гр. Ф. Шершеневичъ. Герои Максима Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи. Казань. 1904. Ц. 40 к.

Мелкіе штрихи для большихъ портретовъ. О писателяхъ. Собранны и записаны **Александромъ Мошковымъ**. Изд. кн. маг. „Помощь“. Спб. 1905.

А. Лорія. Рабочее движеніе. Происхожденіе, формы, развитіе. Перев. съ итальянскаго. Изд. С. Е. Коренева. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

В. П. Колобаевъ. Забастовки и

заработная плата. Харьков. 1905. Ц. 10 к.

В. Уэбб. Кооперативное движение въ Англіи. Перев. съ англ. Н. и С. Алексѣевыхъ. Изд. Ив. Балашова. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Ф. Мустатблитъ. Народное представительство. Съ предисловіемъ А. С. Изгоева. Изд. В. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 7 к.

Г. Ф. Шершеневичъ. Земскій соборъ. Казань. 1905. Ц. 50 к.

М. Елочновъ. Земскіе соборы въ старину. Изд. „Общественной Пользы“. Спб. 1905. Ц. 15 к.

Г. А. Евреиновъ. Реформа высшихъ государственныхъ учреждений Россіи и народное представительство. Спб. 1905. Ц. 60 к.

Н. Ф. Страдомскій. Города и земство. Къ вопросу объ урегулированіи ихъ взаимныхъ отношеній. Кіевъ. 1905.

Крестьянскій строй. Т. I. Изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого при участіи редакціи газеты „Право“. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

В. Чернозъ. Крестьянинъ и рабочий. Книгоизд. „Новое Товарищество“. М. 1905. Ц. 25 к.

Д. Е. Лаппо. Общественное управленіе минусинскихъ инородцевъ. Томскъ. 1904.

Л. Сокальскій. Матеріалы къ исторіи національнаго движенія 60-хъ годовъ прошлаго вѣка. Кіевъ. 1905.

Л. М. Гольдмерштейнъ. Война и очередныя задачи нашей желѣзнодорожной политики. Спб. 1905. Ц. 50 к.

Проф. В. Зомбартъ. О значеніи политической экономіи для каждаго. Перев. Д. Марголина. Изд. кн. магаз. С. И. Иванова и Ко. Кіевъ. Ц. 15 к.

М. Туганъ-Барановскій. Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма. 2-е изд. редакціи журнала „Міръ Божій“. Спб. 1905. Ц. 1 р.

М. Туганъ-Барановскій. Теоретическія основы марксизма. Изд. ред. журнала „Міръ Божій“. Спб. 1905. Ц. 1 р.

О свободѣ воли (Законъ живыхъ единицъ). **Е. И. С—вицкій.** Психосоціологическій очеркъ. Спб. 1905. Ц. 40 к.

Р. Авенариусъ. Критика чистаго опыта въ популярномъ изложеніи

А. Луначарскаго. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника. М. 1905. Ц. 80 к.

А. Богдановъ. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Книга II. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушника. М. 1905. Ц. 70 к.

Иммануиль Кантъ, его жизнь и ученіе. **Фр. Паульсена.** Перев. Н. Лосскаго. 2-е исправленное изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Проблемы психологіи. Ложь и свѣдѣтельскія показанія. Редакторъ-издатель И. Н. Холчевъ. М. 1905. Ц. 1 р. 75 к.

Л. Фейербахъ, его жизнь и ученіе. **Ф. Йодля.** Перев. Е. Максимовой. Изд. ред. журнала „Образованіе“. Спб. 1905. Ц. 50 к.

І. Табурно. Воспоминанія повстанца. М. Ц. 1 р.

Н. Карнеевъ. Общій взглядъ на исторію Западной Европы въ первыя двѣ трети XIX вѣка. Спб. 1905. Ц. 60 к.

І. Ф. Воиновъ. La Question Macédonienne et les réformes en Turquie. Paris. 1905.

Князь В. П. Мансуровъ. Исторія Древняго Востока. Культурно-политическая и военная съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Т. I. Спб. 1905. Ц. 6 р.

А. Д. Грандъ. Греція въ вѣкъ Перикла. Библіотека для самообразованія. М. 1905. Ц. 1 р. 60 к.

Проф. Р. Виннеръ. Лекціи по исторіи Греціи. Часть 1-ая. М. 1905. Ц. 1 р.

В. Эндрузъ. Исторія Соединенныхъ Штатовъ послѣ междоусобной войны и до нашихъ дней. Перев. съ англ. Е. А. Гурвичъ. Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1905. Ц. 2 р. 50 к.

Записки **И. Д. Якушчина.** М. 1905. Ц. 1 р.

В. Мостовенно. Изъ жизни птицъ. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Общее положеніе о крестьянахъ. Общедоступный сборникъ основныхъ крестьянскихъ законовъ. Сост. подъ ред. И. М. Тютрюмова. Изд. редакціи журн. „Юристъ“. Спб. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Техн. П. А. Федоровъ. Постройка дома. Справочная книга и руководство. Изд. книгопрод. И. Е. Козлова. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Популярная литература о Японии.

Японія и ея обитатели. Изд. редакціи „Вѣстника и Библіотеки Самообразованія“. Спб. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.—*Алиса Беконъ.* Женщина въ Японіи. Переводъ съ 10-го американскаго изданія подъ редакціей и съ „Очеркомъ современнаго образованія въ Японіи“ Н. П. А. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1904. Ц. 1 р. 30 к.—*Вейлерзе.* Японія въ наши дни. Соціологическіе этюды Спб. 1904. Ц. 1 р. 25 к.—*А. А. Пеликанъ.* Очерки современной Японіи. Религіозны-ли японцы? Ц. 40 к. Спб. 1904 г. — *Л. Б. Хавкина.* Народное образованіе въ Японіи, изд. редакціи „Вѣстникъ Воспитанія“. М. 1904 г. Ц. 35 к. — *С. Комаровъ.* Японскіе студенты. Изд. С. П. Серебровскаго Ц. 50 к. М. 1905 г.—*М. Коваленкій.* Японія. Очерки японской культуры. Причины войны. Ц. 20 к. М. 1904 г.—*Политическія и экономическія задачи Японіи:* 1) Д-ръ Франке. Къ чему стремится Японія. 2) Л. Качеръ. Экономическая и социальная политика Японіи. Переводъ съ нѣмецкаго. Харьковъ. 1905 г. Ц. 45 к. Изд. Н. Кранихфельдъ.—*Н. А. Ульяновъ.* Японія, съ 14 рис. Ц. 25 к. Изд. А. И. Лебедева.—*Нижн.-Нов.* 1904 г.—*И. П. Вьолоконскій* Какъ живутъ японцы. Изд. „Донской Рѣчи“ 1904 г. Ц. 8 к.—*Е. Н. Тихомирова.* Картинки изъ японской жизни. Въ текстѣ рисунки. Изд. редакцій журналовъ „Дѣтск. Чт.“ и „Пед. Лист.“ М. 1905. Ц. 15 к.—*Что за страна Японія?* М. 1904 г. (Ц. 3 к.?).—*Дальній Востокъ* (Очерки). Японія, Корея и Манчжурія (съ иллюстраціями и краткимъ японско-русскимъ словаремъ). Составилъ С. М. Гольдвейзеръ Ц. 10 к. Одесса 1904 г.—*И. Н. Коварскій.* Современная Японія. Книжка—копѣйка. Изд. книжнаго магазина „Трудъ“. Житомиръ. 1904 г.—*Н. М. Федорова.* Дальній Востокъ. Японія, Корея, Манчжурія. Спб. 1904 г. Изд. книжнаго магазина „Помощь“.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ остановиться на рядѣ книгъ о Японіи, только что выпущенныхъ и имѣющихъ въ виду не специалистовъ по тѣмъ или другимъ вопросамъ, а обыкновеннаго читателя, получившаго болѣе или менѣе основательную общую подготовку или вовсе даже лишеннаго такой подготовки. Однимъ словомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ популярной литературой въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Велика или мала та или другая изъ этихъ работъ, но каждая изъ нихъ должна отвѣтить на рядъ основныхъ вопросовъ, которые дали бы читателю возможность составить себѣ представленіе о главныхъ чертахъ жизни Страны Восходящаго Солнца. Если

же работа не имѣетъ въ виду такой общей характеристики народа, а касается лишь частныхъ вопросовъ, то во всякомъ случаѣ на авторѣ лежитъ обязанность эти частные вопросы все же освѣтить съ точки зрѣнія тѣхъ же основныхъ вопросовъ жизни страны.

Каковы же тѣ основные вопросы, которые должны помочь читателю разобратся въ текущей дѣйствительности японскаго народа? На каждой исторической страницѣ въ любой исторической моментъ мы встречаемъ слѣдующихъ три главныхъ фактора, взаимодействующей которыхъ и опредѣляется главнымъ образомъ направленіе хода жизни въ данную историческую минуту: личность, социальныя массы, политическая организація страны. Тѣ формы жизни, которыя создаются этими факторами, находятся постоянно въ процессѣ измѣненій; мало того, напряженность дѣйствія каждаго изъ этихъ факторовъ тоже не остается постоянной, а колеблется въ значительной степени и въ значительной зависимости другъ отъ друга. Такимъ образомъ, автору популярной работы надо сумѣть отдѣлать черты существенныя отъ случайныхъ, явленія длительныя отъ быстро преходящихъ...

Наиболѣе полнымъ и „серьезнымъ“ изъ всѣхъ вышеназванныхъ работъ является „Японія и ея обитатели“ въ изд. „Вѣстника и Библіотеки Самообразования“. Всѣ данныя должны были бы говорить за успѣхъ этой работы: почтенная редація, извѣстная издательская фирма (Брокгаузъ-Ефронъ), опытные литературныя имена среди составителей (напр., П. Ю. Шмидтъ); однако, въ общемъ ожиданія не оправдываются.

Литература является отраженіемъ жизни. Этотъ афоризмъ оправдывается иногда въ удивительныхъ мелочахъ и съ совершенно неожиданныхъ сторонъ. Оправдался онъ и на большinstvѣ популярныхъ изданій о Японіи. Въ самомъ дѣлѣ, жизнь насъ застала совершенно неподготовленными къ той кровавой драмѣ, въ которой дѣйствующими лицами въ настоящій моментъ приходится быть Японіи и нашему отечеству. Подъ покровомъ бюрократическаго льда, общественная мысль часто дремала тамъ, гдѣ ей слѣдовало бы бодрствовать и внимательно всматриваться въ историческую даль. Такъ было и съ Японіей. У насъ не было заготовлено ни войска, ни провіанта, ни боевыхъ припасовъ; у насъ не было,—что еще хуже,—заготовлено достаточныхъ знаній о назрѣвавшей опасности. Въ роковую минуту у насъ почти не оказалось знатоковъ этого замѣчательнаго народа, уже давно пришедшаго съ нами въ тѣсное соприкосновеніе. Когда публика быстро потянулась, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда катастрофъ, за книгами о Японіи, книжному рынку нечѣмъ было удовлетворить этого законнаго любопытства. Но такъ или иначе удовлетворить это любопытство надо было, уже по одному тому, что это объ-

щало хорошую выгоду, хороший заработокъ. Началось быстрое компилированіе, переводы книгъ въ перегонку.

Печать этой стѣшки лежитъ и на названномъ сборникѣ. Прежде всего не чувствуется достаточно вдумчивой и планомѣрной редакторской работы. Темы были розданы отдѣльнымъ лицамъ, повидимому, съ однимъ условіемъ: поскорѣе сдать работу, не задерживать изданія. Ну, въ самомъ дѣлѣ, какъ иначе объяснить такого сорта непропорціональность въ исполненіи темъ: народному образованію, этой гордости страны, одной изъ ея главныхъ силъ, одному изъ условій грядущаго лучшаго будущаго, отведены тѣ же десять бѣглыхъ страничекъ, какъ, положимъ, и сравнительно мелкому вопросу о японской музыкѣ?—Темы идутъ какой-то безсвязной чередой, обращая книгу скорѣе въ справочникъ, гдѣ авторы и статьи располагаются другъ съ другомъ рядомъ просто въ силу добраго сосѣдства, а не по требованію продуманнаго плана, дѣлающаго изъ работы не пестрый калейдескопъ фактовъ, а литературный монолитъ. Вотъ содержаніе этой книги: „Природа Японіи“ П. Ю. Шмидта, „Историческій очеркъ Японіи“ В. Л. Ранцова, „Государственное устройство Японіи“ В. Л. Ранцова, „Населеніе Японіи“ Д. М. Бурова, „Народное здравіе и медицина въ Японіи“ д-ра Л. Я. Якобсона, „Экономическое положеніе Японіи“ Д. М. Бурова, „Финансы Японіи“ Д. М. Бурова, „Вооруженныя силы Японіи“ В. Л. Ранцова, „Народное образованіе въ Японіи“ Д. М. Бурова, „Языкъ и литература Японіи“ Г. Востокова, „Японское искусство“ Г. Востокова, „Японская музыка“ Н. Д. Бернштейна, „Общественный, домашній и религіозный бытъ Японіи“ Г. Востокова. Заключение: психологія японцевъ и желтая опасность.

Но все это еще не такая большая бѣда. Главный недостатокъ книги заключается въ томъ, что многіе очерки, особенно В. Л. Ранцова, страдают не только недомолвками, но и прямымъ искаженіемъ истины. Чтобы не быть голословными, остановимся на очеркѣ „Японская конституція“, представляющемъ для нашего русскаго читателя особенно большой интересъ. Отмѣтимъ только наиболѣе существенные промахи и недомолвки. „Смѣты государственныхъ доходовъ и расходовъ,—пишетъ г. Ранцовъ,—составляются по соглашенію съ парламентомъ“. А между тѣмъ это далеко не такъ. Въ ст. 62 конституціи указано, что изъ компетенціи парламента исключены всѣ тѣ поступленія, которыя носятъ характеръ возмѣщенія расходовъ управленія или тѣхъ сборовъ, которые состоятъ въ вознагражденіи за услуги государства; параграфомъ же 67-мъ прямо запрещается отклонять или измѣнять безъ согласія правительства тѣ уже „существующія выдачи, которыя, согласно конституціи, подлежатъ исключительно власти императора, или возникаютъ на основаніи силы закона, или обусловливаются законными обязанностями прави-

тельства". Все эти ограничения, в концѣ концов, дѣлають бюджетное право парламента иллюзорнымъ, лишаютъ народныхъ представителей главнѣйшаго орудія въ борьбѣ съ правительствомъ. А между тѣмъ эту-то важнѣйшую особенность парламентскаго режима г. Ранцовъ совершенно проглядѣлъ. Укажемъ еще, напримѣръ, что нашъ авторъ ни словомъ не обмолвился объ оригинальнѣйшей особенности японскаго парламента, заключающейся въ томъ, что весь распорядокъ парламентскихъ работъ вплоть до пустяшныхъ мелочей — предусмотрѣн конституціей, чего нѣтъ въ режимѣ европейскихъ палатъ. Совершенно не описывается имъ законодательная процедура. Не указано, что законъ о выборахъ въ палату выдѣленъ изъ конституціи, что при неподвижности японской конституціи представляетъ для страны важное преимущество. Новый избирательный законъ наложенъ тоже недостаточно полно: такъ, напримѣръ, не указано на то, что имъ измѣнены размѣры выборныхъ округовъ, тогда какъ именно такимъ путемъ достигнуто болѣе правильное представительство населенія; не указана весьма важная льгота для пассивнаго избранія: кандидатъ освобожденъ отъ обязанности проживать извѣстное число лѣтъ въ баллотирующемъ его округѣ. Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы убѣдиться, что по очерку г. Ранцова не только не получишь полнаго представленія о японской конституціи, но, наоборотъ, составишь представленіе о ней совершенно неправильное. Также много возраженій мы могли бы сдѣлать и относительно историческаго очерка г. Ранцова, который наполненъ, главнымъ образомъ, фактами внѣшней исторіи и очень мало занимается исторіей культуры и процессами нарастанія и разложенія социальныхъ массъ.

Теперь, если мы попытаемся отвѣтить на основаніи разбираемаго труда на три кардинальных вопроса, признанныхъ нами необходимыми для популярной работы, то увидимъ, что на вопросъ о личности японца мы найдемъ довольно обстоятельный отвѣтъ въ статьѣ г. Востокова; государственный механизмъ современной Японіи развернуть, хотя и съ большими недостатками, какъ мы видѣли, въ статьѣ г. Ранцова; но характеристики социальныхъ массъ читатель не найдетъ ни въ одной изъ статей, и ее ему придется дѣлать самому, собирая матеріалъ по кусочкамъ изъ разныхъ мѣстъ, при чемъ все же полной картины не получится: нѣтъ, напримѣръ, ни малѣйшихъ указаній на то, какими общественными группами захвачена административная и законодательная власть; нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ о рабочемъ движеніи, являющемся въ настоящій моментъ весьма замѣтнымъ факторомъ въ исторіи современной Японіи и обещающемъ привести къ крупнѣйшимъ переиѣнамъ во внутренней жизни страны. Такимъ образомъ, необходимой картины во всей ея полнотѣ воспроизвести не удастся.

Книжка Вейлерзе, переведенная, къ сожалѣнію, тяжелымъ, не-
правильнымъ языкомъ, даетъ довольно обстоятельный очеркъ по
народному образованію и останавливается съ достаточной подроб-
ностью на промышленности и торговлѣ страны. Политическія
нормы страны, взаимодействіе различныхъ классовъ на полити-
ческой аренѣ и т. д. остались здѣсь почти безъ всякаго описанія.
Въ этомъ отношеніи мы не находимъ у автора ничего система-
тичнаго; все ограничивается лишь нѣсколькими бѣглыми картин-
ками изъ жизни двора и парламента. Личности японца опять-таки
отдѣльной главы не посвящается: кое-какія черты разбросаны на
протяженіи всей книги. Такимъ образомъ, являясь очень полезной
работой по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ японской жизни,
книжка Вейлерзе менѣе всего представляетъ изъ себя *соціологи-
ческіе* этюды, способные дать полный и обстоятельный отвѣтъ
на основные вопросы текущей жизни японскаго народа.

Теперь мы переходимъ къ группѣ книгъ, которыя ограничи-
ваютъ свою задачу и своею темой избираютъ тѣ или другія опре-
дѣленные стороны японской дѣйствительности. На первомъ мѣстѣ
здѣсь приходится поставить дѣйствительно прекрасную книжку
Алисы Беконъ, написавшей свою работу не только при помощи
обширныхъ источниковъ, но и на основаніи личнаго знакомства
съ японской жизнью. Г-жа Беконъ въ легкомъ и интересномъ
разказѣ слѣдитъ за судьбой японской женщины во всѣхъ тѣхъ
разнообразныхъ условіяхъ, въ которыя ставитъ ее исторія и
современная жизнь. Она описываетъ ея дѣтство, образованіе,
бракъ, старость. Она беретъ женщину изъ крестьянской избы,
изъ фабрично-заводской семьи, изъ дворянскаго стариннаго рода.
Она не забываетъ показать, какія новыя вліянія проникли въ
жизнь японской женщины за послѣднія десятилѣтія прогресса. Но
она не изолируетъ ее отъ окружающей обстановки; вездѣ,
гдѣ это необходимо, развертывается возможно полная картина
японской дѣйствительности, устанавливается связь съ широкими
общественными процессами. Замѣтимъ, кстати, что помѣщенный
въ приложеніи очеркъ редактора о современномъ состояніи
образованія въ Японіи представляетъ самостоятельную и значи-
тельную цѣнность по обилію хорошо подобраннаго цифрового
матеріала и удачныхъ экскурсій въ область административныхъ
распоряженій и законодательныхъ нормъ, касающихся постановки
народнаго образованія. Однимъ словомъ, полнаго очерка япон-
ской жизни книжка г-жи Беконъ не даетъ, но за то въ отмежеван-
ной для себя области исполняетъ работу добросовѣстно и инте-
ресно.

Нельзя того же сказать про брошюры г-жи Хавкиной и г. Пели-
кана. Брошюра г-жи Хавкиной собственно даетъ довольно обиль-
ный и разнообразный матеріалъ по вопросамъ народнаго образо-
ванія, но, къ сожалѣнію, г-жа Хавкина предпосылаетъ своему очерку

небольшое историческое введение, въ которомъ обнаруживаетъ полное незнакомство съ вопросомъ, допуская цѣлый рядъ совершенно ошибочныхъ положеній. Таково, напр., ея утвержденіе, что двоевластіе въ правительственномъ механизмѣ Японіи установилось съ Іоритою (въ XII в.), тогда какъ въ дѣйствительности въ Японіи задолго до этого момента фактическая власть ушла изъ рукъ законнаго ея обладателя—микадо; далѣе, авторъ, повидимому, не подозреваетъ, что Японія ко времени появленія на ея территоріи европейцевъ, уже обладала высокой, хотя и своеобразной культурой, иначе—какъ объяснить ея удивленіе по поводу „превращенія самурая изъ полуварвара и узкаго патріота въ ученаго, законодателя и коммерсанта новѣйшей эры“ и т. д. Другой недостатокъ брошюры г-жи Хавкиной, это—отсутствіе публицистическаго чутья: она часто останавливается на крайнихъ мелочахъ въ родѣ того, какіе чины получаютъ лица преподавательскаго персонала въ университетахъ, или какъ по національностямъ распределяются чужеземцы, слушающіе курсы въ японскихъ университетахъ, и забываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разсказать о бюрократической конструкціи японскихъ университетовъ или отмѣтить принципъ свѣтскости преподаванія въ начальной японской школѣ (не допускается не только преподаваніе религіи, но и совершеніе какого-либо религіознаго обряда или церемоніи).

Въ брошюрѣ г. Пеликана мы находимъ довольно подробное описаніе шинто, а также исторію введенія буддизма и христіанства, но напрасно стали бы искать отвѣта на то, въ какихъ комбинаціяхъ улетѣли въ душѣ современнаго японца такіа двѣ различныя религіозныя системы, какъ шинто и буддизмъ. А это вопросъ въ высшей степени интересный и важный и въ достаточной степени уже освѣщенный многими изслѣдователями (см., напр., Бринеля). Слабо также очерчена основная идея шинто — культъ предковъ. Эта идея оказывается настолько жизненной и сильной, что вся современная семья держится, главнымъ образомъ, ею; она отразилась на многихъ сторонахъ практической жизни японцевъ, побуждая ихъ до сихъ поръ держаться семейныхъ организацій въ торговлѣ и производствѣ и уклоняться, такимъ образомъ, по возможности отъ концентраціи капиталовъ и силъ. Если въ концѣ прошлаго вѣка въ Японіи шла упорная борьба за освобожденіе личности отъ политическаго гнета, то теперь становится на очереди борьба за освобожденіе личности отъ семейнаго гнета, который адѣсь все еще очень великъ и покоится, главнымъ образомъ, на религіозныхъ представленіяхъ, глубоко пустившихъ свои корни въ сознаніе народа. Едва ли можно было упустить эту сторону жизни въ работѣ, специально посвященной вопросу о религіозности японскаго народа.

Изъ статей въ брошюрѣ, изданной г. Кранихфельдомъ, пер-

вая посвящена „паназиатским“ стремлениямъ Японіи, вторая, главнымъ образомъ, соціальной политикѣ этой страны. Обѣ носятъ характеръ бѣглыхъ журнальныхъ статей и совершенно не претендуютъ на то, чтобы исчерпать матеріалъ. Въ качествѣ начальныхъ вѣхъ при ознакомленіи съ современной жизнью японскаго народа, онѣ могутъ оказать читателю нѣкоторую помощь. Изложеніе посвящено по преимуществу фактической сторонѣ и ни глубиной, ни оригинальностью не блещетъ. Еще болѣе фельетоннымъ характеромъ отличается брошюра г. Комарова о японскихъ студентахъ, къ тому же изданная безбожно дорого (50 к. за 52 крошечныхъ странички разгонистаго шрифта); впрочемъ, по данному вопросу читатель найдетъ въ ней не мало интереснаго фактическаго матеріала.

Изъ всѣхъ мелкихъ работъ по Японіи, имѣющихъ, однако, въ виду уже подготовленнаго читателя, особенно благоприятное впечатлѣніе производитъ брошюра г. Коваленскаго. Отдѣливъ себѣ строго опредѣленную задачу,—характеристику соціальныхъ массъ Японіи,—авторъ сумѣлъ остаться въ очерченномъ для себя кругу, и въ сжатой и яркой картинѣ, въ которой нашла отраженіе вся пестрая дѣйствительность современной Японіи, развертывается передъ читателемъ экономическое разслоеніе японскаго общества, остатки сословной конструкціи, комбинаціи изъ старыхъ и новыхъ элементовъ, по скольку они уложились въ современный правительственный механизмъ Страны Восходящаго Солнца.

Переходя къ такъ называемымъ народнымъ изданіямъ о Японіи, мы должны напомнимъ читателю о томъ тяжеломъ положеніи, въ которое ставятъ эту литературу наши цензурныя условія. Для того, чтобы читатель могъ судить объ этихъ тяготахъ, для того, чтобы показать, какъ трудно въ области народной литературы примѣнять какой-нибудь общій логическій масштабъ, мы позволимъ себѣ привести здѣсь отрывокъ изъ письма г. Н. Езерскаго (см. „Русск. Вѣд.“ № 349), пытавшагося провести черезъ цензуру свою брошюрку „Объ японскомъ народѣ“. Вотъ что, между прочимъ, онъ пишетъ: „Вычеркнуто было цѣликомъ упоминаніе объ японской конституціи; упоминаніе о рѣзкой разницѣ богатства и бѣдности въ Японіи сглажено въ одну коротенькую фразу; въ части, касавшейся народнаго образованія, вычеркнуто упоминаніе, что въ Японіи учениковъ народныхъ школъ больше, чѣмъ у насъ, хотя населеніе втрое меньше. Но интереснѣе всего слѣдующее. Въ фразѣ: „многіе японцы теперь открыто признаютъ себя безбожниками, т. е. не вѣрятъ ни въ своихъ языческихъ боговъ, ни въ Христа и разсчитываютъ основать свое государство на одномъ разумѣ, на наукѣ. Это равнодушіе къ вѣрѣ, которое такъ непонятно русскому человеку, между прочимъ, имѣетъ послѣдствіемъ, что для

японца выше и самое дорогое на свете — его отечество, потому что царствія небеснаго онъ не ждетъ. Для отечества японецъ готовъ на все. Мы всё, — тоже любящіе свое отечество, — можемъ уважать въ японцахъ это качество, но, къ сожалѣнію, они доводятъ его до крайности, такъ что дѣлаются вредны другимъ народамъ“. Въ этомъ отрывкѣ были вычеркнуты слова, обозначающія курюивомъ, отчего получилась, выражаясь мягко, неясность“.

Сказаннаго достаточно для того, чтобы согласиться, что въ работахъ такого рода мы не можемъ ставить на счетъ автора всё недомолвки и неточности, и задача рецензіи сводится лишь къ тому, чтобы отдѣлать тѣ народныя брошюры, въ которыхъ, въ силу случайныхъ обстоятельствъ, удалось сохранить наиболѣе цѣнныя стороны изложенія и предупредить читателя относительно тѣхъ брошюръ, на которыхъ лежитъ печать полнѣйшаго невѣжества и бездарности.

А невѣжество, проявляемое нѣкоторыми авторами, прямо колоссальное, безграничное. Образчикомъ можетъ служить брошюра Н. М. Федоровой. Вотъ нѣсколько перловъ оттуда. Говоря о народной японской школѣ, авторъ замѣчаетъ: „классы содержатся въ крайне неряшливомъ видѣ и лишены всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыми отличаются наши русскія школы(?)“... И это объ Японіи, гдѣ хотя бы, напр., по свидѣтельству г. Сѣрошевскаго, лучшія постройки въ деревняхъ вездѣ — школы, гдѣ чистота домашняго жилья обращена прямо въ культъ... Но возьмемъ нѣсколько дальше: „низшая школа назначается только (?) для женскаго образованія. Мальчики же отправляются въ среднюю школу, которая соотвѣтствуетъ нашей гимназіи... Въ Киото былъ даже основанъ университетъ по китайскому образцу(?)... Также обязательно(?) обученіе для дѣтей въ дѣтскомъ саду... Въ Японіи издается также газета... наборщиками могутъ быть только ученые(?)“... Всѣхъ безмыслицъ, конечно, не исчерпашь изъ этого удивительнаго произведенія.

Не выдерживаетъ самой снисходительной критики и работа г-жи Тихомировой. Состряпана она безъ всякой вдумчивости, по избитымъ шаблонамъ. Ознакомиться сколько нибудь основательно съ тѣмъ предметомъ, который берется излагать авторъ, повидимому, совсѣмъ не считалъ нужнымъ. Неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ почерпалъ онъ свои свѣдѣнія по исторіи Японіи, но безусловно, что всѣ его сообщенія въ этой области грубо искажаютъ истину. Такова, напр., вся страница 48 я о возвышеніи шогуната („видя свое безсиліе справиться съ дайміосами, микадо возвышаетъ власть главнокомандующаго“...), такова картина перелома японской исторіи отъ феодализма къ конституціонализму („по изстари существующему обычаю, къ нему явились на ежегодный выходъ его вѣрные сановники и услышали слова, которыя

поразили всю страну“) и др... Намъ очень странно было встрѣтить такую необдуманную и спѣшную работу, выпущенную редакціей журнала, заслужившаго въ дѣлѣ популяризаціи почтенную извѣстность.

Изъ остальныхъ, названныхъ нами брошюръ, особенно понравился намъ крошечный очеркъ г. Коварскаго: удачно отмѣчены всѣ рельефныя стороны жизни народа, крупныхъ промаховъ нигдѣ не сдѣлано, изложеніе—бойкое, живое. Брошюры гг. Бѣлоконскаго и Ульянова—также работы очень полезныя, и въ упрекъ имъ можно было бы поставить развѣ только некоторую сухость изложенія. Крошечная замѣтка Гольдвейзера написана безъ крупныхъ промаховъ, но издана безбожно дорого, и, наконецъ, книжечка „Что за страна Японія?“ составлена въ общемъ толково, хотя и не лишена мѣстами грубыхъ ошибокъ (напр., „предки японцевъ—айносы“... „большинство японцевъ исповѣдуетъ буддѣйскую вѣру“... „меньшинство исповѣдуетъ религію шинто“)...

А. Николаевъ.

П О Л И Т И К А .

Около мира и войны.—Англійская политика.—Мароккскія осложненія.—Конфликтъ въ Венгріи.—Его возможные отголоски.—Къ еврейскому вопросу въ Россіи.

I.

Японскіе государственные люди заговорили о возможныхъ условіяхъ мира.—Не тѣ государственные дѣятели Японіи, кои въ настоящее время находятся въ составѣ токійскаго правительства. Однако, такіе, какъ Окума и Суематсу, голоса которыхъ значительны и авторитетны... Къ прискорбію, ихъ бесѣды не приближаютъ насъ къ разрѣшенію сложной проблемы мира на Дальнемъ Востоке. О многозначительныхъ словахъ графа Окумы, бывшаго японскаго министра иностранныхъ дѣлъ, теперь предводителя парламентской оппозиціи, передаетъ агентство Рейтера слѣдующее:

„Токио, 31-го марта (13-го апрѣля). Корреспондентъ „Daily Telegraph“ бесѣдовалъ съ графомъ Окумой, однимъ изъ выдающихся японскихъ государственныхъ мужей. Въ началѣ бесѣды графъ выразилъ желаніе говорить объ Англіи и заявилъ, что, въ виду приближенія въ Англіи выборовъ, онъ надѣется, въ случаѣ перехода власти къ либераламъ, что послѣдніе санкціонируютъ англо-японскій союзъ, который онъ считаетъ весьма

важнымъ не только для Дальняго Востока, но и для всего міра“.

Токио, 31-го марта (13-го апрѣля). (Продолженіе бесѣды корреспондента „Daily Telegraph“ съ графомъ Окума). Окума заявляетъ о требованіи народа, чтобы миръ былъ заключенъ лишь на такихъ условіяхъ, которыя воспрепятствовали бы возобновленію борьбы. Необходимо, чтобы Россія была совершенно лишена всякой возможности снова завладѣть китайской территоріей. Японія не желаетъ повторенія громаднхъ жертвъ людьми и деньгами. Россія должна быть лишена всѣхъ стратегическихъ преимуществъ на Дальнемъ Востока. Ей не должно быть дозволено содержать флотъ у береговъ Китая и Японіи. Необходимо, чтобы Портъ-Артуръ и Владивостокъ, равно какъ и Сахалинъ, который по давнему праву принадлежалъ Японіи, были присоединены къ ней. Относительно положенія Англіи, Окума сказалъ, что тибетскій вопросъ былъ рѣшенъ, дабы обезпечить Индійскую имперію отъ нападенія русскихъ. Онъ добавилъ, что въ виду преобладанія британской торговли на Дальнемъ Востока, Англія извлекла бы выгоду изъ территоріальнаго расширенія Японіи. Последняя не имѣетъ въ виду земельныхъ пріобрѣтеній на арендныхъ правахъ въ Манчжуріи и считаетъ ее собственностью Китая. Однако, Японія употребитъ все свое вліяніе въ пользу принципа открытыхъ дверей. Побѣдителямъ слѣдуетъ имѣть въ виду свою собственную безопасность; настоящій же случай является весьма удобнымъ для развитія японской политики. Японія желаетъ, чтобы къ ней относились съ уваженіемъ и чтобы ея мнѣнія спрашивали при разрѣшеніи международныхъ задачъ. Необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы Японія имѣла полное право высказывать свое мнѣніе въ вопросахъ, касающихся восточной Азіи.“

Само собою разумѣется, что побѣдители, какъ и вообще всѣ націи, имѣютъ право и даже обязанность думать о своей безопасности и принимать всяческія къ тому мѣры. Это—право и, если графъ Окума полагаетъ, что для этого необходимо отнять у Россіи Владивостокъ и Сахалинъ и ограничить ея независимость въ водахъ Тихаго Океана, то онъ, конечно, вправѣ защищать такую программу. Но въ самомъ дѣлѣ необходима ли эта программа для безопасности Японіи? Цѣлесообразна ли она?

Допустимъ, что Японіи удалось бы добиться такого мира. Что затѣмъ произошло бы? Территоріальныя уступки, особенно если онѣ относятся къ землямъ, населеннымъ не инородческимъ, а національнымъ населеніемъ, являются обыкновенно главнымъ источникомъ будущихъ раздоровъ и конфликтовъ. Безъ крайней надобности, требовать территоріальныхъ уступокъ нецѣлесообразно. Онѣ не увеличиваютъ, но уменьшаютъ безопасность страны-завоевательницы. Даже въ томъ случаѣ, если нельзя раз-

считывать на полное возрождение могущества побѣжденной на-
ции... Потому что она явится неизмѣннымъ союзникомъ всякой
другой враждебной завоевателю страны. Относительно же Россіи
не надо и этой оговорки. Лишь бы она оправилась отъ своихъ
внутреннихъ недуговъ, она станетъ, конечно, снова могуще-
ственною и опасною для всякаго, кто посягнулъ-бы на ея права,
интересы и достоинство. Я лично желаю моему отечеству иного
историческаго пути, чѣмъ тотъ, которымъ доселѣ слѣдовали ци-
вильзованные и цивилизующіеся народы, японцы въ томъ чи-
слѣ. Я желаю ему и твердо вѣрю въ возможность этого иного
пути въ обходъ горестнаго періода капитализма и въ случаѣ
торжества этого пути Россіи не понадобятся ни колоніальныя
территоріи, ни рынки сбыта, ни соперничество за „открытыя
двери“... Въ такомъ случаѣ, и отдавъ Сахалинъ и Владивостокъ,
Россія можетъ не возобновлять борьбы съ Японіей, но развѣ
на этотъ случай разсчитываетъ японскій государственный чело-
вѣкъ? А при всякомъ другомъ рѣшеніи внутренней проблемы
русской исторіи, программа графа Окумы задѣнетъ существенные
интересы Россіи и ходъ исторіи приведетъ къ новымъ конфлик-
тамъ, такъ что безопасность Японіи будетъ менѣе всего обезпе-
чена именно благодаря такому миру, какъ проектируетъ Окума.

Что касается ограниченія русской независимости въ Тихомъ
океанѣ, то опять-таки, допуская, что японцы сумѣли бы до-
биться этого ограниченія, не надо забывать, что это именно то
условіе, которое относительно великой державы эфемерно. Вспом-
нимъ подобное же ограниченіе державныхъ правъ Россіи на
Черномъ морѣ по парижскому трактату 1856 года. Получивъ
гарантію всѣхъ европейскихъ великихъ державъ, оно поддержа-
лось едва пятнадцать лѣтъ и было отмѣнено простымъ цирку-
ляромъ русскаго канцлера.

Мы остановились на этихъ условіяхъ въ предположеніи, что
Японія сможетъ ихъ добиться. Это, однако, далеко не доказано.
Если бы два мѣсяца тому назадъ, когда маршалъ Ояма нанесъ
пораженіе ген.-адъютанту Куропаткину, японская армія энерги-
чески преслѣдовала разстроенныя войска русскаго генерала,
то не было бы невѣроятнымъ теперь положеніе дѣлъ, настолько
благопріятное японцамъ, что программа графа Окумы, не будучи
всетаки цѣлесообразною, могла бы быть осуществима. Но ничего
подобнаго не произошло. Маршалъ Ояма остановился и два
мѣсяца бездѣйствуетъ. Очевидно, и при Мукденѣ, какъ раньше
при Ляоянѣ, побѣдитель былъ на волоскѣ отъ пораженія, и ему
отъ своей побѣды пришлось такъ же оправляться и собираться съ
силами, какъ русскимъ отъ неудачи. Въ этомъ пополненіи убили
и собираніи силъ и прошло уже два мѣсяца. И маршалъ Ояма,
и генералъ Линевичъ, оба занимались этимъ, и обѣ арміи опять
стоятъ другъ противъ друга, готовые помѣряться силами. На-

стоящая война показала, что японцы имѣютъ право рассчитывать на своихъ полководцевъ и на свою армію и могутъ надѣяться на новые успѣхи, но какою цѣною, это тоже показала настоящая война. А сколько еще понадобится Ляояновъ и Мукденовъ, чтобы добиться болѣе рѣшительныхъ успѣховъ, чѣмъ теперь? И сколько для этого понадобится еще займовъ? Наше положеніе очень тяжело, и японцы въ своей политикѣ впередъ учитываютъ эту тяжесть, но вѣдь и ихъ положеніе затруднительно, а кто дольше можетъ выдерживать это ужасное бѣдствіе, еще исторія не повѣдала міру. За графа Окуму, конечно, не отвѣтственно японское правительство, но его авторитетное слово возбуждаетъ общественное мнѣніе и можетъ отдалить заключеніе мира, столь необходимаго и Россіи, и Японіи.

Программа графа Окумы уже давно пропагандируется значительною частью англійской прессы. Это вполне естественно. Русско-японская война во многомъ развязала Англіи руки. Уже въ 1904 году, немедленно послѣ начала войны, Англія устроила свои дѣла въ Тибетѣ. Недавно вернувшееся изъ Кабула англійское посольство было вторымъ шагомъ, уладившимъ сближеніе съ Афганистаномъ безъ всякаго участія Россіи въ этомъ вопросѣ, касающемся непосредственно русскихъ границъ. Засимъ Англія отправила какую-то экспедицію въ южную Персію. По послѣднимъ телеграммамъ, она прибыла въ Бендеръ-Буширь, персидскій портъ въ Персидскомъ заливѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ, указывается англичанами усиленная дѣятельность и въ Аравіи. Изъ Парижа отъ 17 (30) апр. телеграфируютъ:

„Положеніе въ Іеменѣ внушаетъ опасенія. *Внимательствомъ Англіи почти неизбежно.* Присутствіе четырехъ британскихъ судовъ въ Куейтѣ указываетъ на намѣреніе Англіи захватить въ свои руки господство въ Персидскомъ заливѣ“.

Кое-что, или какъ здѣсь написано „Куейтъ“, турецкое вассальное княжество на берегу Персидскаго залива съ хорошимъ портомъ. Турція до сихъ поръ кое-какъ отстаивала этотъ важный пунктъ отъ захвата его англичанами. О положеніи въ Іеменѣ, гдѣ „внимательство Англіи почти неизбежно“, изъ Лондона телеграфируютъ:

„12-го (25-го) апрѣля. Корреспондентъ „Daily News“ прислалъ длинную телеграмму изъ одного египетскаго города, говоря, что онъ имѣетъ основаніе не открывать его названія. Корреспондентъ передаетъ изумительныя подробности войны въ Аравіи, гдѣ, по его словамъ, турецкій султанъ прилагаетъ чрезвычайныя усилія, чтобы одержать верхъ въ борьбѣ противъ арабовъ. Высокопоставленный офицеръ сообщилъ корреспонденту, что турецкія войска были повсюду побѣждены, и что арабы завладѣли городомъ, имѣющимъ важное значеніе. Сраженія были чрезвычайно кровопролитны,

особенно одинъ бой, который сопровождался громадными потерями.“

Взя эта сложная и дѣятельная политика наступленія въ Тибетъ, Афганистанъ, Персію, Аравію и Турцію стала возможною лишь съ того времени, когда эти государства лишились русской поддержки. Чтобы завершить эту политику, надо продленіе войны. Но это надо даже не Англіи, а господствующей партіи въ Англіи. Надо ли это Японіи?

Чтобы предъявить русскому правительству условія, подобныя формулированнымъ графомъ Окумой, нужно разгромить армію генерала Линевича и сдѣлать ее неспособною къ бою, и сверхъ того надо уничтожить флотъ вице-адмирала Рожественскаго, сохранивъ настолько японскій флотъ, чтобы приготавливаемая къ походу четвертая русская эскадра не была опасна морскимъ силамъ Японіи. Едва-ли такой полный разгромъ возможенъ, но если бы и оказалось это для японцевъ достижимымъ, имъ пришлось бы купить это торжество такою ужасною цѣною, которой не стоитъ Владивостокъ съ дюжиною Сахалиновъ. А все, что японцамъ дѣйствительно было нужно, всего этого они уже достигли. И если бы ихъ программа заключалась лишь въ укрѣпленіи важныхъ достигнутыхъ результатовъ (пріобрѣтеніе Корей, южной Манчуріи и Квантунской области, пріобрѣтеніе положенія великой державы, укрѣпленіе морской гегемоніи въ дальневосточныхъ водахъ, укрѣпленіе вліянія въ Пекинѣ), то даже предъявленіе требованія уплаты военныхъ издержекъ не могло бы считаться прямо нецѣлесообразнымъ. Франція уплатила пять милліардовъ Германіи, но не это до сихъ поръ раздѣляетъ два великіе народа, а единственно отторженіе территоріи. Франція уплатила милліарды за то, что допустила у себя хозяйство бонапартистовъ. Мы допустили у себя хозяйство бюрократовъ и теперь за это въ свою очередь платимся...

Баронъ Суематсу тоже говорилъ о мирѣ и преимущественно именно объ уплатѣ военныхъ издержекъ. Конечно, успѣхи генерала Линевича или адмирала Рожественскаго могли бы совершенно измѣнить обстановку переговоровъ о мирѣ, но, съ другой стороны, ихъ неудачи могли бы совершенно испортить дѣло мира, внушивъ японцамъ еще болѣе неумѣренную программу. Думается мнѣ, что ни японцамъ, ни русскимъ нѣтъ расчета рисковать и ставить все на карту.

Поэтому, настоящій моментъ есть самый благопріятный и благоразумный для обѣихъ сторонъ. Выше я уже указалъ, что Японія уже пріобрѣла и что едва ли возможно у нея отнять безъ многихъ годовъ неисчислимыя жертвы. Это надо бы и признать за нею. Что касается сѣверной Манчуріи, то слѣдовало бы сговориться о ней съ Китаемъ и не настаивать на безсрочной оккупациі. Если бы для этой части спорной территоріи можно было

добиться международной гарантіи нейтральности и открытых дверей, то это было бы одинаково выгодно китайцамъ, русскимъ и японцамъ, которые въ общемъ достигли бы столь многого и значительнаго, что могли бы и не добиваться уплаты контрибуціи. Не надо забывать, что у каждаго правительства, которому предъявляется требованіе уплаты контрибуціи, всегда является мысль, не лучше ли эту сумму употребить на войну и побѣду?

Выше уже замѣчено, что голосъ графа Окумы нельзя еще считать голосомъ японскаго правительства, которое, ведя трудное дѣло тягостной и сложной борьбы, можетъ трезвѣе оцѣнивать положеніе. Мы имѣемъ основаніе надѣяться на это, черпая эту надежду въ осторожности и благоразуміи японской политики. Это съ японской стороны. Съ русской же стороны, намъ думается, что лучше принести жертвы для мира, чѣмъ для войны, которая, даже въ случаѣ успѣха, ничего важнаго и значительнаго принести намъ не можетъ.

II.

Выше мы уже указали, какъ Англія воспользовалась русско-японской войной. Равновѣсіе силъ этою войною было нарушено, и совершенно естественно, если и политическія соотношенія, которыя покоились на этомъ равновѣсіи, начали измѣняться, соотвѣтственно новому равновѣсію силъ. Англія воспользовалась первой. За нею послѣдовала Германія. Она рѣшилась устранить французское преобладаніе въ Марокко и замѣнить его своимъ. Французское вліяніе въ Марокко основывалось на содѣйствіи съ Алжиріей, гдѣ французы располагаютъ значительными военными силами, и на соглашеніи съ наиболѣе заинтересованными державами, съ Англіей, Италіей, Испаніей, которыя, всѣ трое, представили Франціи руководящую роль въ имперіи мавританскаго калифа. Германію не спросили, но, опираясь на вышеназванныя соглашенія и на союзъ съ Россіей, Франція могла и не справляться съ мнѣніемъ Германіи, которая едва ли пошла бы на конфликтъ при этихъ условіяхъ. Другое дѣло, когда условія измѣнились, вслѣдствіе русскихъ неудачъ на Дальнемъ Востокѣ и отвлеченія туда все большихъ и большихъ массъ русскаго войска. Это обстоятельство и было немедленно учтено германскою дипломатіей. Императоръ Вильгельмъ лично явился въ Марокко, публично заявилъ, что почитаетъ султана совершенно независимымъ государемъ и будетъ отстаивать политику „открытыхъ дверей“ одинаково для всѣхъ націй и въ частности для нѣмцевъ. Это было актомъ явнаго непризнанія тѣхъ правъ Франціи, которыя она уже почитала приобрѣтенными и которыя были признаны другими державами, частью и самимъ султаномъ Феса. Дипломатическій конфликтъ сталъ совершившимся фактомъ и требуетъ раз-

рѣшенія. Франція должна или просто уступить, или добиться какого-нибудь компромисса, или готовиться къ столкновенію, уже не дипломатическому только. Сущность конфликта хорошо выясняется изъ словъ германскаго посланника въ Марокко, графа Татенбаха, интервьюированнаго агентомъ С.-Петербургскаго телеграфнаго агентства. Вотъ эта телеграмма:

„Танжеръ, 16 го (29-го) апрѣля. Мнѣ была предоставлена возможность интервьюировать германскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, графа Татенбаха, который 19-го апрѣля отправляется въ Фецъ. Графъ Татенбахъ объяснилъ, что причина растущей потребности Германіи въ расширеніи сферы своихъ интересовъ кроется, во-первыхъ, въ чрезвычайно быстромъ ростѣ германскаго народонаселенія, которому германское правительство озабочено предоставить средства къ существованію и, во-вторыхъ—въ необходимости расширенія германской торговли и защитѣ германской промышленности противъ пренятствій, которыя ставятся ей за границей. Другія державы имѣютъ обширныя колоніи, гдѣ, благодаря особымъ таможеннымъ тарифамъ, торговля ихъ получаетъ преимущественное значеніе. Германскія колоніи, малочисленныя по количеству и ограниченныя по территоріи, всегда имѣли противъ себя коалицію державъ, которая, по непонятнымъ причинамъ, старалась мѣшать выполненію намѣченнаго плана. Тѣмъ не менѣе, отношеніе Германіи къ державамъ всегда отличалось корректностью и лояльностью. Во время южно-африканской войны Германія соблюдала строжайшій нейтралитетъ, хотя эта война и повлекла за собой введеніе Англіей предпочтительныхъ тарифовъ въ ущербъ германскимъ интересамъ. То же самое наблюдалось въ Тунисѣ и другихъ мѣстахъ. Что касается мароккесскаго вопроса, то Германія участвовала въ подписаніи мадридской конвенціи, что даетъ ей право считать себя въ числѣ равно благоприятствуемыхъ націй. Къ тому же германская торговля успѣла утвердиться въ Марокко, и этого нельзя было игнорировать. Поэтому, когда было замѣчено, что въ Марокко стараются провести ту же политику, Германія была вынуждена оказать послѣдней противодѣйствіе. Если бы Франція вошла въ соглашеніе съ Германіей, были бы предупреждены многія недоразумѣнія. Сосѣдніе народы обязательно должны стремиться къ предупрежденію недоразумѣній. Германія объяснила бы Франціи, что нельзя считать правильнымъ входить въ частное соглашеніе съ отдѣльными державами въ вопросахъ, урегулированныхъ международною конвенціей, къ которой примкнулъ и султанъ. Франція, которая возбудила починъ относительно новыхъ переговоровъ, повидимому, готова сдѣлать уступки; однако, Германія не должна впасть въ ту ошибку, въ которой она обвиняетъ другія державы,—она не можетъ игнорировать мадридскую конвенцію. Поведеніе Германіи ясно: она

претендуетъ лишь на тѣ же права, какъ и другія націи; она настаиваетъ на цѣлостности мавританской имперіи.

Миссія моей поѣздки въ Фецъ заключается въ томъ, чтобы поблагодарить султана за приемъ, оказанный имъ германскому императору, и представить ему завѣренія въ вышеизложенномъ смыслѣ. Никакихъ предположеній о заключеніи торговой конвенціи дѣлать я не буду, какъ не буду требовать какихъ-либо концессій. Германія не возбуждаетъ вопроса о международной конференціи, но поддержала бы подобное соглашеніе, если бы оно было сдѣлано султаномъ, въ качествѣ единственнаго способа разрѣшить настоящій конфликтъ интересовъ“.

Изъ словъ Татенбаха, очевидно, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что политика Германіи направлена къ восстановленію того положенія дѣлъ, какое было до англо-французскаго соглашенія. Между прочимъ, ходятъ слухи, что султанъ затягиваетъ переговоры съ французскимъ посланникомъ, въ ожиданіи прибытія германскаго посольства, въ надеждѣ встрѣтить въ Татенбахѣ поддержку.

Переговоры же велись Франціей съ султаномъ именно въ направленіи оформить преобладаніе Франціи, признанное средиземноморскими державами, соглашеніемъ съ самимъ Марокко. Франція намѣтила планъ реформъ и предпріятій, которыя должны были постепенно приобщить Мавританію къ европейской цивилизаціи, но и доставить отъ этого выгоды преимущественно французамъ. Англичане на это согласились и теперь должны оказать поддержку французамъ, которые за эти марокканскія преимущества предоставили англичанамъ такія же преимущества въ Египтѣ. Объ этой поддержкѣ со стороны Англіи сообщаютъ интересныя свѣдѣнія слѣдующія телеграммы:

17-го (30-го) апрѣля. Британское правительство послало инструкцію посланнику Лаутеру въ Марокко, чтобы послѣдній настаивалъ передъ султаномъ о необходимости для него довѣриться Франціи, покровительство которой единственно способно обезпечить спокойствіе и благополучіе государства.

Говорятъ, что англо-французское соглашеніе будетъ еще болѣе закрѣплено предстоящимъ пріѣздомъ Лорда Лансдоуна во Францію.

17-го (30-го) апрѣля. Послѣднія сообщенія изъ Фецъ свидѣтельствуютъ о маломъ успѣхѣ французской миссіи.

18 апрѣля (1-го мая). Танжерскій корреспондентъ „Temps“ сообщаетъ о своей бесѣдѣ съ британскимъ посланникомъ въ Танжерѣ Лоутеромъ, который сказалъ ему, между прочимъ, слѣдующее:

„Я думалъ сначала, что передамъ султану свои вѣрительныя грамоты въ Фецъ только осенью. Однако, въ виду присланнаго мнѣ моимъ правительствомъ категорическаго приказа, я предприму туда поѣздку уже черезъ три недѣли, тотчасъ же по при-

бытіи моего конвоя. Цѣль моей поѣздки не заключается при нынѣшнихъ условіяхъ въ одномъ только выполненіи правилъ этикета. Поѣздка эта вызвана также статьею англо-французскаго соглашенія, которою обѣ договорившіяся державы обязались оказывать другъ другу взаимную дипломатическую поддержку для осуществленія этого соглашенія. Мое правительство спѣшитъ исполнить свое обязательство, тѣмъ болѣе, что предложенія французскаго правительства, которыя должны быть предъявлены султану, вполнѣ соотвѣтствуютъ духу соглашенія 8-го апрѣля 1904 г., не нарушаютъ интересовъ третьихъ лицъ, обеспечиваютъ безопасность Марокко и могутъ помочь этой странѣ постепенно оправиться отъ понесеннаго потрясенія“.

Сообщаютъ, будто испанскій посланникъ въ Марокко тоже получилъ инструкцію поддержать французскія домогательства въ Марокко. Британскій и испанскій посланники въ Фэдѣ дадутъ совѣты султанскому правительству войти въ соглашеніе съ Франціей. Онъ можетъ внять этимъ совѣтамъ, или, опираясь на Германію, ихъ отвергнуть. Въ первомъ случаѣ Испанія и Англія оказали условленную поддержку, но Франція отъ этого не будетъ легче. Дипломатическая побѣда надъ Марокко не есть еще побѣда надъ Германіей. Въ сущности большой разницы между обоими рѣшеніями не имѣется. Все равно надо считаться съ волею Германіи, ясно формулированной. Если Франція не хочетъ воевать изъ-за Марокко (конечно не хочетъ), то трудно предвидѣть, какъ она сумѣетъ выпутаться изъ затрудненій, созданныхъ тѣмъ, что она приняла отъ Англіи этотъ подарокъ не принадлежавшаго англичанамъ имущества.

III.

Англія и Германія уже воспользовались въ своихъ цѣляхъ результатами пятнадцати-мѣсячной кровавой борьбы на Дальнемъ Востокѣ—можно было ожидать, что изъ первыхъ поспѣшитъ воспользоваться Австро-Венгрія, эта давнишняя соперница Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Однако, до сихъ поръ этого не случилось, и объясненія тому надо искать, конечно, не въ какихъ либо особо добрыхъ чувствахъ австрійцевъ къ Россіи, а во внутреннихъ затрудненіяхъ габсбургской монархіи. Не прекращающаяся острая обструкция въ вѣнскомъ парламентѣ, пражскомъ сеймѣ и т. д. уже нѣсколько лѣтъ парализуетъ политическую жизнь Австріи, и эта половина монархіи нѣсколько разъ подходила къ такому серьезному правительственному кризису, что вѣнскимъ правящимъ сферамъ приходилось ставить вопросъ о восстановленіи абсолютизма и бюрократическаго правленія. Этого еще не случилось, благодаря въ значительной мѣрѣ невозможности

согласовать этотъ государственный переворотъ съ уніей со свободною и парламентарною Венгріей. Въ Вѣнѣ терпѣли, чтобы не потерять Будапешта.

Теперь, однако, дѣло обострилось и въ Будапештѣ. Въ свое время мы дали отчетъ объ январскихъ выборахъ въ Венгрію, перемѣстившихъ большинство въ руки такъ называемой партіи независимости. Программа этой партіи требуетъ экономическаго и финансоваго отдѣленія отъ Австріи и отдѣльной венгерской арміи. Императоръ Францъ-Іосифъ отказался утвердить эту программу. Отсюда кризисъ, до сихъ поръ неразрѣшенный. Последнія извѣстія говорятъ о нѣкоторомъ улучшеніи. Сообщаютъ, что кризисъ будетъ разрѣшенъ во время пребыванія императора въ Будапештѣ, на основаніи программы Селля, которымъ предполагается установить равенство въ дипломатическомъ представительствѣ, переводъ одного изъ общихъ министровъ въ Будапештъ и нѣкоторыя уступки относительно служебнаго языка въ венгерскихъ полкахъ. Если и корону, и парламентъ удастся склонить къ этому компромиссу, то узы, связующія обѣ половины монархіи, конечно, ослабнутъ, но въ общихъ чертахъ существующая система и внѣшнее положеніе имперіи будутъ сохранены. Тогда можно ждать и болѣе активной политики на Балканскомъ полуостровѣ. Въ противномъ случаѣ, не совѣмъ невѣроятнымъ становится междоусобіе. Не невѣроятно и завоеваніе Венгріи болѣе сильною Австріей. Возможно послѣ этого и возрожденіе абсолютизма и бюрократическаго режима, а въ международныхъ отношеніяхъ нѣкоторое движеніе въ сторону традицій полѣзка тому назадъ погребеннаго священнаго союза, особенно въ случаѣ соотвѣтственныхъ международныхъ успѣховъ и другихъ членовъ этого былого союза.

Конечно, вѣроятнѣе и даже гораздо вѣроятнѣе, что Австро-Венгрія удержится на своихъ теперешнихъ путяхъ и внутренней, и внѣшней политики, а тогда и другія послѣдствія не осуществляются. Мнѣ кажется, однако, полезнымъ указать и эти не очень вѣроятныя, но возможные историческія комбинаціи, потому что излишній оптимизмъ такъ же вреденъ, какъ и пессимизмъ. Жизнь историческая очень сложна. Очевидно необходимыя событія могутъ не наступать, потому что переплеть историческихъ движеній (ихъ всегда многое множество) поставилъ поперекъ дороги могущественную силу, быть можетъ, не надолго, но все же поставилъ. Мы очень отстали отъ всѣхъ европейскихъ народовъ и, повидимому, эта отсталость не можетъ тамъ найти опору. Вѣроятно, что такъ это и будетъ, но возможно, что будетъ иначе. Это не остановитъ хода исторіи, пока не изсякнетъ жизнеспособность русскаго народа, но оптимизмъ одностороннихъ предвидѣній не та сила, которая развиваетъ и уясняетъ народное самосознаніе, главную гарантію прогресса.

IV.

Чудовищное развитіе націонализма есть главный основной недугъ имперіи Габсбурговъ. Онъ парализовалъ политическую жизнь Цислейтаніи. Онъ же теперь играетъ очень крупную роль и въ венгерскомъ кризисѣ. Справедливое и равноправное разрѣшеніе національныхъ вопросовъ является для современнаго государства краеугольнымъ камнемъ его жизнеспособности и его силы. Это положеніе относится и къ намъ, гдѣ переплетъ національныхъ вопросовъ не менѣе сложный и опасный, чѣмъ въ Австро-Венгріи. Мы уже касались этихъ вопросовъ въ нашей прошлой бесѣдѣ. Мы указали общую формулу, но каждый національный вопросъ въ отдѣльности и въ частности представляетъ много особенностей, которыя настолько водоизмѣняютъ картину, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходима специальная обработка вопроса и специальная программа, только для даннаго вопроса приспособленная, только его одного приближающая къ желанному справедливому и общепользному разрѣшенію. Мы говоримъ „приближающая“, не болѣе того, потому что въ каждомъ національномъ вопросѣ, кромѣ чисто политической стороны, которую можно разрѣшить справедливымъ и либеральнымъ законодательнымъ актомъ, существуютъ и другія стороны, экономическая, социальная, культурная, для которыхъ законодательные акты могутъ дать единственно лишь возможность развитія въ ту или иную сторону, а разрѣшенія вопроса надо ожидать отъ постепенной эволюціи на почвѣ, освобожденной отъ запретовъ, угнетенія и регламентации.

Хорошею иллюстраціей этого положенія разныхъ больныхъ вопросовъ нашей исторической жизни можетъ служить только что, въ указѣ отъ 17 апрѣля 1905 года, получившій разрѣшеніе вопросъ о вѣротерпимости. Этимъ указомъ отмѣненъ одинъ изъ величайшихъ грѣховъ нашей исторіи, угнетеніе населенія, принудительно зарегистрированнаго послѣдователями православнаго исповѣданія. Принужденіе и угнетеніе отмѣнены, въ этомъ состоитъ политическая сторона реформы. Для нея было довольно вышеупомянутаго законодательнаго акта. Затѣмъ, однако, необходимо будетъ еще многое. Принудительно зарегистрированные православными должны будутъ не только быть исключенными изъ списка православныхъ и изъ вѣдомства православнаго духовенства, но и организовать собственныя религіозныя общины, создать собственное духовное управленіе, построить храмы, школы, благотворительность, органы печати, типографіи и пр. Сосланнымъ надо возвратиться и основаться. Словомъ, для того, чтобы великое дѣло, разрѣшенное указомъ 17 апрѣля, принесло

въ свои плоды, необходима еще большая общественная работа, значительная эволюція.

Огромный грѣхъ нашей исторіи въ отношеніи къ старо-обрядамъ и сектантамъ указомъ 17 апрѣля устраненъ, но другой такой же огромный грѣхъ нашей исторической жизни по отношенію къ евреямъ еще ждетъ своего разрѣшенія. Это изъ самыхъ императивныхъ очередныхъ вопросовъ. Исповѣданіе еврейской религіи, строго говоря, не встрѣчало и не встрѣчаетъ особыхъ стѣсненій, и указъ 17 апр., даруя бывшимъ евреямъ право возвратиться къ еврейскому исповѣданію и отминая нѣкоторыя стѣсненія по сооруженію синагогъ и молитвенныхъ домовъ, уничтожаетъ послѣднія собственно вѣроисповѣдныя стѣсненія. Однако, въ еврейскомъ вопросѣ въ Россіи, главное не свобода исповѣданія, а гражданскія права исповѣдующихъ еврейскую религію. Лишеніе гражданскихъ правъ за исповѣданіе свободно допущенной религіи, въ этомъ заключается тотъ огромный грѣхъ нашей исторіи, который называется еврейскимъ вопросомъ въ Россіи. Много несправедливаго заключаетъ наше законодательство и по отношенію къ другимъ національностямъ, къ полякамъ, литовцамъ, финнамъ и пр., но здѣсь эта несправедливость и неполноправность явились плодомъ борьбы и побѣды. Японія теперь торжествуетъ и, какъ побѣдительница, желаетъ лишить Россію правъ на Дальнемъ Востокѣ. Торжествуя надъ Польшей, Россія тоже пожелала лишить побѣжденную правъ. Это было и несправедливо, и нецѣлесообразно, но на извѣстной ступени историческаго самосознанія это естественно и обыкновенно. Его слѣдуетъ теперь отмигнуть, этотъ плодъ борьбы и побѣды, но въ свое время онъ былъ, хотя и не нуженъ, но понятенъ. Ничего подобнаго не видимъ въ еврейскомъ вопросѣ. Тутъ не было борьбы. Не могло быть, стало быть, ни побѣды однихъ, ни пораженія другихъ, ни взаимныхъ счетовъ, ни дѣйствительной опасности, ни мнимой, ни воображаемой... Откуда же это лишеніе гражданскихъ правъ огромной массы народа безъ всякаго съ ея стороны повода? Та варварская Россія, которая впервые, вмѣстѣ съ частью польскихъ земель, получила и еврейскихъ подданныхъ, едва терпѣла иновѣрныхъ христіанскія исповѣданія и сурово тѣснила магометанъ и язычниковъ. Не мудрено, что она не оказалась болѣе милостивою къ вошедшимъ въ ея составъ еврейскимъ общинамъ. Съ тѣхъ поръ, однако, дѣло радикально перемѣнилось и, хотя слѣды варварства въ нашемъ законодательствѣ объ иновѣрцахъ вообще уничтожаются лишь указомъ 17 апрѣля 1905 года, однако, въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій въ законодательство проникло много поправокъ, облегчавшихъ положеніе иновѣрцевъ. Былъ періодъ, когда эти поправки распространялись и на евреевъ, но потомъ опять наступила реакція, и явился цѣлый рядъ новыхъ актовъ, все болѣе и болѣе

стѣснявшихъ еврейское населеніе, все политѣе лишавшихъ его гражданскихъ правъ. Современное русское законодательство о евреяхъ представляется въ этомъ отношеніи памятникомъ, равнаго которому по печальному его значенію трудно было бы найти даже на страницахъ многострадальной русской исторіи. Грѣхъ наши передъ поляками, финнами, литовцами суть грѣхъ политическіе. Грѣхъ передъ евреями, подобно грѣху передъ старообрядцами и сектантами, есть грѣхъ не только политическій, но и нравственный. За него стыдно.

Совершенная отмѣна всѣхъ ограниченій и стѣсненій по отношенію къ евреямъ и ихъ полная равноправность со всѣми остальными группами населенія представляется самою настоятельною проблемою нашихъ реформъ, стоящею на первой очереди. Сознаніе совершенной императивности такого рѣшенія составляетъ теперь всеобщее достояніе всѣхъ, кому дороги интересы, честь и достоинство Россіи, человѣчества и справедливости. Однако, и за этимъ политическимъ рѣшеніемъ стоитъ проблема, культурная и социальная, огромнаго значенія и огромнаго размѣра, которая входитъ въ составъ еврейскаго вопроса въ Россіи. Безъ указаннаго политическаго рѣшенія невозможно и приступить къ сложной проблемѣ культурныхъ и социальныхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ еврейскаго вопроса, какъ онъ у насъ сложился, преимущественно благодаря репрессивной политикѣ послѣдней четверти вѣка. Но и одно политическое рѣшеніе, принося многое свѣтлое и справедливое, много нравственнаго удовлетворенія, само по себѣ лишь отъкрываетъ двери для социально-экономическаго возрожденія обнищавшей и разворванной еврейской массы, для постепеннаго устраненія отчужденности и установленія взаимнаго пониманія между народною массою, еврейскою и христіанскою. Выходъ въ свѣтъ интересной и поучительной книги „Сборникъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи. Изданіе еврейскаго колоніальнаго общества“ (С.-Петербургъ, 1904 г., 2 тома) даетъ намъ разносторонній матеріалъ для освѣщенія социально-экономической стороны еврейскаго вопроса.

Въ довольно обширныхъ слояхъ русскаго общества, чрезъ посредство такихъ распространенныхъ газетъ, какъ „Новое Время“, „Свѣтъ“ и др. столичныхъ и провинціальныхъ, установилось мнѣніе, не очень прочно, не очень твердо, но тѣмъ не менѣе довольно широко, что евреи скопляютъ въ своихъ рукахъ богатства, и что отъ этого болѣе или менѣе страдаютъ другія группы населенія, менѣе искусныя въ умѣи извлечь наибольшую выгоду и менѣе объединенныя взаимною поддержкою. Отрицать такую взаимную поддержку было бы напрасно, потому что она естественно выросла на почвѣ многовѣковаго угнетенія и теперь поддерживается и по традиціи, и по нуждѣ, и по ея выгоды, но ве-

дети ли она къ объединенію другихъ группъ населенія или къ спасенію, далеко не полному, отъ обнищанія самихъ евреевъ, это вопросъ, который исторія еврейскаго народа въ западной Россіи давно поставила на очередь. Прежде всего, какъ велика нужда среди еврейской массы, въ такъ называемой „чертѣ осѣдлости“, этой обширной тюрьмѣ, въ которой содержатся милліоны человѣческихъ существъ безъ того, чтобы они совершили какое-либо преступленіе.

Явленіе *пауперизма* давно обратило на себя вниманіе изслѣдователей въ Западной Европѣ. Это явленіе заключается въ томъ, что извѣстное количество населенія, при современныхъ условіяхъ экономическаго строя, не находитъ приложенія своему труду и, послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы съ бѣдою, мало по малу лишается всѣхъ средствъ существованія и, если не очищаетъ арены жизни смертью или преступленіемъ, то начинаетъ пользоваться общественною или частною благотворительностью. Усчитывать выбывшихъ изъ строя пауперовъ смертью, преступленіемъ или частною благотворительностью довольно затруднительно, и потому развитіе пауперизма усчитываютъ обыкновенно на основаніи данныхъ общественной благотворительности. Хотя и въ Россіи существуетъ организованная общественная благотворительность и, слѣдовательно, можно было имѣть и данныя для уясненія вопроса о развитіи пауперизма, но матеріалы мало разрабатываются и ниже приводимыя данныя можно считать лишь приблизительными. Располагая главными государствами европейской культуры въ порядкѣ убыванія относительнаго числа пауперовъ, можно дать слѣдующую таблицу распространенія пауперизма:

	Годъ счета.	Абсол. число.	Относ. число въ ‰
Франція	1892	1847161	4,7‰
Германія	1885	1592385	3,4
Англія	1896	1025364	2,9
Россія	1896	3103000	2,4
Австро-Венгрія .	1892	395398	1,0

Такимъ образомъ, нормальный процентъ пауперовъ при современныхъ условіяхъ цивилизаціи колеблется между однимъ и пятью процентами къ общему числу населенія. Иначе говоря, одинъ пауперъ приходится въ Австріи на 100 душъ всего населенія, въ Россіи приблизительно на 40, въ Англіи на 35, въ Германіи на 33, во Франціи на 21—22. Таково въ общихъ чертахъ развитіе пауперизма среди самыхъ передовыхъ странъ Европы (Англія, Франція, Германія) и самыхъ отсталыхъ экономически (Австро-Венгрія и Россія). Обратимся теперь къ даннымъ о развитіи пауперизма среди евреевъ черты осѣдлости. Итакъ, сколько же евреевъ пользовались благотворительностью въ 25 губерніяхъ „черты“? Экспедиціями и агентами еврейскаго

колонизаціоннаго общества обследовано свыше $\frac{5}{6}$ всего еврейскаго населенія, такъ что абсолютныя цифры ниже дѣйствительности, но относительныя могутъ почитаться опирающимися на достаточно широкое основаніе. Всего обследовано экономическое состояніе 709248 еврейскихъ семействъ. Изъ нихъ принуждены были прибѣгнуть къ благотворительности 132855, т. е. 18,8%. Иначе, одинъ пауперъ приходится на 5 или 6 душъ всего еврейскаго населенія!

Эти ужасныя цифры заслуживаютъ нѣсколько болѣе детальной обработки. На основаніи данныхъ, приводимыхъ въ выше-названномъ изслѣдованіи, мы приводимъ нижеслѣдующую таблицу распространенія пауперизма среди еврейскаго населенія въ губерніяхъ Царства Польскаго и „черты осѣдлости“, расположивъ ихъ въ порядкѣ убыванія нужды, при чемъ интервалъ поставленъ тамъ, гдѣ кончается превышеніе средней нормы и начинается рядъ ниже средняго, а *курсивомъ* отмѣчены всѣ губерніи, въ коихъ ‰ еврейскаго населенія ко всему населенію превышаетъ среднее для этихъ 25 губерній (11,5‰).

Число нуждающихся семействъ въ ‰ ко всему евр. населенію.	
Полтавская	24,5‰
<i>Виленская</i>	23,3 „
<i>Ковенская</i>	22,9 „
Кѣлецкая	22,7 „
<i>Люблинская</i>	22,0 „
<i>Радомская</i>	21,7 „
<i>Херсонская</i>	21,0 „
<i>Петроковская</i>	20,9 „
<i>Подольская</i>	20,5 „
<i>Гродненская</i>	20,2 „
<i>Бессарабская</i>	19,4 „
<i>Кіевская</i>	19,1 „
Екатеринославская	18,8 „
<i>Сѣдлецкая</i>	18,5 „
Витебская	18,5 „
<i>Ломжинская</i>	17,7 „
Черниговская	17,6 „
<i>Волинская</i>	17,5 „
<i>Могилевская</i>	16,8 „
Таврическая	15,9 „
<i>Минская</i>	15,3 „
Калишская	14,3 „
Плоцкая	14,0 „
Сувалкская	13,3 „
<i>Варшавская</i>	12,5 „

Такимъ образомъ, больше средняго нужда развита въ губерніяхъ, гдѣ скученность еврейскаго населенія тоже больше средняго. Но и въ самыхъ благопріятныхъ мѣстностяхъ развитіе пауперизма среди евреевъ въ два съ половиною раза превышаетъ

наибольшее развитіе пауперизма въ Западной Европѣ, тогда какъ въ менѣе благопріятныхъ мѣстностяхъ еврейскій пауперизмъ въ четыре и даже въ пять разъ превышаетъ самыя неблагопріятныя данныя для Западной Европы и въ восемь и даже въ десять разъ тѣ же данныя для Россіи! Таково-то это скопленіе евреями богатствъ...

Относительно вопроса о томъ, растетъ ли пауперизмъ, или положеніе улучшается (какъ въ Западной Европѣ), цитируемое изслѣдованіе даетъ такой отвѣтъ:

„Съ 1894 г. по 1898 г. число нуждающихся семействъ возрасло съ 85.183 до 108.922. Цифра нуждающихся въ 1898 г. ниже той цифры, которая дана первоначально (132.855). Желая достигнуть возможной точности въ изображеніи роста нужды, мы принуждены были отбросить значительное число пунктовъ, по которымъ имѣются свѣдѣнія не за весь промежутокъ времени отъ 1894 по 1898 годъ, а лишь за часть его. Основываясь на данныхъ, относящихся къ тѣмъ отчетамъ, изъ коихъ имѣемъ свѣдѣнія за всѣ 5 лѣтъ, мы приходимъ къ заключенію, что число нуждающихся семействъ увеличилось на 27,9%“ (т. II, 232). Этотъ чудовищный ростъ нужды авторы цитируемаго изслѣдованія (II, 233) стараются объяснить слѣдующимъ образомъ: „Ограничительныя мѣры послѣднихъ десятилѣтій создали самыя благопріятныя условія для быстрого роста пауперизма среди евреевъ. На ряду съ изгнаніемъ евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей, происходили непрерывныя выселенія изъ пограничной 50-верстной черты, а также изъ Москвы и другихъ городовъ внутренней Россіи. При слабомъ промышленномъ развитіи губерній черты, въ частности Сѣверо-Западнаго края, при переполненіи ремеслъ и другихъ промысловъ, долженъ былъ образоваться многочисленный классъ посредниковъ, комисіонеровъ, лицъ безъ опредѣленныхъ профессій, набрасывающихся на всевозможныя занятія. Но существованіе этого класса возможно лишь при усиленномъ торгово-промышленномъ оборотѣ. Всякаго рода кризисы и задержки въ торговлѣ, сокращеніе фабрично-заводскаго производства, неурожаи—гибельно отзываются на положеніи этого класса, приводя его въ ряды пауперовъ. Но и при развитіи и улучшеніи экономическаго оборота въ странѣ, роль еврейскихъ посредниковъ (въ широкомъ смыслѣ) должна была сократиться: такъ, развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, устройство хлѣбныхъ элеваторовъ при станціяхъ, расширеніе банковаго кредита для крупныхъ и среднихъ торговцевъ убило дѣятельность многихъ тысячъ мелкихъ извозопромышленниковъ, комисіонеровъ по кредитнымъ сдѣлкамъ, мелкихъ торговцевъ...“

Все это справедливо... Можно бы было прибавить еще и многое другое, указывающее, что экономическое развитіе переросло и все болѣе перерастаетъ тотъ уровень, на которомъ поневолѣ

застыло еврейское население черты осѣдлости. Лишеніе общегражданскихъ правъ держитъ его на этомъ уровнѣ, но одно лишь раскрѣпощеніе не измѣнитъ сразу условій жизни. Необходимо объ этомъ позаботиться. Подобно тому, какъ въ 1861 году вмѣстѣ съ вопросомъ освобожденія былъ поставленъ вопросъ и объ обезпеченіи благосостоянія освобождаемыхъ, такой же вопросъ долженъ быть поставленъ и теперь. Надо дать свободу безотлагательно, но вслѣдъ за тѣмъ надо дать поприще для примѣненія освобожденнаго труда. Интересные матеріалы „Сборника“ даютъ и въ этомъ отношеніи цѣнныя данныя. Къ этому вопросу я еще возвращусь, какъ одному изъ настоятельныхъ въ наше трудное и сложное время.

С. Южакъ.

Хроника внутренней жизни.

V. Народъ и интеллигенція.—VI. О томъ, какъ ѣдетъ Улита.—VII. Растерявшиеся націоналисты.—VIII. Дворянская декларация и г. Шиповъ въ качествѣ ея обоснователя.—IX. Почему намъ нужно „последнее слово“.

V.

Бакинское побоище и избіенія учащихся,—какъ я уже отмѣтилъ въ предыдущей хроникѣ,—оказали замѣтное вліяніе на общественную психику. Былъ даже моментъ, когда казалось, что въ обществѣ начинается паника.

Со вчерашняго вечера,—телефонировалъ корреспондентъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ отъ 19 февраля,—Москва приняла зловѣщій видъ. На Тверской, Кузнецкомъ мосту и на всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ улицахъ двери и окна магазиновъ заколачивались досками. Безъ особой надобности публика предпочитала на улицахъ не появляться. Съ 9 часовъ вечера на улицахъ воцарилась полнѣйшая тишина; городъ точно вымеръ. Нервное настроеніе, царившее въ теченіе нѣсколькихъ дней, создало почву для распространенія всякихъ тревожныхъ слуховъ. Говорили о вооруженныхъ хитровцахъ, мясникахъ, лабазникахъ, идущихъ бить „студентовъ“...

Быстро охватившіе всю Россію слухи приурочивали готовящейся будто бы погромъ интеллигенціи вездѣ къ одному и тому же дню—къ 19 февраля. Последнее обстоятельство заставляетъ думать, что слухи эти возникли и распространились не случайно. Можетъ быть, это была одна изъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія, которою желали предотвратить и въ случаѣ чего подавить сдѣлавшіяся обычными въ этотъ день оказательства...

Я только что пріѣхалъ передъ тѣмъ въ Псковъ. Въ теченіе пяти недѣль я не читалъ газетъ и былъ совсѣмъ не въ курсѣ тѣхъ

настроеній, какія появились и усилились за это время въ русской жизни. Въ ночь на 11 января я оставилъ послѣднюю сильно взволнованной, теченія въ ней могли появиться всякія. И мнѣ жутко стало, когда я попалъ въ среду мѣстной интеллигенціи. Далеко не успокоившаяся еще послѣ извѣстія учащихъ, какое произведено было во Псковѣ 7 февраля, она обнаруживала склонность очень нервно реагировать на слухи о готовящемся погромѣ. Когда же 18 февраля появился манифестъ, призывающій къ борьбѣ „словомъ и дѣломъ“ съ крамоломъ, тревога еще болѣе усилилась. Появились новые слухи, назывались даже дома и квартиры, будто бы предназначенные для погрома. При спокойномъ обсужденіи всѣ эти слухи представлялись ни на чемъ не основанными, самый источникъ ихъ сомнительнымъ, никакихъ внѣшнихъ признаковъ, что что-нибудь затѣвается, не было. Въ уличной и ярмарочной толпѣ никакого озлобленія и никакихъ выходовъ по адресу интеллигенціи не замѣчалось. И все-таки никто не рѣшался поручиться, что слѣдующій день пройдетъ спокойно. Къ вечеру я зашелъ къ одному изъ знакомыхъ, у котораго собралось еще нѣсколько лицъ изъ мѣстной интеллигенціи. Преобладало мнѣніе, что никакого погрома не будетъ, да и быть не можетъ. И все-таки кончилось тѣмъ, что нѣсколько чело-вѣкъ начали заряжать только что пріобрѣтенные револьверы...

Кто-то вспомнилъ Н. К. Михайловскаго:

У меня на столѣ—писалъ онъ когда-то—стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень дорогъ, вотъ шкафъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки...

Неужели же этотъ образъ, который мыслитель-публицистъ допускалъ въ видѣ условной возможности, намъ придется видѣть воплощеннымъ въ дѣйствительности? Неужели русской интеллигенціи—буквально съ револьверами въ рукахъ—придется отстаивать свое право на существованіе? Но русская жизнь вѣдь такъ богата еще всякими „бытовыми особенностями“...

Чортъ оказался, однако, далеко не такъ страшенъ, какъ его малюютъ. Въ самомъ дѣлѣ, три уже мѣсяца длится совершенно открытая, никѣмъ не стѣсняемая и ничѣмъ не стѣсняющаяся агитація, поставившая своею цѣлью натравить чернь на интеллигенцію. Съ каждымъ днемъ эта агитація становится все наглѣе и рѣшительнѣе. Съ этою цѣлью мобилизованы уже всѣ темныя силы и пущены въ ходъ всѣ доступныя имъ средства. Въ газетахъ этого лагерь изо-дня въ день печатаются пламенные воззванія, съ церковныхъ кафедръ то и дѣло раздаются вдохновенныя поученія, изъ полицейскихъ участковъ доносятся недвусмысленныя нашептыванія. Отовсюду только и слышно: „бей кра-

мольниковъ—въ отвѣтъ не будешь“. И отвѣчать, дѣйствительно, не приходится. Судьи—въ томъ же, напримѣръ, во Псковѣ—оправдываютъ даже сознавшихся. Другія разслѣдованія—какъ, напримѣръ, въ Курскѣ—оканчиваются новыми невзгодами для интеллигенціи...

Въ этой травлѣ использованы, такимъ образомъ, уже всѣ авторитеты. Испробованы и всѣ струны. На разные лады повторяется сказка о японскихъ милліонахъ, усиленно распространяется легенда о намѣреніяхъ интеллигенціи возстановить крѣпостное право. Даже обѣщанное съ высоты престола представительство истолковывается, какъ попытка со стороны той же интеллигенціи захватить власть надъ народомъ въ цѣляхъ вѣщшей его эксплуатаціи.

Появились, наконецъ, какіе-то „православные“, „крестьянскіе“, „монархическіе“ и т. д. якобы „комитеты“ и „партіи“, распространяющіе гектографированныя прокламаціи. Такимъ образомъ, даже авторитетъ революціонныхъ организацій желали бы использовать спрятавшіеся въ подполье предводители черносотенной арміи...

И все, можно сказать, напрасно. Результаты этой усиленной агитаціи въ сущности совершенно вѣдь ничтожны. Тамъ побили студента, здѣсь избили гимназистовъ... Иной разъ неизвѣстно даже, кто это сдѣлалъ: воодушевленные ли полицейскимъ патріотизмомъ лабазники или—какъ въ Курскѣ—выведенные на улицу для „практическихъ занятій“ бородатые ученики учрежденной В. К. Плеве школы стражниковъ. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что всколыхнуть сколько-нибудь значительные слои населенія агитація, руководимая „Московскими Вѣдомостями“ и, можетъ быть,—какъ заявили „Тамбовскія Губернскія Вѣдомости“—„кое-кѣмъ повыше“, оказалась безсильною. Для меня, по крайней мѣрѣ, совершенно очевидно, что попытка вызвать движеніе *противъ интеллигенціи* потерпѣла фіаско.

Свѣточъ русской интеллигенціи разгорѣлся уже такимъ яркимъ пламенемъ, что тѣма народнаго невѣжества объять его уже не можетъ. Лучи свѣта уже прорѣзали толщу народной массы и даже въ тѣхъ слояхъ ея, въ которыхъ „Московскія Вѣдомости“, по преимуществу, ищутъ и находятъ себѣ адептовъ, искрится сознательная мысль и тлѣетъ готовое вспыхнуть совсѣмъ иное активное чувство. Приказчики, напримѣръ, сторонятся товарищей, замѣшавшихся въ ряды погромщиковъ. Въ духовенствѣ многіе уже задумались надъ навязанной имъ ролью проповѣдниковъ челоуѣконенавистничества...

Что касается, въ частности, деревни, которою все время охранители „пугаютъ“ интеллигенцію, то она уже всколыхнулась. И теперь для всякаго ясно, что крестьянское движеніе, какъ ни своеобразны его формы, ничего общаго съ задачами „Москов-

ских Вѣдомостей“ не имѣть. Крестьяне Душетскаго уѣзда выразили это въ до нелзя наивной формѣ. „Въ 8-хъ,—заявили властямъ ихъ повѣренные, перечисляя свои требованія,—присоединяемся къ русскимъ людямъ, именуемымъ бунтовщиками“ *). На языкѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ послѣдній эпитетъ прилагается ко всѣмъ участникамъ освободительнаго движенія... И несомнѣнно, что ихъ-то и имѣли въ виду душетскіе крестьяне.

Необходимо, наконецъ, принять во вниманіе, что и сама интеллигенція оказалась на этотъ разъ далеко не столь безпомощной, какою мы привыкли въ такихъ случаяхъ ее видѣть. Переживъ первый моментъ испуга и разсѣянности, она быстро оправилась и въ общемъ дала дружный и достаточно энергичный отпоръ темнымъ силамъ. Напомню хотя бы рядъ общественныхъ собраний, быстро организованныхъ съ этой цѣлью въ Баку и Курскѣ. Въ начавшейся борьбѣ немедленно были вскрыты сокровенныя пружины надвинувшейся опасности. Оказалось, что это даже не новый врагъ, а старый, лишь спрятавшійся за спину хулигана. Попытка терроризировать интеллигенцію оказалась, такимъ образомъ, неудавшеюся. Больше того: послѣдняя обнаружила рѣшимость встрѣтить врага лицомъ къ лицу, хотя бы для этого и пришлось прибѣгнуть къ оружію... Я не знаю, осуществятся ли проекты народной милиціи, о чемъ теперь толкуютъ чуть ли не повсемѣстно. Во всякомъ случаѣ, безъ борьбы, и при томъ упорной борьбы, свинья правды теперь не слопаешь.

Отрицаая возможность сколько-нибудь значительнаго по своимъ размѣрамъ и достаточно серьезнаго по своимъ результатамъ—массоваго движенія, направленнаго специально противъ *интеллигенціи*, я отнюдь не хочу сказать, что и вообще съ этой стороны никакой опасности не предвидится. На почвѣ національной, классовой и сословной могутъ еще разыграться страшныя сцены, и эта опасность не исчезнетъ, пока народъ представляетъ изъ себя „бессвязныя толпы“.

Когда я пишу эти строки, вся Россія опять оквачена тревожными слухами. Говорятъ о новыхъ погромахъ, и въ частности о погромѣ интеллигенціи, назначенномъ будто бы на 18 апрѣля, т. е. на 1 мая по новому стилю. Вѣроятное всего, что это опять-таки, какъ и 19 февраля, мѣра предупрежденія, свидѣтельствующая о томъ, что полиція хорошо помнитъ дату рабочаго праздника. Но возможны и крупныя недоразумѣнія.

Горючаго матеріала вездѣ много, и часто ничтожная искра можетъ воспламенить его. Возьмите хотя бы эту неожиданную вспышку въ Ялтѣ: самый заурядный, казалось бы, случай полицейскаго произвола, а между тѣмъ, дѣло кончилось не только

*) Официальное сообщеніе въ „Кавказѣ“. Цитирую по перепечаткѣ въ № 12 „Правда“.

разгромомъ полицейскихъ участковъ, но и общимъ грабежомъ и поджогами. Наболѣвшихъ мѣсть въ народной жизни такъ много, что всякое прикосновеніе можетъ вызвать въ ней судорожныя движенія. Трудно предвидѣть силу этихъ конвульсій и еще труднѣе предугадать, что именно въ томъ или иномъ случаѣ явится непосредственнымъ объектомъ народнаго гнѣва и народной ненависти.

Своею агитаціею охранители надѣются спутать счеты и подмѣнить объекты. Въ конечномъ итогѣ эта азартная игра, несомнѣнно, будетъ проиграна, и сохранить свои привилегіи невредимыми имъ, конечно, не удастся. Общій характеръ движенія уже опредѣлился, но разобраться во всѣхъ сложныхъ счетахъ массы, можетъ быть, и не сумѣютъ.

Отдѣльныя вспышки уже начали сливаться въ общій пожаръ, грозящій охватить всю Россію,—и городъ и деревню, и центръ и окраины. Съ каждымъ днемъ движеніе приобретаетъ все болѣе и болѣе стихійный характеръ. И нѣтъ ничего мудренаго, что этотъ огонь выжжетъ, въ концѣ концовъ, не только сорняки, но и цѣлебныя травы.

Можетъ быть, будетъ выжжена въ большей или меньшей своей части и русская интеллигенція. Не за Бѣлинскаго и Михайловскаго она отвѣтитъ, не за мучениковъ своихъ и героевъ, не за идеи свои и идеалы. Она отвѣтитъ за имущіе классы, среди которыхъ выросла, за сословныя привилегіи, которыми такъ долго пользовалась, и за классовую эксплуатацію, въ которой, не смотря на всѣ свои идеи и идеалы, принимала дѣятельное участіе.

Все усиливающееся и не находящее себѣ исхода, движеніе можетъ принять, въ концѣ концовъ, такіе размѣры и отлиться въ такія формы, что та же участь постигнетъ и многія другія приобретеныя культуры. Можно опасаться, что оно разразится, въ концѣ концовъ, катастрофой. Массы могутъ не разсмотрѣть, что на словъ подлежатъ лишь перегородки и своды; подъ ея стихійнымъ напоромъ могутъ вѣдь рухнуть и стѣны самого зданія.

Чтобы спасти то, что ей дорого, и предотвратить уже надвинувшуюся общую опасность, у русской интеллигенціи есть только одно средство.

О, если бы я могъ—писалъ въ 1875 г. Н. К. Михайловскій—утонуть, расплыться въ этой сѣрой, грубой массѣ народа, утонуть безповоротно, но сохранивъ тотъ свѣточъ истины и идеала, какой мнѣ удалось добыть на счетъ того же народа! О, если бы и вы всѣ, читатели, пришли къ такому же рѣшенію, особенно у кого свѣточъ горитъ ярче моего и вообще свѣтло и безъ копоты... *)

Этотъ моментъ въ жизни русской интеллигенціи насталъ.

*) Сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. III, стр. 707.

Пришло время перестать ей существовать въ видѣ какой-то особой, изолированной отъ жизни народа, группы. Она должна, наконецъ, порвать свои связи съ тѣмъ, во что давно извѣрилась, и, поднявъ возможно выше свѣточъ истины и идеала, которымъ владѣть, броситься въ эти, до нельзя взволнованныя, „безсвязныя толпы“. „Дѣло идетъ объ обмѣнѣ между нами и народомъ, обмѣнѣ честномъ, безъ шулерства и заднихъ мыслей, въ результатѣ котораго получается равенство обмѣненныхъ цѣнностей.“ *). При свѣтѣ сознательной мысли, какой интеллигенція внесетъ въ народную среду, и въ результатѣ организуемой работы, какая ею будетъ выполнена, она найдетъ въ народѣ ту силу, которая воплотить, наконецъ, ея идеалы въ дѣйствительности.

Въ этомъ сліяніи интеллигенціи и народа сейчасъ все наше спасеніе. Только такимъ путемъ можно прекратить жестокія спены, какія разыгрываются въ странѣ въ настоящее время, и предохранить ее отъ еще болѣе тяжелыхъ потрясеній, какими грозитъ ей ближайшее будущее. И только слившись со своей интеллигенціей, русскій народъ обрѣтетъ свои „дѣйствительныя силы“ и изъ „людской пыли“ и „безсвязныхъ толпъ“ превратится въ свободную и великую націю.

VI.

Легко и безболѣзненно это сліяніе интеллигенціи и народа,—а въ этомъ, повторяю, вся суть сейчасъ,—могло бы произойти въ свободныхъ учрежденіяхъ. Для того, чтобы мысль могла проникнуть въ жизнь, и для того, чтобы жизнь могла воспринять и воплотить въ себѣ мысль, въ равной мѣрѣ необходима свобода. Больше того: для этого-то именно и нужна свобода. Вникните въ такъ называемыя „вольности“, — и вы увидите, что одна изъ главныхъ ихъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить свободу взаимодѣйствія между жизнью и мыслью. И страстный порывъ къ свободѣ, какимъ охвачена сейчасъ страна, въ значительной мѣрѣ является выраженіемъ этой именно двусторонней,—можетъ быть, и не вполне сознанный, но тѣмъ не менѣе властной,—потребности: жизнь безъ дѣятельнаго участія мысли сдѣлалась невозможною; мысль, лишенная возможности претвориться въ дѣло, стала нестерпимою.

Однако свобода, понимаемая въ смыслѣ тѣхъ или иныхъ вольностей личности, сама по себѣ,—если бы въ такомъ изолированномъ видѣ она и была возможна,—не въ состояніи еще обезпечить удовлетвореніе этой неотложной уже потребности. Цѣлый рядъ назрѣвшихъ задачъ, и при томъ крайне важныхъ и сложныхъ, требующихъ особенно властнаго вмѣша-

*) Ib.

тельства жизни и особенно дѣятельнаго участія мысли, не можетъ быть разрѣшенъ предоставленными самимъ себѣ, хотя бы и свободными личностями. Не могутъ быть разрѣшены эти задачи,—по крайней мѣрѣ, при данномъ уровнѣ человѣческаго развитія,—и свободными соединеніями большаго или меньшаго числа личностей въ кружки, общества и союзы. Онѣ могутъ быть разрѣшены и осуществлены лишь всѣмъ народомъ, объединеннымъ въ государство, и всѣмъ населеніемъ той или иной территории, объединеннымъ въ общину. Поэтому не только для того, чтобы обезпечить свободу, но и для того, чтобы дѣйствительно сочетать мысль съ жизнью, необходимы еще „учрежденія“. И эти учрежденія должны быть таковы, чтобы на всѣхъ ступеняхъ — сверху до низу—они обезпечивали свободное выраженіе и гармоническое сочетаніе идей и интересовъ, потребностей и идеаловъ. Нечего и говорить, что такими учрежденіями въ настоящее время могутъ быть учрежденія только представительныя. Понятны, поэтому, та настойчивость и та энергія, съ какими добивается ихъ сейчасъ страна.

Два мѣсяца тому назадъ такія учрежденія были, наконецъ, русскому народу обѣщаны. Выполненіе этого обѣщанія довольно многіе,—какъ мы знаемъ,—по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, считали очень близкимъ и вполне обезпеченнымъ. Послѣ того надежды эти очень и очень поблекли, и если бы не переданныя костромскимъ предводителемъ дворянства слова гоеударя о томъ, что воля его созвать народныхъ представителей непреклонна, то и вовсе, пожалуй, исчезли бы. Достаточно сказать, что особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ А.Г.Булыгина,долженствующее „обсудить пути осуществленія“ этого преобразованія, до сихъ поръ не созвано, да и неизвѣстно еще, изъ кого оно, въ концѣ концовъ, составитъ. Въ отгѣтъ на нетерпѣливыя реплики газетъ по этому поводу, 18 марта появилось правительственное сообщеніе. Оказалось, что предсѣдатель совѣщанія уже „приступилъ къ соображенію во вѣренномъ ему министерствѣ относящихся къ дѣлу матеріаловъ, освѣщающихъ важнѣйшія стороны подлежащаго разрѣшенію вопроса“. Но такъ какъ эти матеріалы, какъ и слѣдовало ожидать, „отличаются разнообразіемъ взглядовъ и сужденій“, каковое разнообразіе легко можетъ проявиться и въ совѣщаніи, то министръ внутреннихъ дѣлъ принялъ на себя трудъ заранѣе устранить возможность „значительнаго и, быть можетъ, существеннаго различія во взглядахъ на многія стороны подлежащаго обсужденію предмета“. Въ этихъ видахъ онъ призналъ необходимымъ приступить нынѣ же къ составленію „первоначальныхъ соображеній“ объ „основаніяхъ“ предполагаемой реформы, съ тѣмъ, чтобы ихъ заранѣе, при посредствѣ совѣта министровъ, согласовать съ „общими видами правительства“ и лишь затѣмъ уже подвергнуть въ совѣщаніи „окончательной

разработкѣ“. Согласно этому плану, принципиальная сторона реформы будетъ предрѣшена министромъ внутреннихъ дѣлъ и совѣтомъ министровъ. Планъ этотъ оказался выѣстъ съ тѣмъ настолько сложнымъ, что ради выполненія его выяснилась надобность отсрочить созывъ совѣщанія еще, по крайней мѣрѣ, на „два—три мѣсяца“. Что касается самого представительнаго собранія, то, по расчетамъ однихъ комментаторовъ изложеннаго правительственнаго сообщенія, оно, при указанномъ планѣ можетъ быть созвано не ранѣе, какъ черезъ полтора года, по соображеніямъ же другихъ—въ еще болѣе отдаленномъ и даже вовсе неопредѣленномъ будущемъ. Горячія статьи въ газетахъ и настойчивыя представленія многихъ учреждений, указывавшихъ на невозможность медлить съ созывомъ народныхъ представителей, повидимому, нисколько не повліяли на выполненіе этого плана. По крайней мѣрѣ, когда я пишу эти строки, подъ строгимъ покровомъ канцелярской тайны продолжается еще „соображеніе относящихся къ дѣлу матеріаловъ“ и „составленіе первоначальныхъ соображеній“, долженствующихъ предвосхитить главный смыслъ работъ особаго совѣщанія. Газетные репортеры обѣщали, что къ Пасхѣ будетъ обнародовано новое правительственное сообщеніе по этому предмету, изъ коего будетъ ясно, что „два—три мѣсяца“ дѣйствительно окончатся въ іюнѣ, когда совѣщаніе, наконецъ, и будетъ созвано. Но вотъ и Пасха прошла, а о совѣщаніи ни слуху—ни духу.

Во всякомъ случаѣ пока Улита ѣдетъ...

VII.

Поставленный на очередь вопросъ о представительствѣ не можетъ, однако, быть снятъ бюрократіей, потому что и поставленъ онъ не ею, а жизнью. Онъ уже приковалъ къ себѣ общее вниманіе, и за послѣдніе два мѣсяца и въ обществѣ, и печати, можно сказать, только и разговоровъ, что объ основахъ представительства. Сами по себѣ эти разговоры двинуть, конечно, ничего не могутъ, но и за всѣмъ тѣмъ они представляются въ высшей степени важными и для дальнѣйшаго хода внутренней жизни крайне характерными.

Въ первомъ періодѣ освободительнаго движенія, пока вопросъ о представительствѣ мыслился въ своей отвлеченной формѣ, въ видѣ именно какъ бы Улиты, которая, хотя и ѣдетъ, но неизвѣстно еще когда будетъ, все русское общество дѣлилось въ сущности на два лагеря: на сторонниковъ и противниковъ существующаго режима; внутреннія и при томъ очень существенныя разногласія хотя и чувствовались, но съ ними до поры-до времени не особенно считались. Но вотъ ряды первыхъ съ по-

ражающею быстротою начали таять, силы послѣднихъ съ еще большею быстротою—нарастать. Жизнь и мысль подвергли такой уничтожающей критикѣ существующій государственный укладъ, что дальнѣйшее существованіе его сдѣлалось невозможнымъ. На горизонтѣ обрисовался новый „усовершенствованный государственный порядокъ“. Съ каждымъ днемъ онъ становится ближе, и основной вопросъ будущаго государственнаго устройства—вопросъ о представительствѣ—уже всталъ передъ русскимъ обществомъ въ видѣ конкретной задачи. Всѣ общественныя силы должны теперь совершенно точно опредѣлить свое отношеніе къ нему, и вполне понятно, что внутреннія разногласія должны при этомъ неизбежно вскрыться. Въ томъ и другомъ лагерѣ уже началось дифференцированіе, распаденіе на обособленныя группы, на „партіи“.

Говорить о партіяхъ, можетъ быть, и преждевременно. Вопросъ о представительствѣ — основной вопросъ, но далеко не единственный, которымъ опредѣлится, въ концѣ концовъ, группировка общественныхъ силъ въ странѣ. Не менѣе существенныя разногласія могутъ вскрыться и въ вопросѣ о вольностяхъ. Несомнѣнны разногласія и въ отношеніяхъ къ культурно-просвѣтительнымъ задачамъ. Еще большую роль въ данномъ случаѣ сыграютъ, конечно, социальныя вопросы, рѣшать которые придется въ неразрывной связи съ политическими. Неизбѣжно поэтому, дальнѣйшее дифференцированіе, предстоятъ еще новыя перегруппировки. Основныя черты наиболѣе крупныхъ партійныхъ подраздѣленій должны, однако, опредѣлиться теперь же, такъ какъ всѣ указанные мною вопросы органически между собою связаны. И какъ ни туманны еще контуры нарождающихся партій, какъ ни велика еще программная разногласица и какъ ни много еще всякихъ недоразумѣній,—кое-что разсмотрѣть уже можно.

Необходимо замѣтить, что рескриптъ отъ 18 февраля, официально признавшій неизбежность представительныхъ учреждений, захватилъ врасплохъ русское общество, слишкомъ привыкшее мыслить эти учрежденія въ туманной дали и представлять ихъ себѣ въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ. Въ печати, по крайней мѣрѣ, это было очень замѣтно. Многіе сгоряча высказали такіе взгляды, которые радикально пришлось измѣнить впоследствии; другіе довольно долго оставались какъ бы въ нерѣшительности и всячески обходили вопросы, которые могли сдѣлаться спорными. Но особенно большая растерянность и сумятица замѣтны были въ той части прессы, которая расположилась между двумя стульями. Въ газетахъ этого лагеря появились прямо таки удивительные проекты, высказывались самыя несообразныя сужденія. Двѣ ноты, однако, и въ этой части печати сразу прозвучали совершенно опредѣленно:

Народъ идетъ,—провозгласило уже 21 февраля „Слово“. Довольно намъ думать и говорить, что онъ не дозрѣлъ, что онъ самъ не знаетъ своихъ нуждъ, что „образованные“ разночинцы и разноплеменцы лучше все выискивать и добьются того, что ему нужно, довольно этихъ крокодиловыхъ слезъ и скорби. Народъ русскій самъ сумѣетъ сказать, что ему нужно, онъ самъ сумѣетъ постоять за свое дѣло, если не мѣшать ему. И это твердо, неумолимо твердо нужно помнить при обсужденіи путей осуществленія возвышеннаго представительства народа. Пусть нашъ кормилецъ-крестьянинъ самъ расскажетъ свою великую земельную думу, пусть труженикъ-рабочій раскроетъ нужды своего мозотистаго труда, какъ сдѣлаютъ это каждый за себя, купецъ или дворянинъ. Не нужно довѣренныхъ разночинцевъ. Руки прочь!

„Не пущать интеллигенцію!“—это былъ почти рефлексивный крикъ, раздавшійся изъ національ-прогрессивнаго, какъ онъ сталъ называть себя потомъ, лагеря. Нѣкоторые органы доходили въ этомъ крикѣ прямо до какого то неистовства. Есть националистская „ежедневная“ газета „Заря“, издаваемая въ Петербургѣ г. Ярмонкинымъ и посвященная по преимуществу сыску и доносительству. Выходитъ она не періодически, — очевидно, по мѣрѣ накопленія соотвѣтствующаго матеріала, и продается ниже своей номинальной цѣны—должно быть, въ видахъ пріохочиванія къ этому сорту литературы падкой на дешевку публики. „Новая газета „Заря“—выкрикиваютъ спеціально нанятые для этого газетчики:—вмѣсто пяти коп.—три копейки!“ У меня случайно сохранился номеръ этой газеты отъ 27 февраля (232-й по счету за два или за три года изданія).

Въ виду тѣхъ повальныхъ мерзостей, которыми заклемила себя въ послѣднее время такъ называемая „русская“ интеллигенція—можно прочесть въ передовой статьѣ этого номера — заграничная независимая печать говорить, что до такого позора еще не доживала ни одна страна, до котораго дожила Россія... Грубое заблужденіе заграничной печати заключается въ томъ, что она совершенно не понимаетъ, изъ чего составляется такъ называемая „русская“ интеллигенція. Въ каждомъ кружкѣ, въ каждомъ оппозиціонномъ обществѣ на сто такъ называемыхъ „русскихъ“ интеллигентовъ, находится 10 поляковъ, 10 прибалтійцевъ, 5 финляндцевъ, 5 армянъ и 15 евреевъ; затѣмъ 10 поляковъ во второмъ поколѣніи, 5 финляндцевъ, 10 прибалтійцевъ, 5 армянъ также во второмъ поколѣніи и 15 крещеныхъ евреевъ. Такимъ образомъ на 100 „русскихъ“ интеллигентовъ, хорошо, если придется 10 русскихъ, а то всѣ остальные интернаціоналы. Какого же патриотизма можно ожидать отъ этой амальгамы? Да они готовы продать Россію гораздо дешевле, чѣмъ Іуда продалъ Христа... Великій актъ настоящаго царствованія, даровавшій русскому народу право избранія и посылки ходоковъ къ Царю, былъ принятъ съ глубокою радостью всѣми русскими сердцами, а въ лагерь такъ называемой „русской“ интеллигенціи онъ произвелъ смятеніе, какъ свѣтъ Божій производить смятеніе въ скопищъ преступниковъ, заставъ ихъ на мѣстѣ преступленія... Да, наступилъ моментъ переоцѣнки всѣхъ положеній, и Россія приметъ рѣшительныя мѣры противъ интернаціоналовъ, которые систематически губятъ ея жизнь!..

Едва ли нужно говорить, что въ этомъ хорѣ „Новое Время“, давно уже специализировавшееся на травлѣ „разночинцевъ и

разноплеменцевъ“, занимало далеко не послѣднее мѣсто. Оно скоро, однако, сообразило, что одними криками, хотя бы и самыми неистовыми, отъ интеллигенціи не отдѣлаешься. Для этого нужны иныя мѣры, болѣе замысловатыя, въ поиски каковыхъ эта газета и ударилась. Но и за всѣмъ тѣмъ, даже въ концѣ марта въ ней можно было прочесть хотя бы такія строки:

...Время полумѣръ прошло безвозвратно. Система бюрократизма должна быть ликвидирована и народъ долженъ вступить въ свои права—участвовать въ разработкѣ законодательства, для него же составляемаго, проверять примѣненіе на немъ же законовъ, контролировать расходование колоссальныхъ суммъ, съ него же собираемыхъ... И чѣмъ скорѣе и искреннѣе приступлено будетъ къ ликвидаціи отжившей системы, сказавшейся вполнѣ несостоятельною, и чѣмъ шире будетъ удовлетворено право *всего народа*, а не *отдѣльныхъ кредиторовъ*, тѣмъ скорѣе восстановится довѣріе къ правительству, и тѣмъ скорѣе голосъ Россіи пріобрѣтетъ прежнее значеніе... И если правительство поддастся требованіямъ той ничтожной части интеллигенціи, которая гордится тѣмъ, что отреклась отъ отечества и потеряла понятіе о патріотизмѣ, которая застрашиваетъ все общество, хочеть оттереть сельское населеніе и всѣ низшіе классы, то мы будемъ имѣть право сказать, что оно вступило въ сдѣлку съ отдѣльными группами вымогателей во вредъ всему народу... Скажите откровенно, что же это, какъ не вымогательство всѣ эти бомбы и вооруженныя нападенія, вообще весь терроръ, который пріобрѣтаетъ право гражданства, и рядомъ съ тѣмъ петиціи разныхъ еврейскихъ обществъ, посылавшіяся въ комитетъ министровъ... Или что означаетъ забрасываніе министра внутреннѣхъ дѣлъ всевозможными проектами будущаго представительнаго собранія на основахъ *всеобщей, прямой* подачи голосовъ, *безъ различія національности и религіи*?.. Неужели же мы должны показывать видъ, что не понимаемъ, къ чему ведутъ всѣ эти требованія?.. Каждый классъ, каждое сословіе должно имѣть свободу избирать *изъ своей среды* кого пожелаютъ; но кто требуетъ предоставленія права петербургскому жителю быть представителемъ какой-либо отдаленной губерніи, въ которой онъ никогда даже не бывалъ, или еврею быть представителемъ христіанъ даже по церковнымъ дѣламъ, тотъ требуетъ именно *свободы обмана*... *)

Извиняюсь передъ читателями за эти обширныя выдержки. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ воочію видѣлъ „крокодиловы слезы“, какія льютъ націоналисты о бѣдномъ народѣ. Подумайте въ самомъ дѣлѣ: еврей—и вдругъ является представителемъ христіанъ „даже по церковнымъ дѣламъ!..“ Или и того, пожалуй, хуже: петербуржецъ представляетъ какую нибудь „отдаленную губернію, въ которой онъ никогда даже не бывалъ“ **). Бѣдные христіане! бѣдные „наши кормильцы“!.. Они, пожалуй, даже и не узнаютъ,—особенно при „всеобщей и прямой“ подачѣ голосовъ,—что ихъ права захватили эти „вымогатели“, среди которыхъ 10% поляковъ, 10% прибалтійцевъ... и т. д. по статистикѣ г. Ярмонкина. И какой ужасъ вмѣстѣ съ тѣмъ! Подумайте въ самомъ дѣлѣ: ми-

*) „Новое Время“, 28 марта. Курсивъ вездѣ подлинника.

**) Къ слову: петербуржцы, которыхъ особенно опасается „Новое Время“, чуть ли не всѣ уже побывали въ отдаленныхъ губерніяхъ, именно въ „отдаленныхъ“.

нистра внутренних дѣлъ забрасываютъ... всевозможными проектами будущаго представительнаго собранія. „Да они готовы продать Россію дешевле, чѣмъ Іуда продалъ Христа!“ Какъ хотите, но необходимо во что бы то ни стало отъ нихъ избавиться. При томъ же вѣдь это лишь „ничтожная часть“ интеллигенціи, это только тѣ, кто не участвуетъ вмѣстѣ съ „Новымъ Временемъ“ въ травлѣ инородцевъ или,—говоря высокимъ стилемъ націонализма,—„кто отрекся отъ отечества и потерялъ понятіе о патріотизмѣ“...

Избавиться, однако, необходимо и отъ народа.. Да, эта нота тоже совершенно явственно прозвучала и до сихъ поръ звучитъ во всѣхъ разсужденіяхъ націоналистовъ о представительствѣ и во всѣхъ ихъ на этотъ счетъ прожектахъ. Закричать на народъ, конечно, немислимо. Это такой звѣрь, передъ которымъ даже „Московскія Вѣдомости“ ходятъ на заднихъ лапкахъ. Недаромъ же вѣдь онѣ послѣ январскихъ событій для крестьянъ и рабочихъ скинули 9 руб. съ подписной платы, о чемъ и вѣщаютъ въ каждомъ номерѣ чуть не аршинными буквами. Даже кн. Мещерскій и тотъ о тяжкой долѣ народа льетъ неутѣшныя слезы... Но обойти этого звѣря можно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ уже безчисленное число разъ это удавалось. Въ эту сторону и была направлена вся изобрѣтательность.

Уже изъ приведенной выдержки видно, какъ своеобразно „Новое Время“ понимаетъ „право *всего народа*“. Прежде всего, этого права должны быть лишены, по его мнѣнію, всѣ инородцы, т. е. 33% всего населенія Россійской имперіи (не считая Финляндіи), а если къ числу инородцевъ отнести украинцевъ,—которыхъ оно также вѣдь травитъ,—то даже болѣе половины (51%—по даннымъ всеобщей переписи). Но и затѣмъ самая мысль о „всеобщемъ избирательномъ правѣ“ приводитъ нововременцевъ въ ужасъ. „Прежде всего,—заявилъ недавно г. Суворинъ,—необходимо отдѣлаться отъ всеобщаго избирательнаго права“ *). Таково первое условіе, которое онъ поставилъ своимъ единомышленникамъ, приглашая ихъ „объединиться“. Больше всего пугаетъ, конечно, равное право. Пустить же нѣсколько мужичковъ въ представительное собраніе и „Новое Время“ охотно готово. Для декораціи и для поддержанія престижа „народности“ это даже очень недурно.

Чѣмъ обусловлено это страстное желаніе не допустить къ участію въ представительныхъ учрежденіяхъ интеллигенцію и народъ,—понять не трудно. Защитники сословныхъ и классовыхъ привилегій хорошо, конечно, видятъ опасность, какая надвинулась на нихъ, и при томъ сразу съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, народъ вдругъ ни съ того ни съ сего началъ предъ-

*) „Новое Время“, 4 апрѣля.

являть свои „требованія“, грозящія сильно урѣзать и даже все свести на нѣтъ доходы правящихъ классовъ. Съ другой стороны, интеллигенція дѣлаетъ героическія усилія, чтобы пробиться, наконецъ, къ народу... Легко понять, что въ случаѣ объединенія этихъ силъ, многія изъ привилегій должны будутъ тотчасъ же исчезнуть. Между тѣмъ, существующій строй уже безсиленъ оказать имъ надлежащую защиту. Волею-неволею приходится соглашаться на его ликвидацію и искать себѣ спасенія въ новыхъ формахъ государственнаго устройства. Главная задача, какая стоитъ при этомъ передъ правящими классами, это предотвратить сліяніе народа и интеллигенціи и, вмѣсто старой, возвести новую стѣну между мыслью и жизнью. Всеобщее и равное избирательное право, въ особенности при прямомъ голосованіи, тѣмъ и страшно, что оно поставитъ лицомъ къ лицу интеллигенцію и народъ и, такимъ образомъ, дастъ возможность очень быстро выяснить и устранить взаимныя недоразумѣнія. Чтобы предотвратить это, необходимы такія формы представительныхъ учреждений, при которыхъ народъ и интеллигенція оставались бы разьединенными...

Рѣшительная, безапелляціонная мѣра для успокоенія страны,—читаемъ мы въ „Словѣ“ отъ 19 февраля, т. е. въ первый же день по опубликованіи рескрипта,—можетъ выработать только земскій соборъ, если ему, какъ это въ старину дѣлалось, самому предоставлять рѣшить, что нужно для умиротворенія Россіи. И когда земскій соборъ будетъ созданъ,—сама бюрократія будетъ поражена тѣми „мѣрами строгости“, которыя соборъ попроситъ Царя предпринять для устраненія всяческихъ безпорядковъ...

Какъ видите, даже не скрываютъ, для чего нужно представительное собраніе. Цѣль, такимъ образомъ, совершенно ясно поставлена, задача формулирована... Но и за всѣмъ тѣмъ разрѣшить ее, какъ оказалось, въ высшей степени трудно.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, устранить отъ выборовъ инородцевъ и, въ особенности, такихъ, какъ поляки, евреи, армяне и т. д., которые дадутъ, конечно, очень интеллигентный составъ представителей? Вѣдь даже „Московскія Вѣдомости“ находятъ, что „не звать инородцевъ безчестно, и они отъ такого замысла возстанутъ“ *). Еще труднѣе, конечно, отдѣлаться отъ мужика, который, если его допустить къ выборамъ, прямо подавить своею численностью. Но особенно трудно начертать такой проектъ представительства, который устранялъ бы и народъ, и интеллигенцію.

Одно время казалось, что этой цѣли можетъ исполнѣть удовлетворить сословная система выборовъ при непремѣнномъ, однако, соблюденіи двухъ условій: во 1-хъ, чтобы была соблюдена при этомъ „равноправность“ сословій и во 2-хъ, чтобы „каждый говорилъ за

*) „Московскія Вѣдомости“, 22 февраля.

себя". Формулу этой равноправности уже давно изготовило „Новое Время": „сто дворянъ, сто духовныхъ, сто купцовъ и сто крестьянъ"—вотъ каковъ можетъ быть составъ земскаго собора. И при этомъ непремѣнно всѣ должны избирать „изъ своей среды". Разночинная интеллигенція, утратившая уже свои сословныя связи, останется въ такомъ случаѣ не при чемъ. Что касается мужика, который будетъ „говорить за себя", то при косноязычии его это не опасно. Въ крайнемъ же случаѣ его можно подавить численностью: трое на одного—это вполне достаточная гарантія для правящихъ сословій.

Какъ ни соблазнительны эти перспективы, не трудно, однако, было понять, что въ наши дни чисто сословная избирательная система представляется явною нелѣпостью. Надо же, хотя немного, считаться съ реальнымъ соотношеніемъ силъ въ странѣ. Какъ не считаться, напримѣръ, хотя бы съ рабочими, уже засвидѣтельствовавшими свою готовность заплатить за политическія права своею кровью? Да и со „свободными профессіями" какъ-ни какъ, а необходимо считаться, ибо и онѣ представляютъ реальную силу. Выяснилась необходимость, поэтому, идти на компромиссъ. Даже „Новое Время", особенно горячо ратовавшее за сословность, вынуждено было сдаться и заявило, что необходимо „отыскать средній путь между отживающимъ началомъ сословности и безсословнымъ хаосомъ *). Такимъ „среднимъ путемъ", казалось, можетъ быть смѣшанная система въ видѣ представительства отъ сословій и классовъ или отъ сословій и учреждений, въ зависимости отъ того, интеллигенціи или рабочему народу предполагались уступки. Проектовъ въ этомъ смыслѣ появилось много, но не одинъ, однако, изъ нихъ не могъ до сихъ поръ „объединить" около себя сколько-нибудь значительной группы.

Было отъ чего придти въ уныніе, особенно, если принять во вниманіе, что демократически настроенная интеллигенція, объединенная знаменемъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, прямого и тайнаго голосованія, быстро собирала въ это же время свои кадры.

Слышали ли вы,—жаловался какъ-то г. Суворинъ,—о какихъ нибудь собраніяхъ партіи мирной реформы, гдѣ было бы нѣсколько сотъ человѣкъ или тысяча? Конечно, не слышали, потому что такихъ собраній не было. Но партія противоположная собираетъ не сотни, а тысячи, и всѣ тамъ говорятъ, разсуждаютъ, убѣждаютъ пламенно, спорятъ съ темпераментомъ настоящихъ ораторовъ, зажигаютъ сердца, волнуютъ и соединяютъ... Партіи дѣйствія,—говоритъ онъ дальше,—партіи требующія, протестующія, составляющія резолюціи—всѣ въ одно слово твердятъ объ учредительномъ собраніи и всеобщей, тайной подачѣ голосовъ для выборовъ. Въ сотняхъ, можетъ быть, въ тысячахъ резолюцій эта краткая формула повторяется съ неизмѣннымъ по-

*) „Новое Время", 6 апрѣля.

стоянствомъ, она сдѣлалась излюбленною, и она, что ни говорите, соединяетъ объединяетъ людей *)...

Партія же мирной реформы, какъ ее называетъ въ данномъ случаѣ г. Суворинъ, т. е. выбитые изъ позицій сторонники существующаго государственнаго и общественнаго строя собираются въ это время на „конспиративныхъ квартирахъ“.

Слово это,—поясняетъ г. Суворинъ,—какъ извѣстно, старое, время послѣднихъ годовъ царствованія Александра II, когда революціонеры собирались на „конспиративныхъ квартирахъ“. Теперь въ шутку конспиративными, заговорщическими квартирами называются роскошныя квартиры и хорошо отдѣланные кабинеты, гдѣ бывають сенаторы, члены государственнаго совѣта, богатые землевладѣльцы, земцы, предводители дворянства, вообще русскіе политики высокаго ранга и хорошаго положенія, служащіе и не служащіе. На этихъ конспиративныхъ квартирахъ ведутся бесѣды все о той же революціи,—какъ ее предотвратить и побѣдить.

Заговоръ противъ русской революціи, какой обсуждаютъ „политики высокаго ранга и хорошаго положенія“, до сихъ поръ подвигался, однако, туго. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству г. Суворина:

о „конспиративныхъ квартирахъ“ слышно что-то такое, что не имѣетъ опредѣленнаго значенія. Скорѣе тамъ все предполагается, чѣмъ „образуется“, и предполагается въ различныхъ формахъ облака, которое мѣняетъ свой видъ: то верблюдъ, то овца, то барыня въ чепцѣ...

Но на овцѣ и тѣмъ болѣе на барынѣ далеко не уѣдешь. Нуженъ именно верблюдъ, нѣчто въ своемъ родѣ совсѣмъ особенное, „самобытное“. Удрученный недостаткомъ творчества и активности въ окружающей его средѣ, г. Суворинъ началъ уже растерянно оглядываться по сторонамъ. „Я все думалъ,—говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ „маленькихъ писемъ“,—что вотъ выплывутъ люди, вотъ объявятся политическіе дѣятели съ твердыми и опредѣленными убѣжденіями, и спокойный прогрессивный элементъ общества признаетъ въ нихъ своихъ вождей“. Но именъ нѣтъ, нужны люди все не выплываютъ. „Все полуимена, какъ полудѣвы“. „Меня лично—заявилъ г. Суворинъ,—интересуетъ орловскій Стаховичъ“ **)...

Г. Стаховичъ! гдѣ же вы? отзовитесь!..

Но вотъ—о, радости!—г. Стаховичъ выплылъ, и не одинъ, а съ г. Шиповымъ. По классификаціи г. Суворина, это ужъ не „полудѣва“.

VIII.

Свѣтъ просіялъ изъ Москвы. Петербургъ на счетъ „самобытности“ вообще вѣдь слабъ. Правда, есть здѣсь обосновавшееся на трехъ китахъ и состоящее почти сплошь изъ сотрудниковъ

*) „Новое Время“, 2 апрѣля.

**) „Новое Время“, 8 апрѣля.

„Новаго Времени“ „Русское Собрание“... Но это „что-то межеумочное и безсильное“,—по крайней мѣрѣ, такъ отзывался теперь о немъ г. Суворинъ, усердно покровительствовавшій ему въ счастливые и безмятежные дни В. К. Плеве. Москва же всегда была богата самобытными политиками, если и не всегда „высокаго ранга“, то въ большинствѣ родовитаго происхожденія и во всякомъ случаѣ очень „хорошаго положенія“. Теперь же она сдѣлалась прямо-таки „средоточіемъ русской политической мысли“. И сдѣлалась какъ-то вдругъ, совершенно неожиданно.

Началось съ того, что собравшіеся въ Москвѣ губернскіе предводители дворянства, въ числѣ 20—25 человекъ, обнародовали 16 марта свою декларацію. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Д. Н. Шиповъ уклонится отъ участія въ общеземскомъ апрѣльскомъ съѣздѣ и что онъ, соединившись съ кн. П. Н. Трубецкимъ и Н. А. Хомяковымъ, организуетъ свою партію и устраиваетъ свой земскій съѣздъ. Затѣмъ изъ Москвы такъ и посыпались извѣстія о новыхъ партіяхъ. Замелькали имена уже менѣе почтенныхъ и даже вовсе не почтенныхъ дѣятелей, въ качествѣ организаторовъ: Герье и Воскресенскій, кн. Голицынъ и фонъ-Вендрихъ, Найденовъ и Булочкинъ, Плевако и Шмаковъ, Казецкій и Шараповъ. И всѣ они какъ-то перемѣшались. Нѣкоторые изъ петербургскихъ литераторовъ ѣздили даже нарочно въ Москву, чтобы хотя сколько-нибудь разобраться въ этой путаницѣ. Добытыя ими свѣдѣнія заставляютъ думать, что всѣ названныя лица, отъ Шипова и Трубецкого до Шмакова и Казецкаго, хлопчутъ надъ организаціей, повидимому, одной и той же партіи. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что Н. А. Хомяковъ ко всѣмъ начинаніямъ этого рода имѣетъ то или иное касательство.

Кто съ кѣмъ, въ концѣ концовъ, объединится и кто отъ кого окончательно откестится (а откещиваться уже начали), мы увидимъ впослѣдствіи. Сейчасъ же для насъ важно познакомиться съ основными чертами организуемой партіи, и для этого мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи крайне цѣнные документы въ видѣ упомянутой уже дворянской деклараціи и напечатанной въ „Словѣ“ обширной записки Д. Н. Шипова, составленной имъ, по совѣщаніи съ кн. П. Н. Трубецкимъ, кн. В. М. Голицынымъ, М. А. Стаховичемъ, В. И. Герье, Н. А. Хомяковымъ, кн. Г. Г. Гагаринымъ, въ сотрудничествѣ съ О. Н. Герасимовымъ. Не лишне будетъ при этомъ отмѣтить, что „основныя положенія“, опубликованныя губернскими предводителями дворянства, выработаны гг. Шиповымъ и Хомяковымъ. „Мы, — объявилъ послѣдній сотруднику „Руси“ г. Шебуеву, —предложили съѣзду уже готовыя формулы, и онѣ прошли. Теперь же мы проводимъ ихъ подъ ихъ фирмой“ *). Такимъ образомъ, записку Д. Н. Шипова, по крайней

*) „Русь“, 15 апрѣля.

мѣръ, въ одной ея части мы можемъ разсматривать, какъ развитое изложене принятыхъ дворянскимъ съѣздомъ положеній.

Главную цѣль своего объединенія москвичи, какъ и петербургскіе націоналисты, ставятъ борьбу съ революціей, борьбу со всѣми, кто окажется влѣво отъ нихъ. Что касается борьбы вправо, то они считаютъ ее поконченной. ✓

Время порицанія существующихъ порядковъ и общаго нестроенія, имъ порожденнаго, — читаемъ мы въ дворянской деклараціи, — прошло. Теперь надлежитъ всѣмъ русскимъ людямъ объединиться на работѣ созидательной и тѣмъ откликнуться на призывъ Царя. Люди порядка и законности, независимо отъ различія ихъ политическихъ взглядовъ, должны сознать, что только ихъ спокойная, трезвая работа можетъ умиротворить смущенные умы. Но этого мало: *вступая въ новую гражданскую жизнь, не должно скрывать отъ себя что впереди предстоитъ не только работа, но и борьба* *).

Для себя гг. дворяне все уже добыли, и поэтому они спѣшатъ перейти въ правительство. Вместе съ тѣмъ они изъявляютъ готовность принять участіе и во всѣхъ функціяхъ послѣдняго: отъ умиротворенія смущенныхъ умовъ и вплоть до борьбы со всѣми, кто продолжаетъ оставаться въ оппозиціи. Для этого-то именно они и спѣшатъ объединиться.

Къ трудной задачѣ, которую — какъ мы видѣли — оказались безсильны разрѣшить петербургскіе націоналисты, гг. дворяне подошли совсѣмъ съ другой стороны.

Въ средѣ общественныхъ дѣятелей, — читаемъ мы въ ихъ заявленіи въ непосредственной связи съ только что процитированнымъ мѣстомъ, — существуютъ весьма значительная, сильная по своему личному составу, сплоченная группа сторонниковъ западно-европейскихъ теорій конституціоннаго образа правленія. Нѣтъ сомнѣній, что группа эта будетъ проводить свои взгляды въ общественныхъ собраніяхъ и приложить всѣ старанія къ тому, чтобы дать предстоящимъ государственнымъ реформамъ направленіе строго конституціонное. Съ этимъ, по мнѣнію нашему, надлежитъ бороться, проводя въ общественное сознаніе необходимость объединенія на почвѣ рескрипта 18 февраля, провозгласившаго возрожденіе нашего отечества на основѣ самодержавія при народномъ представительствѣ.

Главнымъ объектомъ борьбы гг. дворяне ставятъ, такимъ образомъ, вопросъ о правахъ будущаго представительнаго собранія. По существу этого вопроса съ нимъ безусловно солидарны и петербургскіе „заговорщики“. Но у тѣхъ, увлекшихся избирательной системой, этотъ вопросъ все время какъ-то оставался въ тѣни. Живя у „окна въ Европу“, они слишкомъ привыкли засматривать въ него и упустили изъ виду, что въ русскомъ національномъ запасѣ по части представительства есть, дѣйствительно, нѣчто вполне самобытное. Г. Суворинъ, правда, славянофильскую

*) Цитирую по „Русскимъ Вѣдомостямъ“ отъ 16 марта. Курсивъ принадлежитъ подлиннику, и это — единственное мѣсто, которое въ немъ подчеркнуто.

теорію помнилъ, но по надлежащему оцѣнить ее не сумѣлъ. Наставая на „земскомъ соборѣ“, онъ больше о названіи хлопоталъ: „названіе-де вещь очень важная“ *), но суть этой важности такъ и не могъ разъяснить.

Собравшіеся же въ Москвѣ дворяне воспользовались самою сутью той самобытности, которую такъ долго хранила и лелеяла Москва. Название это—пустяки, сказали гг. предводители. Главное же, это—то, чтобы представительное собраніе отнюдь не имѣло власти; оно должно лишь „служить непосредственному приближенію къ государю народной мысли и общественнаго мнѣнія“. Въ этомъ и заключается та самобытность, которою Россія должна міръ удивить.

Мы думаемъ,—пишутъ дворяне,—что западно-европейскія формы государственности отнюдь не исключаютъ возможности иныхъ, ибо врядъ ли основательно полагать, что политическое творчество народовъ сказало свое послѣднее слово въ области государственнаго строительства. Мы признаемъ, что величайшее въ мірѣ государство способно и должно выработать самобытную форму правленія...

„Величайшее въ мірѣ государство“—это, можетъ быть, и убѣдительно для тѣхъ, кто одержимъ чувствомъ „народной гордости“,—той гордости, которая нашла себѣ исчерпывающее выраженіе въ извѣстной формулѣ: „шапками закидаемъ“. Но доводъ, начинающійся словомъ „врядъ ли“, едва ли годится для обоснованія какой-либо политической программы, кромѣ развѣ программы политическаго авантюризма. Да и суть вопроса совсѣмъ не въ томъ, изсякло или нѣтъ политическое творчество народовъ. „Конституціоналисты“ никогда не говорили,—хотя это и утверждаетъ г. Шиповъ,—что будто бы „всякое дальнѣйшее политическое творчество кончилось, и ничего, кромѣ западнаго парламентаризма, ни одинъ народъ для себя создать не можетъ“. Напротивъ, очень многіе изъ нихъ провидятъ въ будущемъ несравненно болѣе совершенныя формы политической жизни, способныя лучше, чѣмъ парламентаризмъ, обезпечить демократическій режимъ. Зачатки такихъ формъ имѣются даже въ жизни,—хотя бы въ видѣ референдума. Еще лучше эти формы извѣстны теоретической мысли. И если бы гг. предводители, вкупѣ съ г. Шиповымъ, предложили что-нибудь въ этомъ родѣ, то, можетъ быть, они увлекли бы даже конституціоналистовъ. Но въ томъ-то и дѣло, что даже сами они не рѣшаются утверждать, что ихъ „самобытная форма“ лучше западно-европейскихъ. И несомнѣнно, что она не опережаетъ, а отстаетъ отъ нихъ. Попытки учрежденія законосовѣтательныхъ собраній, подъ давленіемъ общественныхъ требованій, въ исторіи уже бывали, но всегда это былъ только этапъ, и при томъ очень недолговременный на пути къ парламентаризму. Или же это

*) „Новое Время“ 2 апрѣля.

былъ дымъ, быстро разсѣивавшійся, какъ только потухалъ породившій его огонь. „Самобытную форму“ нельзя поэтому разсматривать иначе, какъ компромиссъ. Принципиально защищать ее невозможно; ее можно отстаивать лишь чисто оппортунистическими доводами.

И дѣйствительно, предводители дворянства въ своей деклараціи въ качествѣ послѣдняго аргумента ссылаются на соответствіе предлагаемой ими формы правленія съ „духовными, бытовыми, географическими и иными условіями“ русскаго государства. Развѣтію и обоснованію этого положенія и посвящена, главнымъ образомъ, первая часть записки г. Шипова. Въ чемъ, однако, заключаются эти условія, ни предводители, ни г. Шиповъ не указываютъ, за исключеніемъ ссылки первыхъ — на „міровоззрѣніе большинства населенія“ и послѣдняго — на „міровоззрѣніе русскаго народа“. Какъ они опредѣлили это міровоззрѣніе, я не знаю. Думаю, однако, что міровоззрѣніе „большинства населенія“ и „русскаго народа“ далеко не равнозначны. Нельзя взять массы и на невѣжествѣ ихъ строить государственную систему. Отмѣна, на примѣръ, всѣхъ податей тоже „будетъ встрѣчена сочувствіемъ большинства населенія“, но это еще не значитъ, конечно, что русскій народъ въ цѣломъ отказывается отъ всякаго государственнаго и общественнаго хозяйства. Едва ли также гг. дворяне вопросъ о собственномъ существованіи согласились бы поставить въ зависимость отъ „міровоззрѣнія большинства населенія“. И если они ставятъ въ зависимость отъ этого фактора форму правленія, то не значитъ ли это, что они ищутъ въ данномъ случаѣ поддержки въ той самой „темной силѣ“, на которую возложили всѣ свои упованія и „Московскія Вѣдомости“?

Съ міровоззрѣніемъ же „русскаго народа“ считается, несомнѣнно, нужно. Но, чтобы выяснить это міровоззрѣніе, одной ариеметики мало. Для этого нужно вѣдь взять не невѣжественныя только массы, а весь народъ, всѣ классы, всѣ сословія и при томъ въ совершенно свободномъ общеніи ихъ между собою. Міровоззрѣніе народа опредѣлится при этомъ, какъ результатъ взаимодѣйствія имѣющихся въ странѣ интересовъ и циркулирующихъ въ ней идей, и едва ли можно сомнѣваться, что оно будетъ очень сильно отличаться отъ теперешняго „міровоззрѣнія большинства населенія“. Міровоззрѣніе русскаго народа мы узнаемъ не прежде, чѣмъ будетъ организовано представительство на широкихъ демократическихъ началахъ. Однако, и теперь можно утверждать, что едва ли оно будетъ благоприятно „самобытной формѣ“.

Аргументируя послѣднюю, г. Шиповъ ссылается еще на историческія условія, хотя и не опредѣляетъ ихъ конкретно. Онъ разумѣетъ, повидимому, самодержавіе, представляющее, несомнѣнно, историческій фактъ русской жизни. При этомъ онъ при-

водить, между прочимъ, нижеоцдующія выдержки изъ сочиненія Дж. Брайса (Америк. республика, т. I, стр. 27 и 33).

Американская конституція не представляетъ исключенія изъ того общаго правила, что всякая власть, способная внушать готовность къ повиновенію и уваженію, должна имѣть глубокіе корни въ прошломъ страны, что чѣмъ медленнѣе созрѣваютъ государственныя учрежденія, тѣмъ болѣе можно разсчитывать на ихъ прочность.

Почти всѣ статьи федеральной конституціи, оказавшіяся полезными на практикѣ, были заимствованы изъ которой-нибудь изъ мѣстныхъ конституцій, а почти всѣ, оказавшіяся негодными на практикѣ, были придуманы самими членами конвента по недостатку прецедентовъ.

Исходя изъ этихъ положеній, г. Шиповъ утверждаетъ, что всѣ написанныя по западному образцу конституціи окажутся у насъ „негодными на практикѣ“, такъ какъ явятся по отношенію къ нашему быту и строю, придуманными по недостатку прецедентовъ.

Поэтому то онъ и желаетъ „замедлить“ ходъ русской жизни. Но зачѣмъ же онъ придумываетъ „самобытную форму“, для которой не было не только у насъ, но и во всемъ мірѣ, прецедентовъ. Впрочемъ, онъ можетъ, конечно, сослаться на пресловутые „земскіе соборы“. Но отчего же, въ такомъ случаѣ, не искать еще болѣе „глубокихъ корней“—напримѣръ, въ вѣчевыхъ собраніяхъ?

У насъ нѣтъ, конечно, „мѣстныхъ конституцій“, изъ которыхъ можно было бы заимствовать статьи, полезныя для практики. Но у насъ есть... ну хоть земское положеніе. Что сказалъ бы г. Шиповъ, если бы вся роль земскихъ собраній ограничивалась „приближеніемъ“ къ губернатору „народной мысли и общественнаго мнѣнія“? Что сказали бы крестьяне, если бы ихъ собирали на сходку для того, чтобы послѣдняя служила лишь „выраженіемъ“ дѣйствительнаго направленія и силы общественнаго мнѣнія“, опираясь на которое, урядникъ могъ бы получить „необходимый ему нравственный авторитетъ“? Не отстаивалъ ли самъ г. Шиповъ всегда самостоятельности общественныхъ учреждений и не требовалъ ли онъ для нихъ не только права мнѣнія, но и власти? И нельзя ли въ этой общественной борьбѣ, въ которой онъ принималъ участіе, видѣть нѣкоторый прецедентъ для будущаго представительнаго собранія?

У Брайса г. Шиповъ заимствуетъ, впрочемъ, и еще одинъ полезный для „самобытной формы“ афоризмъ:

Рядъ мелкихъ улучшеній, сдѣланныхъ сообразно съ существующими условіями и привычками, долженъ, по всему вѣроятію, оказаться болѣе полезнымъ, чѣмъ подробно выработанная система, которая вся придумана однимъ разомъ, съ цѣлью добросовѣстно примѣнять ее на практикѣ.

Поэтому то г. Шиповъ и не желаетъ измѣнять системы. Оставляя „историческій фактъ“ въ полной его неприкосновен-

ности, онъ желаетъ ограничить всю реформу лишь мелкими улучшениями.

Отчего же, однако, множество мелкихъ улучшеній, имѣвшихъ цѣлью усовершенствовать бюрократическій строй, оказались, въ концѣ концовъ, бесполезными и безсильными, чтобы спасти его отъ крушенія? И почему г. Шиповъ не предлагаетъ мелкихъ улучшеній всецѣло въ духъ этого строя, а поддерживаетъ принципиально противоположное ему и не имѣющее въ сферѣ русской государственной жизни прецедентовъ представительство? Вѣдь не только самодержавіе, но и „средостѣіе“ представляетъ историческій фактъ и „существующее условіе“. Вѣдь и бюрократическій режимъ вошелъ уже въ „привычку“...

Этими бѣглыми репликами я отнюдь не думаю исчерпать возраженій, которыя можно предъявить противъ аргументаціи г. Шипова. Я хорошо сознаю, что записка послѣдняго заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго разбора, и къ ней „Русское Богатство“, вѣроятно, еще вернется въ отдѣльной статьѣ. Для меня же, въ данномъ мѣстѣ, важно лишь установить, что новая партія сознательно стремится „замедлить“ ходъ русской исторіи, и что предлагаемая ею „самобытная форма правленія“, по признанію даже ея теоретиковъ, представляетъ „мелкое улучшеніе“. Около г. Шипова собрались сознательные оппортунисты.

Не смотря на идеологическій туманъ, какимъ имъ удалось окружить „самобытную форму“, не трудно разсмотрѣть тѣ „условія“ и тѣ „привычки“, которыми обусловлено появленіе новой партіи на политической аренѣ. Не случайность, что ея организаторами явились предводители дворянства... Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ вѣдь идетъ не только объ его сословныхъ привилегіяхъ, но и, можетъ быть, о матеріальной основѣ дворянской жизни. Вѣдь помѣстное дворянство можетъ исчезнуть не только какъ сословіе, но и какъ классъ крупныхъ землевладѣльцевъ. вмѣстѣ съ тѣмъ оно можетъ потерять и политическую власть, которою пользовалось не только въ мѣстной, но и въ государственной жизни. Вполнѣ понятно также, что къ гг. предводителямъ изъявили уже желаніе присоединиться гг. Булочкинъ и Найденовъ, пользующіеся и при данномъ строѣ довольно хорошимъ „положеніемъ“. Вполнѣ естественно, что дворянство и крупное купечество не желаютъ идти дальше и хотятъ сохранить возможно большую часть изъ своихъ „историческихъ“ правъ и достаточно благоприятныхъ для нихъ „существующихъ условій“.

Руководящее участіе, какое приняли на себя представители просвѣщеннаго и благороднаго сословія въ организаціи новой партіи, имѣло самыя благоприятныя для нея послѣдствія. Изступленныхъ криковъ изъ этой среды, конечно, совсѣмъ слышно не было. Вся программная работа происходила вдали отъ уличнаго гама, въ „роскошныхъ квартирахъ и хорошо отдѣланныхъ каби-

нотах". Когда же программа была вынесена, наконец, на улицу, то оказалось, что она имѣетъ самыя благородныя формы. Посмотрите, напримѣръ, какъ удачно московскіе организаторы разрѣшили хотя бы вопросъ объ интеллигенціи. „Руки прочь!“ — они не кричали. Напротивъ, они сказали: „честь вамъ и мѣсто“. „Народной мысли и общественному мнѣнію“ они открыли широкій путь въ представительство. Но они указали имъ такое направление, которое не можетъ быть особенно опасно привилегіямъ...

Не менѣе удачно будетъ, повидимому, разрѣшенъ и вопросъ о народѣ. Судя по газетамъ, полного соглашенія между организаторами по этому вопросу еще не послѣдовало и, вѣроятно, поэтому въ дворянской деклараціи объ избирательной системѣ не говорится ни слова. Въ запискѣ же г. Шипова данъ детально разработанный проектъ представительства, охватывающій не только государственныя, но и мѣстныя учрежденія. „Народное представительство, — говоритъ г. Шиповъ, — должно быть построено не на всеобщемъ и прямомъ избирательномъ правѣ, а на основѣ реорганизованнаго представительства въ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправления“. Вообще это должно быть представительство не народа, а учрежденій, — и даже на самомъ низу — представительство семей, а не лицъ. По крайней мѣрѣ, крестьянъ г. Шиповъ проектируетъ надѣлать избирательными правами не лично, а подворно. Самыя учрежденія должны быть организованы въ видѣ четырехъ ступеней: мелкая земская единица, уѣздное земство, губернское земство и государственный земскій совѣтъ. Собраніе мелкой земской единицы выбираетъ гласныхъ въ уѣздное собраніе, послѣднее — въ губернское, и только губернское собраніе посылаетъ представителей въ государственный земскій совѣтъ. Однако и въ мелкой земской единицѣ населеніе участвуетъ не непосредственно, а черезъ гласныхъ. Для выбора послѣднихъ устанавливается новая ступень представительства — избирательныя собранія. Но и въ нихъ непосредственно могутъ участвовать не всѣ жители, а только плательщики мѣстныхъ сборовъ, уплачивающіе таковыя съ суммы дохода не менѣе 300 рублей *), а также плательщики вновь проектируемаго для сельскихъ мѣстностей квартирнаго налога. Что касается семей, уплачивающихъ мѣстные налоги, но не имѣющихъ указаннаго ценза, а также всѣхъ крестьянъ, то они и въ избирательныхъ собраніяхъ могутъ участвовать не иначе, какъ при посредствѣ выборныхъ представителей. При этомъ 10 крестьянскихъ дворовъ приравниваются одной семьѣ, имѣющей 300 руб. дохода.

Такимъ образомъ, по проекту г. Шипова, для государствен-

*) При нынѣшнихъ оцѣнкахъ эта сумма можетъ иногда означать реальный доходъ въ 1500 рублей и болѣе.

наго представительства устанавливается не только цензовая система, но еще и четырехстепенная подача голосовъ, для крестьянъ же и мелкихъ владѣльцевъ—даже пятистепенная. Это, дѣйствительно, нѣчто вполне самобытное, и едва ли хоть одна „западноевропейская теорія“ предусматривала возможность такого представительства. Едва ли нужно даже говорить, какъ мало народа и народныхъ интересовъ при такой массѣ фильтровъ упадетъ въ государственный земскій совѣтъ, и какой строгій отборъ представителей при этой массѣ заставъ будетъ производиться. Впрочемъ, г. Шиповъ и не скрываетъ, что проектируемое имъ „представительство будетъ выраженіемъ не интересовъ, а мысли народной“. Что касается интересовъ, то они, очевидно, будутъ доходить инымъ путемъ...

Московская программа петербургскими націоналистами была встрѣчена очень сочувственно. По адресу московскихъ дѣятелей въ „Новомъ Времени“ появились восторженные комплименты.

Къ счастью,—читаемъ мы въ номеръ отъ 16 апрѣля, — нашлись земцы, имена которыхъ пользуются громкой, вполне заслуженной извѣстностью, и которые разъяснили намъ, что ноябрьскій сѣздъ въ Петербургѣ былъ вовсе не обще-земскимъ, а лишь партійнымъ... Къ чести русскаго земства нужно сказать, что именно наиболее сильные умомъ и твердостью духа земцы, съ Д. Н. Шиповымъ во главѣ, не пожелали превратиться въ слѣпое орудіе партіи политикановъ и открыто объявили себя противниками бюрократическаго самовластия, но отнюдь не врагами того государственнаго строя, который созданъ тысячелѣтной исторіей и отвѣчаетъ возрѣніямъ подавляющаго большинства русскаго народа.

Едва ли когда-нибудь раньше г. Шиповъ удостоивался такихъ комплиментовъ въ этой газетѣ. Однако, „Новое Время“ тутъ же отмѣтило, что относительно избирательной системы проектъ „недостаточно разработанъ“. На слѣдующій день оно пояснило свою мысль подробнѣе. Оказывается, что его взволновала та часть проекта г. Шипова, въ которой онъ „земской бюрократіи или такъ называемому третьему элементу“, въ качествѣ плательщиковъ квартирнаго налога, совершенно напрасно даетъ очень существенныя предъ крестьянами цензовыя преимущества^{*)}. Между тѣмъ, „Новое Время“ желало бы не только въ государственномъ земскомъ совѣтѣ, но и въ мелкой земской единицѣ не допустить интеллигенцію объединиться съ народомъ.

Среди „политиковъ высокаго ранга“, составляющихъ заговоръ въ „конспиративныхъ квартирахъ“, проектъ г. Шипова также

^{*)} „Новое Время“, 17 апрѣля. Не лишне будетъ замѣтить, что по проекту г. Шипова избирательными правами будетъ пользоваться только болѣе обезпеченная часть третьяго элемента, — только тѣ, которые платятъ за квартиру въ селахъ не менѣе 60 р. въ годъ или, при казенной квартирѣ, получаютъ жалованья не менѣе 300 р. Такимъ образомъ, значительная часть народныхъ учителей, фельдшеровъ, разныхъ писарей и письмоводителей окажется лишенной избирательныхъ правъ.

нашелъ себѣ сторонниковъ. Но здѣсь остались не довольны тѣмъ, что въ земскомъ государственномъ совѣтѣ авторъ не отвелъ надлежащаго числа мѣстъ сановнымъ чиновникамъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что и въ Москвѣ по вопросу объ избирательной системѣ окончательнаго соглашенія еще не состоялось. Гг. дворяне, напримѣръ, вѣроятно, найдутъ, что, приравнявъ одного помѣщика къ 10 мужикамъ, можно проторговаться, и поэтому потребуютъ за cadaго своего брата, по крайней мѣрѣ, цѣлое сельское общество.

Удастся ли сгладить эти разногласія и какой въ такомъ случаѣ приметъ видъ „вполнѣ разработанная“ программа начавшей складываться партіи,—сказать сейчасъ, конечно, трудно. Вполнѣ возможно, что нѣкоторые лица и отойдутъ еще въ сторону. Въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько странно вѣдь видѣть Д. Н. Шипова въ одной партіи съ Суворинымъ и Глинкой, съ Казецкимъ и Шаратовымъ. Онъ и самъ, повидимому, брезгливо относится къ начавшей собираться около него компанія.

— „Н. А. Хомяковъ думаетъ, — говорилъ онъ сотруднику „Руси“ г. Шебуеву, — что дѣло въ количествѣ и въ подготовкѣ „почвы“, поэтому и кликнулъ кличъ, на который отозвались, между прочимъ, и такія лица, съ которыми ни у меня, ни у него не можетъ быть ничего общаго“ *).

Дѣло, однако, очень скоро будетъ именно въ количествѣ — и тогда у г. Шипова не будетъ никакого выбора. Да и сейчасъ выбирать ему уже не изъ чего. Свою записку онъ, напримѣръ, долженъ былъ отдать въ „Слово“, въ которомъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей является г. Сыромятниковъ. Напомню также, что вѣдь это именно „Слово“ завопило прежде всѣхъ: „руки прочь“ — по адресу интеллигенціи.

Какъ бы то ни было, объединеніе петербургскаго націонализма и московскаго славянофильства, союзъ сановной бюрократіи и родовитаго дворянства не только вполнѣ возможны, но и вѣроятны. Выступать ли эти силы, въ концѣ концовъ, въ качествѣ одной сплоченной партіи или въ видѣ двухъ дружественныхъ между собою партійныхъ организацій — все равно: во всякомъ случаѣ это самые серьезные противники, съ которой придется считаться нарождающейся демократіи.

IX.

„Русскій сознательный человѣкъ волей-неволей долженъ брать изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно „последнее слово“, точно такъ, какъ онъ долженъ брать игольчатое, а не кремне-

*) Русь, 16 апрѣля.

вое ружье и т. д. *). Послушная этому неизбежному долгу, русская демократическая интеллигенция и въ вопросѣ о представительствѣ беретъ „последнее слово“. Съ этой точки зрѣнія она намѣчаетъ и права представительнаго собранія, и избирательную систему. Не изъ-за „мелкихъ улучшеній“ она борется. Какъ это ни странно, но, опредѣляя суть борьбы, она гораздо больше сходится съ „Московскими Вѣдомостями“, чѣмъ съ Д. Н. Шиповымъ и всѣми другими московскими славянофилами.

Въ Россіи, — говорятъ „Московскія Вѣдомости“, — въ настоящее время стоятъ другъ противъ друга двѣ элементарныя силы: Самодержавіе и Народовластіе. Борьба между ними уже началась, борьба на жизнь и на смерть Побѣдителемъ окажется тотъ принципъ, у котораго сейчасъ на лицо имѣется больше нравственной и физической силы. Въ концѣ концовъ Россія останется либо чисто самодержавною, либо народовластною (все равно, будетъ ли монархія конституціонно порабощена народу или республикански совершенно устранена **).

Борьба идетъ изъ-за принциповъ, а не изъ-за компромисса. Такой же принципиальной точки зрѣнія русская интеллигенція держится и въ вопросѣ объ избирательной системѣ. Какъ я упомянулъ, она уже выдвинула и горячо поддерживаетъ формулу всеобщаго и равнаго избирательнаго права при прямомъ и тайномъ голосованіи. Не лишне будетъ отмѣтить, что логическую необходимость такой именно системы, если представительство будетъ построено по „западно-европейскому“ образцу, признаетъ и г. Шиповъ.

Если представительство — говоритъ онъ въ своей запискѣ — должно служить выраженіемъ идеи народовластія и если въ основу реформы полагается принципъ раздѣленія государственной власти между монархомъ и представительнымъ собраніемъ, то логически необходимо построить избирательную систему на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ. Полное осуществленіе этой системы теперь же должно, конечно, встрѣтить цѣлый рядъ практическихъ затрудненій, съ которыми нельзя не считаться, но принципиально такое разрѣшеніе вопроса будетъ вполне правильнымъ и всѣ ближайшія мѣропріятія должны имѣть своею цѣлью устранить скорѣ временныя препятствія для возможно полнаго участія всего народа въ выборѣ своихъ представителей. Дѣйствительно, если исходить изъ положенія, что народное представительство призвано осуществлять власть, принадлежащую всему народу, какъ коллективному цѣлому, то неизбежно слѣдуетъ признать за каждымъ гражданиномъ, исключая несовершеннолѣтнихъ, психически больныхъ и опороченныхъ по суду, равное право на участіе въ выборахъ.

Избирательное право — есть прежде всего личное право каждаго гражданина — право самому опредѣлять свои общественныя и государственныя отношенія, т. е. одна изъ свободъ, и уже поэтому совершенно не правильно лишать этого права ту или иную группу гражданъ. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что при

*) „Волей-неволей!“ Сочиненія Гл. Успенскаго. Изд. 1897 г. т. 2 стр. 481.

**) „Московскія Вѣдомости“, 20 марта.

свободѣ совѣсти было бы воспрещено лицамъ, не обладающимъ определеннымъ имущественнымъ цензомъ, слѣдовать тому вѣроученію, которому они пожелаютъ; или, при свободѣ слова и собраний, было бы воспрещено не отдѣленнымъ, хотя бы и взрослымъ, сыновьямъ говорить публичныя рѣчи; или, наконецъ, при свободѣ печати для сочиненій, издаваемыхъ женщинами, была бы сохранена цензура. Стоитъ только поставить вопросъ такъ, и для каждого станетъ ясно, что избирательнымъ правомъ, какъ личнымъ правомъ, какъ „вольностью“, должны пользоваться всѣ граждане и пользоваться на равныхъ другъ съ другомъ основаніяхъ. И это независимо даже отъ того, будетъ ли представительство осуществлять народную волю или только выражать народное мнѣніе. Трудно даже понять, почему г. Шиповъ считаетъ возможнымъ для „самобытной формы“ сдѣлать исключеніе.

Но представительство не только цѣль, но и крайне важное средство, какъ для того, чтобы обезпечить всѣ другія вольности, такъ и для того, чтобы разрѣшать остальные задачи государственной жизни. И вотъ съ этой точки зрѣнія можетъ возникать и у многихъ, дѣйствительно, возникаетъ вопросъ, насколько проектируемое интеллигенціей представительство, съ широкими правами представительнаго собранія и съ привлеченіемъ народныхъ массъ къ участию въ выборахъ, можетъ оказаться полезнымъ въ качествѣ средства для выполненія тѣхъ или иныхъ цѣлей и въ частности, стало быть, для тѣхъ цѣлей, какія ставить интеллигенція. Не ошибается ли послѣдняя въ своихъ расчетахъ?

Чтобы лучше отвѣтить на этотъ вопросъ, я нѣсколько даже расширю его. Интеллигенція—говорятъ намъ—слишкомъ далеко забѣжала впередъ въ своемъ духовномъ развитіи и оторвалась отъ жизни, слѣдующей совсѣмъ инымъ темпомъ въ своей эволюціи. Идеалы русской интеллигенціи на много опередили народныя потребности, и она роковымъ образомъ осуждена поэтому на непониманіе ея массами. Таково обычное объясненіе очевиднаго для всѣхъ разлада между мыслью и жизнью, между идеалами „русскаго сознательнаго человѣка“ и окружающею его дѣйствительностью. Сама интеллигенція,—особенно въ періоды разочарованія и унынія,—склонна въ этомъ именно видѣть главную и чуть ли не единственную причину своего безсилія и своей оброченности. Да и сейчасъ эта струя усилившагося за годы безвременья оппортунизма далеко еще не изсякла. И теперь многіе готовы рѣзко,—чуть не до уровня „кремневаго ружья“—принизить свои идеалы, надѣясь приблизить ихъ такимъ путемъ къ жизни.

Я думаю, однако, что это объясненіе, помимо очевидной своей односторонности, таитъ въ себѣ еще крупное недоразумѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь вотъ игольчатое ружье мы усвоили. Да и не только игольчатое... Послѣ того, какъ Гл. И. Успенскимъ были написаны приведенныя мною строки, игольчатое ружье мы

замѣнили малокалиберной винтовкой, а эта послѣдняя уже уступила мѣсто ружью магазинному. Такимъ образомъ, въ этой области за „послѣднимъ словомъ изъ общечеловѣческаго опыта“ мы слѣдили довольно внимательно. Если и съ опозданіемъ, то очень небольшимъ, мы усвоили и бездымный порохъ, и стрѣльбу „пачками“... Къ этого рода „послѣднимъ словамъ“ русская жизнь оказывалась почему-то всегда подготовленной и усваивала ихъ лучше всѣхъ другихъ словъ изъ общечеловѣческаго лексикона. Возьмите хотя бы „эпоху реформъ“: почти всѣ „уставы“ и „положенія“, которыми обогатилась тогда русская жизнь, уже измѣнены до неузнаваемости, въ виду яко бы несоотвѣтствія ихъ съ русскими условіями, и только уставъ о всеобщей воинской повинности оказался вполне согласованнымъ съ нашими національными особенностями.

Пользуясь данными общечеловѣческаго опыта, русское правительство успѣло сосредоточить въ своемъ распоряженіи такіе громадныя вооруженныя силы, какими, конечно, никогда не располагало никакое другое правительство той же конструкціи.

Ихъ нельзя, конечно, и сравнивать съ силами Іоанна Безземельнаго, „даровавшаго“ хартію вольностей Англіи, или съ силами Людовика XVI, при которомъ „права человѣка“ были провозглашены во Франціи. Бездымный порохъ, стрѣльба пачками и всѣ другіе успѣхи военной техники и военной организаціи,—какъ мы теперь знаемъ,—не обезпечили, да и не могли обезпечить государству россійскому надлежащаго внѣшняго могущества. Они не увеличили силъ народа и, быть можетъ, даже ослабили, имѣя въ неблагопріятную сторону внутреннее ихъ соотношеніе...

Нельзя, однако, думать, что военное дѣло въ данномъ случаѣ представляетъ какое-либо исключеніе. Можно указать много другихъ отраслей государственной жизни, въ которыхъ общечеловѣческій опытъ легко сплывался съ нашею „самобытностью“. Взять хотя бы податную систему. Извѣстно, какую громадную долю народно-хозяйственныхъ доходовъ поглощаетъ у насъ фискаль. Даже дань, которую кн. Игорь собиралъ когда то съ древлянъ, была, вѣроятно, меньше. Нечего и говорить, что, если бы государство пользовалось старыми формами налогового обложенія,—въ родѣ „дани“ или „десятины“,—то оно ни въ коемъ случаѣ не было бы въ состояніи сосредоточивать въ своемъ распоряженіи такіе громадныя ресурсы. Невиданная еще „централизація экономической власти“ возможна лишь при томъ усовершенствованномъ финансовомъ аппаратѣ, какой русское правительство сумѣло создать, пользуясь указаніями все того же общечеловѣческаго опыта. Русскій обыватель платитъ налоги, не давая себѣ даже отчета въ томъ, когда и сколько онъ платитъ. Тщетно вы будете искать ученаго, который сумѣлъ бы высчитать, какую долю даже изъ своего собственного дохода онъ отдаетъ государ-

ству. Что касается главного плательщика—сѣрой крестьянской массы, то для нея фискъ почти то же, что Божіе произволеніе. „Цѣны Богъ строить“—думаетъ крестьянинъ: ему и въ голову не приходитъ, что ихъ строить министерство финансовъ. Но если бы онъ и додумался, откуда къ нему приходитъ раззореніе, то могъ ли бы онъ уклониться отъ выполненія своихъ обязанностей передъ фискомъ? Не значило ли бы это отказаться не только отъ всѣхъ, даже самыхъ примитивныхъ удовольствій, но и удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей? Вѣдь онъ долженъ былъ бы отказаться даже отъ хлѣба, добытаго собственными руками, ибо и хлѣбъ,—при посредствѣ хотя бы того ничтожнаго куса желѣза, какой имѣется въ сохѣ,—обремененъ уже налоговою тяжестью... Прямые налоги деревня, конечно, видитъ, но и отъ нихъ,—пока есть чѣмъ платить,—она уклониться не можетъ. За органами фиска стоитъ вѣдь такая сила, которая можетъ ее раздавить, какъ букашку... Если бы князь Игорь обладалъ такой же усовершенствованною финансовою системою и такою же несмѣтною силою, то онъ, конечно, могъ бы безъ всякаго для себя риска, много и много разъ возвращаться въ древлянскую землю. И если бы современное государство въ своей финансовой политикѣ не использовало такъ односторонне указаній общечеловѣческаго опыта, то, быть можетъ, крестьянство и не было бы доведено до нищеты и отчаянія.

Конечно, не одинъ фискъ раззоряетъ деревню. Изъ года въ годъ населеніе выплачиваетъ многіе и многіе сотни милліоновъ руб. небольшой кучкѣ промышленныхъ дѣльцовъ и капиталистовъ. Но и это происходитъ опять таки не безъ участія общечеловѣческаго опыта, надѣлившаго насъ протекціонизмомъ. Покровительственная система дѣйствуетъ у насъ уже десятки лѣтъ и все время слѣдитъ за модой, какъ молодая красавица. Къ выработкѣ таможенныхъ тарифовъ привлекаются теперь ученые спеціалисты, ихъ труды облекаются затѣмъ въ самоновѣйшія формы. Торговые договоры... да развѣ же это не „последнее слово“ общечеловѣческаго опыта? Но какъ дорого эти договоры обходятся потребительской массѣ!...

И это далеко не вся дань, какую обыватель выплачиваетъ „людямъ смѣлаго почина“. Политыя слезами и потомъ народныя деньги цѣлыми пригоршнями раздаются всякаго рода „удачникамъ“. Для этого имѣются вполнѣ благородныя и никого не шокирующія формы: концессіи, гарантіи, преміи, субсидіи... Уже по словопроизводству можно видѣть, что все это заимствовано не изъ національнаго, а изъ общечеловѣческаго опыта. Впрочемъ, въ этой сферѣ мы не гнушаемся и вполнѣ самобытныхъ формъ, вплоть до откровеннаго „воспособленія“...

Возьмите аграрныя отношенія. „Ренда“, подъ тяжестью которой изнываетъ крестьянинъ, опять таки не русское слово. Да и

вообще институт личной собственности на землю сложился у нас далеко не безъ вліянія „западно-европейскихъ теорій“. По крайней мѣрѣ при освобожденіи очень и очень на нихъ ссылались. Въ сферѣ аграрныхъ отношеній у насъ, пожалуй, больше, чѣмъ гдѣ-либо, самобытнаго, но и за всѣмъ тѣмъ они развивались въ такомъ же невыгодномъ для массъ направленіи, какъ и во многихъ другихъ странахъ. И въ конечномъ счетѣ мы уже пришли къ такому же невыносимому положенію, къ какому пришла въ свое время хотя бы Ирландія.

Возьмите, наконецъ, русскую промышленность. Да развѣ же это не „последнее слово“? Грюндерство и спекуляція, акціонерныя компаніи и биржевыя собранія, синдикаты и нормировки... все, все есть, какъ и въ самыхъ просвѣщенныхъ странахъ. Тщетно, однако, вы будете искать другую страну, въ которой, при той же численности, какъ и у насъ, рабочаго класса и при такомъ же его культурномъ уровнѣ, положеніе его было бы столь же необеспеченнымъ и безправнымъ..

Я напомнилъ наиболѣе важныя отрасли государственной и народной жизни и въ нихъ наиболѣе крупныя вещи, но то же самое вы встрѣтите и во всемъ остальномъ, вплоть до самыхъ послѣднихъ мелочей. Во всякомъ случаѣ, утвержденіе, будто бы русская жизнь совершенно неспособна подняться до уровня общечеловѣческаго опыта, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается явною напраслиной. „Послѣднихъ словъ“ изъ этого источника,—какъ мы видѣли,—эю воспринято и усвоено уже не мало. И, если слово „русскаго сознательнаго человѣка“ до сихъ поръ не претворилось въ дѣло, то, конечно, не потому, что это слово *послѣднее*. Главная причина, очевидно, въ томъ, что это слово совершенно другого качества. Правящіе классы брали изъ общечеловѣческаго опыта и пересаживали въ русскую землю только то, что увеличивало ихъ силу и вліяніе, а интеллигенція изъ той же сокровищницы черпала и пыталась пронести въ жизнь то, что могло скрасить и облегчить жизнь трудящихся массъ... И вотъ этому-то „последнему слову“ не было мѣста въ русской дѣйствительности..

Изъ этого отнюдь, однако, не слѣдуетъ, что ни въ чемъ другомъ, кромѣ того, что насаждали правящіе классы, русская жизнь и не нуждалась. Совершенно напротивъ. Вѣдь тамъ, на Западѣ, всѣ пріобрѣтенія человѣческаго опыта находятся въ равновѣсіи между собою; уравновѣшены и силы, которыми опредѣляется равнодѣйствующая жизни. У насъ же, благодаря одностороннимъ заимствованиямъ, создалось до нельзя уродливое распредѣленіе ихъ. На одной сторонѣ—почти всѣ физическія силы страны, на другой—всѣ нравственныя ея богатства, на одной сторонѣ—вся власть, на другой—одно только безправіе; въ распоряженіи правящихъ классовъ находятся неисчислимыя ресурсы, массы же обречены на

безысходную нищету и голодаіе; къ услугамъ первыхъ вся наука и самая совершенная техника, послѣднимъ недоступна даже грамотность... Въ результатъ вся жизнь уродливо какъ-то изогнулась и, въ концѣ концовъ, надломилась.

Для того, чтобы ее выпрямить и сросить то, что уже надорвано, есть только одно средство—обратиться къ тому же общечеловѣческому опыту и взять изъ него то, чѣмъ до сихъ поръ пренебрегали. И черпать въ этомъ случаѣ нужно обѣими руками, взять нужно все, что люди придумали противъ нищеты, невѣжества и безправія. Раны русскаго народа такъ многочисленны и такъ глубоки, что ихъ можетъ излѣчить только „послѣднее слово изъ общечеловѣческаго опыта“. Можно даже опасаться, что и это средство противъ до нельзя запущенной болѣзни окажется безсильно, и намъ, можетъ быть, придется одѣлать новые шаги въ томъ же направленіи и изыскать новыя средства.

Во всякомъ случаѣ необходимость идти именно этимъ путемъ одѣлалась уже неотложной. Она признана даже въ правящихъ сферахъ. Посмотрите, надъ чѣмъ вынуждены теперь работать высокіе сановники во всякаго рода особыхъ совѣщаніяхъ. Вѣротерпимость—но вѣдь свобода совѣсти всегда занимала первое мѣсто въ числѣ тѣхъ вольностей, которыхъ добивалась русская интеллигенція; облегченія для печати—но вѣдь это шагъ къ ея свободѣ; свобода стачекъ и рабочихъ организацій—но вѣдь это почти синонимъ свободы союзовъ; законность—но вѣдь ради нея интеллигенція и требовала гарантій; представительство—но вѣдь это и есть самая важная изъ гарантій. Если бы новый курсъ былъ искрененъ, то уже теперь между правительствомъ и интеллигенціей должны были бы установиться совершенно инныя отношенія. Высокіе сановники должны были бы задуматься, какъ задумались въ свое время, по свидѣтельству Гл. И. Успенскаго, крестьяне надъ тѣмъ же вопросомъ объ отношеніяхъ къ интеллигенціи.

— „Кабы ежели бы въ ту пору—говорили они,—послухать бы ейныхъ словъ, такъ оно бы, дѣло-то, пожалуй что и по хорошему бы... Да что, дубье, больше ничего! И вся то цѣна нашему брату—мѣдный алтынъ! Какъ были всю жизнь дураками, такъ видно и въ могилу ляжемъ“! *)

Но сановники по собственному почину этого, конечно, не скажутъ. Интеллигенція, не смотря на то, что жизнь реабилитировала уже очень многія изъ ея пожеланій, продолжаетъ по прежнему оставаться безправной и гонимой. Говорятъ, что она черевачуръ многого хочетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь даже въ Англіи нѣтъ еще всеобщаго избирательнаго права, даже въ Германіи министры еще не отвѣтственны передъ народными пред-

*) Сочиненія Гл. Успенскаго. „Черезъ пень-колоду“. Т. 2. стр. 932.

ставителями. При этомъ забываютъ, однако, какъ рано Англія вышла на путь свободы и какъ поздно появляемся мы на немъ. Дѣло вѣдь не въ представительствѣ только, но и въ культурѣ, которая развивается при свободныхъ учрежденіяхъ. И вотъ этотъ то запасъ культуры въ Англіи столь уже значителенъ, что въ вопросѣ о представительствѣ она можетъ и не спѣшить. Для тѣхъ же, кто вышелъ поздно, нужно двигаться быстро, чтобы не отстать и не быть затертымъ другими. Особенно это важно теперь, когда жизнь націй уже слилась почти въ одинъ могучій міровой потокъ.

— Равняйся!—властно говорятъ народамъ исторія.

И мы, дѣйствительно, видимъ, что чѣмъ позже народъ появлялся на политической сценѣ, тѣмъ въ болѣе совершенныя формы отливалъ онъ свою политическую жизнь. Та же Германія начала не съ палаты перовъ и не съ представительства общинъ, а съ всеобщей и прямой подачи голосовъ. Русскій народъ выступаетъ еще позже, и онъ долженъ сдѣлать очень крупный шагъ, чтобы сравняться съ другими. Нужны не „мелкія улучшенія“ и не „самобытная форма“, а непременно „последнее слово“. Можетъ быть, оно и не соответствуетъ теперешнему „міровозрѣнію большинства населенія“, но оно, несомнѣнно, отвѣчаетъ его интересамъ и его потребностямъ. Что касается міровозрѣнія, то оно можетъ измѣниться очень быстро, даже до выборовъ, въ періодъ предвыборной агитаціи. Поэтому вѣдь сторонники самобытной формы такъ и боятся прямой подачи голосовъ...

А. Пѣшихоновъ.

Случайныя замѣтки.

Новый варіантъ славянофильской политической доктрины. Мы разумѣемъ не Шарапова и не Демчинскаго. Новый варіантъ на славянофильскую тему о дружномъ союзѣ „власти“ и „мнѣнія“ представленъ въ недавно напечатанной запискѣ Д. Н. Шипова, авторы которой задались неблагодарной цѣлью примирить существующій государственный строй съ „новыми условіями общественной и государственной жизни“. Сама по себѣ эта попытка не заслуживала бы особаго критическаго разбора, но на нее приходится обратить вниманіе, потому что она сдѣлана въ документъ политическаго характера, въ документъ, имѣющемъ въ виду послужить программой для цѣлой политической партіи, вновь создаваемой. Практическія цѣли партіи ясны, и ясно, зачѣмъ пона-

добились ей новыя теоретическія доказательства давно опровергнутаго заблужденія. Опровергать вновь самое это заблужденіе мы здѣсь не будемъ. Разбирать по существу славянофильскую теорію по поводу разсужденій о ней гг. Герасимова и Шипова представляется тѣмъ менѣе надобности, что они принимаютъ теорію готовой и аргументируютъ не положительно, а отрицательно: не путемъ доказательствъ своего собственнаго взгляда, а путемъ критики взгляда противоположнаго — „такъ называемыхъ конституціоналистовъ“. Какъ увидимъ, однако, то общее положеніе, что нападать выгоднѣе, чѣмъ защищаться, въ данномъ случаѣ не совсѣмъ оправдалось.

Начнемъ съ того, что гг. Герасимовъ и Шиповъ избираютъ своей мишенью не настоящаго противника, а предполагаемаго, что, конечно, значительно упрощаетъ дѣло. Предполагаемаго противника можно заставить подавать такія реплики, какія надобно; его можно заставить говорить глупости, и потомъ эти глупости побѣдоносно опровергнуть. Вотъ тѣ глупости, которыя авторы разбираемаго документа влагаютъ въ уста своимъ предполагаемымъ противникамъ. „Воззрѣнія этой партіи (конституціоналистовъ) опираются, какъ намъ думается, на два невѣрныхъ положенія: 1) на признаніе, что политическое творчество человечества изсякло и что поэтому, разъ мы хотимъ отрѣшиться отъ господствовавшаго у насъ бюрократическаго строя, тѣмъ самымъ мы, слѣдовательно, переходимъ къ конституціонному западно-европейскаго образца, какъ будто доказано уже, что всякое дальнѣйшее политическое творчество кончилось и ничего, кромѣ западнаго парламентаризма, ни одинъ народъ для себя создать не можетъ; 2) на признаніе, что условія какъ прошлаго, такъ и настоящаго Россіи не имѣютъ въ себѣ такихъ коренныхъ различій съ прошлыми и настоящими условіями жизни и развитія западно-европейскихъ государствъ, которыя могли бы помѣшать перенесенію къ намъ выработанныхъ на Западѣ государственныхъ формъ“.

Въ дѣйствительности, „конституціоналисты“ вовсе не утверждаютъ того, что заставляютъ ихъ утверждать гг. Герасимовъ и Шиповъ. Они утверждаютъ лишь, что каковы бы ни были „коренныя различія“ Россіи и „западно европейскіхъ государствъ“, всѣмъ имъ обще то, что любимый авторъ составителей записки, Брайсъ, называетъ „законами политической біологіи“: извѣстныя общіе законы политической эволюціи; и что на извѣстной ступени этой эволюціи политическое представительство является неизбѣжнымъ, совершенно независимо отъ тѣхъ конкретных формъ, какія это представительство можетъ принять подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій данной страны. Дѣло заключается не въ „перенесеніи“, а именно въ „созданіи для себя“ всякимъ народомъ аналогичныхъ политическихъ формъ;

политическое творчество, конечно, не кончилось, но продукты этого творчества, при сходствѣ условій, его вызывающихъ, получаются тоже сходные, какъ и продукты творчества во всѣхъ другихъ областяхъ соціальной жизни. Чтобы доказать, что „западно-европейскія“ конституціи не годятся для Россіи, наши авторы цитируютъ „знаменитаго Джемса Брайса“, утверждающаго, что англійская конституція не годится для Америки. Они и не замѣчаютъ, что этия доказательства уничтожили въ корнѣ всю свою аргументацію. Несомнѣнно, что „политическое творчество человѣчества“ не изсякло на Англии, и что Америка представляетъ „коренныя различія“ отъ Англии; и, однако, Америка создала себѣ, въ своеобразныхъ формахъ, всѣ тѣ же элементарныя условія свободной политической жизни, какія „человѣчество“ всегда и вездѣ должно создать, чтобы быть достойнымъ своего названія. Очевидно, и „западно-европейскія“ государства отдѣлены другъ отъ друга той же пропастью, какую роетъ авторъ между ними и Россіей: и очевидно, не смотря на раздѣляющую ихъ пропасть „коренныхъ различій“, ничто человѣческое имъ не чуждо, какъ не можетъ оно быть чуждо и Россіи.

Какъ видимъ, попытка авторовъ понять точку зрѣнія ихъ противниковъ оказывается неудачной. Но эта попытка для нихъ имѣетъ собственно другое значеніе: путемъ отрицательнымъ она помогаетъ имъ установить свой собственный взглядъ. Они сами, очевидно, думаютъ, что „коренныя различія Россіи мѣшаютъ перенесенію къ намъ выработанныхъ на западѣ государственныхъ формъ“; но они утѣшаютъ себя той мыслью, что „творчество человѣчества не изсякло и что поэтому, отрѣшаясь отъ бюрократическаго строя, мы можемъ создать нѣчто иное, чѣмъ западный парламентаризмъ“. Что же это такое, и какъ авторы доказываютъ свое собственное утвержденіе?

Доказательство ведется весьма оригинально. Гг. Герасимовъ и Шиповъ, очевидно, хотятъ побить „конституціоналистовъ“ ихъ собственнымъ оружіемъ; и потому, вмѣсто ссылокъ на Хомякова, Аксакова или Самарина, они цитируютъ „знаменитаго Джемса Брайса“, Дайси и Токвиля. Изъ Брайса они узнаютъ, что „всякая власть, способная внушать готовность къ повиновенію и уваженію, должна имѣть глубокіе корни въ прошломъ“; вмѣстѣ съ Дайси они „улыбаются, глядя на массу труда, потраченную во Франціи на созданіе „неизмѣняемыхъ“ конституцій, просуществовавшихъ менѣе десяти лѣтъ каждая“; они совѣтуютъ, кстати, „не забывать словъ Каутскаго“, что „парламентъ отнюдь не обязательно является представительствомъ народа“; въ итогѣ, все такъ же пѣпляясь за слова своихъ авторитетовъ, они „утверждаютъ, что всѣ написанныя по западному образцу конституціи окажутся у насъ „негодными на практикѣ“, такъ какъ явятся

по отношенію къ нашему быту и строю „придуманнѣми по не-
оостатку прецедентовъ.

Итакъ, всѣ французскія конституціи оказались негодными на
практикѣ? Итакъ, всякая власть, имѣющая глубокіе корни въ
прошломъ, внушаетъ готовность къ повиновенію и уваженію?
Итакъ, парламентъ, никоимъ образомъ не можетъ явиться пред-
ставительствомъ народа? Итакъ, русскій государственный строй
долженъ быть сохраненъ, *потому что* „не только англійскій па-
рламентаризмъ, но и американская демократическая республика
не обезпечиваетъ интересовъ массы“... а русскій строй обез-
печиваетъ ихъ гораздо лучше?..

Гг. Герасимовъ и Шиповъ, очевидно, забываютъ основное
правило Брайса (что бы уже остаться въ предѣлахъ ихъ науч-
наго арсенала): изъ конкретныхъ историческихъ примѣровъ, изъ
„удачи или неудачи“ конституціонныхъ экспериментовъ ника-
кихъ непосредственныхъ выводовъ дѣлать не слѣдуетъ, и главная
мудрость, которую можно извлечь изъ эмпирическаго изученія,
состоитъ въ томъ, чтобы не довѣрять простымъ аналогіямъ. Если
бы они всегда помнили это правило, то они знали бы и то, что
не все „придуманное“ непрочно и не всѣ „медленно созрѣвшія
государственныя учрежденія“ носятъ въ себѣ самихъ залогъ своей
прочности. Впрочемъ, намъ нечего учить ихъ. Только что при-
знавши все сказанное и удовлетворивъ, такимъ образомъ, своей
теоріи, они немедленно признаютъ „непригодность господство-
вавшего до сихъ поръ строя“ и начинаютъ усердно „придумы-
вать“, какъ бы его улучшить, не отказываясь даже при этомъ
отъ опыта Запада, цитируя то Германію—какъ добрый примѣръ
безотвѣтственности министровъ, то Соединенные Штаты (дурной
примѣръ безпорядка въ законодательной Technikѣ).

Вся разниа въ томъ, что они не хотятъ „никакой ломки“. По-
этому они и непригодность стараются обратить въ пригод-
ность, а придумываютъ по возможности умѣренно—и именно
потому неудачно.

Въ самомъ дѣлѣ, чего мудрить? Въ непригодномъ строѣ надо
просто „устранить то, что дѣлало его непригоднымъ“. Мы ждемъ,
что будетъ: кажется, всѣмъ такъ ясно, что именно дѣлало строй
„непригоднымъ“... но какъ же тогда безъ ломки?.. Авторы,
однако, не даютъ намъ долго думать и тотчасъ же торопливо
доканчиваютъ такъ рѣшительно начатую фразу готовой форму-
лой, взятой на вѣру: „а дѣлало его непригоднымъ обособлен-
ность царя отъ народа, недоступность къ царю голоса населе-
нія“—тутъ авторы становятся смѣлѣе—„скажемъ откровеннѣе—
созданное бюрократіей ограниченіе самодержавной царской вла-
сти“. Итакъ, все дѣло въ усиленіи самодержавной власти путемъ
устраненія „средостѣнія“? Вѣрятъ ли эти господа сами въ то
что говорить? Мы сейчасъ это увидимъ.

Дальше идетъ еще лучше. Народное представительство при монархѣ „будетъ выраженіемъ не интересовъ, а мысли народной“. Положеніе, лишенное всякаго смысла и всякаго содержанія, такъ какъ невозможно представить себѣ „мысль“, которая бы не выражала „интересы“, разъ рѣчь идетъ не о философіи и наукѣ, а о народномъ представительствѣ. Все дѣло въ томъ, *какіе* „интересы“ данное представительство защищаетъ. Но наши авторы не даромъ отдѣлили „мысль“ отъ „интересовъ“ населенія. Изъ этого искусственнаго различія они дѣлаютъ очень важныя и нужныя имъ практическіе выводы о системѣ выборовъ. Если бы представительство было „политическимъ“ (т. е. представительствомъ „интересовъ“), тогда—о, тогда, конечно, единственной логической формой представительства было бы всеобщее избирательное право. Но при представительствѣ чистой „мысли“, при выборахъ только для „общенія и единенія Верховной власти съ населеніемъ“—(не „политическихъ“!) представительство „должно главнымъ образомъ служить выраженіемъ дѣйствительнаго направленія и силы общественнаго мнѣнія“, . . . „а потому (очень хорошо это „потому“) выборы не должны быть организованы самостоятельно (т. е. прямо отъ населенія)... Въ этомъ случаѣ мы полагаемъ правильнѣе приурочить выборы къ учрежденіямъ земскаго и городского самоуправления“... Что и требовалось доказать.

„Не чисто, князь“! Наше сомнѣніе, вѣрятъ ли авторы сами въ свои аргументы, становится все крѣпче... Но пойдѣмъ за ними еще шагъ. Что это за учрежденіе, черезъ которое представители „не интересовъ, а“... земскаго и городского самоуправления будутъ упражнять свою „силу мнѣнія“ и свой „нравственный авторитетъ“?

Авторы предлагаютъ ввести представителей въ государственный совѣтъ (выведя изъ него чиновниковъ), сдѣлать всѣ другія учрежденія, занятія составленіемъ законопроектовъ, учрежденіями подготовительными, назначить предсѣдателя совѣта прямымъ докладчикомъ „мнѣній“ совѣта передъ царемъ—и устранить всѣ другія промежуточныя инстанціи между государемъ и представителями. Это—постановка существенно различная отъ рескрипта 18-го февраля, въ которомъ говорится лишь о „предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній народными представителями“, т. е. приблизительно о томъ же, что имѣлось въ виду въ концѣ царствованія имп. Александра II: „предварительно обсужденные“ законопроекты должны были тогда возвращаться назадъ и проходить весь свой обычный законодательный путь черезъ министра и государственный совѣтъ. По проекту гг. Шипова и Герасимова народныя представители должны занять мѣсто въ концѣ этого пути, въ послѣдней инстанціи, а не въ началѣ. Даже министры, „отвѣтственные пре-

редъ государемъ“, устраняются въ этой стадіи прохожденія закона.

Мы, кажется теперь, начинаемъ понимать. И по мѣрѣ того, какъ насъ осбняютъ новыя мысли и догадки, наши лица пролоняются, мы всматриваемся пристальнѣе въ загадочныя, сосредоточенныя лица авторовъ проекта, мы говоримъ имъ: протяните ваши руки, друзья; вы *наши*: вы „конституціоналисты“ тоже.

Но, впрочемъ, нѣтъ, погодите немножко. Вы конституціоналисты, и мы конституціоналисты, но гдѣ же у васъ наше всеобщее право и много другихъ хорошихъ вещей? Позвольте, господа, кого же вы этакъ провести хотите? Тѣхъ, что сверху, или тѣхъ, что снизу? Или, можетъ быть, тѣхъ и другихъ?.. Нѣтъ, ужъ лучше идите одни своимъ византійскимъ путемъ, и оставьте намъ нашу западно-европейскую прямолинейность.

П. Миллюновъ.

Образцы погромной литературы. Въ „Литературныхъ воспоминаніяхъ“ Н. К. Михайловскаго, между прочимъ, приведенъ слѣдующій отрывокъ изъ посмертныхъ автобіографическихъ записокъ Г. З. Елисеева. Рѣчь идетъ о „караковскомъ обществѣ“ и его центральной организаціи—„девяткѣ“, или „адѣ“. Десятеро, составлявшіе „адѣ“, были посвящены во всѣ тайны общества. И одинъ изъ нихъ „показалъ“,—говоритъ Елисеевъ—что у меня нерѣдко были собранія, на которыхъ присутствовалъ онъ самъ и другіе члены „ада“, и на которыхъ происходили преступныя совѣщанія... Сдѣлавшій это показаніе былъ извѣстный И. А. Худяковъ, очень ко мнѣ близкій молодой человѣкъ... По нравственному своему характеру это былъ человѣкъ не только вполне безупречный, но и нѣкоторымъ образомъ подвижникъ. Онъ посвятилъ себя всецѣло дѣлу просвѣщенія народа, въ періодической литературѣ онъ не участвовалъ, а занимался изданіемъ русскихъ народныхъ сказокъ, разныхъ просвѣтительныхъ брошюръ, учебниковъ, хрестоматій, получалъ за эти изданія порядочныя деньги, но самъ лично на себя расходовалъ не болѣе 25 руб. въ мѣсяцъ, остальные же употреблялъ всѣ на помощь бѣдствующимъ молодымъ людямъ изъ учащихся“ (См. „Лит. воспом.“, т. 1, стр. 480).

Дѣйствительно ли Худяковъ сдѣлалъ приписанное ему показаніе, или послѣднее изобрѣтено слѣдственной властью „для запугиванія и уловленія обвиняемаго“, какъ выразился Г. З. Елисеевъ,—мы не знаемъ. Но участіе Худякова въ караковской „девяткѣ“ послужило предлогомъ для крайне реакціонной мѣры. На изданныя имъ книжки было „обращено вниманіе“. И 28 мая 1866 г. министромъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предписано было „сообразить мѣры, которыя могли бы быть приняты къ прекращенію изданія и изъятію изъ употребленія

вредныхъ для молодого поколѣнія учебниковъ, въ родѣ самоучителя Худякова и книги для чтенія Сувориной“.

Министръ внутреннихъ дѣлъ рекомендовалъ усилить цензурныя строгости. Министръ народнаго просвѣщенія—гр. Д. А. Толстой—настаивалъ на особой, „педагогической“ цензурѣ ученаго комитета. Мысль свою онъ развилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 19 мая 1869 г. Этотъ докладъ и легъ въ основу общезвѣстныхъ „мѣропріятій“ противъ школьныхъ и народныхъ библиотекъ. Изъ него, какъ изъ основного „закона“, министерская практика соорудила стѣну между народомъ и его духовнымъ достоинствомъ—литературой. Рассказывать подробно, какимъ способомъ шла эта, по существу разрушительная, работа нѣтъ нужды: объ этомъ писалось многими и много разъ.

По мѣрѣ того, какъ выяснялось, что печать сила, что безъ нея обойтись нельзя, „назрѣвала потребность“ въ другой работѣ,—созидательной. Не допускать и только не допускать—этого мало. Народъ всетаки желаетъ осмыслить при помощи книгъ и газетъ свои нужды, понять текущія событія. Поэтому народились другія „мѣропріятія“. Какъ велась „созидательная работа“ въ „центральныхъ сферахъ“ объяснять подробно не буду. Напомню лишь для примѣра предпріятіе кн. Мещерскаго, подъ названіемъ „Дружескія рѣчи“. Но созидать старались не только въ центрѣ. Не дремала и провинція. И о трехъ образцахъ провинціального творчества я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ. Всѣ они родились въ юго-западномъ краѣ. И, съ точки зрѣнія устава о цензурѣ и печати, одинъ изъ нихъ долженъ быть названъ легальнымъ, другой полулегальнымъ, третій нелегальнымъ.

Начну съ образца легальнаго. Это небольшая книжка, въ 54 странички; называется: „Подольскій народный катехизисъ“. У меня въ рукахъ „второе исправленное изданіе“. Цензурная пометка гласитъ:

„Разрѣшено кievской духовной цензурой 7 марта, 1899 г. Предсѣдатель цензурнаго комитета проф. академіи прот. Корольковъ“. Въ „Русск. Школѣ“ (1900 г.) указывалось, что книгу эту подольскій преосвященный рекомендовалъ для самаго широкаго распространенія въ народѣ.

Начинается народный катехизисъ вопросомъ:

— „Что ты за человѣкъ“?

— „Я—слѣдуетъ отвѣтъ—русскій человѣкъ и славянинъ“.

„Вопросъ: что такое славянинъ“

„Отвѣтъ: Всякій, природный языкъ котораго болѣе или менѣе похожъ на тотъ славянскій языкъ, на которомъ у насъ въ церкви совершается богослуженіе“ (стр. 3).

Затѣмъ объясняется, что такое „русскій“. Это „великороссы, малороссы, бѣлороссы“, которые говорятъ „всѣ однимъ и тѣмъ же языкомъ русскимъ“, и „для всѣхъ ихъ есть одинъ общерусскій

языкъ, на которомъ говорятъ образованные русскіе люди, пишутъ и печатаютъ книги" (стр. 4—5). Можетъ возникнуть сомнѣніе: дѣйствительно ли книги галицкія и кіевскія написаны на одномъ языкѣ? Но авторъ „катехизиса“ этимъ пунктомъ совершенно не интересуется.

Далѣе, какъ принято въ такого рода изданіяхъ, объясняется, что русскимъ можетъ быть названъ лишь православный и вѣрно-поданный самодержавнаго царя. Православными же стали русскіе люди искони.

„Вопросъ: Почему русскій народъ принялъ вѣру Христову отъ грековъ, а не отъ римлянъ и римскаго папы?

„Ответъ: Потому, что у грековъ была истинная вѣра. Правоту греческой вѣры видѣлъ кн. Владиміръ“... (стр. 33).

„При томъ же и служба греческая много лучше латинской“:

— „У насъ въ церкви поютъ и читаютъ все на понятномъ славянскомъ языкѣ, что пріятно и отрадно для души, а въ католическомъ храмѣ или костелѣ всендѣ молится по-латыни, и, вмѣсто пѣнія, играютъ на органѣ какія-то неизвѣстныя пѣсни, и никто изъ молящихся не понимаетъ, что служатся“.

Тутъ опять сочинитель употребилъ не совсѣмъ удачный способъ доказательствъ: русскому славянину изъ Подольской губ. не очень-то понятенъ богослужебный языкъ. Нѣсколько побѣдоноснѣе обнаруживаетъ „катехизисъ“ нелѣпость латинскихъ догматовъ. Напримѣръ:

„Вопросъ: Существуетъ ли чистилище?

„Ответъ: Нѣтъ, не существуетъ, ибо, во-первыхъ, о немъ ни гдѣ не упоминается въ священномъ писаніи, а, во-вторыхъ, оно излишне“ (стр. 17)...

Наиболѣе серьезны и интересны для насъ мѣста, гдѣ „русскому“ народу внушается, какъ и почему онъ долженъ относиться къ „иноподданамъ“. Наболѣе мягкій приговоръ вынесенъ раскольникамъ. На вопросъ, „въ чемъ вѣра раскольниковъ“, катехизисъ отвѣчаетъ:

„Вѣра у раскольниковъ такая же, какъ и у православныхъ, только они содержатъ нѣкоторые вышедшіе изъ употребленія обряды“ (стр. 24)...

Но уже штундисты—„особенно вредная еретическая секта. Они не хотятъ знать ни св. церкви, ни церковныхъ уставовъ и обрядовъ, ни святыхъ таинствъ“ и т. д. (стр. 24). Всего же вреднѣе и опаснѣе—поляки и евреи.

„Поляки (завладѣвши Подоліей) презирали русскій народъ и его православную вѣру, называли ее хлопской и схизматичкой, ненавидѣли русскій народъ..., старались искоренить православную вѣру и сдѣлать всѣхъ римско-католиками... издѣвались надъ православною вѣрой и церковными обрядами. Въ притѣсненіяхъ православія поляки пользовались во многихъ случаяхъ евреями,

которые пришли въ западно-русскія земли вмѣстѣ съ поляками. Въ 1768 г. по требованію императрицы Екатерины II православные въ Польшѣ получили право строить церкви, отправлять богослуженіе... Поляки остались недовольны, составили вооруженное общество—конфедерацію—и преслѣдовали православныхъ“. Далѣе: „послѣ воссоединенія Подолія съ Россіей были попытки со стороны поляковъ возстановить старый порядокъ вещей и притѣснять православіе. Пользуясь крѣпостнымъ правомъ, они обременяли народъ работами, старались о совращеніи православныхъ въ католичество, устраивали польскія школы, открыто возставали противъ русской власти въ 1830—31 гг. и 1862—63 гг.“.

Врядъ ли нужно убѣждать составителя, что онъ извращаетъ историческіе факты. Такъ объяснить, напр., конфедерацію 1768 г., какъ это онъ дѣлаетъ, можно лишь умышленно. Цѣль, какую можетъ достигнуть „катехизисъ“, понятна сама собою: сѣется національная рознь и вражда, а рѣзче выражаясь—натравливается украинское населеніе прежде всего и главнымъ образомъ на поляковъ и мимоходомъ на евреевъ. Это съ одной стороны. А съ другой, тѣмъ же полякамъ и евреямъ, разъ книжки такого рода насаждаются усердіемъ епархіальнаго начальства, чрезвычайно трудно сохранить спокойствіе и лояльность.

Сознательно ли ставится эта цѣль—мы не знаемъ. Пока канцелярскіе архивы составляютъ глубокую тайну, можно лишь строить догадки. Можетъ быть, „Подольскій народный катехизисъ“—плодъ неразумнаго усердія. А можетъ быть и то, что здѣсь своеобразное примѣненіе принципа *divide et impera*.

Второй, полулегальный, документъ называется: „Деревенская Газета“. У меня на рукахъ „выпускъ первый“, имѣющій цензурную дату: „12 января 1905 г.“. Сдѣланы ли другіе выпуски, мнѣ узнать не удалось. Однако, въ „первомъ выпускѣ“ почти подъ всѣми статьями и замѣтками значится: „продолженіе слѣдуетъ“. Напечатанъ онъ, какъ сообщала „Кіевская Газета“, въ 30,000 экземплярахъ, которые всѣ разосланы по деревнямъ.

Судя по всему, „Деревенская Газета“ сооружена чисто мѣстнымъ усердіемъ, безъ согласія центральныхъ сферъ. Поэтому, хоть она и названа „газетою“, хоть и приданъ ей газетный видъ, однако приняты должныя мѣры предосторожности. На мѣстѣ, гдѣ положено быть подписямъ издателя и редактора, стоятъ таинственные литеры: „Ник. Як.“, подъ заголовкомъ поставлено въ скобкахъ слово: „сборникъ“. То есть, по просту—изданіе не имѣетъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ принципѣ, противъ этого, мы ничего не имѣемъ. Необходимо, чтобы всѣ вообще періодическія изданія возникали въ порядкѣ явочномъ, безъ разрѣшенія. Но характеренъ фактъ, что обязательный концессионный порядокъ обязателенъ не для всѣхъ. Это въ миллиардный разъ свидѣтельствуетъ истину историческихъ словъ Бенкендорфа:

— Законы пишутся (въ Россіи) для подчиненныхъ, а не для начальствъ.

Содержаніе „Деревенской Газеты“ далеко не блещетъ остроуміемъ. Начинается она статьями о войнѣ и японцахъ. „Японцы очень маленькаго роста, желтолицые. Исповѣдуютъ идолопоклонство... Вообще имъ далеко до русскихъ. Каждый солдатъ сокрушить всегда не одного японца“... „Подстрекнули на эту войну японцевъ англичане, изъ зависти, что наша страна очень велика... Теперь мы уже выслали много войска и боевыхъ припасовъ и послали новые корабли, и скоро уничтожимъ врага. Генералъ Куропаткинъ все уже приготовилъ для уничтоженія японцевъ. Всѣ генералы другихъ государствъ въ одинъ голосъ говорятъ, что нашъ Куропаткинъ великій полководецъ и, безъ сомнѣнія, побѣдитъ японцевъ“...

Затѣмъ идетъ рядъ „сельско-хозяйственныхъ статей“. Онѣ объясняютъ, что „зимомъ бываетъ санныя дорога“; „безъ лѣсу нельзя сдѣлать телѣги“; „люди живутъ въ городахъ и деревняхъ“; „послѣ прѣтовъ созрѣваютъ плоды“; „навозъ бываетъ плохого и хорошаго качества“; „кормить лошадь надо хорошо“; „изъ сучьевъ, отростковъ, порослей... можно выплести помойныя ямы, отхожія мѣста“, что „для мужика и солдата не трудно, такъ какъ русскій мужичекъ съ малолѣтства лапти плететъ“, а какимъ образомъ изъ сучьевъ, вмѣсто лапти, сплести отхожее мѣсто „будетъ объяснено въ слѣдующихъ описаніяхъ“...

Кстати два слова о лаптяхъ изъ сучьевъ въ газетѣ, предназначенной для Юго-западнаго края, гдѣ лапти извѣстны лишь по наслышкѣ. Дивиться тутъ нечему. Наша администрація о сельскомъ хозяйствѣ рѣдко знаетъ больше того, что написано въ учебныхъ книжкахъ—для первоначальнаго чтенія. Авторы же учебныхъ книжекъ, въ родѣ А. Г. Баранова, въ видахъ централизаціи, описываютъ „пейзантъ“ великорусскаго района. И когда человѣкъ, начиненный знаніями на грошъ, а распорядительностью на двугривенный, попадаетъ въ окраины, получается невѣроятная каша. Объ одномъ югозападномъ администраторѣ, замыслившемъ „поднять сельское хозяйство“, рассказываютъ, что онъ „имѣлъ честь докладывать“ о пирамидальныхъ яблокахъ, которыя надо непременно распространить, ибо, „населеніе уже привыкло къ этому сорту, могущему давать ежегодно доходу до 3,000 на хозяйство“.

— Распространите только пирамидальныя яблоки,—убѣждалъ онъ,—и край зацвѣтетъ, потому что каждый мужикъ получитъ 3,000 руб.

Повидимому, надъ этимъ администраторомъ кто-то подшутилъ, а онъ чужую шутку усугубилъ, смѣшавъ тополи съ яблонями. Почему же „Деревенская Газета“ не могла смѣшать лыки съ сучьями? Вообще она, несомнѣнно, глупѣе и бездарнѣе „Подоль-

скаго народнаго катехизиса“, хотя, быть можетъ, менѣе зло-
вредна. Во всякомъ случаѣ открытаго разжиганія племенной не-
нависти внутри государства „Деревенская Газета“ избѣгаетъ.

Третій документъ озаглавленъ: „Посланіе къ русскимъ крестья-
намъ“. Сочинилъ „посланіе“ нѣкій „Ярема“. По существу онъ
ничего новаго и неожиданнаго не говоритъ. Напомню хотя бы
мнѣніе Антонія, епископа волынскаго, какъ оно напечатано въ
№ 60 „Моск. Вѣдомостей“ за текущій годъ. По словамъ пре-
освященнаго, наши „крамольники“ желаютъ, чтобы „Россія, че-
резъ какія-нибудь 25 лѣтъ послѣ отмѣны Самодержавія, пере-
стала существовать, какъ цѣлостное государство... Такого распа-
денія нетерпѣливо желаютъ наши западные враги, вдохновляющіе
мятежниковъ, чтобы затѣмъ, подобно коршунамъ, броситься на
разъединенные предѣлы нашего Отечества“.

Поэтому волынскій епископъ призываетъ: „Русскій народъ!
берегись богохульниковъ, кощунниковъ, мятежниковъ, желаю-
щихъ оторвать тебя отъ вѣчной жизни“.

Мнѣніе это принадлежитъ, конечно, не только преосвящен-
ному Антонію. Напримѣръ, саратовское общество попеченія о
дѣтяхъ, по словамъ „Русск. Вѣдомостей“, 22 февраля: „послѣ
цѣлаго ряда рѣчей, установившихъ наличность агитаціи среди
темнаго люда за избіеніе молодежи и интеллигенціи, единогласно
постановило: 1) довести до свѣдѣнія саратовскаго губернатора о
нѣсколькихъ случаяхъ нападенія на учащихся дѣтей на улицахъ
города Саратова, а также и объ агитаціи среди населенія за
избіеніе интеллигенціи и учащихся; 2) въ виду того, что агита-
торы пользуются для своихъ цѣлей издаваемыми въ городѣ
„Братскими Листками“, издаваемыми духовенствомъ, съ завѣдо-
мою ложью о подкупѣ забастовщиковъ и интеллигенціи япон-
скими деньгами,—просить губернатора расклеить по городу объ-
явленія съ опроверженіемъ „латинской сплетни“; 3) въ виду
отсутствія гарантіи, что нападенія на учащихся не повторятся и
въ болѣе рѣзкой формѣ, предложить саратовской городской думѣ
принять на себя нравственную отвѣтственность въ этомъ отно-
шеніи и ходатайствовать о подчиненіи (хотя бы временномъ)
городскому управленію чиновъ полиціи на случай проявленія
темной силы. На собраніи было, между прочимъ, установлено,
что одинъ „господинъ“ ходилъ по трактирамъ, предлагая обита-
телямъ ночлежки по рублю за избіеніе студентовъ. Сдѣлка не
состоялась, такъ какъ ночлежники просили придти для перегово-
ровъ къ нимъ въ ночлежный домъ. „Наниматель“ убоился и не
пришелъ“.

Такого же характера сообщеніе изъ Москвы было напечатано
въ газетѣ „Слово“ (цитирую по „Моск. Вѣдом.“):

„Въ думской комиссіи по выработкѣ мѣропріятій для пре-
дотвращенія возможности безпорядковъ въ Москвѣ, 22 февраля

доложено о томъ крайнемъ вредѣ, который приносятъ публичныя чтенія, устраиваемыя въ епархіальномъ домѣ. Чтенія эти разжигаютъ низменные инстинкты, возбуждаютъ ровнь и поселяютъ ненависть въ низшіе классы московскаго населенія противъ интеллигенціи. Такъ какъ, послѣ всесторонняго разсмотрѣнія вопроса, вредъ, приносимый этими чтеніями, вполне подтвердился, то коммиссія постановила: возбудить черезъ городского голову ходатайство передъ подлежащимъ начальствомъ о прекращеніи публичныхъ чтеній въ епархіальномъ домѣ“.

Можно бы привести соответствующія данныя и изъ другихъ городовъ: прокламаціи подъ заглавіемъ „Бейте студентовъ“, появлялись въ Псковѣ, Казани, Смоленскѣ и т. д. Но перечислять нѣтъ надобности. И лишь для образца позволю себѣ напомнить читателямъ рижское воззваніе (было напечатано въ „Юристѣ“):

„Бейте студентовъ!

„Рабочіе! не вѣрьте тѣмъ, кто приходитъ къ вамъ и уговариваетъ подняться противъ царя. Все, что возможно, сдѣлаетъ царь, пекущійся о васъ, какъ о дѣтяхъ.

„Изгоняйте ихъ изъ вашихъ фабрикъ, когда они приходятъ къ вамъ. Избивайте ихъ и убивайте! Царь скажетъ вамъ спасибо. Богъ и церковь за насъ! Подкупленные нашими врагами, жидами, они ничего не сдѣлаютъ.

„Насильники! помните Кишиневъ и Гомель!“

Тѣмъ же мотивомъ пользуется и г. Ярема, усиленно распространяющій свое „посланіе“ въ Волынской губ.

„Братья крестьяне!—говоритъ онъ на весьма характерной смѣси великорусскихъ и украинскихъ словъ.—Прошлаго и настоящаго року стали часто появляться прокламаціи, которыми вороги русскаго народа стараются внести въ его среду недо-вѣрье къ Государю Императору и Его правительству... Братья, обратитъ вниманіе на те, що прокламаціи сыплются въ народъ евреями, и тогді піймете, съ відкіль вітеръ віе. Самі жыды не посмілы бы такъ дїйствоваты, якъ бы не были до того побуждаемы другими врагами русскаго народа. А ці вороги суть: поляки, не могущіе помырѣться съ тымъ, що мы перестали робыть имъ панщину; японці и ихъ союзныки ангичаны и американці, которі затїялы війну и наконецъ еврей-жиды... Жыдочки шмаркати и паршыві тепер вздумалы верховодыть. Це братья не спроста. Японці дали жыдкамъ гроші щобы вони мутылы русскій народы. Поляки обїцалы имъ, що зновъ буде панщина и Польша и жыды будуть арендовать: перекы, корчмы...“

Затѣмъ г. Ярема дѣлаетъ ссылку на Іисуса Христа:

„Прыпомните слова свят. Евангелїя: „що прыдутъ люды въ одежахъ овечыхъ, а внутри вовкі лютї“. Отож такі і жыды. Забулы собачї сыны Крывносоа и Гонту, котры ихъ давній чухралы.

Нехай прыгадають. Наілася жыдова русскаго хлѣба, та хоче брыкаты. А—чу, свинячы уха...”

По существу, какъ видите, сочинитель разрабатываетъ ту же мысль, что и „Подольскій народный катехизисъ“. Разница лишь въ томъ, что послѣдній просто содѣйствуетъ розни и братоубійству, тогда какъ г. Ярема, сверхъ того, старается привить народнымъ массамъ манію преслѣдованія. Но и тутъ нѣтъ ничего оригинальнаго...

Не совсѣмъ понятно дѣль, зачѣмъ понадобилось г. Яремѣ „посланіе“ свое печатать на „ремингтонѣ“, въ безцензурномъ, или, выражаясь полицейскимъ языкомъ, нелегальномъ видѣ. Теперь подцензурныя оффиціальныя газеты выражаются гораздо рѣзче и прямѣе. Для иллюстраціи позволю себѣ привести хотя бы слѣдующую выдержку изъ „Русскаго Слова“:

„Пензенскія Губернскія Вѣдомости“ за послѣднее время говорить о пугачевщинѣ. Въ каждомъ номерѣ „латинскія“ сплетни и зажимательныя разсужденія о подкупѣ интеллигенціи и рабочихъ японцами, призывъ — „подняться, какъ одинъ человѣкъ, и вырвать съ корнемъ плевелы“. „Не пора-ли встряхнуться,—говоритъ газета,—какъ и во время пугачевщины“.

Единственная выгода, которой достигъ г. Ярема, это возможность заговорить на понятномъ народу (хотя и сильно изуродованномъ) украинскомъ языкѣ и даже съ употребленіемъ безусловно запрещенной „кулишовки“ (правда, весьма безграмотной). Такой вольности цензура, дѣйствительно, не позволила бы. Все же остальное... Въ Кіевѣ печатаетъ, между прочимъ, свои брошюры въ крушевановскомъ стилѣ нѣкій г. Волковъ. Право же, онѣ, по общему тону и по идеѣ, ничѣмъ не отличаются отъ „творенія“ г. Яремы.

Къ какимъ, приблизительно, сферамъ можетъ относиться авторъ „посланія“? „Новое Время“, пожалуй, скажетъ: „Несомнѣнно, социалистъ“.

Мои наблюденія показываютъ, что этотъ приговоръ — а къ нему надо приготовиться—совершенно неоснователенъ. Дѣло въ томъ, что въ Кіевѣ, какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, и въ другихъ мѣстахъ, на 19—20 февраля н. г. „назначался погромъ“. Сердобольные люди предупреждали знакомыхъ студентовъ:

— Не ходите въ форменномъ платьѣ — не то бѣда будетъ вамъ.

Вопли: „студентовъ надо бить“ слышались на улицѣ и даже вблизи присутственныхъ мѣстъ, при чемъ городовые, стоя около вопившихъ субъектовъ, нисколько не смущались. Торговцы заготавливали деревянные щиты на окна. Городовые на базарахъ загадочно говорили прислугѣ:

— Къ 19 и 20 запасите провизію.

18 февраля мѣстные журналисты собрались обсудить поло-

женіе. Послѣ краткаго обмѣна мнѣній, выяснилось, что поведеніе полиціи представляет опасность, и что обществу такъ или иначе необходимо организоваться для защиты порядка и спокойствія. Затѣмъ высказана была мысль: не слѣдуетъ ли предупредить губернатора и генераль-губернатора о слишкомъ ужъ явной роли провокаціи погрома. И вотъ изъ дебатовъ по этому поводу выяснилось, между прочимъ, слѣдующее.

Извѣстіе, что по Волынской губ. распространяется „яремино посланіе“, получено нѣсколькими газетами. Изъ нихъ „Кіевская Газета“ попыталась дать замѣтку, въ которой говорилось:

„Какой-то Ярема разсылаетъ письма крестьянамъ. Онъ старается внушить, что евреи и поляки — враги русскаго народа. Надѣмся, что духовенство и попечительства о народной тревогѣ постараются противодействовать этому разжиганію національных страстей“.

Цензоръ г. А. А. Сидоровъ „задержалъ“ эту замѣтку, обѣщая дать окончательный отвѣтъ черезъ 2 дня, послѣ доклада генераль-губернатору. Черезъ 2 дня она была „запрещена“. И, такимъ образомъ, Ярема оказался подъ покровительствомъ г. Сидорова и генераль-губернатора. Согласитесь, что ни цензору, ни мѣстному начальству нѣтъ ни малѣйшаго резона покровительствовать «соціалистамъ». Не говорю уже о томъ, что натравливать одну народность на другую совершенно не входитъ въ соціалистическія программы.

Итакъ, объ авторѣ „посланія“ можно лишь сказать, что ему покровительствуетъ кіевская цензура. О подробностяхъ же догадываться не станемъ.

Пожалуй, уместно будетъ въ заключеніе отмѣтить одно любопытное превращеніе, происшедшее въ чрезвычайно короткое время. Конечно, у многихъ еще въ памяти „зиновьевскія ревизіи“ земствъ. Онѣ вѣдь были такъ недавно — лѣтомъ 1904 г. Тогда земствамъ становилась въ сугубую вину безобидная и разрѣшенная цензурой картинка для волшебнаго фонаря, изображающая эпизодъ изъ временъ пугачевщины. Картинку ревизоры истолковали, какъ призывъ къ „бунту“, на манеръ Пугачевского. Насколько толкованіе было искреннимъ — разсудить потомки. Но могъ ли предвидѣть тайный совѣтникъ Н. А. Зиновьевъ, что черезъ какіе-нибудь полгода въ Пензѣ официальныя губернскія вѣдомости будутъ открыто призывать народъ къ пугачевщинѣ, а въ Кіевѣ цензура не позволитъ возражать противъ столь же откровеннаго призыва къ временамъ „Кривоноса и Гонты“? Могъ ли, повторяя, г. Зиновьевъ думать, что „пугачевщина“ вскорѣ будетъ считаться „благонамѣреннымъ направленіемъ“, а защита отъ насилій — неблагонамѣреннымъ?

Пока, если не считать частичныхъ и сомнительныхъ успѣховъ въ Баку, Курскѣ и др. немногихъ мѣстахъ, провокаторы

не достигли успѣховъ. Мнѣ лично отъ одного крестьянина пришлось, между прочимъ, слышать резонный отвѣтъ на легучку о японскихъ милліонахъ:

— Хороша брехенька,—сказалъ онъ,—да коротенька. У нашей казны милліоновъ много. Ну, и послали бы въ Японію, чтобъ тамошній народъ побунтовать... Ну-ка, попробуй его, взбунтуй...

Словомъ, что дальше будетъ — увидимъ, а пока провокаторскія старанія разбиваются о здравый смыслъ народа. Но въ этомъ цензура, по крайней мѣрѣ провинціальная, взявшая призывы къ всеобщему погрому подъ свою защиту, нисколько не виновата.

А. Петрищевъ.

Национализмъ, гуманность, нагайка, Война. Недавно намъ приходилось вспоминать нѣкоторые курьезные эпизоды при открытіи „Русскаго собранія“. Великолѣпіе новоявленного „націонализма“ до такой степени ослѣпило тогда его поклонниковъ, что они сдѣлали нѣсколько наивнѣйшихъ по своей откровенности признаній. Между прочимъ, одинъ изъ столповъ „Новаго Времени“, г-нъ Петербуржецъ, нимаго не обинуясь, противопоставилъ націонализмъ и гуманитаризмъ, какъ теченія прямо *враждебныя*, отдавая, разумѣется, всѣ свои симпатіи націонализму противъ „человѣчности“ *). Мы не знаемъ, были-ли вполне довольны другіе руководители „Новаго Времени“ этой милой откровенностью своего сотоварища; несомнѣнно, однако, что г-нъ Петербуржецъ, вольно или неумышленно, вскрылъ одну изъ характернѣйшихъ чертъ воинствующаго націонализма. Это дѣйствительно начало антигуманитарное, то есть противочеловѣчное, и если-бы нужны были доказательства, то событія, присходящія на Востокъ, несуть ихъ въ удручающемъ изобиліи.

Вотъ черточка изъ „подготовительнаго періода“, которую мы извлекаемъ изъ журнальнаго архива. Незадолго до войны, въ 1903 году, какой-то сибирскій „патріотъ своего отечества“ издалъ особое руководство, называвшееся: „Сибирскій переводчикъ по линіи строящихся Сибирской и Уральской жел. дорогъ“. Въ то время многія газеты отмѣтили этотъ своеобразный образецъ націоналистской филологіи, въ которомъ авторъ, въ числѣ „нужнѣйшихъ словъ“ для водворенія русской культуры и русской національной идеи на Востокъ, рекомендовалъ въ большомъ изобиліи слѣдующій: бранить, бушевать, дать пощечину, драть, дуть, душить, заковывать въ кандалы, зудить (!), изувѣчить, класть клеймо, колотить, кровь пускать, крошить, лишать свободы, обдирать, обыскивать, окривавить, повѣсить, разгромить, разворить,

*) „Новое Время“, № 9053.

разложить, ссылатъ (разумѣется „административно“), сѣчь розгами, топтать ногами, тузить, ударить и т. д., и т. д. Какъ видите, авторъ очень заботился о выразительности и полнотѣ лексикона, который съ большимъ удобствомъ могъ-бы быть сведенъ на краткую формулу щедринскаго помпадуръ Брудастаго: разворю, не потерплю. Не слѣдуетъ думать, однако, что авторъ имѣлъ въ виду одну узкую „пользу“ отъ своего „руководства“. Не мало также занимали его и термины, выражающіе рядъ пріятныхъ ощущеній носителей русской идеи. Въ этихъ видахъ онъ далъ слѣдующія „нужнѣйшія слова“: безчещу, безчинствую, блюю (!), валяюсь, наслаждаюсь, бѣшусь (!), насыщаюсь, обжираться, пью невоздержно, тучнѣю и (даже!) лопаюсь. Затѣмъ: выманиваю, выпрашиваю, граблю, захватываю, надуваю, отнимаю насильно, хапаю (!). Отдѣлъ приказаній содержалъ въ себѣ слѣдующій рядъ повелительныхъ наклоненій: бей, вяжи, держи, повали, отними, разбей, разорви, ударь, провались сквозь землю, отдай мнѣ свою дочь (!!), подай водки, дай это даромъ (!) умри!.. Въ предисловіи къ этой замѣчательной книгѣ авторъ скромно изъяснялъ свою радость о томъ, что „и нашъ *Сибирскій переводчикъ* можетъ принести пользу, какъ при постройкѣ сибирской жел. дороги, такъ и при очисткѣ прилегающихъ къ ней мѣстностей; въ сношеніяхъ съ инородцами при различныхъ обстоятельствахъ—и наша микроскопическая лепта тоже падаетъ въ сокровищницу Великой Сибирской дороги“... И мы увѣрены, что почтенный авторъ, къ сожалѣнію, срывшій затѣмъ-то свою фамилію, нимало не преувеличилъ значеніе своего труда: весь этотъ лексиконъ, какъ это нынѣ всѣмъ извѣстно, получилъ самое широкое распространеніе: враждебная воинствующему націонализму „человѣчность“ была въ очень значительной мѣрѣ устранена въ области сношеній съ китайцами и манджурами, а на ея мѣсто выступили внушительные термины, которые должны были выразить „силу русскаго имени“ и содѣйствовать его престижу. Национализмъ въ этомъ отношеніи создалъ свою теорію, согласно которой инородцы *любятъ*, чтобы ихъ били по зубамъ и уважаютъ только тѣхъ, кто умѣетъ бить покрѣпче. „Уваженіе азіата, это—страхъ“,—такова была эта несложная теорія, принятая всей націоналистской пресой за аксіому. Въ газетѣ „Сѣверный Курьеръ“ было какъ-то рассказано о замѣчательной фотографической группѣ, на которой инженеръ-строитель великаго восточнаго пути былъ снятъ со своими сподвижниками. У ногъ великихъ людей валялись головы китайцевъ. Газета въ то время потерпѣла за вторженіе въ „частную жизнь“ великаго человѣка административную кару. Аргументъ, въ своемъ родѣ тоже сильный... въ азіатскомъ вкусѣ. Публику онъ, конечно, не удовлетворилъ, но г-нъ инженеръ, по видимому, почувствовалъ себя вполне реабилитированнымъ: иного опроверженія этого газетнаго извѣстія мы не помнимъ. Въ „Рус-

скомъ Богатствъ“ (ноябрь 1899 г., II отд., стр. 194) былъ разсказанъ эпизодъ изъ дѣятельности г-на Юговича, въ которомъ этотъ инженерный носитель русской идеи (ждущій еще исторической оцѣнки отъ ближайшаго будущаго) — выступалъ въ роли сатрапа, выславшаго административно (!) одного изъ младшихъ инженеровъ, г. Ліапина, позволившаго себѣ заступиться за китайцевъ-рабочихъ („азіаты“, вѣроятно, не любятъ, чтобы заступались за ихъ права)...

Само собою разумѣется, что, когда „подготовительный періодъ“ кончился и пришло время подвести итоги „патріотической“ дѣятельности,—черты столь старательно взращеннаго націонализма выступили съ особенною силой. Многіе корреспонденты пытались указывать въ своихъ письмахъ на роль родной нагайки и при объясненіяхъ съ мирными китайцами, и при иныхъ „расплатахъ“ съ ними, но, конечно, эти сообщенія, особенно вначалѣ, зачеркивались военной цензурой. Очевидно, гг. корреспонденты не знали, какъ именно слѣдуетъ писать объ этомъ деликатномъ предметѣ—и брали не надлежащій тонъ. Секретъ нашель извѣстный плагиаторъ г. Гейнце, который отправился на войну, чтобы отдохнуть тамъ отъ тяжелыхъ трудовъ по списыванію для г. Комарова чужихъ историческихъ романовъ. „Ничуть не рисуясь,—писалъ онъ въ „Петерб. Газетѣ“, тотчасъ по пріѣздѣ на мѣсто,—могу сказать, что спокоенъ (sic) и бодръ“. Это и понятно: вредная человѣчность (гуманитаризмъ) мѣшаетъ человѣку быть радостно спокойнымъ среди потоковъ человѣческой крови, но „націонализмъ“, чуждый и даже „враждебный“ человѣчности, въ этомъ отношеніи укрѣпляетъ нервы. Бросивъ затѣмъ мимоходомъ грязную выходку противъ евреевъ-врачей и сообщивъ съ тѣмъ-же радостнымъ спокойствіемъ, что „русскій солдатъ можетъ безъ пищи и воды стоять и биться не только два дня, но и сколько прикажутъ“ *),—г. Гейнце съ полной беззаботностью сообщаетъ, какъ онъ лично расплачивался съ рикшами. Сначала,—признается онъ,—я испытывалъ чувство жалости къ двуногимъ конямъ. Но скоро,—это чувство прошло, и я спокойно сажу въ колясочкѣ, тѣмъ болѣе, что за одинъ конецъ надо платить рубль, да еще съ перспективой услышать: „мало, капитанъ, мало“. Но тутъ ужъ,—заканчиваетъ нашъ „списатель“,—„прибавка идетъ обыкновенно при краснорѣчивомъ участіи нагайки,—въ рукавъ ее имѣть здѣсь необходимо (sic!)—китайцы успокоиваются“... *)

Когда человѣкъ такъ радостно сообщаетъ свѣдѣніе о себѣ, то, конечно, никто не заподозритъ его въ „зломъ умыслѣ“, когда онъ описываетъ тѣ-же подвиги другихъ „во славу русскаго

*) „Петерб. Газ.“ Цит. изъ „Южн. Обзорѣнія“, 19 іюня 1904 г.

**) Ib. Цит. изъ „Нижег. Листка“, № 194, 1904 г.

имени". И г-нъ Гейнце въ теченіе нѣкотораго времени посылалъ въ „Петербург. Газету“ свои „письма гунна“ о разныхъ гуннскихъ подвигахъ, а „Петербургская Газета“ ихъ столь-же радостно печатала, доставляя, такимъ образомъ, непосредственный матеріалъ для бытовой исторіи этой ужасной войны...

Теперь другой корреспондентъ, В. И. Немировичъ-Данченко, вернулся на время съ Дальняго Востока и бесѣдуетъ о тѣхъ-же предметахъ въ „Русск. Словѣ“, разумѣется, уже въ другомъ тонѣ и съ другой точки зрѣнія, очень далекой отъ взглядовъ г-на Гейнце. По странной парадоксальности нашей русской жизни, г-ну Немировичу-Данченко пришлось удалиться на тысячи верстъ отъ мѣста дѣйствія, чтобы сообщить наиболѣе характерныя черты описываемаго явленія. Какъ-бы то ни было, о роли „нагайки“, какъ высшаго орудія въ обращеніи съ мирными жителями, онъ сообщаетъ свѣдѣнія очень краснорѣчивыя: „Мы всюду, — пишетъ онъ, — считаемъ нагайку какою-то универсальною панацеей. Пріѣзжаетъ офицеръ, ни слова не понимающій по китайски, въ деревню. Казакъ съ нимъ тоже иногда и по русски не умѣетъ: бурятъ. Давай допрашивать китайца, — какъ называется поселокъ. Манча ничего сообразить не можетъ, дупить раскосые глаза на капитана, улыбается изъ учтивости по мѣстному правилу, — а нашему кажется, что онъ надъ нимъ смѣется.

— „Ты мнѣ отвѣтишь, наконецъ, каналья?“ — Ну, и нагайка въ ходъ.

„Ищутъ гаюляна, теленка, яицъ. У манзы нѣтъ... „Прячь! И за деньги не продастъ!“ — И опять тотъ-же пріемъ“... „Я думаю, — заключаетъ это описаніе г-нъ Немировичъ-Данченко, — во всей Манчжуріи не осталось китайской спины, которую не по-лосовали-бы казацкія нагайки“ *).

Краснорѣчивое заключеніе... Многіе лѣтописцы войны отмѣчаютъ чрезвычайное добродушіе и незлобивость китайскаго населенія. Они мирно жили и работали въ поляхъ, когда къ нимъ пришли чужіе люди, считающіе себя въ правѣ топтать ихъ посѣвы, разрушать ихъ жилища и разговаривать съ ними при посредствѣ нагаекъ, только потому, что одна сторона не понимаетъ по-русски, а другая пользовалась для развѣдокъ „нужнѣйшими словами“ въ родѣ: дуть, душить, драть, повѣсить, разгромить и т. д. Несомнѣнно, что страхъ мирное населеніе должно было почувствовать сильный, но полезенъ ли былъ этотъ страхъ для развѣдокъ и движеній среди этого запуганнаго населенія, — это вопросъ, теперь уже, кажется, окончательно рѣшенный. При всей незлобivosti и кротости злополучныхъ манчжуръ, едва ли можно думать, чтобы они относились съ особенной любовью къ нашему знаменитому г-ну Гейнце, когда онъ „успокаивалъ“ ихъ нагай-

*) „Р. Слово“. Цит. изъ „Сибирскихъ Вѣд.“. 16 апр. 1905 г., № 94.

ками, или чтобы они особенно желали успѣха ему и другимъ, кто прибѣгалъ къ такому же средству. Въ этомъ многіе уже видятъ одну изъ причинъ признанной слабости нашей развѣдочной службы. Нѣтъ сомнѣнія, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, сочувствіе населенія было на той сторонѣ, которая обращалась съ нимъ мягче, и кто теперь сосчитаетъ, сколько русскихъ жизней, быть можетъ совершенно неповинныхъ, ушло на расплату за долго вѣдрявшееся націоналистское высокомеріе и презрѣніе къ чужой личности, человѣческому достоинству, вѣрѣ... Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что радостные жесты нагайки г-на Гейнце и ему подобныхъ „патріотовъ“, тоже прямо или косвенно стоили намъ нѣсколько солдатскихъ жизней. Вообще, кажется, что наша родная нагайка явилась недурной союзницей японцевъ въ горахъ и равнинахъ Манчжуріи, а воинствующій націонализмъ, для котораго она служитъ лучшей эмблемой, — ударилъ насъ съ двухъ сторонъ: онъ внушалъ намъ излишнюю самонадѣянность и ослѣпленіе и вооружилъ противъ насъ многихъ, прямо не замѣшанныхъ въ этой гибельной и ненужной войнѣ...

В. Н.

О вѣротерпимости, объ урядникѣ Заичкѣ и о крестьянинѣ Ольховикѣ. Эту замѣтку я пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ правительственнаго акта, провозглашающаго „облегченія“ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти русскаго народа. Я не имѣю въ виду оцѣнивать размѣры и внутреннюю стоимость этого акта, представляя это другимъ моимъ товарищамъ. Меня же онъ интересуетъ по одному совершенно частному мотиву. Именно я хотѣлъ бы угадать, какъ онъ отразится на взаимныхъ отношеніяхъ трехъ человѣкъ, мнѣ случайно извѣстныхъ. Эти люди—урядникъ Заичко, съ одной стороны, а съ другой—крестьянинъ села Рѣчки Иванъ Ольховикъ и его тестъ Николай Чернякъ, крестьянинъ села Павловки (оба села Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи).

Село Павловка нѣсколько лѣтъ назадъ получило широкую извѣстность, вслѣдствіе внезапной и неожиданной, среди кроткаго населенія, вспышки религіознаго фанатизма, закончившейся попыткой разрушенія православнаго храма. Когда-нибудь выяснятся обстоятельства, предшествовавшія этому событію и его сопровождавшія, а также та роль, какая должна быть отведена совершенно исключительнымъ притѣсненіямъ, какимъ подвергались сектанты села Павловки со стороны мѣстныхъ властей, притѣсненіемъ, доводившимъ ихъ до иступленія и полного отчаянія... За жестокой расправой со стороны мѣстнаго „церковнаго“ населенія послѣдовалъ арестъ и судъ. Судъ этотъ (предсѣдатель г. Чернявскій) когда-нибудь тоже займетъ мѣсто въ скорбной лѣтописи нашего суда на ряду, если не впереди процессовъ гомельскаго и кишиневскаго. Если сказать, что въ засѣданіе не были допущены

даже отцы и матери подсудимыхъ, — то это будетъ характеристика его „гласности“; а если прибавить, что приговоръ, составленный судьями, прежде объявленія сторонамъ, былъ отосланъ въ Петербургъ на чье-то предварительное, совершенно непредвидѣнное закономъ одобрѣніе, — то это будетъ характеризовать его „независимость“ и законность...

Какъ бы то ни было, судъ состоялся, и нѣсколько десятковъ крестьянъ понесли суровыя наказанія, въ томъ числѣ были и два брата Ивана Ольховика, изъ которыхъ одинъ высланъ въ Сибирь, а другой — скрылся. Судился также крестьянинъ села Павловки Николай Черныкъ, но былъ оправданъ и, какъ оправданный, получилъ „полную свободу“. Крестьянинъ же Иванъ Ольховикъ не судился вовсе. Но на свою бѣду онъ женатъ на родной дочери Черныка... Оправданные и не судившіеся павловцы, исповѣдующіе ту же вѣру, какъ ихъ осужденные братья, были водворены на мѣсто жительства и — попали подъ властную руку и непосредственный надзоръ урядника Заички.

И вотъ тутъ-то сложились тѣ отношенія, о которыхъ я упомянулъ, и которыя, полагаю, представляютъ нѣчто самобытно-отечественное, едва ли возможное гдѣ нибудь еще, кромѣ современной Россіи. Прежде всего — нѣкоторыя черты, такъ сказать, топографическаго характера: село Павловка очень большое село, растянутаеся на цѣлыхъ семь верстъ. Урядникъ Заичка живетъ въ одномъ концѣ этого села. Николай Черныкъ помѣщается на другомъ, значить разстояніе между ихъ домами около 7 верстъ. Что касается Ивана Ольховика, то онъ живетъ въ сосѣднемъ селѣ Рѣчкахъ, ближе къ тому концу, гдѣ стоитъ домъ его тестя, Черныка.

Совершенно естественно, что иной разъ Ивану Ольховику захочется повидаться съ тестемъ, Николаемъ Черныкомъ, и что для этого онъ соберется его навѣстить съ своей женой, а его дочерью. Повидимому, желаніе законное и для его осуществленія стоитъ только заперчь лошадь и отправиться... Но для сектантовъ села Павловки кѣмъ-то изъ мѣстныхъ законодателей, можетъ быть, земскимъ начальникомъ, а можетъ быть, становымъ приставомъ или даже самимъ урядникомъ Заичкой, — установлены на этотъ предметъ совершенно особыя „временныя правила“. Для того, чтобы посѣтить тестя, Иванъ Ольховикъ прежде всего долженъ отправиться къ г. уряднику и испросить его милостиваго разрѣшенія. Т. е., миновавъ гостепріимныя ворота тестя, Ольховикъ долженъ сдѣлать еще 7 верстъ (а взадъ и впередъ цѣлыхъ четырнадцать!). При этомъ урядникъ Заичко можетъ быть въ хорошемъ расположеніи духа и тогда онъ пуститъ Ольховика къ себѣ въ хату, гдѣ обыщетъ его (заставитъ даже снимать сапоги!), ощупаетъ его жену и ребенка и — позволить всѣмъ троицѣ отправиться къ тестю. Но это бываетъ рѣдко.

По большей части урядникъ Заичко на Ивана Ольховика сердить за его религіозныя заблужденія. Поэтому онъ его въ избу не пустить, а заставить дожидаться своей милости на дворѣ, иной разъ даже на морозѣ. Потомъ, оставивъ свою „компанію“, выйдетъ, обмытъ Ольховика, разстегнетъ полушубокъ его жены и даже раскроетъ лежащаго на рукахъ ребенка, а затѣмъ позволить женѣ съ ребенкомъ посѣтить отца, но накажетъ десятискимъ „ни въ коемъ разѣ“ не пускать къ Черняку самого Ольховика, дабы онъ съ тестемъ не составили немедленно тайнаго религіознаго сообщества и не произвели бунта. И если Ольховикъ захочетъ черезъ день или два прійхать за женой, то опять долженъ будетъ заѣхать прежде къ уряднику. И тотъ пошлетъ съ нимъ десятого, чтобы Ольховикъ не нарушилъ „закона“ и не переступилъ за ворота своего тестя.

Мѣстные жители рассказываютъ объ одномъ случаѣ, когда Иванъ Ольховикъ прійхалъ къ уряднику Заичкѣ, чтобы тотъ позволилъ ему сѣздить къ тестю съ лемехомъ (Николай Чернякъ—кузнецъ). Урядника не было, а десятскіе боялись допустить зятя къ тестю, опасаясь подпасть „всей силѣ“ дѣйствующихъ въ Павловкѣ урядническихъ законовъ. И бѣдный Ольховикъ рисковалъ остаться безъ лемеха въ разгаръ работы, если бы жена урядника не вступила своею властью въ истолкованіе закона. Совершенно по-женски она, повидимому, послушалась велѣнія сердца болѣе, чѣмъ мѣстнаго кодекса, и распорядилась пустить зятя къ тестю... Десятскіе послушались, и сила „закона“ была поправа...

Я ошибся въ началѣ этой замѣтки, сказавъ, что своеобразныя отношенія эти установились между тремя людьми. Область ихъ дѣйствія приходится значительно расширить: подъ такимъ режимомъ („прижимомъ“ по народному словопронизводству) жили *всѣ павловскіе сектанты* до проишествія и суда и живутъ теперь *всѣ оправданные и всѣ не судившіеся* ихъ единовѣрцы. Это называется „надзоромъ полиціи“ за ихъ благонадежностію; устанавливается этотъ надзоръ господами харьковскими губернаторами, регулируется гг. сумскими исправниками, совершенствуется господами становыми приставами и окончательный видъ получаетъ отъ вдохновенія урядника Заички, который составляетъ „протоколы“ о томъ, что зять, работая въ ближней экономіи, зашелъ „самовольно“ ночевать къ тестю...

Теперь представьте себѣ по возможности яснѣе, что подъ такимъ „режимомъ“ живутъ сотни людей въ теченіе полутора десятка лѣтъ, и скажите,—на какую фанатическую выходку не можете склонить ихъ глубокое отчаяніе и сознаніе своего безправія. И не кажется-ли вамъ, что судъ исполнилъ бы лучше свою миссію, если бы, не освидомляясь о томъ, какой приговоръ будетъ наиболѣе приятенъ г-ну оберъ-прокурору въ С.-Петербургѣ, — самъ

освѣтилъ эти ужасныя условія, это поправленіе всѣхъ законовъ, эту неслыханную тиранію нижняго полицейскаго чина надъ самыми интимными родственными отношеніями людей, никакимъ судомъ не осужденныхъ и не лишенныхъ правъ.

Но судъ думалъ не о правосудіи и не о законѣ, а о болѣе „политическихъ“ предметахъ, и теперь правительственный актъ, пытающійся установить нѣкоторыя начатки вѣротерпимости,—застаетъ павловцевъ вообще, а трехъ вышепоименованныхъ лицъ въ частности, все въ томъ же изумительномъ взаимномъ положеніи. И невольно является вопросъ: измѣнится ли теперь что-нибудь въ этихъ отношеніяхъ, или „вѣротерпимость“ останется „въ области духа“, а „надзоръ полиціи“ такъ и останется „надзоромъ“. И сотни урядниковъ на Руси будутъ по прежнему издавать для тысячей „заблудшихъ“ Ольховиковъ свои собственные законы, запрещающіе посѣщать родныхъ и знакомыхъ, будутъ грубо ощупывать ихъ женъ и дѣтей и вмѣшиваться въ каждый шагъ ихъ частной жизни?.. И все это затѣмъ, чтобы они какъ-нибудь вдвоемъ или втроемъ не задумали читать евангеліе?

Вопросъ интересный. Специально по отношенію къ Ивану Ольховику и уряднику Занчкѣ выяснить его, вѣроятно, будетъ не очень трудно. А какъ устроится вообще „принципы“ вѣротерпимости на ряду съ принципами „надзора“, и съ мѣстнымъ законодательствомъ г. губернаторовъ, и съ усовершенствованіями этого законодательства со стороны г. приставовъ, и съ законодательнымъ вдохновеніемъ урядниковъ, — на это отвѣтитъ вскорѣ сама наша многострадальная русская жизнь...

Вл. Короленко.

Образчикъ губернаторскаго краснорѣчія. Извѣстно, что каждая эпоха рождаетъ своихъ героевъ: война—храбрыхъ полководцевъ, мирное время—мудрыхъ правителей, переживаемая нами эпоха внутренней „смути“ породила цѣлую плеяду патріотовъ-ораторовъ, краснорѣчивымъ словомъ вносящихъ свѣтъ въ смущенные умы обывателей. Съ однимъ изъ характерныхъ образчиковъ такого патріотическаго краснорѣчія мы и намѣрены познакомить читателей въ настоящей замѣткѣ. Мы имѣемъ въ виду слово, произнесенное уральскимъ губернаторомъ генераломъ Ставровскимъ по случаю открытія въ Уральскѣ отдѣленія Оренбургскаго Михаило-Архангельскаго братства и воспронесенное въ № 29 мѣстной газеты „Уралецъ“. Программа занятій братства, по словамъ Ставровскаго, „устройство бесѣдъ о вѣрѣ и о божественномъ“. Первая „бесѣда“, которую предложилъ г. губернаторъ собравшемуся въ числѣ до 1000 чел. народу (присутствовали, главнымъ образомъ, слушатели изъ простонародья, казачества, но были и представители средняго класса), имѣла, однако, своимъ предметомъ не столько „вѣру и божественное“, сколько войну съ Японіей и ея

причины, Толстого и Горькаго, „пасквильныя книжки съ картинками“, забастовку въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и средства къ ея устраненію, періодическую печать, свойства русскаго народа, условія существованія нашихъ солдатъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, цензурныя дѣйствія и мѣропріятія самого оратора, обѣщаніе возмездія газетнымъ писателямъ по окончаніи войны, недостатки нашей школы, „любовь нѣкоторыхъ священниковъ къ грошу своему“ (которая „стала подрывать довѣріе къ духовенству“, но „священникъ человѣкъ, ему простить надо и человѣческія слабости“), описаніе чуда и многое другое. Во всемъ этомъ пестромъ разнообразіи темъ, затронутыхъ въ губернаторской бесѣдѣ, выступали впередъ два, такъ сказать, лейтмотива: это — оригинальность исконныхъ свойствъ, заложенныхъ въ природу русскаго человѣка и.. зловредность газетчиковъ. Какъ видимъ, мотивы не новые, но узоры на нихъ вышиты любопытные. Вотъ какъ, напр., разрѣшается ораторомъ вопросъ о причинахъ войны съ Японіей. Читатель, навѣрное, думаетъ, что войну вызвало стремленіе Россіи къ берегамъ Тихаго океана, желаніе имѣть не замерзающій портъ, колонизаціонные интересы Японіи въ Манчжуріи и Корей въ связи съ ея перенаселенностью и т. п. Ничуть не бывало! Причина войны въ томъ, что Россія „могущественна и сильна, и это мѣшаетъ ея врагамъ“. Почему это мѣшаетъ „ея врагамъ“ — не совсѣмъ ясно; повидимому, потому, что это могущество препятствуетъ имъ уподобить себя Россіи. „На Западѣ—поясняетъ своимъ слушателямъ генералъ Ставровскій—300 лѣтъ ведутся всякіе раздоры, войны для того, чтобы перейти въ то состояніе, которое называется „революціей“, чтобы сдѣлать сына родины хорошимъ человѣкомъ, но не братомъ (?). И вездѣ съ успѣхомъ этого достигли—и во Франціи, и въ Австріи, и въ Германіи. Но вдругъ наткнулись на Россію, которую считаютъ необразованной и невѣжественной, на русскій народъ, который не поддавался этому „просвѣщенію“. Русскому человѣку, надо думать, не свойственно „дѣлать сына родины хорошимъ человѣкомъ“; но не только въ этомъ разниа между нимъ и западными его сосѣдями, ибо „на Западѣ и язычники добиваются земного рая, т. е. жить зажиточно и дѣлать все, что вздумается. А здѣсь... провозглашаютъ другое царство, не земное, а небесное“. „О крѣпость и стойкость русскаго благочестиваго человѣка разбивались до сихъ поръ всѣ напасти“, и такъ дѣло продолжалось бы во вѣки, если бы не „всякіе толкователи и газетчики“, подъ влияніемъ которыхъ „царство небесное стали забывать, сознаніе народа стало убывать, явилось заманчивое царство земное“. „Подмѣтилъ это язычникъ... и неожиданно напалъ на нашъ флотъ, объявилъ намъ войну, къ которой десять лѣтъ готовился. А тутъ пошли разныя толкованія: „да для чего войска нужны, да затѣмъ война, да лучше бы эти денежки туда бы да туда бы“.

И намъ приходится считаться съ язычникомъ, съ его желаніемъ добиться себя рая земного“. Обличивъ такимъ образомъ газетчиковъ и установивъ ихъ виновность въ ослабленіи народной стойкости, которымъ воспользовались для нечаяннаго нападенія враги, ораторъ съ негодованіемъ отмѣчаетъ затѣмъ умаленіе въ народѣ народной гордости. Генералъ поминаетъ время своего дѣтства, „когда „я—русскій“ произносилъ съ гордостью. А теперь мы хотимъ быть всѣмъ, только не русскимъ. Значитъ, перестали гордиться собой“. Гдѣ же причина столь прискорбному явленію? Кто въ этомъ повиненъ?—Тверскіе учителя, Толстой и Горькій,—отвѣчаетъ генералъ Ставровский. „Начали насъ просвѣщать. Въ тверскомъ земствѣ учителя вынесли образа и стали читать стихи разные и сочиненія Толстого. А вы знаете, кто такой Толстой? На Западѣ, въ Европѣ считаютъ его русскимъ апостоломъ. Мы думали, что апостоловъ всего 12, а нашелся, оказывается, еще одинъ. Такъ вотъ этотъ Толстой и говоритъ: „нѣтъ Іисуса Христа и Матери Божьей, все это—вздоръ!“ И вы ему начали вѣрить! Явился еще одинъ молодецъ—Горькій. Этотъ сталъ писать такіа мерзости, вынесъ и показалъ намъ такіа гадости, что всякій мало-мальски благовоспитанный человѣкъ безусловно отвернется отъ его писаній и скажетъ: „фу, какое безобразіе!“ А вы ходите въ театръ, смотрите его вещи, аплодируете имъ“.

Упрекнувъ далѣе слушателей въ томъ, что „ни у одного изъ нихъ нѣтъ евангелія въ домѣ, а пасквильныя книжки съ картинками есть“, и высказавъ мысль, что „споры о священныхъ вещахъ всегда полезны“, губернаторъ считаетъ нужнымъ предостеречь слушателей отъ чтенія какихъ бы то ни было трактатовъ по богословію и религіознымъ вопросамъ. „Читайте по божественнымъ вопросамъ только одно евангеліе, бросьте всякія книжки, касающіяся божественнаго. Все это—произведеніе и изобрѣтеніе человѣка, а евангеліе—написано духомъ святымъ“. Какимъ образомъ этотъ совѣтъ—бросить всякія богословскія книжки—согласуется съ утвержденіемъ о полезности споровъ о священныхъ вещахъ—это тайна оратора, которую мы и не будемъ пытаться проникнуть.

Латинскимъ агентствомъ пущена въ обращеніе клевета, объясняющая рабочее движеніе вражескою интригою. Уральскій губернаторъ находитъ возможнымъ дать столь же „латинское“ объясненіе возникновенію студенческихъ забастовокъ. „Наши молодые люди въ учебныхъ заведеніяхъ ничѣмъ не занимаются и даже книжекъ не читаютъ, а по улицамъ ходятъ. Это оттого, что русское направленіе въ школахъ отошло, потому что вмѣшались въ нашу жизнь враги наши“. Установивъ этиологическій моментъ болѣзни, ораторъ указываетъ и средство: „Прежде хорошее было средство: попороть. Но теперь, видите ли—продолжаетъ генералъ съ горькой ироніей—это не въ модѣ, считается

незаконнымъ, несвоевременнымъ. Вызываются войска. Потому что нарушается государственный порядокъ... А ваши газетчики начинаютъ подхватывать, расписывать"... Затѣмъ идетъ цитата изъ „лучшей газеты“, изъ *Новаго Времени*, отрицающая достоверность изображенія январьскихъ событій въ заграничной прессѣ, и слѣдующая изумительная тирада: „Значить, лгали? А зачѣмъ? Да все для того, чтобы поколебать умъ вашъ, вашу совѣсть. Я знаю, русскій человѣкъ—самый совѣстливый человѣкъ. Попробуй обойтись съ нимъ по совѣсти—не одѣлаетъ ничего дурного; по закону—всегда захочетъ обойти законъ“.

Если въ обществѣ говорятъ о претерпѣваемыхъ нашими солдатами на театрѣ военныхъ дѣйствій лишеніяхъ, то опять—таки въ этомъ виноваты газеты. „Подхватятъ газеты письмо одного какого-нибудь сквернаго солдата. *Есть мерзавцевъ довольно среди нихъ* *): я самъ командовалъ полкомъ и знаю, что десять дураковъ всегда найдется. Вотъ въ той же газетѣ Меншиковъ одинъ подхватилъ письмо солдата, который писалъ: „мы плохо одѣты, плохо обуты, мы голодаемъ, мы болѣемъ“, и пошелъ расписывать. Ты идешь на охоту на два, на три дня. Что же, думаешь, съ такими же удобствами будешь жить и спать? А тамъ вѣдь, братцы, 500.000 человѣкъ. *Надо кому-нибудь и поголодать (!), и поболѣть.* Даю слово, *солдатъ нашъ, какъ сыръ въ масле катается.* Ему и сытно, и тепло, и дѣла нѣтъ, а начальство обо всемъ для него позаботится. Вернется домой—скучать будетъ по войнѣ, скажетъ: „давай другую войну такую“. *А если убьютъ его или ранятъ, такъ онъ вернется домой (!) героемъ, и орденъ ему дадутъ“.*

Но хотя на войнѣ такъ хорошо и беззаботно живетъ солдатъ, тѣмъ не менѣе „газеты пишутъ про всякія лишенія, невзгоды“. Впрочемъ, не всѣ: „и у насъ (въ Уральскѣ?) пишутъ, только не все мы позволяемъ. Вотъ недавно не позволили про генерала Куропаткина напечатать. Пишутъ, что онъ такой-то и этакій-то. *Оно и можно было бы, пожалуй, пропустить, да обидно за казаковъ нашихъ.* Вѣдь онъ—нашъ же казакъ, его любить у насъ, почитаютъ. А вѣдь тутъ хотятъ пошатнуть любовь къ человѣку. Ну, и не пропустили“. Неужели цензурный уставъ налагаетъ на цензора обязанность наблюдать и принимать мѣры, чтобы „не шатали любви къ человѣку“? Признаемся, мы не знали этого до сихъ поръ; или, быть можетъ, предъ нами случай, когда „истинно“ русскій человѣкъ дѣйствуетъ не столько „по закону“, сколько „по совѣсти“?

„Остерегитесь вѣрить всему тому, что вамъ газетчики разные преподносятъ, — восклицаетъ далѣе нашъ ораторъ. Вѣрьте, по окончаніи войны воздадутъ каждому по дѣламъ его“.

*) Курсивъ вездѣ нашъ. А. З.

Къ сожалѣнію, онъ не поясняетъ этой фразы, но по контексту, повидимому, слѣдуетъ ее толковать въ томъ смыслѣ, что воинствующие „патріоты“ рассчитываютъ по окончаніи войны, при помощи побѣдоносныхъ войскъ, учинить „страшный судъ“ надъ „крамолой“ и въ первую голову, конечно, — надъ газетчиками. Черезъ два слова генералъ опять возвращается къ газетчикамъ: „Имѣйте довѣріе къ начальству, не закрывайте своего сердца, не вѣрьте газетамъ. Хорошаго не печатаютъ въ нихъ, а выбираютъ все дурное, все скверное!“ Неужели въ самомъ дѣлѣ ничего хорошаго? Вѣдь если бы стать на точку зрѣнія оратора и бойкотировать всѣ газеты, то откуда бы мы познакомились съ его замѣчательной рѣчью? А теперь, благодаря газетѣ „Уральецъ“, думы уральскаго губернатора станутъ широко извѣстны. Впрочемъ, намъ приходитъ парадоксальная мысль: а что, если обнародованіе „Уральцемъ“ рѣчи еще болѣе утвердило генерала Ставровскаго въ мнѣніи о вредѣ временной печати?

Натравливаніе народа на интеллигенцію, учащуюся молодежь, печать—все это, къ сожалѣнію, уже не новость. Съ этой стороны рѣчь генерала Ставровскаго ничѣмъ не отличается отъ многочисленныхъ въ послѣднее время произведеній, украшающихъ страницы органовъ такъ называемой охранительной печати. И если бы она появилась въ какомъ-либо изъ этихъ органовъ, за подписью, напр., дворянина Павлова, — мы не стали бы совсѣмъ занимать ею вниманіе нашихъ читателей. Но г. Ставровскій вѣдь не простой „доброволецъ“—патріотъ. Это человѣкъ, облеченный правительственнымъ авторитетомъ и значительною властью. Это придаетъ его ораторскимъ упражненіямъ особенное значеніе. Мы имѣемъ предъ собою яркій образчикъ для характеристики той „официальной смуты“, которую такъ больно приходится чувствовать русскому обывателю.

A. Z.

Письмо отъ Генриха Гейне съ того свѣта къ Гейне изъ Тамбова. (Доставлено адресатомъ въ редакцію „Русскаго Богатства“).

Geehrter Herr! Лѣтъ пятьдесятъ назадъ,
 Ко мнѣ съ земли пришло извѣстие въ адъ,
 (Гдѣ за грѣхи противъ цензуры
 Я заточенъ навѣкъ), что въ русской сторонѣ,
 Въ рядахъ ея литературы
 Явился тѣзка мнѣ—
 Но съ прибавленіемъ невѣдомаго слова:
 Не просто Гейне онъ, а Гейне „изъ Тамбова“.
 Изъ мѣстностей Россіи до тѣхъ поръ,
 Во всей ея длинѣ и шири,

Я слышала только о Сибири
 Отъ вашихъ земляковъ, которыхъ подъ надворъ
 Полиціи чертей оттуда послѣ смерти
 Нерѣдко шлютъ, (не вѣдая, что черти,
 Такіе-жъ грѣшники, и любятъ ихъ, и чтутъ);
 Но о Тамбовѣ ни малѣйшаго понятія
 Я не имѣла. И русскіе собраты
 Мнѣ объяснили только тутъ,
 Что Stadt Тамбовъ „на картѣ генеральной
 Кружкомъ обозначается всегда“;
 Что жизнью онъ живетъ патриархальной;
 Что главный интересъ въ немъ—выпивка, ѣда
 И пульки въ преферансъ; что дамы и дѣвицы
 Въ дѣлахъ амурныхъ всѣ большія мастерицы;
 Что, словомъ, ничего позорнаго въ немъ нѣтъ...
 И, выслушавъ такія объясненія,
 Я успокоился...

Но вотъ я изъ газетъ
 Недавно узнаю (мы здѣсь для развлеченья
 Выписываемъ ихъ), что всколыхнулось вдругъ,
 Наслушавшись рѣчей такого „патріота“,
 Какъ Карлъ-Амалия фонъ Грингмутъ (вѣрный другъ
 Вольфганга Менцеля *), тамбовское болото;
 Что поднялся тамъ лай и вой,
 Повылѣзла, какъ псы изъ подворотни,
 Какая-то порода „черной сотни“,
 Построилась въ порядокъ боевой,
 И ребросокрушительныя длани
 Пошли гулять по „либеральной дряни“,
 Проникшей, къ ужасу „отечества сыновъ“,
 О, горе! даже въ ихъ Тамбовъ.
 Geehrter Herr! Конечно, вамъ понятно,
 Что мнѣ весьма прискорбно, непріятно
 И оскорбительно, чтобъ съ именемъ моимъ
 Вы (хоть и слышала я, что это—псевдонимъ),
 Соединяли впредъ отнынѣ
 Названіе „Тамбовъ“. И по такой
 Резонной, думаю, причинѣ,
 Покорно васъ прошу, почтенный тѣзка мой,
 Немедля съ вашею прибавкою разстаться,
 Иль перестать совсѣмъ именоваться
 Какъ я. Зовитесь вы, какъ вздумается вамъ—
 Зовитесь Грингмутомъ, Мещерскимъ, Комаровымъ;

*) Извѣстный доносчикъ на „Молодую Германію“ въ 30-хъ годахъ.

Прим. переводчика.

Но Гейне слитаго съ Тамбовомъ
 Не допущу. Когда-жъ моимъ словамъ
 Вы не окажете вниманья,
 То не прогнѣвайтесь: у насъ, mein Herr, въ аду
 Есть адвокатскія большія дарованія,
 И я немедленно васъ привлеку къ суду.
 Генрихъ Гейне (изъ Дюссельдорфа на Рейнѣ).

Н. Н. Дурново просить насъ сообщить, что онъ „никогда не состоялъ въ числѣ сотрудниковъ „Московскихъ Вѣдомостей“ *) и членомъ нынѣшняго Славянскаго общества, дѣятельности котораго онъ никогда не сочувствовалъ. До 1878 г. онъ состоялъ секретаремъ „Московского Славянскаго благотворительнаго общества“, когда председателемъ его былъ И. С. Аксаковъ. Общество это закрыто въ юлѣ того же года, по высочайшему повелѣнію. Нынѣшнее же Славянское „Вспомогательное“ общество ничего общаго не имѣетъ съ прежнимъ обществомъ, въ которомъ дѣйствовали люди и идеи, но не покупатели и торговцы орденовъ“. Охотно даемъ мѣсто этому заявленію и извиняемся въ досадной ошибкѣ, подавшей къ нему поводъ.

Редакція.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ Николая Константиновича Михайловскаго поступило:

Отъ NN, изъ ст. Усть-Иля — 6 р., С. Синегуба,
 изъ Томска — 6 р. 40 к.

Итого . . . 12 р. 40 к.

А всего съ прежде поступившими 2.683 р. 44 к.

На устройство народной школы имени Николая Константиновича Михайловскаго:

Отъ А. Ончукова, изъ Вильны — 1 р., группы
 служащихъ Государственнаго Контроля Ю.-
 З. ж. д., изъ Кіева — 9 р. 30 к., фельдше-
 рицы-акушерки Я. М. Достойновой, изъ
 Серпухова — 3 р., священника Петрова, изъ
 Н.-Ломова — 1 р., служащихъ отдѣленія

*) См. „Русское Богатство“ 1905 г., № 3, стр. 201, отдѣлъ „Случайныя замѣтки“.

Русско-Китайскаго банка, изъ Николаева на
Амуръ — 70 р.

Итого . . .	81 р. 30 к.
А всего съ прежде поступившими	403 р. 30 к.

На изданіе сборника въ память 25-лѣтія со дня смерти „великаго
цѣвца народа-раба“, Н. А. Некрасова:

Отъ учителя М. Діденко, изъ Балашова — 50 к. .

Итого . . .	— р. 50 к
А всего съ прежде поступившими	10 р. 20 к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. Л. Н. Толстого:

Изъ с. Никольскаго, отъ учительницы — 2 р., пче-
ловода—1 р., фельдшерницы — 3 р., фельд-
акуш. Я. М. Достойновой, изъ Серпухова—
3 р., группы служащихъ Государственнаго
Контроля Ю.-З. ж. д., изъ Кіева—3 р. 70 к.

Итого . . .	12 р. 70 к.
А всего съ прежде поступившими	179 р. 70 к.

На образованіе фонда для учрежденія при Гнѣдинскомъ ремеслен.
училищѣ стипендіи имени Н. А. Карышева:

Отъ Н. Бибина, изъ с. Покровскаго — 2 р. . . .

Итого . . .	2 р. — к.
-------------	-----------

На памятникъ денабристамъ:

Отъ врача Ю. Шиманскаго, изъ Иркутска — 3 р.,
сестры милосердія Е. Горченковой — 50 к.

Итого . . .	3 р. 50 к.
-------------	------------

Въ пользу семей рабочихъ, убитыхъ и раненыхъ въ Петербургѣ
9 января:

Отъ 38 лицъ, изъ Якутска, черезъ г. Гороновича—
244 р., черезъ него же — 50 р., гражданъ г.
Керчи, черезъ О. М. Хвостову — 75 р., г.
Емельянченко, черезъ „Южный Курьеръ“—
26 р., отъ И. Ф. Суворова, изъ Керчи—38 р.,
рабочихъ, изъ Екатеринослава (на вѣнокъ)—
45 р., врача Аккермана, изъ Александровска
на о. Сахалинѣ — 56 р., нѣсколькихъ лицъ,
изъ Иркутска — 52 р., общаго собранія
кружка любителей драматич. искусства, изъ

Бугульмы — 40 р., собранные по подпискѣ, изъ Бугульмы, черезъ врача В. Москалева — 29 р., разныхъ лицъ, черезъ „Черноморское Побережье“ — 70 р. 70 к., учителя с. Архипоосиповскаго, черезъ „Черноморское Побережье“ — 2 р. 25 к., разныхъ лицъ, черезъ Н. И. Карѣва — 30 р., черезъ редакцію „Амурскаго Края“ — 250 р., разныхъ лицъ, изъ м. Тюменевки — 10 р., Л. К. — 100 р., служащихъ отдѣленія Русско-Китайскаго банка, изъ Николаева на Амурѣ — 100 р., редакціи „Амурской Газеты“, изъ Благовѣщенска — 241 р. 50 к., г. Волкова, изъ Рыбинска — 5 р., неизвѣстныхъ, изъ Мелитополя — 4 р., И. С. Воробьевой, изъ Ялты — 10 р., Амурцевъ, С.-ПБургъ — 150 р., Е. Я. Меринга, изъ Церковныхъ Убей — 20 р., врача Л. И. Сергіевскаго — 25 р.

Итого . . . 1.673 р. 45 к.

А всего съ прежде поступившими 3.578 р. 23 к.

Въ пользу семей убитыхъ и раненыхъ въ этомъ году въ Западномъ краѣ:

Отъ фельд.-акушер. Я. М. Достойновой, изъ Серпухова — 4 р.

Итого . . . 4 р. — к.

Деньги эти употреблены согласно волѣ жертвовательницы.

На образование фонда политическаго просвѣщенія народа:

Отъ г. Пигулевскаго, изъ Венева — 10 р., земскихъ врачей Масловской и Маркова, изъ с. Боровки — 10 р., г. Зельвина, изъ Коскова — 1 р., изъ Васильева: отъ В. Л. Перовскаго — 5 р., А. И. Перовской — 5 р., Н. В. Перовскаго — 5 р., В. Д. Кржижевскаго — 5 р., Н. Б. Добраго — 5 р., М. И. Бредисъ — 5 р.; Д. Голуба, изъ Буцныи — 10 р., К. Ѳ. Грачева, изъ Бѣжицы — 3 р.

Итого . . . 64 р. — к.

Суммы неизвѣстнаго назначенія:

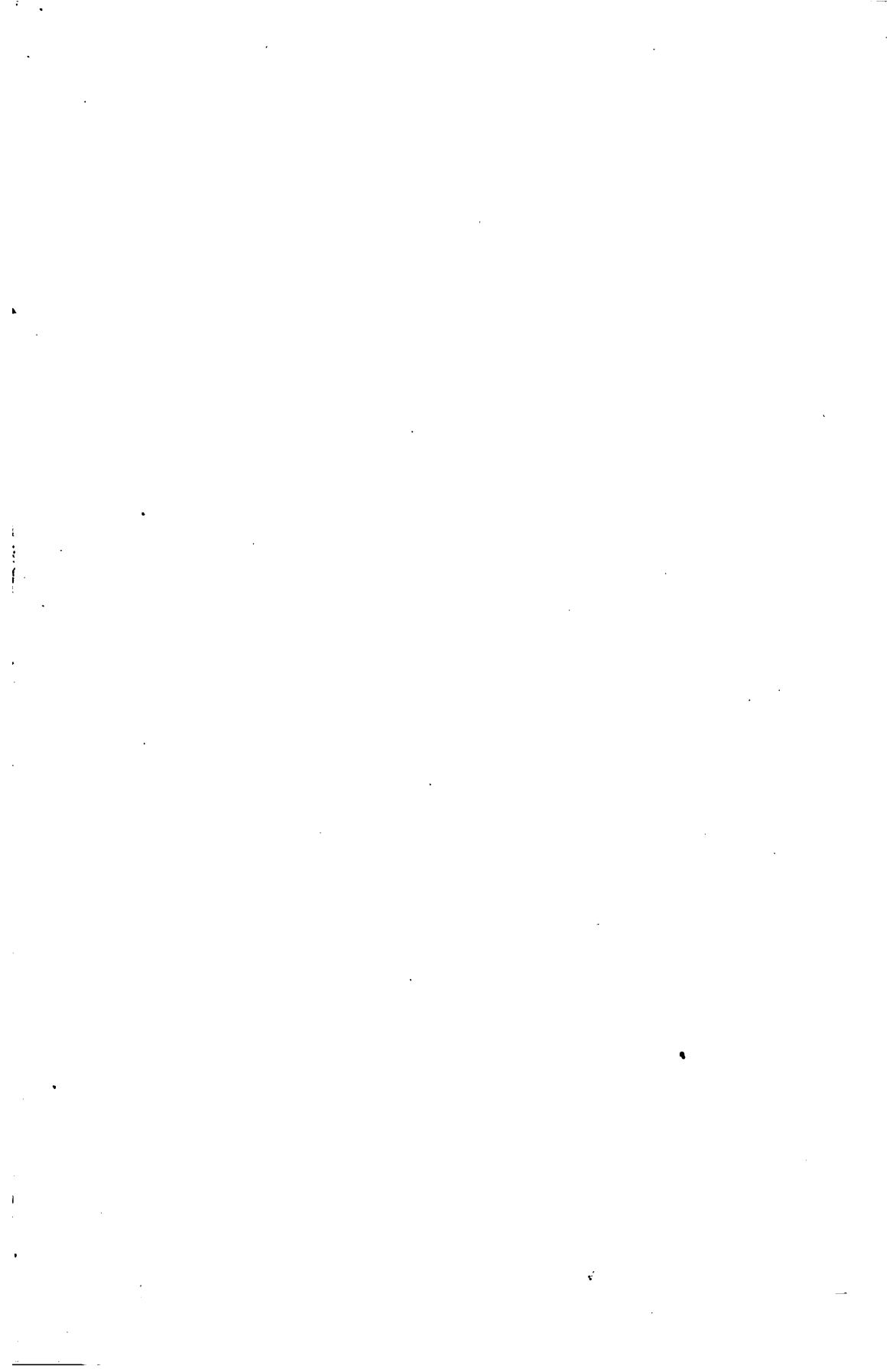
Отъ г. Рейнгарда, изъ Орла — 92 р. 70 к., Об-ва потребителей служащихъ Сызр.-Вяз. ж. д., изъ Калуги — 30 р. 70 к., А. И. Соболева, изъ Керчи — 143 р. 10 к., черезъ редакцію „Амурской Газеты“ — 204 р. 15 к.

Итого . . . 470 р. 65 к.

Контора редакціи покорнѣйше проситъ означенныхъ лицъ и учрежденія сообщить о назначеніи присланныхъ денегъ.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Королетто.*

Дозв. ценз. Спб., 30 апр. 1905 г. Типогр. Н. Н. Клобукова, Лиговка, № 34

880

141
21
101

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

WIDENER
MAY 19 1999
CANCELLED